ИСТОРИЯ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

II

ЎзССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИНИНГ ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ ҲАМ
СССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИНИНГ ТАРИХ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚЛАРИНИНГ ТАРИХИ

2 ТОМ

ШАЙБОНИЛАР ДАВЛАТИНИНГ ТАШКИЛ БЎЛИШИДАН
ОКТЯБРЬ СОЦИАЛИСТИК РЕВОЛЮЦИЯСИГА ҚАДАР

СССР фанлар Акад. коррес. а'зоси, ЎзССРда
хизмат кўрсатган фан арбоби С. В. Бахрушин
ҳам тарих фанлари кандидатлари
В. Я. Непомнин ва В. А. Шишкин
ТАҲРИРИ ОСТИДА

ЎзССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ — 1947

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИСТОРИЯ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

ТОМ
2

ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА ШЕЙБАНИДОВ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
чл.-корр. АН СССР, заслуж. деятеля науки
УзССР С. В. Бахрушина и кандидатов
исторических наук В. Я. Непомнина и
В. А. Шишкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УзССР
ТАШКЕНТ — 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга представляет собой второй том „Истории народов Узбекистана", составленный Институтом истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР при участии Института истории Академии Наук СССР. Цель этого коллективного труда — восполнить пробел, существующий в исторической литературе, и дать пособие студентам и аспирантам вузов и научным работникам, занимающимся вопросами истории народов Узбекистана.

Второй том охватывает период с конца XV в. до начала XX в., включая историю образования узбекского государства Шейбани-хана, историю феодальных узбекских ханств с XVI до середины XIX в., завоевание Узбекистана русским царизмом, присоединение его к Российской империи и колониальный период истории Узбекистана до буржуазно-демократической революции 1917 года включительно.

Второй том, в большей своей части, написан по первоисточникам, в значительной мере неопубликованным, поэтому как первый опыт такого сводного труда, конечно, не может быть свободен от неизбежных недостатков; не все исторические проблемы, связанные с социально-экономической, политической и культурной жизнью населения Узбекистана в рассматриваемый период, могли быть подробно освещены и разработаны. Во многих случаях в руках авторов находился недостаточный материал. По многим вопросам в дальнейшем потребуются сложные и длительные изыскания и исследования. Несмотря на большую редакционную работу, проделанную над теми главами, которые представили авторы, редакции не удалось добиться полного методического и стилистического единства.

Все работы по составлению тома и обсуждению отдельных его частей, глав и разделов на собраниях авторского коллектива проведены под руководством члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки УзССР С. В. Бахрушина. Общая редакционная работа выполнена С. В. Бахрушиным и кандидатами исторических наук В. Я. Непомнящим и В. А. Шишкиным. В редактировании третьей части тома приняли участие кандидат исторических наук К. Е. Житов и С. С. Черник.

Первая часть (история феодальных узбекских ханств с конца XV в. до середины XIX в.) написана членом-корреспондентом АН УзССР А. А. Семеновым. При оформлении текста этой части были использованы неизданные статьи покойного проф. П. П. Иванова, составленные им для „Истории СССР", издающейся Академией Наук СССР, и дополнения, написанные В. А. Шишкиным (история Хорезма) и С. В. Бахрушиным (политический строй и социально-экономическое состояние среднеазиатских ханств в XVI—XIX вв.). Параграф, посвя-

щенный сношениям среднеазиатских ханств с Московским государством в XVII в., и очерк истории каракалпаков с XVI в. до середины XIX в. составлены С. В. Бахрушиным; разделы по истории литературы XVI—XIX вв.—членом-корреспондентом АН УзССР А. К. Боровковым, по искусству—В. А. Шишкиным.

Во второй части тома — история завоевания Узбекистана царизмом написана покойными академиками Ю. В. Готье и В. И. Пичетой с участием научных сотрудников К. А. Антоновой и Н. М. Гольдберга. При составлении этой части были использованы также неизданные материалы на узбекском языке, сообщенные старшим научным сотрудником Института истории АН УзССР З. Ш. Раджабовым, и неизданная диссертация Х. Ш. Иноятова, посвященная восстанию Пулат-хана.

История колониального периода составлена следующими авторами: глава о социально-экономических отношениях — проф. Е. В. Бунаковым (с дополнением О. А. Сухаревой о ремеслах); о русской колонизации—С. В. Бахрушиным с участием В. А. Шишкина (искусство) и проф. Т. И. Райнова (наука); о культуре и быте народов Узбекистана—Ш. И. Иногамовым и коллективом научных сотрудников этнографического отдела Института истории и археологии АН УзССР А. К. Писарчик, В. Г. Мошковой, О. А. Сухаревой; раздел о литературе—А. К. Боровковым с участием писателя Р. Уйгуна; об искусстве—В. А. Шишкиным; о школе—С. В. Бахрушиным на основании монографии по истории школы в Узбекистане Сербова (подготовленной к печати под редакцией Н. П. Архангельского).

Главы о массовых национальных и революционных движениях и революции 1905 г. написаны М. В. Нечкиной по материалам Н. Ф. Симонова и З. Ш. Раджабова (джадидизм); глава об Узбекистане в период с 1907 по 1914 гг.—проф. И. И. Полосиным с участием З. Ш. Раджабова (джадидизм); глава „Бухара и Хива под царским протекторатом"—А. А. Семеновым при участии З. Ш. Раджабова (раздел о деятельности Ахмади-Калла). При составлении второй части тома были использованы также материалы, собранные Н. Ф. Симоновым и Ф. И. Рубинштейн.

Третья часть тома (Узбекистан в период первой мировой войны и второй буржуазно-демократической революции 1917 г.) написана действительным членом АН УзССР, доктором исторических наук И. К. Додоновым.

Перед сдачей в печать рукопись подверглась рецензированию проф. С. П. Толстова и члена-корреспондента Академии Наук СССР Н. М. Дружинина. Ценные замечания рецензентов были учтены редакцией.

Библиографический указатель составлен О. В. Масловой, хронологический—Г. Н. Чабровым, именной и терминов—Н. Б. Байковой.

Над научно-техническим и литературным оформлением тома работали Н. Б. Байкова Е. И. Новикова и Н. М. Гольдберг.

ЧАСТЬ
1

ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА С XVI в. ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

История среднеазиатских ханств с XVI в. до середины XIX в. является одним из наименее разработанных разделов истории народов Узбекистана. В дореволюционной историографии Средней Азии данному периоду уделялось относительно мало места, так как исследователи истории Средней Азии сосредоточили свое внимание почти исключительно на изучении более ранних периодов, до Тимура и тимуридов включительно. В советское время появился ряд ценных исследований, но достаточно подробного и систематического обзора истории среднеазиатских ханств XVI—XIX вв., который был бы основан на первоисточниках, до сего времени не имеется.

Написать историю их на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса остается, таким образом, задачей нашего времени.

Источники. Источники по истории народов Узбекистана в XVI—XIX вв. многочисленны и разнообразны. В их числе имеются составленные современниками хроники событий, жизнеописания выдающихся дервишских шейхов, произведения художественной, религиозно-философской и богословской литературы. Весьма значительны дошедшие до нас фонды различных документов: жалованных грамот, вакуфных завещаний, документов о продаже имущества, ривоятов—заключений законоведов по судебным процессам и т. п. Подавляющая масса этих источников до сих пор еще критически не изучена, не издана и не переведена на европейские языки. Крайне важными для историка являются также показания многочисленных европейских, в том числе русских, путешественников, так или иначе попадавших в труднодоступную в то время страну. Среди них были посланники, торговые агенты, пленники, захваченные казахами или башкирами на окраинах русских владений, и любознательные исследователи.

Необходимая для исторического исследования работа по критическому изданию и переводу источников выполнена пока еще в совершенно недостаточной степени; кроме того, даже то, что в этом направлении было сделано, в значительной части устарело и требует серьезного пересмотра. Это относится в полной мере как к повествовательным, так называемым „нарративным" источникам, так в еще большей степени к документальным актовым материалам.

Большая часть иногда очень важных и капитальных произведений, относящихся к истории узбекских государств Средней Азии, остается в рукописях, нередко уникальных, дошедших до нас в единственном экземпляре. Многие из них не только не изучены, но не подвергались даже и предварительному описанию. Значительная часть этого богатейшего фонда рукописных источников хранится в Инсти-

туте по изучению восточных рукописей Академии Наук УзССР. Много рукописей рассеяно по библиотекам Советского Союза, Западной Европы и Америки. Здесь будут отмечены только наиболее важные труды, преимущественно те, которые были использованы при составлении второго тома „Истории народов Узбекистана".

Для истории образования узбекского племенного союза имеет значение „Тарихи-Абулхайр-хани" (История Абулхайр-хана), составленная Мас'уд-ибн-Османом Кухистани. Автор начинает историю от сотворения мира и заканчивает ее описанием царствования Абулхайр-хана, деда Шейбани-хана. Написана она в XVI в.

Рукопись „Шейбани-намэ" посвящена истории Шейбани-хана; авторство ее приписывается известному поэту и историку начала XVI в. Кемаледдину Беннаи. Ценнейший экземпляр этого произведения, часть которого переписана собственноручно самим Шейбани, находится в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР. Этот источник сообщает чрезвычайно ценные данные о детстве и первом выступлении на арену истории Шейбани-хана, об этническом составе. Дешти-кипчака, племенном происхождении виднейших сподвижников Шейбани и т. д.

Другая рукопись „Шейбани-намэ", составленная в то же время Мухаммед-Салихом, представляет собой стихотворную поэму на тюркском (чагатайском) языке; издана П. М. Мелиоранским (С.-Петербург, 1908).

Некоторые сведения по истории Шейбани-хана и завоевании им Мавераннахра содержатся в третьей, анонимной „Шейбани-намэ", содержащей данные по генеалогии Шейбани-хана, доведенной до его смерти последовавшей в 1510 г. Эта рукопись издана Березиным (Казань, 1849) в тюркском тексте с русским переводом и комментариями.

Важным источником для этого же времени является также „Михман-намэ-и Бухара" (Книга бухарского гостя), составленная Фазлуллахом ибн-Рузбаханом, эмигрантом из Ирана, находившимся при дворе Шейбани-хана и сопровождавшим его в походах против казахов в 1509 г.

Из источников повествовательного характера издан в тюркском тексте замечательный труд талантливого представителя династии тимуридов, основателя династии „великих моголов" Захируддина Бабура (1526—1530), известный под названием „Бабур-намэ" (Записки Бабура). Труд этот, являясь первоклассным литературным произведением на среднеазиатском тюркском языке, („чагатайском", предшественнике современного узбекского литературного языка) содержит много драгоценных сведений по истории и культуре Средней Азии конца XV в и начала XVI в. „Бабур-намэ„ имеется в переводах на французский (Паве де-Куртейль) и английский (Кинг) языки; на русский язык переводились только отдельные отрывки.

Для истории борьбы Шейбани-хана с последними тимуридами имеют значение последние разделы больших трудов „Равзату-с-сафа" (т. VII), обширного компилятивного свода исторических данных по истории мусульманского востока, составленного Мухаммедом ибн-Хонд-шахом, известным под именем Мирхонда, и продолженного его внуком Гиясуддином ибн-Хумамуддином, прозванным Хондемиром, которому и принадлежит интересующий нас том, включающий время Хусейна Байкары (1469 — 1506). Хондемир является также автором другого капитального труда — „Хабиб-ус-сияр." Четвертый раздел

(джуз) третьего тома этого сочинения содержит сведения о борьбе Шейбани-хана с последними тимуридами и Ираном до 1523—1524 гг. Некоторые сведения о происхождении узбеков и событиях, связанных с временем Шейбани-хана, содержатся в истории ханов Моголистана и эмиров Кашгара—„Тарихи-Рашиди", составленной Мухаммед-Хайдаром (Мирза-Хайдар), двоюродным братом Бабура. Труд этот издан в Лондоне (1895).

Капитальный труд по истории времени Абдулла-хана бухарского (1557—1598) под названием „Абдулла-намэ" составил современник этого хана Хафиз-Таниши-Бухари. В этом труде содержатся сведения о шейбанидской династии и о правлении Абдулла-хана. Другое название этого труда—„Шараф-намэ-и-шахи". Несмотря на важность этого источника и большой интерес, проявлявшийся к нему историками-востоковедами, он остается до сего времени не изданным и не переведенным. Большие выдержки из этого труда имеются в работе Вельяминова-Зернова „Исследование о Касимовских царях и царевичах" (СПб, 1864).

Истории иранской династии сефевидов и борьбе их с шейбанидами за Хорасан посвящен труд Искандера-мунши „Тарихи-алам-арай-Аббаси", составленный в 1616 г.

История Бухарского ханства времен династии аштарханидов освещается в произведениях: „Тарихи-Муким-хани" и „Убайдулла-намэ". Первое из них, составленное Мухаммед-Юсуфом мунши, заключает в себе историю узбекских ханов Мавераннахра и доведено до 1704 г. Труд этот сделался известным в Европе еще в начале XIX в. Извлечение из него было опубликовано в труде Сенковского „L'histoire gènèrale des Huns, des Turcs et des Mongols" (СПб., 1824). В настоящее время „Мукимхановская история" переведена на русский язык проф. А. А. Семеновым и готовится к изданию. Второй из указанных трудов, посвященный истории аштарханидов, написан Мир-Мухаммед-Амином Бухарским и охватывает время от 1701 по 1711 г. Труд содержит много сведений об ученых шейхах и поэтах своего времени. Так же, как и предыдущий, переведен на русский язык и подготовлен к печати А. А. Семеновым.

События, связанные с вторжением в пределы Мавераннахра иранского шаха Надира (1736—1747), основателя династии афшаридов, и вызвавшие окончательное падение власти аштарханидов Бухары, излагаются в „Тарихи-Надири", составленной Мухаммед-Мехди Астрабадским. Сведения по истории Бухарского ханства времен последней мангытской династии содержатся в большом количестве повествовательных, поэтических и прочих произведений, из которых наиболее важными являются следующие: „Записки Абдулкерима Бухари", охватывающие события в Афганистане, Бухаре, Хиве и Коканде с 1740 до 1818 г.; изданы Ш. Шефером в персидском тексте и французском переводе с комментариями (Париж, 1876). Важным источником о времени возвышения мангытской династии служит произведение „Тухфаи-хони" (Ханский подарок) Мухаммед-Вафа-и Керминеги, содержащее историю Мухаммед-Рахим-хана (1753—1785 гг.). Истории Бухары в конце XVIII в.—начале XIX в. посвящены „Гульшан-ул-мулук" Мухаммеда Якуби и „Фатх-намэ-и Шах-Мурад" (История побед Шах-Мурада).

Значительный интерес представляют бесхитростные „Записки мирзы Шемса-Бухари" (О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре), изданные в персидском тексте с русским переводом В. В. Григорье-

вым (Казань, 1861). Эти записки—рассказ очевидца, принимавшего участие в событиях времен царствования Хайдара (1800—1826) и начала царствования Насрулла-хана (1827—1860).

Истории Хивинского ханства XVI—XVII вв. посвящена „Шаджара-и-тюрк" (Родословное древо тюрков), составленная хивинским ханом Абулгази (1643—1663) и продолженная его сыном Ануша, который довел изложение до смерти Абулгази—прекрасный памятник старой узбекской прозы. Труд содержит много ценных сведений по истории Хивинского ханства XVI—XVII вв. Книга была издана в Казани еще в 1825 г.; позднее переиздана Демезоном с французским переводом (С.-Петербург, 1871). Кроме того, имеется русский перевод Г. Саблукова, снабженный примечаниями Н. Ф. Катанова (Казань, 1906).

Большое значение для Хивинского ханства имеет также капитальный труд придворных историков хивинских ханов—Шир-Мухаммеда, сына Аваз-бия, известного под литературным прозвищем Мунис (род. в 1778 г., умер в 1829), и его племянника Мухаммед-Риза, писавшего под псевдонимом Агехи. Этот труд, получивший название „Фирдаус-ул-икбаль" (Райский сад счастья) описывает в цветистом стиле события до царствования Мухаммед-Рахима (1806—1825) включительно. Позднее Агехи составил описание царствования Аллакули („Рияз-уд-дауле"—„Сады благополучия"), правления Рахимкули („Зубдат-ут-таварих"—„Сливки летописей"), Мухаммед-Амина („Джами-ул-вакыат-и-султани"—„Собрание султанских событий"), Сейид-Мухаммеда („Гульшан-и-девлет"—„Цветник счастья„) и незаконченную историю Сейид-Мухаммед-Рахима („Шахид-и-икбаль"—„Свидетель счастья"). Последний труд был доведен до событий 1872 г., предшествовавших завоеванию Хивы царскими войсками (1872 г.). Труды Мунис а и Агехи остаются пока в рукописях. Извлечения из них, в переводах на русский язык П. П. Иванова и З. Аксакова, изданы в „Материалах по истории туркмен и Туркмении" (том II, М.—Л., 1938; стр. 323—638).

Из большого количества трудов по истории наиболее молодого из ханств Кокандского, заслуживает упоминания важный источник—„Тарих-и-Шахрухи" (Шахрухова история), излагающая историю владетелей Коканда, составленная Мулла Нияз-Мухаммедом Кокандским. Труд этот издан Н. Н. Пантусовым (Казань, 1885 г.).

Большой труд, представляющий автобиографические записки о событиях в Средней Азии и в Фергане в частности, доведенные до 1843 г., „Мунтахаб-ут-таварих" (Исторические извлечения) составил Ходжа Мухаммед-Хаким-хан-тюря, сын Ма'сум-хана, занимавшего пост шейх-уль-ислама при кокандском Омар-хане (1809—1822).

Историю Кокандского ханства в 40-х и 50-х гг. XIX в. содержит рукопись „Мират-ал-футух" („Зеркало побед"), составленная неизвестным автором.

Кроме источников, перечисленных выше, ряд ценных сведений по истории Самарканда имеется в „Самарии" Абу-Тахир-ходжи, переведенной В. Л. Вяткиным („Справочная книжка Самаркандской области за 1898 г."). В труде Бурхануддин-хана Кушкеки „Рахнамэ-и-Катаган ва Бадахшан" (Путеводитель по Катагану и Бадахшану), переведенном на русский язык А. А. Семеновым (Ташкент, 1926), содержатся данные также и по истории Мавераннахра.

Почти все указанные выше исторические сочинения вышли из придворных кругов. Они составлялись или по прямому указу ханов,

или для поднесения им в поисках ханской милости и награды. Поэтому вполне естественно, что дела и поступки тех ханов, которым посвящаются эти труды, изображаются как „подвиги"; всемерно восхваляются победы хана, его великодушие, благочестие и т. д. В центре внимания стоит война, отношения к другим ханам, эмирам и шахам, придворная жизнь. Изредка уделяется место движениям „разбойников и негодяев", как неизменно именуются восстающие против феодального гнета народные массы. От этого узко-классового подхода к историческим событиям происходит и полное пренебрежение к описанию жизни и положению народных низов, к вопросам экономики и социального строя. Самый стиль этих памятников письменности, за редкими исключениями, какими являются, например, произведения Бабура и Абулгази, чрезвычайно напыщен, осложнен метафорами, гиперболами, стихотворными вставками, что нередко затемняет смысл и затрудняет понимание текста.

Особую группу исторических источников составляют произведения дервишской литературы—жизнеописаний выдающихся шейхов. К ним относятся: „Матлаб-ут-талибин" (Цель ищущих), посвященное джуйбарским шейхам, игравшим видную политическую роль в Бухаре XVI в.; „Рисоля-и-Махдуми-А'зам", „житие" известного религиозного деятеля XVI в. Ходжаги-и Керминеги; „Ламхат мин нафхат-ул-унс" (Блистания от дыхания тесной дружбы) шейха Алим-и-Азизана,—сборник кратких жизнеописаний ряда дервишских шейхов; „Тухфат-уз-заирин" (Подарок паломникам)—важный труд для исторической топографии Бухары и ее района и пр. Среди рассказов о духовных подвигах и чудесах дервишских шейхов, жизнь которых является предметом описания в этой „житийной" литературе, содержится много таких данных исторического, бытового и культурно-идеологического характера, которые в обычных „исторических" трудах придворных историков-панегиристов не находят отражения. Надо, однако, при пользовании такого рода сочинениями, всегда иметь в виду их специфический характер и необходимость особо строгого критического к ним отношения.

В архивах и библиотеках Узбекистана хранится огромное количество различного рода актов, которые, при надлежащей их обработке, явятся ценнейшим источником для истории узбекских государств XVI—XIX вв. Имеющиеся публикации актового материала ограничиваются изданием очень важного для истории хозяйственной жизни Бухары XVI в. сборника документов, преимущественно запродажных на покупку земель, лавок, мастерских и пр., покупавшихся крупнейшими духовными феодалами XVI в. шейхами Джуйбари. Издан пока только персидский текст; подготовленные к печати второй и третий томы еще не напечатаны („Из архива шейхов Джуйбари", Москва—Ленинград, 1938). Значительный интерес для характеристики, главным образом, земельных отношений представляют описанные П. П. Ивановым документы из архива хивинских ханов (Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением, Ленинград, 1940). Несколько документов издано А. А. Семеновым в его статье „Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства" (Ташкент, 1929). Отдельные разрозненные документы публиковались также (в литографированных копиях) в „Протоколах и сообщениях Туркестанского кружка любителей археологии". Остальные богатства документальных фондов ждут еще своего исследования.

Следующая не менее важная группа исторических источников — показания очевидцев, лично посетивших Среднюю Азию, и описавших то, что они в ней видели. Это—записки попадавших сюда при разных условиях европейцев. Будучи людьми иной культуры, они естественно обращали более пристальное внимание на те особенности социальной жизни и быта, которые не замечались привычными к ним местными писателями. Следует, однако, учитывать также, что при недостаточном знакомстве с местными условиями, их кратковременные наблюдения часто бывают поверхностны грешат серьезными ошибками.

Первым путешественником XVI в., доставившим не особенно подробные, но достаточно надежные сведения о Средней Азии, был англичанин Антоний Дженкинсон, агент английской компании по торговле с Московским государством, отправленный в 1558 г. вместе с двумя другими англичанами в Бухару в качестве посла Ивана Грозного. Дженкинсон провел в Бухаре зиму, а в следующем году возвратился через Хорезм в Москву в сопровождении бухарского и хивинского послов. Он сообщил сведения о состоянии среднеазиатских ханств, о господствовавшей в них феодальной раздробленности, о враждебном отношении Бухары к Ирану, о торговле, ханской казне и т. д.[1]

В XVII в. было предпринято несколько путешествий посланников русских царей, из которых прежде всего следует отметить дворянина Ивана Хохлова, бывшего в Бухаре при Имамкули-хане, в 1620 г. В подробных донесениях царскому правительству Хохлов рассказал о своем пути в Бухару и Хиву, сообщил об обострившейся в то время феодальной борьбе между Имамкули-ханом, Турсун-султаном и Надир-Мухаммедом, о вражде последнего с иранцами, а также описал смуту в Хиве, где против Араб-Мухаммеда восстали его сыновья, ослепили отца и начали войну между собой. Попутно Хохлов дал сведения о неудачном путешествии своего предшественника Леонтия Юдина, ездившего в Бухару и Индию и убитого „из животов" (ради имущества) в „Юргенской земле"; о набегах на Хиву и гибели казачьих атаманов Нечая Старенского и Теренки Усова „с товарищи" и о нападении на Хиву калмыков. Хохлов подробно описал церемонию приема послов, дал некоторые сведения о войске и вообще о состоянии среднеазиатских ханств[2].

В 1669 г. послами в Бухару были отправлены дети боярские Иван Федотьев и Матвей Муромцев. До Бухары добраться им не удалось, но Федотьев был все же в Хиве и собрал там разнообразные и представляющие большой интерес сведения об этом ханстве[3].

Подробные рассказы о приемах у бухарского хана и сведения о состоянии ханства в военном и экономическом отношениях доставили послы царя Алексея Михайловича к Абдулазиз-хану—Борис и Семен Пазухины, путешествие которых в Среднюю Азию состоялось в 1669—1671 гг. Через несколько лет было предпринято новое посольство Василия Даудова, посетившее Хиву и Бухару в 1675 г.[4]

---

[1] Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Antony Ienkinson and other Englishmen. Ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote.
Vol. I. London, Hakluyt Society, 1886.

[2] Сборник кн. Хилкова, Спб, 1879, стр. 389—445.

[3] Я. В. Ханыков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, Зап. ИРГО, т. V, стр. 26[illegible].

[4] Сборник кн. Хилкова, стр. 452—456, 508—519.

Несколько важных по своим результатам путешествий относится к XVIII в. К ним прежде всего следует отнести поездку в Бухару посланника Петра I,—Флорио Беневени, „секретаря ориентальной экспедиции посольского приказа". Беневени выехал из России в 1718 г., посетил Хиву и Бухару и возвратился в 1725 г. Он сообщает о внутреннем состоянии страны, о своеволии и засилье главарей племен, о плохом состоянии военного дела и торговой деятельности.[1]

В 1740—1741 г. в пределы Хивинского ханства были направлены с разведочной целью поручик Гладышев, геодезист Муравин и переводчик Назаров. Их путешествие совпало с завоеванием Хивы иранским Надир-шахом. Те же лица в 1741—1742 гг. были посланы вторично. Гладышев и Муравин сообщают, как очевидцы, много различных данных о тех событиях, которые происходили в Хиве.[2]

Краткое описание Хивинского ханства было составлено Даниилом Рукавкиным, купцом, находившимся во главе торгового каравана, отправленного с переводчиками Гуляевым и Чучаловым в 1753 г.

Одним из замечательных русских путешествий в Среднюю Азию является вынужденное путешествие Филиппа Ефремова, захваченного в плен казахами в 1774 г.; Ефремов был продан в Бухару и подарен тогдашнему правителю Бухарского ханства Даниял-бий аталыку. Здесь он, начав службу сторожем во дворце, дослужился до чина юзбаши. Воспользовавшись начавшимся походом в Хиву, Ефремов бежал в Коканд, оттуда проник в Кашгар, Тибет и Индию, а затем возвратился в Россию. Описание его приключений выдержало три издания. В своей книжке Ефремов описывает Бухару, сельское хозяйство, жизнь ремесленников, организацию войска. Ефремов сообщает некоторые сведения о ханах, прилагает маршруты и даже список 625 „бухарских слов".[3]

К концу XVIII в. относятся посольство переводчика Мендияра Бекчурина в Бухару (1780—1781), путешествие в Хиву глазного врача Бланкеннагеля, отправленного для лечения Хивинского хана (1793—1794), поездка в Бухару горного чиновника Бурнашева (1794). В особенности плодотворно было посещение Хивы Бланкеннагелем, составившим „Описание Хивы", изданное потом В. В. Григорьевым.[4]

В течение первой половины XIX в. в среднеазиатских ханствах побывало много лиц как из России, так и из Западной Европы. Наиболее важные сведения как по количеству, так и по значимости их, сообщили следующие из них:

В 1800 г. посольство Негри посетило Бухару: путешествие описано членами посольства Мейендорфом и Эверсманом.[5] В том же 1800 г. по просьбе правителя Ташкента Юнус-ходжи в Ташкент были посланы горные чиновники Бурнашев и Поспелов для выявления находящихся в области рудных месторождений.[6] В пределах Кокандского

---

[1] А. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, СПб, 1853; приложены донесения Беневени и его дневник (последний на итальянском языке).

[2] Географические известия, издаваемые Росс. географ. обществом, 1850, стр. 519—599.

[3] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим, СПб, 1786.

[4] Вестник ИРГО, XXII 1858, 7—116.

[5] Ed. Eversmann, Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1823; Meyendorf. Voyage d'Orenbourg á Bokhara en 1820, Paris, 1826

[6] Отчет Поспелова и Бурнашева, опубликован Я. В. Ханыковым в „Вестнике Русск. геогр. общ.", кн I, отд. VII, 1851, стр. 1—44.

ханства в 1813—1814 гг. был также Филипп Назаров, составивший „Записки о некоторых народах и землях средней части Азии".[1] Туда же ездил в 1830 г. хорунжий Потанин.[2]

Ценные сведения о Хивинском ханстве в современном ему состоянии сообщил Николай Муравьев, совершивший в 1819 и 1820 гг. поездку по поручению кавказского главнокомандующего. Результатом путешествия была книга о Хивинском ханстве, переведенная на немецкий и французский языки „и долгое время остававшаяся для европейских читателей почти единственным источником сведений об этом узбекском владении".[3] Следующее по времени описание этого ханства составлено Данилевским, русским послом к хану, и сопровождавшим его Базинером.[4] Заслуживает упоминания также экспедиция капитана Бутакова, впервые подробно обследовавшая Аральское море.

Из путешествий первой половины XIX в. в Бухару следует отметить поездку офицера Ост-индской компании Александра Борнса, который составил подробное описание путешествия, вышедшее в трех томах в Лондоне, а затем и в России, в переводе на русский язык.[5]

Из путешествий времени, предшествовавшего царскому завоеванию Средней Азии, по значительности собранных и напечатанных материалов следует особо отметить миссию горных инженеров Бутенева и Богословского, посетившую в 1840 г.[6] Бухару, в сопровождении ориенталиста Н. Ханыкова и натуралиста Лемана; поездку в Бухару и Хиву Игнатьева во главе посольства, в состав которого входил ориенталист Лерх[7], и, наконец, путешествие венгерского ученого Арминия Вамбери, который под видом турецкого дервиша посетил Среднюю Азию в 1863 г.[8].

Литература. Научная литература по истории Средней Азии XVI—XIX вв. до сего времени исключительно бедна. Причинами такого явления можно считать, с одной стороны, обилие и неизученность первоисточников, вызывающие необходимость большой предварительной работы по их изучению и критике; с другой, то, что период с XVI по XIX вв. рассматривался исследователями, как период сплошного упадка политической и культурной жизни, поэтому он вызывал у них, увлеченных периодами блестящего расцвета культуры времени раннего феодализма и эпохи Тимура и тимуридов, относительно мало интереса.

---

[1] С.-Петербург, 1821.

[2] Записки Потанина в „Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ", т. XXXVIII, стр. 192—258.

[3] Слова В. В. Бартольда о труде Муравьева „Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах капитана Муравьева, посланного в сии страны для переговоров", ч. I—II, Москва, 1822.

[4] Данилевский. Описание Хивинского ханства. „Зап. Русс. геогр. общ", кн. V, 1851; Th. Basiner, Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisennsteppe nach Chiva. Beitr. Kennt. Russ. Reich., XV, 1848.

[5] Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах, три части, Москва, 1849.

[6] Богословский. Записка о долине Зарафшана. Бутенев. О минеральных богатствах Бухары, металлургии, монетном деле и т. п. „Горный журнал", 1842, ч. IV, кн. X и XI. Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843. Alexander Dehmanns. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842 nach den hinterlassenen Schriften desselben. Bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. V. Helmersen.. Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches., 17 Bd. St. Peterob, 1852.

[7] P. Lerch. Khiva oder Kharezm, Seine historischen und geographishen Verhältnisse. S-Pb. 1873.

[8] Путешествие по Средней Азии, СПб, 1865.

Крупнейшие специалисты по истории Средней Азии—как В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский—или совсем не занимались историей этого времени, или уделяли ей попутно сравнительно мало внимания. Особо следует отметить появившиеся только перед началом Великой Отечественной войны монографические исследования покойного П. П. Иванова, написанные на основании первоисточников и представляющие, в сущности, первые опыты обзора событий и исторической обстановки Средней Азии интересующего нас времени с марксистско-ленинских позиций.

Местная историческая литература на персидском и узбекском языках, возникшая как до завоевания царизмом Средней Азии, так отчасти и после, охарактеризована в общих чертах выше. Среди этой литературы есть большие и серьезные труды, как например, „Записки" Бабура, „Родословное древо тюрков" Абулгази, труды Мунис и Агехи, но все эти произведения являются типичными для феодальной эпохи по своему мировоззрению и методологии. Всю эту феодальную литературу с точки зрения требований современной исторической науки нельзя назвать научной. Она может быть использована только в качестве исторического источника.

В европейскую науку первые сведения исторического характера о Средней Азии XVI—XVIII вв. начали проникать в начале XIX в., когда побывавшими здесь путешественниками были вывезены некоторые исторические рукописи, заинтересовавшие ученых востоковедов. Так, например вывезенная из Бухары посольством Негри „История Муким-хана" была опубликована (на французском языке) профессором Сенковским[1] и, по словам В. В. Бартольда, „долгое время оставалась для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства"[2]. Большое количество первоисточников с текстуальными выписками и дословными русскими переводами было использовано в капитальных и обстоятельных исследованиях В. В. Вельяминова-Зернова. Сведения по истории Средней Азии и народов современного Узбекистана имеются в его трудах „Исторические известия о киргиз—кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр-хана (1748—1765)"[3], „Монеты бухарские и хивинские"[4], „Исторические известия о Кокандском ханстве"[5] и в трехтомном „Исследовании о Касимовских царях и царевичах[6].

Первой попыткой дать полную и связную историю Средней Азии до середины XIX в. является „История Бухары или Трансоксании"[7], написанная венгерским ученым и путешественником Вамбери, второй том которой посвящен времени XVI в. Труд Вамбери составлен на основании относительно небольшого количества источников, часть которых была им впервые обнаружена и использована, что и является несомненно большой заслугой ученого. Однако книга Вамбери страдает крупными даже для своего времени недостатками историко-методологического порядка и, как первый опыт в своей области, содержит много ошибок и недоразумений, в особен-

[1] J. Senkowski. Supplement a l'histoir gènèrale des Huns, des Turcs et des Mongols, St P, 1824

[2] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, изд II, Л,, 1925, стр. 555

[3] Уфа, 1853, перепеч. из „Оренбургских губернских ведомостей".

[4] Труды Вост. отд. Изв. Археолог. общ., ч. IV, 1959.

[5] То же, часть II.

[6] СПб, 1864.

[7] Русский перевод А. И. Павловского, СПб, 1873.

ности по истории Кокандского и Хивинского ханств, для которых у Вамбери не было достаточно надежных источников. Несмотря на явную неудовлетворительность книги, она до сего времени оставалась единственным более или менее систематическим изложением событий в Средней Азии и Бухарском ханстве.

Этот же труд положен в основу соответствующих разделов „Истории ислама" А. Мюллера, третий том которой посвящен истории Ирана, где даются некоторые сведения по истории Мавераннахра; работа страдает теми же недостатками, что и работа Вамбери, и отличается крайней лаконичностью и поверхностностью в отношении истории среднеазиатских ханств.[1]

Из трудов, посвященных отдельным среднеазиатским ханствам, следует отметить „Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве" Н. И. Веселовского[2] и „Краткую историю Кокандского ханства" В. П. Наливкина.[3]

Первая из них представляет собой преимущественно хронику событий и очень сильно устарела; вторая, как это отмечал в свое время в специальной рецензии В. В. Бартольд, написана без соблюдения тех требований, которые предъявляются к научной работе. К своим источникам автор относился без достаточной критики. В то же время приходится констатировать, что даже теперь эти работы являются единственными обзорами историй упомянутых ханств.

Некоторое значение имеют составленные в дореволюционное время отдельные работы В. Л. Вяткина, Л. А. Зимина и некоторых других авторов. Из работ монографического характера этого времени выделяются серьезные и не потерявшие еще своего значения труды В. В. Бартольда „К истории орошения Туркестана"[4], где дана ценнейшая сводка материалов по истории ирригации, и „Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII века"[5]; „Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в".[6] и ряд мелких статей.

Несколько работ было посвящено вопросу о сношениях Средней Азии с Россией. Из них следует отметить: „Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом" А. Попова[7] и „Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях" Н. И. Веселовского[8] и „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие" С. В. Жуковского.[9]

В качестве общей оценки дореволюционной историографии в части, посвященной истории Средней Азии с XVI в. до середины XIX в., можно сказать, что это был период лишь первого, и при том недостаточно интенсивного, накопления исторических фактов, рассматриваемых с чисто буржуазных точек зрения и за редкими исключениями не используемых для сколько-нибудь далеко идущих исторических выводов, связанных с историей среднеазиатского общества изучаемого периода.

---

[1] Русский перевод под ред. Н. А. Медникова, СПб, 1896.
[2] СПб, 1877.
[3] Казань, 1886.
[4] СПб 1914.
[5] Изв. Турк. отд. Русс. геогр. об. IV, вып. 2, 1902.
[6] Зап. И. Геогр. общ. по Отд. этнографии, т. XXXVI, СПб, 1909.
[7] СПб, 1853.
[8] Жур. Министерства нар. просв., июль, 1884, стр. 69—106.
[9] Петроград, 1915.

В первые годы после Октябрьской социалистической революции положение в этом отношении относительно мало изменилось: историография Средней Азии продолжала старые дореволюционные традиции. Наиболее крупной и важной работой этого времени является книга В. В. Бартольда „История культурной жизни Туркестана"[1]. Автор, крупнейший специалист по истории Средней Азии, обладающий огромной эрудицией, рассматривает в ней вопросы культурной истории народов Средней Азии, сообщая попутно много данных и по экономической и политической истории. Но это не марксистская работа. В. В. Бартольд не делает попытки вскрыть феодальной сущности среднеазиатских государственных образований; в основу государственной жизни кладутся „степные традиции" в сочетании с „мусульманской государственной идеей". Кризис XVIII в. объясняется преимущественно „начавшимся еще в XV в. развитием морских торговых путей, находившихся в руках западных европейцев, и упадком караванной торговли".[2] Не получило соответственно надлежащего объяснения также и образование трех среднеазиатских ханств, связанное, как известно, с оживлением экономической жизни к началу XIX в. Тем не менее, по насыщенности фактическим материалом, полученным автором, главным образом в результате собственных обширных исследований, по исключительной научной добросовестности и множеству ценнейших частных выводов труд В. В. Бартольда остается важным пособием и для нашего времени. Такими же ценными являются работы В. В. Бартольда по истории киргизов, туркмен и Таджикистана, содержащих немало материала и по истории народов Узбекистана[3].

В этот период появилось также и несколько монографий: В. Л. Вяткина,[4] А. А. Семенова,[5] А. В. Панкова[6] и др.

Новое в историографию народов Узбекистана (главным образом для периода трех среднеазиатских ханств) внесли работы П. П. Иванова, появившиеся в печати с 1935 г. Из них отметим: исследования по истории каракалпаков — „Очерк истории каракалпаков"[7] и „Новые данные о каракалпаках"[8]; работы, посвященные вопросам землевладения и социальных отношений в Хивинском ханстве — „Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865)"[9] и „Архив хивинских ханов XIX в."[10]. Важны его статьи по истории Бухарского ханства („Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1925 гг."[11]); по истории казахско-кокандских отношений, где приводится много данных по истории Ташкента и его области („Ка-

[1] Ленинград, 1927.

[2] В. В. Бартольд. История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 48.

[3] Таджики (исторический очерк), в сборн. „Таджикистан", Ташкент, 1925; Киргизы (исторический очерк), два издания—Фрунзе, 1927 и 1943; Очерк истории туркменского народа, в сборн. „Туркмения", т. 1, Ленинград, 1929.

[4] Шейхи Джуйбари, в сборн. „В. В. Бартольду", Ташкент, 1927. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Изв. Сред. Аз. отд. ГР. Геогр. общ., т. XVIII, Ташкент, 1928.

[5] Забытый среднеазиатский философ XVI—XVII вв., в Изв. О-ва по изучению, Таджикистана, т. 1, Ташкент, 1928; Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент 1929.

[6] К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв. в сборн. „В. В. Бартольду", Ташкент, 1927.

[7] Сборн. „Материалы по истории каракалпаков", Труды Института востоковедения, т. VII, М.—Л., 1935.

[8] Ж. „Советское востоковедение", III, М.—Л., 1945.

[9] Зап. Института востоковедения АН СССР, VI, М.—Л., 1937.

[10] Ленинград, 1940.

[11] М.—Л., 1935.

захи и Кокандское ханство")[1]. Капитальным трудом по истории государства шейбанидов времени Абдулла-хана является еще неопубликованная диссертация Иванова о хозяйстве джуйбарских шейхов—крупнейших духовных феодалов своего времени, игравших большую роль и в политической жизни страны.

Труды П. П. Иванова всегда основаны на большом количестве, обыкновенно впервые им используемых, первоисточников и отличаются ясной постановкой задач исследования на основе марксистско-ленинских методов изучения истории.

Вопросу этногенеза узбекского народа посвящена небольшая, но очень ценная работа А. Ю. Якубовского „К вопросу об этногенезе узбекского народа",[2] дающая материал для правильного решения проблемы происхождения узбекского народа и его культуры, проблемы чрезвычайно сложной и тенденциозно искажавшейся буржуазными националистами и в то же время настоятельно требующей правильного научного разрешения. Значительное количество трудов существует по истории изобразительного искусства и архитектуры. Здесь можно назвать целый ряд работ Б. П. Денике, А. А. Семенова, Б.Н. Засыпкина, М. Е. Массона, В. Н. Чепелева, Б. В. Веймарна, Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина и др. Очень слабо разработана и почти не отражена в научной литературе история среднеазиатской литературы XVI—XIX вв.

Ценнейшим пособием для марксиста-историка при изучении истории Средней Азии и Узбекистана рассматриваемого периода являются произведения классиков марксизма—ленинизма, хотя у них и нет специальных работ по истории Средней Азии XVI—XIX в. Начало подлинно научному изучению исторического развития стран Востока было положено К. Марксом, которого глубоко интересовали вопросы о роли общины, значение искусственного орошения, особенности восточного феодализма и т. д. Характеристика и замечания по вопросам экономической и политической истории восточных стран имеются в ряде произведений Маркса и Энгельса. Составители данного раздела книги в первую очередь руководствовались такими работами, как„ Британское владычество в Индии" К. Маркса, „Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельса. Важнейшим руководством при составлении этого раздела, особенно для периода конца XVIII и первой половины XIX вв., явились такие замечательные труды классиков марксизма—ленинизма, как „Развитие капитализма в России" В. И. Ленина, „Марксизм и национально-колониальный вопрос"И. В. Сталина и „Краткий курс истории ВКП(б)".

---

[1] Зап. Инст. востоковедения, VII, М—Л, 1939.
[2] Ташкент, 1941.

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЗАВОЕВАНИЕ УЗБЕКАМИ МАВЕРАННАХРА

§ 1. ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Дешти-кипчак (Кипчакская степь) и ее население. Обширные степные пространства от Днепра и северных берегов Черного моря до Иртыша и озера Балхаш, граничившие на юге с Хорезмом и низовьями Сыр-дарьи, носили, начиная с XI в., название Дешти-кипчак (Кипчакская степь) по имени той племенной группы, которая была известна на Востоке под названием кипчаков, у русских—половцев, а в Византии—команов. Эта тюркоязычная народность, расселившаяся на огромном пространстве степей, объединила и спаяла в одно целое племена и народы различного происхождения, сложившиеся здесь на протяжении многих столетий. Основу этого населения составляли кочевники-скотоводы, в быту которых еще сохранились сильные пережитки родового строя, но под влиянием соседних оседлых районов с их более сложной системой социальных отношений уже складывались элементы феодализма.

Соседство с кочевой степью всегда играло очень большую роль в истории оседлых областей современного Узбекистана. Легко объединявшиеся в большие и сильные орды, кочевники стремительной лавиной бросались нередко на грабеж более богатых оседлых районов. „Богатства соседей подстрекают жадность народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким, более почетным, чем упорный труд".[1] Но кочевники не всегда ограничивались кратковременными грабительскими набегами. Отдельные группы, а иногда и более крупные объединения их просачивались в оседлые оазисы и воспринимали культуру оседлого населения, входя в него новым этническим элементом, оказывая влияние на физический тип этого населения, нередко изменяя его язык и внося свои кочевые степные обычаи. Факты такого оседания кочевников мы знаем в Семиречье, где осевшие в IX—XI вв. огузы, карлуки и другие тюркские народности отуречили местное согдийское население. Тот же процесс происходил в Хорезме, где оседание кочевников - огузов и кипчаков „закончилось в XIII в. почти полным отуречением бывшего здесь хорезмийского языка". (В. В. Бартольд).

С другой стороны, различие хозяйственной системы оседлых и кочевых хозяйственных районов содействовало развитию интенсивных торговых отношений: оседлые жители нуждались в продуктах скотоводства, кочевники—в продуктах земледелия и произведениях

---

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1934, стр. 143.

городских ремесел. Поэтому набеги и войны сменялись мирным торговым общением. Соседство с Дешти-кипчаком оказывало, таким образом, большое влияние на экономическую жизнь народов, населявших Среднюю Азию; большое значение также имела транзитная торговля через степи с западными и северными странами (Русь, Болгары, Сибирь).

В результате монгольского завоевания степь Дешти-кипчак вошла в XIII в. в улус Джучи, старшего сына Чингиз-хана, известный под названием Синей (Кок-орда) или Золотой орды. После смерти Джучи восточная часть его улуса, носившая название Белой орды (Ак-орда),[1] была поделена между его сыновьями Ордой и Шейбаном. Шейбан владел степями, расположенными к северу от Сыр-дарьи, между реками Яиком (Уралом), Иртышем и Чу, собственно называвшимися у мусульманских авторов вышеупомянутым именем Дешти кипчак. Орда правил кочевниками в низовьях Сыр-дарьи с примыкающими к ней районами и горами Улуг-таг и Кучук-таг. Приблизительные границы улуса Шейбана долго оставались относительно неизменными, хотя при подвижности кочевников какой-либо устойчивости границ вообще быть не могло.

Монгольские орды, пришедшие в Дешти-кипчак с сыновьями и внуками Чингиз-хана, быстро ассимилировались с жившими здесь тюркскими кочевниками, приняв их язык и обычаи. Улус Шейбана в своем этническом составе подвергался и в дальнейшем изменениям. На протяжении длительного периода его существования в нем происходили непрерывные миграции кочевников, тем более, что смуты и в Золотой орде и в зависевшей от нее Белой орде, начавшиеся со второй половины XIII в., нередко побуждали входившие в их состав тюрко-монгольские группы целыми аулами и племенами откочевывать на юго-запад или на восток от Сарая и на север и северо-восток от Белой орды. Во второй половине XIII в., например, эмир Ногай покинул Золотую орду со своим монгольским племенем мангыт и стал фактически независимым правителем в районе Черного моря. Во второй половине XV в. часть его мангытов, тогда уже отуреченных и называвшихся в то время в восточной части Европы ногаями (по имени самого Ногая), кочевала в степях, прилегающих к Сыр-дарье; им принадлежали укрепленные города Дженд, Сыгнак и другие.

В XIV—XV вв. (в эпоху Тимура и его преемников) строгого разграничения между бывшим улусом Орды и улусом Шейбана, по-видимому, уже не существовало; к кочевому населению всей этой территории прилагался термин „узбеки".

Происхождение самого названия „узбек" окончательно не выяснено. По наиболее распространенному варианту, оно возникло в XIV в., как обозначение кочевого населения восточной части Золотой орды, числившегося в составе войска хана Узбека (1312—1342). Это мнение подвергается теперь сильным сомнениям и не может считаться доказанным. Можно лишь с большей или меньшей долей уверенности сказать, что в конце XIV в. узбеками назывались тюркские и отуреченные племена восточного Дешти-кипчака, входившие в состав улусов Шейбана и Орды (в том числе и отдельные мангытские роды). Но, независимо от происхождения слова „узбек", значение его в XV—XVI вв. нельзя смешивать с тем, которое оно имеет в наше время.

[1] В русских источниках Белая орда называется Синей, а Синяя орда получила название Золотой, не употребляющееся восточными авторами.

В настоящее время название „узбеки" присвоено тому народу СССР, который исторически сложился на части территории Мавераннахра, вошедшей в состав Узбекской ССР.

Участие в образовании узбекского народа приняли не только дешти-кипчакские узбеки, проникшие в Мавераннахр в конце XV и начале XVI вв., но и ряд тюркских и отуреченных монгольских племен, осевших в Мавераннахре задолго до прихода этих узбеков, а также значительная часть древнего населения Узбекистана иранского происхождения, подвергшаяся влиянию тюркских элементов. Таким образом, завоеватели-узбеки являются лишь одной из составных частей современного узбекского народа, сложившегося исторически на протяжении многих столетий в результате слияния пришлых и местных тюркских и отуреченных племен с иранским населением Мавераннахра, и корни этногенеза современного узбекского народа следует искать в гораздо более раннюю эпоху, когда первые тюркские племена появились на современной территории Узбекистана.

Узбекское племенное объединение. Впервые об узбеках упоминают, хорошо знавшие Среднюю Азию, персидские авторы XIV—XV вв., в связи с описанием борьбы между Урус-ханом (1361—1375) и его противником Тохтамышем.

В начале XV в. узбеки выступают уже как весьма значительная группа племен, говорящих на тюркском языке и объединившихся под властью чингизида Абулхайр-хана. Ему удалось подчинить себе не только племена родного ему улуса Шейбана, но и ряд племен бывшего улуса Орды. О сложности племенного состава этого государственного объединения можно судить по списку узбекских „угланов" (царевичей), и знатных родовичей, которые способствовали возведению Абулхайра на ханский престол. В этом событии участвовали представители племен: тангут,кунграт, дурман, утаджи (утарчи), кушчи, найман, джат, тубай, хатаи, уйгур, карлук, уйшин или уйшун, мангыт, курлагут и юрчи; кроме того, в истории Абулхайра упоминаются еще племена кият, буркут, мисит и др.

Таким образом, в стране узбеков в XV в. встречаются некоторые племена, кочевавшие раньше на западе, в приволжских и черноморских степях, и ряд племен, населявших Среднюю Азию во времена, предшествовавшие образованию узбекского государства (хатаи, карлуки, уйгуры, найманы и проч.).

Ногайский и узбекский улусы в XV в. Разгром Тимуром золотоордынского государства в 90-х годах XIV в. ускорил процесс его политического раздробления. По среднему и нижнему течению Волги к средине XV в. обособились ханства Казанское и Астраханское; южная часть Золотой орды—Хорезм—перешла во власть тимуридов; на Крымском полуострове образовалось самостоятельное ханство под главенством Турции. В первой половине XV в. завершилось обособление обширных кочевых районов на восток от Волги до Западно-Сибирской низменности, составлявших в XIII—XIV вв. так называемую Белую орду.

В результате борьбы, происходившей между кочевыми племенами, Белая орда распалась на несколько враждебных друг другу улусов, из которых наиболее обширными в первой половине XV в. были улусы ногайский (мангытский) во главе с Едигеем и его потомками, и шейбанидский, с династией из рода Шейбана. Основной территорией ногайцев были степи между Волгой и Яиком (Уралом), в то время как узбеки бывшего улуса Шейбана занимали пространства

далее на восток до низовьев р. Сыр-дарьи. Однако точно разграничить территорию этих народностей для данного периода не представляется возможным, так как племена, входившие в эти объединения, вели кочевой образ жизни. Летовья некоторых узбекских племен находились в верховьях Яика, Иртыша и Тобола, а зимовья—ближе к низовьям Сыр-дарьи. Мангыты, или ногайцы в собственном смысле слова, пересекали со своими стадами пространства от Урала до Тюмени. К северу от узбеков образовалось самостоятельное Сибирское (или Тюменское) царство, ханы которого также были из дома Шейбана.

Этнический состав мангытов, или ногайцев, и шейбановцев был более или менее однороден. Все их роды и колена говорили на тюркском языке и мало различались между собой в хозяйственно-бытовом и культурном отношении. Отдельные части одного и того же племени входили в состав улусов и ногайцев и шейбановцев. Такими раздробившимися на части племенами были кипчаки, кунграты, канглы, уйгуры, кенегесы, найманы, уйшуны, мангыты и другие. Таким образом, вышеназванные улусы были не столько этническими образованиями, сколько объединениями политического характера.

Социальный строй обоих улусов в общих чертах также был одинаков. Здесь были еще очень сильны родо-племенные пережитки, которые придавали своеобразный характер процессу развития феодальных отношений. Во главе отдельных племен стояла наследственная знать—султаны (царевичи) из дома Чингиз-хана. По степному обычаю каждый из султанов имел в своем владении и распоряжении определенный район из общей территории степей (так называемый юрт). Каждое племя делилось на более мелкие подразделения—роды и колена, которые возглавлялись предводителями—биями и беками, составлявшими, вместе с наиболее зажиточной частью кочевников, ядро господствующего класса племени. Султаны отдельных племен иногда объединялись для общих предприятий, чаще же вступали во враждебные отношения, принимавшие нередко форму вооруженной борьбы. Скот и имущество побежденных племен обычно подвергались разграблению, что, наряду с другими причинами социального порядка, способствовало упадку одних племен и усилению других. Пленники продавались в рабство вне зависимости от племенных и родственных связей. Взаимоотношения племен принимали иногда как бы форму вассалитета. Старейший и наиболее уважаемый из султанов, которому не отказывали в подчинении другие султаны с их племенами, принимал титул хана. Обычно власть таких ханов была почти номинальной, фактически же правила верхушка племенной знати.

В военных мероприятиях хан опирался на собственную дружину нукеров, вербовавшихся обычно из числа разоренных предшествовавшими войнами кочевников, для которых военное ремесло становилось единственным источником существования. Ханскими нукерами делались нередко также предводители отдельных племен, стремившиеся найти себе защиту от насилий со стороны более сильных соперников. Обеспечив себя достаточной военной силой, хан вооруженной рукой распространял иногда свою власть на соседние племена и районы.

В XV в. в разных частях узбекско-казахского улуса появилось несколько соперничавших между собой ханов из различных враждебных друг другу ветвей чингизидов. Не находя поддержки у племенной знати, некоторые из ханов обращались за помощью к правите-

лям соседних государств и при их содействии утверждались на ханском престоле. Так временно захватил власть в Дешти-кипчаке будущий родоначальник казахских ханов Барак-хан (1425—1428), воспользовавшийся помощью Улуг-бека.

Государство Абулхайр-хана. В двадцатых годах XV в. хан Абулхайр, происходивший от потомков Шейбана, в течение довольно короткого срока подчинил себе обширную территорию от Сибири до Сыр-дарьи и удерживал ее под своей властью в течение сорока лет (1428—1468). В противоположность своему предшественнику и сопернику Барак-хану, занявшему престол с иноземной помощью, Абулхайр был избран на ханство при участии и поддержке господствующей верхушки узбекских племен. Избрание произошло в одном из городов юго-западной Сибири. В возведении Абулхайра на ханство, повидимому, участвовал также глава мангытов-ногаев Ваккас-бий, внук Едигея, который стремился найти у узбеков поддержку против своих врагов в ногайском улусе. Возможно, что сближению способствовали и посягательства золотоордынских ханов на территорию, занятую ногайцами.

Расправившись со своими соперниками из числа сильных степных ханов—джучидов, Абулхайр стал самым могущественным среди чингизидов; между ними не было ни одного, „которого миновала бы ханская стрела или не коснулась бы ханская рука". Через два года после воцарения Абулхайр отнял у тимуридских наместников северную часть Хорезма, однако, вскоре должен был уйти оттуда вследствие сильной эпидемии чумы.

В 40-х годах XV в. в низовьях Сыр-дарьи Абулхайром были завоеваны небольшие города: Сыгнак, Ак-курган, Аркук, Сузак и Узгенд, служившие посредниками в торговле между степными районами Дешти-кипчака и городами Мавераннахра. Район, в котором были расположены эти города, представлял, кроме того, удобные места для зимовок кочевников и вместе с тем являлся весьма важным в стратегическом отношении, так как отсюда можно было организовывать набеги на центральные оседлые районы Средней Азии. Именно из низовий Сыр-дарьи впоследствии, при преемниках Абулхайра, узбеки предприняли успешное завоевательное движение вглубь Средней Азии. Свои владения в низовьях Сыр дарьи Абулхайру пришлось защищать не только от тимуридских наместников, державших в своих руках город Туркестан, но и от набегов калмыков, победа над которыми укрепила авторитет хана среди его соплеменников. Ваккас, союзник Абулхайра, получил в управление завоеванный Абулхайром город Узгенд на Сыр-дарье.

В 1448 г. Абулхайр предпринял поход на Самарканд, но ограничился грабежом его окрестностей и прилегающих районов. Целью похода было не завоевание территории, для чего Абулхайр не располагал еще достаточными возможностями, а захват добычи, распределявшейся затем между ханом, его приближенными и рядовыми воинами.

Поводом к новому вторжению Абулхайра во владения тимуридов послужило обострение борьбы после убийства Улуг-бека в 1449 г., между претендентами на самаркандский престол. Абулхайр, приглашенный на помощь правнуком Тимура—Абу-Са'идом, появился со своими войсками под Самаркандом в 1452 г. и помог Абу-Са'иду занять престол, после чего с богатыми подарками и добычей возвратился в степь. Но через три года Абулхайр помогал внуку Улуг-бека, Му

хаммеду Джуки, добиваться самаркандского престола вместо возведенного им на этот престол Абу-Са'ида.

Несмотря на жестокость и энергию, с которыми Абулхайр боролся за единовластие в узбекском улусе, ему все же не удалось сломить сопротивления со стороны отдельных чингизидов. Власть хана над отдельными племенами осуществлялась постольку, поскольку это не затрагивало интересов племенных вождей. Внутренняя жизнь племен попрежнему протекала под руководством племенной знати, державшей в зависимости всю остальную массу кочевников. При таких условиях власть Абулхайра целиком зависела от того, в какой мере деятельность его отвечала интересам племенной знати и отчасти династическим интересам окружавших хана представителей различных ветвей дома Чингиза. Особенно упорную борьбу пришлось вести хану с теми потомками Чингиз-хана, которые происходили от хана Белой орды Уруса, деда Барак-хана. Представители этой ветви, ханы Махмуд и Ахмед, наиболее упорные противники Абулхайра, в конце концов остались непобежденными. В такой же мере враждебным являлось отношение Абулхайра к сыновьям его недавнего соперника Барак-хана,—Гирею (Кираю) и Джанибеку.

Не имея возможности продолжать борьбу с ханом и с поддерживавшей его весьма значительной группой племенной знати, Гирей и Джанибек вынуждены были в 50-х годах XV в. уйти от Абулхайр-хана с небольшим числом людей в Моголистан, находившийся в это время под управлением одного из потомков Чагатая, который предоставил им кочевье в долине р. Чу. Такого рода уход части кочевого населения из-под власти неугодного хана являлся у кочевников формой протеста против чинившихся ханом насилий. На новом месте роды, покинувшие владения Абулхайра, образовали объединение, известное под названием Казахского ханства, во главе которого стал Гирей.

Распад государства Абулхайра. Созданное Абулхайром кочевое государство, объединившее на некоторое время узбекские, мангытские и другие племена Дешти-кипчака, распалось.

Решающее значение при этом имели факторы экономического характера. Западная часть узбекской территории тяготела к низовьям Волги с центром в Астрахани, в то время как восточная (начиная, примерно, с долины р. Эмбы) была связана экономически с оседлыми оазисами Средней Азии. В этом заключалась, повидимому, одна из главных причин непрочности намечавшегося при Абулхайре объединения узбеков. С другой стороны, отсутствие крупных городских центров на собственно узбекской степной территории заранее обрекало на неудачу все попытки политического объединения. По существу держава Абулхайра была государством дофеодальным, опиравшимся главным образом на силу оружия. Ее судьба лишний раз подтверждает мнение, что создание государственности для кочевников возможно лишь при условии завоевания ими достаточно обширных оседлых районов с развитой феодальной экономикой.

Отсутствие экономической связи между отдельными племенами благоприятствовало усилению стремлений племенной знати к самостоятельности, развитию и росту династических распрей в среде самих чингизидов. Все это и проявилось с полной силой, как только Абулхайр сошел со сцены.

После смерти Абулхайра в 1468 г. „в его улусе возникли такие неурядицы, что степной житель ради своей безопасности и благопо-

лучия искал убежища у Гирей-хана и Джанибек-хана, так что последние усилились (этим наплывом беглецов)". Перекочевав из Могулистана в родные степи, Гирей и Джанибек, объединившись с рядом других султанов, нанесли поражение преемнику Абулхайра — Шейх-Хайдар-хану, убили его и истребили его родных и близких ему лиц.

§ 2. ЗАВОЕВАНИЕ КОЧЕВНИКАМИ-УЗБЕКАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Предпосылки завоевания. Постоянные феодальные войны между тимуридами в значительной мере ослабили политическую мощь их государства и подготовили почву для подчинения страны кочевниками. Ослаблению государства способствовало обострение внутренних противоречий между отдельными классами местного общества, в особенности между крестьянством и землевладельцами-феодалами.

Причины массового передвижения узбеков вглубь земледельческих оазисов Средней Азии в конце XV — начале XVI вв. были сложны. Натуральное в основе, кочевое скотоводческое хозяйство узбеков и других кочевников все же не могло обходиться без текстильных изделий и прочей продукции ремесленной промышленности оседлых районов, которые в свою очередь нуждались в скоте и сырье, производившемся кочевым населением степи. Развивавшийся на этой почве обмен заставлял кочевников стремиться в оседлые районы. С другой стороны, для значительных групп кочевников, лишившихся пастбищ и стад в процессе развития феодальных отношений, переход к оседлости и земледельческому труду был единственным выходом из обострившегося хозяйственного кризиса. Для господствующего класса кочевников—хана, султанов, нукеров и беков — походы и завоевания были средством обогащения, поскольку каждый удачный поход сопровождался захватом военной добычи, в том числе пленников, превращаемых в рабов. Свою долю в добыче получали и все рядовые воины, которые посредством грабежа приобретали предметы, отсутствовавшие в скудном скотоводческом хозяйстве. Военная добыча и захват пленных поэтому были одним из существенных стимулов набегов кочевников. При описании походов Шейбани-хана историки начала XVI в. всегда подчеркивают богатую добычу, доставшуюся на долю победителя. Если захваченный район удавалось удержать, то к военной добыче присоединялись дань и различного рода натуральные повинности с покоренного населения. Успешный поход укреплял авторитет хана или другого предводителя, привлекал к нему новых приверженцев и усиливал его власть. В значительной мере этим объясняются набеги узбекских вождей на оседлые оазисы Средней Азии на всем протяжении XV в., так же как и попытки их подчинить себе в первую очередь наиболее доступный им Хорезм. Наконец, борьба за пастбища между шейбановцами, казахами, мангытами и монголами-калмыками, усилившаяся во второй половине XV в. и приводившая к постоянным военным столкновениям, также была одной из существенных причин массового передвижения узбекских племен вглубь среднеазиатской территории.

Таким образом, в среднеазиатские оазисы одинаково стремились как верхи узбекского общества, так и массы скотоводческого населения. Этим только и можно объяснить то массовое движение кочевников в Мавераннахр, во главе которого стал Шейбани-хан.

Шейбани-хан. Борьба за власть в Дешти-кипчаке. Наступление кочевников-узбеков на Мавераннахр связано с именем внука

Абулхайра—Шейбани-хана. В деятельности этого завоевателя можно отметить два периода. В начале своей военно-политической карьеры Шейбани-хан был занят борьбой за восстановление господства дома Абулхайра над Дешти-кипчаком и за объединение кочевых племен степей под своей властью. По завершении этой борьбы он направил все свои усилия на овладение территорией, принадлежащей тимуридам. Завоевание Мавераннахра было облегчено тем, что сами тимуриды вовлекали узбеков в свои династические распри, приводя многочисленные отряды их в среднеазиатские оазисы или призывая их на помощь против других кочевников. И в том, и в другом случае они открывали узбекам возможность вмешиваться во внутренние дела тимуридского государства.

Мухаммед Шейбани-хан, называвшийся также Шахи-бек, Шейбек, по детскому прозвищу Шах-бахт (царственное счастье), родился в 1451 г., еще при жизни его деда Абулхайра. К его мусульманскому имени было присоединено прозвание Шейбани (происходящий от Шейбана) в память о родоначальнике династии Абулхайра — внуке Чингиз-хана—Шейбане.

Шейбани и его брат Махмуд-султан, оставшись в раннем детстве сиротами, воспитывались дедом Абулхайром. Слабость и непопулярность преемника Абулхайра, его сына Шейх-Хайдар-хана, вызвали против него восстание узбекских султанов, и хан был убит; его родные и ближайшие сподвижники или погибли в этой войне, или рассеялись по разным местам Приближенным удалось увезти малолетнего Шейбани и его брата во владения астраханского хана Касима. Тогда султаны обратили свое оружие против хана Касима и осадили его в Астрахани, но царевичи благополучно бежали из осажденного города и вернулись в Дешти-кипчак. Весть о спасении внуков Абулхайр-хана вызвала в степи большие надежды на восстановление могущества дома Абулхайра, тем более, что царевичи к тому времени уже достаточно возмужали. Старые сподвижники Абулхайр-хана и молодежь стали присоединяться к царевичам, вокруг которых образовался отряд в несколько сот человек. С этого момента начинается упорная, шедшая с переменным успехом, борьба Шейбани за восстановление власти его семьи в Дешти-кипчаке. Первое время Шейбани находил поддержку среди тимуридов, которые, повидимому, рассчитывали, что внуки Абулхайра в благодарность за содействие удержат враждебных им узбекских султанов от набегов на город Туркестан и другие пограничные со степью владения. В частности Шейбани и его брату покровительствовал Мухаммед Мазид-тархан, наместник тимуридов, управлявший Туркестаном и Отраром. Шейбани с братом проживали подолгу в городе Туркестане, а в трудную минуту, когда обоим царевичам угрожал один из наиболее сильных их соперников из числа узбекских султанов, они отдались даже под покровительство тимуридского государя Ахмед-мирзы, который принял Шейбани с почетом в Самарканде. Царевичи прожили некоторое время в Бухаре, при дворе наместника Ахмед-мирзы—Абдулали-тархана. Здесь Шейбани получил хорошее по тому времени образование под руководством одного из лучших чтецов корана Мавлана Мухаммеда Хитайи; любовь к поэзии и науке осталась у Шейбани на всю жизнь. Научные занятия не отвлекли его, однако, от честолюбивых замыслов в Дешти-кипчаке. Наоборот, знакомство с литературой расширило его политические горизонты. Сохранилось известие, косвенно подтверждаемое самим Шейбани, что своими успехами он считал себя

обязанным четверостишию из поэмы „Искандер-намэ" („История Александра Великого"), принадлежащей перу Ахмеда Руми (турецко-османского автора XV в.), которое научило его „дерзать".

Если верить суфийским источникам, у Шейбани уже в это время зародилась мысль о завоевании тимуридских владений. „Абдулали,— будто бы говорил он,—ведь не эмир же родом, а правит целой областью, а вот я—природный царевич, лишен права повелевать. Почему такая несправедливость?". Он искал будто бы совета у шейха Джемаледдин-Азиза, мюридом которого он был, но тот просил Шейбани не приходить „с подобными замыслами". Вследствие этого разногласия Шейбани перешел в ученики к бухарскому шейху Мансуру, который тоже скоро заметил, что (как он выражается), „узбек" хочет быть „падишахом". Однажды, когда по окончании обеда слуга убрал посуду, завернув края скатерти, шейх сказал Шейбани: „как скатерть собирается с краев, так и ты начни с краев государства".

Суфийская легенда, представляющая собою попытку позднейшего осмысления исторического факта, верно подметила значение совершавшихся событий. Предпосылкой завоевания Мавераннахра должно было стать объединение узбекских племен под властью единого вождя.

Покинув Бухару, Мухаммед Шейбани направился в родные степи. К нему без сопротивления перешли пограничные укрепления, в том числе и наиболее важное из них—Сыгнак (в настоящее время развалины в 10 *км* от бывшей почтовой станции Тюмень-арык, в направлении к Кзыл-орде). При содействии мангытского (ногайского) владетеля Муса-мирзы он разбил самого сильного недруга своего дома Бурундук-хана, сына Гирея, сделавшегося ханом казахов (1480—1511). Популярность Шейбани в Дешти-кипчаке была настолько велика, что Муса-мирза оказывал ему, как наследнику Абулхайра, ханские почести, и у него даже возникла мысль о провозглашении его ханом, но этому воспротивились другие мангытские эмиры, опасавшиеся нарушения своих привилегий.

Новое столкновение Шейбани с Бурундуком произошло из-за города Сузака, владетель которого Махмуд-султан славился по всем степным улусам своей храбростью и удалью. Шейбани в суровые зимние дни совершенно неожиданно напал на Махмуд-султана под самым Сузаком. Падал такой сильный снег, что люди и лошади не могли открыть глаз. Сузакские войска были разбиты и рассеяны по степи; Махмуд-султан обратился за помощью против Шейбани к Бурундук-хану. В жарком сражении, происшедшем у перевала Сугунлук (в горах Кара-тау, между Сузаком и Сыгнаком), Шейбани потерпел неудачу и был вынужден удалиться на полуостров Мангышлак.

Набеги моголов (джете) на самаркандские районы понудили Ахмед-мирзу вызвать Мухаммеда Шейбани для защиты северных границ государства. Шейбани прибыл в Бухару, а оттуда направился в Самарканд, но между союзниками не было взаимного доверия. Эмиры Ахмед-мирзы, не без основания подозревавшие Шейбани в честолюбивых замыслах, составили против него заговор. Предупрежденный своими самаркандскими благожелателями, Шейбани явился на первое свидание с Ахмед-мирзой в сопровождении отряда в 300 человек, а от второго приглашения—пожаловать на устроенный в честь его пир—и совсем отказался. Ахмед-мирза немедленно послал к Шейбани знатнейших сановников, которые поклялись, что никто не думал сделать ему что-либо худого. Все закончилось обоюдными любезностями и внешним примирением. Ахмед-мирза и Мухаммед Шейбани вме-

сте выступили из Самарканда против моголов, но в пути Шейбани неожиданно покинул Ахмед-мирзу и направился ташкентской дорогой в Туркестан. За Чирчиком Шейбани встретил передовой могольский отряд и немедленно вступил в переговоры с моголами. В результате этих переговоров Шейбани со своим отрядом направился в Ташкент —резиденцию могольского Махмуд-хана, был принят ханом очень радушно и стал его гостем и союзником. Измена Шейбани заставила Ахмед-мирзу спешно переправиться обратно через Чирчик, который он успел уже перейти, но моголы стремительно напали на него и нанесли ему жестокое поражение. Самаркандские воины, спасаясь от настигавшего их неприятеля, бросались в реку и гибли в ее быстрых волнах. Этим поступком Шейбани окончательно порвал с Ахмед-мирзой.

Последовавшие затем три-четыре года прошли для Шейбани в непрерывных пограничных войнах с враждебными ему узбекскими ханами и султанами. То он овладевал теми или иными крепостями в низовьях Сыр-дарьи, то его оттуда изгоняли; то он вступал в дружественные отношения со своим старым приятелем тимуридским наместником Туркестана Мухаммед-Мазид-тарханом, то присоединялся к его врагам. Значительно усилив свои войска кочевниками разных племен и овладев несколькими крепостями, Шейбани устремился на Хорезм, находившийся под властью тимурида Султан-Хусейна (1468—1506). Ему удалось овладеть пограничной с хорезмийской степью крепостью Тирсак. Дальнейшие успехи Шейбани в северном Хорезме были остановлены войсками Султан-Хусейна, посланными им для подкрепления из Хорасана в Хорезм. Однако Шейбани продолжал набеги то на одну часть Хорезма, то на другую. Захватив крепость Адак, лежавшую на главном пути между Ургенчем и Астрабадом, он совершил оттуда опустошительный набег на Астрабад и вернулся в Тирсак с большой добычей.

Укрепление власти Шейбани в Дешти-кипчаке. В Дешти-кипчаке Шейбани продолжал укреплять свои позиции при содействии своего союзника, владетеля Ташкента, могольского султана Махмуд-хана, передавшего ему отнятую у тимуридов пограничную крепость Отрар. В руки Шейбани перешли также сильно укрепленные Сайрам и Ясы (возле современного г. Туркестана), вследствие чего он оказался обладателем большей части той обширной области, которая называлась тогда общим термином „Туркестан". Однако борьба за преобладание в Дешти-кипчаке продолжалась. Бурундук-хан и его братья, войдя в тайное соглашение с влиятельными лицами г. Сайрама, вызвали восстание горожан против узбекского гарнизона, который был перебит. Овладев Сайрамом, Бурундук-хан и его союзники осадили Шейбани в Отраре. Но на помощь осажденным из Ташкента прибыл Махмуд-хан, после чего султаны не только сняли осаду, но и заключили мир с Шейбани-ханом. Однако вскоре, боясь дальнейшего усиления Шейбани-хана и опасаясь за судьбу собственных владений, могольский хан заключил союз с враждебными Шейбани-хану узбекскими ханами и султанами и сделал попытку вытеснить Шейбани из занятых им присырдарьинских земель. Последовавшие затем ожесточенные военные действия в конце концов окончились миром, настолько укрепившим положение Шейбани, что он мог расширить свои завоевания в сторону тимуридских владений.

Поход Шейбани-хана в Мавераннахр. Шейбани воспользовался смутами, начавшимися среди тимуридов после смерти бездетного

самаркандского султана Ахмед-мирзы. Он обратился с воззванием ко всем своим приверженцам, когда-либо состоявшим у него на службе, с приглашением вернуться к нему. Когда на это приглашение прибыли его дяди и ряд знатных узбеков, Шейбани-хан двинулся на Самарканд, где в то время номинальным правителем был Султан-Али-мирза, младший сын Султан-Махмуд-мирзы. Самаркандцы сильно укрепили свой город и его окрестности. Это обстоятельство побудило Шейбани на этот раз отказаться от осады города. Обойдя Самарканд, он проник в Карши и оттуда прошел до Шахрисябза, разгромил эти города и с большой добычей вернулся к себе. Этот набег, носивший характер рекогносцировки, воочию убедил узбеков, что захват соседних тимуридских владений—дело весьма не трудное. Шейбани-хан заручился помощью ташкентского Махмуд-хана, с которым опять помирился. Получив от него вспомогательный отряд моголов, Шейбани-хан направился к Самарканду и приступил к его осаде. Несмотря на упорную защиту гарнизона и жителей, принимавших деятельное участие в вылазках, Самарканд был накануне падения, но известие о том, что на помощь осажденному городу подошел бухарский наместник эмир Мухаммед-Баки-тархан с войсками, заставило Шейбани-хана снять осаду и поспешить навстречу бухарцам В сражении у крепости Дабусия (теперь развалины близ ст. Зияуддин) Мухаммед-Баки был разбит и укрылся за ее крепкими стенами, а Шейбани-хан форсированным маршем направился на Бухару. После трехдневной осады, бухарская знать решила сдать город Шейбани-хану. В ставку грозного узбекского хана явилась депутация с подарками и изъявлением покорности. Шейбани-хан назначил в Бухару своего даругу (правителя); населению города были даны заверения, что никакого вреда им и их имуществу не будет причинено.

Весть о взятии Бухары Шейбани-ханом произвела в Самарканде удручающее впечатление. В правящей верхушке города происходили большие нелады. Эмиры, враждебные Султан-Али-мирзе, бежали из Самарканда и обратились за помощью к правившему в Андижане, Бабуру и проживавшему в Ташкенте брату Султан-Али-мирзы—Увайс-мирзе. Оба тимуридских царевича поспешили в Самарканд. Шейбани-хан, узнав об этом, решил „употребить лекарство раньше, чем проявится болезнь" и спешно выступил с войском из Бухары. Но в Таткенте (теперь большое селение между Хатырчи и Катта-курганом) его нагнал курьер оставленного им в Бухаре правителя с донесением, что некоторые лица из бухарской знати собираются сдать город бывшему тимуридскому наместнику Бухары, который уже подходит к городу. Шейбани-хан немедленно повернул свою армию обратно и неожиданно оказался перед стенами Бухары. Его противник, стоявший уже в окрестностях города, не решился вступить в бой и отошел. Шейбани-хан произвел крутую расправу с бухарцами; одни были преданы смерти, другие—уведены в плен; все имущество их было отдано на разграбление воинам; на горожан была наложена тяжелая контрибуция; воинское снаряжение и оружие было конфисковано и городские укрепления приказано было разрушить.

Завоевание Самарканда. В это время в Самарканде царили волнения и общее беспокойство. В Шахрисябзе один из феодалов поднял мятеж против Султан-Али-мирзы. В самом Самарканде сыновья ходжи Ахрара, „великий ходжа" Мухаммед-Яхья и почти вся знать объединились и поклялись поддерживать Султан-Али-мирзу; большинство тюркских эмиров совместно с эмирами чагатайскими (т. е. из

отуреченных монгольских племен), также заявило о своей безусловной ему преданности и ожидало лишь призыва вступить в бой. Настроение же горожан было подавленное. Положение с хлебом стало затруднительным, в народе поднимался ропот и недовольство. При слухах о приближении Шейбани-хана открылась измена в дервишских кругах. Стал заметно колебаться в своей верности Султан-Али-мирзе и влиятельный в Самарканде ходжа Мухаммед-Яхья. Не надеясь на чью-либо помощь, Султан-Али-мирза сам занялся подготовкой защиты столицы, призывая горожан оказать сопротивление узбекам.

Тем временем Бабур прибыл из Ферганы в Шахрисябз. Но другой тимурид, Увайс-мирза, не захотел пускаться ни в какие авантюры и немедленно выехал обратно в Ташкент. Ходжа Мухаммед-Яхья, хорошо знавший молодого Бабура и очень расположенный к нему, завел с ним тайные сношения. Видя вокруг себя измену, Султан-Али-мирза сам вступил в переговоры с Шейбани-ханом, который немедленно послал в Самарканд одного из верных ему бухарских дервишей, бывшего когда-то учеником ходжи Ахрара. В одну из пятниц, когда все горожане были в мечети на праздничной молитве, Султан-Али-мирза с небольшой свитой выехал из Самарканда и прибыл в ставку Шейбани-хана; тот принял его весьма любезно, а чтобы население Самарканда знало, в чем дело, приказал „бить в барабан сигналы радости". Ходжа Мухаммед-Яхья, узнав о случившемся, приказал укрепить городские ворота и стал побуждать население крепко стоять за оборону города. Однако все было бесполезно: эмиры не захотели его слушаться, а население осталось пассивным к призывам ходжи. Эмиры и городская знать выехали к Шейбани-хану с подарками; они были приняты им и настолько обласканы, что сам ходжа Мухаммед-Яхья после этого приема будто бы заметил: „Если бы я раньше знал такие благородные качества Шейбани-хана, то я никогда не стал бы терять свое время с этими глупыми (тимуридскими) принцами". Таким образом, древняя столица Тимура без всякого боя в 1500 г. капитулировала перед Шейбани-ханом. Шейбани-хан назначил даругой города одного из своих эмиров, а имущество бежавших из города знатных лиц приказал взять в казну. В Бухару было послано извещение о взятии Самарканда. Победитель не въезжал в город, а находился то в Канигиле, в окрестностях города, то в селении Фарашан, на берегу Зарафшана. Вскоре к Шейбани-хану поступили сведения, что в Самарканде готовится восстание. Шейбани предупредил этот замысел, приказав схватить Султан-Али-мирзу и предать его смерти. Некоторые из знатных самаркандцев, недавно ездивших к Шейбани-хану в ставку сдавать город, были арестованы, в том числе и ходжа Мухаммед-Яхья. Узбекские эмиры настаивали на его казни. Шейбани, почитавший ходжу, был вынужден предложить ему отправиться на богомолье в Мекку. По пути ходжа был убит настигшими его узбеками,—как говорили, против воли Шейбани-хана.

Восстание в Самарканде. Занятие Самарканда Шейбани-ханом оказалось непрочным: он потерял город так же скоро, как и взял. Оставив в нем отряд узбеков, численностью около 600 человек, сам Шейбани-хан с войсками стал за городом, располагая свою ставку то в одном месте, то в другом. Так прошло четыре месяца. Как в городе, так и в его окрестностях продолжались грабежи и насилия победителей. По образному выражению историка того времени „...большинство сел и городов, по слову корана, сделались равнинами и долинами, и не видно на земле ни изгибов, ни возвышений...и боль-

шую часть обитателей зданий всплески волн горя и бесчисленные потоки страданий потопили в водовороте всеобщего смятения".

В Самарканде составился заговор, имевший целью свергнуть владычество узбеков. Один из самых влиятельных самаркандских ученых богословов, ходжа Абулмекарим, потомок знаменитого составителя свода мусульманского права „Ал-Хидайя"—Бурхануддина Маргинани (ум. в 1197 г.), написал письмо девятнадцатилетнему султану Бабуру с призывом занять столицу его предков, обещая, что как только он в назначенную ночь подойдет к городским воротам, они будут ему открыты и все жители выступят против узбеков. Бабур, перевалив через Зарафшанские горы, прибыл в Самарканд с небольшим отрядом и был впущен в город, встретившим его Абулмекаримом и „всеми сановными и великими людьми" Самарканда. Немногочисленный узбекский гарнизон был перебит, жители Самарканда разгромили дома сторонников Шейбани-хана. Многие из них были убиты. С наступлением дня Бабур был провозглашен падишахом.

Шейбани-хан, находившийся в это время в Канигиле, не видя возможности с бывшими у него силами взять обратно город, в тот же день ушел в Туркестан. Оставшиеся в долине Миankаля по разным курганам (крепостям) узбекские гарнизоны либо подверглись избиению, либо бежали, и через какие-нибудь три-четыре месяца почти все самаркандские туманы (районы) признали власть Бабура. У узбеков были отняты даже сильно укрепленные города Карши и Гузар.

Но положение Бабура оказалось весьма тяжелым. Последствия узбекского нашествия давали себя чувствовать. Весь хлеб у населения и правительственные запасы продовольствия были или съедены, или уничтожены многочисленными узбекскими войсками; наступил сильный голод. Чтобы облегчить положение народа, Бабур распустил свои ферганские войска, содержание которых было весьма тяжело для населения. Шейбани-хан, узнав об этом, выступил в поход с большой и хорошо снаряженной армией. Бабур, наскоро собрав войско, в апреле 1501 г. вышел из Самарканда навстречу Шейбани-хану. На берегах Зарафшана Бабур, не дожидаясь шедших к нему на помощь моголов и чагатайских эмиров, дал сражение. Несмотря на его личную храбрость и стойкость его войск, он был разбит и вынужден был укрыться за стенами Самарканда. Началась осада города Шейбани-ханом, длившаяся четыре месяца. Голод в Самарканде достиг ужасающих размеров; люди были вынуждены есть мясо собак и кошек, не считаясь с религиозными запретами; вельможи кормили лошадей листьями деревьев, а все прочие—отваренными в воде древесными стружками. Скоро стали проявляться признаки анархии и упадка дисциплины; многие из горожан, спасая свою жизнь, тайно спускались со стен и бежали в лагерь узбеков. Бабур, видя безвыходность своего положения, в одну темную ночь во второй половине того же 1501 г. покинул Самарканд с небольшим отрядом и направился в Ташкент, где ему был оказан радушный прием могольским ханом Махмудом. Шейбани-хан вторично, теперь уже беспрепятственно, овладел Самаркандом. Жители, кто мог, бежали из города, в том числе и ходжа Абулмекарим; схваченный и узнанный, несмотря на то, что сбрил себе бороду, он был приведен к Шейбани-хану, и тот, увидев его без бороды, спросил, что побудило ходжу сделать над собою столь постыдное для правоверного мусульманина дело. Ходжа ответил на это персидским двустишием: „Кто плюет в зажженое богом пламя, тот опалит собственную бороду". Но Шейбани-хан нисколько

не смягчился этим остроумным ответом ходжи и приказал казнить его. Так же поступил он и со всеми приверженцами и сторонниками тимуридов. Торжество победителя сопровождалось массовыми грабежами и убийствами. Множество самаркандских беглецов увеличило население городов Моголистана, Хорасана и горных областей Восточной Бухары. Бабур, отдохнув в Ташкенте, стал склонять Махмуд-хана помочь ему обратно завоевать его наследственный удел Андижан, захваченный узбеками. Моголы зимою того же 1501 г. выступили в поход с весьма большими силами, но Шейбани-хан предупредил их и, двинувшись вверх по Сыр-дарье, настиг объединенные силы моголов и их союзников-калмыков и разбил их в кровопролитном бою. Махмуд-хан попал в плен к узбекам. Бабур бежал в северо-восточные области Моголистана. К Махмуд-хану Шейбани-хан отнесся великодушно и отпустил его на свободу, выговорив лишь сдачу себе крепости Шахрухии.

Сделав своей столицей Самарканд, Шейбани-хан посадил наместником в Бухаре своего брата Махмуд-султана, а кочевые племена Ташкента и ташкентский вилайет после разгрома моголов передал своим двум дядям—Кучкунджи-султану и Суюнич-ходжа-хану.

Попытка создания коалиции против узбеков. Ободренный этими успехами, Шейбани-хан стал готовиться к захвату обширных владений Султан-Хусейн-мирзы. Последний, обеспокоенный военными успехами узбеков, приказал своему старшему сыну Бадиуззаман-мирзе, наместнику Балха, выступить для отражения узбеков. Владельцы Хисара, Хатлана, Куляба, Кундуза, Бадахшана и других княжеств, номинально входивших в состав государства тимуридов, и нередко враждовавшие между собой, увидев опасность, угрожавшую им от узбеков, решили объединиться в один союз и совместно с Бадиуззаманом выступить против Шейбани-хана и его кочевников. Во главе союза стал владетель Хисара—Хосров-шах. Со своей стороны и Бадиуззаман отправил послов с письмами к владетелям Кандагара, Замина и других княжеств с предложением присоединиться к этому союзу и прислать войска в Балх, откуда должен был начаться поход для отвоевания Мавераннахра. В начале весны 1503 г., когда зелень и подножный корм могли обеспечить прокорм лошадей, южные вассальные княжества тоже прислали в Балх свои войска. Бадиуззаман выступил из Балха с двадцатитысячным отрядом кавалерии и пеших латников и переправился на правый берег Аму-дарьи у Термеза. Но среди союзников не было согласия: ни Хосров-шах, опасавшийся, что в случае победы над узбеками Бадиуззаман посягнет на его владения, ни даже отец Бадиуззамана Султан-Хусейн-мирза, не доверявший сыну, не прислали ему вспомогательных отрядов, и он вынужден был вернуться обратно в Балх, что, по словам тогдашнего историка, „явилось полным крушением авторитета Бадиуззамана, породило разного рода смуты и окрылило надежды Шейбани-хана на дальнейшие успехи".

Искусный дипломат, Шейбани-хан воспользовался этим благоприятным моментом и через одного сейида, высокочтимого во всем Дешти-кипчаке за свою „святость" и пользовавшегося влиянием среди ханов и султанов-кочевников, сумел организовать заговор в свою пользу среди ближайшего окружения Бадиуззамана и осенью 1503 г. выступил из Самарканда на Балх. К этому времени заговор был открыт и некоторые из изменников, в том числе и сам сейид, были казнены. Тем не менее, весть о приближении узбеков застала Бадиуззамана совершенно не подготовленным. Он предпочел удалиться из

Балха под предлогом сбора войска в другом месте, поручив защиту столицы одному из своих сыновей, в советники которому были приданы наиболее верные эмиры. Осада Балха, продолжавшаяся три месяца, была неудачна для узбеков: все штурмы были отбиты защитниками с большим уроном для осаждающих, и Шейбани-хан должен был вернуться обратно. Опасность, которой подвергся Балх, привела к тому, что тимуридская держава временно объединилась для обороны. К коалиции феодальных княжеств, возглавляемой Хосров-шахом хисарским, примкнул Бабур, успевший за это время овладеть областью Кабула. Султан-Хусейн-мирза примирился со своим старшим сыном, с которым до тех пор враждовал. В июле 1504 г. Бадиуззаман собрал войска на Мургабе, Хосров-шах двинулся на Кундуз, недавно захваченный узбеками, но был разбит, сам попал в плен и был убит. Дальнейшее наступление союзников было приостановлено вновь начавшимися феодальными междуусобицами. Бадиуззаман должен был тратить силы на усмирение своих непокорных подданных, жителей горной местности, орошаемой р. Балхаб. Во время этой экспедиции Бадиуззаман получил извещение, что Бабур напал на Кандагар, и немедленно выступил сам, чтобы помешать Бабуру овладеть этой областью. Дело, однако, не дошло до военного столкновения, и оба царевича помирились.

Завоевание Хорезма и поход на Хорасан. Тем временем Шейбани-хан спешил обеспечить себе безопасность от нападений Султан-Хусейн-мирзы. Прилегавший к Дешти-кипчаку Хорезм со своими воинственными туркменами, где несколько лет перед тем Шейбани-хан потерпел неудачу, всегда мог оказать существенную помощь своему сюзерену—Султан-Хусейну. Поэтому в конце 1504 г., в суровую зимнюю пору, Шейбани-хан начал поход из Бухары на Хорезм. Главный город страны Ургенч после упорной и ожесточенной десятимесячной осады был взят в августе 1505 г.; наместник Султан-Хусейн-мирзы был убит, а с туркменами, принимавшими в обороне крепости большое участие, победители жестоко расправились. Сейчас же после этого успеха, осенью 1505 г., Шейбани-хан послал свой отряд в набег за Аму-дарью в пределы Хорасана; узбеки проникли до Меймене и Фарьяба. На обратном пути на них напали отуреченные монгольские племена джалаир и арлат, во главе которых стояли три эмира, вассалы Султан-Хусейн-мирзы. Эмиры были разбиты и сами пали в бою, их отряды были рассеяны. Это событие внесло смятение и панику в среду местного населения. Искони жившие здесь кочевники бросились бежать, распространяя всюду ужас и смуту. Султан-Хусейн-мирза поспешил вызвать Бадиуззамана в Герат и принял все зависящие от него меры к мобилизации своих военных сил.

Смерть Султан-Хусейн-мирзы и продолжение войны. В сильную стужу января 1506 г. Бадиуззаман с авангардом выступил по направлению к Мургабу; вслед за ним двинулся с главными силами и престарелый, больной Султан-Хусейн-мирза. Бадиуззаман стоял у Сари-пули-табана в ожидании отца, но вместо этого получил известие о безнадежном состоянии его здоровья. 5 мая 1506 г. Султан-Хусейн-мирза скончался. Находившиеся в его ставке эмиры решили разделить престол умершего государя между двумя его сыновьями—Бадиуззаманом и Музаффар-Хусейном, плохо ладившими между собою. Чтобы, по выражению историка, „основы договора и союза (между ними) были скреплены и упрочены крепкими нитями веры, и чтобы другие братья не вышли из их повиновения, и чтобы оба они, всту-

пив на открый путь (взаимной) верности, постарались вырвать с корнем дерево вражды", эмиры заставили братьев поклясться на коране, что они до конца своей жизни пребудут в согласии и единении. Однако, едва похоронили Султан-Хусейн-мирзу и справили по нем семидневный траур, как между эмирами пошли споры из-за верховной власти; одни выдвигали в качестве единоличного монарха Бадиуззамана; другие настаивали на прежнем решении. В этих спорах приняла участие и мать Музаффар-Хусейна, желавшая видеть на престоле своего сына и потому стоявшая за двоевластие; на ее стороне было большинство армии и эмиров из племени барлас; поэтому в одну из пятниц, в начале июня 1506 г., в соборной мечети была провозглашена хутба на имя двух государей.

Когда известие о смерти Султан-Хусейн-мирзы дошло до Шейбани-хана, он отправил в Герат к двум государям посла с письмом, в котором указывал, что „когда-то их отцы жили во всегдашнем согласии и дружбе с его высоким домом, соблюдали по отношению к нему обязательства повиновения; соответственно надлежит поступать и Бадиуззаману и Музаффар-Хусейну: закрыть двери вражды к нему, Шейбани-хану, и не итти по открытой дороге уклонения от этого, чтобы территория их государства осталась мирной и цветущей, а их подданные, отданные им на попечение творцом всех тварей, не были растоптаны копытами коней победоносных узбекских войск". Это была прямая угроза. Братья стали собирать войска и готовиться к отражению узбеков. Между тем Шейбани-хан приступил к осаде Балха. Только в начале осени 1506 г. тимуридам удалось выступить с большими силами на выручку Балха; по пути к ним присоединились вассалы Хорасана и прибывший из Кабула Бабур со своими войсками. Никто не сомневался в победе, но прежде, чем тимуридские государи успели дойти до Балха, город, доведенный голодом до изнеможения, сдался Шейбани-хану, и узбеки, по образному выражению историка того времени, „начисто вымели его метлою разграбления".

Шейбани-хан не решился, однако, вступить в сражение с тимуридами и, быстро переправившись через Аму-дарью, ушел со своей армией в Мавераннахр. Союзники не сумели использовать этого благоприятного обстоятельства. Вместо того, чтобы продолжать поход против Шейбани-хана, было решено, в виду зимнего времени, приостановить военные действия против узбеков и направить силы против непокорных хорасанских эмиров, чтобы заставить их присоединиться к войску. Эмиры и Бабур вернулись со своими войсками каждый в свое владение, а оба государя—в Герат.

Взятие Герата. Таким образом, инициатива попрежнему была оставлена в руках Шейбани-хана. В начале мая 1507 г. Шейбани-хан со всеми своими силами перешел Аму-дарью и вступил в пределы Хорасана. Известие об этом вызвало полную растерянность в правящих кругах Герата, где ничто не было готово к отпору. Когда Шейбани-хан подошел к Андхуду, тимуридский наместник сдал ему крепость. Не задерживаясь, Шейбани-хан форсированным маршем дошел до Мургаба и вступил в пределы Бадгиса, откуда открывался путь на Герат. Узбекские авангарды внезапно появились в виду столицы. Попытка отразить врагов силами гератского гарнизона была равносильна намерению „преградить стремительное течение большой реки горстью влажной земли". В последовавшем ожесточенном бою гератские войска были разбиты, и, когда подошли главные силы узбеков во главе с самим Шейбани-ханом, великолепная столица последнего

блестящего тимурида Султан-Хусейн-мирзы лежала у его ног совершенно беззащитной: эмиры разбежались по разным городам, войска рассеялись, Бадиуззаман удалился в Кандагар, а его брат Музаффар-Хусейн—в Астрабад. На следующий день, 20 мая все сейиды, духовенство и сановники, бывшие в городе, собрались на совет в одном из медресе столицы и пришли к заключению, что необходимо выразить покорность победителю. По получении этого известия, Шейбани-хан приказал разбить свой шатер подле города, считая себя теперь полновластным господином столицы тимуридов, и пригласил представителей города прибыть в его ставку. Сейиды, высшее духовенство и почетные лица прибыли к Шейбани-хану и поднесли ему богатые подарки. Он милостиво обошелся с депутацией, но потребовал от города уплаты контрибуции в 100 тысяч динаров (150 тысяч рублей серебром) и особо от знати и владельцев суюргалей (пожалованных ленов)—20 тысяч динаров (30 тысяч рублей) и назначил в Герат своего правителя. В город были введены сборщики податей и узбекские отряды. В течение недели наложенная контрибуция была собрана. Все наличные деньги и всякого рода ценности, бывшие у представителей династии тимуридов, были взяты в казну Шейбани-хана.

После двухдневного грабежа последовало распоряжение Шейбани-хана прекратить насилия; населению была объявлена пощада и безопасность имущественная и личная. В большой соборной мечети Герата была провозглашена хутба с упоминанием „имама времени и наместника всемилостивого" (имам-уз-заман ва халифат-ур-рахман) Мухаммед Шейбани-хана. Затем последовала амнистия тем эмирам и сановникам, которые состояли на службе у тимуридов и бежали в окрестные горы; многих из них Шейбани-хан принял к себе на службу. После кратковременного сопротивления сдалась и цитадель столицы Ихтиаруддин, защитники которой выговорили себе право свободного ухода со своим имуществом, куда они пожелают.

С занятием Герата самая богатая и культурная часть владений тимуридов оказалась в руках узбекского хана. Теперь ему предстояло подчинить западную часть Хорасана, где еще оставались тимуридские царевичи и их эмиры. Узбекские войска брали одну крепость за другой, пока из Мешхеда значительные силы тимуридов не сделали попытки остановить это движение неприятеля. Но узбеки напали врасплох на эту армию под г. Джамом ранним утром, когда начальники еще не оправились после ночной попойки, убили командовавшего армией тимуридского царевича и обратили его войска в беспорядочное бегство. Столь же безуспешны были попытки сопротивления и других сыновей Султан-Хусейн-мирзы, которые из принадлежавших им „суюргалей" выступали со своими слабыми отрядами против узбекских передовых частей, неизменно терпели поражение и гибли в бою или искали спасения далеко на западе, на чужбине. В этих войнах проявили себя как недюжинные талантливые полководцы сын Шейбани-хана, Мухаммед-Тимур-султан, и его племянник Убайдулла-султан, сын его брата и неразлучного спутника всей бранной жизни хана Махмуд-султана, которые и осуществили завоевание западного Хорасана. Весною следующего года Шейбани-хан предпринял новый успешный поход на Хорасан, где в Астрабадской области укрылся последний гератский государь Бадиуззаман. Бадиуззаман вынужден был бежать в Азербайджан и кончил жизнь в далеком Стамбуле (Музаффар-Хусейн умер еще до прихода Шейбани-хана).

С присоединением Астрабада и Гургена Шейбани-хан становился государем обширной империи, простиравшейся от Каспийского моря до пределов Китая и от Сырдарьинского правобережья до центрального Афганистана.

Причины падения государства тимуридов. Одной из основных причин крушения государства Тимура и его преемников была господствовавшая в нем феодальная раздробленность. Знать и тимуридские князья были заняты исключительно своими феодальными династическими распрями и жертвовали ради них общегосударственными интересами. Обособленность и стремление к сепаратизму отдельных владений, входивших в состав державы тимуридов, сказались в том, что каждый эмир видел в себе представителя не всего государства в целом, а того племени, из которого он происходил, и название его племени (барлас, аргун, арлат, джалаир и др.) неизменно присоединялось к его имени.

С другой стороны, жестокая эксплоатация, которой подвергались народные массы со стороны вечно враждующих между собой феодалов, делала эти массы равнодушными к смене владетелей, поскольку победа узбеков означала для большинства населения только смену одной группы эксплоататоров другой. Для широких кругов населения Средней Азии узбекское завоевание, как бы тяжело оно не было, несло с собой прекращение феодальных смут. По существу своему, феодальная держава Шейбани-хана с сильной властью хана-предводителя являлась выходом из тяжелого положения, до которого страна была доведена феодальной раздробленностью, господствовавшей при тимуридах. Настроение культурных кругов Мавераннахра резко выразил современник Алишера Навои—Мухаммед-Салих, сам принадлежавший к тимуридской знати, но изменивший тимуридам и перешедший к Шейбани-хану. В своей поэме „Шейбани-намэ" он откровенно, но не без лести, свойственной придворному поэту, писал, что „долго на службе (тимуридских) правителей был, тамошним мудрецам был слугою и не видел добра у правителей". Устами „мудрых" поэт рисует яркую картину феодальной разрухи, в которую ввергли его страну тимуриды:

„Пьют денно и нощно вино,
Враждуют друг с другом,
Все они в страхе один от другого,
Отцом своим сын недоволен,
Сына старается уничтожить отец...
Мучим собственным сыном отец"..

Мухаммед-Салих предсказывает гибель тимуридского владычества и горячо приветствует появление своего нового патрона Шейбани-хана, в котором видит носителя порядка и благодетеля народа.

Такое отношение к узбекскому завоеванию передовой части тимуридской интеллигенции вместе с индиферентизмом, проявлявшимся в эксплоатируемых массах, и своекорыстием и беспринципностью, господствовавшими среди феодалов, в значительной степени и объясняют легкость, с какой произошло завоевание.

Завоевание было облегчено также тем, что происходившее на протяжении столетий отуречение населения большей части оседлых районов Средней Азии и проникновение элементов среднеазиатской исламской культуры на север, стерли языковые, религиозные и до

некоторой степени бытовые различия между ними и кочевым тюркским населением Дешти-кипчака. Узбеки-кочевники, были такими же мусульманами, как и местное население, и говорили на языке, вполне понятном населению государства тимуридов. Их вождь Шейбани-хан стоял на уровне тогдашней мусульманской культуры, прекрасно владел двумя местными языками—персидским и тюркским—был человеком образованным, любившим просвещение и науку. После взятия Герата у него нашлось даже время позировать гениальному Бехзаду, написавшему знаменитый его портрет. Вместе со своим секретарем Шейбани-хан собственноручно переписал „Шейбани-намэ" (Книга о Шейбани), т.е. историю своего царствования, составленную его придворным поэтом Беннаи, вышедшим из круга Алишера Навои. В любом месте, где он останавливался, он любил беседовать с учеными, суфиями и поэтами. Такие же культурные интересы были и в ближайшем его кругу и у его преемников, выросших и воспитавшихся в культурной среде местного оседлого населения. Все это облегчало сближение верхушки завоевателей с господствующими классами государства тимуридов. Официальные представители местного феодального просвещения, каким являлось мусульманское духовенство, быстро нашли общий язык с победителями, сохранили и при них то же первенствующее положение, какое они занимали при свергнутой династии, и оказывали узбекским ханам идеологическую поддержку. Многочисленные дервишские братства с десятками тысяч своих членов хорошо были известны кочевникам-узбекам, среди которых также были последователи этих братств (сам Шейбани-хан принадлежал к дервишскому ордену „ходжагон"). Союз с мусульманским духовенством несомненно содействовал укреплению власти узбекских ханов.

Начало феодальной раздробленности в государстве Шейбани-хана. Предпринимая первые шаги к укреплению своей власти среди узбеков во время своей скитальческой жизни, Шейбани-хан опирался на помощь шести узбекских племен: кушчи, найман, уйгур, курлаут, ички и дурман; а после того, как определились его успехи, к нему присоединились эмиры племен кият, кунграт, туман, тангут, хитай, чимбай, шинкарлы, шадбаклы и идджан. Судя по тому, что до последнего времени в состав как узбекской, так и казахской народности входили одинаковые племена и роды, можно с уверенностью полагать, что к победоносному вождю узбеков пристал ряд казахских и мангытских племен или их частей, хотя основная масса кочевников, не принадлежавших к улусу Шейбана, осталась на своих местах.

Держава Шейбани-хана, объединявшая эти кочевые племена и население обширного государства тимуридов, весьма скоро подверглась воздействию феодальных порядков, которые узбеки застали в завоеванной стране. Отдельные области Шейбани-хан распределил между своими родственниками, как это было в обычае у кочевников. Но захват земледельческих районов и эксплоатация оседлого населения создавали теперь для владельцев этих областей более самостоятельное положение, чем то, какое им до тех пор обеспечивало владение кочевыми улусами. Кроме того, ряд областей был отдан в управление подчинившимся Шейбани-хану правителям тимуридского времени, т. е. в них фактически сохранились существовавшие до завоевания порядки.

Неизбежные при этом феодальные неурядицы очень ослабляли молодое узбекское государство, в котором даже при наличии столь

волевого главы, как Шейбани-хан, султаны не всегда оказывали ему безусловное повиновение. В конце своего правления Шейбани-хан был вынужден даже отнять у Кучкунджи Туркестан, у Убайдуллы—Бухару, а у двух других султанов—выделенный им Хисар. Весьма возможно, что именно вследствие этого поступка (по другой версии—потому, что Шейбани-хан поспешил вступить в бой, не желая делиться с царевичами военной добычей) султаны замедлили с оказанием помощи своему сюзерену в роковой для хана битве под Мервом, и это явилось косвенной причиной поражения и смерти Шейбани-хана.

Война с Ираном и гибель Шейбани-хана. Дальнейшее движение узбеков на юг было остановлено войсками иранского шаха Исмаила I—талантливого военного организатора и полководца своего времени.

Шах Исмаил I происходил из суфийской семьи г. Ардобиля, высоко почитавшейся тюркскими племенами Азербайджана. Воспользовавшись феодальными смутами, происходившими в Иране в последней четверти XV в., и поддержанный с одной стороны—дервишскими кругами, а с другой — тюркскими племенами Азербайджана, Исмаил создал хотя и немногочисленную, но очень сплоченную и храбрую армию, получившую от врагов и соседей за свои красные головные уборы название „кизилбашей" (красноголовых). С этими войсками Исмаил I подчинил себе в 1502 г. Ширван, Азербайджан и Персидский Ирак и принял титул шаха. В 1504 г. его владения на востоке соприкасались с тимуридскими, а на западе граничили с районами Диарбекра и Багдада.

Когда Шейбани в своем завоевательном устремлении достиг в Хорасане границ персидского Ирака, его столкновение с шахом Исмаилом стало неизбежным. Шейбани-хан предварительно послал шаху письмо, в котором увещевал его отказаться от „мерзкой шиитской ереси" и обратиться в лоно суннизма; в противном случае Шейбани-хан грозил вторгнуться в Иран и сравнять с лицом земли его столицу —Исфахан. Когда узбеки произвели опустошительный набег на Керман, Исмаил с своей стороны потребовал у Шейбани-хана прекратить такие набеги на его владения. Глава узбеков в ответ на это послал Исмаилу дервишский посох и чашку для сбора подаяний (кашкуль), намекая на его дервишское происхождение. В сопроводительном письме было сказано: „Ты—наследник дедовской нищенской чашки и палки, а я—из потомков Чингиза, наследник царства и меча. Если ты удовольствуешься дервишеством, то это будет достойно тебя". Далее Шейбани-хан уведомлял Исмаила, что у него давно уже созрела мысль отправиться в паломничество в Мекку и потому он хочет знать, где и когда он может встретиться с шахом. Шах ответил, что он тоже собирается на богомолье в Мешхед (бывший во владении Шейбани-хана) поклониться гробнице „высокочтимого имама Ризы"—одной из главных шиитских святынь, где они и могут встретиться.

В 1510 г. шах Исмаил вступил в пределы Хорасана и стал быстро продвигаться вперед. Узбекские войска поспешно отступили к Герату, где находился Шейбани-хан. Вступление шаха Исмаила в пределы Хорасана и его приближение к Мешхеду совпало с известием о поражении узбеков на Сыр-дарье под ударом объединенных сил моголов и казахов. Войска Шейбани-хана были утомлены только что совершенным переходом, а отступавшие из Хорасана войсковые части были деморализованы; о выступлении навстречу шаху не мог-

ло быть и речи. Шейбани-хан поспешил со своим войском укрыться за стенами Мерва, в ожидании подкреплений из Мавераннахра. Осадив Мерв, иранцы прибегли к хитрости: притворно отступив из-под стен Мерва, они заставили узбеков выйти из города. Шах послал Шейбани-хану письмо, в котором писал: „Ты обещал встретиться с нами в Ираке или Азербайджане, но не выполнил этого обещания; между тем мы свое выполнили и пришли в Хорасан; ты же уклонился от сражения с нами. Теперь некоторые обстоятельства, случившиеся в Азербайджане, требуют нашего возвращения туда; посему мы выступаем в обратный путь". Выйдя из Мерва со всеми своими силами, Шейбани-хан бросился преследовать шаха, быстро уходившего со своими войсками. Узбеки стали жертвой военной хитрости иранцев: оставшийся позади них, в 24 *км* от Мерва, мост на Мургабе был разрушен и 17-тысячное иранское войско сомкнуло роковой для Шейбани-хана круг. Последовавшее затем кровопролитное сражение отличалось с обеих сторон необыкновенным ожесточением; почти все узбекские эмиры пали, сам Шейбани-хан был убит; его череп шах велел оправить в золото и употреблял его вместо кубка на своих пирах; кожа, снятая с головы Шейбани-хана и набитая соломою, отправлена турецкому султану Баязиду II, как защитнику и главе суннитского правоверия.

ГЛАВА II

УЗБЕКСКИЕ ГОСУДАРСТВА В XVI В.

§ 1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГОСУДАРСТВА ШЕЙБАНИДОВ

Узбекское завоевание не могло не оказать сильного влияния на все стороны жизни как коренного населения Средней Азии, так и самих узбеков. На территории государства тимуридов столкнулись многочисленные степные племена, по своему хозяйственному и общественному укладу переживавшие переход от родоплеменного быта к феодальному, и земледельческое население цветущих оазисов с развитыми феодальными социально-экономическими отношениями. Нашествие кочевников, сопровождавшееся большими опустошениями, привело к временному упадку хозяйственной и культурной жизни страны. В то же время захват кочевниками земледельческих районов способствовал ускорению процесса феодализации, происходившего среди самих кочевников. В связи с последним явлением дофеодальная держава Абулхайра с пережитками военной демократии и сильной властью военного предводителя—хана принимала теперь черты типичного раннефеодального государства.

Земледелие и скотоводство. Древняя земледельческая культура Средней Азии не была сметена нашествием кочевников, но на ней в первое время после завоевания не могли не отразиться в какой-то мере потрясения и разорение, которые испытало оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое население бывшего государства тимуридов. Шейбани-хан, приведя свой народ в Мавераннахр, должен был поселить его на новых местах; кочевники-победители, естественно, стремились занять лучшие места, ни в какой мере не считаясь с интересами местного оседлого населения. Поэтому основные массы их расположились около Ташкента, заняли лучшие территории в долине Зарафшана, в Кашкадарьинском и Сурхандарьинском районах; значительная часть кочевников перешла на левый берег Аму-дарьи, на территорию нынешнего Северного Афганистана. Каждая из областей тимуридского государства была отдана в юрт (владение) того или другого узбекского племени, возглавлявшегося своим племенным вождем-эмиром (Термез, например, составлял юрт племени кунграт, Кундуз—племени катаган и т. п.). Расселение сопровождалось вытаптыванием и потравой пашен, превращением возделанных земель в пастбища, а также вытеснением местных кочевников с их пастбищ и зимовых стойбищ, захватом их стад.

Все это привело к временному упадку благосостояния и к некоторому запустению некогда культурных пространств. Часть оседлого, в частности, таджикского населения ушла в горные районы, не представлявшие достаточных удобств для кочевого скотоводческого хо-

зяйства. Местные же кочевники тюркского происхождения, в силу общности быта и языка, слились постепенно с завоевателями, войдя в качестве новых родовых подразделений в число племен узбекского народа.

К концу XVI в. произошли некоторые сдвиги и в скотоводческом хозяйстве кочевников; наряду с местными терминами „дихнишин" (оседлый) и „сахранишин" или „сахрашин" (кочевник), появляется также термин „кишлакнишин", обозначавший собою ту часть кочевого населения, которое стало постепенно оседать, превращая свои прежние зимние стоянки (кишлак) в место постоянного жительства.

Ремесла и торговля. Хозяйственная жизнь городов Узбекистана, нарушенная военными событиями первого десятилетия XVI в., постепенно стала восстанавливаться.

Хорасанский поэт и литератор Васыфи, прибывший в Среднюю Азию в 1512 г., оставил подробное описание среднеазиатских городов. Бухара, Самарканд и Ташкент при первых шейбанидах были довольно многолюдными городами, центрами оживленной ремесленной торговли и культурной жизни. В частности, широких размеров достигла ремесленная и торговая деятельность населения Бухары и Самарканда.

Базар в Бухаре делился на ряды, обслуживавшие отдельные виды ремесла или торговли; до нашего времени сохранились построенные при Абдулла-хане так называемые „чорсу", купольные здания, возведенные на перекрестках базарных улиц,—в них помещались продавцы головных уборов, ювелиры, менялы-ростовщики и проч.; еще до недавнего времени существовали „чорсу" изготовляющих стрелы и купол „продавцов муки". Там же, на базаре возвышался построенный Абдулла-ханом в 1586—1587 г. тим, т. е. гостинный двор для торговли приезжих купцов. К их же услугам были также многочисленные в Бухаре караван-сараи, как, например, принадлежавшие ходже Сааду караван-сарай Гаукушан (1570 г.) и сарай близ мечети Лисак (1559—1560). Спрос на ремесленную продукцию Узбекистана в XVI в., особенно на бумажные и отчасти шелковые ткани и оружие, был значителен не только в Мавераннахре, но и в соседних государствах. В связи с развитием ремесла усиливается отделение города от деревни.

Развитие ремесла способствовало развитию торговых сношений, о чем свидетельствует строительство в XVI в. караван-сараев в ряде городов. XVI век характеризуется расширением торговых связей Средней Азии с окружавшими ее странами. Бухарские и хивинские посольства вместе с торговыми караванами среднеазиатских купцов направлялись как в Москву, так и в соседние восточные страны—в Индию (империя „великих моголов"), Иран, в казахские степи, в Сибирь, к ногайцам и т. д. В Бухару прибывали ответные посольства.

Враждебные отношения с Ираном делали невозможным широкий товарооборот Мавераннахра с западом и югом и заставили обратить наибольшее внимание на север.

С Казанским ханством существовали давнишние торговые отношения; в Казани в период ее независимости упоминаются „тезики" (таджики)—среднеазиатские купцы; одно из урочищ в центре города даже называлось „тезицким рвом". Присоединение Казанского ханства, а затем и Астраханского к Московскому государству открыло возможность непосредственных сношений с этим государством. Уже в 1557 г., т. е. через год после ее завоевания, в Астрахани появились купцы из Хорезма; около этого же времени начались сношения Мос-

квы с Бухарой и Самаркандом, Ташкентом и Балхом. Проживший в Бухаре зиму 1558 г. в качестве посла Ивана IV англичанин Дженкинсон пришел к убеждению, что „торговля Бухары с Московским государством была довольно значительна". Оживленный обмен торговыми караванами-посольствами между Бухарой и Москвой падает на вторую половину XVI столетия, причем караваны снаряжались не только из столиц узбекского государства—Самарканда и Бухары, но и из крупных вассальных городов—Ташкента, Ургенча, Балха и др. Из Московского государства доставлялись „рыбий зуб" (моржовые клыки), меха, выделанные кожи, мед и воск, деревянная посуда, металлические изделия, соколы и кречеты. Из западноевропейских товаров привозились сукна, бархат и зеркала, тайком—оружие, ибо оно было „заповедным" (т. е. запрещенным к вывозу) предметом. По особым царским разрешениям ввозилось в Бухару серебро и монета. Из Средней Азии шли в Московскую Русь шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, мерлушка, шелк-сырец, ковры, разные пряности, сушеные фрукты и проч. Предметом значительной торговли в Средней Азии были рабы, главную массу которых составляли иранцы, захваченные узбеками при набегах на Хорасан, и русские, приобретавшиеся у кочевников Дешти-кипчака.

Развитие рыночных связей в XVI в., хотя еще и очень слабое, все же создавало экономическую базу для попытки политического объединения страны, произведенной Абдулла-ханом.

Феодальное землевладение. Вторжение кочевников-скотоводов отразилось на господствовавших в стране формах землевладения. Среди узбеков, поселившихся на территории Мавераннахра, сохранилось еще в полной силе общинно-племенное владение землей, при котором собственником и распределителем земли являлось не отдельное лицо или территориальная община, а племя в целом или его подразделение. Этому способствовал кочевой характер скотоводческого хозяйства у большинства узбекских племен в данный период. Наряду с общинным владением землей в кочевых районах,—в районах земледельческих развивалось, сложившееся задолго до нашествия узбеков, феодальное землевладение; а вовлечение кочевников в феодальные хозяйственные отношения не могло не влиять на ускорение происходивших в кочевом обществе процессов феодализации.

За оказываемую ханам и султанам помощь наиболее видные представители племенной знати, вместе с назначением на высокие государственные должности, получали в управление отдельные области и районы. Сверх того, узбекская знать пользовалась от ханов земельными пожалованиями. Институт этих пожалований, существовавший в Средней Азии в раннем средневековье (так называемые икта) и при тимуридах (суюргаль, тиуль) получили дальнейшее развитие при узбекских династиях.

В XVI в. наиболее распространенным было пожалование тому или иному лицу права взимать в течение известного времени в свою пользу государственные налоги на землю, поступавшие ранее в казну государства. Лицо, получившее такого рода условное земельное пожалование, собственником земли не являлось, и власть его ограничивалась только правом взимания в свою пользу поземельной подати с крестьян, непосредственно обрабатывающих данную землю. Такого рода условное пожалование обычно обозначалось в Бухаре, начиная с XVI в., персидским термином танхо.

Наряду с условным пожалованием практиковалась также передача ханами земли в полную собственность отдельным лицам, так или иначе выделявшимся своими заслугами перед государством, а также крупным представителям духовенства. Пожалованная таким образом земля часто освобождалась от всяких налогов и называлась свободным от государственных повинностей (мульк-и-хурр-и холис) землевладением. Крестьяне, жившие на мульковых землях, не теряли личной свободы, но попадали в зависимость от землевладельца.

В результате земельных пожалований, в руках узбекской знати на протяжении XVI в. сосредоточились довольно обширные земельные владения, обрабатывавшиеся трудом феодально-зависимого крестьянства, юридически не терявшего своей личной свободы. Однако фактическая власть узбекской знати над крестьянским населением постоянно возрастала, по мере расширения феодального землевладения.

Наряду с узбекской племенной знатью, в государстве шейбанидов сохранила свое влиятельное положение и часть тимуридских светских и духовных феодалов, которая признала власть завоевателей.

Духовное землевладение. Выдающееся положение среди феодалов в государстве шейбанидов заняли представители как мусульманского духовенства, так и суфийские шейхи (ишаны), возглавлявшие дервишские братства. Смена династий не отразилась на экономическом положении ни официального духовенства, ни руководителей дервишских корпораций. Конфискации подверглось имущество лишь тех немногих духовных феодалов тимуридского времени, которые активно выступали против Шейбани-хана. Все прочие духовные лица продолжали пользоваться выгодами своего положения; в частности, все вакуфные земли оставались в их распоряжении на прежних основаниях. Положение зависимых крестьян-издольщиков на вакуфных землях тоже ни в чем не изменилось. Узбекские ханы, знать и состоятельная часть населения щедро жертвовали земли религиозным учреждениям и таким образом увеличивали вакуфный земельный фонд.

Дошедшие до нашего времени в большом числе „вакф-намэ", завещательные распоряжения ханов, вельмож и прочих лиц в пользу различного рода религиозных учреждений (мечетей, медресе, мазаров, дервишских общежитий и проч.), показывают, что в руки определенной категории служителей мусульманского культа переходили целые районы с десятками селений, пахотные угодья, мельницы, дома, караван-сараи, лавки и проч. Так, например, шейбанид Абдулла-хан, посетив г. Шахрухию на Сыр-дарье, построил для тамошнего ишана Шах-Эмира-Асадулла вели мечеть и пожертвовал в вакф земли и селения, а двум племянникам ишана пожаловал большие земли с освобождением навечно от податей. Производившиеся в 80-х годах XIX в. работы поземельно-податной комиссии Сырдарьинской области в районе бывшего г. Шахрухии выявили по документальным данным, что всего Абдулла-ханом было пожертвовано 5531,6 *га*. Эти земли оказались поделенными между многочисленными потомками упомянутого ишана, к этому времени образовавшими два селения. Кроме вакуфных пожертвований и ханских пожалований, земельные богатства дервишских ишанов увеличивались также и путем широко практиковавшейся покупки.

Насколько велики были средства, сосредоточивавшиеся в руках ятдельных, наиболее влиятельных ишанов, показывает огромное хозяйство джуйбарских ходжей. Имущество влиятельного в середине

XVI в. современника Абдулла-хана, ходжи Ислама Джуйбарского, заключалось в табунах лошадей и в стадах овец и верблюдов, круглый год пасшихся в степях, в пахотных полях Мавераннахра и прилегающих к нему областей, в сундуках редкого бархата и других материй. На конюшнях ходжи стояли десятки великолепных коней. Сотни ловчих птиц разных пород содержались и воспитывались целым штатом служащих; сокольники имели своих начальников охоты, а охотники с ястребами—своих. К множеству охотничьих собак были представлены особые дрессировщики.

Ходжа Ислам увлекался охотничьим спортом; верующие, желавшие беседовать с ним, жаловались, что он больше разговаривает с ловчими птицами и собаками, чем с людьми. Громадное хозяйство Ходжи обслуживали 300 рабов из персов, русских и индусов, которые частью работали на пашнях, частью же служили при доме хозяина и при его конюшне. Для ведения хозяйственной отчетности имелась особая канцелярия. Ходжа Ислам занимался и торговлей; его караваны доходили до Москвы. Местность, где жил ходжа Ислам и его предки, называвшаяся Джуйбар, примыкала к городу Бухаре с юго-западной стороны. Во второй половине XVI в. Абдулла-хан включил Джуйбар в черту города, перестроив для этого часть городской стены; здесь образовалось потом 16 жилых кварталов (гузаров).

Дервишские братства. Особенно широким влиянием в узбекском государстве пользовались среди масс оседлого и кочевого населения многочисленные дервишские или суфийские братства. Авторитет наиболее выдающихся главарей дервишских орденов стоял настолько высоко, что ханы, султаны и другие представители правящих кругов были вынуждены постоянно считаться с мнениями и желаниями видных ишанов.

Под сенью дервишских корпораций, в степени „учеников" (муридов) уживались люди не только совершенно различных классов и общественного положения, но и политические противники: у известного среднеазиатского ишана Махдуми-А'зама верными и преданными учениками были Бабур и его победитель, племянник Шейбани-хана — Убайдулла-хан, окончательно изгнавший Бабура из Мавераннахра. Бабур, будучи далеко за пределами Мавераннахра, в Индии, поддерживал сношения со своим духовным наставником; а Убайдулла-хан, находясь в Мавераннахре у вершины государственной власти, был покорным учеником этого же наставника.

Земельные богатства и разного рода недвижимости упрочивали за дервишскими ишанами еще большее влияние на народные массы, поэтому узбекские ханы стремились поддерживать союз с наиболее авторитетными и влиятельными ишанами. Это обстоятельство вовлекало ишанов и покорных им дервишей в распри и усобицы, происходившие между узбекскими ханами и султанами. В течение всего XVI в. дервиши принимали в них активное участие. Они выступали не только идейными руководителями покровительствуемых ими представителей правящей династии, но и являлись вдохновителями разных террористических актов, направленных против неугодных им лиц, стоявших у них на пути и мешавших свободе их действий. Исполнителями таких убийств обычно бывали послушные и слепо преданные своим наставникам ученики. Так, например, от ножа мурида Султана, подосланного Махдуми-А'замом, погиб влиятельный ташкентский эмир Ибрагим; правитель Бухары Бурхан-султан был убит по наущению

ходжи Ислама, действовавшего в интересах другого претендента—Абдулла-хана. Эти случаи рассматривались, как нечто чудесное, совершавшееся по воле того или иного „святейшего шейха", и в преступлении последнего видели руку божественного промысла, поразившую гордеца, видели кару, постигшую человека, согрешившего против шейха.

Существование двух враждовавших между собою самых больших и влиятельных дервишских орденов—кубравия и накшбендия (ходжагон) еще больше обостряло политическую борьбу феодальных группировок. Первый орден—кубравия, основанный известным хорезмским шейхом Наджмуддином Кубра (по хивинскому произношению—Кубера), погибшим от меча монголов в XIII в., имел шиитскую окраску и более глубокую философскую доктрину рационалистического характера по сравнению с враждебным ему орденом ходжагон (накшбендия), который был более правоверным и не слишком стремился итти вразрез—по крайней мере на низших степенях ученичества—с официальной религией. Идеологические противоречия двух названных орденов приняли в XVI в. характер упорной борьбы. В действительности же это была борьба орденских руководителей за муридов, т. е. за те десятки тысяч послушных членов этих своеобразных братств, которые своими дарами и подношениями обогащали своих духовных наставников. Переманивание учеников было обычным явлением. Отсюда происходили всевозможные интриги и преступления одного дервишского шейха по отношению к другому.

Политический строй в государстве шейбанидов. В политическом строе государства шейбанидов сохранилось много черт, характерных для дофеодального государства. Государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами, а избиравшийся ими глава рода—ханом. Хотя преимущественное право на ханский престол имел старший в роде, но это правило нередко нарушалось; ханский титул присваивали себе также и наиболее могущественные султаны, державшие себя независимо по отношению к своему сюзерену и враждовавшие с ним.

Государство было разделено на несколько крупных княжеств, нередко дробившихся на более мелкие уделы. К султанам—правителям уделов—хан назначал так называемых аталыков, „заступающих место отца", так сказать „дядек", на обязанности которых лежало наблюдение за удельными князьями. Самарканд считался стольным ханским городом: в нем происходило возведение хана на престол, т. е. на священный „серый камень" (кок-таш), но хан, провозглашенный государем всех узбеков, не всегда переезжал в Самарканд и часто находил для себя более выгодным оставаться в своем прежнем уделе, где в его распоряжении находились достаточные и притом более надежные силы. Постепенно значение столицы государства перешло к Бухаре.

Узбекские племена, входившие в состав державы шейбанидов, сохранили в значительной степени свою независимость от ханской власти. Главы племен получали от ханов титулы эмиров, т. е. князей (что совершенно точно соответствовало монгольскому нойон) и возводились в тот или иной чин. В последующие времена эти узбекские эмиры нередко играли бо́льшую роль в государстве, чем сами царствовавшие ханы. Без согласия эмиров ханы фактически ничего не могли предпринять. Опираясь на свои крепкие родовые и племенные связи, эмиры становились весьма опасными для ханской власти, а

удалившись в юрт своего племени, они были почти недосягаемы для наказания или расправы, ибо итти войною против целого племени решался не каждый хан. Нередко эмиры становились временщиками при сильных султанах и даже при ханах и забирали власть в свои руки. Узбекские султаны заискивали у наиболее влиятельных эмиров, и в своих сепаратистских стремлениях, и в активных выступлениях против ханской власти обычно опирались на них. Таким образом, хану приходилось даже в большей степени считаться с беспокойными эмирами узбекских племен, чем тому или иному тимуридскому властителю с его сородичами и вассалами.

Согласно порядку, сложившемуся еще в дофеодальную эпоху, султаны и эмиры принимали участие в избрании хана. В зависимости от обстоятельств, это участие иногда имело решающее значение, иногда же оно сводилось к фикции. По старинному монголо-тюркскому обычаю, избрание оформлялось поднятием избранного хана на белом войлоке. Обряд этот совершался ближайшими родичами нового хана, наиболее знатными эмирами, а в более позднее время—также представителями дервишских корпораций. В придворный обиход был внесен также ряд обычаев, унаследованных от старого степного быта. Придворный церемониал при приемах и совещаниях отличался строгим местничеством не только сановников, но и старейшин узбекских племен; столь же сложна была церемония питья кумыса у хана, в которой участвовали эмиры, представители армии и администрации. При приемах иностранных высокопоставленных лиц строго соблюдался обычай „табуг", состоявший в том, что представлявшийся, став перед ханом на колени, снимал головной убор и, согнув спину, одной рукой смиренно брал себя за ухо.

В Средней Азии пережитки военной демократии—наследие кочевого быта—столкнулись с формами гораздо более высокой государственности, которые, по мере укрепления феодальных отношений в среде кочевников, прочно усваивались ими. Поэтому наряду с обрядами, восходившими к сравнительно примитивным общественным отношениям, были усвоены внешние выражения государственной власти, заимствованные из обихода стоявших на более высокой ступени феодализма мусульманских государств. Официальным признаком ханского суверенитета оставались произнесение пятничной хутбы и чеканка монеты с именем хана. На узбекского хана переносилось все идеологическое представление о верховной власти, созданное исламом: о богоизбранности государя и о теократическом характере его власти. В этом отношении большую роль сыграло не только мусульманское духовенство, но и тенденции, проводившиеся самими ханами, в частности Шейбани-ханом, который смотрел на себя, прежде всего как на насадителя правоверия и искоренителя ересей. Принятый им титул „имам времени и наместник всемилостивого" (имам уз-заман ва халифат ур-рахман) только в сжатой форме выражает взгляд, который Шейбани-хан высказывал на устраиваемых им собраниях ученых богословов, писателей и знати.

Сохраняя многочисленные пережитки шаманизма, узбеки с развитием в их среде феодальных отношений все более подчинялись идеологии ислама, которая явилась мощным орудием в борьбе ханов за укрепление центральной власти.

В общем итоге, держава шейбанидов в XVI в., при наличии уделов в ханской семье и при независимости отдельных узбекских племен, характеризовалась чертами большой феодальной раздробленнос-

ти. Опираясь на мусульманское духовенство, наиболее энергичный из шейбанидов, Абдулла-хан, пытался во второй половине XVI в. приостановить распад узбекского государства, но при слабом еще развитии экономических связей между отдельными частями этого государства центробежные силы одерживали верх.

Оформление узбекской народности. Язык. В связи с начавшимся оседанием, отдельные этнические группы и образования кочевников и полукочевников постепенно смешиваются на территории теперешнего Узбекистана. Родственные узбекам по языку и происхождению местные тюрки и отуреченные монгольские племена, известные тогда под общим названием чагатаев, или джагатаев, постепенно сливаются с массой узбекского населения, утрачивая большей частью свои племенные подразделения и этнические особенности. То же наблюдалось и в Хивинском ханстве, где чагатаи в первой половине XVII в. были еще самостоятельной этнической единицей, а впоследствии слились с узбеками и совсем исчезли. Таджики также частью смешивались с узбеками и тюрками, утрачивая свой язык, особенно в тех районах, где узбекский или тюркоязычный элемент составлял преобладающую массу населения (например, в Фергане или в районе Ташкента). Другая часть таджиков, жившая большими группами в отдельных городах и районах (особенно горных), продолжала сохранять свой язык и свои национально-этнические особенности.

Сами узбеки постоянно испытывали на себе воздействие окружающей этнической среды, особенно в Бухарском ханстве. Наряду с отмеченными выше процессами ассимиляции и хозяйственным взаимодействием, наблюдается также культурное воздействие на узбеков со стороны таджиков и чагатаев. Узбекский язык постепенно впитывает множество заимствованных слов, обозначающих новые для узбекской массы понятия. Среди господствующих классов узбекского общества получают распространение произведения персидско-таджикской и старотюркской литературы, под сильным влиянием которых постепенно зарождаются литературные произведения на узбекском языке. Персидский литературный язык попрежнему остается официальным языком узбекских ханств в Средней Азии (исключая Хиву). На персидском языке пишут свои произведения придворные поэты и историки бухарских ханов XVI и последующих веков.

§ 2. ШЕЙБАНИДЫ В МАВЕРАННАХРЕ

Борьба узбекских султанов с шахом Исмаилом и Бабуром. Весть о гибели Шейбани-хана под Мервом вызвала большую растерянность среди членов ханского дома, а в центрах бывшего тимуридского Хорасана—в Герате, Мешхеде и др.— весть эта вызвала радость и надежду на освобождение от господства кочевников.

Главой династии после смерти Шейбани-хана был избран его дядя, правитель Ташкента, Суюнич-ходжа. Ему была принесена в соборной мечети Самарканда торжественная присяга. Суюнич-ходжа возвратил Убайдулле и другим сородичам уделы, отнятые у них Шейбани-ханом, но это не восстановило согласия в семье узбекских султанов. В том же 1510 г. был избран новый хан в лице старшего из представителей ханского рода Кучкунджи-хана (1510—1530).

В то время, как узбекские султаны решали вопрос, кому быть главою государства, иранский шах Исмаил совершал триумфальное шествие по Хорасану, продвигаясь на восток почти без сопротивления.

Высланный им авангард без боя занял Герат, куда вскоре торжественно въехал сам шах, которого, по свидетельству очевидца, восторженно приветствовало все население столицы и ее окрестностей, видевшее в новом завоевателе избавителя от произвола кочевников. В тот же день в соборной мечети, на общественной молитве была прочитана хутба в шиитской религиозной формуле на имя шаха Исмаила. Шах назначил на должности правителя города, судьи и т. д. своих ставленников и принял выражение покорности от соседних владетелей. Перезимовав в Герате и отпраздновав здесь новый год, шах Исмаил весной 1511 г. выступил с войском в заамударьинские области.

Представители узбекского ханского дома, во главе с Мухаммедом Тимур-султаном, выразили покорность шаху и послали ему подарки с просьбой не вступать в Мавераннахр. Этот поступок султанов вызвал негодование Суюнич-ходжи, не допускавшего мысли о примирении с шахом-шиитом, которому шейбаниды должны были мстить за кровь своего родича Тем не менее был заключен мир, согласно которому все районы по левому берегу Аму-дарьи отошли к Ирану. Захват шахом пограничных опорных пунктов, находящихся ныне на территории северного Афганистана — Меймене, Фарьяба, Балха, Андхуда и других,—закрепил за ним обладание всем Хорасаном.

Эти блестящие успехи первого представителя династии сефевидов в борьбе с узбеками окрылили всех, кто не мог примириться с завоеванием кочевниками государства тимуридов. Бабур, укрывшийся после потери Самарканда в области Кабула, обратился к шаху Исмаилу с просьбой не противодействовать его попытке отвоевать у узбеков наследственные владения своих предков. Получив согласие шаха, Бабур в 1511—1512 гг. выступил с войском из Кабула, перешел Аму-дарью и двинулся на Хисар. Узбекские отряды после ожесточенного сражения были разбиты наголову. Этот успех обеспечил Бабуру овладение не только Хисаром, но и Кулябом, Кундузом и Бадахшаном. Однако, предвидя невозможность дальнейшего наступления собственными слабыми силами, Бабур обратился к шаху Исмаилу за подкреплением. В случае успеха, Мавераннахр должен был превратиться в вассальное владение шаха, а султан Бабур—в вассала сефевидов.

С помощью шаха Бабур предпринял в 1512 г. поход на Самарканд. Узнав об этом движении союзных сил иранцев и чагатаев, Мухаммед Тимур-султан и Убайдулла султан покинули столичные города Самарканд и Бухару и скрылись в Туркестан. Бабур овладел Самаркандом, провозгласил в соборной мечети столицы хутбу на имя шаха Исмаила и стал чеканить монету с именами шиитских имамов.

Официальное признание шиитства вызвало недовольство суннитского населения Самарканда. Между тем Бабур отпустил иранское войско, щедро наградив его командиров. Узбекские султаны, Убайдулла-султан и Мухаммед-Тимур султан, воспользовавшись этим благоприятным для них моментом, заручились помощью других узбекских султанов и с большим войском вторглись в начале 1513 г. в Мавераннахр. Бабур с небольшими силами выступил им навстречу, но потерпел решительное поражение и бежал в Хисар. Узбеки вновь овладели Самаркандом и на этот раз окончательно. Для спасения своего союзника, шах Исмаил послал в Мавераннахр войска под начальством одного из самых опытных своих полководцев, эмира Ахмеда, по прозванию „Наджми-сани" (вторая звезда). Иранская армия, подкрепленная по пути отрядами хорасанских эмиров, переправилась у Термеза через Аму-дарью и, соединившись с Бабуром, двинулась на Карши. Обложив Карши,

Наджми-сани на третий день взял город и, несмотря на возражения других иранских военачальников, приказал перебить поголовно все население. В это время Мухаммед-Тимур, Убайдулла и другие узбекские султаны стояли под Бухарой, заняв выжидательную позицию. Наджми-сани беспрепятственно двинулся из Карши к Бухаре и начал осаду Гиждувана. Здесь он совершенно неожиданно подвергся нападению летучих узбекских отрядов, был наголову разбит и пал в сражении. Лагерь иранцев со всем обозом достался победителям. Из многочисленной иранской армии лишь небольшой части удалось вернуться обратно. Союз между Бабуром и Исмаилом распался, и Бабур снова удалился в Кабул. Отказавшись от мысли о дальнейшей борьбе с узбеками, Бабур в 1525 г. во главе своих чагатаев спустился в долину Пенджаба и занял Лахор. В следующем году он разбил войско делийского султана, захватил столичные города Дели и Агру, подчинил своей власти северную часть Индостана, от р. Инда до Бенгалии, и положил начало империи „великих моголов", просуществовавшей до XIX в.

Бабур был последним видным представителем династии тимуридов. Это был энергичный и храбрый полководец, умный и образованный человек, автор мемуаров, имеющих, наряду с большими литературно-художественными достоинствами, значение важного первоисточника по истории его времени.

После победы при Гиждуване, узбеки двинулись на Мешхед; другие их отряды устремились на Балх. Не прошло и года после победы при Гиждуване, как узбеки опять овладели теми землями, которые отошли к иранцам после гибели Шейбани-хана. Исмаил должен был снова двинуть войска на отвоевание Хорасана. При известии о его приближении узбеки отступили за Аму-дарью, но их летучие кавалерийские отряды продолжали регулярно совершать опустошительные набеги на северо-восточные области Ирана.

Узбекские ханы не без успеха использовали враждебные отношения, существовавшие при сефевидах между шиитским Ираном и суннитской Турцией. Походы османских султанов против Ирана отвлекали внимание шахов от Хорасана. Узбеки пользовались этим обстоятельством для набегов на „еретический" Хорасан, которые продолжались непрерывно в течение всего XVI в., до конца правления династии шейбанидов.

Убайдулла-хан (1533—1539). После смерти Кучкунджи-хана и кратковременного правления его сына Абусаида (1530—1533) главою всех узбеков стал Убайдулла-хан, племянник Шейбани-хана. Историки рисуют Убайдулла-хана суровым воином, не уступавшим в энергии своему знаменитому дяде. Он неоднократно громил иранцев; шесть раз водил он свои войска в опустошительные набеги на Хорасан. Вместе с тем он был хорошо знаком с персидской и тюркской поэзией, понимал толк в арабских произведениях, сам уделял время литературным занятиям и писал стихи. Он был воспитан в духе суфийского миросозерцания, и самое имя „Убайдулла" было ему дано отцом в честь знаменитого среднеазиатского шейха XV в. Убайдулла-ходжи Ахрара. Свои собственные произведения Убайдулла-хан посвящал суфийским темам. Ученик шейха Махдуми-А'зама, он был большим поклонником суфизма и в своей библиотеке собрал много трактатов своего наставника.

Увлечение суфизмом не мешало Убайдулла-хану держать крепко в руках правление страной. При нем вассальные султаны не могли

проявлять своих сепаратистских стремлений. Однако преемники Убайдулла-хана уже не могли предотвратить феодального распада державы. Шестимесячное правление Абдулла-хана I, сына Кучкунджи (1539—1540), сменилось двоевластием: в Бухаре воцарился сын Убайдуллы—Абдулазиз-хан (1540—1549), а в Самарканде, с правами верховного хана узбеков, стал править Абдуллатиф (1540—1551), третий сын Кучкунджи-хана.

В условиях углубления феодальных отношений ни Абдулазиз, ни Абдуллатиф не могли противодействовать начавшемуся распаду державы Шейбани-хана.

Феодальные войны. Начались длительные феодальные войны между шейбанидскими удельными правителями. С одной стороны, выступали ханы, сидевшие в Самарканде, с другой - правители Бухары, образовавшие фактически независимое владение со своей собственной династией. Непрерывные войны между этими двумя группами шейбанидов закончились только в конце XVI в. после объединения всех шейбанидских владений под властью Абдулла-хана II (правил в Бухаре с 1557 г.; ханом всех узбеков был с 1583 по 1598 г.).

Начало междоусобным войнам положил правивший Ташкентом Барак-хан, происходивший из рода Абулхайра. В союзе с другими султанами—владельцами уделов—он уже через год после смерти Убайдулла-хана открыл военные действия против Бухары, где правил Абдулазиз. Союзникам удалось захватить Бухару, Абдулазиз бежал в Балх. Барак-хан вступил в Бухару, где у него были сторонники. Однако могущественные и влиятельные джуйбарские ходжи отказались признать совершенный Барак-ханом переворот. Ходжа Ислам, ученик умершего к этому времени Махдуми-А'зама, занявший его положение среди бухарского населения, демонстративно отказался поздравить хана с победой, отозвавшись незнанием светских обычаев. Вместе с тем он напомнил, что Барак-хан, выступая из Ташкента, дал обещание не делать ничего не согласного с шариатом. Вскоре затем Абдулазиз с помощью ходжи Ислама вновь овладел Бухарой и изгнал ташкентцев. Но в дальнейшем между Абдулазизом и главою местных дервишей произошел разрыв. Начались смуты из-за престолонаследия. Ташкентский Барак-хан в союзе с самаркандским ханом Абдуллатифом пробовал вмешаться в пользу одного из претендентов, и в 1551 г. снова выступил против Бухары, но по пути его задержала осада города Кермине, в котором засел Абдулла-султан, сын правителя Кермине и Миankаля—Искандер-султана. Несмотря на малочисленность защитников Кермине, они мужественно сражались с неприятелем и производили вылазки. После двенадцатидневной осады был заключен мир при посредстве одного из дервишей ордена накшбендия.

Ходжа Ислам выдвигал кандидатуру молодого Абдулла-султана, сына керминского удельного правителя Искандер-султана, который, как и отец его, был ревностным учеником ходжа Ислама. Но по проискам Барак-хана и Абдуллатиф-хана на бухарский престол был посажен Яр-Мухаммед-султан, внук Шейбани-хана, в соправители же ему был назначен другой внук Шейбани-хана—Бурхан-султан. Ходжа Ислам неохотно прибыл на прием к соправителям и не встретил с их стороны „того почета, какой приличествует этого рода людям". Оскорбленный этим ходжа привел стих Саади: „Десять дервишей спят под одним паласом, а двум царям тесен целый мир".

После смерти Абдуллатиф-хана (1551), Барак-хану удалось занять Самарканд, которым он правил в течение почти пяти лет под именем

Науруз-Ахмед-хана (1551—1556). С его именем чеканилась монета и возглашалась пятничная хутба во всех городах Мавераннахра. Однако молодой и энергичный Абдулла-султан вступил в длительную борьбу с Барак-ханом, опираясь на военную помощь своего [redacted]ди Пир-Мухаммед-хана, правившего Балхом, и на поддержку своего духовного наставника ходжи Ислама. Барак-хан, предававшийся безудержному пьянству, умер в 1556 г., во время кутежа.

Смерть Барак-хана позволила сыновьям и братьям Искандер-султана вернуться в свои уделы в Кермине и Миankаль. Верховным ханом был провозглашен Пир-Мухаммед, как самый старший в семействе Абулхайр-хана. Однако его избрание не прекратило раздиравших страну феодальных войн и распрей между узбекскими султанами.

Абдулла-хан и джуйбарские шейхи. Особенной предприимчивостью в достижении своих планов отличался племянник нового хана—Абдулла, сын Искандера. Выступив походом на Бухару, где правил Бурхан-султан, убивший правившего областью Яр-Мухаммеда, Абдулла начал (в 1557 г.) продолжительную осаду города. Бухарцы просили ходжу Ислама, как пользовавшегося исключительным вниманием семьи Абдуллы, принять на себя ведение мирных переговоров. Ходжа Ислам в качестве парламентера прибыл в лагерь Абдуллы. Здесь ишан посвятил молодого султана в число своих муридов, „опоясав поясом и прочтя над ним молитву". В ту же ночь Бурхан-султан был убит одним из своих сокольничьих, муридом ходжи Ислама, действовавшим по указанию последнего, и город был занят Абдуллой. С захватом Бухары политическое значение Абдулла-султана сильно возросло, и он сделался опасным для соседних феодальных владетелей. Укреплению его положения содействовала неизменная поддержка со стороны джуйбарских шейхов. С другой стороны, вырастало и политическое влияние самих ходжей. В качестве постоянного советника Абдуллы, ходже Исламу на всех придворных собраниях отводилось первенствующее место. Его одаряли поместьями, для него воздвигались пышные здания и разбивались прекрасные сады.

При содействии ходжей Абдулла в 1561 г. провозгласил ханом своего отца Искандера; доставив Искандера из его удела Кермине в Бухару, он торжественно возвел его на престол верховного главы государства. Это обстоятельство еще более усилило политическое значение Абдуллы. Вся власть была в его руках, потому что его отец Искандер-хан, человек заурядный и невоинственный, был занят больше всего религиозными обрядами и в государственные дела не вмешивался.

Попытки восстановления единства государства. С именем Абдулла-хана (1557—1598) связана в истории Мавераннахра попытка создать сильное, единое государство. Все правление этого выдающегося государя, сначала как соправителя его безличного отца, номинального хана Бухары, а после его смерти, как носителя ханского титула, прошло в борьбе за объединение узбекского государства в прежних границах державы Шейбани-хана и за усиление в нем центральной власти. В стремлении ослабить феодальную раздробленность в стране Абдулла-хан был беспощаден и отсылал, по выражению историка, „по пути небытия" всех непокорных сородичей и вассалов. Подобно Ивану Грозному, он истреблял крупных феодалов „всеродно", не щадя малолетних детей. Такая жестокость диктовалась необходимостью создания крепкой единой власти, без чего невозможно было достигнуть объединения страны.

Все правление Абдулла-хана прошло в широких завоевательных предприятиях. Прежде всего Абдулла-хан принял меры к обеспечению тыла своего государства со стороны граничивших с Самаркандским вилайетом обширных степных пространств, занятых многочисленными племенами кочевников. Отсюда ташкентские и туркестанские правители производили опустошительные набеги на долину Зарафшана, вмешиваясь в феодальные распри шейбанидов.

Сын Барак-хана (Науруз-Ахмед хана), Баба-хан (1556—1582) по смерти отца захватил власть в Дешти-кипчаке. Его брат Дервиш-хан сидел в Ташкенте. Оба они опирались на кочевавших в Дешти-кипчаке моголов и казахов и находились в тесных родственных отношениях с влиятельными ханами этих кочевников. Кочевые союзники Баба-хана, по словам историка того времени, „многочисленные войска Дешта, одетые в шкуры, подобно волкам, с лицами, подобными коже на щитах, съёженными и полными морщин, с глазами, которых не видно из-за складок бровей", наводили ужас на население Мавераннахра. С другой стороны, Баба-хан вступил в союз с хисарскими владетелями, принадлежавшими к другой ветви дома Абулхайр-хана, и с самаркандскими султанами, сыновьями и близкими родственниками Абдуллатиф-хана.

Так сложилась могущественная коалиция, властвовавшая в степных пространствах Туркестана, в Ташкенте с его округами, в Фергане и Самарканде с Хисаром.

Упорная борьба Абдулла-хана с этой коалицией потребовала нескольких лет почти непрерывных походов и сопровождалась частым переходом городов из одних рук в другие, разорением страны и избиением мирного населения. Война закончилась присоединением Шахрисябза, Карши и Хисара (1574) к владениям Абдулла-хана и взятием Самарканда и Ташкента (1576). Длительный тяжелый поход Абдулла-хана в Дешти-кипчак против скрывшегося туда неугомонного Баба-хана окончился в 1582 г. гибелью самого Баба-хана и падением крепостей Шахрухия, Сайрам, Ахангеран и др. Головы побежденных врагов вместе с победными реляциями были разосланы по городам государства. Во взятых крепостях Абдулла-хан назначил своих даруг (правителей). Еще раньше была подчинена Фергана и после длительной осады взят в 1573 г. Балх, где правил двоюродный брат Абдулла-хана—Дин-Мухаммед-султан, отказавшийся итти с ним в поход против врагов на севере. Наместником в Балх Абдулла-хан назначил своего сына Абдулмумина, который занял по отношению к отцу положение вассала.

Опираясь на Балх, Абдулла-хан мог легче вести наступление на Хорасан. Завоевательным планам государя Мавераннахра благоприятствовала анархия, которую переживал Иран в связи с феодальными раздорами в среде правящей династии сефевидов. Абдулла-хан после девятимесячной осады взял столицу Хорасана—Герат. Иранский наместник был казнен вместе с другими вельможами, огромная толпа жителей уведена в неволю в Бухару. В 1583 г. сын Абдулла-хана—балхский наместник Абдулмумин-султан—овладел, по распоряжению отца, Мешхедом. Властолюбивый, грубый и жестокий Абдулмумин, по взятии города с его богатыми сокровищами и полными товаров базарами, произвел в нем неимоверное кровопролитие и грабеж, не щадя ни пола, ни возраста. Кости шаха Тахмаспа, сына и преемника Исмаила I, были извлечены из могилы, находившейся близ высокочтимой шиитами гробницы имама Ризы, сожжены и развеяны по вет-

ру с проклятиями и бранью. О своих победах и о всем, совершенном им в Мешхеде, Абдулмумин письменно уведомил врага шиитского Ирана—султана Турции.

Для узбеков открывались широкие перспективы завоеваний за счет Ирана. Но там в это время всходила новая звезда в лице молодого шаха Аббаса I, вошедшего в историю с титулом „великого" (1587—1628), который поставил себе целью вытеснить из Хорасана узбеков. Он привлек на свою сторону Хорезм, и в хивинских туркменах нашел такое вспомогательное войско, которое было совершенно равноценно узбекам Абдулла-хана. Под конец правления Абдулла-хана шах Аббас отвоевал у него почти весь Хорасан, за исключением Мешхеда, Мерва и Герата.

В последние годы своего правления Абдулла-хан сосредоточил все усилия на завоевании Хорезма. Он ходил три раза на Хиву. Поводом для войн служили притеснения, которым подвергались проезжие и караваны на пути из Бухары в Мекку и Турцию.

В 1593—1594 гг. Абдулла-хан покорил Хорезм. Его войска вступили без боя в Хиву вслед за убегавшими хивинскими султанами, „в то время, когда последние телеги еще не скрылись из вида". Взяв затем Вазир и другие города, Абдулла-хан раздал их в кормление своим бухарским вассалам. Захваченных в плен султанов, в числе 12 человек, „способных уже носить колчан", и даже малолетних детей, он приказал частью умертвить, частью увел пленниками в Бухару. Население Хорезма было обложено тяжелой податью (по 30 танга с человека), регулярное поступление которой обеспечивалось круговой порукой. После ухода Абдулла-хана, население выгнало из городов его наместников и перебило узбекские гарнизоны. В 1595—1596 гг. Абдулла-хан совершил новый поход в Хорезм и взял Хазарасп. Только после его смерти, последовавшей в 1598 г., Хорезм восстановил свою независимость.

В некоторой зависимости от Абдулла-хана были одно время и казахи. В семидесятых годах XVI в. казахский хан Хакк-Назар и наиболее видные казахские султаны заключили с ним „клятвенный договор" с обязательством „быть друзьями и служить" ему. В силу этого договора, в 1579 г. они приняли участие в войне Абдулла-хана с Баба-ханом. Чтобы отвлечь казахов от союза с Бухарой, Баба-хан был вынужден уступить им Сауран и Ясы (Туркестан), но не достиг желаемой цели. В борьбе с Баба-ханом Хакк-Назар погиб (1580), но его преемник Сыгай (Шигай) со своим сыном Тевеккелем (Тавакуль, Тявка—русских летописей) в 1581 г. явились на поклон к Абдулла-хану, который принял их весьма благосклонно, осыпал милостями, устроил в их честь „великолепный, истинно царский пир" и пожаловал Сыгаю в удел город Ходжент. Со своей стороны казахи оказали неоценимые услуги бухарскому хану в войне с тем же Баба-султаном. После победы над Баба-султаном, павшим в войне с казахами (1582), Абдулла-хан наградил Тевеккеля подарками и уделом в долине Зарафшана. Однако вскоре после смерти отца, последовавшей в том же году, Тевеккель порвал вассальные отношения с Бухарой, покинув неожиданно Абдулла-хана во время похода его в Андижан. Начались набеги казахов на пограничные области; в 1588 г. временно в их руки перешел даже Ташкент, где вспыхнуло восстание против Абдулла-хана, и ханом был провозглашен один из казахских султанов; впрочем, власть Абдулла-хана в Ташкенте была вскоре восстановлена. Тевеккель в поисках союзников для борьбы с Бу-

харой обратился в 1594 г. даже в Москву к царю Федору Ивановичу с предложением вступить в союз с Ираном и „Казачьей ордой" для общих действий против Абдулла-хана, и в этих целях признал себя вассалом московского царя. Тем не менее он не порывал открыто с Бухарой и оставался „с бухарским царем... в миру на время" до 1598 г., когда напал на бухарские владения и нанес сильное поражение войскам Абдулла-хана. Смерть Абдулла-хана и наступившие затем смуты в Мавераннахре позволили казахам завладеть Туркестаном, Ташкентом, Андижаном и Самаркандом, но взять Бухару они не смогли. Раненный в сражении, Тевеккель должен был отступить в Ташкент, где и умер (1599). Его преемник Ишим заключил мир, сохранив за собой Туркестан и Ташкент.

Международное положение государства Абдулла-хана. Успехи Абдулла-хана в деле укрепления государства сказались в том международном положении, которое оно занимало. По выражению панегириста Абдулла-хана, „государи всего мира заискивали перед ним и присылали к нему послов с большими суммами денег и большим количеством тканей". Международные связи Мавераннахра при Абдулла-хане захватывали очень отдаленные страны. „Великомогольский государь Индии Акбар Великий закрепил дружбу с этим высокочтимым домом" и прислал „к сему чертогу убежища посла с дарами, приношениями и письмом". „Столько выражений расположения, полного единения и тесного сближения было проявлено, что больше того и представить невозможно", восклицает историк XVI в.

С Османской империей Бухару связывало наличие общего врага —шиитского Ирана. Этим были обусловлены дипломатические сношения бухарского хана с турецким султаном, „до которого дошла слава Абдулла-хана". Дело шло о союзе между обоими государствами для одновременного выступления против „шейхова сына", т. е. шаха сефевида.

При Абдулла-хане установились также прочные отношения с Восточной Европой. Сложившееся там Русское (Московское) государство, при современнике его Иване Грозном, окрепло и достигло большого могущества. В 1552 г. войсками царя была взята Казань; через четыре года была присоединена Астрахань. В конце 1550-х годов ногайские „мурзы", кочевавшие между Волгой и Яиком, признали себя „холопами" московского государя. Таким образом, в середине XVI в. московские владения подошли непосредственно к берегам Каспийского моря и к границам Дешти-кипчака. Этим объясняется взаимная заинтересованность Бухары и Москвы в установлении торговых и политических отношений.

В 1558 г. в Бухару прибыл англичанин Дженкинсон, совмещавший в своем лице представителя английской „Московской компании", возникшей незадолго перед тем для торговли с Россией, и официального посла от Ивана Грозного. В следующем году он вернулся в Москву; с ним приехали посольства из Бухары, Балха и Ургенча для заключения торгового договора. В дальнейшем Абдулла-хан присылал несколько раз послов к Ивану Грозному и к его сыну Федору. Главной целью бухарских посольств было урегулирование вопросов торгового характера. Абдулла-хан просил Ивана IV, „чтобы пожаловал для его челобитья, дорогу дал в свое государство—людям его торговати ходити" и настаивал, чтобы его купцы пропускались в Астрахань, в Казань и в другие города государства.

Мирные отношения между Бухарой и Москвой под конец правления Абдулла-хана стали нарушаться из-за вопроса о Сибирском юрте (владении). Юрт этот со столицей в Тюмени возник в XV в.; в нем утвердились султаны, происходившие от одной из линий узбекского ханского дома. Торговые интересы Бухары, получавшей из Сибири в обмен на ткани и предметы вооружения пушнину (черных соболей, лисиц и т. д.), побуждали Абдулла-хана вмешиваться во внутренние дела Сибирского ханства, где в то время шла ожесточенная борьба между потомками хана Ибака, происходившего из дома, родственного дому Абулхайра, и местными феодалами. На Сибирском юрте утвердился местный княжеский род, но внук Ибака—Кучум вернул себе свое наследие, повидимому, не без поддержки со стороны Абдулла-хана. Торжество Кучума очень усилило влияние Бухары в Сибири. По просьбе Кучума, Абдулла-хан в 1572 г. отправил в Сибирь многолюдную духовную миссию для утверждения и распространения в ней ислама. С 1581 г. началось наступление на Сибирь Московского государства. Кучум искал помощи у Абдулла-хана. Но Абдулла-хан, не желая портить отношения с Москвой, ответил вежливым отказом: „А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали есьмя". Возможно, что в связи с этими сибирскими обстоятельствами в 1589 г. произошли дипломатические осложнения между московским правительством и бухарским. Абдулла „грубил" царю Федору. Со своей стороны, московское правительство побуждало к войне с Бухарой казахского хана Тевеккеля.

Строительная и культурная деятельность Абдулла-хана. Усиление государственной власти нашло себе выражение и в широкой строительной деятельности Абдулла-хана. Он „проявлял большое старание в деле постройки различных сооружений, как-то медресе, мечетей, дервишских ханака (общежитий), мостов на реках, плотин, водохранилищ, укрепленных постоялых дворов на торговых путях (рабатов) и других зданий." Позднейшее предание утверждает, что по произведенным по распоряжению хана его архитекторами и старшими мастерами подсчетам, им, помимо всех прочих построек, сооружены 1001 рабат и сардоба (куполообразная постройка над водохранилищем).

Вместе с тем Абдулла-хан выступил в качестве покровителя просвещения и мецената, окружал себя писателями и учеными. Со своей стороны и придворные поэты и историки восхваляли хана. Среди этих панегиристов первое место принадлежит Мушфики, соединявшему в своем лице талантливого поэта—автора хвалебных од, лирических стихотворений и эпиграмм, и способного дипломата. По поручению Абдулла-хана он составлял высокопарные надписи для зданий, строившихся его патроном. Существует анекдот, будто Абдулла-хан приговорил Мушфики к смерти за критику его действий, но простил его за блестящие импровизации, сочиненные им экспромтом „под мечем" ехавшего рядом с ним на коне хана. Придворный историк Хафиз Таныш составил подробную и богатую фактами хронику правления Абдулла-хана (Абдулла-намэ), в которой противопоставлял установленный этим государем порядок феодальной разрухи эпохи тимуридов, когда „положение мира все(было) смутами полно, словно волосы бунчука над мечетью" и люди (были) скованы в цепи несчастья жестокими гордецами.

Феодальная реакция. К концу правления Абдулла-хана обозначились признаки нараставшей феодальной реакции. Собственный его сын Абдулмумин, наместник Балха, явно стремился стать независимым от отца, и дело уже доходило до вооруженного между ними столкновения. Положение осложнялось внешнеполитическими неудачами: в Хорасане иранцы вели успешное наступление, на севере был разбит один из лучших полководцев Абдулла-хана. Среди этих обстоятельств умер престарелый Абдулла-хан после более чем сорокалетнего правления (в 1598). Его смерть послужила сигналом к окончательному отпадению Хорезма.

Абдулмумин, единственный сын и преемник Абдулла-хана, пытался продолжать политику своего отца в отношении членов ханской семьи и крупных вассалов, но эта политика стоила ему жизни. Жестокость, с которой он расправлялся со своими вассалами, привела к заговору, и он был убит после шестимесячного правления. Абдулмумин успел истребить почти всех мужчин-членов своего дома, но сам был последним отпрыском Абдулла-хана и с ним прекратилась династия Шейбани-хана, правившая Мавераннахром в течение ста лет.

§ 3. КУЛЬТУРА МАВЕРАННАХРА В XVI в.

Культурное состояние Мавераннахра после узбекского завоевания. Весь уклад культурной жизни Мавераннахра при узбеках сохранял в известной мере тот же характер, что и при тимуридах. Литература продолжала развиваться на персидском, тюркском и частью на арабском языках. Многие поэты и прозаики, каллиграфы, художники-миниатюристы и музыканты гератской школы времени Султан-Хусейна нашли себе покровителей и заработок при новых господах страны. В Бухаре, Самарканде и других городах Мавераннахра продолжали существовать культурные навыки и традиции предшествующей эпохи. Правда, создателю узбекского государства Шейбани-хану приходилось сотрудничать в области литературы и искусства с второстепенными поэтами, художниками и артистами, ибо знаменитости тимуридского времени предпочли эмигрировать во владения шаха Исмаила или Бабура; у узбеков же остались такие поэты, как Беннаи, Мухаммед-Салих и другие, которые не получили признания в предыдущую эпоху; тем не менее и среди оставшихся у узбеков писателей было много талантливых мастеров в области разных видов литературы и искусства. Шейбани и его ближайшие преемники относились с большим интересом к их творчеству и иногда проявляли даже собственную инициативу. Например, по личному поручению Кучкунджи-хана в Самарканде в первой четверти XVI в. были переведены на узбекский язык два известных персидских исторических труда: „Всеобщая история" (Джами-ат-таварих) Рашидеддина (XIII — XIV вв.) и „Книга побед" (Зафарнамэ) Шарафутдина-Йезди (XV в.) — официальная история Тимура.

Некоторый отлив культурных сил из владений узбеков компенсировался прибытием в их государство крупных ученых, суннитов по религии, когда восторжествовавший в Иране шиизм подверг их не только изгнанию, но и угрожал их жизни. К ним следует, например, отнести: известного в свое время представителя схоластического богословия (калам) Мавлана-Исаммуддин-Ибрагима (умер в 1536 г.), прекрасного знатока арабского языка и философско-богословской науки, занимавшегося в Бухаре также преподавательско-научной дея-

тельностью в правление Убайдуллы-хана; Мулла-джана Ширази (умер в 1588 г.), ученого человека, воспитанного на воззрениях знаменитого персидского философа XV в.; Джелаледдина Даввани (ему Абдулла-хан поручил преподавание в построенном им богатом медресе в г. Бухаре). С другой стороны, „правоверие" узбекских правителей часто приводило их к нетерпимости по отношению к шиитской ереси и даже вызывало преследования и казни за нее таких талантливых людей, как поэт Хелали (около 1540 г.) из круга Алишера Навои.

Общая характеристика просвещения и литературы XVI в. Поскольку узбекские ханства объединяли тюркско-узбекское и иранотаджикское население, особенно в крупнейших городских центрах, совместная жизнь тюрков и таджиков нашла свое выражение в равноправии двух языков, — узбекского и таджикского, — главным образом, в быту и в литературе. Наряду с этим, культурная традиция поддерживала авторитет персидского и арабского литературных языков в науке, литературе и в школе, персидский же язык, как выше упомянуто, продолжал употребляться в канцелярском обиходе. Школа начальная (мактаб) и высшая (медресе) знакомила учащихся, главным образом, с основами богословских наук и литературой на арабском и персидском языках, причем религиозный характер школьного образования не исключал распространения и влияния классической персидской литературы тем более, что в ней были сильно выражены суфийские воззрения. В тимуридскую эпоху большинство писателей и поэтов, языком которых в обиходе является тюркский язык, или предпочитало персидский язык родному, или писало на обоих языках. Сам величайший представитель классической узбекской литературы Алишер Навои оставил среди своего огромного литературного наследства сборник стихов и на персидском языке. Из сочинений современника и ученика Навои, гератского поэта Беннаи, перешедшего на службу к Шейбани-хану, сохранились, кроме небольшого числа стихотворений на узбекском языке, стихи и история Шейбани-хана, написанные по-персидски. В XVI в. значение узбекского языка в исторической и художественной литературе значительно усилилось, однако, до конца XIX в. в узбекских ханствах сохранял значение литературного языка также и персидский язык с своеобразными местными таджикскими формами.

При изучении средневековой узбекской литературы следует учитывать характер литературных жанров и сюжетов. Так, например, историк часто рассматривал свое историческое сочинение, как источник известного художественного наслаждения для читателей. Гиперболизация, художественные образы и сравнения в описаниях исторических событий, стихотворные вставки являются обычными для подобных произведений. Большое число исторических сочинений составлялось в стихах с соблюдением всех правил стихотворной метрики. В стихах составлялись также первоначальные пособия для обучения чтению арабских текстов, поэтические отступления находили место в уставах (рисоля) ремесленников и т. д.

Мухаммед-Салих. В начале XVI в. борьба Шейбани-хана и его преемников с тимуридами, и в особенности с Бабуром, нашла яркое выражение и в литературе. Авторы исторических и художественных произведений пытались разрешить острый вопрос, кому из двух соперников — Шейбани-хану или Бабуру — предстоит объединить Мавераннахр под своей властью. Два талантливых гератских поэта, хо-

резмиец Мухаммед-Салих и геpатец Кемаледдин Беннаи, оба перешедшие на службу к Шейбани-хану, решили этот вопрос в пользу представителя узбеков.

Мухаммед-Салих, сын Нур-Саида, правителя одной из областей тимуридского государства, получил воспитание в Герате при жизни Алишера Навои. Отец Мухаммед-Салиха, хорезмиец по происхождению и также поэт, был вынужден бежать из Хорезма в результате смут и окончил жизнь в изгнании в Мерве в начале 70-х годов XV в. Судьба отца, пострадавшего в период междоусобных войн при тимуридах и, возможно, сепаратистские настроения его, как хорезмийца, заставили Мухаммед-Салиха перейти в 1490—1500 гг. в лагерь узбекского завоевателя. Став его боевым соратником и придворным поэтом, он задумал и написал на узбекском языке большую героическую поэму „Шейбани-намэ" о подвигах Шейбани-хана и его полководцев.

В своей поэме Мухаммед-Салих осуждал пороки тимуридов и выступал против феодальной разрухи, характерной для их государства. Наоборот, в Шейбани-хане он видел „мессию", несшего стране правосудие и порядок. Вся поэма Мухаммед-Салиха представляет собой придворно-льстивый панегирик Шейбани-хану.

Узбекского народа великий хан,
Он сын Абулхайр-хана,
Отпрыск ветви его величия,
Сын хана Джучи и внук Чингиз-хана,
Занимает он высочайшее место среди ханов...
У него согласны религия и вера,
Меча удар, молитва и коран.
Если он не возьмет, кому взять государство?
Достанутся ему все страны света!

Обвинения тимуридских владетелей в междоусобных смутах, разврате, забвении религии и интересов народа, которые звучат в поэме Мухаммед Салиха, повторяют и неизвестный автор другой „Шейбаниады", и поэт Беннаи, и историки Шейбани-хана и шейбанидов.

Автором одной из „Шейбаниад" является поэт и историк Кемаледдин Беннаи, живший вначале в Герате, но вследствие ссоры с Навои ушедший в Самарканд, к тимуриду Султан-Али. После крушения владычества тимуридов в Мавераннахре, Беннаи перешел к узбекам. Алишер Навои говорит о нем, как о человеке „несравненном во всех науках, но надменном и мнительном". Беннаи погиб в 1512 г. при взятии Карши, во время избиения жителей города иранцами.

Среди писателей времени Шейбани-хана выделяется также близкий к нему Фазлуллах б. Рузбехан Исфагани, иранский эмигрант-суннит, автор очень важных для историков мемуаров „Михман-намэ-и Бухара" (Книга бухарского гостя).

Шейбани-хан и Бабур, как культурные деятели. Воинственный противник Шейбани-хана и его преемников, образованнейший человек своего времени и блестящий поэт, Бабур зло высмеивал невежество Шейбани-хана и назвал его в своих мемуарах „не видевшим света деревенщиной" и саркастически замечал, что Шейбани-хан писал бездарные стихи и заставлял читать их во всеуслышание. В глазах Бабура Шейбани-хан—вождь варварских орд и разрушитель культуры.

В действительности дело обстояло иначе. Сам Шейбани-хан был не только образованным и ученым человеком, вполне стоявшим на

уровне культуры эпохи тимуридов, но кроме того, он был поэтом, постоянно имел при себе небольшую походную библиотеку, окружал себя поэтами и учеными и даже в походах при каждом удобном случае устраивал собрания писателей и ученых. Мухаммед-Салих восторженно и льстиво подчеркивает поэтический дар Шейбани-хана:

„Стих он знает прекрасно, со вкусом,
Тюркские стихи его чистое вино,
Полны прелести также и его персидские стихи...
Перо его распространяет мускус"

Как бы ни были преувеличены панегирики придворного поэта Мухаммед-Салиха, тем не менее Шейбани-хан и его преемники были действительно культурными и образованными людьми для своего времени.

Сочинения талантливого соперника Шейбани—тимурида Захиреддина Бабура (стихотворения и мемуары) не получили в свое время известности и распространения в Узбекистане, повидимому, потому, что были написаны или, во всяком случае, закончены в Индии. Однако завоевания Бабура в Индии и господство его потомков в основанной им так называемой империи „Великих моголов" (правил в Индии с 1526 по 1530 гг.), наряду с владычеством узбекских правителей в XVI—XVII вв. в Балхе, оживили дипломатические отношения и культурные связи между Индией и узбекскими государствами шейбанидов и аштарханидов. Интерес к личности Бабура возник на некоторое время в Фергане в XVIII—XIX вв., в связи с образованием и усилением Кокандского ханства. Эпопея борьбы Шейбани-хана и Бабура была воспета Алла-Мурадом, сыном Анна-бая, в еще одной позднейшей „Шейбани-намэ", написанной в 1811 г. Сохранилась она до наших дней также и в узбекском народном творчестве. Народный поэт Мухаммедкул Джамурад-оглы сохранил в памяти большую героическую поэму о Шейбани-хане, центральное место в которой занимает борьба Шейбани-хана с Бабуром.

Литература при преемниках Шейбани-хана. В европейской литературе долго господствовало мнение, что после блестящей эпохи тимуридов культурная жизнь в Средней Азии если и не прекратилась совершенно, то и не дала ничего оригинального, замерла после завоеваний Шейбани-хана и его преемников. Последним корифеем классической узбекской литературы считался Алишер Навои, а в персидской литературе — его современник и друг Абдуррахман Джами. Пятнадцатый век считался гранью, за которой начиналось время литературного упадка. Правильным этого мнения признать нельзя. Многие поэты и ученые тимуридских государств перешли на сторону Шейбани-хана и его преемников; часть из них продолжала свою деятельность в Самарканде и Бухаре, после политических и военных бурь конца XV и начала XVI вв. Особенно выросла переводная и оригинальная историческая литература, причем в культурной и литературной жизни значительную роль стал играть узбекский язык.

Преемники Шейбани-хана продолжали покровительствовать науке и литературе, привлекая в свои дворцы ученых и поэтов. Автор антологии бухарской поэзии, составленной во второй половине XVI в. Хасан Хисари, перечисляет 250 лиц, причастных к науке и литературе и подвизавшихся в период правления Убайдулла-хана и его сына Абдулазиза в Бухаре и за ее пределами. Среди этих многочисленных

деятелей науки и искусства заслуживают внимания Хафиз Убихи, Васифи—поэт и автор занимательных мемуаров, переведенных позднее с персидского на узбекский язык. Убайдулла-хан, Абдуллатиф, Абдулазиз и другие также были причастны к поэзии.

Для характеристики культурной и литературной жизни первых десятилетий XVI в. огромный интерес представляют мемуары Васифи под названием „Удивительные события". Зайнуддин-Махмуд Васифи родился в 1485 г. и до 1512 г. жил в Герате, откуда бежал в Среднюю Азию и провел там всю остальную часть своей жизни до 30-х годов XVI в. при дворах шейбанидских правителей в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и Сауране в качестве придворного поэта. Мемуары Васифи представляют собрание кратких занимательных рассказов и новелл. Среди рассказов об исторических людях эпохи автора мы находим в частности, ценные сведения о некоторых сторонах личной жизни великого узбекского поэта Алишера Навои. С другой стороны, на основании многочисленных автобиографических данных, приводимых Васифи, мы можем составить себе представление и о круге занятий и жизни придворного поэта той эпохи. Придворный поэт писал панегирические оды правителям, вельможам и купцам, сочинял по заказу лирические стихи, составлял тексты указов и грамот, письма, надписи для строящихся мечетей и мавзолеев, эпитафии, предисловия к разного рода сочинениям и т. д.

Большой размах культурной и литературной жизни имел место и во второй половине XVI в., особенно в эпоху Абдулла-хана.

Часть историков и поэтов XVI в., в частности Беннаи, эмир Али-Катиб, мулла Мирак, Мушфики, Кази-Паянде и др. уже писала на персидском языке. Наряду с этим большая группа ученых и поэтов писала на узбекском языке. Наиболее крупные сочинения этой эпохи, сохранившиеся до наших дней, принадлежат узбекским поэтам середины XVI в. Маджиси и Абдулваххаб-ходже. Первый является автором поэмы „Сайфул-мулук", близкой по своим сказочным мотивам и манере изложения к популярным народным романам. Абдулваххаб-ходжа, в подражание „Гулистану" знаменитого персидского поэта Саади, выступил с собранием остроумных нравоучительных рассказов, объединенных в сборнике „Гульзар" („Цветник"), преподнесенном им в 1538 г. правителю Балха. В рассказах Абдулвахаб-ходжи, наряду с прославлением воинской доблести и благородства знатных воителей и проповедью исламской морали, встречаются рассказы, изображающие нравы эпохи и любопытные картины быта.

Наиболее крупный придворный поэт Абдулла-хана—Мушфики (умер в 1585—1586 или в 1587—1588 г.г.) писал на таджикском языке. Мушфики написал большое количество лирических стихов, образовавших три сборника—дивана, много касыд (хвалебных од), сатирических стихотворений и эпиграмм. Ему же поручалось составление надписей для построек Абдулла-хана. Долговечную славу Мушфики оставил по себе преимущественно своими сатирическими стихотворениями, непревзойденным мастером которых он был. Остроумие вообще считалось необходимым качеством придворного поэта, но сатира Мушфики часто выходила за пределы придворных кругов и получала широчайшее распространение среди народных масс.

Однако придворные поэты замыкались чаще в узком кругу дворцовых интересов и изощрялись в поисках формалистических эффектов. Так один поэт прославился своей касыдой, которую он составил

без единой буквы с различительными точками, а такие буквы, как известно, составляют значительную часть арабского алфавита.

Архитектура и изобразительные искусства. Искусство народов Узбекистана в XVI в. продолжало старые традиции, сложившиеся в предшествующие столетия, в эпоху Тимура и тимуридов. От XVI в. до нас дошло значительное число произведений архитектуры: общественных зданий, преимущественно религиозного назначения—медресе, мечетей, мазаров, а также торговых помещений и т. д. Шейбанидские ханы не были так богаты, как Тимур, собравший огромные по своему времени средства в результате походов на Иран, Индию и Закавказье. Это отразилось и на архитектурном творчестве, требовавшем больших материальных затрат. Как общие масштабы зданий, возведенных в XVI в., так и их формы значительно мельче по сравнению с тем, что возводилось при тимуридах. В них уже нет той расточительной роскоши декоративной отделки, которая так характерна для строительства XV в. Тем не менее, архитектурное творчество при шейбанидах во многих отношениях продолжало развиваться. Уже первые шейбанидские правители—Шейбани-хан, Убайдулла-хан и др. несмотря на непрерывные войны и непрекращающуюся борьбу за власть украшали свои столицы, а некоторые из шейбанидов, как Абдулла-хан возвели очень большое количество зданий и различного рода сооружений в разных частях страны.

При некотором сокращении объемов зданий и упрощении, а часто ухудшении декоративной их отделки, архитектурное творчество мастеров было направлено теперь в сторону дальнейшего развития архитектурных форм и конструктивных приемов, главным образом в сводчатых перекрытиях зданий. В этом они проявили большую изобретательность, прекрасное знание материала и техники строительства.

Наиболее значительные здания времени шейбанидов возведены в Бухаре, которая в эту эпоху, вместе с увеличением ее экономического и политического значения, очень сильно выросла по размерам и по количеству населения. При Абдулазиз-хане и Абдулла-хане Бухара была окружена новой стеной, основные очертания и формы которой сохранились до нашего времени.

Множество монументальных зданий украсило в XVI в. город Из этих зданий следует отметить Большую мечеть (Масджиди-калян), возведенную еще в начале XVI в. на месте прежней разрушившейся караханидской мечети. Она является самой крупной, после самаркандской Биби-ханым, постройкой этого типа в Средней Азии.

По своему плану мечеть повторяет соборную мечеть Тимура (Биби-ханым) в Самарканде: тот же прямоугольный двор, окруженный крытыми галлереями; также выделена главная часть постройки над михрабом, возвышающаяся в виде монументального мощного здания на западной стороне двора, против главного входа. Эту часть здания венчает высокий голубой купол. Мечеть была украшена поливной мозаикой, теперь плохо сохранившейся. Качество этой мозаики значительно уступает мозаикам тимуридского времени, но в некоторых местах (облицовка михраба) достигает большого изящества. Вся постройка в целом является выражением живых еще традиций тимуридского зодчества.

Вскоре после возведения Большой мечети, прямо против нее было построено большое медресе Мири-араб, возведенное на средства хана Убайдуллы для влиятельного шейха Абдуллы Йеменского, прозванного Мири-араб (князь арабов). Это здание с высоким порталом

и двумя голубыми куполами по обе его стороны сохраняет основные формы медресе, сложившиеся в предыдущую эпоху, но носит уже яркий отпечаток нового времени в несколько суховатой и размельченной разработке отдельных деталей декоративных украшений, а также в смелом применении легких, но прочных архитектурных конструкций, показывающих умелую руку опытного мастера.

Не менее замечательными памятниками зодчества являются: два больших медресе, поставленных одно против другого на улице Хиабан; медресе Абдулла-хана и медресе его матери (Мадари-хан), носящие общее название Кош-медресе (Двойное медресе); небольшое медресе, построенное на средства ходжи Ислама Джуйбари (медресе Гаукушан); огромное медресе Кукельдаш, возведенное одним из крупных и влиятельнейших сановников Абдулла-хана, Кулбаба-кукельдашем и другие. Значительные по своей величине и архитектурным качествам здания были возведены в XVI в. и в окрестностях Бухары: сложный ансамбль из двух мечетей, соединенных между собой двухъярусной аркадой в селении Сумитан (теперь Чарбакр), хапака с огромными куполами в селении Бахауддин, около могилы знаменитого ходжи Бахауддина Накшбенда, мечеть в селении Хаким и Мулламир и др.

Вне бухарского оазиса при том же Абдулла-хане были тоже возведены многочисленные медресе и другие постройки. Некоторые из них исчезли, а другие сильно перестроены.

В Самарканде архитектурное творчество не прекращалось даже в неспокойные годы Шейбани-хана, при котором было возведено медресе (медресе Шейбани-хана) и мост-вододелитель на Зарафшане (остатки этого моста, в виде одной кирпичной арки, сохранились до нашего времени).

Интересные постройки XVI в. сохранились также в Кермине (мечеть Касим-шейха) и в Ташкенте (медресе Кукельдаш и медресе Барак-хана).

Из памятников гражданской архитектуры, кроме мостов и сардоба, особенно большой интерес представляют пять купольных сооружений, возведенных на перекрестках базарных улиц в Бухаре: Таки-саррафан (купол менял-ростовщиков), Таки-тильпак-фурушан (купол продавцов шапок), Таки-заргаран (купол ювелиров) и не сохранившиеся ныне Таки-тиргадан (купол изготовляющих стрелы) и Таки-ордфурушан (купол продавцов муки). Эти массивные здания, показывающие художественное чутье мастеров, их ловкость и находчивость в разрешении сложных конструктивных задач, вместе с большим крытым базаром Тими-Абдулла-хан, составляли архитектурное оформление центральной части столицы—ее многолюдного базара.

Из произведений гражданской архитектуры следует еще отметить прекрасно сохранившуюся и функционирующую до нашего времени баню Саррафан.

В наружной и внутренней декорировке зданий употреблялись самые разнообразные приемы, но глазурная резная мозаика, составляющаяся из специально вырезанных по рисунку кусочков разноцветных изразцов, как прием слишком дорогой и трудоемкий, применялась в XVI в. относительно редко. Ее место заняли расписные майоличные плитки, покрытые мелким растительным орнаментом. Значительное распространение получили стенные росписи, которые носят чисто орнаментальный характер и выполнены приемом, распространившимся, видимо, при поздних тимуридах. Этот прием заключается в том, что узору придавался невысокий рельеф особой красноватой краской (кун-

даль), накладывавшейся толстым слоем. Рельефные части узора покрывались позолотой, фон закрашивался в синий или зеленый цвет, по которому рисовались мелкие цветы и узоры. Все это создавало эффект накладных золотых узоров по „мелкотравчатому" орнаментированному синему или зеленому полю.

О высоком искусстве резьбы по дереву можно судить лишь по немногим, дошедшим до нас, резным дверям бухарских медресе, наборным деревянным потолкам мечети Балянд, наружному навесу мечети ходжа Зайнуддин и др. Резьба по камню известна по прекрасным надгробиям из серого мрамора, хранящимся в Бухарском областном музее. Эти камни сплошь покрыты отлично нарисованным и тщательно высеченным растительным орнаментом и строго-каллиграфически выполненными надписями.

На очень большой высоте в XVI в. стояло оформление рукописных книг. Города Узбекистана, в особенности Бухара, славились своими прекрасными каллиграфами, учениками блестящих каллиграфов Герата тимуридского времени, где искусство красивого и четкого письма было особенно развито.

К этому же времени, то-есть к первой половине XVI., относится возникновение особой бухарской школы мастеров-миниатюристов, украшавших книги своими произведениями. Среди бухарских художников-миниатюристов особенно выделялись Шейхзадэ Махмуд, прозванный Музаххибом (позолотчиком), и его ученик Абдулла (произведения последнего мастера известны до 1575 г.). Здесь же в Бухаре работал и скончался Ага-Риза родом из Исфагана (умер в 1575 г.).

Миниатюры бухарской школы продолжали выработанные в Герате в XV в. стилистические приемы и технику, отличаясь в то же время индивидуальным характером изображаемых несколько тяжеловатых фигур, простотой и ясностью композиции, яркими и свежими красками. Возникновение этой школы было, повидимому, связано с переселением в Бухару нескольких гератских художников, но прекрасные мастера-живописцы были в Бухаре и раньше, как например, известный „уста" (мастер) Джахангир, учитель Пир-Са'ид-Ахмеда, бывшего в свою очередь учителем знаменитого Бехзада. О высоком развитии живописи в Бухаре свидетельствует сообщаемый турецким писателем XVII в. Авлия-челеби факт, что живопись Турции стала развиваться благодаря переселению в Турцию при султане Баязиде II (1481—1512) среднеазиатского мастера Баба-Наккаша, ставшего учителем турецких живописцев.

Традиции искусства предшествующего периода можно проследить также и в художественных ремеслах, процветавших в Узбекистане в XVI в., особенно в производстве оружия и металлических сосудов, а также керамических изделий.

§ 4. ХОРЕЗМ В XVI в.

Образование узбекского ханства в Хорезме. Хорезмский оазис, отрезанный безводными степями от центров шейбанидского государства, был лишь слабо связан с ним экономически. Установившиеся еще в древности торговые пути направляли его интересы в сторону Поволжья и Закаспийских стран, благодаря чему в сношениях с восточно-европейскими рынками Бухара даже в какой-то мере зависела от хорезмского государства. Кочевавшие в соседстве с Хорезмом многочисленные туркменские племена представляли собой источник

большой военной силы, которая могла быть всегда использована соседями, но которую бухарские шейбаниды не могли подчинить себе из-за дальности расстояния и трудности походов в степи. Все это объясняет факт сравнительно раннего обособления Хорезма и образования в нем самостоятельного ханства.

В 1505 г. Шейбани-хан завоевал Хорезм, входивший до того в состав владений тимурида Султан-Хусейна, взяв после 11-месячной осады его главный город Ургенч. Наместник Султан-Хусейна был убит своими же приближенными; туркменские племена, помогавшие защищать страну и город, были разгромлены.

В 1510 г., после гибели Шейбани, Хорезм перешел во власть шаха Исмаила, но господство „кизылбашей" продолжалось недолго. Около 1511 г. страна сделалась самостоятельным государством под властью узбекских ханов, объединивших по преимуществу те узбекские племена, которые выступали в свое время против Абулхайра и не пошли за Шейбани-ханом.

Против иранских завоевателей организовался заговор среди местного населения. Заговорщики призвали двух братьев, Ильбарса и Байбарса, сыновей Берке-султана, происходившего так же, как и шейбаниды, из узбекского ханского дома, но находившегося в родовой вражде с семьей Абулхайра. Сыновья Берке-султана не участвовали в походе Шейбани и оставались жить в своих старых кочевьях. Братья откликнулись на приглашение и явились в Хорезм. Жители города Вазира открыли им ворота, перебили находившихся в городе „кизылбашей" и провозгласили Ильбарса ханом. Иное отношение к новому хану проявилось в Ургенче и Хиве, где, повидимому, значительно сильнее было оседлое древнее иранское население, недоброжелательно настроенное по отношению к кочевникам. Жители Ургенча заявили иранскому наместнику, что они довольны его правлением и не имеют ничего общего с узбеками, оказали последним упорное сопротивление и сдались только после того, как в битве был убит наместник шаха. Вскоре затем иранскими гарнизонами были оставлены Хивак (Хива), Хазарасп и Кят. Прилив новых узбекских племен из степей Дешти-кипчака, смерть шаха Исмаила (в 1523 г.) и возникшие после него династические смуты в Иране помогли узбекам не только укрепиться в Ургенче, но и подчинить себе значительную часть северного Хорасана до Чаача на востоке (т. е. южную часть современной Туркменской ССР), до северной части Серахского района включительно, и туркмен Балхаша и Мангышлака. Государство, созданное Ильбарсом, подобно государству шейбанидов в Мавераннахре, разделилось на несколько плохо спаянных между собой феодальных владений. В захваченных областях правили в качестве почти независимых владетелей члены ханского дома, что служило поводом к беспрестанным усобицам; попытки обложить регулярной данью свободолюбивых туркмен вызывали часто волнения и вооруженные столкновения их с узбеками.

После смерти Ильбарса (1538) наблюдается постоянная смена ханов на хивинском престоле.

Попытки завоевания Хорезма бухарскими ханами. В царствование Аванеша, пятого преемника Ильбарса, произошло завоевание Хорезма шейбанидом Убайдулла-ханом (в 1538 г.). Хан Аванеш был настигнут и убит при отступлении. В Хорезм был посажен в качестве шейбанидского наместника сын Убайдуллы—Абдулазиз; многие узбекские племена Хорезма были переселены в Мавераннахр, причем

они были поделены на четыре части: одна часть отошла Убайдулле, а три остальных к сопровождавшим его в походе вассальным владетелям Ташкента, Самарканда и Хисара. Ни оседлое население, ни туркмены этим походом не были затронуты. Спасшиеся от шейбанидских узбеков родичи убитого хана Аванеша бежали в Дурун к представителю той же семьи Дин-Мухаммеду. Последний с помощью туркмен племени адак (адаклы) вторгся в Хорезм, захватил Хиву и убил шейбанидского даругу (правителя) с его помощниками. Абдулазиз бежал из Ургенча в Бухару. Войско, посланное Убайдуллой в Хорезм, было разбито Дин-Мухаммедом.

Попытки подчинить Хорезм были повторены Абдулла-ханом. В 1575 г. он напал на Ургенч в то время, когда правивший Хорезмом Хаджим-хан находился в походе на Хорасан. Набег не имел серьезных последствий: Абдулла-хан при известии о возвращении Хаджим-хана заключил мир с его братьями и возвратился в Бухару.

В 1593 г. Абдулла-хану удалось занять Хорезм и поставить в городах своих правителей и гарнизоны. Хаджим-хан вместе со своими сыновьями и внуками был вынужден искать приюта у иранского шаха Аббаса. В 1595 г. хивинские султаны сделали попытку вернуть потерянные владения. С помощью туркменских племен и городских жителей, недовольных правлением бухарцев, им удалось овладеть главными городами ханства, что вызвало новый поход Абдулла-хана, выступившего лично во главе своего войска. Этот поход окончился взятием Хазараспа и казнью главарей восстания. Хаджим-хан снова удалился в Иран, и только смерть Абдулла-хана (1598), вызвавшая смуты в государстве шейбанидов, дала ему возможность возвратиться в Хорезм и окончательно утвердить его независимость.

Экономическое состояние Хорезма в XVI в. Хорезм переживал в XVI в. период тяжелого экономического упадка; феодальные войны, тяжелые налоги и поборы с населения в пользу ханов, султанов и других феодалов, сильно разорили страну. Оседлые районы страдали от набегов туркмен; кочевое хозяйство приходило в упадок от усилившейся эксплоатации со стороны ханов и других феодалов.

Сократились в значительной мере существовавшие раньше связи с Ираном, который теперь занял по отношению к Хорезму явно враждебную позицию.

Упадок торговли отразился в первую очередь на состоянии городов. Дженкинсон, посетивший Хиву в 1558 г. в качестве посла Ивана Грозного, картинно описывает резиденцию хана г. Вазир (собственно, Шахри-Вазир, у Дженкинсона—Селизюр), дурно построенный из глины ханский дворец, незначительность торговли и бедность населения ханства. Говоря о столице ханства г. Ургенче, Дженкинсон отмечает его земляные постройки, наполовину разрушенные и выстроенные без должного порядка. „Этот город,— говорил он,— сильно пострадал, особенно в последние семь лет, когда вследствие междоусобных войн он был разорен четыре раза, оттого и купцов так мало, да и те очень бедны, так что во всем городе я едва мог продать четыре куска саржи".

Усиление Московского государства во второй половине XVI в. при Иване Грозном и утверждение его власти в Поволжье способствовало оживлению торговли и установлению более или менее прочных торговых и дипломатических отношений Хивы с Москвой. Уже в 1557 г., на другой год после занятия Астрахани московскими войсками, там появились „гости из Ургенча со всякими товарами". Одно-

временно начались дипломатические сношения между Москвой и Хивой. В 1559 г. в Москву прибыло хивинское посольство „с поминками и любовным челобитьем, просячи дороги гостем и береженья". Между 1583—1600 г.г. Москву посетили три хивинских посольства. Московское правительство отправило в среднеазиатские ханства ответных послов.

Территория Хивинского ханства. Страна, во главе которой стояла узбекская династия, основанная Ильбарсом, включала: собственно Хорезм, расположенный в низовьях Аму-дарьи,—древний земледельческий оазис с некогда высокой старинной культурой; расположенные к западу и юго-западу от него кочевья туркмен на Мангышлаке в районе Балханских гор, Дихистане (Мешхеди-Мисриян) и по Узбою, по которому во второй половине XVI в. протекал рукав Аму-дарьи, впадавший в Каспийское море, и, наконец, северную часть Хорасана, к северу от Копет-дага и Кюрен-дага, входящую в настоящее время в состав Туркменской ССР. Географически Хорезм состоял таким образом из двух частей, разделенных между собой обширной песчаной пустыней: из области, орошенной Аму-дарьей, носившей название Су-бою (сторона реки), и предгорьев Копет-дага в современной Туркмении, называвшихся Таг-бою (сторона гор).

Большое значение в жизни и экономике ханства имел тот факт, что Аму-дарья изменила в низовьях свое течение и перестала впадать в Каспийское море. Дженкинсон отмечает, что лежащая на юг от Шахри-Вазира обширная и плодородная ровная местность орошается каналами из Аму-дарьи и что, повидимому, „страна эта скоро обратится в пустыню и придет в запустение по недостатку воды, когда река Оксус прекратит свое существование". Предсказание Дженкинсона исполнилось очень скоро. Через пятнадцать лет после него тот приток Аму-дарьи, который до этого направлялся на юго-запад и впадал в Каспийское море, повернул на северо-восток и стал впадать в Аральское море. Местность около Ургенча обратилась в пустыню. Жители выселились частью на юго-восток в окрестности Хивы, частью в дельту Аму-дарьи, и, хотя часть населения осталась на старых местах, но войско и хан весною должны были уходить на берега Аму-дарьи, где обрабатывались поля, и только после сбора жатвы они возвращались в Ургенч.

Население. Население ханства распадалось на три группы, резко отличавшиеся одна от другой как в этническом, так и в культурно-экономическом отношениях; на этой почве создавались постоянно противоречия, усиливавшиеся в условиях беспокойных феодальных войн между ханами и главарями племен.

Население городов и земледельческих селений составляли прямые потомки древних жителей Хорезма, впитавшие в себя многочисленные пришлые, главным образом, тюркские элементы, и подвергавшиеся уже к этому времени полному отуречению по своему языку. Это были носители земледельческой и городской культуры. В их руках находились торговая и ремесленная деятельность, а также и земледелие. При широко практиковавшейся раздаче „суюргалей" племенной знати и крупным чиновникам, стремившимся выжать возможно большие доходы с отданных им земель, оседлые земледельцы попадали в зависимое полукрепостное положение. Кроме того, они должны были нести многочисленные натуральные повинности по ремонту оросительных сооружений, дорог, крепостных стен и т. д. На крестьянство и горожан падала также главная тяжесть и налогового бремени.

Вторую значительную этническую группу составляли туркменские племена, расселенные, как указано, к западу и югу от оседлых районов ханства, а частично и внутри их. Они занимались преимущественно скотоводством. Дженкинсон любопытными чертами обрисовывает кочевое население ханства, проживавшее на обширных пространствах от восточного побережья Каспийского моря до Шахри-Вазира. Они, по его словам, не строили ни городов, ни селений, а кочевали с места на место со своим скотом, которого у них было большое количество. В степях водились также дикие лошади, на которых они охотились. Хлеба у них не было „потому что земледелие им чуждо, но мясо употребляют в страшном количестве. Его разрезают на мелкие кусочки и едят горстями с большою жадностью, особенно конину". У кочевников не было в обращении ни золотых, ни серебряных, ни каких-либо других монет, но когда они в чем-либо нуждались, то выменивали товар на скот.

Распадаясь на многочисленные роды и колена, туркмены не выступали как единая сила, что и привело в XVI в. к подчинению их хивинскими ханами.

Ханы беспощадно эксплоатировали кочевников. Туркмены платили налоги с земледельческих угодий ($^1/_{10}$ часть урожая) и со скота; племя адаклы-хызр должно было, кроме того, поставлять хану нукеров (слуг или гвардию). Дополнительно с туркмен взималась дань „на ханский котел", исчислявшаяся десятками тысяч баранов. Подати взимались в пользу не только хана, но и отдельных представителей ханского дома.

Туркмены нередко восставали и временно добивались известной самостоятельности. Такое восстание произошло, например, при Суфиян-хане (в первой половине XVI в.) среди племени эрсари, жившего у Балханских гор. Туркмены согласились сначала платить подать, но, доведенные до отчаяния непосильными поборами, перебили ханских сборщиков в числе 40 человек. Суфиян-хан предпринял поход против эрсари и примкнувших к ним хорасанских салоров. Туркмены искали убежища в недоступной безводной местности, но вскоре были вынуждены сдаться и согласиться на уплату контрибуции по 1000 баранов за каждого убитого сборщика податей. Эта контрибуция в дальнейшем превратилась в постоянный налог, уплачивавшийся в течении нескольких поколений.

Воинственные и подвижные туркменские племена играли значительную роль как в междоусобных, так и во внешних войнах хивинских ханов, нередко оказывая решающее влияние на исход тех или иных событий, как например, в войнах Хаджим-хана и его сыновей с Абдулла-ханом.

Включение туркмен в сферу экономических и политических отношений соседних феодальных государств способствовало ускорению процессов феодализации внутри туркменских племен с их прочно еще сохранившимися родовыми пережитками. Этот процесс усиливался постепенным переходом туркменской родовой знати на службу к хивинским ханам, что приводило к еще большему разъединению туркменских племен и укреплению власти над ними узбекских феодалов.

По мере развития феодальных отношений среди кочевников крепло влияние мусульманского духовенства и усиливалась пропаганда суфизма, которая наложила свой отпечаток на всю духовную жизнь населения.

Узбеки, составлявшие третью, наиболее влиятельную этническую группу, переселившись в Хорезм вместе с Ильбарсом позднее, сохранили и здесь кочевой образ жизни и деление на племена и роды. Узбекские племена Хорезма делились на четыре главных группы кият-кунграт, уйгур-найман, канглы-кипчак и нукус-мангыт, составлявшие сложные объединения из различных, как показывают их наименования, этнических элементов. Во главе этих объединений стояли инаки, которых было четыре, по числу главных упомянутых групп. В политической жизни страны, в особенности в последующие времена, инаки играли очень большую роль, соперничая зачастую с ханами, бывшими нередко правителями только по имени.

Правящая верхушка узбекских родов „белая кость" (в отличие от простого народа—„черной кости") составляла полуфеодальную племенную знать. Значение этой господствующей верхушки усиливалось тем, что в их руках собирались относительно крупные средства, получаемые от военной добычи и от доходов с земель, которые обрабатывались трудом зависимого земледельческого населения и, вероятно, рабов. Рабами являлись преимущественно иранцы и русские, захваченные в плен при грабительских набегах туркмен на Иран и ногайцев на окраины Московского государства. Хорезм в XVI в., как и позднее, являлся крупнейшим невольничьим рынком в Средней Азии, и здесь был большой спрос на рабов.

Политический строй. Хорезм в XVI в. не являлся сплоченным государством. Здесь сильнее, чем в государстве шейбанидов в Мавераннахре, сказывались пережитки родового строя и принцип принадлежности государства всему ханскому роду в целом. Ханом провозглашался старший в роде, получавший вместе с ханским титулом и стольный город, каковым был сначала Вазир, затем Ургенч и позднее Хива (Хивак). При провозглашении нового хана совершались старые монгольские церемонии: хана сажали на белую кошму, которую затем трижды приподнимали вверх ближайшие его родственники. Родичи хана, в зависимости от их старшинства, получали в удел области, города, а иногда только часть какого-нибудь города. Каждый из удельных владетелей стремился быть самостоятельным: власть ханов была зачастую только формальной.

Дженкинсон описывает своеволие удельных узбекских князей-вассалов во время правления Хаджи-Мухаммед-хана, иначе Хаджим-хана (1558—1602). Они, по его словам, „повинуются ему очень мало, разве только в его собственных владениях, да и в тех местах, где он живет, так как каждый из них в своем уделе владеет самостоятельно, и каждый из братьев старается погубить другого, не имея к нему естественного чувства любви, так как рождены они от разных матерей и по большей части они—дети либо рабынь, либо христианок, либо туземных женщин, отцы которых отдают их в сожительство хана". „Когда между удельными султанами бывают войны (а редко случается, что их не бывает), то побежденный бежит в степь со своей шайкой и там грабит, сколько может, купеческие караваны и другие, продолжая этот разбойничий род жизни до тех пор, пока не будет иметь столько средств и возможностей, чтобы вновь напасть на которого-нибудь из своих братьев".

Власть ханов ограничивалась также племенной знатью, которая мало с ними стеснялась. Хан оказывался в полной беспомощности и не мог привести в исполнение своих намерений, если главари узбекских племен не были с ним согласны. На этой почве постоянно вспы-

хивали соперничество и вражда между родичами хана; распри и феодальные войны, начавшиеся сразу после смерти Ильбарса, почти не прекращались в течение целого столетия до прихода к власти Абулгази.

Культурное состояние ханства. Хозяйственный упадок и феодальная раздробленность не могли не отразиться крайне неблагоприятно на состоянии культуры. Установившаяся в Хорезме власть кочевников и бесправное положение местного оседлого населения, носителя и прямого наследника древней культуры хорезмского оазиса привели к значительному снижению культурного уровня страны.

В частности, почти прекратилось развитие литературы, в том числе и историографической. В XVII в. историк Хорезма хан Абулгази жаловался, что от прежних ханов, правивших до него, не осталось никаких хроник и записей, и что историю Хивы предшествующих времен ему самому пришлось восстанавливать по устным рассказам и преданиям.

ГЛАВА III

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ В XVII в.

§ 1. СОЦИАЛЬНО-Э ОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Хозяйственное состояние страны в XVII в. Убийство Абдул-Мумина и насильственное прекращение династии шейбанидов знаменовали собой усиление феодальной реакции в стране; к власти пришла значительно менее авторитетная династия ханов—аштарханидов, родственных шейбанидам по женской линии (с 1599 по 1753 г.).

Неудача, постигшая попытку Абдулла-хана создать централизованное государство, и торжество центробежных сил объясняются, в основном, слабым экономическим развитием страны. В результате узбекского завоевания район земледельческой культуры значительно сократился. Обширные культурные земли были захвачены под пастбища. Вклинившиеся в оазис кочевые скотоводческие хозяйства нарушали течение его экономической жизни. Многолюдное кочевое население, не находившее в скотоводстве удовлетворения всех своих хозяйственных потребностей, стремилось удовлетворять их внеэкономическим путем—грабежом торговых караванов и земледельческих районов. При таких условиях производительные силы страны не могли получить должного развития. Феодальные войны XVII в. еще более способствовали хозяйственному упадку Мавераннахра и разорению его населения. Хозяйственный кризис усугублялся финансовой политикой феодалов, допускавшей полный произвол. Во второй половине XVII в. при Субханкули-хане, например, во всех областях было принято за обычай взимать с населения ежегодные подати деньгами и натурою по бератам (особым документам на право досрочного сбора с населения податей, выдававшимся ханами) в семикратном размере. Например, селение по письменному долговому обязательству, или вернее, по предъявлявшемуся ему правительственному чеку должно было заплатить 500 тенег (100 рублей серебром), а фактически с него взимали 3500 тенег (700 рублей серебром), да сверх этого в десятикратном размере взыскивалась сумма, отчислявшаяся в пользу чиновников по сбору и учету государственных поступлений и арбабов, ведавших сбором хараджа. Население, сидевшее на мульковых государственных землях (мульки-падишахи или мульки-шах), было обложено податью „мулькана" в таких размерах, что владельцы этих земель даром готовы были отдавать их любому, кто желал бы их взять, но охотников на это не было.

Показателем общего обнищания были частые голодовки, охватывавшие целые районы и области, о которых неоднократно сообщают историки.

Русские наблюдатели XVII в. отмечают сравнительно незначительные размеры земледелия в Мавераннахре: „А хлеба в Бухарах и Балху и в Хиве сеют небольшие,—писал посол царя Алексея Михайловича Пазухин,—и за годом у них хлеба остается мало, в коих домах". Тем не менее, продукты сельского хозяйства являлись основными предметами питания оседлого населения. В XVII и первой половине XVIII вв. сеяли, кроме пшеницы, рис, джугару, ячмень, а также коноплю и кунжут, из которых выделывалось масло. Очень развито было огородничество и садоводство: разводились дыни, лук, всевозможные фруктовые деревья (яблони, груши, сливы различных сортов и т.д.), белый и черный виноград (по выражению одного автора начала XVIII в. „для самого ученейшего человека приятный и оживляющий дух"). В Бухаре еще в XVII в. из винограда выделывалось различных сортов вино, „хорошее, вкусное, как рубиновые губы красавицы", а также уксус. Из промышленных культур разводился хлопчатник в очень значительном количестве, судя по размерам бумаготкацкой ремесленной промышленности и по вывозу бумажных тканей за границу. Шелководство было менее распространено: в Хиве в XVII в. выделывали в год около 3000 пудов шелку; в Бухарском ханстве шелководство было развито слабее, поэтому бухарцы ездили за шелком в Хиву.

При поливной системе земледелия в Бухаре большое значение имели оросительные сооружения. Отдельные ханы проявляли некоторую заботу об орошении новых земель. Так, например, в 1633—1634 гг. по распоряжению Имамкули-хана был прорыт новый арык в местности Кош-курган. Однако прорытие этого арыка, легшее тяжелой повинностью на плечи земледельческого населения, рассматривалось современниками не как благодеяние хана, а как бедствие.

На фоне мелких крестьянских хозяйств выделялись владения крупных феодалов. Представление о крупном феодальном хозяйстве XVII в. дают сообщения о богатствах брата и преемника Имамкули-хана, Надир-Мухаммеда (1642—1645): на конюшне у него стояло 8000 прекрасных коней, не считая тех, что ходили в табунах; кроме того, ему принадлежало 8000 дорогих серых каракулевых овец. По словам русского посла Бориса Пазухина, бывшего в Бухаре в 1670—1671 гг., на полевых работах в ханстве было занято много рабов. „А пашенные земли, — говорил он, — поливают напускною водою и от того зельная работа бывает пленным людем". Современник того же Имамкули—эмир Ялангтуш-бий имел до 3000 рабов, которых он использовал в частности для возведения грандиозных городских построек.

Разработка природных богатств в Узбекистане стояла в XVII—XVIII вв. на очень низком уровне. Имеются сведения о добыче олова в Улутау; довольно широко была поставлена добыча селитры и выделка из нее пороха. Драгоценные и полудрагоценные камни (благородная шпинель, бирюза и др.) доставлялись в ханскую казну в качестве дани. Разработка известных рубиновых копей Бадахшана (в действительности добывались не рубины, а высший сорт благородной шпинели) составляла государственную монополию. Развитию горной промышленности препятствовали (если верить русским наблюдателям первой половины XVIII вв.) характерные для феодального строя запретительные мероприятия ханов, опасавшихся привлечь алчность соседних государей в случае, если будут открыты залежи драгоценных металлов.

Ремесленная промышленность в XVII в. продолжала развиваться и служила основной базой хозяйственного преуспеяния городов.

Текстильное ремесленное производство в Мавераннахре достигло в XVII в. значительных размеров, судя по большому количеству тканей различных сортов, которые вывозились ежегодно в Московское государство и в Сибирь. Среднеазиатские бумажные ткани (зендени разных цветов, бязи, миткали, выбойка и т.д.) и вырабатывавшиеся в меньшем количестве шелковые и полушелковые ткани (образцы их частично сохранились в собраниях Оружейной палаты) отличались высоким качеством выработки и яркой расцветкой. Наряду с текстильным производством, крупное значение в ремесленной промышленности Узбекистана XVII в. имело производство оружия. Славилось дорогое оружие бухарской работы: сабли, ножи, латы, щиты, шлемы, украшенные драгоценными камнями и накладными узорами из золота и серебра, а также бухарские луки, иногда тоже отделанные золотом булатные и медные тулунбасы, „навожены красками и золотом", саадаки (колчаны) из лубья, „шиты шелком и золотом" или „навожены золотом с травами". Среди металлических изделий значительное место занимали разного рода сосуды из бронзы и меди: кувшины, чаши и др., поверхность которых покрывалась гравировкой и чеканкой с богатым и разнообразным, почти исключительно растительным орнаментом, в который вкомпановывались каллиграфически выполненные арабские и персидские надписи. Из других ремесел большое значение имело кожевенное производство. Из Средней Азии вывозились бухарские сафьяны, белые и красные, в том числе с серебряной насечкой. Упоминается выделка ковров (килимов) шерстяных и шелковых. Керамические изделия—белополивные с синим и черным орнаментом, линейно-нарисованным, изображающим цветы, побеги и листья,—были сходны по способу выделки и по художественной отделке с изделиями тимуридского времени, но уступали им по совершенству технического исполнения. Все же керамические изделия этого времени отличались еще высоким качеством гончарной массы, блеском и чистотою лазурей, яркостью и сочностью красок. Наконец, в Самарканде и Бухаре выделывалась высокого качества писчая бумага, достигшая едва ли не предельного совершенства в правление Абдулазиз-хана (1645—1680). Ремесло и торговля попрежнему сосредоточивались, главным образом, в руках издавна осевшего в городах коренного таджикского и тюркского населения.

Благосостояние городов в эпоху аштарханидов было основано в значительной степени на внешней торговле. Ежегодно караваны ходили не только в соседнее Московское государство и в Иран, но и в далекий Китай и Индию. Из Китая вывозились преимущественно шелковые ткани (камки и другие), фарфоровая посуда, лекарства, чай, из Индии—драгоценные камни, жемчуг, кисея, затканная золотом парча и другие ценные материи, золотые нитки для шитья, краски, парфюмерия и т.д. Индийские купцы приезжали в Бухару не только на время, но и подолгу проживали в столице аштарханидов. В XVII в. там был целый индийский квартал, управлявшийся собственным старшиною. Из Бухары китайские и индийские товары шли дальше в Москву и через нее попадали в Западную Европу.

Развитию ремесленной промышленности и торговли препятствовали условия феодального строя. Ремесло и торговля облагались в пользу ханов и их вассалов не только большими пошлинами, но и разными сборами, вроде обязательных подарков, кормления послов и т. д. Значительная часть прибылей от заграничной торговли приходилась на долю принимавших в ней участие феодалов, которые этим

путем реализовали поступавшие к ним внеэкономическим путем (в виде подарков и натуральных сборов) товары. Первое место в торговле занимали ханы, которые, в частности, отправляли со своими послами и купцами большие, на несколько тысяч рублей, партии товаров в Астрахань. В 1705 г., например, Убайдулла-хан прислал в Астрахань со своим „купчиною" 30 верблюжьих вьюков с приказом „продать и, продав, купить всяких товаров на свой ханский обиход". Надир-Мухаммед, брат Имамкули-хана, был собственником 400 сундуков с европейскими тканями.

Тяжело отражались на городской жизни непрерывные феодальные войны и усобицы, которые привели в середине XVIII в. промышленность и торговлю к значительному упадку и застою и к распылению населения, уходившего массами из разоряемых городов.

В то же время отдельные беки, правители улусов, строили новые города, из которых впоследствии значительной величины достигли Катта-курган и Ширабад.

Усиление власти феодалов. Усиление феодальных отношений сопровождалось ростом военно-политической мощи отдельных представителей узбекской знати Бухары. Таким могущественным феодалом был, например, сановник (аталык) хана Абдулазиза, упомянутый выше Ялангтуш-бий, строитель знаменитых самаркандских медресе Шир-дар и Тилля-кари. Располагая огромными средствами, Ялангтушбий и подобные ему лица имели возможность содержать значительное войско и совершать походы на соседние страны, в частности, на район Кабула, принадлежавшего в XVII в. „великим моголам", и на шиитский Хорасан. В походах, наряду с прочей добычей, захватывалось также множество пленных, обращавшихся, как и в XVI в., в рабов.

Одновременно продолжалось сосредоточение больших земельных богатств в руках служилой знати, получавшей их в форме „танхо"— пожалований во временное пользование и „мульков" пожалований в полную собственность. Это дало повод Пазухину написать, что „расписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людям", отчего, по его словам, сильно страдала ханская казна. Скопление большого количества земель в руках служилого военного сословия вызывало даже опасения со стороны ханов и попытки ограничить это явление.

Кроме пожалования земель, в Бухарском ханстве широко практиковалось отчуждение в пользу того или иного феодала известных пошлин и государственных сборов „по цареву указу, что тем он от царя пожалован".

Видное место среди прочих феодалов попрежнему занимало духовенство. В особенности было велико значение дервишских шейхов и ишанов. Среди последних в XVII и XVIII вв. хотя и не выделялись такие крупные представители, какими в прошлом были ходжа Ахрар, Махдуми-А'зам и ходжа Ислам, но в условиях разложения и упадка хозяйственной и политической жизни страны духовенство и суфийские шейхи еще крепче опутывали сознание населения религиозной и мистической идеологией и душили религиозными запретами все живые творческие силы народа. Под сильное влияние дервишских „старцев" подпадали и сами ханы, что в XVIII в. породило своеобразный тип ханжествующего властителя— „дервиша на ханском троне". Крупное политическое влияние дервишизма проявлялось в постоянном вмешательстве представителей его

в государственные дела, причем среди дервишских братств существовали различные группировки, из которых одни поддерживали ханскую власть, а другие, наоборот, стояли на стороне его мятежных вассалов. Джуйбар, с его иммунитетными владениями ходжей, служил местом убежища, куда во время феодальных смут укрывали свои семьи, а часто укрывались и сами бухарские ханы и видные сановники, а также иностранные послы. Наследственные шейхи из рода Махдуми-А'зама имели и в правящих кругах, и в широких массах особый авторитет. Значение духовенства и дервишей основывалось в значительной мере и на том, что в их руках продолжали сосредоточиваться огромные вакуфные владения, завещавшиеся ханами и их сановниками или собиравшиеся по крохам от мелких завещателей.

Основная идея суфизма—передача суфийской благодати лишь достойнейшему ученику (муриду) шейха, давным давно утратила свое значение; главы дервишских орденов превратились в наследственных представителей той или иной дервишской фамилии, пользовавшейся большим влиянием в народе. И ханы, и султаны аштарханидов, как и их рядовые подданные, обычно состояли муридами того или иного шейха. Субханкули-хан, будучи муридом шейха Мирзы Хашими-азизана, происходящего из весьма влиятельной семьи кермининских азизанов, так увлекался дервишскими подвигами, что носил под ханским платьем дервишское рубище и достиг такого „совершенства" в мистических упражнениях, что его наставник считал хана опытным руководителем в созерцательной жизни, имевшим право быть суфийским шейхом.

Усиление роли дервишей сказалось в захвате в конце XVII в. (правда, на короткое время) власти в Фергане местными ходжами, потомками первых арабских завоевателей. Они последовали, повидимому, примеру ходжей—потомков Махдуми-Азама, захвативших еще раньше власть в Кашгаре. Временной столицей Ферганы сделалось местопребывание этих ходжей селение Чадак, расположенное к северу от р. Сыр-дарьи (в 10 *км* на юго-запад от Ахсикета). Большую роль в политической жизни края играли также ташкентские ходжи, упоминающиеся в начале XVIII в., как лица, делившие власть с казахскими ханами. Ходжи Ташкента оказывали некоторые услуги бухарским ханам, извещая их о действиях калмыков, за что получали от них почетные одежды и подарки.

Ханская власть в Бухаре. Фикция избрания хана, унаследованная от кочевой державы Абулхайра, сохранялась в Бухаре и в XVII и в XVIII вв.; это давало возможность крупным феодалам, в частности главарям узбекских племен, влиять на престолонаследие в семье аштарханидов. Внешне избрание оформлялось попрежнему путем поднятия избранника на белом войлоке. Кроме ближайших родственников (если они были), в обряде участвовали представители племенной знати (эмиры) и дервишские шейхи. Сохранился и другой обычай, ведший свое начало со времени тимуридов,—последующее сажанье вновь избранного хана на священный „серый камень" в Самарканде, соответствовавший коронации, и сопровождавшийся принесением подарков и поздравлений со стороны вассалов. Как раньше, прерогативами ханской власти считалось право чеканки монеты и провозглашение пятничной хутбы с его именем.

Представление о придворном церемониале, которым окружали себя бухарские ханы, дает описание приема (так называемого куриниша) московского посла Бориса Пазухина в декабре 1670 г. ханом Абдул-

азизом. В воротах арка (цитадели) посла встретили комендант (топчи-баши) и ясаул. Посол и его свита должны были сойти с лошадей, „потому что никакие послы на царский двор не езживали",—обычай, который до позднейших времен соблюдался и при дворе бухарских эмиров. Послы прошли пешком на дворик перед дворцом, где был устроен рундук, т.е. возвышение, на котором усадили и Пазухина; по правую сторону от него сидели „честные люди"—ходжи и „ближайшие бояре"—высокие сановники, а с левой—прочие вельможи и „всякие чиновные и старые люди, человек со сто". Тут начались переговоры о порядке представления хану. По обычаю посольские грамоты принимал и передавал хану диван-беги (министр финансов), но Пазухин отказался подчиняться этому обычаю, противоречившему московскому посольскому обряду, и настоял на непосредственном вручении грамот в руки хана. Хан во время аудиенции сидел на троне, возвышавшемся от рундука на шесть ступеней, на подушке, крытой покрывалом, шитым золотом. Пазухина подвели к трону, поддерживая с двух сторон под руки, диван-беги и другой высший сановник, носивший титул „дадхо", и он сам подал грамоту хану, поднявшись на приступок. Пристав (ясаул) объявил присланные от московского царя подарки, после чего посол изложил цели посольства в краткой речи, по окончании которой ему было предложено сесть на рундуке по правую сторону от хана на одном ковре с „боярами", от „царского места поблиску"; Абдулазиз задал ему несколько вопросов об условиях его путешествия, и этими любезностями закончилась аудиенция.

Через некоторое время состоялся на том же дворе парадный обед в честь послов, для присутствия на котором были вызваны из городов „воеводы (беки), чтобы у них наряднее и люднее было". Послы сидели за столом на рундуке „с бояры и с воеводы". С правой стороны расположилась духовная знать: ходжи и „мечетники книжные, старые люди". Перед ханским местом лежали его сабля, саадак и щит и стояло около 200 ясаулов с посохами в руках; за ханским местом выстроились 12 человек „комнатных людей", которые попеременно держали посох и саблю хана, а по обе стороны от них по 9 телохранителей с пищалями (ружьями). Перед началом обеда „книжники... с час... рассказывали... старинное их законное ученье, порознь многие люди". Затем на „мисе" (т. е. подносе) стольники принесли скатерть из золотого изорбафа (дорогая шелковая материя); предшествовавший им михтар (дворецкий) передал скатерть „комнатному человеку, который перед царя скатерть настилает и ества откушивает" (во избежание отравы); последний, стоя на верхней ступени трона на коленях, принимал кушанья и „откушавши, перед царя ставил". Первую смену блюд составляли „овощи (фрукты), ягоды и сладкие ества". Хан, прежде чем самому есть, разослал со стольниками три блюда ходжам, вельможам и послам. „Мало помешкав", подали следующую смену кушанья: „разные каши и мясные блюда", которые таким же образом были распределены между гостями. Кушанья подавали на „мисах" и „блюдах ценинных" (фаянсовых) и глиняных, перед ханом стояло несколько золотых сосудов и „тарелей". Питье (молоко и вода) подносили ему тоже в золотых чашах. Во время обеда „играли потешники (артисты) во всякие бусурманские игры девять человек и в голосы пели по книге". Для развлечения гостей привели показать им носорога, что дало повод для разговора с ханом о редких породах животных в Московском государстве. После стола присутствовавшим подали молоко в

деревянных чашах, и гости, выпив за здоровье хана и поклонившись ему, удалились.

Для вящего возвеличения хана в глазах масс устраивались иногда пышные народные празднества. По случаю вступления на престол Убайдулла-хана в 1702 г. был обнародован приказ: „Все ремесленники и мастеровые города, украсивши свои лавки, пусть считают ночь за день и производят торговлю, а люди веселящиеся пусть предаются удовольствиям и развлечениям во всякое время, когда бы ни пожелали, и никому да не будет в этом неприятности". На праздники стекалось не только население города, но и кочевники. Устраивалось праздничное угощение по рангам. „Красноречивые поэты услаждали присутствовавших в высочайшей аудиенц-зале образными выражениями и сладкозвучными стихами". В таких выражениях описывала придворная хроника эти празднества.

В тех же целях повышения своего авторитета ханы окружали себя учеными богословами и знатоками мусульманского права, с которыми проводили долгие часы в диспутах, и поэтами, которые воспевали их добродетели и деяния в высокопарных одах, составлявшихся по старым персидским образцам. Ханские историографы вели для каждого царствования летописи, которые по существу своему являлись многословными и весьма витиеватыми панегириками правящему государю.

Аппарат управления. В XVII в. в Бухарском ханстве сформировался довольно сложный аппарат управления. Первое место в чиновной иерархии занимал „ближний и первый человек", как его звали русские, аталык, т. е. ханский дядька или воспитатель (дословно „заступающий место отца"). Согласно табели о рангах, составленной в XVIII в., аталык заведывал орошением страны: „ведал реку благородной Бухары (т. е. Зарафшана) от Самарканда до Кара-кума". В документах XVII в. он выступал с чертами первого министра. При назначении в звание аталыка пожалованному лицу посылали фирман (указ) вместе с почетным халатом и конем. Второе место после аталыка занимал диванбеги, т. е. министр финансов, ведавший сбором дани—„хераджа" и составлявший „дафтары", т. е. податные списки; он же принимал у иностранных послов грамоты для вручения хану. На третьем месте стоял парваначи, на обязанности которого лежало вручение ярлыков пожалованным лицам, и на четвертом—дадхо, который принимал челобитные на имя хана и сообщал просителям принятые по ним решения. Следующим по степени дворцовым сановником был кукельдаш, заведывавший политической полицией; затем великий инак („ближний человек" по русской терминологии), назначавшийся из эмиров наиболее могущественных узбекских племен; кушбеги (сокольничий), постепенно приобретший очень большое значение в центральном управлении; великий михтар, которого русские источники отождествляют с дворецким; дастарханчи, накрывающий ханский стол, и другие. Характерной чертой для феодальной администрации Бухары, так же как и в Западной Европе раннефеодального периода и в удельной Руси, является смешение функций государственного управления с функциями дворцовой службы. Точно так же сочетались эти функции и в обширном штате мелких придворных служителей, к числу которых принадлежали ясаулы (своего рода чиновники особых поручений или младшие церемонимейстеры), михтары, низшие придворные служащие, шатиры (скороходы) и другие. Однако уже к XVII в. образовалась довольно обширная бюрократия, сосредото-

чившая в своих руках все государственное делопроизводство: ее составляли разного рода канцелярские служащие, секретари, писцы (мирзы), финансовые чиновники (диваны), ведавшие под руководством диванбеги составлением кадастров, финансовой отчетностью и материальной частью ханского дворца и др. Особо следует отметить личного секретаря хана (мунши), обыкновенно человека образованного, которому поручалось иной раз и сочинить стихотворный панегирик в честь государя, и даже составить хронику его царствования. Сами ханы очень внимательно следили за делопроизводством. Про Абдулазиза говорили, что он самолично редактировал и исправлял бумаги, которые писались от его имени. Особый библиотекарь назначался для хранения ханской библиотеки. При дворе имелись и астрологи, составлявшие гороскопы для новорожденных царевичей и гадавшие о „счастливом часе", считавшемся столь необходимым при походах, новых постройках и пр. Наконец, для наблюдения за ханскими постройками существовало особое лицо в звании кутваль. Суд и народное образование находились всецело в руках духовенства. Судьи (казии) как военные, так и гражданские, во главе с верховным судьей (кази-каланом) назначались и сменялись ханом из числа улема (ученые богословы), точно так же, как и высшее духовное лицо шейх-уль-ислам, к которому восходили в порядке апелляции юридические решения; консультантами по юридическим вопросам были муфтии; они составляли фетвы, т. е. заключения по данному вопросу, основанные на постановлениях шариата, но окончательное утверждение такой фетвы принадлежало особому лицу, носившему титул „ученейшего" (а'лам); обязанность наблюдать за исполнением религиозных обрядов и за правильностью мер, весов и цен на рынке лежала на раисе (мухтасиб). Все эти должности предпочтительно замещались лицами сейидского достоинства, т. е. принадлежавшими к действительному, а чаще мнимому потомству Мухаммеда.

Таким образом, в распоряжении хана имелся обширный и налаженный аппарат центрального управления, свидетельствующий о том, что феодальное государство, каковым являлось Бухарское ханство, было далеко не примитивным.

Налаженность системы центрального управления не должна, однако, вводить в заблуждение. Система эта была унаследована в основном от тимуридской эпохи, но она подверглась значительным изменениям в соответствии с фактическими условиями, сложившимися в узбекских ханствах. На высшие государственные должности назначались главы наиболее могущественных узбекских племен; некоторые из этих должностей иногда были как бы собственностью отдельных племен. Это обстоятельство усиливало влияние и без того совершенно самостоятельных племенных эмиров.

В Балхе, составлявшем фактически независимый удел, отдававшийся в управление наследнику престола или наиболее видным членам ханского дома, которые получали в этих случаях титул хана, аппарат управления был организован по образцу центра. Аталык к балхскому наместнику назначался бухарским ханом. На него возлагалась обязанность помогать балхскому наместнику в делах управления и в его военных действиях; он назначался из знати тех узбекских племен, юрты которых входили в состав Балхской области. Опираясь на свое племя, такой аталык мог достигнуть совершенно независимого положения и игнорировать как ханского наместника, так и сеньора Балха—бухарского хана.

Низовой аппарат административного управления в Бухаре был построен по той же системе, как и в других феодальных государствах: он существовал за счет, с одной стороны, широкого предоставления иммунитетов и кормлений, с другой, за счет возложения содержания государственного управления на податное население. Наблюдение за выполнением населением натуральных повинностей лежало на арбабе, которого московские посланники отождествляли с посадским или земским старостой. Арбаб снабжал послов кормом, собиравшимся с горожан, контролировал работы по орошению и т. д. Во главе областей и городов стояли военные вассалы ханов в качестве всевластных кормленщиков; они тоже нередко назначались из лиц, имевших связи с местным населением. Исключение составляла столица ханства—Бухара, где был особый правитель-даруга, а полицейские функции нес мири-шаб („начальник ночи"). Однако приемы управления и этих государственных чиновников мало отличались от феодального кормления: правителя Бухары при Имам-кули-хане даже обвиняли в том, что он в корыстных целях организовывал грабежи и убийства в городе.

Финансы. Явления, характерные для ранней феодальной системы управления, наблюдались и в организации государственных финансов Бухарского ханства. В основе финансовой системы Бухары в XVII—XVIII вв. лежал усвоенный всем мусульманским Востоком со времен арабского завоевания сбор хараджа (поземельной подати в размере от $^1/_5$ до $^1/_3$ урожая) и ушра (десятины). Но, по свидетельству московских послов, в ханскую казну поступала лишь незначительная часть государственных податей, так как большинство земель было в пользовании у феодалов, в пользу которых и поступали эти подати (танхо). На покрытие государственных расходов шли только доходы с монетного двора и торговые пошлины. По словам Пазухина, денег в их государствах (в Бухаре и Балхе) „в казне у царей" мало, потому что „расписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людям, и про царев обиход собирается казна из денежного двора и пошлина, а за обиходом денег за годом не остается". При таких условиях правительство прибегало к описанным выше приемам искусственного повышения хараджного и мулькового сборов и ко всевозможным натуральным поборам, в первую очередь, с торговцев и ремесленников. Так, например, посольские кормы послы „имали у земских старост" (арбабов). „А у них так повелось,— сообщали московские послы,—что тот корм дают торговые люди". Иногда корм „имали с деревень хлебом и маслом и овощем и мясом довольно..." Все ремесленники „каждый по своему таланту и вкусу" должны были преподносить в праздники хану свои изделия. В экстренных случаях, „ремесленники города и степи" облагались полавочным сбором.

Войско. В случае войны бухарский хан мог, если верить сведениям Пазухина, поднять большое по численности войско в 100—150 тыс. человек, считая каракалпаков и казахов. Балхские наместники, с своей стороны, могли выставить около 75 тыс. человек, среди которых самыми надежными ратными людьми считались узбеки-катаганы, калмыки и туркмены. В основе это было нерегулярное феодальное ополчение, созываемое по „кличу" глашатаев, которые объявляли от имени хана „приказ явиться всем победоносным войскам на смотр". По этому кличу собиралось так много „мужественных воинов и опытных бойцов с кинжалами в руках,.. что мысль была бессильна представить их численность". Узбеки выступали поголовно целыми пле-

менными объединениями во главе с племенными эмирами. Полунезависимые кочевники-казахи и каракалпаки ходили „на помочь к бухарскому царю" под начальством собственных царевичей (султанов) и выступали „пополам", с одной половиной своих воинов, оставляя другую для охраны своих кочевий в случае нападения со стороны калмыков. Вооружение бухарских ратных людей состояло из кинжала, копья и лука, только немногие „ездят с турками" (т. е. с ружьями), с которыми, впрочем, плохо справлялись, „только-де стрельба мешкотна". Регулярного строя бухарские войска не знали. В сражение они бросались беспорядочной толпой. „А конные бухарские и балховские люди,—сообщали московские послы в XVII в.,—к бою незаобычны. А пеших ратных и ученых людей в Бухарах и Балхах нет". В стремлении укрепить свое положение ханы, по образцу турецких султанов, завели личную гвардию (курчи) из иноземных рабов—русских и калмыков". Хан ни на кого так не надеется,—писал посол Петра I Беневени,—как на своих холопов калмыков и русаков, сиречь на тех, которые на Руси родились, а которые и здесь родились от отца или матери бусурманской, и тем не весьма верят".

Артиллерии в бухарском ханстве почти не было. Русские послы в XVII в. и в начале XVIII в. отмечают, что в городах „наряду (артиллерии)—пушек и пищалей нет". „Пушек на станках и на колесах нет же, а бывают самые мелкие пушечки на верблюдах, токмо де в городе Бухаре есть пушек с 13 индианских медных без станков и безо всего—сообщалось в одном посольском донесении 1724 г.—и стреляют токмо временем когда, в праздник, из одной пушки, а прочие так лежат; ядер, бомб и мортир у них нет; пороху-де у них много, и делают сами сколько хотят для того, что селитра и сера родятся у них, а свинец получают из иных стран и недешевою ценой".

Упадок ханской власти в XVII в. Вышеуказанные причины — постоянные и непрерывные феодальные войны, потрясавшие страну, междоусобицы и борьба за власть между представителями правившей династии, особенно около середины XVII в. во время правления Надир-Мухаммеда (1642—1645), а также малоуспешная борьба с внешними врагами, пользовавшимися общим ослаблением государства, в частности же разорительный поход Надир-шаха,—все это привело к полному упадку авторитета власти бухарских ханов. Процессы дальнейшего развития феодальных отношений, в которые были втянуты недавние кочевники еще в XVI в., еще больше усилились в XVII в. В первой половине XVIII в. феодальная раздробленность дошла до своего апогея, когда хан сделался игрушкой в руках непокорных эмиров-главарей узбекских племен. Эмиры фактически стали почти независимыми правителями своих улусов. Они самостоятельно предпринимали войны и набеги против соседей, заключали с ними мирные договоры. Некоторые из этих эмиров-правителей, как, например, уже упоминавшийся Ялангтуш-бий, управлявший в течение нескольких десятилетий Самаркандом, Махмуд-бий катаган, аталык Рахим-бий и другие, опираясь на военную силу возглавлявшихся ими племен, играли большую роль как в жизни всего государства, так и отдельных его областей. Деление на уделы между членами ханского рода сменилось теперь делением на уделы между отдельными племенами.

Бухарское ханство в конце аштарханидского времени фактически слагалось из ряда независимых владений племен, которые были почти совершенно независимы от центральной власти.

Классовая борьба в Бухарском ханстве. Развитие феодальных отношений в Бухарском ханстве происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. Беспрестанно и в XVII в. и в XVIII в. вспыхивали массовые народные движения. При Имамкули-хане в 1622 г. произошло сильное восстание в Самарканде в связи с поражением, которое хан потерпел от ташкентцев. Движение было направлено, главным образом, против ближайшего советника хана, его диванбеги Надира и правителя Бухары Мирза-бека. Имамкули бежал из Самарканда в Балх и вернулся через неделю с балхским войском, но не решился прибегнуть к репрессиям („Казни никому не было"). Мирза-бека и его брата, тоже бежавших в Балх, убили. Этому сановнику инкриминировались злоупотребления и даже разбой, которые он чинил в бытность свою правителем Бухары.

При Убайдулла-хане, в связи с выпуском им неполноценных денег и междоусобием, вспыхнувшим в среде узбекских феодалов, происходили очень серьезные волнения городского населения Бухары, сопровождавшиеся выступлением против состоятельных горожан. В 1723 г., когда против хана восстала узбекская знать, „деревенские люди" (крестьянство), которые спаслись уходом (в Самарканд, из страха перед начавшейся феодальной усобицей), чуть не принудили хана бежать из города, требуя от него активных мер, чтобы „управить узбекское дело".

Эти примеры свидетельствуют о сильном обострении классовых противоречий, вызванном углублением процесса феодализма, причем против феодалов совместно выступали, как общее правило, горожане и крестьянство.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БУХАРЫ В XVII В.

Конец династии шейбанидов. Сорокалетнее правление Абдулла-хана и очень краткое царствование его сына не привело к укреплению государственной власти, за которое они боролись с такой энергией и жестокостью. В этой борьбе погибла сама династия шейбанидов. Ханы новой династии, возведенные на престол избранием и волею племенной знати, естественно, оказались в полной от нее зависимости.

После гибели Абдулмумин-хана „среди представителей династии шейбанидов не оказалось достойного преемника, которому можно было бы передать верховную власть". „Сколько ни искали такого человека, никого не нашли,—говорит историк XVII в.,—потому что во дни Абдулла-хана большинство (шейбанидских царевичей) погибло в походах на Иран, Кашгар и Дешти-кипчак, некоторые же проявили неповиновение (своему сюзерену) и он послал их в дорогу небытия". Словом, Абдулмумин-хан был последним шейбанидом. Престолы Мавераннахра, Балха и Бадахшана оказались свободными. В государстве возникли неурядицы и анархия, никто не хотел подчиняться другому.

Иранцы, узнав о смерти двух своих заклятых врагов, усмотрели в этом благоприятный случай, чтобы завоевать обратно области, отнятые у них шейбанидами. Шах Аббас при первом же нападении взял Себзевар и Мешхед, а позже—Герат. В Балхе, при содействии шаха, правителем стал его ставленник, шейбанид Мухаммед-Ибрагим.

На севере, из района Ташкента, вторгся казахский султан Тевеккель. При помощи больших сил казахов, моголов и калмыков он завладел Самаркандом, но при попытке захватить Бухару потерпел поражение. Неудача этого похода не остановила бы Тевеккеля, если бы

он не получил в битве между Самаркандом и Бухарой тяжелой раны, от которой умер в Ташкенте около 1599 г.

Начало династии аштарханидов. В это смутное время сановники и влиятельные эмиры шейбанидского государства решили избрать ханом проживавшего в Бухаре выходца из Астрахани, царевича Джанибек-султана, происходившего, как и шейбаниды, от старшего сына Чингиза—Джучи и состоявшего в родстве с шейбанидами. Когда началось наступление Москвы на Астрахань, после взятия Казани, Джанибек-султан в 1554 г. бежал в Среднюю Азию и нашел приют у Искандер-хана, отца Абдулла-хана; Искандер-хан выдал за него свою дочь. От этого брака у него родилось три сына: Дин-Мухаммед-хан, Баки-Мухаммед-хан и Вали-Мухаммед-хан. Абдулла-хан послал Дин-Мухаммед-хана и его братьев в Хорасан править Несой и Абивердом. Джанибек-султан отказался от предложенного ему престола на том основании, что верховная власть в Мавераннахре должна принадлежать кому-нибудь из шейбанидских царевичей. В конце концов эмиры признали, что достойным ханского звания и власти может быть старший сын Джанибека, Дин-Мухаммед, являвшийся внуком Искандер-хана и племянником Абдулла-хана. Послав в Абиверд эмблемы ханской власти, эмиры провозгласили пятничную хутбу в мечетях и выбили монету с именем нового хана. Но Дин-Мухаммед, который с трудом вырвался с братьями из Абиверда, осажденного иранцами, погиб на пути в Бухару. Тогда бухарские эмиры избрали ханом его брата Баки-Мухаммеда, а третьего сына Джанибека—Вали-Мухаммеда объявили наследником и, согласно обычаю, отправили наместничать в Балх. Так с 1599 г. начала свое правление вторая узбекская династия в Мавераннахре, получившая название аштарханидской, т.е. астраханской, другое название которой—„джаниды" произошло от имени их родоначальника Джанибека.

В Балхе происходили крупные неурядицы. Балхцы, с трудом переносившие владычество ставленника шаха Мухаммед-Ибрагима, которого обвиняли в склонности к шиитству, торопили Вали-Мухаммеда приехать в Балх. Ничего не подозревавший Мухаммед-Ибрагим выступил из города навстречу бухарцам, но едва обе армии сошлись, как балхская немедленно соединилась с бухарской. Наместник хотел было укрыться в стенах города, но его догнали, отрубили ему голову и бросили ее под копыта коня Вали-Мухаммеда, без помехи вступившего в город. По утверждению бухарских историков, шахские войска отступили из Балха с уроном. Однако шах сохранил главнейшие свои завоевания в Хорасане (Мешхед, Герат).

Неспособность новой династии вести активную борьбу с наступлением иранцев объясняется тем, что углубление феодальной раздробленности, лишь временно приостановленное энергичной политикой Абдулла-хана, продолжалось после прекращения династии шейбанидов с новой силой. Помешать этому процессу не могли ни мероприятия Баки-Мухаммед-хана по реорганизации правительственного аппарата и устройству армии, ни „оживление применения государственных законов," доставившие ему у потомков прозвище „Знаменитого". Под конец же его семилетнего правления феодальные неурядицы, набеги кочевников-казахов, каракалпаков и калмыков и восстания внутри государства приняли такие широкие размеры, что казалось, по словам историка, будто „вся территория предается разорению и разграблению", а население районов, подвергшихся нашествию кочевников, покидало свои места и разбегалось во все стороны.

Имамкули-хан (1611—1642). По смерти Баки-Мухаммед-хана (в 1605 г.) на престол был возведен его брат, балхский наместник Вали-Мухаммед (1605—1611). Наместник Вали-Мухаммеда в Балхе Шах-бек кукельдаш своей неимоверной жестокостью вызвал восстание населения подчиненной ему области. Население обратилось к эмирам, чтобы те уговорили проживавших в то время в Балхе сыновей Дин-Мухаммеда—Имамкули и Надир-Мухаммеда—возглавить народное движение против тирана. Эмиры, страшась Шах-бека,отказывались исполнить просьбу народа. Но скоро стало известно, что в самой Бухаре составлен заговор против Вали-Мухаммеда и что бухарская знать решила посадить на его место Имамкули-хана. Перепуганный Шах-бек бежал с немногими своими приспешниками в медресе Абдулла-хана и забаррикадировался там, но был схвачен и подвергнут мучительной казни.

По приглашению бухарских эмиров Имамкули выехал в Бухару. Вали-Мухаммед-хан в это время был на охоте в Каршинской степи. Узнав о состоявшемся против него заговоре, он ночью с двумя своими сыновьями бежал в Иран под защиту шаха Аббаса, который по политическим соображениям хорошо его принял и дал значительные военные силы для возврата утраченной власти.

Приближение иранских войск вызвало в Бухаре растерянность. Молодой и неопытный Имамкули нашел поддержку у шейха ходжа Хашима, сына Махдуми-А'зама, который, надев на свою хырка (дервишское рубище) колчан, выехал в бой и первый выпустил стрелу во врагов. Узбеки разбили шахское войско и захватили в плен Вали-Мухаммед-хана. Шейх Хашим приказал отрубить пленнику голову.

Борьба с кочевниками на севере. В борьбе с иранцами и Вали-Мухаммед-ханом Имамкули-хану помогали казахи из Ташкентского района. Однако вскоре ему пришлось защищать свои владения от набегов недавних союзников. В 1612—1613 гг. Имамкули-хану удалось разбить казахов, овладеть Ташкентом и посадить там наместником своего сына Искандера. Но едва Имамкули ушел из Ташкента, как жители восстали и убили царевича. В отмщение за смерть сына Имамкули поклялся, что по взятии Ташкента он не прекратит избиения горожан до тех пор, пока кровь не дойдет до стремени его коня. После месяца осады Ташкент был взят, и бухарцы произвели в нем столь чудовищную резню населения, не разбирая ни пола, ни возраста, что, по словам историка, „получилось такое беззаконие, которого не помнило время". Даже начальники собственного войска Имамкули стали просить хана прекратить избиение ни в чем не повинных людей, но он заявил, что не может нарушить данную им клятву. Тогда ташкентские законоведы составили юридическое решение, в силу которого хан должен был въехать на коне в водоем, где бы вода, окрашенная кровью убитых, доходила до стремени его коня. Тем самым хан выполнил свою клятву и мог приказать прекратить кровопролитие.

В правление Имамкули-хана государству аштарханидов пришлось иметь дело и с другим кочевым племенем—каракалпаками, повидимому, особенно близко придвинувшимся к границам бухарских владений. При описании разгрома каракалпаков войсками Имамкули в Кара-тау, историки упоминают, наряду с каракалпаками, и калмыков. Калмыки, или ойраты, многочисленный народ монгольского происхождения, обитали первоначально на пространствах между Сибирью и Кашгаром и от Алтая до р. Или. Продвигаясь в XVI в. на запад,

калмыки столкнулись с казахами, с которыми вступили в кровопролитные войны. В зиму 1603—1604 г. калмыки совершили свое первое нападение на Хорезм. При Имамкули-хане выступления калмыков против Мавераннахра усилились.

Это был сильный и беспокойный кочевой народ, против которого хану пришлось совершить несколько походов.

Внутренняя политика Имамкули. Успешные войны с кочевниками укрепили положение Имамкули. Его продолжительное, более чем тридцатилетнее правление было временем сравнительного усиления ханской власти в Бухаре. По выражению современных историков, он „твердо сидел на престоле власти и на троне величия... Своим уполномоченным он ни на минуту не давал отдыха". Современник отмечает положительные стороны централизации власти, говоря, что при Имамкули-хане разливался „бальзам правосудия на сердечные раны угнетения". Вместе с тем щедрость Имамкули снискала ему большую популярность среди его вассалов. Он пользовался также постоянной поддержкой „божьих людей"—дервишей. Про него говорили, что он имел „необыкновенное пристрастие" к беседам с дервишами, учеными и поэтами и был счастлив, общаясь с ними. Он окружил себя лучшими поэтами своего времени и осыпал их милостями. Они с своей стороны не скупились на восхваление хана в высокопарных панегириках. Он сам был стихотворцем, и „стихотворения его, как чистая, свежая вода, были приятны совершенным людям".

Имамкули удавалось сдерживать враждебные выступления феодалов, однако, укрепление государственной власти было только кажущимся. По мере развития феодальных отношений в среде узбекских племен усиливалось и политическое значение узбекской феодально-родовой знати. Правителями областей стали назначаться по преимуществу эмиры (князья) тех племен, юрт которых составляла та или иная область. Благодаря этому усиливалась власть и положение эмиров и росли центробежные силы, способствовавшие разложению и распаду государства, но при Имамкули-хане эти явления еще не получили полного развития. Брат Имамкули, Надир-Мухаммед, со своими двенадцатью сыновьями покорно сидел наместником в Балхе в течение почти тринадцати лет; феодалы, повидимому, не решались на мятежные выступления, поэтому историки того времени льстиво сравнивают время Имамкули-хана с блестящей эпохой Султан-Хусейн-мирзы. По их словам, он внес „порядок в расстроенное положение государства: население в его время благоденствовало, в стране царило спокойствие, а сам Имамкули-хан был доступен народу, щедр и справедлив".

Надир-Мухаммед-хан. Преемник Имамкули, его брат Надир-Мухаммед (1642—1645), человек весьма надменный, гордый и алчный, своими притеснениями вызвал общее недовольство. На третьем году его правления казахи в своем очередном набеге на Мавераннахр дошли до Ходжента. Надир-Мухаммед для изгнания их послал туда значительное войско под начальством своего сына Абдулазиз-хана. Во время похода Абдулазиз был провозглашен ханом в Ходженте. Надир, бывший в это время на охоте в Каршинской степи, узнав о происшедшем, поспешно отправился в Балх, а Абдулазиз поспешно выступил обратно в Бухару, где его избрание было окончательно санкционировано знатью (правил с 1645 по 1680 г.). Надир тем временем, для закрепления за собой обширной Балхской области, откуда он мог бы предпринять наступление на Бухару, роздал

отдельные районы Балха в уделы своим сыновьям, а управление прочими районами было им предоставлено эмирам. Эта система, усилившая феодальную раздробленность, не могла способствовать укреплению положения свергнутого хана. Между его сыновьями начались междоусобицы. Назначенный правителем Кундуза, сын Надир-Мухаммеда, Кутлук-султан объявил себя, по соглашению с Абдулазиз-ханом, полновластным наместником Балха и Бадахшана вместо своего отца. Другой сын Надира, Субханкули, взял Кундуз, убил брата, но затем предпочел столковаться с Абдулазиз-ханом, который его хорошо принял в Бухаре. Однако оба брата продолжали относиться друг к другу с большим недоверием. Субханкули самовольно покинул Бухару и внезапно двинулся на Балх. Надир-хан, видя безвыходность своего положения, обратился за помощью к „великому моголу" Шах-Джехану (1623—1659).

Война с „великим моголом". Шах-Джехан, рассчитывая присоединить к своим владениям принадлежавшую его предкам богатую Балхскую область, послал туда сильную армию под начальством своих двух сыновей. Царевичи перевалили через Гиндукуш и дошли до Гори. Отсюда они двинулись на Балх. Тайно извещенный одним из могольских эмиров, что сыновья Шах-Джехана, вместо обещанной ему помощи, имеют намерение захватить Балх, Надир бежал на запад. Войска „великого могола" последовали за ним и нанесли ему поражение. Он нашел приют в Иране у шаха Аббаса II. Индийские царевичи захватили Балх со всей богатейшей ханской казной.

В Балхе победители вели себя, как в завоеванной стране. Население стало разбегаться, целыми семьями переправлялось через Амударью и уходило в Мавераннахр. Хозяйничанье индийцев в Балхе продолжалось целых два года, пока Абдулазиз-хан не выступил против них. Тянувшиеся в течение четырех месяцев бои, нападения и стычки отдельных отрядов обессилили войска „великого могола", находившиеся далеко от своей базы, и перевес оказался на стороне узбеков. К этому присоединился страшный голод в опустошенной стране и жестокая зима, гибельная для привыкших к теплому климату индийцев. Шах-Джехан был вынужден отозвать свою армию в Индию, а Балх передать Надир-Мухаммеду, о чем ему было сообщено в Иран. Балх был сдан прибывшему Надиру, а индийские царевичи двинулись в обратный путь. Узбеки бросились в погоню за ними, тревожили нападениями, отбивали обозы, захватывали пленных, множество которых в течение ряда лет продавалось в качестве рабов на рынках Бухары, Самарканда, Ташкента и Туркестана.

Восстановление Надир-хана на престоле Балха встревожило его сыновей и заставило их объединиться. Абдулазиз-хан послал Субханкули наместником в Балх. Местная знать города и гарнизон вошли с ним в соглашение и впустили его в город (в 1651 г.), а Надир-Мухаммед вынужден был удалиться в паломничество в Мекку; в пути он умер. Едва братья закончили в Бухаре и Балхе траурные поминки по отцу, как взаимное недоверие опять разделило их. Абдулазиз отправил против Балха большое войско с целью отнять его у брата. Во время сорокадневной осады города, окрестности его были так опустошены, что „не осталось и следов населенных мест", но решительного успеха Абдулазиз-хан не добился и, заключив мир с братом, признал его своим наследником и наместником Балха.

Войны с Хивой. В 1655 г. Мавераннахр подвергся опустошительному нашествию хивинцев, которые проникли в Бухарский оазис, ра-

зорили Кара-куль и возвратились с богатой добычей. В том же году хивинцы повторили набег на Кара-куль и увели много пленных. Эти набеги, повторявшиеся и в последующие годы, когда опустошению подвергся даже отдаленный Кермине, влекли за собой „всеобщий грабеж и разорение областей Мавераннахра и распыление всего его населения". Нападения хивинцев не имели завоевательных целей и предпринимались хивинскими ханами исключительно с целью грабежа. Как только бухарский хан собирал войско для их отражения, хивинцы немедленно отступали с той добычей, которую они успели захватить.

В 1657 г. во время похода хивинского хана Абулгази на Кермине, Абдулазиз напал на него, когда тот с большой добычей возвращался в Хиву. Хивинские отряды были разбиты, сам Абулгази оказался в большой опасности и только помощь, оказанная ему его сыном Анушей, спасла его от плена. Но, несмотря на понесенные поражения, грабительские военные экспедиции хивинцев повторились в следующем 1658 г., когда был опустошен Варданзи, и в 1662 г., когда они дошли до Бухары. Хивинцы стояли уже у бухарских ворот Намазгах, когда Абдулазиз заключил мир с Абулгази. После смерти Абулгази (в 1661 г.) его сын Ануша, „еще больше, чем отец его, совершая путь жестокости", продолжал производить набеги на бухарские области. В один из этих набегов Ануша дошел до предместья столицы—Джуйбара, местожительства джуйбарских ходжей, и предал его грабежу и разорению. Абдулазиз, находившийся в то время в Кермине, поспешил на выручку Бухары. Он подошел к городу ночью, но нашел городские ворота уже в руках хивинцев. Прорвавшись в город, он с боем проложил себе путь в арк, бывший еще во власти бухарцев. По призыву Абдулазиза, все жители Бухары и ее окрестностей, „все, кто в силах метнуть камень", вооружились и выступили против врагов. Хивинцы отступили.

Длительные войны с Хивой очень сильно отразились на общем экономическом состоянии Мавераннахра и обострили внутренние противоречия в государстве аштарханидов. Это выразилось в усилении внутренней феодальной борьбы. После опасности, которой подверглась столица ханства во время набега хивинцев, по словам бухарского историка, всем стало ясно, что „вражда братьев послужила причиной поражения государства". Субханкули-хана обвиняли в том, что он „из неприязни к своему брату" побуждал Ануша-хана к набегам.

Правление Субханкули-хана. Неудачи в войне с хивинцами вызвали серьезный кризис власти в Бухаре. Престарелый и больной Абдулазиз был неспособен организовать оборону. Под давлением Субханкули, занявшего явно угрожающую по отношению к нему позицию, Абдулазиз-хан отрекся от престола и направился в Мекку, где и умер. Официальные историки восхваляют в этом государе только набожность и любовь к знанию; он „преуспевал в науках религиозного характера", в частности изучал законоведение и даже получил право давать фетвы (письменное толкование закона). После удаления Абдулазиза, ханом сделался Субханкули-хан (1680—1702).

Тяжелое положение, в котором оказалась Бухара во время очередного набега Ануша-хана, было осложнено феодальными неурядицами в Балхе и волнениями среди полунезависимых узбекских племен. Борьба между сыновьями Субханкули-хана за балхское наместничество сопровождалась убийствами и переворотами; в ней принимали деятельное участие местные эмиры, опиравшиеся на свои племена. Против сына Субханкули-хана Сиддик-Мухаммеда, захватившего са-

мовольно власть в Балхе, восстали узбекские племена (минг, кунграт и алчин), пребывавшие в своих юртах—Меймене, Термезе и Балхе. Сам Сиддик-Мухаммед занимал очень двусмысленную выжидательную позицию по отношению к отцу.

Смена на бухарском престоле не отразилась на отношениях с Хивой. Хивинцы проникли до Бухары, опустошили округа Кермине и Варданзи и овладели Самаркандом, где знать города согласилась возглашать в хутбе имя Ануша-хана и чеканить монету с его именем, причем большая часть эмиров Бухары, недовольных Субханкули-ханом, удалилась к своим племенам и подняла против него возмущение.

Только с помощью правителя Бадахшана, аталыка Махмуд-бия из племени катаган, Субханкули-хану удалось прогнать хивинцев из Бухары. Но после их ухода положение населения сильно опустошенных и разоренных областей оказалось едва ли не хуже, чем при них. Мстя самаркандцам, допустившим без сопротивления вторжение Ануша-хана в их область и провозгласившим его своим ханом, Субханкули отдал приказ перебить все население города. Приказ этот не был приведен в исполнение, но на население была наложена большая контрибуция. В Самаркандскую область были посланы отряды узбеков из племени юз, которые самым жестоким образом взыскивали контрибуцию в таких размерах, что население на долгие годы попало в кабалу.

Тем временем стали поступать доносы и жалобы на Сиддик-Мухаммеда; его обвиняли в намерении восстать против отца. Узнав об этом, Сиддик-Мухаммед не замедлил расправиться с лицами, подозреваемыми им в наветах на него, не щадя и их семей, и приказал убить даже двух своих братьев. При известии, что царевич „свернул с большой дороги повиновения августейшему отцу", Субханкули в 1680—1681 г. выступил походом на Балх. Мятежный сын встретил отцовские войска ружейным огнем и стрелами с крепостных стен и башен; но, получив от отца письменное заверение в добром к нему расположении, вышел из города ему навстречу; после свидания они оба вступили в Балх. Там Субханкули приказал арестовать сына и заковать в цепи, а его приближенных, способствовавших мятежным замыслам, предать мучительной казни. Погиб в тюрьме и Сиддик-Мухаммед, повидимому, убитый по распоряжению отца. Субханкули, поручив управление Балхом одному из эмиров племени юз и возложив на аталыка Махмуд-бия усмирение мятежных эмиров, вернулся в Бухару.

Внешние отношения. В Бухару прибыл посол из Индии от „великого могола" Ауренгзеба с письмом к Субханкули-хану. Индийский падишах подозревал интриги иранцев в постоянных волнениях афганцев на северных границах Индии, но не желая явного разрыва с шахом, хотел отвлечь его внимание набегами узбеков на Хорасан, для чего нужно было использовать Субханкули. При складывавшихся международных отношениях пограничное положение Балха заставляло Субханкули принять меры к укреплению своей власти в нем. Ввиду того, что новый наместник своими действиями восстановил против себя население, Субханкули лично прибыл в Балх и в целях успокоения жителей сместил непопулярного правителя. Из Балха же был отпущен индийский посол с ответным письмом. На предложение „великого могола" Субханкули-хан, повидимому, не решился согласиться ввиду неспокойного положения в его собственных владениях.

Воспользовавшись отсутствием Субханкули, хивинский хан Ануша опять вторгся в пределы Бухары и произвел сильное опустошение. Отраженный бухарскими эмирами, он удалился с большой добычей в Хиву. Вскоре после этого против Ануша-хана составился заговор, повидимому, не без участия бухарского золота. Ануша, с согласия Субханкули-хана, был схвачен своими приближенными и ослеплен (в 1686 г.) на его место посадили его сына Ирнака (Эренк). Уверенный, повидимому, в безопасности со стороны Хивы, Субханкули решил теперь осуществить поход на Хорасан, как ему предлагал „великий могол". Узбекам удалось овладеть крепостью Бала-и-Мургаб (к северо-востоку от современной Кушки), но в это время Ирнак вторгся во владения Субханкули, проник до столицы и осадил ее. Субханкули,отправивший все свои силы в Хорасан, опять обратился к помощи аталыка Махмуд-бия, который, придя с войском, заставил хивинцев удалиться. По возвращении в Хиву Ирнак-хан был отравлен своими сановниками. От имени всего населения Хивинского ханства Субханкули-хану было послано извещение, что с его именем провозглашена хутба и стала чеканиться монета. По просьбе хивинцев, хан прислал для управления Хорезмом своего наместника. Таким образом Хорезм был присоединен к Бухарскому ханству.

Война с Бадахшаном. За свои заслуги перед ханом Махмуд-бий аталык был назначен наместником Балха и Бадахшана. Водворив в Балхе известное спокойствие, Махмуд-бий вступил в борьбу с Яр-беком, владевшим значительной частью Бадахшана. Предлогом к этой борьбе послужила посылка бухарских чиновников для эксплоатации в пользу бухарской казны знаменитых бадахшанских рубиновых копей; Яр-бек не пропустил их туда. Натянутые отношения между Бадахшаном и Бухарой существовали уже давно. Еще в пятидесятых годах XVII в. узбеки совершали набеги на Бадахшан из соседней области Кундуз (современный Катаган). В целях противодействия им, объединившиеся бадахшанские племена (по преимуществу иранского происхождения) избрали своим правителем (миром) упомянутого Яр-бека, которому удалось отразить узбеков, но происки некоторых лиц из местной знати заставили Яр-бека покинуть Бадахшан и удалиться в Индию. Этим воспользовались узбеки и завладели страной. Бадахшанцы послали к Яр-беку своих старшин и просили его вернуться. Узбеки были вынуждены удалиться из страны. Найдя теперь (1691— 1692 г.) удобный предлог покончить с независимостью Бадахшана, Махмуд-бий выступил походом и осадил столицу Яр-бека г. Джузгун (Файзабад), однако взять его не смог и, удовлетворившись получением за два года вперед доходов с рубиновых копей, заключил с Яр-беком мир и вернулся в Балх. Яр-бек остался полновластным правителем, сохранившим с аштарханидами лишь известные вассальные отношения, которые он не всегда исправно соблюдал. Он управлял Бадахшаном в продолжение пятидесяти лет (умер в 1706 или 1707 г.); от него повела свое происхождение династия бадахшанских эмиров, правившая до начала восьмидесятых годов XIX в.

Феодальные усобицы. В Балхе Махмудбий занял совершенно независимое от Бухары положение. Его властное управление вызвало ряд восстаний среди окрестных узбекских племен. Главными зачинщиками мятежа были эмиры многочисленного племени курама. Желая подкрепить свой авторитет, Махмуд-бий был вынужден обратиться к Субханкули-хану с просьбой о присылке наместником в Балх его малолетнего внука Мухаммед-Муким-султана. Пока шла

об этом переписка, знать Балха, поддерживаемая населением, провозгласила правителем Балха Салих-ходжу, происходившего из старинной дервишской семьи. По матери Салих-ходжа был внуком аштарханида Надир-Мухаммед-хана. Избрание Салих-ходжи произошло при явном попустительстве со стороны Махмуд-бия, поведение которого было очень подозрительным. Депутация кураминцев в Бухаре настойчиво предостерегала Субханкули-хана относительно сепаратистских стремлений аталыка. Субханкули, бессильный сам справиться с могущественным вассалом, стал возбуждать против него бадахшанского владетеля Яр-бека. Отряды воинственных горцев Бадахшана появились в Кундузе—юрте Махмуд-бия. Последний выступил с войском против неприятеля. В его отсутствие Субханкули с большим войском, усиленным отрядами казахов и каракалпаков, явился перед стенами Балха и начал осаду, сопровождаемую разорением и грабежом окрестных районов. Салих-ходжа вызвал из похода Махмуд-бия, поручил ему оборону Балха, тот призвал на помощь белуджей и арабов, живших в прилегающих к Балху районах. Субханкули должен был заключить мир на очень постыдном для себя условии, что при возвращении его в Бухару балхцы не нападут на него. Наступившие затем феодальные усобицы, мятеж туркмен, восстание кунгратов в Термезе, враждебная позиция Бадахшана, грабежи, нападения и убийства на больших дорогах парализовали мирную жизнь некогда цветущей и богатой Балхской области.

После двух с половиной лет правления Салих-ходжи, Махмуд-бий вошел в тайное соглашение с Субханкули-ханом; он обязывался удалить из Балха в Индию Салих-ходжу, а Субханкули должен был прислать в Балх наместником своего внука Мухаммед-Муким-султана. Однако Махмуд-бий, предполагавший быть аталыком при молодом наместнике и играть при нем первую роль, обманулся в своих расчетах, ибо его место заняли другие лица. Махмуд-бий удалился в свой юрт Кундуз, где в течение четырех лет был не у дел.

Последние годы правления Субханкули-хана ознаменовались всеобщей разрухой. На территории Балха шла ожесточенная борьба между отдельными узбекскими племенами. Племя минг, разгромленное кипчаками, обратилось за помощью к Ирану. Кизилбаши вторглись в Шабирган, бывший вместе с Меймене наследственным юртом племени минг. Балхская область была охвачена полной анархией. Кипчаки, увлекаемые сторонниками Махмуд-бия, пригласили последнего в Балх. В это время умер Субханкули-хан (1702) и на престол вступил его сын Убайдулла-хан. Воспользовавшись этим обстоятельством, племянник последнего Мухаммед-Муким провозгласил себя независимым ханом Балха и, под давлением эмиров и знати города, обратился к Махмуд-бию с просьбой взять на себя организацию вооруженных сил Балха и послал ему знаки аталычества—фирман, почетное платье, коня и драгоценный кинжал. Таким образом, Махмуд-бий опять захватил власть в Балхе.

Все сильнее обозначавшийся упадок и разложение аштарханидского государства достигли своего апогея в начале XVIII в. Наследовавший Субханкули-хану Убайдулла II (1702—1711) проявлял стремление к абсолютизму, но чрезвычайно самонадеянный и заносчивый, не отличавшийся умением ладить с людьми, он в действительности оказался игрушкой в руках эмиров, и за время своего девятилетнего управления государством довел его до полного развала. В стремлении покончить с феодальной раздробленностью Убайдулла-хану при-

шлось столкнуться с сепаратистскими тенденциями, господствовавшими в Балхе, где, как упомянуто, Мухаммед-Муким-хан объявил себя независимым от Бухары. За спиной Муким-хана стоял его властный аталык Махмуд-бий, опиравшийся на свое племя катаган, юртом которого был Кундуз. Махмуд-бий убил его и провозгласил себя ханом Балха. Тогда Убайдулла выступил против Махмудбия мстителем за кровь своего близкого родственника. Однако ни при жизни Муким-хана, ни после его смерти Убайдулла-хану не удалось подчинить себе мятежный Балх.

Все правление Убайдулла-хана прошло в непрерывных войнах с мятежными вассалами. Ему приходилось выступать походом то в Самарканд, где восставало племя юз, то посылать войска в Хисар против местных юзов, то в Термез, сдавшийся Махмуд-бию и т. п. Поводом для этих походов служили нередко феодальные распри эмиров между собой и войны между отдельными узбекскими племенами. Так, например, в поход на Хисар Убайдуллу вовлек его аталык Мухаммед-Рахим-бий. Этот поход, вызванный личной враждой аталыка к хисарским юзам и совершавшийся под его предводительством, закончился полной неудачей. Все население Хисара восстало против бухарцев, которые вынуждены были бежать; жители города Хисара преследовали их и разграбили их лагерь. Сам Мухаммед-Рахим-бий бежал горными дорогами в Самарканд.

Поход на Термез был предпринят потому, что Убайдулла, по совету того же Мухаммед-Рахим-бия, сменил термезского наместника. Племя последнего (кунграт), юрт которого составляла область Термеза, возмутилось. Но новый наместник, по происхождению найман, имел сторонников среди найманов, значительное число которых жило в Термезской области, они пригласили из-за Аму-дарьи Махмудбия и сдали ему сильно укрепленный Термез. Пришедшие с Махмудбием кочевники бросились грабить и разорять села и деревни, а посланное против них в 1705 г. бухарское войско было разбито наголову Махмуд-бием.

В Шахрисябзе волновались так называемые племена „правой и левой стороны", состоявшие из кенегесов, мангытов, джабутов и др. Хан пытался привлечь их к совместным действиям против мятежного Махмуд-бия. Старшины, получив подарки, пообещали принять участие в походе на Термез. Но, несмотря на эти обещания, племена „правой и левой стороны" не присоединились к ханскому войску, потому что все их симпатии были на стороне Махмуд-бия.

Наконец, Убайдулла сам предпринял поход на Шахрисябз. Он собрал главарей мятежных племен „правой и левой стороны" и разными подарками и милостями убедил часть их выступить с ним походом на Балх. Переправясь через Аму-дарью на плотах и губсарах (надутых воздухом кожаных бурдюках), Убайдулла с войсками подошел к Балху и осадил его (1707). Для того, чтобы отвлечь племя катаган от помощи осажденному Махмуд-бию, хан послал в набег на Кундуз (юрт этого племени) отряды узбеков Шахрисябза. Отделившись от ханских войск, узбеки „правой и левой стороны" бросились грабить балхские районы, „вытаптывали посевы правоверных и травили их лошадьми и верблюдами, избивали, вязали и ранили жителей". Только после длительной осады Убайдулла-хану удалось овладеть Балхом, Махмуд-бий бежал, а „для населения Балха—говоря словами одного историка,—тот день стал днем Страшного суда и

смятением второго пришествия, и оно воочию увидело страх (и ужасы) кончины мира на этой земле". Наказать племена „правой и левой стороны" за измену Убайдулла-хан поручил назначенному им для управления областью Шахрисябза Фархад-бию (из хитай-кипчаков), которому были даны полномочия уговорить племя хитай-кипчаков, обитавшее в районах Карши,Самарканда и Миankаля, овладеть Шахрисябзским юртом и изгнать из него племена „правой и левой стороны". Хитай-кипчаки, вооруженные бухарцами, выступили на Шахрисябз под начальством Фархад-бия, но в решительном бою были разбиты, Фархад-бий был взят в плен и подвергнут мучительной казни.

Феодальные распри и междоусобная борьба узбекских племен осложнялись нападениями кочевников присырдарьинских степей, связанными с продвижением калмыков, которые нанесли поражение казахам и киргизам и образовали сильное кочевое государство с центром в долине Или. Движение калмыков вызвало бегство казахов и каракалпаков, главным образом, под стены Ташкента, сильной крепости, которая в то время, повидимому, принадлежала казахам, как и Туркестан с его районом. В Самарканде и Бухаре возникли серьезные опасения, что калмыки могут появиться и в Самаркандском вилайете. В мае 1709 г. Убайдулла-хан выступил с войском в Самарканд. Полученное вскоре известие, что калмыки, разгромив казахские и каракалпакские аулы, вернулись в свои становища, делало бесполезным дальнейший поход.

Денежная реформа. Тяжелое финансовое положение Бухарского ханства заставило правительство Убайдулла-хана произвести денежную реформу, которая должна была облегчить положение казны, но в действительности вызвала большие потрясения валютного порядка. Бюджетный дефицит покрывался займами, которые казна производила у богатых людей столицы. Ввиду отсутствия средств на покрытие этих долгов, для предупреждения государственного банкротства в 1708—1709 гг. была пущена в оборот низкопробная монета (с меньшим в четыре раза содержанием серебра, чем было в обычной высокопробной тенге) с номинальной ценностью полновесной монеты. Купцы, ремесленники, хлебопеки и мелкие лавочники в виде протеста закрыли свои лавки и прекратили торговлю. Население, особенно беднота, очутилось в тяжелом положении, так как достать что-либо из съестного на базаре было невозможно. Тысячи людей всякого рода и положения бросились к арку (цитадель-дворец), грозя все уничтожить. Хан приказал торговцам под страхом смертной казни открыть лавки. Эта мера не могла, однако, успокоить общее возмущение. Возрастающее недовольство вылилось в серьезные беспорядки.

Городское восстание в Бухаре. В Самарканде произошли столкновения между узбеками племен найман и сарай, входивших в состав ханского войска, причем дело не обошлось без убитых и раненых. В это столкновение оказались вовлеченными эмиры—начальники племен: сараи настойчиво требовали удаления эмира найманов. Все прочие эмиры также были недовольны заносчивым и высокомерным поведением найманского эмира, которое они приписывали покровительству, оказываемому ему ханом. В ближайшую же пятницу эмиры в виде протеста демонстративно не явились к хану на обычный поклон (салам). „Вследствие этого,—говорит современник событий,—лжецы и презренные люди, ищущие волнения и смуты, сочли настоящий момент (для себя) весьма благо-

приятным и стали говорить (всевозможные) речи и разводить сплетни; по этой причине высоко взвилось знамя мятежа". Известие о самаркандских событиях послужило толчком для выступления трудовых слоев населения Бухары. „Такая смута и анархия настали среди обитателей Бухары, что как будто они переживали Страшный суд",—говорит современный историк. Движение было направлено против господствующих классов. По выражению того же официозного историка, „подонки общества и разбойники, которые только искали таких дней, стали отнимать у мусульман имущество". Страх охватил всех состоятельных горожан. Общее смятение увеличилось от стечения сельских жителей, сбежавшихся в город из опасения начавшихся феодальных смут. Городское начальство укрепило башни на стенах и поставило охрану в воротах. Благодаря этим мерам, движение было подавлено.

Феодальная оппозиция. Когда Убайдулла-хан вернулся в Бухару, „вражда военных к хану уже ни для кого не была тайной". В Балхе вспыхнул открытый мятеж Махмуд-бия. Посланное для его усмирения ханское войско дошло лишь до Карши, а дальше не захотело двигаться. Соперничество между собою эмиров, враждебное отношение их к хану, нежелание воевать с Махмудом, с которым их связали общие классовые интересы, заставили Убайдуллу помириться с Махмуд-бием и тем, хотя бы внешне, сохранить в отношении Балха свои суверенные права.

Вражду феодалов Убайдулла вызвал своими абсолютистскими стремлениями. Чтоб укрепить свою власть, он пытался отстранить племенную знать от управления и сосредоточить все дело в руках лиц незнатных, назначаемых ими от него зависимых. „В силу разговоров с презренною кучкой не знавших ни роду, ни племени людей,—говорит цитированный историк,—он (Убайдулла-хан) даже не признает недопустимыми совершаемые ими злые дела; поэтому доверие эмиров и искренняя доверенность к государю оказались подорванными". Особенное недовольство вызвало возведение в сан инака и награждение званием парваначи Тюрякула, сына раба.

Чтобы ослабить знать, Убайдулла хан посягнул на ее земельные владения. Имеется известие, что он хотел отнять у феодалов земли, пожалованные им как в полную собственность (мульк), так и во временное пользование (танхо) и передать эти земли придворным.

Попытка ограничить землевладение дервишских организаций привела к столкновению хана также с влиятельными джуйбарскими ходжами, у которых он отнял наследственные земли; некоторых ходжей он заключил даже в тюрьму. Тем самым он утратил поддержку могущественной дервишской корпорации.

Против Убайдулла-хана составился заговор, и он был убит в 1711 г. Ханский дворец со всем его гаремом подвергся дикому разграблению. На престол был возведен брат Убайдуллы, Абулфейз-хан (1711—1747), совершенно ничтожная личность, быстро ставшая игрушкой в руках своих эмиров.

§ 3. КУЛЬТУРА БУХАРСКОГО ХАНСТВА В XVII в.

Просвещение и культура Бухары. В области просвещения, литературы и искусства Бухара в XVII в. продолжала еще жить традициями предшествующего XVI в., но по мере возрастающей раздробленности государства и непрестанных набегов кочевников

на древние культурные центры, как в науке и литературе, так и в искусстве обнаруживается известный упадок. Главное место занимает теперь религиозная богословская литература. Но этот упадок произошел не сразу. О продолжавшейся в XVII в. культурной работе говорят обширные труды по истории и мусульманскому праву, свидетельствующие об основательном знакомстве с сочинениями прежних ученых; до нас дошел трактат одного бухарского ученого XVII в. о древнегреческих философах—перипатетиках и стоиках. В области схоластической философии в XVII в. особенно пользовался известностью ученый, выходец из Ирана, мулла Юсуф Карабаги (ум. в 1644—1645 гг.), ученик уже упоминавшегося Мулла-Джана Ширазского, автор нескольких арабских и персидских трудов по разным отраслям философии и права; некоторые из сочинений этого ученого до самого последнего времени изучались в среднеазиатских медресе.

Исторические сочинения в прозе и стихах, написанные в эту эпоху авторами, принадлежавшими к придворному кругу, естественно, отражали лишь взгляды и идеологию правящего класса—хана и его окружения. Исполненные подобострастия к носителям верховной власти, они излагали все события их времени языком чрезвычайно напыщенным и цветистым, полным чудовищных эпитетов, трескучего и вымученного панегиризма, за которыми очень часто скрывалось убожество мысли, ничтожность сообщаемых фактов, полное игнорирование положения народных масс. Однако, и в некототорых из этих произведений (например, в „Убайдулла-хан-намэ") попытки осмыслить сообщаемые исторические факты и объяснить причины политических событий.

Известный интерес, по практическим соображениям, проявлялся к медицине. Субханкули-хан построил в Бухаре специальную лечебницу, или госпиталь (дару-ш-шифа), где лечились больные, изучалась медицина и имелась специальная медицинская библиотека. Большой любитель книг и науки, Субханкули-хан обладал также, повидимому, большой и хорошо подобранной библиотекой. В Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР хранится несколько редких книг из библиотеки этого хана и ряд интересных медицинских трудов его времени, составленных им самим или посвященных ему.

Некоторого блеска достигла литература в Бухаре в правление Субханкули-хана. При его дворе блистали придворные поэты Тураби и Нахли.

Меценат и поэт, Субханкули окружил себя учеными и поэтами, которые оставили значительный след в истории узбекской литературы. Он сам писал стихи под псевдонимом Нишани, увлекался также медициной и составил популярный лечебник.

При Субханкули Мухаммедом Беди-ас-Самарканди в 1692 г. была составлена антология бухарской поэзии, в которой он сообщал биографические данные о 150 литературных деятелях той эпохи. Кроме того, появились: стихотворная поэма придворного поэта Мухаммеда Балхи „Субханкули-хан-намэ" из 5000 двустиший, „История Субханкули-хана" Мир-Мухаммед-Амина Бухари и ряд других сочинений.

Придворной поэзией, разумеется, не исчерпывалась литературная жизнь XVII в. В литературе начала проявлять себя городская демократия со своими вкусами и требованиями. В эпоху Убайдулла-хана среди бухарских поэтов наиболее прославленными были: Сайида

Несефи, „князь на троне бухарских поэтов", по выражению автора „Убайдулла-намэ"; поэт Касым-ходжа, самаркандец по происхождению; студент бухарской медресе Мулла Сарафраз; также самаркандец Фитрат, по профессии вышивальщик золотом, кормившийся своим ремеслом; и, наконец, Мулла Мульхам, мастер по отделке внутренней части зданий, живший также на собственные заработки.

Автор исторического труда „Убайдулла-намэ", упоминая о них, оговаривает с заметным одобрением, что, например, поэт Сайида „не домогался посещать дома эмиров и ханский дворец, довольствуясь куском хлеба, который приходился на его долю"; или что мулла Фитрат „меньше всего добивался посещать дворец государя и дома эмиров". Говоря о другом поэте Мульхаме, мастере-строителе, историк снова подчеркивает, что Мульхам „не ищет службы у государя и эмиров; он не ведет образа жизни, свойственного поэту, и продажей своих стихов не занимается".

Творчество этих поэтов отличается своеобразием. Сайида Несефи (1637—1710), пользовавшийся большой популярностью, написал большое число лирических стихов, касыд и месневи, посвященных знаменитому основателю мистического ордена Накшбенди; стихотворную историческую хронику походов аштарханидских ханов, ряд стихотворений о ремесленниках и городской жизни, басни, мухаммасы (длинные строфические стихи из пятистиший с двумя начальными строчками из лирического стихотворения какого-либо известного поэта, у Сайида—из стихов иранских поэтов Хафиза и Саиба, с добавлением новых трех строк автора). Произведения Сайида Несефи проникнуты народным духом; они отличаются простотой языка и яркой образностью. Из скудных автобиографических данных Сайида можно заключить, что поэт подвергался преследованиям и терпел лишения и нищету. Сочинения же студента Муллы Сарафраза и мастера Мульхама вообще не собирались в „диваны" (сборники) и не сохранялись.

Турды. Замечательным явлением XVII в. был узбекский поэт Турды, современник Субханкули-хана.

Турды, по всей вероятности, принадлежал к родовой узбекской знати. Будучи представителем узбекского рода юз, он принимал активное участие в борьбе против Субханкули-хана и его придворной клики и участвовал в восстании против него.

В стихотворениях Турды, простых по языку, обличается деспотизм хана и его приспешников. Дошедшие до нас в небольшом количестве эти стихи выражают дух протеста против хана и сановников. Поэт говорит в одном из стихов:

„Полон горя и страданий стал народ при этом хане,
Стал простой народ бессилен от жестоких притеснений".

Очень характерен призыв Турды к объединению узбекских племен против ханской власти:

„Не называйте того „кипчаком", того „хитаем", того „найманом",
Объедините бесчисленные роды „юз", „кырк".

В другом стихотворении Турды говорит:

„Никому на этом старом свете нет покоя . . .
Исчезли в ханстве справедливость и милость,
Зато остались обман и притворство.
Не требуй добра; страна наполнилась насилием.
Хан увеселениями занят, дружит с дворцом ходжа.

Люди разума и мысли унижены . . .
Куда направлены дела страны . . .
В дружбе с ханом все эти правители,
Если кровью пичкать их рты, все проглотят,
Голову народа сжуют и съедят эти звери".

И он кончает прямым призывом: „Набросить бы петлю этим ослам на шею".

В другом стихотворении Турды говорит, обращаясь к бекам:

„Едите все вы, словно псы, мясо народа",

и бросает обвинение ханской клике:

„Вы привыкли к вымогательствам и взяткам,
Постоянно устремляете жадные взоры в руки народа."

Мистические поэты. Завоевания Шейбани-хана совпали с обострением национальной и религиозной борьбы с шиитским Ираном. Начиная с XVI в. росло, как сказано, влияние духовенства в пределах Средней Азии, в частности, усилилась роль дервишских ишанов в культурной жизни. Особым признанием и почтением стали пользоваться богословские науки. Духовенство насаждало и популяризировало религиозную литературу—духовные стихи, нравоучительные повести, жития мусульманских святых и т. п. Усилилось влияние духовенства на народное устное творчество.

Влияние дервишской идеологии в наибольшей мере выразилось в творчестве мистических поэтов XVII в.—Суфи Аллаяра и Машраба. Суфи Аллаяр (ум. в 1724) занимал первоначально, несмотря на свое низкое происхождение, высокие должности в аштарханидской Бухаре, но впоследствии отрекся от мирских благ и встал на путь дервишского благочестия. В своих прозаических и стихотворных произведениях на узбекском и персидском языках Суфи Аллаяр проповедывал отречение от суетного мира и популяризировал мистические истины суфийской идеологии. Его стихи и стихотворная поэма „Путь праведных" получили широкое распространение и популярность в массах и распевались наряду с духовными стихами Ахмеда Ясеви.

Литература в XVII в., как и прежде, продолжала развиваться и в Бухарском и в Хивинском ханствах на двух языках—узбекском и персидском. Однако узбекский язык получил преобладание только в Хивинском ханстве.

Искусство Бухары в XVII в. В области архитектуры, всегда игравшей большую роль в культурном творчестве народов Узбекистана, XVII в. и начало XVIII в. дали весьма значительные памятники, отличающиеся своими размерами и роскошью отделки. Техническое выполнение их, в особенности в декоративно-облицовочных работах, стоит несомненно ниже того, что наблюдалось в предыдущее время, но размах творческой мысли замечательных мастеров-архитекторов аштарханидского времени с особой силой сказался в грандиозности архитектурных замыслов, в создании больших ансамблей построек, составлявшихся из нескольких крупных зданий.

Именно к этому времени относится создание такого исключительного оформления главной площади города, какое получил Регистан в Самарканде. На средства эмира Ялангтуш-бия здесь было возведено медресе, передний портал которого украшают

мозаичные изображения львов, за что и самое медресе получило название Ширдор („медресе со львами"). Медресе с определенным художественным расчетом поставлено точно против медресе Улуг-бека, на противоположной стороне площади, и повторяет его основные формы: высокий портал, ребристые купола по обе стороны этого портала, высокие, стройные минареты, завершающие углы здания, выходящие на площадь. Возведение этого медресе относится к 1613 г.

Третья сторона площади замкнута двухъярусной аркадой длинного фасада другого медресе, построенного тем же Ялангтуш-бием,— медресе Тилля-кари („отделанное золотом"). Оно должно было выполнять также и роль соборной мечети Самарканда, взамен сильно тогда пострадавшей от времени соборной мечети Тимура (Биби-ханым). Медресе замечательно отделкой—стенной росписью и богатой позолотой внутренних стен главного помещения мечети.

Влиятельным сановником Имамкули-хана, Надиром-диванбеги, был построен второй замечательный архитектурный ансамбль в Бухаре, состоящий из расположенных по одной линии мечети, хауза (искусственного пруда) и медресе, задуманных и выполненных как единое архитектурное целое. Тем же Надиром-диванбеги построены медресе у могилы Ходжи-Ахрара в 4 *км* к югу от Самарканда и Намазгах (место праздничной молитвы) в том же городе.

Особенно же выдающимися следует считать постройки Абдулазиз-хана, возведенные им в Бухаре. Первая из них—медресе—построена против бухарского медр се Улуг-бека, составляя с ним также единый ансамбль с небольшой площадью между этими зданиями. Повидимому, строитель имел целью затмить роскошью нового здания скромное по формам и украшениям медресе Улуг-бека. Очень большое по своим размерам, здание необычайно богато украшено; здесь с расточительной роскошью использованы и мраморные панели, одевающие нижние части стен, и драгоценная резная изразцовая мозаика, и майоликовые расписные плиты, и сложные лепные своды в виде так называемых „сталактитов", и, наконец, изумительная по тонкости и богатству роспись внутренних стен мечети, дарсханы (аудитории) и некоторых других помещений. В росписях мы встречаем и тот прием нанесения раззолоченных узоров по „кундалю", который уже известен нам по росписям мечетей Ходжи-Зайнуддин и Балянд, и узоры синей краской по белому фону, обнаруживающие несомненное влияние дальневосточного китайского искусства, хорошо извес ного в Бухаре по завозимым туда предметам из фарфора, и пейзажи с деревьями и какими-то фантастическими зданиями, напоминающими архитектуру Индии. Несмотря на всю роскошь декоративных отделок, они, однако по мастерству их исполн ния несравненно хуже тех, что украшают медресе Улуг-бека. Самое понимание архитектурной формы, чутье пропорции здания и его отдельных частей было уже далеко не тем, что в XV и даже в XVI вв. Понижение культурного уровня страны, наметившееся ко времени постройки медресе, наложило свой определенный отпечаток на это весьма значительное еще архитектурное произведение, последнее выдающееся здание, созданное гением великих среднеазиатских зодчих.

Во время правления того же Абдулазиз-хана в Бухаре было возведено еще несколько больших зданий, интересных по замыслу и формам, но уступающих описанному медресе по роскоши и обилию декоративной отделки. К ним относится еще один ансамбль: медресе

Джуйбари-калан, хауз и расположенная по другую сторону хауза мечеть; интересны по конструкции свода главной части мечети медресе Миракан, большое медресе, существовавшее на бухарском Ригистане, называвшееся Базари-гусфанд („бараний базар"); мечеть Мухаммед-Яраталыка и другие.

Каллиграфия и миниатюра. Искусство оформления книги находилось на такой же высоте, как и в предшествовавшие столетия, а самаркандская бумага, выделывавшаяся при Абдулазиз-хане, была такого высокого качества, что бумага предыдущих столетий уступала ей в достоинствах. Каллиграф этого хана Ходжи-Ядгар был замечательнейшим мастером, почти равным по дарованию прославленным гератским мастерам XV в. Искусство миниатюрной живописи продолжало процветать и в Самарканде, и в Бухаре, и многие миниатюры этой эпохи поражают необычайной тонкостью и блеском исполнения. Чудесным образчиком этого служит великолепный лицевой список „Книги Побед" Тимура (Зафар-намэ), исполненный в Самарканде в 1621 г. при Имамкули-хане. Но вместе с тем, в местной миниатюре происходит и значительное отклонение от традиций гератской школы, создается нечто свое, появляются элементы, более приближающие миниатюры „узбекского" периода XVII в., если не по гамме красок, то по чрезвычайно тонкой детализации физиономий, костюмов и прочих аксессуаров, к произведениям старых мастеров Палеха и Мстеры.

§ 4. ХОРЕЗМ В XVII в.

Экономическое состояние Хивинского ханства. Сведения о внутреннем положении Хивинского ханства в XVII и начале XVIII вв. весьма недостаточны и заключаются главным образом в показаниях послов и торговцев, приезжавших в Хиву. Все они единогласно отмечали значительный экономический и политический упадок в стране. Хивинцы, по их показаниям, „деньгами и хлебом зело убоги". Посетивший Хиву в 1669 г. посол московского царя Алексея Михайловича, астраханский сын боярский Иван Федотьев, в своем отчете так характеризовал внутреннее состояние Хивинского ханства: "А земля-де Юргенская не велика, и хлебом и всем скудна, лесов нет, и в летнее и в осеннее время есть варят травою; а в зимнее скудное время дрова привозят с великою нужею с Дарчи-реки". Прибывавшие в Хиву послы жалуются на дороговизну продуктов:„ В Хиве покупали хлеб и всякий харч самою дорогою ценою для того, что у них война и междоусобство великое".

Земледелие в Хивинском ханстве стояло на более низком уровне, чем в Бухарском.

Большинство населения составляли кочевники-скотоводы, главным образом, туркмены. „А в Юргенской земле,— писал посол царя Михаила, Иван Хохлов,—деревень немного, а то все люди кочевные". По словам хана Абулгази, автора известной книги „Родословное древо тюрков", кочевники „в зимнее время приходят к Хиве для снабжения себя хлебом, а весною все уходят в свои жилища для прокормления ягнят, потому что при Хиве нет кормовой травы, и они, когда покажется зелень, уходят в местность, где живет их племя". Даже земледельческое население вело полукочевой образ жизни: „Из города люди кочуют в летнее время по степи".

Сеяли преимущественно пшеницу и ячмень. Сравнительно высоко стояла культура шелковицы: в XVII в. бухарские купцы даже приезжали в Хиву за шелком. В XVIII в. упоминается табаководство. Развито было садоводство. По данным, относящимся к середине XVIII в., пахали на волах, которых запрягали также и в арбы. Пашни орошались путем напуска воды из Аму-дарьи, откуда вода шла по магистральным каналам и распределялась затем по арыкам. Однако оросительная система была недостаточно развита, и некоторые очень населенные местности, как окрестности Ургенча, страдали вследствие отсутствия воды и были, по выражению Абулгази, „безводною степью", в связи с чем жители города Ургенча должны были для земледельческих работ откочевывать на берега Аму-дарьи.

Земли феодалов обрабатывались рабами. Землевладельцы, как объясняли в Хиве московским посланникам, покупали „полонянников себе на работу и без них-де работа станет". Использование рабского труда в больших вотчинах не влияло, однако, на феодальный характер производственных отношений в Хивинском ханстве, так как основную массу эксплоатируемых составляли мелкие производители—крестьяне. В этот разряд населения поступала и значительная часть рабов, „которые от ясырства отработались", т. е. окупили (с лихвою) потраченные на их приобретение деньги.

Городская жизнь в XVII в. была мало развита в Хивинском ханстве. „А в Юргенской-де земле всего четыре города живущих (населенных),—сообщал Хохлов,—а иные-де городы пусты". Хивинская торговля в XVII в. и начале XVIII в. была незначительна. Развитию торговли сильно препятствовали кочевники—туркмены, грабившие караваны, и в лучшем случае, бравшие с них дань, „будто к миру". Федотьев отмечает, что „бухарцы с товары в Хиву и Юргенч приезжают мало; а индейцы и балхинцы не приезжают и складов (общих капиталов) юргенцы с индейцы в торгах не имеют". Сами хивинцы ездили впрочем в Московское государство. Как и в Бухаре, хивинские ханы деятельно участвовали в торговле с Москвою и тем подрывали торговлю своих подданных. Крупное место занимала работорговля. На обратном пути из Астрахани, хивинские купцы разъезжали по калмыцким кочевьям и даже живали там подолгу, скупая „русский полон", который потом большими партиями (человек по 200) отгоняли в Хиву и продавали „в иные земли".

Общий упадок экономики ханства вызвал застой и в ремесленном производстве. По всем данным, в Хиве и других городах продолжали выделываться только самые простые дешевые ткани. Более ценные текстильные изделия получались из Бухары. По словам Федотьева,... „а делают шелк и бязь и зенденн простые, а не чаровные, а бурмети, выбойки, и бумагу, и пестряди привозят из Бухар".

При слабом развитии ремесла и торговли еще не существовало резкого отделения города от деревни не только в XVII в., но даже в XVIII в., когда жители города каждое лето „уходят в свои хуторы, у кого они есть, для земледельческих работ".

Экономический упадок Хорезма тяжело отразился на ханской казне. Про Абулгази-хана говорили, что „ему нечем служилых своих людей жаловать, потому что он-де на царстве учинился внове...и в городе Хиве ныне люди разорены и казны-де царю обирать не с ково..."

При всей бедности казны, некоторые ханы производили в XVII в. довольно значительные расходы на сооружения, имевшие стратегиче-

ское или хозяйственное значение. При Ануша-хане был построен новый Кят, куда переселились жители города, разрушенного Аму-дарьей, и был вырыт канал Ярмыш для орошения города и окрестностей. При нем же (1681 г.) был вырыт один из магистральных каналов хивинского оазиса—Шахабадский и на нем построена крепость с тем же названием.

В XVIII в. экономический кризис еще больше углубился, и разорение страны дошло до того, что, по словам хивинского историка, „деревни и пашни обратились в леса и заросли, озера—в тростниковые болота".

Рост феодальной раздробленности. В условиях хозяйственной разрухи феодальная раздробленность в Хиве усилилась и приняла особенно острые формы. В XVI в. во главе уделов стояли царевичи—члены правящей династии, и государство считалось,—по крайней мере формально,—собственностью единого ханского рода. С середины XVII в. место династической удельной системы заняла система вассальных владений, возглавлявшихся старшинами племен, фактически совершенно неограниченных владетелей, которые, опираясь на военную силу рода, могли диктовать свою волю ханскому правительству. Каждый бек, по словам Абулгази, „сделался правителем какой-нибудь области, начальником каких-либо деревень". Из этих же главарей выдвигались и наиболее важные сановники государства—инаки, аталыки и др. Они же оказывали решающее влияние при избрании ханов.

Попрежнему среди феодалов видное место занимало духовенство. Дервишские шейхи продолжали пользоваться в Хиве чрезвычайным влиянием и не раз принимали участие в борьбе между ханами, их вассалами и непокорными кочевниками. В XVI в. один из потомков почитавшегося в Хорезме шейха Сейид-ата побуждал население восстать против иранцев, занявших Хивинское ханство, и призвал в страну узбекских султанов; другой потомок того же шейха в 1622 г. поддерживал сыновей Араб-Мухаммед-хана в их борьбе с отцом.

Углубление феодальной раздробленности сопровождалось усилением эксплоатации народных масс. Покоренные узбеками племена „непрестанно просят бога, чтобы им из-под тяжелого хомута узбецкого скорее высвободиться",—как говорит Флорио Беневени. Недовольством трудящихся масс искусно пользовались феодалы в своих междоусобиях. Такие же корыстные цели преследовали демагогические выступления представителей духовенства и дервишских орденов. „Кто из черни,—с досадой говорит Абулгази,—не поверит какому-нибудь белобородому сейиду, когда он каждодневно по сто раз клясться будет кораном и уверять, что заботится о них"?

Особое положение в этой феодальной системе владений занимало владение Аральское, которое начало образовываться в низовьях Амударьи у Аральского моря во время ханствования Асфендияра (1623—1643). Впоследствии эта местность часто отделялась от Хивинского ханства, выбирала своих ханов и становилась самостоятельным владением, игравшим значительную роль в политической жизни Хорезма. Аральцы, враждуя с южными хивинцами, приглашали к себе ханов то из ставленников Бухары, то из казахских султанов, то из каракалпаков. Эти ханы воевали с хивинцами и посягали, иногда не без успеха, на занятие престола в Хиве.

Аральское владение делилось на четыре подразделения—мангытское, кунгратское, кипчакское и ходжаалийское,— которые включали 32 рода, „...а в тех родах имеются два города с тамошними старшинами и беками". Городами этими были Шахтемир—в Мангытском подразделении и Кунград —в Кунгратском. По некоторым известиям, аральский хан мог выставить до 5000 воинов.

Совершенно независимыми фактически были кочевники-туркмены, готовые всегда отложиться от Хивы и принять участие во всякого рода политических неурядицах. Туркмены в XVII—XVIII вв. распадались также на четыре подразделения, которые „кочуют по сей стороне персицкого владения, а содержатся под владением Хивы".

Управление. Феодальная раздробленность и крупное значение племенной знати отразилось в административном устройстве Хивы того времени. Наряду с назначаемыми ханом вазиром (или михтаром) и кушбеги существовали племенные старшины (5 чел.), жившие в Хиве и являвшиеся ханскими советниками. Из племенной знати назначались аталыки и инаки, которых было по два и более при хане.

При ханском дворе имелся целый штат ясаулов, функции которых были приблизительно те же, что и в Бухаре: они, в частности, встречали послов и отводили им станы. Ханская казна находилась в ведении особых казначеев. Более мелкими чиновниками являлись мингбаши и сотники (юзбаши). Широко практиковалась система кормлений. Так был организован, например, сбор таможенных пошлин. Когда московский посол Иван Хохлов проезжал в 1621 г. с русскими купцами через Бовat, то за три версты до города „выехали к нему навстречу таможенники , которые с караванов собирают пошлины, человек с 60, и его-де, Ивана, и торговых людей остановили подле реки Дарьи и просили корму 9 бараноз, да две лошади, да 100 батманов ячменя", заявив, что „емлют пошлину на нем, на Иване, по указу государя своего, тем-де они пожалованы и с того служат". Несмотря на протесты посла, таможенники „учали юки развязывати сами, а иные обрезывати с ножи и обложили имать с юка по 33 зендени, и те все пошлины взяли, да сверх того взяли корму 5 рублев".

Как и в Бухаре, низовой административный аппарат составляли „посадские земские старосты", т. е. арбабы. В сельских округах некоторые государственные функции возлагались на землевладельцев; на них лежала, например,обязанность за счет подвластного им населения снабжать продовольствием проезжавших послов.

При наличии феодальной раздробленности, каждый царевич в своем владении имел собственный аппарат управления—своих аталыков, казначеев, ясаулов, таможенников и т. д.

В первой половине XVII в. придворный церемониал в Хиве был гораздо скромнее, чем в Бухаре. Парадный обед, который задал Араб-хан в 1622 г. московскому послу Ивану Хохлову, был очень скуден: „В столе-де было есть перед царем мясная ества на одном блюде, да молока ставец, да каши блюдо", перед послами поставили „по лепешке да по полу-дыни, а иной никакой (пищи) не было"; потому что от мяса они отказались по случаю поста; зато их угощали вином, ими же самими поднесенным хану в виде подарка. Но позже, особенно после победоносных походов Абулгази и Ачуша-хана на бухарские владения, видно стремление подражать церемониалу бухарского двора. Бориса Пазухина в 1671 г. Ануша-хан принимал „со всем домом" в саду, в „светлице" (павильоне), которую называют „Золотой палатой", сидя на коврах, постланных на земле. По сторонам сидели аталыки и

„ближние люди" 24 человека, а снаружи на рундуке расположились „всяких чинов лучшие люди": перед входом в павильон стояли ясаулы с посохами и узбеки, человек около 100. Столовый обиход в это время тоже мало чем отличался от бухарского: кушанья носили на серебряных мисах, „еств , т. е. перемен кушаний было три, пить подавали хану воду и молоко в золотых чашах, на золотых тарелках.

В административном аппарате Хивы бюрократический чиновный элемент играл меньшую роль по сравнению с представителями племенной знати и духовенства. При торжественных ханских приемах вазир или михтар и кушбеги должны были стоять, тогда как представители военного сословия, духовенства и дервишских орденов сидели.

Войско. В XVII в. численность хивинского войска доходила, по одним сведениям до 30000 человек, по другим—около 15000 человек; войско это образовывалось путем поголовного ополчения: „а ходят на войну всею землею, для добычи, служилые и пашенные и торговые люди. А бой у хивинских людей калмыцкого обычая". Иногда пехоту сажали на верблюдов. Вооружение преобладало устаревшее. Федотьев сообщает, что воины „служат лучным боем, а пищали есть мелкие, и то не у многих людей".

Военные нападения на Хорезм. Хивинское ханство в XVII в., даже по сравнению с Бухарой, переживало период большого ослабления. Господствовавшая в стране феодальная раздробленность и непрерывные династические смуты, осложнившиеся вмешательством бухарских ханов,—все это делало хивинских ханов неспособными обеспечить безопасность своих владений.

В первой половине XVII в. хивинское ханство неоднократно подвергалось нападениям со стороны своих соседей. Так, при преемнике Хаджим-хана—Араб-Мухаммеде (1602—1623) на его территорию вторгались калмыки и казахи. Последние стремились безуспешно низложить Араб-Мухаммеда и возвести на престол своего ставленника. В самом начале царствования того же хана на Хиву произвели нападение яицкие (уральские) казаки под предводительством атамана Нечая. Казаки в числе 1000 человек ворвались в Ургенч, захватили 1000 молодых людей обоего пола и нагрузили всевозможной добычей множество повозок. Но на обратном пути все казаки были перебиты. Через некоторое время яицкие казаки произвели вторично нападение на Хивинское ханство под начальством атамана Шамая, но и этот набег кончился для них печально: Шамай был захвачен калмыками, а его казаки, застигнутые зимой у Аральского моря без съестных припасов, попали в плен к хивинцам,—„там и погибли".

Араб-Мухаммед и его сыновья. Обороноспособность страны ослабляли феодальные междоусобицы, которые при Араб-Мухаммеде достигли в Хивинском ханстве своего апогея. Собственные сыновья его —Хабаш и Ильбарс—восстали против престарелого отца, захватили его в плен и варварски ослепили. Занявший ханский престол Ильбарс был, однако, вскоре свергнут, при содействии туркмен, другим сыном Араб-Мухаммеда—Асфендияром.

Непрекращавшиеся династические распри в ханской семье осложнялись вмешательством туркмен в хивинские дела и их столкновениями с узбеками. Вовлекая туркмен в свои распри, претенденты на ханский престол и отдельные феодальные правители уделов натравливали их в своих целях на узбеков. Ханы, возведенные на престол туркменами или опиравшиеся на их военную силу, должны были всячески угождать им. Сев на трон с помощью туркмен, хан Асфендияр

стал притеснять узбеков; особенно пострадали уйгуры и найманы, которых избивали по всему ханству, а у тех, которых не успели захватить, отнимали скот: „избивали стариков, юношей и новорожденных, которым было не больше месяца",—говорит хивинский историк. Другие узбекские племена искали спасения в бегстве из Хивы: одни тянулись в Мавераннахр, другие уходили на Мангышлак или в казахские степи. Года через три после этих событий беглецы стали возвращаться на родину и селиться около Аральского моря, близ устья Аму-дарьи. Там собралось более 3000 кибиток. Тогда Асфендияр перешел Аму-дарью, напал на них и истребил.

В ханской семье распри совершенно не прекращались: братья Асфендияр-хана то и дело восставали против него, стремясь свергнуть его с престола. Один из них, вышеупомянутый историк Абулгази, после долгих скитаний овладел после смерти Асфендияра Хивинским ханством. Но прошло много лет войн и усобиц, прежде чем он утвердился на престоле. Был даже момент, когда бухарский хан Надир-Мухаммед пытался включить Хиву в состав своих владений и прислал своего наместника и других правителей, которые, впрочем, не вмешивались во внутреннюю жизнь ханства, и даже сбор доходов оставили в руках туркмен, номинально признававших власть Бухары. Только после свержения Надир-Мухаммеда, когда смута охватила Бухару и бухарцы покинули Хиву, Абулгази выступил с войском из Арала, где он первоначально был провозглашен ханом, и прочно овладел ханством.

Правление Абулгази и Ануши. Опираясь на узбекские племена, Абулгази предпринял несколько походов против туркмен и, действуя то военной силой, то вероломством, беспощадно расправлялся с ними, истребляя их, уводя в плен женщин и детей и разоряя аулы. В то же время набеги калмыков на Хивинский оазис заставляли хана принимать меры к отражению этих кочевников, выступать против них походом и гнаться за ними по степям. Абулгази предпринял также ряд походов на Бухару, воспользовавшись враждой между Абдулазиз-ханом и его братом Субханкули. Последний, женатый на племяннице хивинского хана, втянул Абулгази в свои счеты с Абдулазизом. Абулгази охотно отозвался на этот призыв под предлогом мести за своих предков, истребленных Абдулла-ханом. Опустошительные набеги Абулгази доходили не только до Бухары, но и дальше, вглубь страны.

Эти набеги, разорявшие бухарский оазис, многократно повторялись и в последующие годы. Хивинские отряды опустошали и грабили Каракуль, Чарджуй, Варданзи и докатывались до Кермине. Как только войска Бухары собирались дать отпор, хивинцы тотчас же уходили обратно, не вступая в длительную войну. Последний такой набег Абулгази совершил 1662 г., после чего он заключил мир с Абдулазиз-ханом. Вскоре после этого, в марте 1663 г., Абулгази умер, поручив еще при жизни управление страной своему сыну Ануша-хану.

Набеги на Бухару продолжались и при Ануша-хане (1663—1686) даже с большим успехом, чем раньше. Хивинские войска проникали опять до самой Бухары и даже грабили Джуйбар. Наиболее серьезным был набег хивинцев в 1685 г., когда им удалось захватить Самарканд, жители которого провозгласили Анушу своим ханом. Но бухарские войска разбили хивинцев под Гиждуваном, и Ануша-хан вынужден был уйти из Самарканда.

Непрекращавшиеся опустошительные набеги хивинцев и невозможность остановить их военной силой побудили бухарского хана и

его правительство бороться иными путями. Субханкули-хану удалось создать в самой Хиве партию, враждебную Ануша-хану, который был захвачен и ослеплен (1687) его сыном Ирнаком (Эренком), правившим, однако, очень недолго, так как он сам был отравлен после очередного хивинского набега на Бухару. Бухарская партия в Хиве оказалась настолько сильной, что в 1683 г. к Субханкули-хану была направлена депутация, просившая принять Хиву в бухарское подданство. Субханкули назначил правителем Хивы Шах-Нияза (Ша-Нияза) в звании „ишик-ага", принявшего впоследствии титул хана.

Отношения с Русским государством. В своем стремлении укрепить ханскую власть и освободиться от вассальной зависимости от Бухары, Шах-Нияз сделал попытку найти сильного покровителя в лице русского царя. Еще в 1700 г. он втайне от своего сюзерена Субханкули-хана отправил посла к Петру I с просьбой принять его со всем подвластным ему народом в подданство России. Грамотою от 30 июня того же года Петр изъявил на это свое согласие и подтвердил последнее в грамоте 1703 г. новому хивинскому хану, преемнику Шах-Нияза, Араб-Мухаммеду (1702—1714). Однако, реальное осуществление этого подданства не состоялось. Но это обращение Хивы за поддержкой к России привлекло внимание правительства Петра I к Средней Азии.

Литература и искусство. Упадок культуры в Хивинском ханстве в XVII в. был значительно сильнее, чем в Бухарском.

Характеристикой культурного уровня населения (вернее, его правящей бюрократической и клерикальной верхушки) служит свидетельство Абулгази-хана. Когда он решил написать историю своего народа, то оказалось, что у себя на родине он не имел предшественников, потому что в эту пору в Хиве не было ни ученых людей, ни лиц, занимающихся литературной деятельностью. „Так как по недостатку покровительства (наукам) со стороны наших предков и родственников и по причине невежества народа хорезмского,—говорит Абулгази,— не было написано исторических сочинений о властителях нашего дома с того времени; как предки Абдулла-хана отделились от наших предков, и до нашей поры, то я всеми мерами старался поручить кому-нибудь составить такую историю, но не нашедши человека, способного к этому, я последовал пословице тюркского народа: „сирота сам себя повивает" и решился сам составить летопись своей династии". Сравнительно высокий образовательный уровень самого Абулгази объясняется тем, что ему пришлось прожить десять лет в Исфахане, столице шаха Аббаса Великого.

Приобщение к книжной культуре позволило Абулгази создать два замечательных исторических произведения: „Родословное древо тюрков" и „Родословное древо туркмен". Оба труда были написаны на узбекском языке, и в этом заключается большая заслуга Абулгази перед его народом. В предисловии к „Родословному древу тюрков" Абулгази-хан специально оговорил: „Я так выражался по-тюркски, что поймет и пятилетнее дитя: чтобы было ясно, я не примешивал ни одного слова из чагатайско-тюркского, арабского и персидского языков". Надо полагать, что Абулгази, противопоставляя язык своих сочинений классическому литературному узбекскому языку, разумел живое наречие узбекского языка, утвердившееся в Хорезме.

Труды Абулгази были продолжены при его сыне и преемнике Ануша-хане.

Искусство рассматриваемого периода в Хивинском ханстве так же, как и другие проявления хозяйственной и культурной жизни, находилось в глубоком упадке. Из архитектурных памятников, сохранившихся в Хиве, к этому времени относится медресе Араб Мухаммеда, построенное в 1616 г.; с южной стороны к этому зданию примыкала мечеть, не сохранившаяся до нашего времени. Ануша-хан построил мечеть и бани, Ширгази—большое кирпичное двухэтажное медресе, представляющее собой по внешнему виду обычное медресе бухарского типа (1719).

Все эти постройки не могут быть сопоставлены в какой-либо мере с теми пышными и великолепными зданиями, которые возводились при аштарханидах в Бухаре и Самарканде; они бледны по своим художественным формам, не имеют богатой декоративной отделки, присущей архитектурным памятникам Бухарского ханства.

§ 5. КАРАКАЛПАКИ В XVI—XVIII вв.

Местожительство каракалпаков. С конца XVI в. в Узбекистане упоминаются, как особая народность—каракалпаки, которые в XVIII в. принимали деятельное участие в смутах, охвативших Среднюю Азию.

По мнению некоторых исследователей, каракалпаки являются потомками печенежского племени, известного в русских летописях под названием „черных клобуков", которое затем входило в состав кипчаков (половцев), а после того, как кипчаки смешались с монголо-татарами, кочевало вместе с ногайцами и появилось в Средней Азии в связи с отходом ногайцев на восток в XVI в. Гипотеза эта не может, однако, считаться бесспорной, тем более, что история ногайцев еще далеко не изучена с достаточной полнотой. Поскольку печенеги и половцы занимали уже в древности часть среднеазиатских степей, возможно, что каракалпаки, если даже считать их потомками печенежского племени, поглощенного половцами, сложились как народность, на месте, в тех районах Средней Азии, где их застает история.

В XVI в. и в начале XVII в. каракалпаки занимали нижнее течение Сыр-дарьи, приблизительно между Туркестаном и теперешним селением Мерке и горами Каратау. Район этот входил в состав владений бухарского хана Абдуллы. В начале XVII в. каракалпаки совместно с казахами и калмыками опустошили и разграбили некоторые бухарские области. В 1611 г. Имамкули-хан организовал карательную экспедицию на нижнюю Сыр-дарью, истребляя и забирая в плен мятежных казахов, каракалпаков и калмыков. „Те из них, кому удалось спастись от гибели, скрылись в горах и глухих лесных зарослях, куда до сих пор не ступала нога человеческая".

Основным местожительством каракалпаков в XVII в. оставались оба берега нижнего течения Сыр-дарьи „от Туркестана к Хивинскому (т. е. Аральскому) морю". На этой территории находилось несколько городов с оседлым населением (например, Туркестан, Сыгнак, Узгенд и другие), с которых каракалпаки взимали временами дань. Кочевья сырдарьинских каракалпаков примыкали к кочевьям казахов, а частично были даже расположены между ними. „Живучи сообща" с казахами, каракалпаки находились в зависимости от казахских ханов.

Зимой каракалпаки откочевывали к северу и жили „зимней порою под Сибирью". С другой стороны, и башкиры перекочевывали к каракалпакам и жили „с ними во многих юртах заодно". Совместно с

казахами и башкирами, каракалпаки во второй половине XVII в. производили неоднократно набеги на русские селения в Сибири. Укреплению отношений с башкирами способствовало и то обстоятельство, что в конце XVII в. у каракалпаков утвердился в качестве хана один из потомков сибирского хана Кучума—Кучук. Он пользовался авторитетом среди башкир, некогда бывших в зависимости от Сибирского ханства и никогда не порывавших связей с кучумовичами.

Наряду с известиями о сырдарьинских каракалпаках, имеются сведения от конца XVII в. о „каракалпаках, живших на среднем Зарафшане". Зарафшанские каракалпаки числились „бухарскими улусами" и считались „подданными бухарскому царю". В качестве таковых, они участвовали в бухарских войсках как „самые надежные люди в бою". Однако зависимость каракалпаков от Бухары была очень непрочна. В 1681 г. они совместно с частью узбеков, живших на Зарафшане, подняли даже восстание против хана Субханкули. Еще слабее была зависимость сырдарьинских каракалпаков от Хивы; это были, по выражению хивинского хана Ануши, „люди своевольные". У сырдарьинских каракалпаков бывали даже собственные „царевичи", как например, упомянутый царевич Кучук.

Хозяйство каракалпаков в XVII—XVIII вв. В XVII в. каракалпаки большей частью являлись кочевниками-скотоводами. Скотоводство не обеспечивало, однако, нужд скудного хозяйства кочевников, и каракалпаки удовлетворяли свои потребности в продуктах сельского хозяйства и ремесленного производства нападениями на караваны. Одно время каракалпаки на половинных началах с казахским ханом собирали дань с города Узгенда, расположенного на их территории (на левом берегу Сыр-дарьи).

Часть каракалпаков переходила постепенно к земледелию и возделывала пашни совместно с казахами. Казахи и каракалпаки, проживавшие в низовьях Сыр-дарьи, добывали примитивными способами свинец, красную медь, селитру и изготовляли „порох добрый и лили пули"; им были известны свинцовые месторождения в горах Каратау („Свинцовая гора" русских источников начала XVIII в.). Огнестрельное оружие каракалпаки получали из Бухары.

§ 6. СНОШЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ С РОССИЕЙ В XVII в.

Пути из Средней Азии в Московское государство. Сложившиеся в XVI в. отношения между среднеазиатскими ханствами и Московским государством не обрывались и в последующее столетие и получили дальнейшее развитие.

В XVII в. при торговых и дипломатических сношениях обе стороны продолжали пользоваться издавна установившимися дорогами через Тобольск и Астрахань. Торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию шел через Иртыш и Вагай, к верховьям Ишима, а оттуда, мимо гор Улу-тау, на Сары-су до города Туркестана, далее, пересекая Сыр-дарью, путь направлялся через пески Кзыл-кум в Бухару. Сухопутная дорога из Астрахани шла к Гурьеву—городку, расположенному при устье р. Яика (Урала), и далее на р. Эмбу, вдоль Аральского моря до Хивинского оазиса, а оттуда долиной Аму-дарьи в Чарджуй и в Бухару. В XVII в. приобрел очень большое значение морской путь из Астрахани по Каспийскому морю к Караганской и Карабалыкской пристаням, на восточном берегу. Ежегодно к одной из этих приста-

ней прибывали из Астрахани казенные „бусы" (суда) с русскими торговыми людьми.

Сношения с среднеазиатскими ханствами посредством указанных дорог были очень затруднены в XVII в. не только по причине дальности расстояния и тяжелых условий пути, шедшего частично по безводным и безлюдным песчаным путям, но также вследствие постоянной опасности со стороны воинственных кочевников, обитавших на этих дорогах. Ходить от Караганской пристани в Хорезм было „опасно от трухменцев". „Трухменцы-де воруют, чинят русским торговым людям обиды и от той-де трухменской обиды и хивинским людям убытки и разоренье чинятся, и налоги большие". Точно так же ехать из Бухары степью было „невозможно, опасно трухменцев и калмыков и иных кочевных людей". На Яике, кроме калмыков, торговых людей побивали и грабили яицкие казаки.

Торговое движение по указанным путям из Средней Азии в Московское государство и обратно тем не менее было довольно оживленным. На „Кабаклыцкое пристанище" приходили ежегодно бухарцы, хивинцы, ташкентцы, даже туркмены „и иных разных городов многие торговые люди" и, дождавшись прибытия государевых „бус" с Руси, ехали на них в Астрахань. Сухим путем „юргенские тезики[1], многие караваны со многими товарами" ходили на Самару, в Казань, в Нижний Новгород, Ярославль и в Москву.

Размеры торговых оборотов среднеазиатских купцов были довольно значительны. В 1699 г., например, упоминается привоз в Нижний Новгород одним бухарским купцом текстильных товаров на 1244 рубля (рубль XVII в. соответствовал 10—15 золотым рублям и больше).

Со своей стороны и русские купцы ездили ежегодно в Среднюю Азию. В челобитной хивинского посла в 1643 г. говорится: „С каждым годом приезжают из Русской земли из Хаджи-Тархана (Астрахани) по 40 и 50 русских купцов... Они, если хотят, то ведут торговлю в Ургенче, а если хотят, то проезжают через наш Ургенчский вилайет в Бухару; если хотят, то едут в Балх и пребывают там по два и по три года".

Торговали со Средней Азией, главным образом, жители Поволжья: на первом месте астраханцы, затем казанцы, нижегородцы, саратовцы, преимущественно посадские люди и мелкий военный люд астраханского гарнизона (конные и пешие стрельцы, воротники и пушкари). Среди общей массы русских торговых людей выделялись размерами торговых предприятий в Средней Азии богатые московские купцы—гости и члены гостинной сотни. Отдельные русские торговые люди вели очень крупные операции на тысячу и более тогдашних рублей. Вместе с русскими купцами в Среднюю Азию ездили с торгом также казанские и астраханские татары.

Некоторые русские купцы не ограничивались торговлей в ханствах и пробирались со своими товарами даже в Индию. Так, купец Леонтий Юдин в царствование Михаила Федоровича (1613—1645) в течение семи лет был „для торгу" в Бухаре и Индии: на обратном пути он был убит грабителями в Хиве.

Наряду с частными лицами, большое участие в торговле принимали сами ханы бухарские и хивинские, с одной стороны, и московские цари, с другой. Ханы отправляли со своими посланниками соб-

---

[1] Тезиками (искаженное название таджиков) русские называли среднеазиатских купцов.

ственные товары и особых „купчин", которым поручалось: „которые-де с ними бухарские товары есть, и те-де товары, по ханскому приказу, велено им на Москве продать и купить про ханов обиход московских товаров, сукон и иных вещей на их руку". В 1641 г., например, хивинский хан Асфендияр направил в Москву ярлык, в котором сообщал о посылке купца „для надобья всякой нашей казны ближнего и верного человека... а с ними товаров шесть вьюков, а приказывали есмя своему купчине торговать в Астрахани, а будет в Астрахани не исторгуется и вам бы его отпустить с послы нашими в Казань и к Москве без всякой задержки".

Со своей стороны, русские цари посылали со своими купчинами в Бухару и Хиву для продажи „рыбий зуб" (моржовые клыки), соболей, киноварь и другие товары, имевшие спрос в Средней Азии, а также золотые монеты.

Своеобразную, очень архаическую, форму торговли представлял собой обмен подарками между узбекскими ханами и московскими царями. В виде „поминков" (подарков) государи посылали друг другу наиболее ценные произведения своей страны и в обмен требовали соответствующего эквивалента. „Да слышали есмы, что у вас, великого государя, в государстве вашем есть добрые пансыри, —писал в 1638 г. Асфендияр царю Михаилу,—и вам бы пожаловати, прислать добрый пансырь, а что к вашему величеству годно в нашем государстве, и повелите нам, и то учиним".

Предметы торговли. Основным предметом вывоза из Средней Азии был текстиль, а именно всевозможных сортов бумажные ткани (зендени всяких цветов, бязь, кумачи, пестрядь, миткаль, киндяки, выбойки и другие), продававшиеся кусками и иногда в виде одежды (азямы, т. е. кафтаны, зенденные), кушаков, завес. Количество бумажных материй, вывозившихся из Средней Азии в Московское государство, было очень значительно. Сравнительно небольшое место в вывозе занимали шелковые и полушелковые ткани (кутни, шелковые фаты и т. д.). В небольшом количестве вывозилось и текстильное сырье: хлопок („хлопчатая бумага"), шелк-сырец, нитки.

Кроме текстиля, из других предметов среднеазиатского ремесленного производства в русских и сибирских городах имели спрос бухарские сафьяны, желтые, белые и красные, ковры и оружие, особенно луки бухарские, дорогое восточное оружие и тулунбасы. Важным предметом вывоза из Средней Азии являлся ревень копытчатый и черенковый.

Среднеазиатские купцы являлись посредниками между Россией и Китаем, пока в последней четверти XVII в. не установились непосредственные сношения русского купечества с Срединной империей. Среднеазиатские купцы ввозили в русские и сибирские города в большом количестве дешевые китайские текстильные изделия как из хлопчатой бумаги (китайки), так и из шелка (камки), ценную посуду (фарфоровые чашки и блюда), драгоценные камни, жемчуг. Наконец, через посредство бухарских купцов в Московское государство попадали колониальные товары: чай, который с конца XVII в. входит в употребление у русских, бадьян (род аниса) и т. д., а также мускус. Менее крупное место в торговле Средней Азии с Московским государством занимали транзитные товары из Ирана (шелк, некоторые виды материй), поскольку существовали непосредственные сношения между русскими рынками и Шемахой. Среди предметов, привозимых из Средней Азии в русские города, упоминаются выбойка и завесы

арабские. Русские торговые люди очень интересовались возможностью приобретать через Бухару, Хиву и Балх товары Индии (индийские выбойки, драгоценные камни, жемчуг, пряности), но ввиду дальности расстояния индийский транзит не получил развития.

Следует отметить посредничество среднеазиатского торгового капитала между кочевыми хозяйствами степей и русскими городами Сибири. Среднеазиатские купцы пригоняли в сибирские города из „калмыкской степи" лошадей, рогатый скот, овец, коз, верблюдов, а также доставляли скотоводческое сырье и ремесленные изделия (кожи, мерлушки, войлоки, тулупы и т. п.) и продукты охоты кочевников (шкуры степных лисиц и корсаков). Как редкость, привозились шкуры барсов и тигров.

Те же кочевники поставляли на рынки Средней Азии ясырь, т. е. рабов, приобретавшихся ими в результате бесконечных феодальных войн среди населения степей и набегов на соседние страны. Этих рабов среднеазиатские купцы препровождали для перепродажи в сибирские города.

В обмен на ремесленную продукцию оседлых районов, китайские товары, продукты степных скотоводческих хозяйств и. т. п. из Московского государства в Бухару и Хиву поступали всевозможные русские и западноевропейские товары, „которые на их руку годны". В 1671 г. бухарский посол, будучи в Москве, так определял ассортимент товаров, имевших спрос в Средней Азии: „А в государстве - де царского величества потребны им товары: соболи добрые, лисицы черные, горностаи, сукна, кость рыбьего зуба". На первом месте стояла ценная сибирская пушнина: меха соболиные, бобровые, лисьи, горностаевые, беличьи и заячьи, но очень ценился и „рыбий зуб" (т. е. моржевые клыки), который поставлялся в Среднюю Азию в большом количестве Бухарский хан Абдулазиз расспрашивал московского посланчика Бориса Пазухина, „где родится кость рыбья зубу и откуда идет в Московское государство?" Сравнительно много вывозилось в Среднюю Азию из Московского государства красных кож. Далее был спрос на „щепье всякое деревянное", т. е. на деревянные изделия, в частности на деревянную посуду (блюда, чашки, ставцы, братины, ведра, кадки и т. д.); наряду с деревянными изделиями вывозились изделия из слюды, а именно, фонари. Наконец, в феодальных кругах Бухары и Хивы очень ценились водившиеся в северных областях Московского государства охотничьи птицы: соколы и кречеты. Абдулазиз обратился к Пазухину с прямой просьбой, „чтобы великий государь позволил к нему прислать птиц кречетов, сколько позволит, потому что он любит кречеты тешиться лучше всех потех". Приобретение охотничьих птиц затруднялось, однако, тем, что большая часть таковых поступала на царскую сокольню и они обычно попадали к узбекским владетелям лишь в виде подарков от царя.

Среднеазиатские ханства сильно нуждались в металлах и металлических изделиях. Из Московского государства они получали всякую металлическую мелочь (как серьги медные, гвозди, иглы и булавки западноевропейского производства). Неохотно допускало московское правительство ввоз в Среднюю Азию оружия, на которое имелся большой спрос в ханствах, особенно на доспехи и панцыри. О присылке „добрых панцырей" беспрестанно докучали ханы через своих послов царю. Выписывались через Москву и „немецкие полосы сабельные". Московское правительство само нуждалось постоянно в металлах и, по-

лучая их из-за границы, вынуждено было уделять немного олова и золотых монет для Средней Азии.

Впрочем вывоз металлов в Среднюю Азию был сильно ограничен правительственными распоряжениями. В список „заповедных" товаров, не подлежащих продаже „торговым тезикам" в Астрахани, входили: золото, серебро, железо, олово, стрелы, „железца стрельные" (наконечники стрел), „стрельная стружка" (железо для выделки таких наконечников), пищали и даже гвозди и топоры. Хотя запрет этот нарушался самим правительством и никогда не проводился слишком последовательно в жизнь, он не мог не отражаться на размерах вывоза металлов в ханства.

Такой же запрет существовал относительно продажи среднеазиатским купцам „ясырю ногайского и татар и татарченков мужска пола и женска". Ханские купчины лишь в небольшом числе, тоже обычно с особого разрешения, приобретали в Московском государстве ясырь лучшего достоинства, например, представлявший большую редкость в Средней Азии, западноевропейский, („немецкого" и „литовского полону") и кавказский (в сороковых годах XVII в. хивинский царевич Сеид просил через своего посла прислать ему „девку черкаску добру").

Московское правительство тщательно оберегало русских купцов от конкуренции со стороны купцов западноевропейских, и после Дженкинсона ни один иностранец не получил разрешение на проезд в Бухару и в Хиву. Все западноевропейские товары шли поэтому в Среднюю Азию через руки русских торговых людей Кроме металлических изделий (игол, булавок, наперстков, сабельных полос и т. д.) и металлов, они ввозили всякие "немецкие узорочные товары": сукна скарлатные, „английские", а также некоторые предметы роскоши, как зеркала „разных рук" „хрустальные, створчатые и другие", частично, вероятно, и русского ярославского производства, и часы „розным делом деланы". Посол хана Абдулазиза просил, в частности, о присылке его государю „часов боевых и с часовником" и цимбал, „да к ним игреца". Часовщик и игрец должны были научить местных мастеров, как пользоваться этими предметами.

Таким образом торговые сношения Московского государства с среднеазиатскими ханствами удовлетворяли насущные потребности обеих стран. Русские получали из Средней Азии такие предметы первой необходимости, как дешевый текстиль местного бухарского и китайского производства, а жители среднеазиатских ханств приобретали от них пушнину далекого севера, кожи и предметы западноевропейского производства. Этим определяется значение торгового обмена для обеих стран.

Дипломатические сношения. Взаимные торговые интересы определяли политические отношения между среднеазиатскими ханствами и Москвою в XVII в. В течение этого столетия бухарские и хивинские посольства шестнадцать раз посещали Москву и пограничные города, а русские посольства за то же время ходили девять раз в Среднюю Азию. Все эти посольства преследовали, в первую очередь, торговые цели. Послов сопровождали ханские и царские „купчины" и караваны частных торговых людей с товарами; сами послы, особенно хивинские и бухарские, пользовались своими поездками для провоза собственных товаров и производства торговых операций. Основной задачей всех дипломатических сношений с обеих сторон являлось заключение торговых договоров, „чтобы меж нами был путь чист и не заперт", чтобы

„любовь и ссылка была, и послы и купецкие люди на обе стороны езд"ли без урыву". „Мы желаем,—писал, например, хивинский хан Ануша в 1668 г. царю Алексею,—чтоб... между вами и нами дружба и любовь и ссылка была о всяких добрых делах, и торговым бы людям на обе стороны ходить было повольно, что в нашей стране к руке, то б привозили: немецкие узорочные товары, и соболи, и зуб рыбий, и добрые скарлатные сукна, и бельи шубы, и иные товары; те товары в наших странах, в Юргенской и Семерханской земле, также и в Бухарех, годны". Почти одновременно, в 1671 г. в Бухаре хан Абдулазиз говорил Борису Пазухину, „чтоб повелел великий государь людем своим с торгами в Бухары и в город его приезжать и торговать, и он (Абдулазиз)... потому и прикажет людем своим с торгами ездить в города великого государя, куда он, государь, укажет". Инициатива торговых договоров чаще исходила от узбекских ханов, и это свидетельствует о большой заинтересованности Хивы и Бухары в непрерывных торговых сношениях с Москвою.

Узбекские ханы принимали ряд мер к облегчению этих сношений. Они энергично хлопотали перед московским правительством о регулярной присылке бо́льшего числа „бус" к морским „пристанищам" для поездки местных купцов в Астрахань. Навстречу местным купцам высылались вооруженные отряды для защиты их от туркмен и других кочевников. Иногда совершались специальные походы на р. Эмбу, чтобы очистить дорогу от кочевников, мешавших торговому движению. В 1641 г. кочевавшие на Эмбе калмыки стали русских, хивинских и бухарских торговых людей громить, товар их грабить и самих их избивать, так что „преж сего лучший путь был сухим путем, а ныне сухой путь стал заперт" и возникло опасение, „что впредь и морской путь запрут". Это побудило хивинского хана Асфендияра заключить союз с бухарским ханом Имамкули и вместе с тем обратиться в Москву с призывом к совместным действиям против общего врага: по его плану Московское правительство должно было послать на калмыков русских ратных людей и построить крепость на реке Эмбе: „а толькоб на Эмбе царское величество поставит город и поставит в нем стрельцов, и то было добро. А как тех калмыков с пути сведут, и царского величества и его Асфендияра-царя торговым людям на обе стороны в Сибирь, и в Казань, и в Астрахань степью ходить бы было чисто и бесстрашно". В 1675—1676 гг. хивинский хан Ануша официально предлагал Московскому правительству поставить „крепкий город" у морского пристанища на полуострове Мангышлаке, чтоб „на обе стороны послам и посланникам и торговым людям ездить было безопасно".

Со свое́й стороны московское правительство в XVII в. очень внимательно изучало среднеазиатский рынок в целях расширения торговых операций русских купцов. Так в 1669 г. московский посланник Иван Федотьев, в бытность с ою в Хиве, ездил в Ханку и Хазарасп „для проведения торгов" и собирал сведения о местных произведениях и о рыночных на них ценах. В Москве очень подробно расспрашивали приезжавших из Бухары послов, „какие в Бухарском государстве есть товары?" „также какие им в государствах великого государя потребны?". Особенно заинтересовано было московское правительство в вывозе шелка-сырца, стремясь сосредоточить в своих руках весь транзит шелка из Азии в Западную Европу. В наказе, данном в 1669 г. ехавшим в Бухару братьям Пазухиным, предписывалось добиваться, чтобы „шелковые промышленники" ходили с шелком в Астрахань. С

бухарскими „промышленниками" был заключен соответствующий договор.

В целях развития торговых сношений с среднеазиатскими ханствами московское правительство предоставляло приезжавшим оттуда торговым людям значительные льготы в отношении таможенного обложения. В сибирских городах с товаров „приезжих бухарцев" брали пошлину вдвое меньшую, чем с русских людей (5% от стоимости товаров, вместо 10%). На Яике „с калмык и с бухарцев и с хивинцев и с трухменцев с их товаров" пошлин совсем не взыскивали. В Астрахани и в некоторых других пограничных городах были устроены для приезжающих среднеазиатских купцов особые бухарские гостинные дворы, где они могли останавливаться со своими товарами.

Все перечисленные факты свидетельствуют о том внимании, которое уделило Московское правительство развитию торговых сношений среднеазиатских ханств с Московским государством, и о том значении какое имели эти сношения в хозяйственной жизни обеих стран.

По сравнению с задачами успешного развития торговых отношений, вопрос об освобождении русских рабов, которых было много и в Бухаре и в Хиве (куда они попадали от ногайцев, калмыков и казахов), имел второстепенное значение; он ставился очень часто московским правительством, но безрезультатно, так как ханы не решались нарушить прав рабовладельцев.

Данные об отношениях Московского государства со среднеазиатскими ханствами показывают, что отношения эти основывались на общности прочных обоюдных интересов, преимущественно в области хозяйственной. Царское правительство, занятое в это время упорной борьбой с Польшей за воссоединение украинских и белорусских земель и с Швецией за Прибалтику, не имело никаких агрессивных планов в отношении Средней Азии. Поэтому узбекские феодалы не имели поводов для недоверия к политике московского правительства, возникших позднее, в XVIII в., когда окрепшее и экономически, и политически Русское государство повело на юго-востоке наступательную политику. С другой стороны, и феодальная раздробленность в узбекских ханствах не достигала еще тех размеров, какие наблюдаются с конца XVII столетия, и ханы могли тогда в большей степени, чем их преемники, гарантировать безопасность торговых сношений.

Тесные связи („любительская дружба"), установившиеся на почве торговых интересов между ханствами и Москвою в XVII в., нашли выражение в одном небольшом политическом эпизоде. Когда в Хиве в 1621 г. Араб-Мухаммед-хан был свергнут и ослеплен своими сыновьями Ильбарсом и Хабашем, в руках победителей оказался их малолетний брат Афган-султан, которому было тогда десять лет. Когда через год против них выступил их брат—Асфендияр, Ильбарс и Хабаш, „слыша те вести и видя, что быть делу худу", задумали было убить Афган-султана, но не решились нарушить своей „шерти" (клятвы) и отпустили его: „воля-де тебе на все четыре стороны, куда хошь, туда и поди". Находившийся в то время в Хиве московский посол Иван Хохлов предложил царевичу ехать с ним в Москву. Афган-султан присоединился к посольству и благополучно выехал в Астрахань. „Покамест пришли в Кабаклы, опасались, — писал он впоследствии, — а как сел я в судно вашего царского величества, так обрадовался, как бы отца и матери дошли". В Москве Афган-султан был принят с честью и поселен в г. Касимове, где прожил 26 лет; там он и умер в 1648 г.

Научное знакомство русских со Средней Азией в XVII и в начале XVIII вв. Экономические и дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами значительно расширили географические представления русских людей о Средней Азии. „Книга, глаголемая Большой Чертеж", окончательно отредактированная в Москве в 20-х годах XVII в. уже сообщала некоторые, хотя и не совсем точные, сведения о Средней Азии.

К концу XVII в. страна к востоку от Каспийского моря была уже хорошо изучена. В 1697 г. тобольский сын боярский Семен Ульянов Ремезов, которому было поручено составить „Книгу Сибири", подготовил для нее карту Средней Азии. В ней впервые упоминается Аральское море под этим названием и изображается в виде самостоятельного бассейна, не связанного с Каспийским морем. В начале XVIII в. были добыты еще более подробные сведения об Аральском и Каспийском морях. Новые русские географические данные были сообщены французскому географу Петру Делилю, который воспользовался ими для изданной им в 1723 г. географической карты. Таким образом, связи, установившиеся в XVII в. между Россией и Средней Азией, способствовали расширению и уточнению географических познаний в научной литературе Западной Европы и внесли значительные изменения в представления старых географов о Каспийском море и странах к востоку от него.

ГЛАВА IV

КРИЗИС XVIII в. И НАЧАЛО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVIII в.

В XVIII в. Средняя Азия, раздираемая междоусобными войнами и феодальными мятежами, переживала тяжелый кризис, парализовавший всю ее хозяйственную и культурную жизнь. Кризис этот назревал постепенно и в основном был вызван отмеченными неблагоприятными условиями хозяйственного развития страны.

Неблагоприятные в экономическом отношении результаты вторжения в Мавераннахр очередной волны кочевников в XVI в. продолжали давать себя чувствовать и в последующую эпоху, так как процесс оседания кочевников и перехода их к земледелию шел чрезвычайно медленно. Помимо того, что при таких условиях общий хозяйственный уровень не мог быстро повышаться и экономика страны переживала большой застой, соседство с кочевниками и в другом отношении крайне пагубно отражалось на жизни оседлого населения. Попрежнему кочевники удовлетворяли потребность в продуктах, отсутствовавших в их собственных хозяйствах, грабежом более культурных районов, а непрекращавшиеся феодальные войны открывали им в этом отношении широкий простор. Недаром еще в середине XVII в. один остроумный иранский дервиш, в разговоре с шахом Аббасом II, выразил изумление, что вот уже столетие, как кочевники разоряют Мавераннахр, „и тем не менее эти страны все еще цветущи и населены".

Завоевание Мавераннахра узбеками не оградило его от новых нашествий других кочевников, сопровождавшихся страшным разорением оседлых районов. В начале 20-х годов XVIII в. на Мавераннахр обрушились казахи, сами вытесненные из своих кочевий джунгарами, и произвели такое опустошение, что, по свидетельству современника, „прекрасная Бухарская область стала такой нищей, что и потом, когда кончилось это бедствие и много лет прошло в покое, она никогда не стала такой цветущей, как прежде".

Одной из привходящих причин экономического упадка в странах так называемого „мусульманского востока", в том числе и в Средней Азии, следует, повидимому, считать развитие морских торговых путей, находившихся полностью в руках европейцев, и связанный с этим упадок торговли по древним караванным путям, служившим важными артериями экономического и культурного обмена. Кризис, вызванный указанными обстоятельствами, особенно дал себя чувствовать в городах и вообще в оседлых районах.

Удаленные от мировых политических и экономических центров государства Средней Азии в этот период лишь в очень малой степени могли использовать успехи в области знаний и техники, достигнутые Западной Европой.

Указанные явления препятствовали росту производительных сил страны, и это сказалось в очень слабом развитии внутреннего рынка. Даже те слабые экономические связи между отдельными районами Средней Азии, которые намечались в XVI в., теперь оборвались, вследствие усиления феодальной раздробленности. Из Хивы в Бухару в 20-х годах, по словам ногайских купцов, русских товаров поступало очень немного „ради того, что всегда с Хивою недружба велась, чтоб товар через их руки посылан был". Бадахшанские беки, добившись независимости, „генерально отказали" не только бухарскому, но и балхскому хану получать „лалы" из бадахшанских копей, „и с того времени... ворота (закрывавшие доступ к копям) не отворены, и лалу никто не бирывал". Феодальные неурядицы подрывали внешнюю торговлю. „Прошлого году,—сообщал в 1723 г. посол Петра I Беневени из Бухары,—сколь много ни выехало караванов из Мешеду (Мешхеда) на Бухарищи... всех или туркмены или авганцы разбили... Дороги везде кругом залегли, токмо одна балхская дорога отчасти служит, а и тамо ныне торг весь оскудел, ибо четвертой год тому, как караваны не ходят в Индейские страны на Кабул, Элахор и прочие городы; оттоле к Кабулу также не проезжают, ибо озбеки в горах сильны стали и непрестанно промеж собою драки имеют". В собственных землях ханы не только не разрабатывали рудных богатств, но и запрещали производить изыскания из страха „войну с соседями нажить".

Города приходили в упадок и пустели. Даже такой, прежде оживленный город, как Самарканд, совершенно обезлюдел. В 1740 г., во время похода Надир-шаха, в городе не осталось жителей, и только в цитадели ютилось около 1000 семейств.

Отсутствием экономической базы обусловливалась слабость ханской власти как в Бухаре, так и в Хиве. С прекращением династии Шейбани-хана, избрание ханов всецело зависело от племенных узбекских вождей, которые, опираясь на свои племена и роды (уруги), сажали и свергали ханов.

Положение вещей хорошо определил Беневени, говоря о хане Абулфейзе: „Хан уругу или роду сказать, как озбеки, не имеет; того ради принужден в драках озбеков употреблять против озбеков, а у них все за одного, и вместо чтоб за хана постоять верно, временем сами к бунтовщикам пристают". Все попытки ханов „абсолютно ханствовать и не иметь дипенденции (зависимости)" от главарей узбекских племен были обречены на неудачу. В Хиве дело дошло до того, что хан Ширгази (1715—1728) не чувствовал себя в безопасности даже в собственном дворце, где пребывал „в день токмо", а ночью запирался в башне, достаточно снабженной продовольствием и питьевой водой на случай осады. Гладышев и Муравин, бывшие в Хиве в 1740 г., перечислив одиннадцать главных городов, „подсудных" Хиве, отмечают, что во всех управляют „главные тутошние князьки, а не хивинские, токмо во владении хивинском считаются". Ханская власть фактически превратилась в обоих ханствах в игрушку в руках всесильных узбекских и туркменских беков.

Углубление феодальной раздробленности и развал государственной власти ввергли страну в неописуемую анархию феодальных междоусобиц и опустошительных набегов. „Все генерально между собою драки имеют", докладывал Беневени Петру I.

Бессилие ханской власти восстановить нормальную жизнь выразилось в классической фразе Абулфейз-хана: „Лишь бы Ригистан (т. е. площадь перед дворцом) был благополучен".

Кризис достиг кульминационного пункта в 40-ых годах XVIII в., когда состояние феодальной разрухи, в которой находилась Средняя Азия, позволило иранскому шаху Надиру легко овладеть и Бухарой и Хорезмом.

Во второй половине XVIII в. начинается преодоление кризиса. Наблюдаются признаки некоторого хозяйственного подъема, связанного, очевидно, с усилением перехода кочевников к земледелию. О развитии земледелия свидетельствуют большие оросительные работы, произведенные в последние десятилетия XVIII в. в Бухарском ханстве при Шах-Мураде и в Хиве—при инаке Мухаммед-Амине. Замечается оживление и в области торговли. С подчинением казахских степей России облегчились караванные сношения между Средней Азией и пограничными русскими городами, а торговый оборот между Россией и среднеазиатскими ханствами быстро возрастает. Хива и Самарканд снова становятся значительными городами. Строятся новые города, в старых возводятся многочисленные постройки, оживляется культурная деятельность и литература, в частности, историографическая Ко времени царского завоевания государств Средней Азии экономическое и культурное состояние страны было значительно выше, чем столетием раньше.

Рост товарно-денежных отношений способствовал некоторому укреплению и государственной власти в ханствах.

С образованием новых ханских династий—мангытской в Бухаре и кунгратской—в Хиве, а несколько раньше—династии минг в Фергане устанавливается более прочный политический порядок.

§ 2. БУХАРСКОЕ ХАНСТВО В XVIII в.

Распад государства аштарханидов. В начале XVIII в. по указанным причинам нарушились и те слабые связи, которые в XVI в., во времена Абдулла-хана, объединяли Мавераннахр в единое политическое целое. Теперь распад государства обозначился совершенно определенно. Фергана еще в конце XVII в. образовала обособленное владение. Власть захватили здесь представители дервишских братств в лице ходжей, живших в сел. Чадак (в 40 *км* к востоку от Чуста), где они были особенно многочисленны и сплочены. Около 1710 г. их власть была свергнута Шахрух-бием из узбекского племени минг, который считал себя потомком Чингис-хана. Основанная им местная династия минг овладела впоследствии почти всем бассейном Сыр-дарьи и частью Семиречья. Столицей вновь образованного государства стал г. Коканд, построенный Шахруд-бием на месте селения Хоканд (Хуканд), существовавшего здесь в средние века. Балх тоже отпал, „отцепился", по выражению Беневени, от Бухары; впоследствии здесь управляли то потомки аштарханида Надир-Мухаммед-хана, то разные узбекские царевичи, до хивинских включительно. В Бадахшане утвердилась династия Ярбека. Хорезм снова стал совершенно независимым от Бухары.

Во второй половине XVIII в. обособился Ташкент, где сделана была попытка образования самостоятельного государства под властью местных ходжей.

Восстание Раджаб-хана. Мухаммед-Хаким-бий из племени мангыт, возведенный последним правившим в Бухаре ханом из династии аштарханидов, Абулфейзом, в звание аталыка столицы, стал, таким образом, главою всех аталыков и сделался при сла-

бохарактерном и ничтожном хане всевластным временщиком. Его господство вызвало всеобщее недовольство узбекской знати. Авторитет хана совершенно пал. Против него постоянно интриговал хивинский хан Ширгази. Узбекские эмиры, недовольные Абулфейзом, даже составили против него заговор с целью убить его и возвести на бухарский престол Ширгази, но заговор был раскрыт и виновные казнены. Едва ли не по проискам того же Ширгази, правитель Шахрисябза, эмир племени кенегес Ибрагим-бий, желая вырвать власть из рук Мухаммед хакима, провозгласил в 1722 г. в Самарканде ханом мужа своей дочери, хивинского царевича (по одной версии, двоюродного брата Ширгази) Раджаба. Сам Ибрагим-бий был сделан при нем „эмиром над эмирами" (эмир-ул-умара).

Раджаб-хан, к которому пристали многие эмиры, с большим войском выступил из Самарканда и двинулся на Бухару; при приближении к Кермине к нему примкнули узбеки племени багрин и другие. Выступивший против Раджаб-хана Мухаммед-Хаким-бий был разбит потому что „никто из узбеков на драку выезжати не хотел,—говорит Флорио Беневени, бывший в это время в Бухаре,—претендовали, чтобы и хан выезжал и удовольствовал бы их жалованием, и всё искали, как бы лучше хана потеряти; а в городе страх такой был, что неподобной крик и воп (вопль); деревенские люди, которые спаслись уходом, чуть не принудили хана из города бежать, ежели б узбечье дело не управлено было, ибо хан, последнее разделив узбекам, выслал оных под командою нынешнего начальства, а сам остался в городе, обещая, что и он также с достальными военными последовать хотел (а не выезжают"). Раджаб, которому всетаки не удалось взять города, обратился за помощью к казахам, обещая кочевникам богатую добычу в завоеванных областях. Казахи в это время переживали тяжелые дни. Калмыцкий (джунгарский) хун-тайчжи, Цеван Рабтан, во главе сильного войска весною 1723 г. вторгся в казахские кочевья и произвел среди них страшный погром. Казахи бежали за Сыр-дарью, но голод и нищета подстерегали их и здесь. В этом бедственном положении казахи охотно откликнулись на приглашение итти походом на богатые области Мавераннахра. Обнищавшие, голодные кочевники явились со всеми своими кибитками и скотом в Самаркандский вилайет, откуда разлились по всему Миянкалю до бухарских туманов. Раджаб-хан и примкнувшие к нему эмиры совершенно утратили власть над событиями и быстро сошли со сцены. Мухаммед-Хаким-бий и Абулфейз-хан отсиживались за стенами столицы, не смея показаться за город.

В течение целых семи лет казахи производили опустошения по всей Зарафшанской долине, не встречая никакого отпора. Их скот вытаптывал поля, сады и огороды оседлого населения. Цветущие местности превращались в пустыни. Сбор хлебов, овощей и фруктов сократился до последней степени; во всем давала себя чувствовать дороговизна. Жители бежали в более безопасные местности, многие или гибли в пути от голода, или попадали в плен к казахам. Богатые и цветущие районы были опустошены до конца.

Внутреннее положение государства Абулфейз-хана (1711—1727). Наконец, близким к Абулфейзу лицам удалось уговорить хана удалить из Бухары Мухаммед-Хакима, и аталык выехал в Карши, но вместо одного временщика у власти их появилось много. Алчные сановники стремились захватить базары и рынки и старались установить в свою пользу монополию на торговлю теми или иными товарами; по

выражению историка того времени, „во всех концах г. Бухары и в ее туманах были открыты лавки насилия„. Абулфейз-хан с утра до вечера пьянствовал и развратничал в своем дворце. Правители областей и отдельных районов держались независимо, зная, что над ними по существу нет никакого контроля, и „с особою ревностью и энергией занялись грабежом несчастного населения, разгромив во всем Мавераннахре пути к безопасности и законности", как свидетельствует тот же историк.

О полной анархии в делах управления Бухары и совершенном падении престижа верховной власти говорит и Флорио Беневени, который никак не мог добиться аудиенции наедине у Абулфейза. Беневени подчеркивает, что хан может надеяться только на верность своей гвардии, составленной из рабов—калмыков и русских.

Такому положению вещей был нанесен сокрушительный удар последним великим азиатским завоевателем Надир-шахом (1736—1747).

Надир-шах. Сын мешхедского тулупника, Надир принадлежал к туркменскому племени афшар и в молодости женился на дочери усыновившего его главы абивердских (в современной южной Туркмении) афшаров. Опираясь на афшаров и курдов, Надир с успехом воевал с узбеками аштарханидов, с хивинцами и туркменами. Когда шах Тахмасп II (1722—1731) прибыл в Хорасан, Надир предоставил себя в полное его распоряжение (1727). В течение следующих пяти лет шахские войска под начальством Надира, присвоившего себе титул „Шах-Тахмасп-кули" (раб шаха Тахмаспа), доставили шаху победу над всеми его врагами в восточном и западном Иране. После смерти Тахмаспа бывший „раб шаха Тахмаспа", свергнув с престола Ирана последнего сефевида Аббаса III (1731—1736), вступил на его трон в 1736 г. под именем Надир-шаха.

Надир не только восстановил пределы Иранского государства во всей их обширности, но, обеспечив себе безопасность на западе победами над турками-османами, распространил свое владычество и на восток, покорив Афганистан с Кабулом и Кандагаром (1737). Дойдя до Лахора, он разбил армию „великих моголов" и в марте 1739 г. взял и разграбил их столицу Дели. Во время похода на Афганистан в 1736—1737 гг. старший сын Надир-шаха, Ризакули, занял Андхуд, Акча и Шабирган. Балх пытался защищаться, но и он был вынужден скоро сдаться. Своей победой войска Надира были обязаны в значительной степени организованной по-европейски артиллерии, а в некоторых случаях (например, в Андхуде)—активной помощи проживавших там соплеменников Надира, афшаров, которые при появлении иранских войск переходили на их сторону.

Поход Ризакули-хана на Мавераннахр. Овладев большинством бывших узбекских областей по левому берегу Аму-дарьи, Ризакули по распоряжению своего отца переправился через реку и направился с двенадцатитысячным отрядом на Карши. Сидевший там Мухаммед-Хаким-бий, услышав о приближении иранцев, ввел в город отряды мангытов и других племен и мобилизовал все население города и его окрестностей для отражения неприятеля. Ризакули прежде всего распорядился послать отряды в прилегающие к Карши районы для изъятия у населения всех запасов хлеба, после чего приступил к осаде города. Перешедший на сторону иранцев наместник Хузара Баба-хан явился на подмогу Ризакули почти с трехтысячным отрядом узбеков и тем усилил его войско. Осажденные оказались в затруднительном положении, и Мухаммед-Хаким направил

в Бухару к Абулфейз-хану просьбу о помощи. Абулфейз с войсками Бухары, Миankаля и Самаркандского вилайета двинулся в Карши и, соединившись с войском Мухаммед-Хакима, вышедшим из осажденного города, дал бой иранцам. Несмотря на то, что численность войска Ризакули составляла лишь четвертую часть бухарской армии, превосходство иранского ружейного огня и легкой фальконетной артиллерии решило исход боя в пользу иранцев. Бухарская армия обратилась в беспорядочное бегство; Абулфейз и аталык едва успели укрыться за стенами Карши. Ризакули блокировал крепость, установив осадные машины и баллисты, но после пятнадцатидневной осады, услышав о вступлении в пределы Бухары с большим войском нового неприятеля—союзника бухарцев, хивинского хана Ильбарса, поспешил заключить мир с Абулфейзом и уйти за Аму-дарью, чтобы присоединиться к армии своего отца. Абулфейз возвратился в свою столицу, оставив Мухаммед-Хакима в Карши, а Ильбарс, узнав о заключении его союзником мира с иранцами, вернулся в Хиву.

Поход Надир-шаха. В начале 1740 г. Надир-шах решил предпринять новый поход на Мавераннахр. Сначала он выступил в Балх. Отправив приготовленный здесь по его распоряжению провиант и артиллерию на барках вниз по Аму-дарье, он сам в начале сентября 1740 г. близ Чарджуя переправился по понтонному мосту на бухарский берег Аму-дарьи.

Молодой и крайне честолюбивый сын бухарского аталыка Мухаммед-Хакима, Мухаммед-Рахим, услышав о прибытии Надир-шаха в Балх, и, вероятно, действуя с ведома и одобрения отца, выехал из Карши с группою своих сотоварищей и нагнал шахские войска у Керки; Мухаммед-Рахим был очень хорошо принят шахом и оставлен при его ставке. Перепуганный продвижением Надира, Абулфейз спешно вызвал из Карши своего опального аталыка и поручил ему ехать послом к Надир-шаху, во что бы то ни стало умилостивить его и не допустить государство до разора и опустошения. Мухаммед-Хаким, прибыв в лагерь шаха, поднес Надиру богатые подарки и был им прекрасно принят. Во время аудиенции, данной ему наедине, аталык на подробные вопросы шаха о состоянии ханства, откровенно рассказал все, что творилось в Бухаре; он описал в очень непривлекательных чертах правление пославшего его Абулфейз-хана, общий внутренний развал государства, недовольство населения и выразил со своей стороны полную готовность служить шаху, действуя в Бухаре в его интересах. Снабженный грамотой Надир-шаха, дававшей ему большие полномочия, Мухаммед-Хаким выехал в Бухару уже не в качестве возвращающегося из шахского лагеря посла Абулфейз-хана, а как представитель шаха. Последний следом тоже двинулся к Бухаре.

Прибыв в столицу, Мухаммед-Хаким заверил все население в том, что им не грозит никакой опасности со стороны иранцев, что шах имеет добрые намерения. Однако аталык счел более безопасным не являться к хану и остановился в медресе Мири-араб, поставив вокруг него вооруженные караулы. По всем базарам, улицам и мечетям через разосланных бирючей (джарчи) по его распоряжению был кликнут клич, что если у кого возникают какие-либо вопросы в отношении личной и имущественной безопасности, связанные с приближением армии шаха, то пусть все идут к аталыку, у которого получат надлежащие разъяснения. Народ повалил в медресе Мири-араб. Купцы, ремесленники и прочие представители населения,—все спешили туда, чтобы получить ответы от Мухаммед-Хакима на волновавшие каждого

вопросы. Поведение аталыка, создавая ему популярность среди городского населения, вызвало большое раздражение в придворных кругах столицы и среди знати, обвинявшей его в предательстве. Было решено вызвать его к хану, а затем общими силами, подняв народ, выступить против нечестивых „еретиков-шиитов". Но Мухаммед-Хаким не поехал на приглашение хана. Тогда было решено, что Абулфейз поедет к аталыку в медресе Мири-араб и, когда Мухаммед-Хаким выйдет к нему навстречу для приветствий, последний будет окружен и убит. Но когда хан подъезжал к медресе, аталык приказал своему конвою открыть ружейный огонь по ханскому эскорту. В большом замешательстве Абулфейз вернулся во дворец; ему оставался один исход—капитулировать перед Надиром. Со свитою из сановников и с конвоем в числе двухсот человек Абулфейз выехал навстречу шаху из ворот Талли-Пач, а вслед за ним через ворота Намазгах туда же выехал со своим конвоем и аталык, сопровождаемый представителями разных слоев населения. На середине пути он догнал ханский кортеж и присоединился к нему, причем при встрече хана с вероломным аталыком была соблюдена вся видимость вежливости и покорности, с одной стороны, и царственного внимания и милости,—с другой. Дальнейший путь хан и аталык совершили вместе. Встреча с Надиром произошла под Бухарой на урочище Чар-Бакр, на берегу Зарафшана; Надир благосклонно отнесся к Абулфейз-хану и признал за ним его права. После двадцатидневного пребывания в ставке шаха, хан вернулся в Бухару. Узы родства скрепили дом аштарханидов с туркменом Надиром: на одной из дочерей Абулфейза женился сам шах, на другой—его племянник. Однако с администрацией и населением Бухары Надир сносился исключительно через Мухаммед-Хаким-бия, которому он выказал полное доверие. Аталыку было поручено доставить для шахской армии 200 тысяч ослиных вьюков (харваров) пшеницы и прочего фуража за наличный расчет. Поставка провианта была осуществлена путем раскладки между кварталами столицы и ее туманами. Из бухарского войска было отобрано десять тысяч всадников для пополнения шахской армии; начальство над этим отрядом Надир вверил сыну аталыка Мухаммед-Рахиму. Брат аталыка Мухаммед-Даниал-бий, мангыт, будущий всевластный правитель Бухары, известный Надиру еще по походу на Афганистан, во время которого он перешел на его сторону, был сделан правителем Кермине. Мухаммед-Хаким остался в Бухаре в качестве облеченного доверием Надира сановника на прежнем высшем посту в государстве; Абулфейз-хан теперь оказался в полной от него зависимости.

Закрепив свою власть в Бухаре, Надир-шах выступил в поход на Хорезм.

Признание Абулфейз-ханом верховного покровительства и суверенитета исконных врагов узбекского государства—иранцев—явилось, в сущности, концом самостоятельного правления династии аштарханидских ханов. В сложившихся в начале XVIII в. социальных и политических условиях, вместе с падением авторитета центральной власти, опиравшейся на свое происхождение от Чингис-хана, аштарханиды уступили первенствующую роль новым властителям—представителям узбекской племенной аристократии, главарям племени мангытов, которые захватили в свои руки ханский трон.

Захват власти Мухаммед-Рахимом. После превращения Бухары в вассальное владение персидского шаха, вся государственная власть фактически была сосредоточена в руках его ставленника аталыка

Мухаммед-Хаким-бия, титуловавшегося в последние годы на персидский манер великим эмиром (эмири-кабир). По смерти Мухаммед-Хакима, последовавшей в 1743 г., узбекские эмиры, не сдерживаемые теперь твердою рукой аталыка и пользуясь полным бездельем вечно пьяного Абулфейз-хана, подняли мятежи в разных местах государства. Грабежи и убийства стали обычным явлением. Восстание Ибадуллы-хитая (из хитай-кипчаков) охватило весь Миankаль и докатилось до стен столицы. В конце апреля 1745 г., когда бухарцы торжественно праздновали за городом, подле мазара шейха Бахауддина, свой традиционный весенний праздник красного цветка (Гулисурх) и десятки тысяч людей из города и его окрестностей собрались сюда со своими семьями на целый месяц, вождь племени хитай Иба-дулла нагрянул на Бухару, захватил богатую добычу и увел множество людей в плен. Только после ожесточенного боя с мятежниками отряд одного из эмиров отбил большую часть их добычи и пленных. Надир-шах послал строгое распоряжение Абулфейз-хану прекратить беспорядки и мятежи в государстве, но не надеясь на хана, дал отряд испытанных солдат сыну умершего аталыка Мухаммед-Рахиму и отправил его в том же 1745 г. с большими полномочиями в Бухару. В Мерве к Мухаммед-Рахиму присоединился сын и наместник шаха Ризакули с отрядом кизылбашей и артиллерией, а в Чарджуе—туркмены. С этими войсками Мухаммед-Рахим прибыл в Бухару, где ему было ножаловано Абулфейзом звание „эмира эмиров" (эмир-ул-умара), и поселился в селении Газиабад, принадлежавшем его отцу и находящемся подле самой столицы. На высшие государственные должности были назначены родственники и сторонники Мухаммед-Рахима. Опираясь на эти надежные элементы, Мухаммед-Рахим упрочил свое положение в столице ханства и при поддержке иранцев приступил к усмирению мятежников. После упорной борьбы Ибадулла-хитай был изгнан из Миankаля, бежал на север в Ташкент, где потом был убит. В Шахрисябзе был подавлен мятеж „племен правой и левой стороны". В относительно короткий срок удалось восстановить спокойствие во всем государстве. Когда в июне 1747 г. Надир-шах был убит, Мухаммед-Рахиму удалось уже создать собственное крепкое и послушное войско, командный состав которого был подобран из преданных ему людей. Теперь он в еще большей степени стал полновластным распорядителем в государстве аштарханидов, чем был его отец. Окончательно опустившийся, но все таки мешавший временщику, Абулфейз был им убит вскоре после смерти Надира (в 1747 г.). Заручившись согласием знати и духовенства, Мухаммед-Рахим в 1753 г. вступил на бухарский трон с титулом эмира. Так как сыновей у Мухаммед-Рахима не было, то после его смерти, в (1758 г.) на престол был возведен его малолетний внук (от дочери) Фазиль-тюря, а опекуном и аталыком при нем стал старший дядя Мухаммед-Рахима — Даниал-бий.

Даниал-бий (1758—1785). Известие о смерти Мухаммед-Рахима немедленно вызвало восстание областных правителей против центральной власти. Вспыхнули, но вскоре были подавлены серьезные восстания хакимов Нур-ата и Хузара и мятеж так называемых „семи племен" (еты-уруг), обитавших по Зарафшану. В других вилайетах областные правители начали воевать друг с другом. Вся страна от Миankаля до Шахрисябза, Хузара, Байсуна, Ширабада и Хисара была охвачена усобицами. Глава племени юз Фазиль-бий, выступив из Ходжента в Ура-тепе, захватил после осады Самарканд и взял в плен самаркандского наместника, брата Даниал-бия, со всеми его родными и близки-

ми. Отсюда юзы двинулись на Миankаль, где к ним присоединились хитай-кипчаки „семи племен". Ряд городов был захвачен мятежниками. Местные эмиры побуждали Фазиль-бия итти на Бухару и захватить верховную власть в свои руки. Даниал-бий выступил с войсками против мятежников и, дойдя до Кермине, вступил в переговоры с ним. Восставшие выразили готовность подчиниться, при условии удаления малолетнего хана Фазиль-тюря. „Вот если бы сам аталык, посягнувши на управление государственными делами, вступил на престол, то этим создал бы себе у народа доброе имя".

На основании состоявшегося соглашения, Даниал-бий по возвращении в Бухару сверг с престола Фазиль-тюря, отправив его с родителями в Карши, а на его место возвел на престол одного из аштарханидских царевичей, некоего Абулгази (1758—1785), при котором сам он в звании аталыка стал фактическим правителем государства. Абулгази-хан являлся фиктивным, „подставным" ханом. Без согласия аталыка он не смел даже выходить из дома. Все обязанности его заключались в том, что по пятницам его одевали в пышный ханский костюм и сажали на трон в зале для аудиенции (кукриниш-хана), где к нему являлись на праздничный поклон все сановники, начиная с Даниал-бия. По окончании церемонии с хана снимали парадное платье и в сопровождении одного стремянного отправляли запросто по бухарским улицам в его помещение (он даже и не жил в ханском дворце—в арке).

Имея на своей стороне не только войско, но и духовенство и влиятельных суфийских шейхов, Даниал-бий крепко держал в своих руках власть. Для войска он не жалел издержек: командный состав был обеспечен доходами с земельных пожалований (танхо). Каковы были эти доходы, можно судить по свидетельству екатерининского сержанта Ефремова, бывшего рабом у Даниал-бия и выслужившегося до чина юзбаши (сотника): он был наделен землею, „с которой собиралось в год до 300 червонных, кои в России меняются по 3 рубля". Принимая во внимание тогдашнюю дешевизну бухарской жизни, нельзя не признать более чем достаточной оплату службы армейского капитана, к которому Ефремов приравнивал чин юзбаши.

Шах-Мурад в Самарканде. Старший сын Даниал-бия, Шах-Мурад был назначен отцом управлять Самаркандским вилайетом и, несмотря на свое крайнее увлечение дервишизмом и большую склонность к религии, проявлял себя, как очень энергичный правитель. Он сумел создать себе популярность воздержанным образом жизни, заботами о поддержании порядка в городе и его вилайете и мерами по восстановлению нарушенной феодальными усобицами культурно-экономической жизни края.

Даргомская плотина на Зарафшане, по своей важности всегда составлявшая предмет забот самаркандских правителей, была восстановлена в 1743—1749 г. Мухаммед-Рахимом, и город с окрестностями снова стал получать воду. Развитию земледелия мешали, однако, набеги кочевников. Шах-Мурад старался отражать эти набеги и обстраивать город, привлекая в него жителей.

Оросительными работами, выполненными по распоряжению Шах-Мурада в Самаркандском вилайете, воспользовались узбеки, занявшие земли, покинутые прежними владельцами в предшествующий смутный период. Кроме этого, им впоследствии были восстановлены также оросительные системы по Аму-дарье и Кашка-дарье.

Особое внимание Шах-Мурад уделял восстановлению медресе, назначению в них преподавательского персонала и чтению лек-

ций. Отсутствие средств заставило его, однако, ограничиться ремонтом уцелевших медресе и мечетей и постройкой незначительных зданий из кирпича, добытого из развалин. Ревностный поборник идей суфизма, отличавшийся ханжеством и внешним благочестием, соединяемым с жестокостью и коварством, Шах-Мурад стремился привлечь на свою сторону дервишские братства и находившиеся под влиянием дервишей народные массы. В частности, он прибегал к таким мерам, как отказ от своей доли наследства после смерти его отца и раздача его в виде общественных подаяний. „Пусть они (лица, которым была поручена раздача) вознаградят тех, из кого это было выжато, ибо я не могу запачкать своих рук средствами, несправедливо явившимися в дом", —говорил он. В одежде кающегося грешника, повесив на шею шашку, он ходил по базарам, громко плача и прося у всех прощения за бедствия, причиненные населению его отцом Даниалом. Удалившись затем в соборную мечеть г. Бухары, он провел там целый год, прекратив почти всякую связь с внешним миром.

Приход к власти Шах-Мурада (1785—1800). В это время в связи со смертью Даниал-бия, происшедшей в 1785 г., смуты и волнения в государстве принимали все большие размеры. В самой столице происходила ожесточенная борьба партий, переходившая нередко в побоища. Последний аштарханид Абулгази-хан, слабый и нерешительный, не имел ни сил, ни авторитета справиться с охватившей страну смутой. Шах-Мурад после долгих отказов согласился на просьбу хана и его сановников занять должность аталыка и сделался фактически правителем. Он усмирил восстания и настойчиво стал наводить порядок в государстве. Вместе с тем „благочестивый" эмир усердно насаждал в массах уважение к религии в суфийском духе. Он восстановил должность раиса-блюстителя нравов. Набожность не помешала Шах-Мураду низложить Абулгази-хана и самому сесть на бухарский престол в 1785 г. Оказавшись на престоле, Шах-Мурад отказался от ханского титула, заменив его званием эмира, но не изменил своих привычек и своего образа жизни. Он попрежнему тратил на себя по одной танга (20 коп.) в сутки, одевался в самое простое и ветхое платье, ел скудную пищу, в походах ночевал под старой рваной палаткой, ни у кого из знати не бывал на пирах и не принимал ни от кого подарков.

Войны с Ираном и Афганистаном. Укрепившись на престоле, Шах-Мурад повел агрессивную внешнюю политику. Воспользовавшись ослаблением Ирана, он начал войну против этого государства, представлявшего постоянную угрозу для Средней Азии. Являясь правоверным мусульманским государем, Шах-Мурад поставил себе целью войну с неверными, т. е. шиитами Ирана. В 1789—1790 гг. он выступил походом на Мерв, разбил в ожесточенной битве мервского наместника иранского шаха Байрам-Али-хана, взял город и увел с собою в Бухару тридцать (а по другим данным—даже сто) тысяч мервских шиитов и поселил их в районе Бухары и Самарканда. До самого последнего времени их потомки сохранили в Бухарском ханстве и в Самаркандской области известную обособленность от местного населения, среди которого они были известны под именем марви (мервцев). В завоеванном городе Шах-Мурад посадил наместником своего брата Омар-бия, а в низовьях Мургаба построил крепость Исламабад, комендантом которой назначил своего зятя. Через некоторое время Омар-бий отложился от Шах-Мурада, захватив Исламабад. Шах-Мурад выступил для его усмирения, но не будучи в состоянии занять Исламабад воен-

ной силой, разрушил плотину Султан-бенд и ушел обратно. Поля Мерва и его области в течение четырех лет оставались без воды и пришли поэтому в крайний упадок, что вызвало восстание населения против Омар-бия. Самому Омар-бию с семьей удалось бежать, и Шах-Мурад послал в Мерв другого наместника. В 1796—1797 гг. плотина была восстановлена, и мервские поля получили воду, но город Мерв никогда уже не мог достичь прежнего благосостояния.

Объектом хищнических набегов Шах-Мурада в течение ряда лет были и другие районы северо-восточного Хорасана, откуда его отряды возвращались с богатой добычей.

Кроме Ирана, Шах-Мурад вел войну с Афганистаном из-за бывших бухарских владений на левом берегу Аму-дарьи. В первой половине XVIII в. Балх с его округом, Меймене, Андхуд и другие были захвачены основателем Афганского государства Ахмед-шахом Дуррани (1747—1773). После непродолжительной войны Шах-Мурада с преемником Ахмед-шаха—Тимур-шахом (1773—1793), обе стороны заключили мир, согласно которому границей между Бухарой и Афганистаном была признана Аму-дарья.

Эмир Шах-Мурад умер в 1800 г после пятнадцати лет правления, получив еще при жизни прозвание „безгрешного эмира" (эмир-има'сум). Таким образом к XIX веку уже вполне выявилось начало процесса укрепления центральной власти в бухарском ханстве, свидетельствовавшее об известном подъеме экономики.

§ 3. ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО В XVIII В.

Хивинское ханство переживало в первой половине XVIII в. такую же полосу полного развала, сменившуюся в конце столетия некоторым известным хозяйственным подъемом и вместе с тем укреплением государственной власти. Бесконечные войны между узбеками и туркменами и здесь привели страну к еще более глубокой феодальной раздробленности и кризису ханской власти. Этот кризис политической власти в Хиве усиливался вмешательством в хивинские дела бухарских ханов (овладевавших временно даже Хивой), нападениями кочевников—казахов и калмыков и, наконец, победоносным походом иранского Надир-шаха, превратившего на некоторое время Хорезм в одну из своих провинций.

Развал государственной власти в Хивинском ханстве сказался с особенной силой при хане Ширгази (1715—1728). Раздираемое смутами государство находилось вместе с тем в очень тяжелом международном положении. Экспедиция Бековича, организованная Петром I в 1714—1717 годах, была первой попыткой подчинить Хорезм влиянию могущественного Русского государства и вызвала такую панику среди правящих кругов Хивы, что они не остановились перед истреблением всего отряда Бековича. После этого вероломного поступка Хива жила долгое время под страхом возможного „реванша" со стороны России. С другой стороны, бухарский хан Абулфейз поднял против Ширгази аральцев; аральцы пригласили себе ханом царевича Тимур-султана, проживавшего в Бухаре; в Хиве началась междоусобная война, ведшаяся с переменным успехом до смерти Ширгази. Тимур-султан оказался не в состоянии подчинить себе все ханство: ханом после Ширгази стал Ильбарс (1728—1740), по происхождению из казахских султанов-чингизидов.

Пользуясь отсутствием Надир-шаха, занятого походами на Афганистан и Индию, Ильбарс произвел несколько набегов на Хорасан и каждый раз возвращался с добычей и пленными.

Завоевание Хорезма Надир-шахом. Набег хивинцев на Хорасан, выступление хивинских войск на стороне Бухары против войск Надир-шаха и категорический отказ хивинского хана признать зависимость от Ирана, побудили Надир-шаха, после подчинения им Бухары, предпринять поход на Хорезм. Под Хазараспом произошла встреча Ильбарс-хана с иранцами. После ожесточенного боя хивинцы были разбиты и вынуждены укрыться за стенами Хазараспа. Надир, не теряя времени на осаду этой крепости, двинулся по направлению к Ханка, откуда открывались пути во все стороны ханства. Это вызвало панику. Туркмены и другие кочевники, примкнувшие к армии Ильбарс-хана, опасаясь за судьбу своих кочевий, стали с семьями уходить в степи. Ильбарс, узнав об этом, бросился со своими войсками из Хазараспа также по направлению к Ханка. Ему удалось опередить армию Надира, дойти до Ханка и с трудом проникнуть туда. Но осажденный подошедшим шахом, он, несмотря на отчаянное сопротивление, не мог удержать крепости. Ханка была взята, и сам хан убит. Пока Ильбарс сидел в осаде, хивинцы пригласили к себе ханом Абулхайра, хана Малого казахского жуза (Малой казахской орды), принявшего лет за восемь до этого (в 1730—1732 гг.) русское подданство. Возведенный на хивинский престол, Абулхайр-хан очень недолго оставался на нем, так как ему решительно не на кого было опереться. На другой же день после своего восшествия на престол (8 ноября 1740 г.) он послал к Надир-шаху письмо с предложением мира. Письмо в ставку Надира повез русский геодезист Муравин, присланный в это время в Хиву с грамотой Анны Ивановны (1730—1740 гг.). Муравин известил Надир-шаха, что Абулхайр-хан состоит в подданстве русской императрицы. Надир ответил Абулхайру согласием на его мирное предложение, но просил, чтобы он лично прибыл в его ставку. Под предлогом поездки к Надиру, хан выехал из города Хивы вместе со своей свитой, но ушел в свои степи, проханствовав в Хиве всего лишь дней шесть или семь. Причиной спешного бегства Абулхайра были полученные им сведения, что знатные хивинцы, перешедшие на сторону Надира после взятия Ханка, склоняли жителей Хивы не сопротивляться шаху ввиду невозможности с пятью или десятью тысячами казахов оказать сопротивление грозному завоевателю, особенно принимая во внимание разрушительное действие его артиллерии, и советовали задержать Абулхайра в городе до прибытия шаха. После четырехдневной осады Надир-шах взял столицу: значительная часть хивинской армии была присоединена к войскам Надира. Все невольники, томившиеся в хивинском рабстве, были освобождены шахом, в том числе и русские, и снабжены на дорогу лошадьми, деньгами и продовольствием. В Хиве был посажен наместник Надир-шаха с иранским гарнизоном, введено было иранское управление, с населения был взят особый налог „за пощаду“ (мали-амани). Обратно в Иран Надир-шах возвратился через Чарджуй, куда он прибыл с армией в декабре 1740 г. Здесь его торжественно встретило с поздравлениями и подарками бухарское посольство, возглавлявшееся Мухаммед-Хаким-бий аталыком.

Поход Надира на Хорезм не мог не отозваться на благосостоянии ханства: в 1741 г. на Оренбургской ярмарке из хивинцев не было ни одного человека, именно вследствие разорения их страны иранцами. После нашествия Надир-шаха Хива сильно оскудела и скотом, так что в течение нескольких лет в Оренбург скот пригонялся казахами в очень недостаточном количестве, ибо он скупался у казахов хивинцами.

Власть поставленного Надиром наместника, родственника бухарского хана Абулфейза, не простиралась, однако, на северную часть Хивинского ханства, где среди так называемых аральцев ханом утвердился сын Абулхайра, Нурали. Но такое положение продолжалось недолго. В следующем 1741 г. хивинцы восстали против господства иранцев, причем в этом восстании большую роль играл Нурали. Хива была осаждена восставшими и взята. Наместник и его гарнизон были перебиты. Ханский престол занял Нурали. Надир-шах, бывший в это время в походе против лезгин Дагестана, услышав о восстании хивинцев и о гибели наместника, послал в Мерв приказ своему сыну Насрулла-мирзе выступить в Хорезм и восстановить там иранское господство. Хивинские сановники, способствовавшие возведению Нурали на престол, поспешили в Мерв с повинною к Насрулла-мирзе; Надир не только простил мятежников, но по просьбе хивинцев назначил им ханом Абу-Мухаммеда, сына Ильбарс-хана, находившегося в Хорасане. По приказанию отца, Насрулла-мирза собрал и послал ему вспомогательный отряд из аральцев и хивинцев, а туркмен-теке и иомудов выселил из Хорезма в Хорасан. Нурали бежал в родные степи, проханствовав в Хорезме не больше полугода (ханом Малого казахского джуза он был до 1780 г.). Но окончательно замирить хивинское ханство и установить в нем порядок Надиру не удалось. В сороковых годах XVIII в. сменилось несколько ханов.

В 1746 г. тот же казахский хан Нурали был приглашен иранцами вновь занять хивинский престол, но Нурали, подозревая в этом интригу, в Хиву не поехал: ханом провозглашен был казахский султан Каип (Гаиб), сын Батыра, из враждебной Нурали семьи. Каип (1747—1757) сделал попытку восстановить авторитет ханской власти. Ему удалось устранить слишком влиятельного аталыка Хураз-бека, возглавлявшего узбекскую племенную аристократию, перебить значительное количество своих противников, но его попытка не имела успеха, так как он вызвал всеобщее недовольство и восстание населения, непосредственной причиной которого явился введенный Нурали очень тяжелый чрезвычайный налог. Население перебило сборщиков подати; хан вынужден был бежать в степь. Ханом в Хиве сделался Абдулла, брат Каипа. Произошла смута, в которую вмешался бухарский хан Мухаммед-Рахим, посадивший на престол своего ставленника Тимур-гази-хана. С этого времени ханы, часто сменяемые, окончательно теряют остатки фактической власти в государстве, превращаясь в типичных „подставных" ханов, от имени которых в действительности правили, начиная с 1763 г., всесильные инаки из узбекского племени кунграт. Происхождение этих подставных ханов не всегда ясно; преимущественно же они избирались из казахских султанов, считавшихся потомками Чингиз-хана. Так завершилась типичная для Хивы XVIII в. „игра в ханы", как назвал постоянную смену их при отсутствии правильного престолонаследия бухарский историк Абдулкарим. „У хивинцев издавна было обыкновение ханов своих тайным образом умерщвлять, когда от них увидят себе озлобление,—говорит Рычков, автор „Топографии Оренбургской",—чем настоящую ханскую породу у себя вывели, и уже через несколько лет берут в ханы из посторонних султанов." Последние ханы конца XVIII в. и начала XIX в. были всего лишь послушным орудием в руках инаков.

Господство туркмен и возвышение инаков. После ухода из Хивы иранских войск, приведенных Надир-шахом, борьба за власть между представителями феодальной знати возобновилась с новой си-

лой. В борьбе приняли участие туркменские племена, главари которых оказались полными хозяевами ханства. Захватив в свои руки политическую власть, туркменские предводители старались обогатиться за счет земледельческого населения и довели ханство до полного хозяйственного упадка. Жители разбегались в Бухару и другие соседние страны, поля оставались невозделанными, в самой Хиве—столице ханства—осталось не более 40 семейств. Начался голод, бывали случаи людоедства.

В условиях полного упадка ханской власти, непрерывной феодальной и междуплеменной борьбы, в качестве наиболее авторитетного и влиятельного руководителя государства с 1763 г. выдвинулся инак Мухаммед-Амин, глава племени кунграт. Ему удалось постепенно объединить часть узбекских племенных главарей, состоятельную часть горожан и духовенство. Около 1770 г. он нанес решительное поражение некоторым туркменским племенам. Враждебные ему группы пытались опереться на военную помощь из Бухары, но Мухаммед-Амин успешно отразил в 1782 г. и нападение бухарцев.

Мухаммед-Амин положил начало династии инаков племени кунграт, которая управляла сначала от имени подставных ханов, избиравшихся из казахских царевичей-чингизидов и не пользовавшихся никаким влиянием. Мухаммед-Амин низлагал и назначал ханов по своему усмотрению. Посетивший Хиву в конце XVIII в. врач Бланкеннагель, описывая положение такого подставного хана, отмечал, что он показывается народу лишь три раза в год, а прочее время его держат взаперти под строгим присмотром. В придворном его содержании не соблюдается даже благопристойности и нередко он терпит нужду в самом необходимом. Еще более яркими красками описывает жизнь хивинских ханов под опекою инаков русский пленный оренбургский мещанин Яков Петров, пробывший в рабстве у бухарцев и хивинцев 32 года (1787—1819). По его словам, „хан (Абулгази, каракалпак по происхождению) только имя ханское носит, делами же его заниматься не допускают, только на смертные приговоры нужно его утверждение... Живет он за городом, в особом для него назначенном доме, из которого он не смеет выходить, и к нему определен караул. Человек он молодой и, не имея никакого дела, играет у себя во дворе с ребятишками... Когда случается богатая свадьба, то и его приглашают. Его одевают тогда в парчевое богатое платье, сажают на лошадь и водят с церемонией по городу. Два человека едут впереди его, два человека ведут лошадь его за повода, двое держат стремена. А как побудет на пиру с полчаса, отправляют его обратно и опять запирают".

При инаке был совет, в который входили: кушбеги, ведавший административной частью ханства, михтар, заведывавший финансами, и аталык, начальствующий над войсками. Инак и совет были, по существу, той действительной властью в ханстве, которая делала все, и хотя повеления исходили от имени хана, но он о них ничего не знал.

Такое положение не могло длиться долго, и в начале XIX в. устанавливается единоличная ханская власть. Сын Мухаммед-Амина, Аваз, управлявший Хивой после смерти отца (1790—1804), также еще действовал от имени подставного хана, сохранив за собой титул инака, но сын его Ильтузар свергнул с престола очередного фиктивного хана Абулгази и сам принял ханский титул (1804—1806), став родоначальником новой хивинской династии, получившей название кунгратской.

§ 4. КАРАКАЛПАКИ В XVIII в.

Хозяйство и социальный строй каракалпаков в XVIII в. В течение XVIII в. каракалпаки играют большую роль в истории Хивинского ханства. В союзе с аральцами они принимают деятельное участие во всех смутах, раздиравших Хорезм.

В XVIII в., как и раньше, каракалпаки оставались в основном кочевниками-скотоводами. „Скота все тамошние народы имеют довольно". Каракалпаки держали много лошадей, рогатого скота, овец и коз, „но верблюдов редко имеют". На зиму каракалпаки заготовляли для скота корм (косили камыш), но главным средством питания скота оставался подножный корм: их лошади „сыты бывают от юмшану (степная трава)". Скотоводство продолжало носить кочевой характер, и каракалпаки в XVIII в. попрежнему кочевали кибитками. Однако земледелие, существовавшее уже в XVII в., в следующем столетии приобретало все большее значение в каракалпакском хозяйстве и наряду со скотоводством являлось ведущей его отраслью. В XVIII в. каракалпаки уже прибегали к искусственному орошению. Они сеяли пшеницу, просо и ячмень; хлеб производили не только на удовлетворение потребностей самих земледельцев, но и на продажу; его обменивали казахам на скот. Казахи, кроме того, брали с каракалпаков значительную дань хлебными запасами.

Очень прочно держалось разделение каракалпаков на несколько племен, которые делились, со своей стороны, на более мелкие родовые группы. Важнейшими племенами были: хитай, канглы, мангыт, кипчак, кенегес, кыят, кунграт и другие. Возглавлялись родоплеменные группы знатью (акабир): „знатными и высокопоставленными людьми", старшинами (аксакалы, улуги, кедхуды), бехадурами и биями. В XVIII в. родо-племенная знать фактически управляла своими сородичами: „какие случаются дела, то отправляют... бии и старшины". Поэтому грамоты русского правительства направлялись не только к номинальным каракалпакским ханам, но и к „бекам, батырям и прочей старшине". Тесно связано с родо-племенной знатью было мусульманское духовенство и представители дервишизма (ишаны, шейхи и пр.). Императрица Анна Ивановна, перечисляя в грамоте „знатных людей" каракалпакского народа, называет среди них шейхов и ходжей. Муллы и шейхи встречаются в числе племенных старшин. Так, в сороковых годах XVIII в. упоминается Мурад-шейх, который почитался „у всех каракалпаков... за святого и знатного человека"; его сын Хильвет-шейх был старшиной.

Политический строй каракалпаков в XVIII в. При господстве пережиточных форм родо-племенных отношений, государства у каракалпаков в XVIII в. не сложилось. Лишь временами у них появлялись ханы. Очень часто это были лица пришлые, например, казахские царевичи, через посредство которых казахские ханы осуществляли свою власть над каракалпаками. Уже в конце XVII в., как мы видели, ханом был один из потомков Кучума, а в 1720 г.—казахский царевич Семеке. Нельзя точно установить происхождение каракалпакских ханов Ишим-Мухаммеда, Каипа и их родственников, упоминаемых русскими источниками в первой половине XVIII в. Возможно, что и они были из казахов. Никакого реального значения и власти ни пришлые, ни местные ханы не имели. Ишим-Мухаммед жаловался в грамоте к Петру I на „пакости", которые „своевольные" каракалпаки чинили русским городам, и мог только обещать, „как возможность будет, их, каракалпаков своего владения, от того отвращать"

Фактически управляли старшины и бии. Слабости ханской власти способствовало и то, что она обычно дробилась между несколькими лицами, связанными между собою родством. В XVIII в. упоминается одновременно два-три хана. Со второй половины XVIII в., когда прекратилась зависимость каракалпаков от казахов, уже не встречается упоминаний о каракалпакских ханах. Очевидно, ханская власть у каракалпаков была, как сказано, случайным явлением и не коренилась в местных общественных условиях.

Международные отношения каракалпаков в XVIII в. В первой четверти XVIII в. сырдарьинские каракалпаки попали в зависимость к казахским ханам. Зависимость эта выражалась в ежегодной уплате значительной дани хлебными запасами. Каракалпаки участвовали в походах казахов и вместе с ними производили нападения, в частности, на пограничные русские владения. В начале двадцатых годов XVIII в. казахи и каракалпаки оказались перед лицом большой опасности со стороны джунгар, которые в 1723 г. овладели районом нижней Сыр-дарьи и заняли Ташкент. Джунгары вытеснили каракалпаков с их насиженных мест, многих перебили, других увели с собою.

Под нажимом джунгар каракалпаки бросились на северо-запад, на реку Илек. К этому времени относятся их попытки прорваться через русскую границу. Еще до джунгарского погрома, но, вероятно, не без связи с джунгарским наступлением, в 1720 г. каракалпаки вместе с казахами „появились в многолюдстве на степи под его императорского величества городами". В 1722—1724 гг. каракалпаки неоднократно подходили под Яицкий городок; отдельные их отряды проникали даже до Самары. Частично выгнанные джунгарами из своих кочевий на Сыр-дарье, каракалпаки пытались захватить территорию на Яике, занятую калмыками, которые числились русскими подданными. Одно время калмыки были вынуждены даже отойти на правый берег Яика, но в конечном итоге им удалось, при содействии русских властей, отбить нападение каракалпаков и нанести им сильное поражение. Набеги каракалпаков вызвали серьезное беспокойство русской администрации. Особенно тревожила ее возможность соединения каракалпаков с башкирами. Возникла даже мысль о постройке крепости на Яике „для остороженья от нападения каракалпаков", и был выработан ряд мероприятий по обороне от них калмыков.

Делались шаги к устранению каракалпакской опасности и дипломатическим путем. Еще в 1722 г. велись переговоры с посланником каракалпакского хана Ишим-Мухаммеда о заключении „мира и дружбы". В 1731 г. была сделана попытка привлечь каракалпаков в подданство России; есть известие, что каракалпакские старшины даже принесли присягу. Переговоры эти возобновились в 1733 г. в связи с вопросом о подданстве Малого казахского жуза. Обер-секретарь Сената И. Кириллов в своем проекте постройки города на р. Ори уделял место и мерам по замирению каракалпаков путем привлечения их в новый город для торговли, устройства школ для их детей и т.д. В том же 1733 г., одновременно с посылкой к хану Малого жуза, была послана грамота каракалпакскому хану Каипу и всей каракалпакской знати с извещением о готовности принять каракалпакский народ в российское подданство и с обещанием свободы торговых сношений и защиты от яицких казаков. Каракалпакские старшины согласились. Присяга была принята от имени 12 тысяч семей, но реальных последствий этот акт не имел. В начале сороковых годов часть каракалпакских старшин снова подняла вопрос о подчинении России.

В 1742 г. из Петербурга к каракалпакскому „султану" (старшему хану) была послана поэтому грамота с объявлением о приеме его и его народа в российское подданство. Ханы и знать „учинили публичную и формальную присягу". Но и на этот раз практического значения этот дипломатический успех петербургского двора не имел. Каракалпаки фактически находились уже под властью казахских ханов Малого жуза.

Одним из мотивов, заставивших каракалпаков согласиться на российское подданство, была надежда избавиться от эксплоатации казахских ханов. После принесения присяги они не только отказались от дальнейшей уплаты им дани, но ограбили посланный за нею караван. Переход каракалпаков под покровительство России вызвал враждебные действия со стороны казахского хана Абулхайра. Озлобясь на каракалпаков, он напал, застав их врасплох, причинил „великое разорение" отгоном скота и уводом в плен „немалого числа людей". Для удержания каракалпаков в повиновении Абулхайр взял в аманаты (заложники) жену и детей одного из каракалпакских ханов и не пропускал ни русских посланников в Каракалпакскую землю, ни самих каракалпаков для торговли в Оренбург.

Отношения каракалпаков к Бухарскому и Хивинскому ханствам в XVIII в. Притеснения со стороны казахских ханов заставили каракалпаков, живших по среднему течению Сыр-дарьи, искать поддержки у джунгарских хун-тайджи (великих князей). Главная же масса каракалпаков стала отходить все дальше на юго-запад, к хивинским границам. В 1750 г. на Сыр-дарье оставалось всего около 6 тысяч семейств. Через 10 лет район Сыр-дарьи был уже почти совершенно покинут, и „пустопорожнюю каракалпакскую землицу" заняли своими кочевьями казахи. Вероятно, каракалпаки, оставшиеся на месте, слились с казахами. Большинство же откочевало на Кувандарью. Отсюда небольшая часть в середине XVIII в., по приказу бухарского эмира Мухаммед-Рахима, перешла на территорию бухарского ханства в долину р. Зарафшан. Главная масса двигалась все дальше на запад и обосновалась на Янги-дарье и в восточной части амударьинской дельты. Этот район в XVIII и XIX вв. и назывался Каракалпакской землей. Процесс перехода начался не позже начала XVIII в., но он усилился в результате столкновений с джунгарами и казахами. На новых местах каракалпаки вошли в непосредственное соприкосновение с Кунгратом и хивинскими владениями, а с 1714 г. каракалпаки выступают уже в качестве союзников кунгратцев в борьбе с Хивой.

Постоянная поддержка, которую каракалпаки оказывали аральцам, позволила последним очень долго защищать свою независимость от Хивы. Поэтому хивинские ханы, стремившиеся прочно овладеть выходом в Аральское море, очень рано стали прилагать усилия к покорению каракалпаков. Первую попытку в этом направлении сделал хан Ширгази. При его предшественнике произошло восстание аральцев, поддержанное каракалпаками. По вступлении на престол Ширгази „двинулся с сокрушительным войском для истребления каракалпаков". Каракалпаки, побросав скот и жилища, бежали к Аральскому морю. Здесь, на льду моря, они были застигнуты хивинским войском и подверглись разгрому. Этот кровопролитный набег носил, впрочем, чисто карательный характер и не имел прочных результатов. Только в начале XIX в. каракалпаки были действительно покорены хивинскими ханами.

§ 5. ФЕРГАНА И ТАШКЕНТ В XVIII в.

Смуты в Фергане. Вновь возникшее Ферганское владение, как и прочие области Средней Азии, переживало в XVIII в. такой же период смут, которые усугублялись нападением на страну извне.

В середине XVIII в. соседняя с Ферганой Джунгария подверглась разгрому со стороны китайского императора Куэн-Луня, сопровождавшемуся массовым истреблением джунгар (калмыков), вследствие чего они устремились на запад и ворвались в Фергану. Кровопролитные бои между джунгарами и кокандцами кончились отступлением калмыков от Коканда; в последовавших за этим мирных переговорах знатные джунгарские начальники были вероломно перебиты кокандцами. Внезапное нападение кокандцев на джунгар заставило последних бежать из Ферганы. Впрочем, впоследствии они не раз нападали на северную часть Ферганской долины и сильно разоряли население, тем более, что и сами ферганские правители иногда вовлекали джунгар в раздоры в качестве своих союзников.

Правители Ферганы, не располагавшие правильно организованными военными силами и прочным государственным аппаратом, были бессильны подавить внутренние беспорядки. Кочевые и полукочевые племена фактически сохраняли почти полную независимость. Большой силы достигало многолюдное, могущественное и крепко спаянное племя кипчаков, которое хозяйничало во всей стране совершенно беспрепятственно. Даже в самой столице ханства происходили грабежи и насилия со стороны кипчаков, которые срывали с горожан, возвращавшихся с базара, чалмы и халаты, отнимали у них деньги и т. п. Эти насилия настолько озлобили население Коканда, что, отчаявшись получить защиту от своих правителей, оно составило против кипчаков заговор. В один из базарных дней, когда в город приехало много кипчаков, кокандцы, по условному кличу с минарета ближайшей к базару мечети, бросились на кипчаков и подвергли их жестокому избиению. Спасшиеся бежали, всюду поднимая тревогу; все кипчакские селения и кочевья откликнулись на призыв, и массы кипчаков двинулись на Коканд мстить горожанам за гибель своих соплеменников; на пути они овладели Тюря-курганом и Араваном и предали их страшному разорению. Только приближение Абдулкерим-хана, сына Шахруха, и убийство кокандцами сорока кипчакских главарей, явившихся для мирных переговоров, на время приостановили движение.

Ташкент во второй половине XVIII в. В последние годы правления аштарханидов северные пределы их государства, включавшие прибрежные сырдарьинские районы с городами Ташкент, Туркестан, Чимкент и другими, находились во власти казахских султанов, но во второй половине XVIII в. власть в Ташкенте перешла в руки ходжей, потомков известного ташкентского шейха XVI в. Ангаура (собственно, шейх Хавенд-Тахур — чистый господин). Их главою являлся Юнус-ходжа. Все четыре части (даха) г. Ташкента (Шейхантаурская, Сибзарская, Кукчинская, Бешагачская) имели своих правителей, свое войско и постоянно сражались друг с другом. „От сего земледелие и скотоводство приходили в упадок; полезное заведение садов подвержено было разорению; вместо трудолюбивого в ремесле упражнения, каждый выходил с оружием в руках и всегда видел жизнь свою в опасности“,—говорит горный чиновник Поспелов, посланный в 1800 г. в Ташкент со своим товарищем Бурнашевым для осмотра находившихся близ Ташкента рудников. Эти

вечные усобицы постоянный страх перед нападением казахов на город побудили ташкентцев обратиться к своим влиятельным неофициальным вождям, к дервишским наставникам, и избрать своим правителем Юнус-ходжу. Последний прежде всего озаботился обнести город стеной, которая обеспечивала бы безопасность от набегов кочевников. Юнус-ходже удалось отвоевать у казахов все ташкентские селения и подчинить себе кочевавших в Ташкентском вилайете казахов.

Литература и искусство Средней Азии в XVIII в. Хозяйственный упадок и смуты, наступившие в XVIII в., не могли не отразиться на культуре как Бухары, так и Хивы.

XVIII в. был для среднеазиатских ханств веком большого упадка культуры и просвещения. Уже в начале XVIII в., в 1701 г., прекрасное здание Самаркандского медресе Улуг-бека стояло совершенно пустым, никто из студентов в нем не жил, „и вместо великих профессоров (мударрисов) остались лишь четыре высоких купола, покачивающих пустыми верхушками", — говорит современник. Войны, смуты и усобицы в течение столетия обезлюдили город; в середине этого века Мухаммед-Рахим, собираясь выступить походом против зарафшанских горцев, заготовил огромное количество зерна, которое было ссыпано в пустовавшие здания самаркандских медресе. Ни о каком просвещении в это время даже в таком крупном центре, как Самарканд, не могло быть и речи; не лучше обстояло дело и в Бухаре, где наука также пришла в упадок. Лучшим подтверждением этого служат различные исторические сочинения этого времени, в которых авторы, стремясь перечислить замечательных людей своего времени и дать о них некоторые биографические сведения с оценкой их научной и литературной деятельности, приводят имена разных судей, муфтиев, а'ламов и т.д., совершенно никому неизвестных. XVIII век не создал ничего выдающегося в области литературы. В школьном и литературном образовании попрежнему занимали большое место творения великого узбекского поэта Алишера Навои и классиков персидской литературы. Наряду с этим росло количество переводной литературы для народа, переписывались сборники рассказов, новеллы и повести индийского, персидского и арабского происхождения, обрабатывались народные романы.

Тяжелые условия жизни способствовали распространению мистических учений. Самым замечательным явлением узбекской литературы XVIII в. следует признать стихотворную повесть о юродивом Машрабе.

Повесть о юродивом Машрабе („Дивана-и-Машраб") была создана, видимо, в начале XVIII в. До сих пор не установлена связь этой повести с именем реального ферганского мистического поэта XVII в. Машраба. Неизвестно, имел ли отношение поэт Машраб или его образ к повести о Машрабе-юродивом. Повесть о Машрабе написана в духе народных романов и поэм, стихами с прозаическими вставками, дополняющими и связывающими воедино отдельные части произведения.

В повести развертывается история жизни юродивого Машраба. В городе Намангане, в бедной семье, родился Машраб, с детства обнаруживший стремление к мистическому самосовершенствованию и редкую духовную прозорливость. Машраб удивляет близких своими рассуждениями по отвлеченным вопросам мистической веры и религиозных догм. Юродствуя, Машраб ставит в тупик своими вопросами изощренных в мусульманской казуистике представителей духовенства. Вступив в число муридов высокочтимого местного ишана, Машраб скоро становится для него беспокойным учеником, и учитель торопится

направить его в Кашгар, к знаменитому ходже Аппаку, где он начинает новый искус и убеждается на мучительном опыте в лицемерной святости популярного старца. Под маской „божьего человека" и искателя мистической истины, юродивый Машраб, странствуя из города в город, из страны в страну и видя повсюду ханжество, лицемерие и произвол, едко высмеивает официальное духовенство и сильных мира сего. Машраб издевается над тем, над чем издевается простой народ, и верит в ту правду, в которую верит народ. В споре с представителями духовенства Машраб апеллирует к догмам шариата и своими ответами и грубоватыми выходками остроумно использует пустую казуистику религиозных канонов и обрядов. Глубокий демократизм и критика существующего порядка во многом роднит Машраба с популярным на востоке ходжой Насреддином.

Остроумные ответы Машраба и его поступки, изобличающие невежество, лицемерие и ханжество духовенства, приводят в бешенство духовных пастырей, и они на каждом шагу ищут случая расправиться с беспокойным юродивым. Мудрость Машраба и постоянная поддержка простого народа, к которому он всякий раз обращается, спасают его подчас от верной смерти. Повесть о юродивом Машрабе, как протест против феодальных порядков, стала одной из популярнейших в Средней Азии книг, распространялась во множестве списков и много раз впоследствии издавалась в литографиях. В ней характерно сочетание мистической идеологии с социальными мотивами.

Довольно тесные и постоянные культурные связи, установившиеся между Средней Азией и Индией после образования в ней империи „великих моголов", не прекращались и в последующие столетия. При дворах потомков Бабура расцветала литература на персидском языке и поддерживалась постоянная связь со среднеазиатской литературой. Любопытно, например, что рукописи среднеазиатских поэтов, попавшие в западно-европейские книгохранилища, в значительной части добыты в Индии, и наоборот, много рукописей индийских поэтов найдено в Средней Азии. В индийских антологиях сплошь и рядом упоминаются среднеазиатские поэты, писавшие на персидском (таджикском) языке и пользовавшиеся известной популярностью в Индии.

По этой линии литературных связей проникали в Среднюю Азию влияние и популярность писавшего по персидски поэта Индии Бедиля (род. в 1644 г., умер в 1720 г.).

Бедиль исходил из мистической суфийской философии, но, сознавая опасность ясных и открытых суждений на острые темы того времени, выражал свои мысли в заведомо трудных для понимания стихах, насыщенных сказаниями, абстрактными умозаключениями, загадочными образами. Уже в начале XVIII в. сочинения Бедиля начали проникать в Среднюю Азию, где они нашли неожиданный отклик. Стихи Бедиля усиленно комментировались, поэты сочиняли ответы на его стихи. Сочинения его переписывались и распространялись во множестве списков, причем возникла традиция переписывать их „ломаным" почерком, так называемым „шикаста", еще более усугублявшим трудность понимания и без того трудных стихов.

Начало XVIII в., когда кризис государства аштарханидов дошел уже до своих крайних пределов, не оставило нам также и значительных памятников архитектуры. Из того, что дошло до нашего времени, можно назвать только большую мечеть Боло-хауз, построенную в 1712 г. на западной стороне бухарского Ригистана против входа в Арк (цитадель и местопребывание хана).

ГЛАВА V

УЗБЕКСКИЕ ХАНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ

Территория и политическое деление. Укрепление к концу XVIII в. трех среднеазиатских ханств—Бухарского, Хивинского и Кокандского—далеко еще не ликвидировало господствовавшей в Средней Азии феодальной раздробленности. Не говоря уже о громадной территории, занятой сохранившими свою независимость кочевыми туркменскими и казахскими племенами, даже в ближайшем соседстве с ханствами продолжал существовать ряд мелких феодальных владений, не подчинявшихся ханской власти и вступавших с ней во враждебные отношения. Таковы были Шахрисябз по соседству с Бухарой, Арал—в северной части Хивинского ханства, Джизак и Ура-тепе между Кокандом и Бухарой и ряд других независимых и полунезависимых владений. Значительная часть территории современного Таджикистана находилась под властью местных правителей, стоявших во главе отдельных горных владений (Каратегин, Дарваз, Вахан, Шугнан и др.).

Центром Бухарского ханства являлась долина Зарафшана с главными городами Самаркандом и Бухарой—столицей ханства. Долина эта отличается плодородием и относительно хорошо орошается водами Зарафшана, за исключением нижней части Бухарского оазиса и в особенности оазиса Кара-куля, часто страдавшего от недостатка воды. Бухарскому ханству принадлежали: горный район Нур-ата и некоторые местности по правому берегу Аму-дарьи (Чарджуй, Карши, Керки). Балхское владение, некогда входившее в состав государства аштарханидов, и ряд тяготевших к нему районов, вроде Кундуза, Андхоя, Шибиргана и др., окончательно отпали от Бухарского ханства, а такие области, как Шахрисябз и Китаб, хотя номинально считались принадлежащими Бухаре, но фактически власть эмира на них почти не распространялась.

В течение первой половины XIX в. эмиры неоднократно прилагали усилия к расширению территории ханства, однако не достигли желательных результатов: завоеванный и разрушенный ими Мерв являлся в течение долгого времени спорным между Бухарой и Хивой и остался, в конечном счете, во владении Хивинского хана. Также потеряны были временные территориальные приобретения, сделанные было за счет Кокандского ханства, с которым шла длительная и упорная борьба за Джизак, Ура-тепе, Ходжент и Ташкент.

Также неудачны были попытки завоеваний, предпринятые хивинскими ханами. Их власть в северном Хорасане (современной южной Туркмении) никогда не была прочной. Мерв и принадлежавшие к нему районы оспаривались бухарцами и вызывали постоянные войны, а большинство туркменских племен оставалось фактически независимым

как от хивинского ханства, так и от бухарского эмира. Постоянное стремление отделиться от Хивы и отстоять самостоятельность проявлял Арал, находившийся в низовьях Аму-дарьи и населенный каракалпаками и казахами.

Значительно удачнее были попытки территориальной экспансии самого молодого из трех государственных образований, сложившихся в Средней Азии,—ханства Кокандского. При основателях правившей ханством династии минг, Шахрухе (в начале XVIII в.) и Нарбута-бие (ок. 1770 г.), их владение ограничивалось лишь долиной Ферганы и Ходжентом. Преемнику Нарбута-бия Алим-хану (1800—1809) удалось расширить территорию ханства за счет завоеванных им Ташкента и Чимкента. Еще дальше пошел Омар-хан (1809—1822). Его завоевания распространялись до Туркестана с относящейся к нему областью; ему удалось также подчинить своей власти казахов, кочевавших вдоль Сыр-дарьи. Завоевания кокандцев распространялись и на значительную часть Семиречья, до Илийской долины включительно. Завоевания закреплялись постройкой крепостей и городов, в которых селились колонисты из Ферганы—земледельцы, ремесленники и торговцы, вновь оживившие край, пришедший в запустение за несколько веков до этого. Борьба с Бухарой за важные стратегические пункты Ура-тепе и Джизак, закрывавшие вход в Ферганскую долину, велась с переменным успехом. Попытка подчинить Каратегин и Дарваз не имела решительных результатов; фактически эти владения далеко не всегда признавали власть кокандского хана.

Экспансия Коканда распространялась и на восток, где ханы стремились овладеть Кашгаром, что им, однако, не удалось, так как, хотя китайцы признали временно за кокандским ханом право собирать с Кашгара подать, кокандцы вынуждены были очень скоро уйти из Кашгара.

Население Бухарского ханства. Все население Бухарского ханства в момент проникновения в него русских состояло из оседлых и кочевых жителей. К оседлому населению принадлежали таджики, различные тюркские племена, издревле обитавшие в ханстве и окончательно ставшие земледельцами (вроде тюрков, карлуков и др.); арабы (в районе Бухары и Карши); марви—потомки иранцев, жители Мерва, уведенные в Бухару в конце XVIII в. эмиром Шах-Мурадом после разрушения им этого города и поселенные близ городов Бухары и Самарканда; цыгане (люли)—разбросанные в разных местах ханства, и евреи, жившие большей частью в крупных городах. Из иностранцев в ханстве проживали в значительном количестве по городам и большим поселениям лишь индийцы и отчасти персы.

Кочевое и полукочевое население в основном состояло из потомков многочисленных узбекских племен, в главной своей массе осевших в Кашкадарьинском районе и в долине Зарафшана и занявших там лучшие местности; к кочевникам и полукочевникам относились также некоторые местные тюркские племена, вроде хитай-кипчаков, меркитов (в Денауском вилайете) и других, а равно туркмены, преимущественно по прибрежной полосе правого берега Аму-дарьи от Чарджуя (между узбеками и казахами на северо-западной границе ханства) и казахи (преимущественно в северных степных районах ханства.) Общая численность всего населения ханства в середине XIX в., по всей вероятности, не превышала 2,5 млн. человек.

Основную земледельческую часть населения ханства и основной объект феодальной эксплоатации составляли многочисленные группы

старого коренного оседлого населения, а также некоторая часть перешедших к оседлости узбеков; к ним же принадлежали торговцы и многочисленные ремесленники.

Узбеки, в качестве победителей и завоевателей страны, давших ей династию из своего племени мангыт, занимали в ханстве наиболее привилегированное положение: большая часть чиновников бухарского административного аппарата была из узбеков.

Обособленные группы арабов, носивших название сейидов (действительные или мнимые потомки пророка), ходжей (потомки первых трех преемников Мухаммеда), и миров (потомка первых арабских завоевателей), представляли собой своего рода „божье племя" и входили в ту привилегированную прослойку, к которой принадлежало прежде всего весьма влиятельное, тесно сплоченное и фанатичное бухарское духовенство. Арабы в ханстве пользовались рядом привилегий, и для разбора их дел существовало особое управление.

Проживавшие в ханстве иноверцы—евреи, индийцы и другие—были поставлены законом в унизительное и тяжелое положение: они не могли одеваться в нарядное платье, ездить в городе верхом на лошади и жили обособленно в отдельных кварталах, носили отличительный знак своего бесправного положения—веревку, которая опоясывала их темные халаты. Мусульманин мог безнаказанно побить еврея, а где-нибудь за городом—и убить его. Впрочем, в Бухаре и заезжие европейцы должны были заменять свои костюмы одеждой, подобной еврейской. Этого не избежал даже лейтенант службы Ост-Индской компании Бёрнс, посетивший Бухару в тридцатых годах XIX в. Он вынужден был надеть на голову овчинную шапку, опоясаться веревкой, снять европейскую обувь и отказаться от верховой езды по городу, чтобы дать бухарцам наглядное представление о различии между правоверными и неверными.

Главным занятием бухарских евреев была окраска материй, шелковой, хлопчатобумажной пряжи для тканья. Индийцы в Бухаре делились на две категории. Одна из них—торговцы чаем, индиго и прочими индийскими товарами, другая—самая многочисленная—ростовщики. Эти последние снабжали мелкими ссудами по преимуществу бедноту на крайне тяжких для кредитовавшихся условиях.

Население Хивинского ханства. Население, обитавшее на землях Хивы, к приходу русских, по приблизительным данным, достигало 350—500 тыс. душ и состояло из оседлых и кочевых жителей с неизбежным промежуточным звеном—полукочевниками.

Основную часть оседлого населения, помимо потомков древнейшего хорезмийского населения, называвшихся „сартами" или „татами" и поселившихся еще в древности в Хорезме тюркских племен, вроде кипчаков, канглы и других, составляли различные племена и подразделения узбеков. К кочевникам и полукочевникам относились туркмены, каракалпаки, казахи и частично некоторые узбекские племена и роды. „Сарты" или „таты" обитали, главным образом, в городах и занимались торговлей; между прочим, в их руках была вся торговля с Россией, ведшаяся через Оренбург и отчасти Астрахань. Они же преимущественно были и теми превосходными земледельцами, поля и сады которых имели столь цветущий вид, вызывавший восторг русских путешественников. Поэтому хивинцы терминами „сарт" и „тат" обозначали купцов и простолюдинов-земледельцев. Положение этой группы населения было наиболее бесправным. Налоги и поборы с нее не регламентировались определенными нормами, но каждая семья

облагалась в зависимости от достатка, что вело ко всякого рода произволу и злоупотреблениям.

Узбеки, составляя наиболее многочисленную часть населения ханства, когда-то полагали недостойными для себя все мирные занятия и промыслы, кроме военного, но время и обстоятельства превратили большинство их в земледельцев—оседлых или полукочевников.

Каракалпаки, частью кочевавшие за Аму-дарьей (по ее правому берегу), частью в качестве оседлого населения, занимавшегося земледелием на юге от Аральского моря,—жили в большом угнетении и бедности. В 1820 г. их численность в ханстве определялась в 100 тыс. душ, вследствие частых туркменских набегов к пятидесятым годам их осталось до 20 тыс. душ; остальные выселились в Бухару.

Казахи, кочевавшие вместе с каракалпаками в низовьях Аму-дарьи, к пятидесятым годам XIX в., за исключением нескольких сотен кибиток, перебрались в русские степи, так что Амударьинская дельта к названному времени оставалась слабо заселенной. Незначительную часть населения составляли элементы арабского происхождения: арабы (в районах Гурлена, Питняка, Шахабада, Кият-кунграта и Нового Ургенча)-ходжи, сеиды и шейхи (шихи), жившие разбросанно, небольшими группами, в разных районах ханства.

Особняком стояли туркмены, кочевники и полукочевники: живя рядом с узбеками и другими народностями ханства, они сохранили полную обособленность и избегали с ними тесного общения. Их численность составляла приблизительно от 5 до 7 тыс. кибиток. Не раз вовлекаемые хивинскими ханами в свои династические распри, туркмены в конце концов заключили с ними договор, по которому они обязывались охранять Хиву от врагов своей вооруженной силой, за что им отводилось определенное количество танапов (земельная мера—около 4000 кв. *м*) поливной земли в зависимости от числа выставлявшихся каждой кибиткой вооруженных всадников (атлык); каждому из них платилось в год от 5 до 25 золотых, причем все их оросительные каналы хивинцы обязывались бесплатно чистить своими силами. По русским данным, относящимся к первым годам завоевания Хивы, земельный надел на каждого туркменского вооруженного всадника составлял 30 танапов поливной земли. Таким образом, к моменту русского завоевания ханства, туркмены составляли как бы своего рода казачье войско, обязанное защищать Хиву от вражеских нападений. Отношения между туркменами и прочими племенами ханства были довольно натянутые. Оседлое население ханства (особенно в его юго-восточной части) расположилось на головных и средних частях магистральных оросительных каналов, а в низовьях магистралей (на „хвостах") жили туркмены, которые всегда являлись страдающей стороной при орошении их полей, ибо к туркменам поступало или слишком мало воды, когда она особенно была нужна, или же от ее избытка сильно заболачивались поля и гибли посевы; эта несправедливость в распределении воды обостряла рознь хивинских туркмен с узбеками.

Население Кокандского ханства. Таким же пестрым по составу населения было и Кокандское ханство. Многочисленную группу населения составляли потомки древних жителей страны, жившие оседло и занимавшиеся земледелием, ремеслами и торговлей. Часть этого населения, сохранившая в большей чистоте свой этнический тип и язык—таджики, жила как на северной, так и на южной окраинах Ферганской долины, ближе к горам и в горных долинах. Таджикским же было население и горных земледельческих областей Памира, но-

минально числившихся во владении Кокандского хана. Отдельные селения с таджикским населением существовали также в области Ташкента.

Самой многочисленной группой населения Ферганской долины весьма сложного этнического состава, образовавшейся на протяжении многих веков из древнейшего населения и оседавших в разное время тюркских народностей, была группа тюркская по языку, но по быту не отличавшаяся сколько-нибудь существенно от таджиков. Она составляла главную массу оседлого земледельческого населения центральной части Ферганской долины, а также населения городов как в Фергане, так и в области Ташкента, в Семиречье и в южной части Казахских степей. Общим названием этой группы населения было „сарт", с которым, как и в Хиве, связывалось представление об оседлом жителе, горожанине, торговце. С этой этнически сложной группой постепенно ассимилировались оседавшие на землю киргизы и кочевые узбеки.

Узбеки, придя в Фергану в XVI в., долгое время вели кочевой образ жизни, совершая не только сезонные перекочевки с летовок на зимовья, но и переселяясь из одной части долины в другую в зависимости от феодальных и межплеменных междоусобных войн. Однако с течением времени уменьшение количества пастбищ, особенно в центральной части долины, вследствие общего возрастания населения, вызвало оседание кочевников и переход их к земледелию; при этом они постепенно воспринимали от старого оседлого населения его земледельческую культуру и быт. Это оседание у различных узбекских родов не происходило равномерно и одновременно. Значительная часть племени минг жила оседло, образуя целые селения. В других случаях более состоятельная часть рода, сохранившая скот, проводила время на летних пастбищах со своими стадами, а пахотные земли обрабатывались и охранялись так называемыми джатаками —бедняками, не имевшими скота. Сохранились отдельные группы ведшие кочевой образ жизни и не занимавшиеся земледелием.

К полукочевникам, расселявшимся на зимовках редко разбросанными хуторами (курганча), относились также кипчаки, сохранившие, по мнению Наливкина, более прочную родовую связь между подразделениями, что позволило им выступать в политической жизни ханства в качестве сплоченной и внушительной силы. Наибольшего политического значения кипчаки достигли в правление Шир-Али-хана (1842 —1845), когда Мусульманкул-кипчак, в результате восстания кипчаков, получил место первого сановника государства—мингбаши, отдав другие видные должности своим сородичам. Ненависть населения, вызванная поведением кипчакских главарей, и внутренние несогласия среди феодальной верхушки кипчаков привели к падению Мусульманкула, к жестокому избиению кипчаков, конфискации и распродаже их земель. С этого времени кипчаки потеряли не только политическое влияние, но и материальное благосостояние.

Значительную группу населения ханства составляли киргизы, населявшие преимущественно высокогорные пастбища. Киргизы больше других народностей сохраняли кочевой и скотоводческий образ жизни, а потому в большей мере сохранили и родовые пережитки— родовые и племенные деления, но к концу рассматриваемого периода, вследствие возраставшего классового расслоения и утраты скота беднейшей частью, они были вынуждены постепенно переходить к земледелию.

Повидимому, тогда уже оседлыми и полуоседлыми, но сохранившими остатки родового быта и родо-племенного деления были кара-

калпаки, переселенцы с низовьев Сыр-дарьи и из Хорезма, где они подвергались жестоким притеснениям.

На севере Кокандского ханства, в районе Ташкента, Чимкента, Туркестана, жили кочевые казахи, начинавшие также оседать на землю, и тюркская по языку группа, повидимому, смешанного происхождения—кураминцы, причислявшаяся к узбекам уже в XVII в.

Пришлое население представлено было относительно небольшим числом кашгарцев, выходцев из Восточного Туркестана во время китайского владычества, занимавшихся земледелием и ремеслами; индийцев—менял и ростовщиков, арабов и татар (ногаев), вышедших в XVII в. из России и поселившихся в одном кишлаке (Ногай-курган) около Ташкента.

Между всеми этими этническими группами нередко возникала вражда, что сильно осложняло политическую и экономическую жизнь ханства во все время его существования. Особенно силен был антагонизм между жителями оседлых оазисов и кочевниками. В обстановке непрекращавшихся феодальных неурядиц и междоусобиц кочевые народы играли всегда первую роль, захватывая власть в свои руки, тем более, что и сами ханы, происходя из племени минг, принадлежали к узбекской народности, среди которой были еще сильны кочевые элементы.

§ 2. ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие товарно-денежных отношений. Характерной чертой в экономике Узбекистана в изучаемый период является развитие товарно-денежных отношений, которое свидетельствовало об углублении процесса общественного разделения труда. Это сказалось, в частности, на намечающемся образовании сельскохозяйственных районов, снабжавших ремесленные центры определенным видом сырья, в частности, хлопком. В первой половине XIX в. бухарские купцы приобретали хлопок высшего качества преимущественно в Шахрисябзе; другим центром, поставлявшим хлопковое сырье и пряжу, был город Коканд, где, по словам анонимного автора „Обозрения Кокандского ханства", опубликованного в 1849 г., „выделка грубых бумажных тканей так же всеобща, как выделка льняного холста в наших русских селениях. Этими тканями одевает Кокания не только низший класс своих собственных жителей, но передает их в обильном количестве киргизам, кочующим на восток и север от ее пределов. Рои торговцев ежегодно рассеиваются по степям, отделяющим Коканию от России и Китая, и променивают стеганые бумажные халаты, одеяла и разных родов ткани на скот, кожи, сало, шерсть и меха". Одновременно возникают районы специальных ремесленных производств, снабжавшие своей продукцией всю Среднюю Азию и даже заграничные рынки. Бухара в первой половине XIX в. выступает как очень важный центр производства хлопчатобумажных тканей, которые шли в другие среднеазиатские области и в Россию. Роль поставщика бумажных тканей Бухара разделяла с Кокандом. Из Бухары и ферганских городов шли также и шелковые ткани; „в других местностях,— по отзыву русского наблюдателя середины XIX в., шелковые изделия не могут выдержать конкуренции Бухары и Маргелана". Центрами специального производства писчей бумаги был Коканд и Самарканд. Металлообрабатывающее производство было сосредоточено, главным

образом, в Намангане. „Почти все изделия из железа,—пишет тот же наблюдатель,—выходят преимущественно из рук наманганцев: ножами, долотами и другими столярными инструментами весь край снабжается оттуда же или из Бухары". Производство оружия (ружей, сабель и пр.) считалось специальностью Хисара. Наиболее крупным центром производства чугунных изделий являлась Бухара. Районы, прилегающие к степям, поставляли ремесленную продукцию, связанную со скотоводческим хозяйством: так, из Ташкента „вывозились в большом количестве в Коканд, Россию, особенно же в Бухару", узорные войлоки, войлочные шляпы и полосатые чувалы (мешки). Пуховые изделия Ура-тепе конкурировали в Средней Азии с кашмирскими. Обувь шла из Катта-кургана.

В XIX в. возникают первые (еще очень слабые) зародыши текстильного производства в форме распыленной мануфактуры. Уже в двадцатых годах XIX в. бухарские купцы, приобретавшие в Шахрисябзе высокосортный хлопок, использовали его „для производства собственных тканей, часть которых вывозится в Россию." В шестидесятых годах Пашино так описывает организацию текстильного производства в Ташкенте: „при бумажном производстве один капиталист раздает известным ему семействам очистку хлопка, другим пряденье, третьим ткачество, четвертым окраску и т.д., что не обязывает его ни к устройству помещения для мастеров, ни к покупке станов, ни к плате за то время, которое рабочие сидели бы без работы..." Большая доля труда падает на женщин и подростков, которые занимаются очисткой хлопка, пряжей, наматыванием нитки на цевки и проч. Наряду с образованием распыленной мануфактуры в текстильной промышленности отмечаются очень, впрочем, небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов (мельницы, толчеи, маслобойни и т.д.). В Коканде при Малля-хане (1858—1862) был основан пушечный завод, продукция которого в виде медных пушек шла на вооружение кокандского войска и крепостей (в частности, Ташкента).

Развитие ремесленного производства и образование промышленных центров явилось предпосылкой создания в будущем единого среднеазиатского рынка. Между отдельными рынками, поставлявшими те или иные виды сельскохозяйственной или ремесленной продукции, устанавливались постоянные связи. Широкую деятельность развивают купцы по скупке для вывоза товаров и сырья. Так, ташкентские купцы посылали „от себя по другим базарам комиссионеро для покупки нужных предметов из первых рук, для подрядов на поставку известной статьи к назначенному сроку и для заключения контрактов". Большое распространение в торговой жизни больших городов получило маклерство (далляли).

Развитие товарно-денежных отношений наглядно выразилось в изменении системы налогов в ханствах в смысле постепенного перехода к денежному обложению. Несмотря на то, что попрежнему в бюджете преобладали доходы натурой (хлебом), в первой половине XIX в. наблюдается относительное усиление роли денежных взносов. В Хиве, например, поземельный налог (салгыт) уже собирался деньгами. Зякат, поступавший раньше скотом, в XIX в. собирался с кочевников тоже деньгами. Переход к денежному обложению датируется для Хивы первым десятилетием XIX в. при хане Ильтузаре (1804—1806), либо при его преемнике Мухаммед-Рахиме.

Налоги, поступавшие по старому натурой, приобретали рыночное значение с учетом их товарной ценности. Так, от 30 до 40% хлеба, поступавшего из Самаркандской области в казну бухарского эмира, шло на рынок. В Хиве пускалось в продажу большое количество пшеницы и хлопка из ханских кладовых. В Коканде практиковалась сдача хлебных сборов на откуп за деньги.

Впрочем, удельный вес натуральных налогов, так же как и различного рода повинностей в пользу государства, остается в первой половине XIX в. еще довольно значительным. В числе „отработок" видное место занимали натуральные повинности крестьян, связанные с сооружением и ремонтом ирригационных систем, дамб и городских укреплений.

Отмеченные в хозяйственной жизни Узбекистана явления свидетельствовали о развитии производительных сил страны, но были недостаточно сильны, чтобы повлиять коренным образом на экономику, и специализация как сельскохозяйственных, так и промышленных районов находилась еще в зачаточном состоянии.

Способ производства оставался попрежнему феодальным. Но феодальное хозяйство не могло не подвергнуться воздействию рыночных отношений, а развитие хотя бы и небольших экономических связей между отдельными областями являлось предпосылкой политического объединения их и облегчало осуществление централизаторских стремлений ханов. Изменения в феодальном хозяйстве и развитие товарно-денежных отношений ускоряли также процесс разложения остатков родо-племенного строя, протекавший в течение XVI—XVII вв. Процесс этот завершился среди узбеков к началу XIX в. захватом общинных земель феодально-племенной знатью, в результате чего часть узбекского населения из свободных общинников превратилась в зависимых держателей земли. Подобного рода явление наблюдалось в рассматриваемое время не только среди узбеков, но и среди других народов Средней Азии, переходивших от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледелию, в частности, у каракалпаков.

Во главе каждого ханства стояла узбекская военно-феодальная знать, опиравшаяся в своем господстве над массами на союз с высшим мусульманским духовенством и дервишскими шейхами и связанная с представителями местного купечества. Основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне, занимавшиеся частью земледелием, частью скотоводством.

Захват общинно-родовых пастбищ племенной знатью приводил к резкому уменьшению поголовья скота у беднейшей части кочевого населения и вместе с феодальными войнами, продолжавшимися в Средней Азии на протяжении большей части XVIII в., вел к упадку скотоводческого хозяйства и ускорял переход кочевников или полукочевников к земледелию и оседлости. Однако в условиях орошаемого хозяйства переход к земледельческому труду был возможен, главным образом, в случае орошения новых пространств, поскольку все прежде орошенные и годные для земледелия площади были уже заняты. Рост земледелия вызвал поэтому усиленное развитие ирригационных работ в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. В Бухарском ханстве эти работы были предприняты в широком масштабе при Шах-Мураде (1785—1800) и продолжались его сыном Хайдаром (1800—1826). В Хиве оросительные работы также были возобновлены в последнее десятилетие XVIII в. при инаке Мухаммед-Амине, как толь-

ко ему удалось восстановить в стране спокойствие. Очень значительные площади были орошены при хане Мухаммед-Рахиме (1806—1825) и его преемниках в первой половине XIX в. Большой размах носили оросительные работы в первой половине XIX в. и в Кокандском ханстве, когда впервые были выведены крупные каналы из Сыр-дарьи, в то время как за весь предыдущий период своей истории Ферганская долина орошалась водою лишь из небольших горных речек.

В долине Зарафшана, в Хиве и в других вновь орошенных районах возникло много новых населенных пунктов (кишлаков), получивших большей частью названия по имени тех узбекских родо-племенных подразделений, из рядов которых выходили поселенцы (Кипчак, Мангыт, Найман, Сарай и т. д.). Большинство оседающих продолжало вести в течение довольно долгого времени полукочевой образ жизни. Насколько интенсивно уже в первой четверти XIX в. шел процесс оседания кочевников, видно из следующего примера. Кокандский хан Омар, желая пополнить свою казну, распорядился продать земли Наманганского вилайета, бывшие в пользовании живших там узбекских племен. Земли были скуплены в складчину целыми родами. Все участки, которые могли обрабатываться при искусственном орошении, перешли в частную собственность покупателей и были разделены между ними пропорционально внесенным ими паям. В общинном владении остались только горные пастбища.

Массовое оседание влекло за собой не только перестройку хозяйственного быта в смысле повышения удельного веса земледелия, но вызвало также значительный сдвиг в социальной структуре местного общества. Феодальная племенная знать, упорно пытавшаяся сохранить свою независимость от центральной ханской власти, в первой половине XIX в. в большинстве терпит поражение. Земли побежденных феодалов переходят теперь в распоряжение ханов, которые или оставляют их за собой в качестве личного земельного фонда, или зачисляют их в общий состав государственных земель (амляков), или жалуют своим родственникам и приближенным, выдвигающимся иногда из разных „безродных" людей. Усиливается скупка земли состоятельными людьми.

Расслоение деревни, в связи с проникновением товарных отношений, увеличивало применение наемного труда. Впрочем, наемный труд в сельском хозяйстве в первой половине XIX в. не имеет еще сколько-нибудь широкого распространения. Эксплоатация непосредственного производителя носила в основном феодальный характер, хотя в сельском хозяйстве в еще довольно широких масштабах применялся и труд рабов, особенно в Хивинском ханстве.

Техника земледелия в Бухаре. Пахотные земли в Бухаре были двоякого рода: засевавшиеся под атмосферную влагу (так называемые ляльми или бахари) и посевы на искусственно орошаемых участках (так называемые оби или джуи); первых было гораздо больше, чем вторых, они обрабатывались населением из прилегающих к ним районов.

В отличие от интенсивного хозяйства на искусственно орошаемых землях, полеводство на землях ляльми носило экстенсивный характер. Много земли, пригодной для посевов под весенние дожди, оставалось неиспользованной, лежало под перелогами, т. е. обрабатывалось не каждый год. Эти земли не были окончательно закреплены за их владельцами, и в том случае, если их забрасывали, они могли обрабатываться любым другим земледельцем. На землях ляль-

ми сеяли преимущественно ячмень и пшеницу. На поливных землях высевались: пшеница, ячмень, рис, просо, джугара, клевер, табак, хлопок и другие продовольственные и технические культуры. Сады, виноградники и огороды занимали весьма значительную площадь. Соотношение средней доходности одного танапа пахотной земли и одного танапа под садовыми культурами выражалось в следующих цифрах: 4 бухарских золотых (тилля) с посевных земель и 27 золотых с садов. Если учесть, что сады, виноградники и огороды занимали приблизительно половину всей культурной земли, общая доходность всех садово-огородных участков ханства, по приблизительным расчетам 1840 г., должна была составлять около 99 млн. золотых (при общей доходности обрабатываемых земель, равной 103 млн. золотом). По сравнению с соседним Хивинским ханством, даже при переобремененности населения всевозможными налогами и поборами, уровень благосостояния его в Бухаре все же был выше, чем в Хиве.

Земледелие в Хивинском ханстве. Техника земледелия в Хивинском ханстве была затруднена тем, что территория ханства, представляя собою равнину с общим пологим скатом к северо-западу, орошается единственной водной артерией — Аму-дарьей, в долине и дельте которой, то узкой, то широкой полосой, располагались культурные земли оседлого населения. Они орошались выведенными из Аму-дарьи большими каналами, в которые вода поступала самотеком. В верхних частях каналы ничем не регулировались, кроме расчистки, вследствие чего засорение их наносами представляло обычное явление. К тому же весенние и летние паводки Аму-дарьи не только не улучшали водоснабжения ханства, а ухудшали его: разрушались головы каналов и шлюзы, благодаря чему каналы настолько переполнялись, что вода переливалась через берега и затопляла поля и постройки. Отводная оросительная сеть от таких главных магистральных каналов (арна) была проложена глубоко в земле: это обстоятельство при очень малых уклонах поверхности почвы не давало возможности выводить воду на поля самотеком, как в Бухаре, но вынуждало население производить полив полей посредством чигирей — больших водоподъемных колес с прикрепленными к их ободьям глиняными кувшинами; колеса эти приводились в движение обычно лошадью или верблюдом. При вращении колеса кувшины черпали воду из глубокого канала, поднимали ее и выливали в жолоб или канаву, по которым она текла на орошаемое поле. При таком способе орошения полей семья могла обработать своими силами 5 танапов, которых при интенсивном земледелии было достаточно для существования, но при этом на полив одного гектара земли затрачивалось почти в четыре раза больше труда, чем в районах с самотечным орошением. Вследствие этого обработка крупных участков земли инвентарем и средствами владельца встречала большие затруднения, и владелец обычно являлся лишь получателем ренты с земли, обрабатывавшейся из части урожая или на других условиях мелкими земледельцами или арендаторами. Самотечное орошение существовало, но в крайне ограниченном масштабе только в концевых частях оросительных каналов. Следствием такого состояния орошения было то, что поливное земледелие в Хиве требовало от населения постоянной и напряженной борьбы с Аму-дарьей, являвшейся источником жизни всего ханства; эта борьба заключалась в ежегодной очистке магистральных оросительных каналов, в ежегодном устройстве и восстановлении их головных сооружений, в возведении и восстановлении за-

щитных дамб и в ежегодной очистке распределительной ирригационной сети. Все эти работы население производило в порядке натуральной повинности.

Земледелие в Кокандском ханстве. Техника земледелия в Кокандском ханстве почти не отличалась от техники земледелия в Бухарском эмирате. Орошение в Кокандском ханстве в основном носило самотечный характер, и чигири там почти не применялись. Для орошения использовались преимущественно воды мелких рек и потоков, ирригационное освоение которых представляло меньше технических трудностей, чем использование таких крупных рек, как Сыр-дарья. Водою последней пользовались для ирригационных целей лишь в ничтожных размерах.

Землевладение в Бухарском и Кокандском ханствах. Земли в Бухарском и Кокандском ханствах делились по признаку принадлежности на следующие основные категории.

Земли хераджные (замини-хераджи), составлявшие исконную принадлежность земледельческого населения страны: при арабском завоевании они были оставлены за ним, как обычные частные владения, но обложены податью харадж, взимавшейся в размере в два раза большем, чем если бы это были земли правоверного арабского населения. Однако и при полной впоследствии мусульманизации Средней Азии эти земли так и остались хераджными, с тою же податью харадж, взимавшейся, как выше упомянуто, в размере от $^1/_5$ до $^1/_8$ части урожая или в смешанном виде — частью урожаем в натуре, частью деньгами, в зависимости от размеров урожая, орошения, района и удаленности его от потребляющих центров.

Земли государственные или амляковые (замини-давляти, замини-амляк), образовавшиеся из орошенных после арабского нашествия, впусте лежавших земель (замини-мавот), которые находились в верховном владении государя страны; последний предоставлял обществам или отдельным лицам право оросить их на свои средства; в фонд этих земель входили также земли, конфискованные у разных лиц за совершенные ими преступления, выморочные земельные имущества и др. Предоставленные земледельческому населению на правах потомственного пользования владения и распоряжения, амляковые земли, как и хераджные, не были изъяты из гражданского оборота, но размеры взимающейся с таких земель подати, именуемой амляк (от арабского амляк—недвижимые имущества, земли) были больше, чем размеры хераджа, потому что последний представлял по шариату только плату за воду для орошения, а налог с амляковых земель включал плату и за воду, и за землю. Обычно амляк взимался (в Бухаре) с зерновых хлебов и хлопка по 3 батмана с каждых 10 батманов; за солому с трех батманов бралось 15 тенег, по 5 тенег с батмана; с танапа клевера взималось по 20 тенег, с танапа винограда — по 30 тенег и т. п. (стоимость бухарской и кокандской тенги к приходу русских была около 20 коп. серебром). Однако на практике в разных местностях бывали большие отступления от этого порядка в зависимости от обилия оросительной воды и урожайности вообще. Как уже упоминалось, амляковые земли, наравне с хераджными, также были предметом всевозможных сделок. Вместе с тем они являлись источником для всякого рода земельных пожалований, аренд и прочих временных видов вознаграждения разным лицам и даже целым обществам, чем-либо отличившимся на службе. Эти пожалования назывались танхо. Право сбора податей с них тан-

ходары (те, кому жаловалась во временное пользование земля) могли сдать кому-либо в аренду или на откуп, или взимать подати непосредственно сами. Сидевшее на таком участке население не испытывало никаких перемен от подобного пожалования, ибо земледельцам было совершенно безразлично, кому платить подать—эмиру или другому лицу. Недоразумения между танходаром и населением разрешались главою государства, как верховным владетелем этих земель.

Такого рода пожалования особенно широко практиковались в Бухарском ханстве при эмире Хайдаре (1800—1826), когда число лиц, пользовавшихся подобного рода правами, достигало будто бы 36 тыс. человек, что, разумеется, значительно ослабляло ханскую казну.

Кроме указанных владений, существовали частновладельческие земли, освобожденные от каких бы то ни было налогов в силу особых ханских или эмирских грамот и принадлежавшие как отдельным лицам, так и целым обществам. Такие земли обозначались арабским термином мульки-хурри-холис, или сокращенно мульки-хурр, т. е. „частное землевладение, свободное от налога". Земли десятинные (замини-ушри, мульки-ушри и ушрия), с которых взималась наименее обременительная подать в размере $^1/_{10}$ части дохода, находились во владении арабов (сейидов, ходжей, миров). Личные ханские или эмирские земли (ханлык, падшалык, замини-амири, в документах—замини-хасс—земли специально государя, привилегированные) состояли из садов, дач и земельных участков, приобретавшихся путем покупки, орошения мертвой земли, конфискации у подданных, когда хан или эмир вместо передачи таких земель в фонд амляков незаконно присваивал их себе, и другими способами. Этот земельный фонд, повидимому, никогда не был большим, по крайней мере, в Бухарском ханстве; по местным и русским архивным данным, даже в наиболее цветущей части Бухарского ханства, в долине Зарафшана, их было всего 1700 десятин; немного больше этого находилось в прочих частях ханства.

Особую категорию составляли так называемые вакуфные земли (мульки-вакф), изъятые из частного владения по особым записям или дарственным (вакф-намэ) и завещанные их владельцами „во спасение своей души" в пользу мечетей, мазаров, ханака (дервишских общежитий) и медресе, или же в пользу объектов общественного пользования (на постройку и поддержание караван-сараев, водоемов, колодцев, общественных проезжих дорог и т. п).

Вакуфные земли не подлежали ни купле, ни продаже и „оставались в силе вечными, записанными в книгу и постоянно существующими до того момента, когда наследует Аллах землю и все, что на ней". С этих земель налогов не взималось и арендная плата за их эксплоатацию поступала в пользу тех духовных учреждений, которым была завещана данная земля, причем в вакф-намэ обязательно указывалось, кто именно должен быть распорядителем (мутавалием) доходов с земли и как они должны распределяться. Исключения из этого представляли лишь земли, составлявшие семейные вакфы (вакфи-авлад), т. е. завещанные в пользу семьи или сына вакфодателя и как бы соответствовавшие западноевропейским майоратам.

В Кокандском ханстве при распределении земли, бывшей в общинном владении, каждый крестьянин являлся с парою волов (кош), запряженных в деревянный плуг, и с кетменем (мотыгою) для обработки земли. Если количество земли позволяло, он

мог явиться с несколькими кошами и, следовательно, мог занять и большие полосы. Бедняки соединялись вместе и обзаводились кошем на общий счет. Если же земли было недостаточно, она делилась на столько равных частей, сколько было заявлено кошей. Распределение участков производилось по жребию, сообразно выставленному каждым соискателем числу кошей.

В условиях малоземелья и маловодья беднейшие крестьяне вынуждены были работать исполу на чужих землях. Создались кадры неимущего крестьянства, живущего на чужой земле и обрабатывавшего ее из половины, из одной четверти урожая и т. д., откуда и местные названия таких издольщиков—ярымчи, чайрикер и др.

Примером того, как возникал институт издольщиков, может служить нижеследующий факт.

Когда известный в истории Ферганы временщик Мусульманкул в начале пятидесятых годов XIX в. получил от хана Худояра ярлык, предоставлявший ему право оросить большие, впусте лежавшие земли, он кликнул клич: „Кто хочет получить поливную землю в свое пользование и владение, пусть идет к нему рыть арыки". Безземельная беднота со всей Ферганы устремилась к нему в более чем нужном количестве и в короткое время пустопорожние земли Мусульманкула были орошены и заселены с правом пользования землей исполу.

Внутри самих селений наблюдалось значительное расслоение и обезземеление, шедшее не только за счет выдела женатых сыновей в отдельные хозяйства и происходившего вследствие этого дробления владений на мелкие участки, но главным образом и за счет скупки земель у неимущих дехкан богатыми, которые путем ростовщических ссуд закабаляли бедняков и скупали у них земли, а их самих оставляли на ней издольщиками.

Кроме податей и налогов, крестьянство выполняло также такие натуральные повинности, как ежегодная очистка и ремонт ирригационной сети, содержание в исправности старых и проведение новых дорог, содержание водного надзора и т. п.

Землевладение в Коканде, в основном, было построено по тем же принципам, как и в Бухаре. Следует лишь отметить, что в Кокандском ханстве более, чем в других ханствах, применялась наемная рабочая сила в сельском хозяйстве и, наоборот, очень мало использовался труд рабов.

Землевладение в Хивинском ханстве. Землевладение в Хиве имело свои особенности. Большая часть земель, принадлежавшая казненным или изгнанным феодалам, поступила при Мухаммед-Рахиме в распоряжение центральной власти. Часть этих земель хан оставлял за собой и за своими родственниками, а все остальные были включены в государственный земельный фонд и либо передавались непосредственно крестьянам, либо жаловались сановникам, сдававшим их крестьянам от своего имени. Такие пожалования широко практиковались для привлечения на сторону хана представителей господствующего класса, а также и рядовых воинов.

По приблизительному определению Данилевского, „простому народу" принадлежало немного более половины всей культурной земли. Вся остальная земля являлась собственностью хана, его сановников, крупных торговцев и религиозных учреждений с их большими вакфами. Крестьянское землевладение имело хуторской характер, причем обладание только одним танапом земли (танап хивинский

—4000 *кв. м.*) не считалось пределом бедности. Весьма значительным был процент безземельных (биватан), которые работали в качестве батраков или издольщиков на землях крупных землевладельцев.

Личные ханские земли состояли из посевных, поливных площадей, садов, бахчей и усадеб-поместий. Они сдавались в аренду „смотря по доброте (качеству земли) из третьей, четвертой и пятой части урожая", по свидетельству русских пленных и путешественников,—за третью часть дохода с них. Количество этих земель в 40-х годах XIX в. исчислялось приблизительно в 2900 десятин. Эти земли обрабатывались крестьянами, иногда принудительно переселяемыми на них, и рабами, которые покупались с этой целью в весьма широких размерах.

Земли, принадлежавшие хивинским царевичам, по способу их приобретения могли быть пожалованными ханом, наследственными или покупными. Все они принадлежали своим владельцам на правах собственности и были освобождены от налогов; значительная часть их лежала на правом берегу Аму-дарьи. Сами „высокие" владельцы этих земель никогда на них не жили, как не жили и лица, состоявшие при них и управлявшие этими землями; они предпочитали пребывать в столице ханства — г. Хиве. На землях сидели издольщики, которые платили владельцам за пользование землей и водой значительную часть урожая; помимо этого землевладелец получал также плату за торговые места на базарах. Издольщики обычно приходили с левого берега Аму-дарьи, где у них были свои усадебные наделы,

Земли, составлявшие, главным образом, собственность сельского населения Хивы, назывались адай-мульк; они были расположены в окрестностях четырех крупнейших городов ханства и в районах Багада, Кята, Шахабада, Газавата, Кош-купыра, Питняка и Кунграта.

Особняком стояли вакуфные земли. Они были очень обширны по сравнению с общей площадью пахотных земель ханства; например, медресе г. Хивы владели вакфами в десять тысяч танапов земли, расположенной в лучшей части ханства.

Светские и духовные феодалы. Борьба бухарского эмира и ханов как кокандского, так и хивинского, за власть с феодальной знатью, в первую очередь—с особо влиятельными главарями отдельных племен, в первой половине XIX в. еще далеко не была закончена. В границах всех трех государств оставались мелкие владения, правители которых признавали, как уже сказано, только номинально власть своих государей. К ним относились земли туркменских племен в Хивинском ханстве, шахрисябзские владения в Бухаре и некоторые горные области Припамирья и Памира, считавшиеся формально во владении Коканда. Но все же на базе начинавшегося (правда, еще в очень слабой степени) экономического объединения страны происходило, с одной стороны, некоторое усиление государственной централизации в ханствах, с другой — значительное уменьшение влияния феодальной и родовой знати, которая постепенно становилась опорой ханов. Этот процесс к середине XIX в. еще не был завершен, но он послужил соответствующей подготовкой и создал предпосылки для значительного укрепления власти ханов в следующий период, когда территория современного Узбекистана сделалась колонией царской России.

В значительно большей мере сохраняло свое влияние духовенство. К нему примыкало многочисленное студенчество высших богословских школ (медресе), с которым центральной власти приходилось

считаться. В Бухаре студенчество делилось на две партии, или на два землячества. Одна—состояла из уроженцев г. Бухары и тяготевших к нему округов, а другая—из уроженцев восточных областей. Обе эти партии, враждуя между собой, выставляли каждая своих кандидатов на тот или иной высокий пост в духовной иерархии ханства. Нередко и духовенство с помощью студенческих демонстраций добивалось удаления с поста того или иного высокого светского сановника.

Дервишские ишаны, или шейхи, широко эксплоатировали земледельцев и кочевников-скотоводов. Из наиболее распространенных дервишских орденов в Бухарском и Кокандском ханствах в XIX в. самым влиятельным и богатым оставался орден накшбендия, или ходжагон; он попрежнему имел множество последователей среди самых различных классов населения; его мазары, ханака и другие учреждения обладали огромными вакфами. Его ишаны пользовались большим почетом и значением у населения, были людьми богатыми, владевшими землями и большими стадами скота.

Кроме накшбендия, в Хиве был распространен орден кубравия.

Помимо своих непосредственных учеников-дервишей, скитавшихся по улицам городов, питавшихся подаянием и живших в особых общежитиях (ханака), каждый ишан имел многочисленных последователей, принадлежавших к разным слоям населения, которые слепо повиновались его указаниям, обращались к нему за советами во всех затруднительных случаях жизни и щедро уделяли ему в дар посильные подношения. Почти все ремесленники, купцы и чиновники городов были членами этих своеобразных братств, в которые входили также и многочисленные земледельцы и кочевники-скотоводы, так что число послушных последователей особо влиятельных и авторитетных ишанов исчислялось десятками тысяч человек, разбросанных по огромной территории. Дервишские руководители-наставники не принадлежали к сословию официального духовенства (улема), которое всегда косо смотрело на них, в частности за то, что они были сильными конкурентами, отбивавшими у него доходы. Дервишские ишаны, со своей стороны, стремились сочетать свое учение с основами мусульманской религии и ее догматами; давно уже отказавшись от проповедывавшихся прежде принципов суфийского аскетизма и отречения от мира, они превратились теперь во властных духовных феодалов, столь же враждебно и реакционно настроенных по отношению ко всяким новшествам и ко всему иноземному, как и представители господствующей церкви.

Ремесло и ремесленники. Верхушка купечества была фактически неотделима от феодалов, владея так же, как и они, крупными земельными участками на правах мулька и используя на этих землях труд издольщиков. Городские земли, в частности рынки, где были сосредоточены мастерские ремесленников, находились во владении отдельных светских и духовных феодалов, получавших с ремесленников и мелких торговцев значительные доходы за право пользования местом на базаре. Высший слой ремесленников составляли мастера—владельцы мастерских, материалов и орудий производства. Низший общественный слой города состоял из многочисленных ремесленных подмастерьев и городского полупролетариата: носильщиков, водоносов, поденщиков и т. д.

Ремесленники и мастера были объединены так же, как в европейских средневековых городах, в цеховые организации, руководящая роль в которых принадлежала особо зажиточным и авто-

ритетным мастерам. Эти цехи имели свои правила поведения для входивших в них членов, свои церемониалы и свои письменные уставы или статуты (так называемые „рисоля"). Ремесло, как и всякое занятие, которым человек добывает себе пропитание, по воззрениям мусульман имеет божественное происхождение („ремесленник—друг Аллаха",—гласит приписываемое Мухаммеду изречение), поэтому основоположниками и покровителями цехов считались различные пророки и святые. Всего насчитывалось 32 ремесленных цеха или промысла, хотя в действительности их было больше. По своей организации эти цехи представляли собой нечто сходное с дервишскими братствами. Старший мастер (уста), игравший как бы роль пира или старца-руководителя, был главою всех ремесленников данного цеха, проживающих в том или ином городе, через него принимались от обывателей заказы, и он же распределял их по мастерам. Дисциплина в цехах была крепкая и ею достигалась большая профессиональная сплоченность. Всякое нарушение твердо установленных правил влекло за собою изгнание из цеха.

Ремесленные предприятия, как правило, были мелкими. Наемный труд в них применялся в весьма ограниченных размерах. Только в текстильном производстве намечались зародыши более широкой организации в виде распыленной мануфактуры с использованием труда рабочих, выполняющих работу на дому, но и то, надо полагать, в очень еще ограниченных размерах. В сравнительно небольших размерах ремесленники работали на заказ, непосредственно для потребителя (особенно в таких производствах, как строительное, шитье одежды и обуви и пр.), но подавляющая часть продукции изготовлялась на рынок, удовлетворявший в первую очередь местные потребности.

Торговля. Внутренняя торговля между среднеазиатскими ханствами в рассматриваемый период развивалась медленно.

Рост внешней торговли Средней Азии в первой половине XIX в. отразился на состоянии местного производства, не вышедшего из рамок ремесленной мелкой промышленности и потому оказавшегося не в состоянии выдерживать конкуренцию с капиталистической промышленностью России и других стран.

На первом месте по размерам торговых оборотов стояла торговля бухарских купцов с Россией. Большие караваны приходили в течение лета на три пункта оренбургской пограничной линии и на один—сибирской, между тем как из Ирана приходили в Бухару три, редко четыре каравана в год. Торговля Бухары с Кокандом, Ташкентом, Кашгаром, Яркендом, Хивой и Афганистаном была более оживленной: караваны между ними ходили едва ли не круглый год. Тем не менее самые значительные торговые обороты были с Россией: например, за десятилетие, с 1840 по 1850 г., в Бухару из России было ввезено разных товаров на сумму 5 225 287 руб., а вывезено оттуда на 7 300 248 руб.

Хивинская торговля ко времени подчинения ханства русскому царизму также была исключительно караванная; она велась с Россией (через Оренбург и Астрахань), Бухарой и Ираном. Хивинские караваны совершали путь до Оренбурга протяженностью в 1380 *км* в 40—55 дней. Дорога шла через города Ташауз и Куня-Ургенч, пересекая Усть-урт, на котором не бывает глубоких снегов. По этому маршруту направлялась главная масса товаров, меньшая же часть товаров шла через Мангышлак в Астрахань. За десятилетие, с 1840 по 1850 г., хивинцами было вывезено в пределы России разных товаров почти на 1.400 тыс. руб. (хлопок, сухофрукты, бумажные ткани, марена и

пр.) и на такую же сумму привезено из России в Хиву шерстяных и бумажных тканей, красок, сахара и т. п. С Бухарой Хива торговала преимущественно русскими котлами и железными изделиями, ножами, шелком-сырцом и кунжутом (в семенах и масле); бухарцы же снабжали Хиву табаком, который составлял важную статью их торговли с хивинцами, бумажными изделиями до халатов включительно, разными мехами и мерлушкой, индиго и зеленым чаем.

Из Ирана в Хиву шли ситцы, бумажное полотно и пр.; в обмен на это иранцы получали от хивинцев наличную звонкую монету хивинской и русской чеканки, русские кожи, сукна, хивинские шелка и пр. Торговля была сосредоточена, главным образом, в руках ургенчских купцов, забиравших наибольшую часть продукции всего ханства.

Из Коканда в Бухару и Кашгар вывозились шелковые ткани, бархат, шерстяные ткани, изделия из войлока и шляпы. В Бухару шел также шелк-сырец. Большую роль в торговле Коканда играли транзитные товары из Китая и России (чай, шелк, фарфор, металл и металлические изделия, текстиль, сахар и т. д.).

Рабы. Особую общественную группу в ханствах составляли рабы.

В Бухарском ханстве они состояли почти исключительно из иранцев, русских и отчасти калмыков; первых поставляли на бухарские рынки туркмены, разорявшие соседний Хорасан своими постоянными аламанами (набегами); русских рабов поставляли казахи и киргизы, захватывавшие солдат и мирных жителей с оренбургской и сибирской пограничных линий. Главными невольничьими рынками были Бухара, Самарканд, Кара-куль, Карши и Чарджуй.

В конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия, т. е. накануне вторжения русского царизма в ханство, цена на невольников была, по свидетельству Вамбери, такова: на мужчин от 10 до 40 лет —от 35 до 80 бухарских золотых (т. е. от 140 до 320 руб. золотом); на женщин от 10 до 40 лет—от 30 до 40 золотых (от 120 до 160 руб.), в зависимости от красоты, крепости и физической силы раба. Трудно сказать, сколько всего было в ханстве рабов, но об общей численности их можно судить по тому факту, что после присоединения к России Самаркандского вилайета в одном лишь Самаркандском районе оказалось до 10 тыс. рабов. Исходя из этой цифры, можно предполагать, что общее число рабов в ханстве было весьма значительным. Рабы-иранцы, покупавшиеся эмиром (так называемые зархарид—буквально „купленный на золото") и выделявшиеся смышленностью и способностями, зачислялись на службу в армию и по администрации; многие из них достигали „степеней известных"—до должности высшего сановника в государстве (кушбеги) включительно. Перед самым приходом русских эмир Музаффар имел рабов-иранцев не только в своей свите, но и целый конвой из них, что вызывало большое недовольство его правоверных подданных. Так, на одном из новогодних празднеств (саиль) в Самарканде, шумно и весело праздновавшемся всеми жителями, на Чупан-ата явился бывший тогда в Самарканде эмир Музаффар, окруженный блестящей свитой почти исключительно из рабов-иранцев. Уличный певец, приветствуя эмира цветистыми стихами, не побоялся выразить в них недовольство народа тем, что эмир окружает себя „нечистыми тварями" (макрух): „Бойся их: они причинят тебе много неприятностей и хлопот".

Сравнительно много рабов было и в Хивинском ханстве. Главными поставщиками рабов на хивинские рынки были туркмены и казахи: первые доставляли иранцев и курдов, а вторые—русских, татар,

немцев-колонистов и пр. Хивинские работорговцы и сами нередко выезжали в степь, в кочевья туркмен и казахов, за живым товаром. Главными рынками служили обычно все большие базары в городах Хиве, Ургенче, Кунграте, Ходжейли, Ханка и др., а на правом берегу Аму-дарьи—в Шурахане и Шейх-Аббас-вели, куда туркмены пригоняли на продажу рабов. Случалось, что на базар приводили зараз по 200 и более невольников; продажа шла поодиночке и партиями. За несколько дней до прихода в ханство царских войск в 1873 г. туркмены привезли в Хиву до 300 рабов, но покупателей, вследствие смутного и напряженного времени, не нашлось, и вся партия была обратно уведена в степь. Цены на рабов, как и в Бухаре, зависели от возраста, пола и физических качеств невольника. Крепкий, здоровый мужчина не шел дороже ста малых хивинских червонцев (180 рублей); молодые женщины, а тем более девушки, стоили до 300 таких червонцев (до 540 рублей). Почти по такой же цене продавались мальчики до 15 лет. Невольники обрабатывали поля своих господ—хивинцев, ухаживали за садами и огородами, выполняли все тяжелые, черные работы. Весною их выгоняли в поле для очистки оросительных каналов перед напуском в них воды. Они ежедневно мололи муку для своих господ на ручных жерновах и толкли крупу в ступах, делали арбы и телеги и все земледельческие орудия. По словам русского современника, „все домашние тягости суть беспрерывное упражнение пленных, так что (они) не имеют ни малейшего времени во дни, кроме небольших минут, поесть и несколько часов соснуть на отдохновение: малейшее упущение и остановление положенной работы наказывалось всегда ударом плети. Содержание их пищею: две пресные из джугары с пшеничной мукой тонкие лепешки в день, иногда жидкая пустая каша и очень редко небольшой кусок худого мяса. Овощи и плоды не иначе позволяют есть, как которые начинают портиться. Из одеяния—одна рубаха из низшего сорта хлопчатобумажной ткани; халат на два года, обувь дают редко, да и то изношенную; для постели дают небольшое количество соломы и тростника... Три раза в году, во время байрама (т. е. праздников) дают невольникам свободу на два дня; в сие только время они могут друг с другом видеться". „Они вне всякого закона, жизнь их зависит от воли господина". В наказание за побег на пятках делались надрезы, в которые вводилась нарубленная щетина, а за наброски рисунков и планов--выдавливались из орбит глаза: так поступили, между прочим, хивинцы с одним англичанином, сорок лет пробывшим у них в рабстве и освобожденным русскими из плена в 30-х годах. XIX в.

Использование рабского труда на землях феодалов в Хивинском и в Бухарском ханствах не влияло на основной способ производства, который оставался феодальным.

§ 3. УПРАВЛЕНИЕ И ФИНАНСЫ

Власть эмира и ханов. Являясь своеобразным типом мусульманского теократического государства, Бухара была во многих отношениях совершенно несходна по своему политическому строению с мусульманскими государствами Ближнего Востока, вроде Турции, Ирана и Египта, которые уже давно вошли в тесное соприкосновение с европейскими государствами.

В XIX в. государственное устройство Бухарского ханства представлялось в следующем виде. Во главе государства стоял эмир, т. е.

князь. Этот арабский титул, принятый правителями мангытской династии, должен был обозначать, что они всего лишь правители одной из областей теократически единого мусульманского государства, во главе которого стоит халиф—наместник или преемник Мухаммеда. Но так как бухарский эмир управлял своей страной не по назначению халифа, а в силу принадлежавшего ему права, и был облечен властью, не ограниченной ничем, кроме веления „божественного" закона (так называемого шариата), то фактически в своих владениях он был совершенно самодержавным независимым государем. Особого государственного бюджета не было, а была лишь единая казна эмира.

Подобно власти эмиров в Бухаре, те же права и функции самовластного управления народом и неограниченного распоряжения жизнью и имуществом подданных присвоили себе и ханы самого молодого из трех государств, сложившихся в Средней Азии,—Кокандского ханства. Так же, как и в Бухаре, лично принадлежавшие хану имущество и казна не были отделены от казны государственной. Ханство считалось вотчиной, собственностью хана, управлялось и эксплоатировалось по произволу хана, его чиновников и приближенных. Верховным правителем населения Хивы был хан из узбекского племени кунграт. О существе ханской власти можно сказать словами русского путешественника первой четверти прошлого века, что его правление—„самовластное, не ограниченное ни законами, ни общественным мнением, и потому зависит совершенно от воли самовластного владыки, который взирает на ханство, как на свое поместье, и управляет оным для личной своей выгоды и обогащения. Все сделанные им постановления клонятся к той же цели, и хивинцы суть его принадлежность и рабы". Мухаммед-Рахим-хан I (1806—1825) учредил верховный совет для обсуждения различных государственных вопросов, сложных тяжебных дел и проч. Этот совет существовал до прихода русских. Он собирался под председательством хана в определенный день недели и состоял из высших сановников, ханских любимцев и представителей главных узбекских племен.

Центральное управление. Стремление бухарских эмиров к политической централизации привело к созданию громоздкого бюрократического аппарата и многочисленного штата чиновников, получавших в вознаграждение за службу танхо и пополнявших свои доходы взяточничеством, произвольным увеличением налогов в свою пользу и т. д. Хозяйничанье чиновников ложилось тяжелым бременем на купечество, крестьянство и ремесленников, не говоря о сельской и городской бедноте, и увеличивало тяжесть налогового гнета.

Высшая административная власть в Бухаре—столице ханства—принадлежала первому сановнику страны и заместителю эмира при его отлучках из г. Бухары—кушбеги. Как показывает само название, кушбеги первоначально был начальником птичьей и ружейной охоты эмира, но звание это давно уже утратило свое реальное значение. Фактически кушбеги в описываемое время был не только начальником столицы, но и старшим вазиром—своего рода премьером, ведавшим всеми административными и хозяйственными делами ханства, и ни одно дело без него не доходило до эмира; вместе с тем, кушбеги был правителем (хакимом) Бухарского вилайета, т. е. г. Бухары и его округа, состоявшего из десяти районов, или туманов. Ему подчинялись также хакимы или беки всех прочих областей ханства. Кушбеги жил в цитадели столицы—арке, где жил и эмир. При отъезде последнего

из города, кушбеги, в качестве заместителя эмира, не имел права выезжать из арка ни при каких обстоятельствах.

Вторым по значению лицом после кушбеги был так называемый в просторечье „нижний кушбеги" (кушбеги-и-паян), проживавший у подножья арка, где была его канцелярия (отсюда и его название). Он ведал финансовой частью ханства, главным образом, поимущественным налогом (зякатом); вследствие этого, нижний кушбеги, как глава всех сборщиков зяката в государстве, назывался также „верховным сборщиком зяката" (зякатчи-калян). В случае отсутствия кушбеги, этот сановник замещал его в должности, а при выезде из страны эмира или во время тяжелой его болезни, в управление вступали оба кушбеги. Будучи в чине диванбеги и соответствуя по своим функциям в известной степени европейскому министру финансов, этот сановник был также начальником всех диванбеги, состоявших при правителях наиболее обширных областей (вроде Чарджуйского, Керминского и других вилайетов).

Начальник гарнизона г. Бухары, носивший звание топчибаши-и-лашкар, т.е. начальник войсковой артиллерии, являлся вместе с тем начальником всех командиров воинских частей ханства; поэтому он нередко именовался также военным министром (вазир-и-харб).

Разнообразные служебные функции второстепенного характера исполнялись служащими разных чинов. Все служилое сословие (амальдары) состояло из светских и духовных лиц: первые принадлежали к военному сословию (сипахиян), вторые—к духовенству (улема); к последним относились ученые богословы, законоведы и профессора (мударрисы) высших конфессиональных школ (медресе). Все—шейх-уль-ислам, судьи, муфтии, раисы и др.—назначались из этого сословия. Они одни имели право появляться в присутствии эмира неподпоясанными.

Если в прежнее время, приблизительно в XVI—XVII вв., административный аппарат Бухары был построен на соответствии звания с исполнявшимися обязанностями, иначе говоря, если прежде чин связывался с определенными функциями, то к моменту проникновения русских в Среднюю Азию этого уже не было. Чины были только почетными званиями и давались за выслугу лет или за те или иные заслуги; представители улема возводились по тому же принципу в свои особые установленные для них звания.

Также в основном было организовано административное управление в Хивинском и Кокандском ханствах, где светские и духовные феодалы и чиновники, не получавшие определенного содержания, тоже „кормились" за счет управляемого населения. Среди ханских сановников Хивы на первом плане в первой половине XIX в. стоял кушбеги, являвшийся не столько своего рода первым министром, сколько самым почетным человеком, получавшим директивы непосредственно от хана. Он имел большое значение, потому что заведывал оседлым населением всей южной половины ханства. За ним следовал, разделяя его значение, влияние на дела, другой сановник—михтар (собственно—конюший), которому подчинялось оседлое население северной части ханства. Ко времени занятия Хивы царскими войсками первый сановник ханства был в чине диванбеги, но занимавший эту должность Мадмурад, повидимому, выдвинулся случайно, как своего рода временщик. Чин инака, раньше имевший значение полномочного владетеля и считавшийся высшим званием после ханского достоинства, теперь утратил свое значение, и его полу-

чали два-три лица из родственников хана. Старший из них, бывший в 1873 г. правителем Хазараспа, носил титул амир-ул-умара (правитель правителей).

Главным сановником Кокандского ханства являлся мингбаши (тысячник, начальник отряда в тысячу человек), соответствовавший по своему значению кушбеги Бухарского ханства. Важную роль играл в административно-политическом отношении назначаемый ханом правитель Ташкента, носивший титул бекляр-беги (бек-беков).

Представители духовной знати—улема—могли занимать в узбекских ханствах не только высшие духовные или судебные, но и административные должности, выступая в качестве правителей областей, военных начальников и т.д. В Хивинском ханстве наиболее видные лица из высшего духовенства, подобно средневековым епископам, имели, как и светские феодалы, собственную дружину (нукеров). Ведя борьбу с представителями узбекской племенной знати, узбекские ханы XIX в. охотно пользовались поддержкой духовенства и, в свою очередь, стремились усилить его удельный вес в местной общественной и политической жизни. С этой целью ханы XIX в. выдвигали на высшие государственные должности совершенно „безродных" людей, иногда даже из вольноотпущенников.

Местное управление в ханствах. Бухарское ханство к приходу русских состояло из нескольких областей (вилайетов), из которых Бухарский и Самаркандский делились в свою очередь на районы (туманы), а прочие — на поземельно-податные участки. Во главе каждой области стоял губернатор или правитель, называвшийся по-арабски хаким или мир, а по-узбекски—бек; в местах, наиболее отдаленных от областных центров, бывали представители или заместители областных правителей (по-узбекски так называемые бекча). Амлякдары, ведавшие поземельно-податными участками, производили сбор государственной подати с частных земель (амляков) через подчиненных им лиц низшей администрации: аксакалов (сельских старост), аминов (сборщиков налогов), мирабов (районных или участковых водных надзирателей) и проч. Ответственным за исправное поступление податей являлся правитель области. Для выполнения обязанностей полицейского характера при областных правителях и амлякдарах состояли так называемые нукеры, представители того иррегулярного войска, которое называлось нукария. В сельских местностях власть принадлежала даругам (начальник района); в каждом крупном селении был свой даруга; несколько мелких селений объединялось в один округ. Кроме этого, при правителях области, как и при кушбеги, при верховном зякатчи и других высших административных лицах, состояли люди без чинов, так называемые шагирд-и-пеша (дословно—ученик того или иного дела, ремесла), а при начальствующих лицах из улема (при судьях, раисах и прочих)—мулазимы (дословно - безотлучно присутствующие). В случае усердного и внимательного выполнения возлагавшихся на них поручений, шагирд-и-пеша и мулазимы переводились в служилое или военное сословие. Власть местных чиновников не регулировалась никакими правительственными инструкциями, вследствие чего открывалось широкое поле для всякого рода злоупотреблений и насилий. Все бухарское чиновничество, не получая определенного содержания и довольствуясь пожалованием халатов, денежными выдачами к праздникам и арендами (танхо) за те или иные заслуги, кормилось за счет населения при сборе с него всяких податей и повинностей. Этому способствовало

и совершенное отсутствие приходо-расходных годовых росписей государственного бюджета. Так называвшиеся „дафтарные записи", т. е. налогово-податные росписи по каждой области, составляли секрет эмира, кушбеги и диванбеги столицы и потому ни плательщики налога, ни чиновники не знали точно, сколько первым нужно платить, а вторым—сколько брать. Губернатор только знал, сколько всего в год он должен представить эмиру податей по дафтарным записям своей области.

Местное управление Хивы было тесно связано с делением ханства на округа, в которых правили хакимы (правители) или в некоторых случаях их заместители (наибы), а иногда и судьи (казии). На территории ханства, лежавшей по правую сторону Аму-дарьи, земли, прилегавшие к городам, были большей частью свободны от всяких налогов и управлялись самими помещиками, принадлежавшими к ханским родственникам; каждый из них имел здесь своих управляющих (диван-беги), приезжавших сюда на время уборки хлеба, чтобы следить за приемкой зерна и прочих продуктов. Поэтому хакиму, ответственному за сбор податей, в таких округах делать было нечего, и его административные функции и сбор поземельных податей с незначительной части населения данного округа передоверялись наибу или даже местному судье; при них состояли баджман (сборщик таможенных пошлин) и сборщики зяката, а если в районе были казенные земли,—то и мушрифы, сборщики податей, уплачиваемых натурой (они соответствовали амлякдарам Бухары)

Управление городами находилось в руках хакимов, их помощников—сотников (юзбаши) и старост (кадхуда); в селениях всеми делами административно-полицейского порядка ведали аксакалы, которые вместе с тем собирали и подати с населения; за распределением воды для орошения следили особые инспекторы, называвшиеся мирабами; воспитанием масс в мусульманском духе и элементарным обучением детей грамоте ведали имамы приходских мечетей. Все эти лица также не получали никакого жалования и жили, главным образом, на незаконные сборы и доходы с подведомственного населения. Правители провинций выполняли те же функции, как и в Бухаре, и так же, как и там, не имели права казнить преступников без разрешения хана.

Больших селений и деревень в сельских местностях Хивинского ханства не существовало. Крестьяне жили по хуторам; в административном отношении эти хутора объединялись по приходам (каум). Обитатели хуторов, расположенных на расстоянии от 2 до 8 *км* от мечети, являлись прихожанами одной общины. В некоторых округах, кроме делений по мечетям, было еще деление на группы мечетей: например, 50 мечетей составляли 10 кентов.

Туркмены, казахи и каракалпаки не были подчинены хакимам, а управлялись своими родо-племенными старшинами; у туркмен они носили название беков и вакилей, у каракалпаков и казахов—биев. Бии управляли мелкими родовыми коленами; объединение нескольких таких колен подчинялось аталыку. Аталыки, в свою очередь, были подчинены особым ханским чиновникам, называвшимся бекляр-беги (бек над беками).

Суд. В Бухаре ближайшим сотрудником эмира в делах правосудия являлся верховный судья (кази-калян) столицы ханства. Он назначался эмиром из наиболее ученых судей ханства; в отношении всех остальных судей в государстве верховный судья являлся как бы их

начальником. Судьи во всем ханстве также назначались эмиром по одному на область (вилайет), а при большой численности населения и множестве возникавших дел—больше. Каждый судья занимал свою должность пожизненно и сменялся эмиром лишь в случаях уличения его в неправильном применении шариата или в случае недовольства им эмира. Так как суд считался независимым от администрации, то судья являлся равным по значению правителю (хакиму или миру, беку); он был также и тем „оком царевым", которое могло доносить эмиру о неправильных действиях местных властей. За действиями судьи также существовал надзор со стороны хакима, так что создавалась система обоюдного контроля. Судьи не получали содержания от эмира, а жили на денежные сборы за совершение всевозможных юридических актов. Размер таких сборов определялся обычаем и достатком сторон. Судья решал дела по шариату, т. е. мусульманскому религиозному праву, основанному на коране, преданиях о действиях и словах Мухаммеда, сборниках старых судейских решений и т. д. Решение судьи обычно считалось окончательным, потому что законной апелляции не существовало. В затруднительных случаях судья сам мог передать дело на обсуждение ученых богословов (улема) г. Бухары, пользовавшихся высшим, но лишь нравственным авторитетом. Решение верховного судьи или улема местный судья сообщал тяжущимся. Вообще дела восходили к эмиру лишь в том случае, если правитель той или иной области или местный судья обвинялись в злоупотреблении присвоенной им властью

Самый процесс суда был весьма несложен и прост: судья выслушивал заявления сторон и показания свидетелей (причем показания двух женщин приравнивались по шариату к показаниям одного мужчины) и тут же должен был произнести приговор; приговор приводился в исполнение там же на месте. Наказанием могли быть: штраф, заключение в тюрьму, наказание палками или отсечение кисти руки или ноги (за воровство) с погружением искалеченного члена в кипящее масло для прекращения кровотечения. Ни предварительного следствия, ни защитников у сторон не было. На смертную казнь судья должен был испрашивать разрешения эмира с изложением обстоятельств дела.

В уголовных делах суд в Бухаре отличался даже большей строгостью, чем то требовалось шариатом (таковы отдельные случаи сбрасывания с большого минарета людей, укравших большие суммы денег, и тому подобных преступников). Заключение в тюрьму или арестантскую при полицейском участке (миршаб-хана) являлось мерой не только судебного, но и административного порядка. Фактически в приговорах не определялся срок наказания: если у кого бывали сильные и влиятельные родственники и друзья, то тому нетрудно бывало опять получить свободу; и наоборот, какой-нибудь бедняк или иностранец, совершивший незначительное преступление, мог провести годы в ужасной бухарской тюрьме, в лишенной света яме, полной клещей и т. д. Эти страшные бухарские тюрьмы, куда так легко было попасть при фанатизме и произволе властей, вызывали ужас даже у среднеазиатских соседей Бухары.

Большую роль в отправлении правосудия играли муфтии, утверждавшиеся эмиром и избиравшиеся из лучших законоведов: на их обязанности лежало составление так называемых фетва или ривоятов, т. е. основанных на шариате юридических заключений по вопросу предстоящего судебного разбирательства. Каждый такой ривоят изготовлялся муфтием по просьбе заинтересованной стороны, скреплялся его

печатью или печатями нескольких муфтиев и затем предъявлялся судье, который на его основании выносил решение. Таким образом, муфтии являлись своего рода экспертами в шариатских положениях и этим облегчали судье решение дела.

В Хивинском ханстве так же, как и в Бухаре, для отправления правосудия существовали по городам судьи (казии), находившиеся в подчинении у главного судьи столицы (кази-калян). Как и в Бухаре, судьи получали определенный процент с каждого дела.

Ввиду того, что оканчивавших курс высших конфессиональных школ (медресе) было много, а мест—мало, хивинское правительство частыми переменами судей старалось доставить средства к существованию по возможности большему числу людей. Кроме того, даже в небольших районах было по двое судей. Некоторые племена имели своих судей; например, у каракалпаков были свои казии, проживавшие в Чимбае. При возникновении какой-либо тяжбы между каракалпаками, кочевавшими совсем в другом месте, они всегда ездили для разбирательства судебных дел в Чимбай, и никто из ближайших к их кочевкам судей не имел права принимать к разбору их жалобы. В уголовных делах наказания отличались не меньшей жестокостью, чем в Бухаре: били палками, резали уши, нос, рубили голову; сажание на кол в последнее десятилетие перед завоеванием уже не практиковалось.

Такой же характер имела организация суда и в Кокандском ханстве.

Полиция. Следующим лицом после верховного судьи по важности занимаемого положения во всех трех ханствах был так называемый раис (буквально, начальник) или мухтасиб (в Коканде), на обязанности которого лежал надзор за поведением жителей, выполнением ими постановлений шариата. Раис посещал мечеть и по спискам прихожан проверял, кто не был на молитве; он останавливал прохожих на улице и испытывал их в знании молитв, ездил по базарам и проверял у купцов правильность употреблявшихся ими мер и весов. Виновные в нарушении правил шариата и злоупотреблениях по торговле тут же на улице наказывались или палками, или особой плетью—дурра, независимо от возраста и положения; у хлеботорговцев, сверх того, весь хлеб отбирался и раздавался бедным. Раису г. Бухары подчинялись раисы всех других мест ханства.

Полицейская часть была сосредоточена в руках миршабов (мири-шаб—владыка ночи) или курбаши в Кокандском ханстве. Полиция вступала в свои права только ночью, или вернее с вечера, когда закрывались базары и запирались городские ворота. С этого момента миршаб со своими патрулями обходил улицы и забирал всех попадавшихся навстречу людей, независимо от положения и звания задержанного; считалось, что в эту пору на улице могли появляться лишь преступные элементы. Исключения допускались лишь для врачей и повивальных бабок, спешивших к больным и роженицам. Днем миршаб и подведомственные ему полицейские (так называемые шабгарды—ночные дозорные) не имели права следить за порядком, ибо это было делом самого населения.

Налоговая система. Наибольший доход бухарской эмирской казне давали поземельные налоги с частновладельческих земель: в Бухаре из этих налогов самым значительным был, как сказано, хераж, потому что хераджные земли составляли большинство участков, которыми владело земледельческое население ханства. Хераджная подать была или постоянной и взималась в установленной сумме деньгами

и известным количеством зерна с определенного участка земли (хераджи-вазифа), или же выражалась в уплате пропорциональной части жатвы (хераджи-мукасама) в размере $^1/_5$, $^1/_6$ и $^1/_8$ части урожая; в некоторых районах—больше или меньше этого. Количество подлежавшего уплате хераджа определялось путем пробного умолота. Когда жатва уже почти поспевала, амлякдар (чиновник, ведавший сбором податей) выезжал со своими людьми на крестьянские поля, где его встречали сельский старшина или староста и крестьяне. Амлякдар определял „на глазок", сколько в поле танапов (1 танап бухарский составляет около 2500 $м^2$ земли) и сколько батманов[1] хераджа следует взять. Земледельцы вступали с амлякдаром в пререкания, ссылаясь на свидетельство старшины и своих соседей, на данные по уплате податей в прошлом году и т. п. В конце концов останавливались на приблизительных цифрах, и амлякдар, даже не сходя с лошади, записывал цифру следуемой подати. Вернувшись домой после такого объезда полей, продолжавшегося обычно несколько дней, амлякдар составлял раскладки поземельно-податного налога. Наспех записанные при объездах размеры намечаемого хераджа являлись нередко фантастическими измышлениями амлякдара, причем основным стимулом этих сводок было желание поменьше сдать в казну и побольше взять себе и своим людям. Амлякдар скреплял раскладки своей печатью и рассылал по селениям. Лишь после составления и получения таких списков крестяне могли приступить к сбору урожая. А так как амлякдар сплошь и рядом запаздывал с выездом на поля на 2—3 недели, а иногда и на месяц, а созревший хлеб подвергался целому ряду опасностей (грозы с градом, саранча, осыпание зерна и пр.), то урожайность поля оказывалась гораздо меньшей, чем ожидалось. Но амлякдар бывал неумолим и взимал с крестьянина все назначенное на него обложение: попутно к хераджу причислялся кафсан, особый налог по содержанию амлякдаров—им облагались урожаи всех зерновых хлебов (в размере полпуда зерна с каждых 10 батманов) и хлопка (по 15 фунтов с того же количества); затем шел кафсани-даруга, или в просторечии кафсан-дарга,— такой же сбор в пользу даруги (начальника района); и наконец, муштак (горсточка)— подачка амину (старшине и сборщику налогов), аксакалу (старосте) и прочим лицам низшей администрации, принимавшим участие в наблюдении за сдачей хераджных продуктов. Местами муштак взимался не горстью зерна, а стоимостью чарьяка (почти 2 *кг*) пшеницы и чарьяка джугары с каждого хозяйства. В конечном итоге нередко оказывалось, что хлеба едва оставалось на семена. После того, как хлеб бывал обмолочен и ссыпан в кучи на току, дехкане стремились негласно реализовать хотя бы часть урожая, чтобы на вырученные деньги купить необходимое для жизни; в это время местные судьи (казии) или сами непосредственно, или через доверенных лиц, зорко следили за базарными ценами на хлеб. Если они оказывались выше тех, по которым произведена была уплата налога, то для покрытия разницы производились дополнительные сборы. Таким образом, вся система взимания поземельной подати являлась не только произвольной, но крайне разорительной для дехкан. К этому надо присоединить разные налоги и повинности с тех же дехкан при объездах эмиром ханства, при передвижениях войска и пр., так что

[1] Батман в Бухарском ханстве был разного веса: в городах Бухаре и Самарканде с их районами он равнялся 6 пудам.

налоговое бремя, лежавшее на земледельческом населении Бухары, было очень тяжко.

Из других налогов важнейшим был так называемый зякат, который по шариату представлял собою милостыню, установленную кораном, с имущества в пользу бедных и на богоугодные дела. Уплата зяката включалась в число пяти основных обязанностей каждого мусульманина. С течением времени эта милостыня превратилась в принудительный государственный поимущественный налог, для взимания которого пришлось создать кадры чиновников и точно установить объекты взыскания зяката Взимался зякат в размере $^1/_{40}$ стоимости облагаемого предмета, или 2,5% сбора. Главную доходную статью в этих сборах составляло обложение товаров, а также купеческих денег, привозившихся для закупки товаров, причем зякат с товаров взимался по нескольку раз, в зависимости от того, сколько раз купец перевозил товары из одного места в другое. В этом случае зякат превращался в своего рода внутренние пошлины, крайне стеснительные для торговцев, обременительные для потребителей товаров и служившие для сборщиков источником всяких злоупотреблений. Впоследствии, при проникновении в ханство русского торгового капитала, зякатные сборы вызывали ряд недоразумений и большую переписку между бухарским и русским правительствами.

Зякат со скота в кочевых и скотоводческих районах (зякати-саваим) взимался или деньгами с определенного количества скота, или натурой (один баран или овца с 5 верблюдов; одна овца или коза с 40 овец и т. п.). Сверх этого взимался еще один вид зякатных сборов (зякати-чакана) в пользу местного областного правителя (хакима или мира, бека). Он представлял собой непредусмотренный шариатом и, следовательно, незаконный налог на тех лиц, у которых поголовье скота было меньше того, с которого по закону устанавливалось взимание зяката.

Война с Россией, требовавшая денег, заставила эмира Музаффара ввести особый налог, обозначавшийся термином аминана (верноподданнический), размером в 1,5% стоимости товаров и имущества богатых горожан. С течением времени он превратился в постоянный налог, и, несмотря на неудовольствия и нарекания плательщиков и царских представителей в Бухаре, просуществовал до конца эмирата (в 1920 г.), сдаваясь иногда на откуп особым откупщикам.

Помимо зяката и аминана, к числу торговых сборов относились также маклерские сборы (даллали), специальные пошлины (бадж) с товаров и вообще с грузов, перевозившихся из одного вилайета в другой, что вместе с зякатом вызывало значительное увеличение цен на товар по мере удаления его от того места, откуда он первоначально был вывезен: сюда же надо отнести налог за перевозку товаров на каюках через реку (су-пули), за базарные места (пули-тахта-джай) и т. д.

Сельское земледельческое население, помимо узаконенной поземельной подати, платило особый налог за каждый танап земли под садом и огородом (танап-пули) и налог с клеверных полей (алаф-пули); оба эти налога нередко назывались общим термином—потанапные сборы (танабона или, как выше, танаб-пули). Размеры этих налогов были весьма различны, в зависимости от близости земель к базарным пунктам и пр. В конце пятидесятых годов XIX в. при эмире Насрулле (1827—1860) в этих налогах произошли изменения. Несколько крестьянских обществ по Зарафшану обратилось к эмиру с просьбой облег-

чить потанапное обложение их, удаленных от домов, бахчей, так как обработка их труднее, чем если бы они были при доме. Эмир согласился на эту просьбу, и с огородов был установлен особый налог—кош-пули, исходя из каждой пары рабочего скота (кош), впрягаемой в плуг и могущей обработать в сезон определенную площадь земли (48—50 танапов). Позднее этот сбор был распространен на всех земледельцев дополнительно к другим налогам, независимо от того, занимались ли они разведением бахчей или не занимались. При занятии русскими Туркестана размеры кош-пули в самаркандских туманах колебались от 1 руб. 20 к. до 4 руб. серебром с каждой пары рабочего скота, в зависимости от орошения местности, ее экономического благосостояния, близости к базарным центрам и т. п.

Кроме этого, существовал особый сбор с рабочего скота, называвшийся як-сара, взимавшийся с пары голов лошадей или быков в размере одного батмана пшеницы; у кого была одна голова рабочего скота, тот платил половину этого количества (ним-сара). Водяные мельницы и толчеи-крупорушки, пользовавшиеся водою из казенных арыков, облагались денежными или натуральными сборами, размеры которых изменялись в зависимости от устройства и доходности самого предприятия и от значимости в сельскохозяйственном отношении данного района.

Поддержание ирригационной системы в должном порядке являлось неотложнейшим делом в хозяйственной жизни страны, поэтому не только исправление оросительных каналов, их очистка и пр., но и содержание всех лиц водного надзора лежало на обязанности земледельческого населения. Подобные натуральные повинности и общественные раскладки то зерном, то деньгами, то водой (в зависимости от местности) на содержание ирригационных служащих еще более отягощали налоговое бремя сельского оседлого населения.

В Хивинском ханстве пахотные земли, обрабатывавшиеся оседлым и полукочевым населением, были главнейшим источником народного благосостояния и важнейшей статьей дохода в бюджете хана. крестьяне, жившие на казенных или государственных (падшалык) землях, платили подать, обозначавшуюся персидским термином дахьяк или арабским—ушр (десятина), с земель, орошавшихся при помощи чигирей, в размере $^1/_{10}$ урожая, а с орошавшихся без чигирей—в размере $^1/_5$ урожая. Такое различие в степени обложения находилось в зависимости от сравнительно больших затрат рабочей силы на устройство чигиря и на подъем при его посредстве воды на поля. Эти земли находились, главным образом, в западной части ханства. Подать с частновладельческих земель зависела от того, к какой категории они принадлежали: 1) ярлыклы-мульк, т. е. ярлычные частновладельческие земли, отведенные в собственность тому или иному лицу по ханской грамоте (ярлык) из числа казенных земель, взамен десятины (дахьяк) облагались поземельным денежным налогом, называвшимся салгыт (салгут); 2) мульк—обычные частновладельческие земли, составлявшие исконную собственность населения, облагались тоже салгытом; 3) с земель адай-мульк (в просторечии атай-мульк) взималась не поземельная, а подворная подать, рассчитывавшаяся сообразно тому разряду, к которому плательщики причислялись по своему имущественному положению, и носившая таким образом черты подоходного налога. Безземельные издольщики, не узбеки, жившие на землях адай-мульк, платили подати в зависимости от своего имущественного положения, а узбеки облагались особой подушной податью. В худшем положении

находились арендаторы вакуфных земель, которые обязаны были вносить салгыт в казну и дахьяк в пользу своего вакуфного учреждения.

На крестьянское население ложились и другие разнообразные натуральные повинности. Особо тяжелыми из них были работы по ремонту оросительных каналов (так называемые казу), по постройке и ремонту дамб (качу) и т. д.

Земли сейидов, ходжей и шейхов, как и земли должностных лиц, освобождались от податей особыми ханскими ярлыками: такие лица обозначались тюркско-персидским словом ярлыкдар. Свободными от податей считались также земли, принадлежавшие нукерам (дружинникам).

Помимо законных податей, установленных для товарных сделок, вроде зякатного сбора, весового и пр., купцы торговых центров ханства (Ургенча, Ханки, Хивы, Гурлена и др.) ежегодно платили хану налог „бай-пули", т. е. деньги с богатых. Этой данью хан облагал всех состоятельных торговцев в произвольном размере: хан посылал в торговые города указы (ярлыки), по которым каждый из них обязан был представить в ханскую казну якобы взаимообразно требуемую сумму, которая обычно никогда не возвращалась кредиторам. Назначенная сумма собиралась по раскладке между горожанами-торговцами. Эти своеобразные займы производились в год раза по два—по три. С русских купцов, как с неверных, хивинцы устанавливали взимание в ханскую казну зяката в двойном размере, но произвольно увеличивали и эту пошлину путем повышенной оценки привозимых товаров по сравнению с их действительной стоимостью.

С казахов и каракалпаков — кочевников и скотоводов по преимуществу — ханское правительство взимало со скота зякат в обычном размере—$^1/_{40}$ от общего числа скота. Помимо этого, на правом берегу Аму-дарьи существовал совершенно произвольный сбор со стадовладельцев — тарчуб—налог за ощипывавшиеся животными листья с кустарников во время прохода стад по прибрежным зарослям (тугаям). С каждого стада за проход через тугай взималось по одному барану.

Поскольку административный и финансово-налоговый аппарат ханства не получал определенного содержания, сборы податей, особенно дахьяка, сопровождались большими злоупотреблениями.

Налоговая система Кокандского ханства была сходна с бухарской. Здесь также взимался хараджный сбор с зерновых посевов, „танабона"—потанапная подать с земель, занятых виноградниками, садами, бахчами и техническими культурами (хлопком), зякат с товаров, имущества и скота. С тех селений, которые считались принадлежащими лично хану, взимался „хаслык", налог, вносившийся не податным чиновникам, а непосредственно самому хану или „на кормление" тем или иным придворным, которым он передавался по особому приказу хана.

Кроме этих обычных налогов, в стремлении увеличить свои доходы, ханы вводили новые налоги и поборы. В особенности отличался этим Худояр-хан, который взимал налоги с нефруктовых искусственно посаженных деревьев, с дикорастущих сорняков (верблюжья колючка и др.), употреблявшихся населением в виде топлива, с сена, ввозившегося в столицу, с угля, выжигавшегося в горных лесах, и т. д. Недостаток казны при том же хане пополнялся всевозможными конфискациями, спекуляцией и прочими, иногда весьма неблаговидными, способами, ложившимися тяжелым бременем на жестоко и без того эксплоатируемое трудящееся население ханства.

Войско. К моменту царского завоевания численность бухарской армии приблизительно составляла 40—50 тысяч человек. Армия

распадалась на две группы; одна состояла из постоянного войска (так называемых аскария), формировавшегося преимущественно из преступников и разных подонков общества, и войска непостоянного – ополчения из жителей ханства, которое собиралось на время войны (карачирик и нукария). Карачирик („черное войско") собиралось согласно имевшимся спискам и должно было выступать в поход со своими конями и вооружением, но так как всего этого не было в достаточном количестве, то карачирик являлось иной раз с лопатами и заступами (кетменями). Нукеры (собственно, слуги) получали казенных лошадей и вооружение; в их число вступали многочисленные амальдары разных чинов, хорошо снаряженные. В состав нукария входили также и шагирд-пеша. Военные были единственными служащими в ханстве, получавшими месячное жалованье, а командный состав, сверх того, пользовался, в зависимости от чинов, доходами с определенных площадей посевов в виде зерна и клевера, поступавших в казну в качестве налога.

Фитильные ружья, очень редко нарезное оружие, шашки, сабли, палицы и пики с металлическими наконечниками, примитивная артиллерия, стрелявшая ядрами с неподвижных лафетов и потому только в одном направлении, составляли вооружение бухарской армии. В военное время узбеки, туркмены, иранцы и другие объединявлись в отдельные отряды со своими командирами, так же как и каждый правитель области со своим войском, если только можно назвать так нестройную массу, не знавшую дисциплины и необученную военному искусству.

В хивинской армии главное ядро составляли туркмены. Каждый кавалерист-туркмен, выступая в поход, вел за собой двух верблюдов, на которых было навьючено походное продовольствие, почему издали вся туркменская кавалерия представлялась весьма многочисленной: „Если ее было пять тысяч, то на-глаз она представлялась десятитысячным отрядом". У кого падал в пути конь или верблюд, тот получал его стоимость от хана деньгами. После возвращения из похода каждый всадник получал вознаграждение в пять иранских туманов (около 10 рублей золотом). Помимо туркменской кавалерии, существовала своя хивинская кавалерия, состоявшая из нукеров: она поставлялась земледельческим населением в порядке повинности; каждый нукер обязан был являться на службу с конем, оружием и должен был сам себя содержать. Жалованья нукерам не полагалось, но им давалась земля с освобождением от податей. Пехота состояла частью из джемшидов (иранского племени, перекочевавшего из Афганистана), частью из рабов-иранцев и курдов; ханская гвардия состояла, главным образом, из узбеков. Артиллеристы комплектовались из пленных иранцев. Эта разноплеменная армия, главную силу которой составляли наемники-туркмены, а остальную—подневольные рабы, с большим успехом использовалась ханами для борьбы с мятежными элементами внутри ханства, чем во внешних войнах.

§ 4. БУХАРСКОЕ ХАНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Эмир Хайдар. Наметившийся уже к концу XVIII в. процесс укрепления государственной власти в Бухарском ханстве получил дальнейшее развитие в следующем столетии.

Политику Шах-Мурада продолжал его сын и преемник эмир Хайдар (1800—1826).

Вступление Хайдарана престол сопровождалось большими волнениями в государстве, обычными при сменах бухарских властителей. Некоторые правители областей поспешили объявить себя независимыми, другие вступили в войну со своими соседями В 1800 г. восстали в Мерве туркмены, доведенные до крайности притеснениями бухарских сборщиков зяката; в следующем году произошло восстание туркмен в районе Керки по Аму-дарье; повстанцы повели упорную борьбу с высланными против них эмирскими войсками. Эмиру Хайдару пришлось потратить немало энергии и средств на усмирение мятежных хакимов и племен, прежде чем он смог сесть на „серый камень" (кок-таш) в Самарканде.

Войны с Кокандским и Хивинским ханствами. К внутренним усобицам присоединилась война с кокандским Алим-ханом из-за Ура-тепе. В Ура-тепе в это время самостоятельно правил один из кокандских сановников, не признававший, однако, власти Коканда, но находившийся в некоторой вассальной зависимости от Бухары. Когда кокандское посольство возвращалось из Бухары в Коканд, правитель Ура-тепе обратился к Омар-хану, брату и преемнику Алим-хана, с просьбой принять его „под свою высокую руку". Последствием этого был ряд столкновений из-за Ура-тепе и безуспешные походы кокандцев на Джизак, Заамин, Пейшагар и Урмитан, носившие больше характер разорительных для мирного населения набегов, чем планомерных военных действий.

Бухаре пришлось также отражать неприятеля на западе и на юге. Вступивший на ханский престол в Хиве (в 1804 г.) Ильтузар-хан стремился освободиться от вмешательства Бухары в хивинские дела. Вскоре по вступлении на престол он вторгся в пределы Бухары, разоряя лежавшие на его пути города и селения. Эмир Хайдар выслал против него 20-тысячный отряд под командой Нияз-бека-парваначи. На берегу Аму-дарьи произошло решительное сражение, в котором хивинцы были разбиты: спасаясь бегством от преследовавших их бухарцев, они бросились в реку, в волнах которой погибли Ильтузар-хан и много его воинов. Значительная часть хивинцев была взята в плен, в том числе три брата хана: двое из них были повешены, а третий брат, Кутлуг-Мурад и 400 пленников были отпущены эмиром в Хиву с наказом, чтобы они рассказали там о происшедшем и предостерегли своих соотечественников от войны с бухарцами.

Неспокойно было и в Мерве, где восстал брат эмира Дин-Насыр-бек. Рассчитывая на обещанную помощь Ильтузар-хана, Дин-Насыр-бек выступил в поход на Чарджуй. Эмир Хайдар выслал против него того же Нияз-бека парваначи, который разбил мятежного царевича. Вступив в Мервскую область, Нияз-бек разрушил Султанбендскую плотину, благодаря чему в Мерве все посевы погибли от засухи: виновник восстания Дин-Насыр-бек бежал с семьей в Мешхед (1804); с ним ушло туда около 1000 мервских семейств. По занятии города эмир Хайдар переселил из Мерва на Зарафшан значительную часть его жителей, а в Мерве поселил двести туркменских семей, утвердив над ними начальника из их среды. Такие переселения туркмен происходили и позже. Создавшимися обстоятельствами воспользовались туркмены для своих нападений на хивинские пределы. Это вызвало ряд ответных набегов хивинцев на Чарджуй и на другие местности Бухары в течение 1821—1825 гг. и привело к захвату Мерва Хивой. Хива стремилась сделать Мерв опорным пунктом для военных действий против беспокойных турк.

менских племен и обеспечить безопасность торговых путей, пролегавших через Мерв на север и юг. Попытки восстановить Султанбендскую плотину были, однако, неудачными: дважды сооружавшаяся плотина каждый раз разрушалась, и воды Мургаба опять текли по старому руслу.

На севере Бухарского ханства г. Ташкент был занят кокандцами, а в руках эмира Хайдара остался г. Туркестан. Весною 1815 г. кокандский Омар-хан выступил в Ташкент, откуда послал на Туркестан войска под начальством своего ташкентского наместника. Город был взят внезапным ночным нападением, а наутро кокандские войска начали грабеж населения.

Взятие кокандцами Туркестана еще более усилило неприязненные отношения между ханствами и вызвало ряд походов и набегов бухарцев на кокандские города и кокандцев—на бухарские.

Постоянные войны, которые велись эмиром Хайдаром в продолжении его правления, не могли не отразиться на благосостоянии его государства. Разоряемое войнами население должно было уплачивать подати и всякие налоги в повышенном размере для покрытия военных расходов. Чрезвычайно меткой, хотя и очень сжатой, характеристикой налогового обременения подданных эмира Хайдара служат слова его историка, что его доходы превосходили больше, чем вдвое доходы его отца, но его расходы превосходили больше, чем вдвое его доходы. Для покрытия дефицита принимались чрезвычайные меры, еще более разорявшие массы и пагубно отражавшиеся на экономической жизни государства.

Эксплоатация крестьянства усиливалась произволом эмирских чиновников. По свидетельству бухарских историков, каждого, кто немедленно не вносил назначенной суммы налогов, сборщики подвергали истязаниям, а имущество его отбирали. Жалобы на действия сборщиков податей рассматривались властями как проявление непокорности. На „провинившихся" налагался особый штраф (яргу), настолько значительный, что взыскание его принимало характер массового ограбления населения. Главная тяжесть налогового гнета приходилась на долю беднейшей части жителей, не имевшей возможности подкупать местную администрацию, как это делалось обычно богатыми.

Восстание хитай-кипчаков в 1821—1825 гг. Тяжелое положение трудящихся масс в Бухарском ханстве вызывало массовые восстания, направленные против феодального гнета.

Большое восстание вспыхнуло в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. среди узбекских племен, занимавших один из наиболее густо населенных центральных районов Бухарского ханства—Миankаль, в средней части долины Зарафшана, между Самаркандом и Бухарой. Не имея достаточного количества скота, чтобы вести скотоводческое хозяйство, и не располагая в то же время необходимыми землями для перехода к прочной оседлости, многие из племен Миankаля вели полукочевой образ жизни. Среди этих племен наиболее сплоченную и несколько обособленную племенную группу составляли хитай-кипчаки (из двух старинных тюркских племен—хитаев и кипчаков); они входили в состав так называемых „семи племен", доставлявших немало беспокойств владетелям Мавераннахра. Непосредственным поводом к восстанию хитай-кипчаков, повидимому, был набор в войска, предназначавшиеся для отправки в Мерв, и взятие с населения поземельной подати ранее срока, сопровождавшееся вымогательствами и истязаниями.

К восстанию примкнули также местные каракалпаки, занимавшие

территорию к востоку от хитай-кипчаков и в хозяйственно-бытовом отношении мало чем от них отличавшиеся.

Восставшие перебили и выгнали эмирскую администрацию и во главе с избранными ими представителями захватили в свои руки укрепленные города Катта-курган, Чилек, Янги-курган и некоторые другие. В наиболее значительном из захваченных городов—Катта-кургане—хитай-кипчаки встретили активную поддержку со стороны беднейшей части городского населения, в то время как другие горожане, представлявшие, повидимому, состоятельную часть жителей, отнеслись к восставшим враждебно и призвали на помощь эмирские войска.

Эмир выслал в Катта-курган отряд, которому удалось овладеть городом и учинить здесь массовую расправу над восставшими. Вскоре эмир сам во главе своих войск вторгся в Миankаль. Восставшие отсиживались в занятых ими крепостях, производя по временам вылазки. Эмир должен был уйти обратно, ограничившись уничтожением посевов восставших. В следующем, 1822 г. эмир снова попытался овладеть крепостями хитай-кипчаков, но также безрезультатно. Сражения носили, по словам современников, чрезвычайно кровопролитный характер, но решительных результатов не дали.

Одновременно с походами против хитай-кипчаков эмиру пришлось защищаться от хивинцев, производивших, повидимому, по согласованию с восставшими, набеги на северные и северо-восточные окраины ханства. Напряженность положения особенно усилилась после того, как предводители хитай-кипчаков и каракалпаков призвали к себе на помощь войска кокандского хана и других враждебных эмиру соседних правителей, а также кенегесов Шахрисябза, совместно с которыми они пытались овладеть укрепленным Самаркандом.

Однако вскоре среди союзников произошли разногласия, вследствие чего они сняли осаду с города; кокандский отряд вернулся в Фергану. Но даже против предоставленных собственным силам повстанцев действия бухарских войск были неудачны, тем более, что бухарцам пришлось вести борьбу на два фронта, так как хивинцы непрестанными вторжениями своими отвлекали силы эмира. Восставшие избрали себе эмиром двоюродного брата Хайдара, Исхак-бека, и развернули еще шире действия, вторично осадили Самарканд и дошли до Кермине. Лишь с уходом хивинцев из Бухары, эмир Хайдар в конце своего правления мог двинуть все силы против хитай-кипчаков. Этот поход завершился подчинением эмиру восставших племен.

Весной 1825 г., когда силы хитай-кипчаков были совершенно истощены и хозяйственное разорение районов восстания достигло крайних пределов, эмиру удалось захватить две главные крепости восставших—Янги-курган и Чилек. Но и в таком положении хитай-кипчаки продолжали представлять внушительную силу: поэтому эмир вынужден был дать им официальные письменные гарантии о личной неприкосновенности участников восстания. Лишь после этого хитай-кипчаки сдали бухарцам остальные свои крепости.

В ходе восстания 1821—1825 гг. заслуживает внимания стремление восставших хитай-кипчаков выйти за пределы узких территориальных рамок, в которых замыкалась тогда жизнь отдельных племенных общин, и привлечь на свою сторону крестьянство соседних районов и даже жителей соседних городов. Однако отсутствие общего руководства и достаточно ясного понимания целей восстания не могло способствовать успешному завершению этого дела. Значительную роль в поражении восстания сыграла также местная феодально-племенная

знать, разлагавшая его изнутри, с целью использовать его в своих узко-классовых интересах.

Влияние миankальского движения 1821—1825 гг. на политическую жизнь Бухарского ханства было весьма значительно. Прекращение налоговых поступлений из Миankаля, одного из самых богатых районов Бухарского ханства, заметно ослабляло казну эмира. Большая часть вооруженных сил ханства была направлена на усмирение восстания, что не могло не отразиться на безопасности внешних государственных границ, подвергавшихся постоянным нападениям со стороны соседей.

Правление эмира Насрулла-хана (1826—1860). По смерти эмира Хайдара в 1826 г. в течение немногих месяцев на бухарском престоле сменилось два эмира—его сыновья Хусейн и Омар. Из них первый был отравлен, второй убит, чтоб очистить место третьему сыну Хайдара, Насрулле, вступившему на трон в том же 1826 г. и прозванному впоследствии народом „эмир-мясником" (эмир кассаб) за его необычайную жестокость.

Правление Насруллы ознаменовалось ожесточенной борьбой за ликвидацию феодальной раздробленности в Бухарском ханстве.

Эмир Насрулла ознаменовал вступление на престол убийством своих братьев, а впоследствии и тех лиц, которые помогали ему самому утвердиться на троне: в течение месяца по своем воцарении он казнил ежедневно по 50—100 человек. Опираясь на войско, о котором он чрезвычайно заботился, а также щадя интересы духовенства, Насрулла все свои усилия направил к обузданию узбекской феодальной знати, беспощадно истребляя ее представителей, и в своем стремлении сломить ее господство не останавливался ни перед какими мерами. Он неутомимо преследовал высших сановников и военную знать, конфисковывал у феодалов их имущество, ссылал и казнил их. „Первым помощником его в этом деле искоренения бухарского феодализма" (по выражению Н. Ханыкова) был туркмен Рахманберды-Нияз, назначенный эмиром на должность раиса. „Простолюдинов стали бить палками, заставляя молиться богу,—говорит Ханыков,— сипаев (военных) резали или заставляли искать спасения в бегстве Народ проклинал раиса, а сипаи поняли, кого они возвели на престол, но делать было нечего".

Насрулла повел упорную борьбу за объединение в единое государство областей, номинально входивших в состав Бухарского ханства. Самым могущественным из полунезависимых узбекских владений был Шахрисябз, где никогда не умирал старый дух независимости бывших узбекских племен „правой и левой стороны". При отце Насруллы отношения с Шахрисябзом были дружественные, но по вступлении на престол эмира Насруллы правители Шахрисябза объявили себя независимыми. Из страха перед жестокостью нового эмира, многие бежали из Бухары в Шахрисябз и возбуждали здесь население против Насруллы. Эмир неоднократно ходил походом на Шахрисябз против мятежных феодалов, но жители затопляли местность, и эмир вынужден был всякий раз заключать с ними мир, не добившись успеха; только в 1856 г. ему удалось покорить Шахрисябз и Китаб.

Жестоко подавляя внутри своего государства всякие проявления феодального сепаратизма, эмир Насрулла стремился вместе с тем усилить свое государство за счет соседних— Коканда и Хивы.

Война с Хивинским ханством. Отношения эмира Насруллы к Хиве в первые годы правления хивинского хана Аллакули (1825—1842) ограничивались происками в Мерве, подвластном Хиве. Мерв-

ские туркмены—сарыки, недовольные хивинскими ставленниками, восставая против хана, обращались за помощью в Бухару, где туркменские делегации милостиво принимались. Иногда им оказывалась даже некоторая помощь. Аллакули писал эмиру письма с предостережениями от подобных действий. Мятеж сарыков, однако, разгорался, в него втягивались и другие туркменские племена. В 1828 г. Аллакули распорядился отправить против них отряды хивинских туркмен, каракалпаков и узбеков, а затем сам с войском выступил в Мерв. Сарыки потерпели поражение, их аулы жестоко пострадали от хивинцев. Много людей было перебито, женщины и дети были уведены в плен, имущество разграблено. Сарыки вынуждены были смириться и подчиниться Хиве. В начале 1842 г. мервский наместник прислал к Аллакули перехваченное обращение бухарского эмира к туркменам—теке, сарыкам и салорам, в котором он приглашал их свергнуть хивинское господство. Аллакули, воспользовавшись походом бухарского эмира в 1842 г. на Коканд, вступил с войском в пределы Чарджуя. Известие об этом вторжении хивинцев побудило эмира снять осаду с Коканда и поспешить в Бухару, но и Аллакули, получив под Чарджуем известие о вторжении казахов в его владения, тоже спешно возвратился в Хиву, где вскоре умер. В следующем, 1843 г. при преемнике Аллакули, его сыне Рахимкули-хане, эмир Насрулла, воспользовавшись тем, что значительная часть хивинских войск ушла в Мерв с вновь назначенным туда хивинским наместником, вторгся в пределы ханства. Эмир осадил Хазарасп и дал несколько сражений хивинцам, которые для отвлечения сил эмира послали в набег на Бухару отряды джемшидов и иомудов. Эмир был разбит под Хазараспом и должен был отступить к своим владениям; при его отступлении к нему явились мервские туркмены и заявили о готовности ему подчиниться, вследствие чего Насрулла отправил в Мерв своего наместника. Рахимкули в отместку предпринял поход на Чарджуй, но не мог его взять и, разорив окрестности, вернулся в Хиву. В 1844 г. хивинский хан двинулся на отложившийся от него Мерв, но и этот поход окончился неудачно. Последующее время до самой смерти Рахимкули (1845) прошло во взаимных нападениях хивинцев на бухарские пределы и бухарцев—на хивинские, с неизбежными грабежами, убийствами, разорением и пленением мирного населения. При хивинском хане Мухаммед-Амине (1855) после длительной борьбы с туркменами хивинцам удалось занять опять Мерв.

Отношения с Англией и Россией. В эпоху эмира Насруллы Бухара стала ареной начавшегося в тридцатых годах XIX в. соперничества царской России и Англии в Иране и Средней Азии. Создание Оренбургской и Сибирской пограничных линий, продвижение России к низовьям Сыр-дарьи и приготовление к походу на Хиву встревожило английское правительство, опасавшееся, что утверждение русского господства в Средней Азии может угрожать в будущем английскому владычеству в Индии. Поэтому, с целью более широкого предварительного ознакомления со странами, лежавшими к северу от Индии, посылались специальные агенты английского правительства, в том числе бывший английский политический агент в Лахоре Александр Борнс, который в качестве „частного путешественника" был в Бухаре в 1831—1833 гг. и составил обстоятельный труд, посвященный описанию путешествия. В 1838 г. в Бухару была снаряжена первая английская дипломатическая миссия полковника Стоддарта. Стоддарт держался в Бухаре чрезвычайно надменно; вопреки бухарско-

му этикету и обычаю, въехал верхом в арк на прием к эмиру, предстал перед ним без подарков и своим поведением навлек на себя гнев эмира Насруллы. Через два дня после аудиенции у эмира Стоддарт был схвачен и брошен в тюрьму, где пробыл четыре года. Вскоре после Стоддарта в Среднюю Азию прибыл капитан Конолли с поручением добиться объединения Хивы, Бухары и Коканда против царской России. Во время переезда из Хивы в Коканд, Конолли был захвачен бухарцами в плен, отвезен в Бухару и тоже заключен в тюрьму. В 1842 г. оба англичанина были казнены, несмотря на заступничество находившейся в Бухаре русской миссии, которая прибыла в Бухару по приглашению самого эмира, нуждавшегося в горных инженерах для разработки естественных богатств его страны. В состав этой экспедиции входили: горные инженеры Бутенев и Богословский, молодой ориенталист Ханыков, натуралист Леман и др.

В царствование эмира Насруллы происходило постепенное продвижение передовых линий наступавших на Среднюю Азию русских войск и приближение их к пределам ханства. Сын и преемник Насруллы, эмир Музаффар (1860—1885), потеряв значительную часть владений, завоеванных царскими войсками, вынужден был сделаться вассалом российского императора.

§ 5. КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Объединение Ферганы Алим-ханом. В молодом Кокандском ханстве наблюдались такие же тенденции к объединению раздробленной территории в единое государство, которое вообще характерно для политической жизни этого периода всех трех среднеазиатских ханств. Государственные задачи нового ханства вполне определились при Алим-хане (1800—1809), которому удалось не только объединить под своей властью Фергану, но и подчинить себе Ташкент и Чимкент. Ввиду важного экономического и стратегического положения, Ташкент на протяжении предыдущих столетий являлся постоянным объектом борьбы между ханами Мавераннахра, казахами и калмыками. В XVIII в. произошло выдвижение на первый план ходжей, происходивших из рода известного ташкентского „святого" Шейх-Хованди-Тахура (сокращенно Шейхантаур), жившего в XIV в. В конце XVIII в. главе этого рода Юнус-ходже удалось, воспользовавшись слабостью среднеазиатских ханств и казахов, захватить после некоторой борьбы власть в городе и области и даже подчинить некоторые районы севернее Ташкента, населенные казахами. Богатая и цветущая Ташкентская область составляла предмет вожделений Кокандского ханства, так как Ташкент имел значение крупного торгово-промышленного центра, игравшего роль посредника в торговле Средней Азии с Россией и с ближайшими казахскими степными районами. Однако, в стремлении овладеть Ташкентом, первоначально кокандцы не имели успеха. На некоторое время активная роль в борьбе переходит даже к Ташкенту. Лежавший между Ташкентским вилайетом и Кокандским ханством большой Кураминский район в конце XVIII в. был отнят у кокандцев Юнус-ходжой.

Также важно было для Кокандского ханства обладание городами Ходжентом и Ура-тепе, лежавшими к югу от Ташкента, при входе с запада в Ферганскую долину. Здесь обитало племя юз, наиболее воинственное из узбекских племен. Помимо крупного экономического значения этих богатых местностей, города Ходжент и Ура-тепе, будучи сильными крепостями, имели весьма важное стратегическое

значение как для Бухары, так и для Коканда, и потому служили яблоком раздора между этими ханствами.

Алим-хан, вступив на престол, почти всю жизнь провел в войнах с соседями и в подавлении внутренних неурядиц. Его первые завоевательные предприятия были направлены на взятие Ташкента, но отправленное им в 1799 г. войско было встречено на Чирчике Юнус-ходжой и разбито наголову; командующий кокандскими войсками со своим окружением был взят в плен, привезен в Ташкент и казнен. Узнав о поражении кокандцев под Ташкентом, бухарцы поспешили овладеть Ходжентом. Однако Алим-хану удалось отвоевать у бухарцев Ходжент, разбить Юнус-ходжу, задумавшего после своих побед даже подчинить себе Коканд, отнять у бухарцев Ура-тепе и направить свои силы на Ташкент, где к тому времени Юнус-ходжи уже не было в живых. После того, как кокандцами была взята крепость Ниязбек, стоявшая у начала главных оросительных каналов города, ташкентцы вынуждены были сдаться; в городе, в качестве вассала Алим-хана, был оставлен наместником сын Юнус-ходжи, Хамид-ходжа. Однако вскоре после этого независимое поведение Хамид-ходжи вызвало новый поход кокандцев на Ташкент, закончившийся взятием и разграблением города.

Завоевательные стремления Алим-хана, направленные к созданию сильного централизованного государства, вызвали в среде его придворных, сановников и военачальников крайне отрицательное отношение к хану, которого народ не любил, называя его Алим-залим (Алим-тиран). Ему ставились в вину его бесчисленные походы и войны, отрывавшие людей от мирной жизни. Как мобилизовывалась армия Алим-хана в последние годы его правления, показывает тот факт, что, собираясь в двенадцатый по счету поход на Ура-тепе, Алим-хан через глашатаев объявил повсюду приказ о том, что каждый, способный носить оружие, за уклонение от похода будет казнен, а имущество его конфисковано. Следствием недовольства окружающих явился заговор против хана, в котором приняли участие и некоторые его близкие родственники. Первая попытка убить хана во время дервишского радения не удалась: Алим-хан был лишь тяжело ранен. Но во время похода против казахов Алим-хан, покинутый почти всеми, был убит заговорщиками (1809) в 7—8 *км* от Коканда. На престол вступил его брат Омар, принимавший весьма близкое участие в заговоре.

Правление Омар-хана (1809—1822). Едва ли непервым актом государственной деятельности Омар-хана было заключение союза с бухарским эмиром Хайдаром. Но этот союз не мог быть прочным, так как вскоре возобновилась борьба за пограничные районы, а в 1815 г. Омар-хан, невзирая на дружбу с эмиром, выступил походом на Туркестан, принадлежавший тогда Бухаре, взял его приступом и произвел жестокий грабеж населения.

Взятие Туркестана повлекло за собой переход под власть Коканда прилегающих казахских степей почти до устьев Сыр-дарьи. Там, на месте пересечения караванных путей из Ташкента, Бухары и Хивы в Оренбург, было вскоре построено кокандцами укрепление Ак-мечеть, подчиненное ташкентскому наместнику. В 1821 г. вспыхнуло сильное восстание казахов против кокандского владычества. Восставшим временно удалось даже захватить Чимкент и Сайрам. Восстание было подавлено с большим трудом.

Усиление Кокандского ханства в начале XIX в., выдвинувшее его на первое место после Бухары, вызвало потребность и в юридическом

оформлении власти кокандского хана, как главы независимого государства.

С торжеством вернувшись после одного из походов в свою столицу, Омар-хан потребовал от духовенства фетвы о том, что он имеет право называться „владыкой правоверных" (эмир ул-муслимин). Угодливые кокандские законоведы не замедлили разъяснить, что правом на этот титул располагает тот государь, который имеет на своем иждивении 12 тыс. пенсионеров. Хан приказал по книге записей расходов подсчитать, сколько у него имеется таких лиц; их оказалось будто бы 40 тыс. человек. Титул был, таким образом, закреплен за ним, и хан мог теперь чеканить монету с своим именем и упоминаться на пятничной молитве. Одновременно с этим ряд лиц был возведен в чины и звания, соответствовавшие бухарским, была установлена известная стройность административной системы, и Кокандское ханство, таким образом, внешне приобрело вид организованного государства.

После смерти Омар-хана в 1822 г. на престол был возведен его 12-летний сын Мухаммед-Али (сокращенно Мадали), правивший с 1822 по 1842 г. Несмотря на свое малолетство, он почти немедленно после своего воцарения начал с казней и изгнания всех тех лиц, которыми почему-либо был недоволен еще при своем отце.

Тайные убийцы были посланы им во все города ханства для устранения тех, кто был не угоден новому хану. На первых же порах его правления среди феодалов образовалась партия недовольных, которая с годами продолжала расти.

Борьба за Кашгар и Памирские владения. Года через четыре после своего вступления на престол, Мухаммед-Али был втянут в войну с Китаем. До 1758 г. Кашгаром правили потомки известного Махдуми-А'зама, так называемые „ходжи". Взятие в этом году Кашгара китайцами повлекло массовое выселение мусульман в Фергану и, в частности, бегство в Коканд тех ходжей, которым удалось спастись от избиения китайцами. Китайское правительство стало уплачивать кокандскому хану ежегодную сумму за наблюдение за теми ходжами, которые по своему происхождению и авторитету могли бы явиться возможными претендентами на обладание Кашгаром. Ходжи, находясь под постоянным надзором, тем не менее пользовались при ханском дворе большим почетом. При Мухаммед-Али одному из них, Джехангир-ходже, в 1825 г. удалось бежать из Коканда, собрать вокруг себя несколько тысяч памирских киргизов, вторгнуться с ними в Кашгар и овладеть им, опираясь на поддержку местного мусульманского населения. По просьбе Джехангир-ходжи, Мухаммед-Али оказал ему помощь военной силой. Но прибывшие свежие китайские силы нанесли Джехангиру поражение. Он попал в плен и был казнен в Бейпине. Через несколько лет брат Джехангир-ходжи, Мухаммед-Юсуф, уговорил Мухаммед-Али-хана принять участие в новом походе на Кашгар (1829 г.). Мусульманское население с их приходом поднялось против китайцев, но известие о приближении значительных китайских сил заставило кокандского хана уйти из Кашгара, причем он вывел оттуда в Фергану до 70 тысяч человек, которые были поселены в разных местах ханства; город Шахри-хан (Ханский город), незадолго перед тем основанный Омар-ханом, с его окрестностями был заселен почти исключительно кашгарскими выходцами (так называемыми кашгарлыками). Потом Мухаммед-Али с сыновьями Мухаммед-Юсуф-ходжи раза два или три проникал в Кашгар и поднимал там вос тания. Китайцы за отказ Мухаммед-Али от посягательств на Кашгар усту-

пили ему сбор торговых пошлин в городах Восточного Туркестана; для этого сбора ханом посылался в Кашгар особый сборщик с помощниками. Когда наладились мирные отношения Коканда с Кашгаром, многие из кашгарских эмигрантов вернулись на родину.

Стремление кокандцев подчинить себе таджикские горные владения за южными склонами Алайского хребта было осуществлено, но подчинение Дарваза и более отдаленных —Шугнана, Рошана и Вахана—было номинальным и весьма непрочным; лишь Каратегин, ближе всего лежащий к ханству, оказался более или менее зависимым от кокандских владений.

Война с Бухарой. Все эти внешние успехи Мухаммед-Али-хана, за которые услужливые официальные льстецы почтили его титулом „гази" (воитель за веру), не упрочили, однако, его положения. К общему недовольству присоединилось еще возмущение противозаконными поступками хана, а именно женитьбой на двух родных сестрах и на своей мачехе, жене его отца, Омар-хана. Духовенство стало позорить его, как осквернителя религии и богоотступника. Наиболее ожесточенные противники хана, не решаясь открыто выступить против него, послали в Бухару к эмиру Насрулле, как главе мусульман Средней Азии, коллективную жалобу. Эмир в 1840 г. отправил в Коканд посла с фетвой (постановлением бухарских законоведов), в силу которой кокандский хан Мухаммед-Али признавался кафиром (неверным) за преступный брак с женой своего отца. Мухаммед-Али начал против эмира военные действия, оказавшиеся весьма неудачными и закончившиеся тем, что Мухаммед-Али должен был признать себя вассалом бухарского эмира и уступить ему Ходжент. Через два года в Коканде вспыхнуло открытое восстание: собравшиеся у ханской урды (дворца) толпы народа заявили высланным для переговоров с народом сановникам, что население не желает больше терпеть жестокостей хана. Лишь с большим трудом, разными обещаниями и посулами, удалось успокоить народное волнение. Эмир Насрулла, узнав о происшедшем, выступил в 1842 г. в новый поход против Коканда, разграбил лежавшие на его пути местности и, пользуясь общей паникой, занял Коканд и отдал его на разграбление своему войску. Мухаммед-Али и его ближайшие родственники были схвачены и доставлены эмиру. Эмир на чрезвычайном совещании главных сановников обоих государств заявил, что он присоединяет Кокандское ханство к своим владениям и намерен всех кокандских сановников, опасных для спокойствия страны, переселить в Бухару. Мухаммед-Али, его мать, старший сын и брат были введены в зал совещания и убиты на глазах присутствовавших. Двести пятьдесят знатных кокандцев, в том числе и будущий временщик, кипчак Мусульманкул, были арестованы с женами и детьми и отправлены в Бухару. Вскоре бухарцами был занят и Ташкент. Оставив в Коканде своего наместника и разослав во все города ханства своих правителей, эмир двинулся в обратный путь и с большой пышностью вступил в столицу.

Однако месяца через три после занятия эмиром Коканда, летом 1842 г., в завоеванной области вспыхнуло восстание, и власть эмира Насруллы пала. Причиной восстания были притеснения бухарского наместника, который принуждал население не только платить все налоги, как они взимались в Бухарском ханстве, но и сверх того еще вносить в казну четвертую часть урожая. Доведенные до отчаяния этими вымогательствами, кокандцы вошли в сношения с кипчаками, кочевавшими в пределах Ферганы, и с их помощью провозгласили

ханом жившего на Таласе двоюродного брата Алим-хана, Ширали. Опираясь на значительные силы кипчаков и других узбекских племен, Ширали двинулся на Коканд. Бухарский наместник Коканда бежал в Бухару; бухарский гарнизон и те бухарские чиновники, которые не успели скрыться, были перебиты. Новый хан прежде всего озаботился возведением вокруг Коканда оборонительных стен. Бухарский эмир, узнав о восстании, двинулся в Фергану со своими войсками, но его передовые отряды потерпели поражение от кокандцев. Осада Коканда, руководимая самим эмиром, тоже окончилась неудачей. В обороне столицы приняло участие само население, защищая стены и не только отражая штурмы, но и производя усиленные вылазки. За сорок дней осады девять штурмов бухарцев были с успехом отбиты; терпя неудачу за неудачей, эмир Насрулла пытался вступить в переговоры с Ширали-ханом, но его парламентер не был принят, и Насрулла, получив в это время известие о нападении на Бухару хивинского хана Аллакули, вынужден был спешно удалиться обратно. Вскоре после этого добровольно подчинился Коканду Ходжент. Опираясь на сочувствие населения, кокандцы взяли Ташкент. Таким образом восстановлены были границы Кокандского ханства, существовавшие при Омар-хане.

Господство кипчаков. Кипчаки, содействовавшие вступлению Ширали на престол и свержению власти бухарцев, естественно, занимали первенствующее положение. Их племенные вожди стремились занять высшие места в ханстве. Но так как хан не был расположен передавать высшие административно-военные должности кипчакам, то последние подняли восстание, разбили в нескольких сражениях ханские войска и двинулись на Коканд. В столице совет кипчакских старшин постановил сохранить на престоле Ширали-хана, а главнокомандующим и первым министром (мингбаши) сделать главу кипчакского рода кулан Мусульманкула, находившегося в Бухаре.

Когда Насрулла узнал о восстании в Фергане, он спешно двинулся туда с войском, захватил с собою кокандских заложников. Мусульманкул вошел в доверие эмира и уговорил его разрешить ему поехать в Коканд, чтобы убедить население подчиниться эмиру. Попав в Коканд, Мусульманкул стал призывать народ к защите родины против бухарцев и проявил большую храбрость и распорядительность при защите Коканда от неприятелей. Теперь, заняв столь важную должность в ханстве, он сформировал кокандский гарнизон из кипчаков, заместил все важнейшие должности кипчаками и забрал всю власть в свои руки, так что, по существу, Ширали оставался ханом лишь номинально. В 1845 г., когда Мусульманкул ушел за Ош подавлять мятеж киргизов, некоторые представители узбекской знати, недовольные им и Ширали-ханом, сговорившись с алайскими киргизами, вызвали из Уратепе сына Алим-хана, Мурада, и провозгласили его ханом. Есть сведения, что Мурада поддерживал бухарский эмир. Ширали был убит, его дворец (урда) разграблен, сыновья арестованы; знати было приказано собраться с подарками и приветствовать нового хана. Но широкие массы населения были недовольны переворотом, тем более, что новый хан признал себя наибом (наместником) ненавистного бухарского эмира. Против Мурад-хана составился заговор. Мусульманкул немедленно сообщил о кокандских событиях по кипчакским кочевьям и со своим войском, подкрепленным собравшимися кипчаками, двинулся на Коканд. В пути он захватил тринадцатилетнего сына Ширали, Худояра, бывшего правителем в Намангане, кипчаки подняли его на белом войлоке и провозгласили ханом. Проникнув в Коканд и быстро покончив с не-

большим киргизским отрядом Мурад-хана, Мусульманкул овладел ханским дворцом и убил Мурада, правление которого продолжалось всего 7 дней. Худояр-хан был вторично поднят в столице на белом войлоке и тем окончательно утвержден на кокандском престоле.

Со вступлением Худояра на царство (первое правление с 1845 по 1858 г.) для ханства наступила тяжелая пора. Хан был слишком молод, чтобы вмешиваться в государственные дела, и потому вся власть в ханстве перешла в руки Мусульманкула, ставшего к тому же тестем юного Худояра. Ввиду занимаемого ими теперь привилегированного положения, кипчаки массами переселялись из своих аулов в Коканд, жители изгонялись из своих домов, которые передавались кипчакам. Последние позволяли себе всевозможные насилия над населением. Оросительные каналы (арыки) стали собственностью кипчаков: горожанин и оседлый сельский житель могли получать воду лишь по уплате дани кипчаку, забравшему себе арык, и т. п.

Бедственное состояние ханства еще более ухудшилось вследствие войны с казахами. Еще в 1840 г. в пределы Кокандского ханства перекочевал борец за независимость казахского народа султан Кенесары Касымов, рас считывавший объединиться с подвластными Коканду казахами для борьбы с усиливавшимся наступлением на казахскую степь российского царизма. Но после кровавого столкновения с правителем Ташкента он вынужден был уйти к берегам Тургая. Осенью 1845 г Кенесары начал открытую войну с Кокандом; казахи взяли с бою крепости Джаны-курган, Джулек, Сузак. Другие отряды осадили Ак-мечеть (Кзыл-орда). Опасность со стороны казахов заставила Кокандское ханство заключить союз с Бухарой.

Падение господства кипчаков. Худояр-хан, достигший в 1850 г. совершеннолетия, стал тяготиться опекой своего тестя и всемогущего регента. Ко всему этому присоединились еще и неудачные военные действия Мусульманкула против ташкентского, уратепинского и ходжентского правителей, требовавших его смещения. После своего поражения Мусульманкул даже не решился вернуться в столицу. Тогда Худояр-хан, опираясь на оседлое население края, решил покончить с Мусульманкулом и кипчаками.

Утром 9 октября 1852 г. Худояр-хан принимал обычный салам (приветствие знати) по случаю праздника (Курбан-байрам). После этой непродолжительной церемонии, заранее вызванные ханом ташкентские войска начали избиение кипчаков; к ним присоединились вооруженные горожане. Кипчаков убивали и в домах, и на улицах, и в садах, и в мечетях. Избежавшие смерти помчались во все концы Ферганы, разнося повсюду весть о кокандской резне, но организовать сопротивление им не удалось. Мусульманкул был пойман, привезен в Коканд и казнен. Все земли кипчаков были конфискованы и пущены в продажу по половинной цене. Но так как население боялось покупать эти земли из страха, что кипчаки оправятся и опять войдут в силу, то Худояр-хан отдал распоряжение о принудительной покупке этих земель.

В следующем, 1853 г. началось движение русских войск против пограничных кокандских укреплений: Ак-мечети, Джулека, Кумишкургана, Чин-кургана и Кош-кургана. Худояр-хан оказался последним независимым кокандским ханом.

§ 6. ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Кунгратская династия. Борьба за объединение Хорезма. Кунгратская династия, укрепившаяся на хивинском престоле в 1804 г., повела энергичную борьбу за объединение всех областей Хорезма в

единое государство. Внук инака Мухаммед-Амина Ильтузар, принявший в 1804 г. титул хана, положил, опираясь на племя кунгратов, к которому он принадлежал, начало кунгратской династии. Наиболее яркой фигурой из этой династии явился брат Ильтузара, Мухаммед-Рахим (1806—1825). Для усиления своего авторитета Мухаммед-Рахим восстановил на некоторое время власть фиктивного хана Абулгази, но вскоре отстранил его и сам принял ханский титул. Мухаммед-Рахим завершил борьбу за объединение Хивинского ханства, начатую Мухаммед-Амином. Эта борьба сопровождалась большими жестокостями. По словам тогдашнего русского посланника в Хиве, „казни стали уже не столь часты не потому, чтобы зверская душа властителя хивинского насытилась кровью (он и по сию пору алчет оной), но не доставало более жертв; все, могущие противиться власти его, или были умерщвлены, или удалились в Бухарию; народ покорился ему и стал пресмыкаться".

Мухаммед-Рахим навел известный порядок во внутренних делах ханства. Он учредил верховный совет, на мнение которого стремился опереться в своих решениях, провел налоговую реформу и увеличил доходы путем регулярного взимания податей, завел таможни и монетный двор и, повидимому, первым стал чеканить золотую и серебряную монету. Вместе с тем он стремился прекратить самоуправство и хищничество феодалов и служилого сословия и постепенно подчинил себе мелкие самостоятельные владения. Наиболее упорное сопротивление оказало лишь Аральское владение, вокруг которого объединились враждебные Мухаммед-Рахиму феодальные группировки. Мухаммед-Рахиму удалось покорить Аральское владение лишь после упорной борьбы, закончившейся в 1811 г. поражением аральцев. Город Кунград поплатился за это полнейшим разорением. Около этого же времени Мухаммед-Рахим подчинил каракалпаков, составлявших в начале XIX в. самостоятельное владение на северо-восточных окраинах Хивинского ханства.

В отношении окружавших Хиву кочевников, туркмен и казахов Мухаммед-Рахим то прибегал к террору, то, из соображений политических, проявлял к ним „милосердие". Собираясь в 1818 г. в поход на Хорасан, он склонил к участию в нем туркмен-теке и гокланов. Поход оказался неудачным, так как туркмены не выступили ему на помощь. На обратном пути в Хиву Мухаммед-Рахим неожиданно напал на кочевья гокланов, разорил их и захватил множество пленных, а по возвращении в Хиву отправился в поход против туркмен-теке, которых разбил, отнял у них все пахотные земли, присоединив их к своим владениям, и взял много пленных. Оставшиеся туркмены укрылись в малодоступных местностях, нужда заставила их покупать хлеб по дорогой цене у своих победителей с уплатой тяжелой подати хану, поэтому они вынуждены были просить Мухаммед-Рахима поселить их на землях ханства. Для удержания в повиновении туркмен Мухаммед-Рахим сочетал военные действия с рядом экономических мероприятий. Туркменам-чоудорам, кочевавшим на Мангышлаке и враждебно настроенным к хивинцам, он предоставил льготы при покупке хивинского хлеба; этим он расположил к себе чоудоров, и хивинские торговые караваны могли беспрепятственно ходить как на Мангышлак, так и через Мангышлак в Астрахань.

Подчинение Хиве присырдарьинских казахов дало повод хану в 1819 г. послать к ним сборщиков зяката; но казахи, уже принявшие к этому времени русское подданство, захватили их и отправили в Оренбург; это вызвало поход Мухаммед-Рахима на Сыр-дарью.

Отношения с соседними государствами. Войны хана с Бухарой носили характер опустошительных грабительских набегов, не всегда, впрочем, удачных. Отношения с Афганистаном были весьма дружественными, потому что правивший там Мухаммед-шах (1809—1818) проживал некоторое время в изгнании в Хиве у Мухаммед-Рахима и, став опять шахом Афганистана, был очень расположен к хивинцам, вследствие чего хивинские торговые караваны свободно ходили в Афганистан и торговали там без всяких помех и притеснений. Отношения России к Хиве за это время ограничились лишь дружественным посольством к Мухаммед-Рахиму, отправленным в 1819 г. командующим грузинским отдельным корпусом генералом Ермоловым. Во главе посольства стоял капитан Муравьев, оставивший замечательное описание своего путешествия. Целью посольства было подчинить влиянию России прикаспийских туркмен, построить крепость на восточном берегу Каспийского моря, предложить хивинскому хану вступить в тесную дружбу с Россией и направлять хивинские торговые караваны не на Мангышлак, а на Красноводскую пристань. Первое предложение хан принял, а второе отклонил.

Войны с Ираном и Бухарой при Аллакули-хане. После смерти Мухаммед-Рахим-хана в 1825 г., воцарился его сын Аллакули.

Вторая четверть XIX в. для Хивинского ханства была обильна войнами с внешними врагами и междоусобиями внутри страны. Объектом нападений ханов являлся Хорасан. В это время в северной его части, в пределах современной Туркменской ССР, прочно утвердились полукочевые туркменские племена теке, али-или, сарыки, салоры и другие, среди которых, как оазисы в пустыне, оставались укрепленные иранские города, вроде Несы, Абиверда, Дуруна, Анау (Аби-нау), Меана и других. Опираясь на своих туркмен-иомудов, чоудоров и гокланов и придавая им в помощь казахов и каракалпаков с регулярными узбекскими войсками, хивинские ханы едва ли не каждый год ходили походами на Хорасан, то безуспешно осаждая города, то захватывая их и оставляя там свои гарнизоны.

Аллакули-хан в течение своего семнадцатилетнего правления (1825—1842) лично совершил пять больших походов на Хорасан, не считая ежегодных опустошительных набегов на пограничные хорасанские районы. Хан Мухаммед-Амин (1845—1855) за десять лет своего царствования совершил больше десяти походов на Хорасан и Мерв; при осаде Серахса, находившегося во владении туркмен-теке, последние с помощью иранцев разбили ханское войско; при этом был убит и сам хан. Эти беспрерывные войны на территории главным образом северного Хорасана превратили когда-то богатейшие и цветущие его области в сожженную солнцем степь с развалинами многочисленных городов, с остатками заброшенных ирригационных систем.

Отношения между Хивой и Бухарой все время продолжали оставаться враждебными. Оба ханства оспаривали друг у друга Мерв; бухарцы, как и иранцы, стремились использовать хорасанских туркмен против хивинцев, а последние в свою очередь старались расположить этих туркмен в свою пользу. Подкупы туркменских старшин, широко практиковавшиеся соперничавшими сторонами, подарки им и всякие посулы вносили раскол в среду туркменских племен; нередко часть одного и того же племени выступала на стороне хивинцев, а другая стояла за иранцев или бухарцев.

Международное положение Хивы в первой половине XIX в. усложнялось обострением отношений с царской Россией, которая в

1830 г. делает первую попытку вторжения на территорию ханства (поход Перовского).

Феодальные войны. В течение первой половины XIX в. не прекращались волнения среди туркменских, узбекских, казахских и каракалпакских племенных главарей, то выступавших против хана, то ссорившихся между собою и по очереди просивших у ханов помощи друг против друга. Последним обстоятельством ханы нередко пользовались и натравливали кочевников и полукочевников друг против друга в целях их ослабления.

Гибель Мухаммед-Амина в походе против туркмен (1855) вызвала в Хиве большие волнения. Войско, бежавшее из-под Серахса, провозгласило ханом Абдуллу, царствовавшего только шесть месяцев и погибшего в схватке с туркменами, вторгшимися в пределы Хивинского оазиса. Ханом был провозглашен Кутлуг-Мурад. Иомуды, каракалпаки и казахи не признали этого хана. Первые избрали своим ханом Ата-Мурада, каракалпаки же и казахи—Джар-лык-тюрю. Туркмены, захватив Хиву, убили Кутлуг-Мурада. Наступил период междуцарствия, сопровождавшийся голодом и эпидемиями.

Хану Сейид-Мухаммеду (1856—1864), вступившему теперь на престол, удалось разбить силы туркмен и каракалпаков, причем каракалпакский хан Джарлык был убит. Жестокая расправа хана с каракалпаками вызвала переселение части этого народа, страдавшего от неимоверно тяжелых податей, в пределы Бухарского ханства и в русские владения.

Восстание в Арале. В 1859 г. произошла попытка восстановления независимого Аральского владения. Хивинский правитель этой области Кутлуг-Мурад вызвал всеобщее недовольство жестоким обращением с населением при сборе податей. Возник заговор, в результате которого Кутлуг-Мурад был убит. Правителем области с титулом бека был провозглашен Мухаммед-Пенах, заключивший для борьбы с ханом союз с казахами и туркменским ханом Ата-Мурадом. Туркмены явились в Кунград. Недовольный вмешательством туркмен, казахский бек Азберген откочевал с казахами в свои кочевья. Ата-Мурад оставил в Кунграте 500 туркмен, которые начали так бесчинствовать, что возбудили против себя всеобщее недовольство; раскрыт был заговор, направленный против правителя, и участники его были казнены. После этого Мухаммед-Пенах еще больше сблизился с туркменами, опираясь на их военные силы.

К этому времени относится попытка Мухаммед-Пенаха заручиться покровительством России. В 1859 г. от него прибыло с этой целью посольство в Оренбург. Оренбургский генерал-губернатор приказал Бутакову, начальнику флотилии, находившейся в низовьях Сыр-дарьи, выступить в дельту Аму-дарьи. Ко времени прибытия флотилии хивинский хан подступил к Кунграту и осадил его, но при виде флотилии Бутакова снял осаду и поспешно отступил в Хиву. Недоразумения с Мухаммед-Пенахом и попытки туркмен напасть на лагерь Бутакова вынудили последнего вернуться на Сыр-дарью. Аральское владение снова признало власть хивинского хана.

Вскоре после ликвидации аральского восстания, при преемнике Сейид-Мухаммеда, Сейид-Мухаммед-Рахим-хане Хива была занята в 1873 г. войсками генерала Кауфмана. С этого времени прекратилось самостоятельное существование Хивинского ханства, превратившегося в вассальное государство в составе среднеазиатских владений царской России.

§ 7. КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С начала XIX в. во всех трех узбекских ханствах наблюдается некоторое развитие науки и литературы. В Кокандском ханстве дает этому толчок литературный круг Омар-хана; появляется ряд интересных исторических сочинений, посвященных истории Кокандского ханства; среди них наиболее замечательными являются мемуары Хаким-хан-тюри, охватывающие первое сорокалетие XIX в. и являющиеся важным первоисточником по истории Ферганы.

В Хиве интерес к литературе пробуждается во второй половине XVIII в., когда наблюдается такое характерное для Хивы явление, как увлечение придворных кругов поэзией знаменитого персидского философа Омар-Хайяма (XI — XII вв. н. э.). В Бухаре, наиболее культурной из среднеазиатских столиц, все виды литературы и поэзии оживились во времена эмира Шах-Мурада и в XIX в. достигли если не расцвета, то во всяком случае довольно широкого развития. В это время появилось немало трудов исторического характера, относящихся к Бухаре времени мангытов и представляющих большой интерес для изучения этой эпохи.

Деятельность ученых Бухары и Самарканда не выходила за пределы рамок феодальной науки. Естествознание, география, космография и пр. повторяли фантастические сведения, содержавшиеся в трудах авторов средневековья. Математика изучалась только для практических целей (илми-фараиз—учение о разделе наследства и пр.). Большим распространением пользовался круг схоластических дисциплин—мусульманского суннитского богословия и мусульманского права, причем и в этой области ученые конца XVIII и первой половины XIX в. довольствовались составлением арабских и персидских комментариев на труды авторитетов прежних времен и ревниво охраняли страну от проникновения в нее новых знаний и идей. Такая ограниченность научной мысли была обусловлена сохранявшимися в целости и принявшими застойный характер феодальными отношениями, существовавшими в узбекских ханствах.

Школа. Такой же средневековой оставалась и школа, находившаяся всецело в руках мусульманского духовенства, не допускавшего в школьные программы светских предметов.

Как и на всем мусульманском Востоке в эпоху феодализма, в Средней Азии существовали школы двух типов: низшая — мактаб и высшая—медресе. Мактаб представлял собой начальную школу, где дети обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия.

Высшая мусульманская школа (медресе) также представляла собой чисто конфессиональное учебное заведение, программа которого была построена почти целиком на изучении богословской схоластики в духе суннитского канонического правоверия. Из предметов, не имевших непосредственного отношения к богословию, в медресе изучались: арабская грамматика, логика, риторика, первые четыре правила арифметики, а также начатки алгебры и геометрии. Медресе существовали на доходы от принадлежавших им вакуфных земель.

Окончившие полный курс обучения или прослушавшие его хотя бы частично, обычно занимали должности казиев (судей), их помощников или имамов мечетей, другие оставались при медресе, где занимали затем должности мударрисов (преподавателей). Особенно боль-

шой спрос на воспитанников медресе был в Бухарском ханстве, где на ряд административных и придворных должностей требовались образованные в мусульманском понимании люди.

Придворная литература XVIII—XIX вв. Литературная жизнь в ханствах в конце XVIII—XIX вв. поддерживалась меценатством ханов и крупных феодалов. Однако придворная литература в XIX в. явно изживала себя. Сильно выросла литература городской демократии, чуждавшаяся придворных кругов.

Для придворной литературы изучаемой эпохи характерны распространение антологий—сборников произведений и составление стихотворных исторических хроник. И то и другое свидетельствует об упадке самостоятельного творчества среди поэтов.

В Бухаре при эмире Хайдаре личный секретарь эмира и популярный в свое время поэт Мирза-Садик-мунши, автор „Дивана" в 15 тыс. стихов и большого числа месневи, составил в стихах „Историю мангытских государей" и переложил в стихах популярную в литературах Востока историю Иосифа. В Хиве, в царствование хана Мухаммед-Рахима II, была составлена объемистая антология хивинской поэзии под пышным названием „Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу". Среди хивинских поэтов было много блестящих мастеров слова. Хивинская антология была составлена по поручению хана придворным врачом и поэтом Ахмед-табибом (под псевдонимом Табиби), который не преминул заявить по адресу своих поэтических собратьев: „Все они подражают Навои, но никто из них не талантлив, как Навои".

Историк и поэт Шир-Мухаммед Мунис приступил в первой четверти XIX в. к составлению на узбекском языке истории Хивинского ханства.

После его смерти прерванную работу продолжал по поручению Аллакули-хана племянник Муниса, Мухаммед-Риза, по поэтическому прозвищу Агехи, который довел этот труд до 1872 г. В этом сочинении год за годом описывается история отдельных хивинских ханов, их походы в Хорасан и Бухару, борьба с туркменами и каракалпаками, их внутренняя и внешняя политика. Исторические хроники Муниса и Агехи являются, кроме всего прочего, произведениями художественными.

Наряду с этим в Хиве продолжала вестись большая работа по переводу на узбекский язык исторических сочинений. По поручению хана Аллакули были начаты переводы всеобщей истории Мирхонда и Хондемира, переведены были мемуары Васифи и другие сочинения. Эта работа продолжалась и позднее, особенно в правление хана Мухаммед-Рахима II (1865—1910), по желанию которого были переведены лучшие труды по всеобщей истории средневековых арабских историков ал-Масуди (X в. н. э.) и Ибн-ал-Асира (XII—XIII вв.). Большой размах переводной работы в Хиве объясняется преобладанием там в литературе узбекского языка.

Значительного расцвета достигла литература в Кокандском ханстве. По поручению Омар-хана придворные поэты Фазли и Машраф составили антологию современной кокандской поэзии под названием „Собрание поэтов" (Маджмуа-и-шуара), пользовавшуюся в Средней Азии большой популярностью. В антологию вошли избранные стихи придворных поэтов во главе с самим Омар-ханом, выступившим под литературным псевдонимом Эмир, и поэтессой Надирой, женой Омар-хана. Среди поэтов, стихи которых вошли в „Сборник", наибо-

лее видное место занимали Фазли, Машраф, Гази, Афсус, Садик, Хаджалат, Хазик, Хатиф, Махмур, Гульхани. Поэтическая среда Омар-хана очень характерна; здесь, в кругу поэтов, проводили время его вазир Мухаммед-Абулкасым аталык, брат бухарского эмира Хайдара — Мухаммед-Хусейн-бек, с поэтическим прозвищем Афсус, перебравшийся в Коканд после неудач в борьбе с братом за бухарский престол, военачальники Омар-хана, судьи и др.

Творчество ферганских придворных поэтов отличалось изысканностью формы, но было бедно по содержанию и однообразно. Блестящие по форме лирические стихи и хвалебные оды в честь Омар-хана—таково содержание произведений Фазли,Машрафа, Гази и других придворных поэтов. Широко практиковалось составление стихов на заданные рифму и редиф (слово, повторяемое в конце каждого стиха): в ответ на прочитанное одним из поэтов стихотворение, другой поэт писал новое стихотворение—ответ с той же рифмой и редифом. Такого рода упражнения в поэтическом мастерстве шли явно в ущерб содержанию. Подражания эти обычно имели своим образцом стихи Омар-хана, в угоду которому и составлялись ответы на прочитанные ханом стихи.

Живая мысль, горячий протест против произвола и мрачных сторон действительности с жестокостью подавлялись в придворных кругах во всех трех ханствах. Даровитый лирический поэт, выходец из Герата Хазик после смерти Омар-хана переехал в Бухару. Здесь он написал стихотворение, обличавшее жестокость правившего тогда эмира Насруллы. Стихотворение стало известно эмиру, и поэт был вынужден бежать в Шахрисябз, где его и настигла смерть от подосланного наемного убийцы. Поэт Муджрим, изгнанный из дворца Омар-хана за стихи, выражавшие симпатии к простому народу, бежал в Бухару, но и оттуда также был вынужден удалиться.

Гульхани. К поэтам, затрагивавшим социальные темы, в придворном кругу относились враждебно. Талантливого поэта Махмура, писавшего о тяжелой участи крестьянства, составитель „Собрания" Фазли характеризует как „падшего человека и наркомана". Каждое стихотворение Гульхани—замечательного поэта и автора популярных рассказов, выходца из народных низов,—вошедшее в „Собрание поэтов", Фазли сопровождает стихотворными примечаниями, стремясь умалить его произведения.

Гульхани был родом из горного Таджикистана, но писал и по-таджикски, и по-узбекски. Жил Гульхани в бедности, служа в войске хана, и писал стихи, по замечанию Фазли, во время, отведенное для сна. Прославился он своей замечательной книжкой „Зарб-ул-масал" (пословицы) на узбекском языке. Книга эта составлена из небольших рассказов, героями которых выступают птицы и животные. Под личиной птиц и животных читатель легко обнаруживал знакомые персонажи из окружавшей действительности, в силу чего рассказы приобретали острую социальную злободневность. Все они пронизаны едким юмором, пересыпаны народными пословицами и поговорками; неудивительно, что „Зарб-ул-масал" стала одной из самых популярных в народе книжек. Творчество Гульхани перекликается с городской, непридворной литературой, зарождавшейся в это время.

Городская литература. Впервой половине XIX в., в связи с наблюдающимся оживлением городской жизни и усилением тех общественных групп, которые были связаны с торговлей и ремесленно-промышленной деятельностью, заметно развивается городская литература,

резко отличающаяся по своим интересам и настроениям от дворцовой. Это преимущественно переводная литература, заключавшая в себе главным образом популярные, приключенческого характера, народные романы и повести индийского и персидского происхождения. Так, в тридцатых годах XIX в. в Шахрисябзе поэт Хирами перевел популярные индийско-персидские сборники рассказов „Чар-дервиш" (Четыре дервиша) и „Тути-намэ" (Рассказы попугая). В узбекских ханствах распространялись также списки популярных народных романов „Юсуф и Зулейха", „Тахир и Зухра", „Баз-Оглан", „Юсуф и Ахмед", стихотворные переделки эпического сказания „Гор-оглы" и др. В сборники включались переводы популярных персидских рассказов из цикла „Бахтиар-намэ" и оригинальные рассказы.

Вся эта литература выросла в среде городского населения. Народные рассказы носят на себе черты авантюрного романа или любовных повестей. Замысловатый сюжет, легендарная обстановка и фантастические образы отражают литературные вкусы городского населения, торговцев и ремесленников. Смекалка и ловкость, предприимчивость и удача, достигнутая после многих приключений, характеризуют героев этих рассказов и их жизненную судьбу.

Как и в XVII—XVIII вв., для среднеазиатских поэтов XIX в. по-прежнему характерно двуязычие: все поэты писали на двух языках—на таджикском и узбекском. Так, сборник лирических стихотворений Омар-хана состоит наполовину из таджикских газелей, наполовину из узбекских. Двуязычны диваны и других поэтов кокандского круга. Неоднократно встречаются также стихи, в которых часть строк написана на таджикском языке, а другая часть—на узбекском.

Не только придворные поэты пользовались одинаково свободно таджикским и узбекским языками: двуязычие было распространено и среди широких масс населения. Тесно переплетаются таджикский и узбекский фольклор. Взаимопроникновение двух культур прослеживается и в других областях жизни.

Наметившееся еще в XVI в. культурное сближение двух народов впоследствии стало тесным творческим сотрудничеством. В литературной жизни это сближение проявилось двояко: в письменной литературе—в двуязычии поэтов, в фольклоре—в существовании общего узбекско-таджикского эпоса „Гор-оглы" или „Гургули", замечательных былин о славных делах народных героев-богатырей.

Театр и музыка. Дворцовой литературе противостояло массовое народное творчество, проявлявшееся в песнях, рассказах, сказаниях и главным образом в уличных театральных представлениях бродячих актеров. На площадях городов эти актеры, без декораций и без специальных костюмов, разыгрывали несложные бытовые пьесы, высмеивая ханжество и продажность духовенства, судей, администрации. В таком же сатирическом направлении давались представления кукольного театра, получившего широкое распространение по всей Средней Азии. Лучшими мимистами, имитаторами и кукольщиками считались узбеки. Они разъезжали по кишлакам и аулам всех ханств Средней Азии. Из других видов народного искусства были распространены акробатика и показ фокусов. Театральные и акробатические представления устраивались, главным образом, во время празднеств: старинного праздника наступления весны — „гули-сурх" и религиозного праздника—рамазана, а также и на семейных торжествах.

Массовым искусством была также музыка. Музыкальные инструменты—духовые, струнные, ударные—были весьма примитивны по

своей технике, но музыканты умели создавать на них своеобразные и сложные музыкальные мелодии. Пение обычно сопровождалось игрой на инструментах. В театральных и трюковых представлениях участвовали также музыканты.

Строительное искусство. В конце XVIII и начале XIX в. мастера Хорезма заняли первое место в архитектурном творчестве Средней Азии. В этот период в Хиве и других городах ханства было возведено много зданий—дворцов, базарных помещений, медресе, мечетей и мазаров; некоторые из них были весьма значительны по своим размерам. Среди сохранившихся до нас памятников обращают на себя внимание дворцовые здания, как, например, дворец Рахманкул-инака в Хазараспе, куриниш-хана Ильтузар-хана (начало XIX в.) и Таш-хаули, построенная Аллакули-ханом в 1832 г. Стены этих зданий обильно облицованы майоликовыми плитками с зелеными и белыми переплетениями цветов и побегов по темносинему фону, выполненными в характерной манере, свойственной строительству Хорезма того времени. Колонны и двери покрыты затейливой и тонкой резьбой. Также отделаны изразцами большие медресе Аллакули-хана (1832) и Мухаммед-Амин-хана (1852—1853). Рядом с последним начата была оставшаяся незаконченной постройка огромного минарета, поверхность которого покрыта полосками цветных изразцов с преобладанием голубого и темнозеленого тона. Самый факт попытки возведения минарета, который должен был стать самым высоким минаретом в Средней Азии, весьма показателен для широких размеров строительства этого времени.

Из гражданских построек значительный интерес представляют большой караван-сарай и базар Аллакули-хана (1835) и ворота Палван-дарваза, возведенные при Мухаммед-Рахим-хане I (1806).

Все эти постройки не могут быть сопоставлены в какой-либо мере с теми пышными и великолепными зданиями, которые возводились в прежние времена в Бухаре и Самарканде. Несмотря на довольно значительные размеры некоторых из них, они бедны по своим архитектурным формам.

С другой стороны, прекрасная и совершенно особого стиля резьба по дереву и такое же своеобразное искусство изготовления изразцовой майолики, которые расцвели в Хорезме в конце XVIII в. и в XIX в., свидетельствуют о том, что традиции мастерства, создавшего в прошлом такие незабываемые шедевры, как памятники Ургенча, передавались от одного поколения мастеров к другому и ожидали только благоприятных условий для своего дальнейшего развития.

Не меньшей, пожалуй, интенсивностью отличалась строительная деятельность в Коканде, где ханом Мухаммед-Али, Худояр-ханом и другими, а также их приближенными было возведено много капитальных зданий как в столице ханства, так и в других крупных населенных пунктах. Сравнение этих зданий с хивинскими обнаруживает между ними весьма существенное различие. В то время как памятники Хивы остаются традиционными произведениями старой среднеазиатской феодальной архитектуры и представляют собой один из этапов ее развития, в памятниках Коканда, несмотря на то, что планы и общее расчленение массы здания остаются такими же традиционными, в архитектуру вносится нечто новое, еще слабо прослеживаемое, но свидетельствующее уже о внешних связях и внешних заимствованиях. Декорировка зданий, в которой применяются цветные изразцы, раскраска потолков, резьба по алебастру, отличаются по

сравнению со старым среднеазиатским строительством, большей пестротой и яркостью, иногда режущей глаза своими цветовыми диссонансами. Этим особенно отличается известный дворец Худояр-хана в Коканде.

В Бухаре возводились в этот период иногда также довольно крупные здания (например, медресе Дамулла Турсун-джана, построенное в 1796—1797 гг.), но большая часть построек этого времени отличается сравнительно небольшой величиной, ухудшением строительной техники, почти полным отсутствием декоративной отделки. Из отдельных зданий некоторый художественный интерес представляет группа построек Халифа-Худайдад, состоящая из мечети, медресе, мазара и сардоба (весь комплекс относится ко времени с 1777 по 1855 г.), очень живописная группа из четырех близко поставленных башен с голубыми куполами, возвышающаяся над входом в медресе Чар-минар (Халифа-Ниязкул; построено в 1807 г.), и стройное медресе Ирназар-ильчи (1795).

Жилищное строительство. В массовом жилищном строительстве второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. как в кишлаках, так и в городах преобладали постройки из битой глины, из высушенных комков глины или из сырцового кирпича квадратной или прямоугольной формы.

Жженый кирпич, обжигаемый в особых печах (хумдон), изготовлялся только квадратной формы и употреблялся почти исключительно в монументальном строительстве (медресе, бани). Даже квартальные мечети из него почти никогда не делались. В жилых домах жженый кирпич употреблялся только иногда на фундамент, а у наиболее богатых—на выстилку полов.

Лес был дефицитным и сравнительно дорогим строительным материалом, поэтому в массовом строительстве имели широкое распространение конструкции без леса, главным образом глинобитные и сырцовые; каркасные же постройки имели значительное применение только в местностях с засоленными почвами и высоким уровнем стояния грунтовых вод (напр., в городах Бухаре, Коканде), где постройки из глины под действием этих факторов быстро разрушались и угрожали внезапным обвалом.

Среди применявшихся в строительстве пород леса большое место занимала арча, привозимая из горных лесов.

Существовали также жилища полуземляного типа, врытые в землю на полметра и более, с толстыми глинобитными стенами. Благодаря малой теплопроводности лёсса, в таких жилищах было тепло зимой и прохладно летом. Полуземлянки часто не имели оконных проемов и, кроме двери, единственным источником света в них было особое отверстие в крыше, называемое „туйнук". Так как в полуземлянках обычно применялось отопление костром, то это отверстие служило также и для выхода дыма. В наиболее холодные зимние дни дверь жилища закрывалась, туйнук затыкался куском старого войлока или тряпки и в помещении становилось настолько темно, что приходилось и днем зажигать масляный светильник „чираг".

Окна в домах из-за отсутствия стекла закрывались деревянными ставнями. Дверные и оконные ставни зимой обычно бывали целый день открыты, и в тех местах, где жилые комнаты были ориентированы на юг, солнце играло существенную роль в обогревании дома. Способы отопления, применявшиеся в городах и кишлаках Узбекистана, были довольно разнообразны. В Бухаре, Самарканде, Ташкенте наиболее

распространен был так называемый „сандал" или „сандали", бытующий во многих местах Средней Азии до настоящего времени. В Ферганской долине сандал употреблялся мало. Большая часть населения обогревалась камином (мури), представляющим устроенный у стены очаг с дымоходом над ним. В Бухаре и Самарканде камин применялся редко. Наряду с этими видами отопления всюду, особенно в сельских местностях, имело место курное отопление костром, сплошной областью применения которого был Хорезм и Кара-Калпакия.

Нередко в бедных и даже средних по достатку домах жилая комната использовалась не только для жилья, но и как место хозяйственной деятельности (специальная кухня имелась редко), хранилище запасов продуктов и топлива и даже, частично, как хлев для содержания молодых ягнят и телят.

Богатые дома отличались от бедных главным образом внутренней отделкой. В бедных домах стены покрывались грубой глино-саманной штукатуркой, в богатых—алебастром или глиной с примесью тонкого тростникового пуха („тузгок"), допускавшей нанесение на нее резной и расписной орнаментации. Резьба по алебастровой штукатурке имела очень высокий рельеф и большею частью не окрашивалась. Игра светотени придавала узору большую выразительность. На стенах и на потолках применялась роспись. Полы (земляные или выстланные жженым кирпичом) покрывались у богатых коврами, у людей средней состоятельности кошмами, а у бедняков камышевыми цыновками.

Художественные ремесла. Во всех трех ханствах стояли на значительной высоте: резьба по дереву и меди, изготовление глиняных и фаянсовых изделий, оружия, разных тканей и пр.; эти изделия часто отличались высоким совершенством и делали честь работе ремесленников. Выдающимися образцами народного творчества являлись: туркменские ковры с их своеобразным, но строгим орнаментом и расцветкой; таджикские и узбекские вышивки и ткани—шелковые бумажные, набойки, бархаты и т. д. Хивинские и кокандские резчики по дереву, бухарские, риштанские, хорезмские и другие мастера-керамисты, медники, покрывавшие свои изделия тонко-выгравированным орнаментом, ювелиры, изготовляющие украшения с камнями и эмалями, создавали прекрасные художественные изделия. Многое из продукции художественного ремесла узбекских ханств было известно за их пределами.

Художественное оформление рукописей продолжало следовать старым традициям; лишь миниатюра почти исчезла из рукописного обихода.

ГЛАВА VI

КАРАКАЛПАКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Изменения в хозяйственном быту каракалпаков. В XIX в. и в хозяйственном быту, в социальном строе, и в политическом положении каракалпаков произошли очень крупные перемены.

В хозяйстве каракалпаков основным занятием стало земледелие. „Народ сей,—писал в 1820 г. Муравьев,—привязался к землепашеству". „Главный и почти единственный промысел этого народа—земледелие",—говорилось в одной газетной статье 1868 г. На территории, занятой каракалпаками, земледелие было возможно лишь при искусственном орошении, но, „благодаря любви к труду, все каракалпакские земли орошены превосходно и нигде не чувствуется недостатка в воде, даже там, где приходится поднимать ее чигирем". Более крупное значение получило в XIX в. и сенокошение, ввиду сокращения районов перекочевок. Клеверное сено собиралось в значительном количестве и имело в семидесятых годах большое значение для каракалпакского хозяйства.

С развитием земледелия уменьшилось значение скотоводства в хозяйстве. В 1859 г. каракалпаки уже занимались „преимущественно земледелием и только для насущных потребностей—скотоводством".

Однако даже во второй половине XIX в. каракалпаки не перешли еще к полной оседлости и продолжали вести полукочевой образ жизни. На время земледельческих работ они переходили в летние юрты поблизости от своих пашен, а зимой переносили свои юрты в огороженные места (кал'а) для защиты от нападения врагов, но далеко уже не откочевывали, „старались держаться ближе к своим полям".

Значительное место в хозяйстве некоторых групп каракалпаков занимало рыболовство. „Каракалпаки больше едят рыбу, иные ею, почитай, только и кормятся",—рассказывал в 1824 г. русский наблюдатель. Они выезжали для рыбной ловли в Аральское море на небольших лодках. По протокам и озерам у них были целые рыболовные поселки с жилищами, построенными на плотах.

Ремесленное производство было слабо развито. Даже во второй половине XIX в. оно обслуживало только домашний обиход, а изделия были невысокого качества. В XIX в. каракалпаки ткали алачу и другие грубые бумажные материи, тесьму для обвязывания кибиток, ковры и армячину из верблюжьей шерсти, изготовляли деревянные предметы (рукоятки для топоров и кетменей, основы для кибиток), выделывали кожу, седла, уздечки, подпруги, а также кошмы. Избыточная часть ремесленной продукции попадала на рынок. Подсобным занятием в XVIII и XIX вв. служили перевозы купеческих караванов на лодках через реки и озера.

Недостаток в собственном хозяйстве, вследствие отсутствия промышленности, ряда предметов первой необходимости толкало каракалпаков на совершение набегов на торговые караваны. В XVIII в. поездки купеческих караванов из Бухары и Хивы были крайне затруднены, „ибо каракалпаки, проезжих грабили до самого Аральского моря". На больших караванных дорогах каракалпаки брали с них подать за водопой. „Для укрытия" от набегов каракалпаков жители пограничных областей Хивинского ханства вынуждены были строить башни.

Наряду с набегами, источником получения необходимых товаров служила торговля. Обер-секретарь Сената Кириллов еще в 1733 г. писал: „Каракалпаки не разбойники, сами торгуют". При Петре I каракалпакский хан Ишим-Мухаммед вел даже переговоры с царскими властями об установлении правильных торговых сношений.

В XIX в., с повышением производительности каракалпакского хозяйства, участие каракалпаков в торговле приняло более интенсивный и систематический характер. Каракалпаки поставляли на местные среднеазиатские рынки главным образом продукты скотоводства, снабжая скотом Хиву и Кунград в обмен на бухарские и русские товары. На продажу шли кожи, седла, уздечки; наряду с этим, продавались продукты сельского хозяйства (табак), а также грубые материи из хлопка.

В середине XIX в. центр аральских каракалпаков—г. Чимбай превратился в довольно значительный рынок. Город возник в округ усадьбы одного богатого каракалпака. Здесь не было постоянного населения, большинство прикочевывало лишь на время для торговли. Благодаря выгодному географическому положению, Чимбай, связанный водным путем с главнейшими пунктами Хивинского ханства и с российскими владениями, превратился в довольно оживленный центр. Товары доставлялись водою до Нового Ургенча и других мест. С другой стороны, здесь сходились и сухопутные дороги, соединявшие город со всеми каракалпакскими районами. В Чимбае было много лавок; близ базара устроен был большой караван-сарай для приезжих купцов из Хивы и Бухары. Торговое значение Чимбая способствовало образованию там небольшого торгово-ремесленного поселка, в котором жили „коренные торговцы, ремесленники, местное духовенство". Чимбай быстро разрастался; он был окружен глиняной стеной. В пятидесятых годах сюда были перенесены административный центр каракалпакской земли и резиденция наместника хивинского хана.

Итак, экономика каракалпаков в XIX в. характеризуется переходом от примитивного кочевого скотоводства к довольно интенсивной земледельческой культуре и полуоседлости. С повышением хозяйственного уровня связаны также развитие торгового обмена и зачатки ремесла. Эти явления нашли отражение и в строе социальных отношений каракалпаков.

Пережитки родо-племенных отношений. В первой половине XIX в. каракалпаки сохраняли еще в виде пережитков много черт родо-племенного общественного строя. Значительная часть принадлежавшей им территории находилась в общем пользовании отдельных племен и родов. Общество, владевшее сообща землей, называлось „джемаа" (община). В семейном быту каракалпаков было тоже много пережитков патриархальных родовых обычаев, как, например, неограниченная власть отца над членами семьи, покупка жен за кебак (калым), иногда очень высокий. Женщины находились на положении „совершенных невольниц своих мужей".

Рабство, существовавшее у каракалпаков в начале XIX в. в ограниченных размерах, не утратило патриархальных черт. С невольниками обычно обращались хорошо. После нескольких лет неволи они могли „выслужить от хозяев своих свободу". Бывшие рабы женились на каракалпачках, обзаводились домами и землей и участвовали в военных предприятиях каракалпаков, как равноправные члены племени. В XIX в. намечаются уже смешанные группировки, в которые входили представители различных родов и даже племен. Так, в 1810 г. к бию киятских каракалпаков, Экилику, кроме 400—500 кибиток собственного племени (эля), примкнуло 200 кибиток кунгратов и мангытов. К середине XIX в. сложилось очень крупное межродовое объединение Он-торт-улус (четырнадцать родов), повидимому, образованное искусственно хивинским правительством по образцу подобной же организации, введенной ханом Абулгази в XVII в. среди узбеков. В это объединение входило около 14 родов из племен хитай, кипчак, мангыт и других.

Социальная диференциация среди каракалпаков. Родо-племенной строй у каракалпаков уже в XVIII в. находился в стадии распада. Процессу социальной диференциации и распаду родо-племенных отношений способствовало развитие земледелия. Результаты этого явления сказались уже совершенно явственно к середине XIX в. Каракалпакское общество резко делилось к этому времени на трудовое население и богатых людей. Распределение скота среди каракалпаков, по данным 1871—1872 гг., было крайне неравномерным. Встречались бедняки, имевшие всего 11—17 баранов, и отдельные богачи, владевшие 1000 голов крупного скота и одновременно 1500 баранов. В среднем хозяйстве имелось 20—30 голов крупного скота и 50—100 баранов. Земельная община к середине XIX в. уже распадалась, и на общественной земле выросло к этому времени крупное частное землевладение. Например, среди спорных земель на Чукур-куле из 380 тысяч танапов, принадлежавших племенам каз-аяклы и уйгур, более 57 тысяч танапов являлось собственностью частных лиц, не считая еще одного большого частного владения, размеры которого не могут быть установлены. Среди частных земельных владений встречались очень значительные—в 4—6, даже 15 тысяч танапов. Крупные землевладельцы раздавали часть своей земли зависимым людям. Бий Абдулла из своих 6370 танапов роздал 738 танапов 12 лицам, преимущественно небольшими участками, и пожертвовал 500 танапов в пользу основанной им мечети. Процесс распада общинного землевладения непрерывно продолжался.

Наряду с выделением богатой верхушки образовался слой бедноты, вынужденной добывать пропитание работой на своих богатых сородичей; в семидесятых годах XIX в. этот процесс значительно усилился.

Резкое классовое деление каракалпакского общества в XIX в. находило себе внешнее выражение даже в одежде. Обычно каракалпаки носили зимой суконные кафтаны, летом—армяки, вытканные из верблюжьей шерсти; у большинства были только „жалкие лохмотья, едва покрывающие их пропеченное солнцем тело". Наоборот, состоятельные люди подражали знатным хивинцам и носили шелковое платье.

Феодальная знать. Следствием развития крупного землевладения явилось зарождение в каракалпакском обществе феодальных отношений. Постепенно из общин выделялись владельцы больших участков земли, которые могли их обрабатывать лишь с помощью издоль-

щиков. Ядро этих землевладельцев составляли бии и старшины, которым их положение в племени предоставляло легкую возможнось захвата части общинной земли. Отдельным племенным биям перед присоединением Хивы к русским владениям принадлежало по нескольку тысяч танапов. Владение землей укрепляло политическое значение знати. Крупные землевладельцы, раздавая участки земли своим приближенным и духовенству, создавали круг обязанных и зависимых людей.

До 1870 г. управление племенами сосредоточивалось в руках биев и аксакалов. Их усмотрению подлежало „наказание виновных и беспокойных и упорядочение дел подданных". Они выполняли, в первую очередь, судебные функции, управляли аулами, за маловажные преступления имели право применять телесные наказания, в их пользу шли судебные пошлины. Они же распределяли между соплеменниками натуральные повинности, как-то: перевозку (улаг) и снабжение продовольствием (азука) должностных и почетных лиц. Резиденцией бия была небольшая крепость (кал'а). Крепость была окружена глиняными стенами и глубоким рвом и обычно состояла из двух частей: одна не имела построек и предназначалась для размещения кибиток каракалпаков, которые зимою приходили сюда под защиту крепостных стен; другая представляла собою прочную глиняную цитадель. При некоторых укреплениях были выстроены медресе. В таких крепостях, в случае военной опасности, каракалпаки укрывались от неприятеля и выдерживали осаду; тут же бии хранили свои запасы хлеба. До сих пор сохранились развалины таких замков, как, например, Кара-калпак или Орунбай на Янги-дарье, принадлежавший известному в начале XIX в. мангытскому бию Орун-баю. В XIX в. власть передавалась по наследству от отца к сыну, и эта наследственность власти усиливала положение биев. Власть биев сохраняла некоторые черты патриархальности, и бии пользовались традиционным уважением среди своих соплеменников; но по существу их власть была властью феодальной, дававшей возможность эксплоатировать соплеменников средствами внеэкономического принуждения. „Притеснения ими народа,—пишет один очевидец в 1870 г.,—часто несправедливость в решениях судебных исков бывают причиной непопулярности старшин в глазах народа".

Особую группу среди феодальной каракалпакской знати XIX в. составляли духовенство и руководители (ишаны) дервишских орденов. Под непосредственным воздействием хивинского правительства, у каракалпаков был создан институт судей—казиев, судивших по шариату; этот суд конкурировал с судом биев, судивших по адату (обычаю). Решениям казиев каракалпаки подчинялись беспрекословно. Подобно биям, духовенство пополняло ряды землевладельцев. Например, по данным архива хивинского хана, из 4900 танапов земли племени катаган в Сары-чонгуле более 1000 танапов принадлежало духовным лицам. Представители духовенства и дервишизма являлись также и крупными скотовладельцами. В 1872 г. среди каракалпаков самыми крупными скотовладельцами были один ходжа и один ишан: у каждого из них было по 1500 голов крупного скота и по 2000 баранов. Рост числа крупных землевладельцев и скотоводов среди духовенства и ишанов в XIX в. укреплял политическое значение этой группы феодалов.

Культура каракалпаков. По сравнению с населением Бухары, Хорезма и Коканда, каракалпаки в культурном отношении стояли на более низкой ступени развития. Духовенство внедряло в их среду феодальную мусульманскую культуру: в каждом ауле имелась школа, руководимая муллой, но школы влачили жалкое существование. Высших

духовных школ было „самое ограниченное число". Только богатые люди, в виде исключения, давали образование своим детям в училищах Хивы; в 1858 г. среди учеников в медресе Кутлуг-Мурада в Хиве числилось лишь два каракалпака. Даже каракалпакские казии были люди „бедные познаниями и развитием" и „плохо понимали шариат". Зато народное творчество каракалпаков было очень богато; широко распространено было пение народных былин. У каракалпаков были певцы, воспевавшие подвиги каракалпакских богатырей. Русские исследователи записали несколько каракалпакских легенд, в частности, о переселении каракалпаков из Поволожья в Среднюю Азию.

§ 2. КАРАКАЛПАКИ ПОД ВЛАСТЬЮ ХИВИНСКИХ ХАНОВ

Завоевание Каракалпакской земли хивинскими ханами. Длительная, затянувшаяся на целых полвека, борьба каракалпаков с Хивой завершилась в XIX в. подчинением их хивинским ханам.

В 1803 г. хан Ильтузар, бывший в то время еще беком, воспользовался борьбой, шедшей среди наиболее многолюдного и могущественного каракалпакского племени—хитаев. Борьба эта, вызванная обострением процесса социальной диференциации, носила, несомненно, классовый характер. Одна группировка, которую возглавлял Мухаммед-бек, носивший многозначительное прозвище „карачи" (разбойник), состояла, по определению официальных хивинских летописцев, из „бродяг и воров". Это были, очевидно, низы каракалпакского общества. Другая группировка, которую возглавлял Шукур-Али „из знати того племени", искала поддержки для подавления опасного движения у хивинского хана. К нему обратился Шукур-Али, „огорченный позором такого соседства". Ильтузар выступил в поход. Мухаммед-бек скрылся в тугаях, его люди бежали в степь, но хивинцы догнали их и многих перебили; захватили скот и увели жен и детей в плен. После этой расправы Ильтузар повернул в обратный путь. Через месяц знатные люди племени хитай прибыли к ханскому двору с подарками и выражением покорности; они обязались платить зякат и харадж, а хан возвратил им взятых в плен женщин и детей. Это было официальное признание подданства Хивы одним из крупнейших каракалпакских племен. При преемнике Ильтузара—Мухаммед-Рахиме—хивинцы приступили к окончательному покорению дельты Аму-дарьи. В 1809 г. Мухаммед-Рахим лично выступил в аральский поход. Каракалпаки, жившие на границе с хивинскими владениями, были застигнуты врасплох и должны были подчиниться. Но одно из самых сильных племен, возглавлявшееся Хасан-баем, ушло в сторону Кунграта. Хасан-бай рассчитывал на помощь кунгратского правителя Тюря-Мурад-суфи, „под многолетним покровительством" которого племя находилось, и расположился укрепленным станом под стенами Кунграта. Хан осадил укрепление Хасан-бая, отрезав его от сообщения с Кунгратом. Осажденные сдались на милость победителя и были принудительно переселены на новые места. Сам Хасан-бай явился с повинной. После этого и другие каракалпакские бии поспешили прибыть на поклон. Хан обложил их племена зякатом.

В 1810 г. кунгратский правитель Тюря-Мурад-суфи попытался вернуть утраченную власть над каракалпаками. С большим войском он осадил Ак-якыш, укрепленный город, построенный хивинцами на территории каракалпаков. Здесь засел купленный ханскими милостями и преданный хивинскому правительству каракалпакский бий Айдост.

Благодаря удачному маневру в тылу у осаждающих, Айдост нанес им сильное поражение, но значительная часть каракалпаков, кочевавшая близ укрепленного каракалпакского городка Шоркуля, примкнула к Тюря-Мурад-суфи. Хан лично пошел на Шоркуль. После небольшого боя крепость была взята, и каракалпакские старшины, „повесив свои шашки себе на шеи" в знак покорности, сдались на милость хана. Едва Мухаммед-Рахим-хан ушел обратно в Хиву, как большинство каракалпакских племен обратилось за помощью к казахскому хану Абдулазизу и признало себя его подданными. Это послужило поводом для нового похода Мухаммед-Рахим-хана. Преследуя каракалпаков, он дошел до берегов Аральского моря. Восставшие каракалпаки были загнаны на острова дельты. Хан прибег к посредничеству некоторых послушных ему биев, и вожди восстания выразили покорность.

В следующий, 1811 г. Мухаммед-Рахим-хан совершил поход на Янги-дарью для покорения живших там каракалпаков. Завоевание Янги-дарьи было обеспечено тем, что на сторону хивинцев здесь перешел наиболее влиятельный бий Орун-бай. Янгидарьинские каракалпаки пытались откочевать к казахам, но были настигнуты войсками хана и вынуждены покориться. По распоряжению хана, они были выселены на территорию Хивинского ханства. Переселенцы сделали было попытку вернуться на прежнее свое местожительство на Янгидарье, однако здесь на них напали казахи. На выручку каракалпакам из Ак-якыша, по приказанию хана выступил Айдост-бий. Казахи, захватив с собой часть каракалпаков, поспешно бежали, а Айдост-бий увел с Янги-дарьи к себе в Ак-якыш оставшихся там каракалпаков. После этого казахи заняли своими зимовками район Янги-дарьи.

Так завершилось покорение каракалпаков Хивой. В результате подчинения хивинским ханом основная масса каракалпаков должна была осесть в низовьях Аму-дарьи, на территории между Ходжейли и морем. Некоторая часть каракалпаков пребывала под властью бухарских ханов в долине Зарафшана. Точно неизвестно, когда и при каких условиях проникли каракалпаки в Фергану.

Хивинские ханы использовали в борьбе с каракалпаками племенную вражду, существовавшую между ними и туркменами, и охотно прибегали к содействию туркмен, которые, по указанию хивинского правительства, нападали на каракалпаков и разоряли их земли.

Одним из средств лишить каракалпаков возможности сопротивляться было принудительное переселение их на территорию ханства. К этому способу хивинские ханы прибегали неоднократно. Переселение носило организованный характер и производилось под наблюдением ханских чиновников. Для каракалпаков, вынужденных покидать насиженные места, на которых они создали хорошую систему орошения, переселения были связаны нередко с полным разорением. Попытки возвратиться на прежние кочевья, беспощадно подавлялись хивинским правительством.

Наконец, чтобы удержать в повиновении каракалпаков и подавить с самого начала всякие попытки восстаний, ханы строили на занятой ими территории крепости, которые, кроме того, служили для обороны от нападения казахов и туркмен. Такова, например, большая крепость Ак-якыш, в которой стоял охранный отряд под начальством коменданта из хивинцев и, лишь в виде исключения, из местных биев.

Эксплоатация каракалпаков хивинскими ханами. Хивинское правительство отдало каракалпакам в общественное пользование для

поселения земли в низовьях Аму-дарьи. В первое время каракалпакам были предоставлены некоторые льготы, благодаря чему они могли направить свои силы на развитие земледельческой культуры в занятых ими районах. Однако очень скоро каракалпаки были низведены „относительно податей и повинностей" к общему уровню. Уже тотчас после покорения на них была возложена обязательная военная служба. В случае войны каракалпаки должны были доставлять от 1000 до 2000 нукеров (воинов), как пеших, так и конных. Им шло ничтожное жалованье из ханской казны. В поход они выступали под двойным командованием: собственных биев и назначаемых ханом сотников (юзбаши) из узбеков. По отзыву самих хивинцев, на войне каракалпаки отличались храбростью: „каракалпакские храбрецы" с молниеносной быстротой пускали коней на врагов и, прорвав их строй, обращали в бегство. Согласно твердо установившемуся правилу—натравливать одно непокорное племя на другое, хивинские ханы использовали каракалпаков очень часто для подавления восстаний туркмен. Поставка воинов ложилась тяжелым бременем на каракалпаков; в середине XIX в. она всякий раз обходилась им от 100 до 140 тыс. тиллей, т. е. приблизительно от 180 до 252 тыс. золотых рублей.

Каракалпаки должны были вносить большие подати в хивинскую казну. По мусульманскому обычаю, они были обложены зякатом, т. е. сороковиной со скота. В середине XIX в. зякат составлял 5 малых тиллей с 40 штук крупного скота (мал), т. е. около 9 руб., и по 10 аббасов с 40 штук мелкого скота (кой), т. е. 2 руб. 50 коп.; позже брали по 1 тенга с головы скота. Каракалпаки, кроме того, были обложены поземельным налогом—салгытом, заменявшим в Хиве общепринятый харадж. С узбекского населения ханства салгыт взимали „потанапно", с каракалпаков же его взыскивали „огулом", так как земля считалась в общественном пользовании (так называемый салгыт-кесме, или определенный окладной салгыт). Ввиду того что каракалпаки вели полукочевой образ жизни, салгыт с них распределялся не по количеству обрабатываемой земли, а брался с кибитки или с дома в размере от $1^1/_2$ до 3 малых тиллей (2 руб. 70 коп.—5 руб. 40 коп.). При отсутствии точной единицы обложения открывался широкий простор для злоупотреблений старшин, в результате чего малоземельные бедняки часто облагались выше богатых землевладельцев.

Наконец, в случае военной опасности каракалпаки платили, наряду с остальным тяглым населением ханства, особую котловую подать, „с котла", т. е. с хозяйства.

Очень тяжелым бременем лежали на каракалпакском населении принудительные работы по ирригации. Для этих работ каракалпаки выделяли, по соглашению с ханом, до 6 тысяч рабочих (казучи). Большая часть населения района была освобождена от этой повинности, и она возлагалась почти исключительно на каракалпаков, которые производили оросительные работы не только на собственных землях, но и на землях хана.

В середине XIX в. хивинские ханы щедро раздавали каракалпакские земли в мульк своей родне. Много земель захватывали сами ханы. На ханских землях работали не только рабы, но и каракалпаки, которые были принудительно поселены в данном районе.

Управление Каракалпакской землей при хивинских ханах. Управление каракалпакскими племенами формально было оставлено в руках биев и старшин (аксакалов), но права и самостоятельность их были

сильно ограничены. Ханы утверждали биев в их должностях, выдавая им ярлыки на управление племенем (эль). Отдельным биям, сумевшим заслужить доверие хивинского правительства, предоставлялись широкие полномочия, так как ханы рассчитывали на их службу и содействие в удержании каракалпаков в повиновении. Так, при хане Мухаммед-Амине—Айдост-бий, „благодаря всемилостивой поддержке", стал правителем (хакимом) не только всех кунгратских каракалпаков, к которым принадлежал его род, но и всего каракалпакского улуса. Айдост разбирал своей властью тяжбы и споры, возникавшие среди каракалпаков, и долгое время верой и правдой служил интересам хивинского двора. „Его работа одобрялась слугами его величества, который относился к нему милостиво". Айдост пользовался при дворе большим почетом и доверием, „на правах доверенного лица (махрама) докладывал непосредственно хану некоторые тайны, относившиеся к делам государства и к преуспеянию подданных". Хан, ценя услуги Айдоста, „исполнял все его "слова". На Айдоста было возложено поддержание хивинского владычества над каракалпаками, „наказание виновных и беспокойных и упорядочение дел подданных". Чтобы крепче привязать каракалпакскую знать к службе, ханы широко применяли систему подкупов, щедро оделяя биев и старшин жалованьем денежным (вазифа) и хлебным (ин'ам), халатами, дорогим оружием. Некоторым биям предоставлялось право держать отряды нукеров, необходимые им для исполнения обязанностей по сохранению порядка. При приезде биев в Хиву, их окружали внешним почетом. Когда Айдост „прибывал из степи в столицу, хан приглашал его на аудиенцию, при обращении называл его „бий-баба" (дедушка-бий) и отпускал его с полным почетом, одаряя одеждой и большими деньгами". Сыновья биев принимались на ханскую службу.

Ценой всех этих „благодеяний" ханы стремились превратить каракалпакскую знать в покорных чиновников „высокого дворца". Согласно получаемым биями ярлыкам на бекство, они были „обязаны исполнять какую бы то ни было службу, оказывать свое содействие (ханским чиновникам). Кто окажет ослушание, подвергается шахскому наказанию". Бии должны были беспрекословно подчиняться приказаниям ханских чиновников: „бежать, преследовать, ловить, освобождать, садиться на лошадь и слезать с лошади" и всегда „оказывать им надлежащий почет и покоряться им во всех отношениях".

Однако хан не мог полагаться всецело на верноподданнические чувства каракалпакской знати, еще не вполне порвавшей связь со своими племенами и вместе с тем раздраженной ограничением ее самостоятельности хивинскими чиновниками. Айдост, осыпанный ханскими милостями, в конце концов, все-таки изменил Хиве, как и многие другие „неблагодарные" бии. Поэтому ханы оставляли за собой общее политическое наблюдение за каракалпаками и сосредоточивали в руках хивинских чиновников важнейшие функции по управлению „Каракалпакским улусом". Сбор податей с каракалпаков производился особо назначенными ханом лицами, которые присылались из Хивы. Во главе каракалпакских военных отрядов, наряду с местными биями, ставились хивинские юзбаши (сотники). Суд биев был также ограничен духовными судьями-казиями, назначавшимися ханами. Отсутствие точного разграничения подведомственных тем и другим дел давало казиям возможность вмешиваться в юрисдикцию старшин.

Так было организовано управление отдельными племенами. В се-

редине XIX в. хан очень часто назначал особых чиновников (хакимов) для управления всем каракалпакским народом, обычно из числа крупных хивинских сановников. Отдельные районы отдавались в управление ханским родичам, имевшим там земельные владения.

Хивинское иго тяжело ложилось на трудящиеся массы каракалпаков. Каракалпаки, по отзыву русских путешественников в сороковых-шестидесятых годах XIX в., „более других подвластных ханству племен отягощены налогами, которые совершенно разоряли их. Эти несчастные, изнуренные трудом и недостатками, угнетенные чиновниками хивинских ханов, едва прикрытые лохмотьями своей ветхой одежды, представляли живую картину нищеты. Кибитки, покрытые клочками оборванной кошмы, почерневшей от продолжительной службы, едва ли могли служить им убежищем от зноя и стужи". „Эта бедность происходит большею частью от притеснения хивинских приставов, не щадивших каракалпаков". „Каракалпаки—самый несчастный народ в Хиве,—читаем в одной журнальной статье 1859 г.,—благодаря возмутительному насилию, с каким хивинское правительство угнетает этих несчастных тружеников".

Восстания каракалпаков. Жестокая эксплоатация со стороны правящих классов Хивы объясняет частые восстания „неблагодарных", по выражению официальных хивинских историографов, каракалпаков. В 1827—1828 гг. сильное восстание вспыхнуло в районе Ак-якыша. Восстали, по выражению официальных историографов, „беспутные бродяги"; под этим презрительным названием подразумевалась беднота. Хивинский чиновник, собиравший зякат, должен был бежать. Полной неожиданностью для хивинского правительства было то, что во главе восставших встал Айдост-бий. Этот видный представитель каракалпакской знати, казалось, был совершенно подкуплен правительственными милостями, пользовался полным доверием хивинских ханов и не раз оказывал им большие услуги. Источники не поясняют, чем был вызван такой резкий поворот. Вероятно, усилившись благодаря покровительству хивинского правительства, Айдост хотел освободиться от опеки, которая над ним тяготела, и воспользовался начавшимся движением, чтобы добиться полной независимости. Таким образом, он „стал на путь мятежа, предался сотням незрелых фантазий" и „поднял знамя восстания". Хан Аллакули послал против восставших сильное войско. Со своей стороны, Айдост собрал на берегу Аральского моря примкнувших к восстанию старшин и разослал по окрестным каракалпакским аулам гонцов с призывом итти к нему на помощь с семьями, скотом и имуществом, так как „из капель образуется море, из зерен большие овины". Собравшиеся вокруг Айдост-бия каракалпаки стали готовиться к битве, окопались рвами и огородились арбами. Однако при попытке взять крепость Кунград, в которой стоял хивинский гарнизон, Айдост потерпел неудачу. После этого он со своим народом стал отходить в сторону Коканда, но был настигнут хивинским войском. На предложение сложить оружие Айдост ответил отказом и засел в укрепленном лагере. Хивинцы пошли на приступ, ворвались в лагерь, перебили многих его защитников и захватили в плен самого Айдост-бия, который был доставлен в Хиву и там казнен. Хан осыпал наградами тех старшин, которые не примкнули к восстанию.

Еще более сильное восстание произошло в середине XIX в., в связи со смутой, наступившей в Хивинском ханстве после гибели хана Мухаммед-Амина во время мервского похода и волнениями среди

туркмен. По тогдашней терминологии, опять выступили „беспутные разбойники и негодяи", как обычно квалифицировались в чиновничьих документах феодальной эпохи угнетаемые классы. Во главе восставших стал снова один из биев кунгратских каракалпаков, Ир-Назар. По словам официальных историков, он „в силу своего безрассудства и исключительной зловредности своей натуры... вступил на путь бессмысленного возмущения и вражды". Ир-Назар сумел привлечь к восстанию большую часть каракалпакских биев и старшин. Восставшие провозгласили ханом одного из казахских царевичей, Зарлык-тюря. Но когда в феврале 1856 г. ханская власть оказалась в руках Сейид-Мухаммеда, знать „четырнадцати родов" выдала хивинским властям своего хана, который и был казнен. „Верноподданные и преданные хану" каракалпакские старшины сами взяли на себя подавление движения. Они общими силами собрали войско из каракалпаков и аральцев и выступили против восставших. К ним присоединился отряд узбекских войск под начальством ясаул-баши Мухаммед-Нияза. Ир-Назар, собрав вокруг себя около 700 кибиток, засел в построенной им крепости и отверг предложение старшин и биев „четырнадцати родов" „стать на путь покорности". Мухаммед-Нияз, во главе узбекского, каракалпакского и аральского войск, приступил к правильной осаде крепости, „хватая всех, кто выходил из нее". Среди осажденных начался раскол, многие, „ради спасения своей жизни и имущества", хотели сдаться во избежание кровопролития, но Ир-Назар держался непоколебимо. Предатели тайно оповестили Мухаммед-Нияза о своей готовности убить Ир-Назара и сдать крепость, если им будет обещано сохранение жизни и имущества. Мухаммед-Нияз дал соответствующее обещание, после чего заговорщики застрелили Ир-Назара и сдали крепость. Мухаммед-Нияз не решился нарушить данное обещание: пощадил жизнь осажденных и запретил своему войску грабеж. Часть восставших все же перешла в бухарские владения, а некоторые бежали на Сыр-дарью под защиту русских войск. Усмирив восстание, Мухаммед-Нияз в сопровождении биев, сотников, старост и всех „лучших людей", которым был обязан победой, отбыл в столицу, где был встречен с ликованием. Хан щедро наградил предателей-старшин.

После восстания 1855—1856 гг. хивинское правительство приступило к укреплению своей власти в Каракалпакской земле. Повидимому, в Хиве разуверились в возможности господствовать над каракалпаками посредством одних местных биев и старшин.

Подчинение каракалпаков хивинским ханам способствовало ускорению процессов феодализации, происходивших в их среде. Ограничение территории перекочевок привело к дальнейшему развитию земледелия. Тяжелые поборы в пользу ханской казны разоряли беднейшую часть каракалпакского населения. С другой стороны, покровительство, оказываемое ханами каракалпакской знати, и льготы, которые они ей предоставляли, укрепляли ее господствующее положение в каракалпакских племенах. В ярлыках хивинских ханов биям внушалось, что „подчиненные обязаны им повиноваться, ослушники же будут наказаны, как государственные преступники". В целях обезопасить себя от честолюбия знатных людей, ханы привлекали многих из них на жительство в Хиву, где они проживали на ханский счет. Здесь они заимствовали хивинскую культуру, жили богато, одевались по-хивински и принимали в отношении своих „кочующих земляков", по отзыву русских наблюдателей, „важный и гордый вид". Таким образом, процесс классовой диференциации в каракалпакском обществе был ускорен и углублен.

ЧАСТЬ
2

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА ОТ ЦАРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Классики марксизма-ленинизма о колониальном Узбекистане. В работах Маркса и Энгельса встречаются упоминания о Средней Азии и Узбекистане в XIX в. в связи с территориальной экспансией царского правительства в этих районах и англо-русским соперничеством.

Маркс и Энгельс внимательно следили за проникновением царской России в Среднюю Азию и за развитием англо-русского соперничества на среднеазиатском участке. В своих статьях они раскрывали сущность завоевательной политики царизма. Наступление царизма на Среднюю Азию Энгельс связывал, в частности, с поражением России в Восточной войне (1853—1856) и значительным ухудшением ее положения на Ближнем Востоке.

В своей экспансии в Среднюю Азию русский царизм сталкивался с такой же экспансией со стороны английского капитализма, уже давно стремившегося подчинить своему влиянию среднеазиатские ханства. Стремление Англии прибрать к своим рукам эти ханства было парализовано во второй половине XIX в. активным проникновением царской России в Среднюю Азию, с которой Россия установила еще с XVIII в. оживленные экономические отношения. Таким образом, Средняя Азия была объектом захватнической политики не только России, но и Англии.

Рассматривая подчинение Средней Азии как осуществление захватнической политики царизма на Востоке, классики марксизма в то же время отмечали и известное прогрессивное значение проникновения царской России на Восток.

Особое значение имеет письмо Энгельса Марксу от 23 мая 1851 г., где отмечается, что „...господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар“[1].

Таким образом, Энгельс считал присоединение Средней Азии к более культурной и экономически развитой России моментом прогрессивным в истории среднеазиатских народов.

По истории колониального периода Средней Азии имеется много ценнейших указаний в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Большая часть этих указаний собрана Узбекским филиалом Института Маркса—Энгельса—Ленина и издана в виде сборника под названием „Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане“[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] Институт истории Компартии при ЦК КП(б)Уз., филиал ИМЭЛ. Ленин и Сталин „Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане“ сб., Ташкент, 1940.

Наибольшее внимание в работах Ленина и Сталина уделяется вопросу „втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства“ [1], а также национальному вопросу. Отмечая рост товарно-денежных отношений в Средней Азии в результате вовлечения ее в водоворот русского и мирового капиталистического хозяйства, усилившегося в результате постройки Закаспийской железной дороги, которая стала „открывать“ для капитала Среднюю Азию,[2] Ленин и Сталин тем не менее подчеркивали, что в среднеазиатских колониях России господствовали докапиталистические отношения.[3] В. И. Ленин считал слабое развитие капиталистических отношений явлением, характерным для колоний. „В колониях,—говорит он,—*своего* капитала нет, или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может“.[4]

Характеризуя в целом колониальную политику царской России, Ленин и Сталин подчеркивали, что в условиях царизма Россия представляла собой „тюрьму народов“[5], где подавлялись все проявления национальной самобытности покоренных царизмом народов. Яркая картина колониальной политики царизма дана в „Истории ВКП(б)“.

Исключительно важно указание И. В. Сталина, что в дореволюционную эпоху народные массы и территория современного Узбекистана „...были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплоататорских махинаций власть имущих“.[6] Столь же большого внимания требует и указание В. И. Ленина об отсталом докапиталистическом характере производственных отношений в Туркестане и слабом развитии здесь промышленного пролетариата.[7]

Вместе с тем классики марксизма неоднократно отмечали и положительные стороны присоединения к России отсталых окраин, в том числе Кавказа, Средней Азии и Сибири. Отмечалось также прогрессивное значение совместной борьбы колониальных народов и русского пролетариата против общего врага—царизма. В. И. Ленин указывал, что экономическое „завоевание“ Россией захваченных царизмом окраин втягивало их в мировое товарное общение и нивелировало их „местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости“,[8] ускорило процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности и возрастание городского населения.

Источники. Официальные источники по истории завоевания Средней Азии царским правительством хранятся в двух архивохранилищах: Центральном военно-историческом архиве и его Ленинградском отделении, а также в Центральном архиве УзССР. Они не только всесторонне освещают самый процесс завоевания Средней Азии, но и вскрывают ту борьбу, которая происходила в русских правительственных кругах по вопросу о завоевании края и его административно-хозяйственном устройстве. Большой исторической ценности материал содержит хранящийся в Московском архиве внешней полити-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 464.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. IV, изд. 3, 1935 г., стр. 165.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, изд. 3, 1935 г., стр. 353, И. В. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, стр. 70, 76, 77, 208.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. XIX, изд. 3, стр 255.
[5] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 6.
[6] И. В. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, стр. 157.
[7] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 353.
[8] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 464.

ки фонд б. Министерства иностранных дел, которое пыталось с международно-правовой точки зрения оправдать завоевательную политику правительства ссылками на то, что действия царских войск в Средней Азии по своей сущности были оборонительными против нападений „азиатских разбойников". Фонд б. Министерства иностранных дел—основной материал для изучения как направления внешней политики царского правительства во время завоевания Средней Азии, вообще, так и англо-русских отношений, в частности.

Центральный архив Узбекской ССР содержит, кроме данных о завоевании, богатейшее собрание материалов по истории колониального периода современного Узбекистана[1]. Документы и материалы по колониальному периоду имеются также в Ленинградском архиве внутренней политики, культуры и быта[2] и в Ленинградском архиве народного хозяйства[3].

Только небольшая часть официальных источников издана. Очень важным для изучения истории завоевания Средней Азии является многотомное издание под названием: „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал А. Г. Серебряников"[4]. В нем собраны документы, подробно характеризующие завоевание Средней Азии царским правительством. В сборник включены копии подлинных документов со всеми сделанными на них резолюциями и замечаниями, собранные не только в архивах Ташкента и других городов Туркестанского края и военно-ученом и общем архивах Главного штаба, где в то время хранилась основная масса материалов, но и в архивах Оренбурга, Омска и Тифлиса, Военного министерства, Главного инженерного управления Морского министерства, С.-Петербургского архива Министерства иностранных дел и в Московском отделении общего архива Главного штаба. Фактический материал дипломатического характера приведен в работе известного историка международного права Ф. Мартенса „Россия и Англия в Средней Азии", СПб, 1880.

Большой интерес представляют архивные фонды правительственных учреждений среднеазиатских ханств, в частности так называемый фонд бухарского кушбеги, хранящийся в Центральном историческом архиве УзССР. Этот фонд содержит десятки тысяч еще не изученных документов, характеризующих сношения бухарского правительства с царскими властями и внутреннее состояние эмирата.

Из других источников по истории колониального Узбекистана следует указать на ряд статистических сведений, опубликованных как в самой Средней Азии, так и в Москве и Петербурге. Сюда надо отнести материалы демографической переписи 1897 г., статистические ежегодники, обзоры и справочные книжки по отдельным областям б. Туркестанского края (Ферганской, Сырдарьинской, Самаркандской), издававшиеся в Средней Азии с конца XIX в. и до революции, военно-статистические описания Сырдарьинской области и Хорезмского оазиса, материалы для статистики Туркестанского края (5 выпусков), „Военный сборник" и ряд аналогичных изданий

[1] Фонды Канцелярии генерал-губернатора, областных правлений—Ферганского, Самаркандского, Сырдарьинского; Фонд Политического агентства России в Бухаре.

[2] Фонды Департамента общих дел по Совету, Департамента общих дел по секретарской части, Комитета министров, Совета министров, Государственного совета, Государственной думы, Фонд Непременного совета.

[3] Фонды Кауфмана (семейный), Хлопкового комитета Министерства земледелия, Фонд Департамента внутренней торговли, Департамента горных и соляных дел.

[4] Ташкент, 1912—1914.

К числу источников необходимо также отнести опубликованные в печати материалы отчета К. П. Кауфмана за 1867—1881 гг., ревизий Туркестанского края тайным советником Гирсом (1882—1883 гг.) и сенатором гр. К. Паленом (1908—1909 гг.), а также стенографические отчеты заседаний Государственной думы и Государственного совета. В отчетах ревизий имеется много ценных данных об экономическом и административном положении Туркестанского края, в состав которого входил Узбекистан. Много данных по Узбекистану имеется в современной событиям периодической печати, как русской, так и иностранной (особенно английской), и в брошюрах публицистического характера. Значительная часть газетных и брошюрных материалов была собрана и хранится в систематизированном виде под наименованием „Туркестанский сборник" (591 том) в Ташкентской государственной публичной библиотеке.

Очень важным источником являются мемуары лиц, участвовавших в царском завоевании Средней Азии или посещавших ее после завоевания. Исключительное значение имеет, например, неизданная записка военного министра Д. А. Милютина, хранящаяся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Ленина в Москве. К типу мемуаров относятся и путешествия, как русских, так и иностранцев, в Бухару и другие районы Узбекистана. Из трудов иностранцев, путешествовавших по Средней Азии, можно упомянуть книги супругов Уйфальви, А. Крафта, Керзона, Росса и Скрайна, Гельвальда, Олуфсена, Мозера и других. В описаниях их путешествий содержатся ценные географические, этнографические, экономические и другие наблюдения, а также самые разнообразные характеристики края и различная оценка результатов присоединения его к России.

Особого внимания заслуживают исторические записки мемуарного типа о царском завоевании, написанные на узбекском и таджикском языках очевидцами или со слов очевидцев из местного населения Узбекистана. В них отражается отношение различных групп населения к царскому завоеванию и сообщаются данные о политической и социальной обстановке, в которой происходило завоевание, и сведения об отдельных этапах военных действий. Важнейшие из этих источников следующие:

Рассказ, составленный на узбекском языке ташкентским жителем Хали-баем со слов своего отца, участвовавшего в боях против царских войск (Н. Веселовский. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, СПБ, 1894). Симпатии рассказчика всецело на стороне кокандцев, боровшихся за независимость своей страны. Ход событий представлен им в целом достаточно объективно.

Истории царского завоевания отведено значительное место в рукописи на узбекском языке „Шихид-и-икбаль", автором которой является хивинский историк Агехи (Мухаммед-Риза). Извлечения из этой рукописи в русском переводе напечатаны В. Бартольдом (Кауфманский сборник, М., 1910). В ней коротко рассказывается о завоевании царскими войсками Ура-тепе, Джизака, Самарканда и Катта-кургана и довольно подробно говорится о войнах, которые велись между Абдумаликом и его отцом эмиром Музаффаром. Дальше идет рассказ о положении в Хиве перед русским завоеванием. Труд Агехи замечателен тем, что он написан более объективно, чем многие другие местные сочинения; он может служить одним из основных источников по истории завоевания царизмом Средней Азии. Труд „Шахид-и-

икбаль" был доведен автором до 1872 г. и остался незаконченным. Выдержки из этого сочинения опубликованы на русском языке в „Материалах по истории каракалпаков" (Ленинград, 1935) и „Материалах по истории туркмен и Туркмении", т. II (Ленинград, 1938).

Большая рукопись на таджикском языке „Новая история Ташкента" Мухаммед-Салиха посвящена истории Кокандского ханства и кончается 1880 годом. Автор в своем произведении уделил много внимания описанию военных действий, происходивших между царскими войсками, с одной стороны, и бухарцами и кокандцами, с другой. Особенно интересен рассказ о завоевании Ташкента. Автор, бывший одним из активных участников обороны города, живо показывает кризис, приведший к падению города.

В рукописи бухарского прогрессиста Ахмади Калла („Жизнеописания эмиров священной Бухары") много места уделено истории покорения Бухарского эмирата. Автор резко осуждает эмира Музаффара за то, что последний не сумел организовать оборону страны.

Мирза Азим Сами, один из ближайших учеников Ахмади Калла, занимавший должность придворного историка при эмирах Музаффаре и Абдулахаде, в своей рукописи „Подарок шаху" тоже уделяет большое место истории завоевания бухарского ханства царизмом. Описав основные этапы продвижения русских войск, он рассказывает о политической обстановке внутри ханства в период завоевания.

Книга „История Туркестана" муллы Алим-Махдум-ходжи, изданная в 1915 г. в Ташкенте на узбекском языке, излагает историю Кокандского ханства с начала XVIII в. до начала XX в. Труд составлен на основе местных исторических сочинений, расспросных сведений и личных наблюдений автора. По мнению автора, в нападении царских войск на Среднюю Азию был виноват кокандский хан, войска которого неоднократно разоряли принадлежавшие России земли.

Историография. Историческая литература по истории завоевания Средней Азии очень обширна. Принадлежа перу дворянских и буржуазных историков, она требует к себе критического отношения. Наиболее значительным трудом является труд М. А. Терентьева „История завоевания Средней Азии", т. I—III, СПб, 1906. Автор использовал многочисленные источники, архивные и печатные. В этом заключается ценность его труда, как сводной работы. Завоевательная политика царизма нашла в его лице убежденного защитника; согласно излагаемой им точки зрения, царское правительство, завоевывая Среднюю Азию, выступило как защитник цивилизации и культуры против „среднеазиатских разбойников". Прославление завоевателей Средней Азии, в особенности генерал-адьютанта К. П. Кауфмана, проходит красной нитью через весь труд М. А. Терентьева.

Вопросы экономики страны и внутренней политики затрагиваются в работе вскользь и неглубоко. Никаких попыток дать анализ производственного строя, существовавшего в стране, у М. А. Терентьева мы не найдем. В отношениях колонии с метрополией М. А. Терентьева больше всего интересует вопрос о доходности или убыточности Средней Азии в качестве колонии царской России.

Другой труд М. А. Терентьева „Россия и Англия в борьбе за рынки" посвящен специально вопросам англо-русского соперничества в области экономических интересов. В нем автор придерживается точки зрения русской торговой и промышленной буржуазии.

По собранным материалам значительную ценность представляет труд С. В. Жуковского „Сношения России с Бухарой и Хивой за пос-

леднее трехсотлетие", СПб, 1915. В известной степени он дополняет труд М. А. Терентьева. В книге С. В. Жуковского собраны данные об экономических и дипломатических отношениях России со среднеазиатскими ханствами.

Очень важную сводку материалов по колониальному Узбекистану, но без каких-либо общих выводов, дает труд В. И. Масальского[1]. Можно также указать на более раннюю работу А. Костенко.[2]

Специально экономике колониального Узбекистана посвящены работы А. Губаревича-Радобыльского.[3]

Дореволюционная литература дала много монографий по отдельным вопросам политической, культурной и экономической жизни колониального Узбекистана. Некоторые из этих книг имеют общий интерес; таковы, например, книги: Заорской и Александер „Промышленные заведения Туркестанского края"; С. Гулишамбарова „Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой"; А. Демидова „Экономический очерк хлопководства и хлопковой торговли и промышленности Туркестана"; В. Оглоблина „Промышленность и торговля Туркестана".

Работы историков по колониальному периоду Средней Азии, появившиеся в течение первых лет после Октябрьской революции в методологическом отношении сравнительно мало чем отличались от работ дореволюционного периода. Наибольшее значение среди этой группы работ имеет труд академика В. В. Бартольда „История культурной жизни Туркестана"[4], охватывающий всю историю развития культуры в Средней Азии с древнейших времен и вплоть до буржуазно-демократической революции 1917 г. Хотя указанная работа В. В. Бартольда и была издана в 1927 г., но в основной своей части она была написана еще в 1910—1913 гг. И по кругу рассматриваемых в работе вопросов, и по применяемому методу исследования работа эта примыкает к многочисленным трудам Бартольда, написанным им до революции. Автор почти не затрагивает основных социально-экономических и политических проблем колониального периода в Средней Азии. Его интересуют, главным образом, вопросы просвещения и культуры в широком смысле этого слова. Другая книга В. В. Бартольда „История изучения Востока в Европе и России" (Л., 1925) дает ценную библиографическую сводку и по колониальному Узбекистану.

Завоевание Средней Азии царизмом и история Узбекистана, как царской колонии, не могли не привлечь к себе внимания марксистской советской историографии, ярко показавшей захватнический характер политики царизма по отношению к Средней Азии.

Статьи М. Н. Покровского, собранные в книге „Дипломатия и войны царской России XIX в.", страдали свойственными его школе недостатками и давали антинаучную, антимарксистскую концепцию. Только с опубликованием „Замечаний товарищей Сталина, Кирова, Жданова" была дана правильная установка, позволившая широко развить научное изучение истории народов СССР, в частности истории народов Узбекистана от древнейших времен до наших дней.

---

[1] В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб, 1913 („Россия", под ред. В. П. Семенова-Тян-шанского, т. XIX).

[2] А. Костенко. Туркестанский край, т. I—III СПб, 1880.

[3] А. Губаревич-Радобыльский. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами в Азии, СПб, 1912. Его же, Экономический очерк Бухары и Туниса СПб, 1905.

[4] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

Общая картина состояния среднеазиатских ханств накануне завоевания Средней Азии царизмом и самого завоевания дана в учебниках для высшей школы: „История СССР", т. II, Россия в XIX веке, под редакцией проф. М. В. Нечкиной, М., 1940 (для исторических вузов) и „История СССР", т. I, под редакцией В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова, М., 1941 (для неисторических вузов).

Важнейшим руководством для исследования положения колоний царской России и характеристики национальной политики царизма является „Краткий курс истории ВКП(б)".

Кроме общих трудов, советская историческая наука дала ряд марксистских исследований монографического характера по отдельным вопросам истории Узбекистана в изучаемый период.

Советской историографией прежде всего рассмотрены экономические причины, которые толкали дворянство и буржуазию к завоеванию Средней Азии, в связи с кризисом феодально-крепостнической системы в империи. В этом отношении значительную ценность представляет небольшая работа Е. Н. Кушевой „Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX века" (Исторический сборник, III, Л., 1934).

Вопросу об экономических и дипломатических сношениях России и Средней Азии в первой половине XIX в. посвящена статья Е. В. Бунакова „К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в." („Советское Востоковедение", 1941, вып. 2). Исследование А. Л. Попова „Завоевание Средней Азии во второй половине XIX века", предназначенное для многотомника по истории СССР, в сокращении напечатано под заглавием „Из истории завоевания Средней Азии" (Исторические Записки, М., 1940 г., № 9.) и рассматривает историю завоевания Средней Азии с точки зрения международных отношений и внутренней политики царизма. В основу исследования положен материал архивов б. Министерства иностранных дел и Центрального военно-исторического архива. Еще важнее другая работа А. Л. Попова, „Внешняя политика самодержавия в XIX в. в „Кривом зеркале" М. Н. Покровского" (сборник статей „Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского", вып. 2, М.—Л, 1940), дающая на основе обширного фактического материала критику антимарксистских взглядов Покровского на вопросы, связанные с царским завоеванием Средней Азии.

Российско-казахские отношения и политика среднеазиатских ханств по отношению к казахам отражены в исследованиях М. Вяткина „Очерки по истории Казахской ССР" (т. I, „С древнейших времен до 1870 г.", Л., 1941) и П. П. Иванова „Казахи и Кокандское ханство" (Зап. ИВ АН СССР, вып. VII, 1939).

После опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова, Жданова появилось несколько марксистских работ по вопросам экономики колониального Узбекистана и колониальной политики царизма в Средней Азии. Последнему вопросу посвящена статья П. Шаровой о русской колонизации „Переселенческая политика царизма в Средней Азии"[1]. Популярный очерк истории колониального Узбекистана имеется в книге К. Е. Житова и В. Я. Непомнина „От колониального рабства к социализму"[2].

---

[1] П. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии, „Исторические Записки", в. 8, М. 1940.

[2] Ташкент, 1939.

ГЛАВА VII

НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С УЗБЕКСКИМИ ХАНСТВАМИ В XVIII в.

Экономические и дипломатические сношения России со Средней Азией в начале XVIII в. Присоединение в 60—70 годах XIX в. среднеазиатских ханств к России было завершением длительного процесса проникновения в ханства русского торгового капитала и политического наступления царизма на их территорию. Уже в XVI и XVII вв. установились достаточно прочные экономические и дипломатические связи между Русским государством и среднеазиатскими ханствами.

Торговлей со Средней Азией в XVII в. и в первой четверти XVIII в. были связаны Поволжье, Приуралье и Западная Сибирь. Среднеазиатские купцы, приезжая в Астрахань и Тобольск со своими товарами, продавали их, главным образом, мусульманским купцам—казанским татарам и башкирам. Единство вероисповедания и близость языков татар и башкир с языком узбеков облегчали купцам Приуралья и Поволжья производство таких торговых сделок.

Мусульманские купцы Российской империи не ограничивались торговыми сделками с среднеазиатскими торговцами в Астрахани и в Тобольске—этих двух основных торжищах восточной торговли,—но и сами не раз отправляли торговые караваны в Среднюю Азию. Несмотря на все неблагоприятные условия, торговые отношения России со Средней Азией крепли. Так, в 1716 г. только в Астрахань было привезено товаров на сумму 464 тыс. рублей.

Торговые обороты со Средней Азией могли бы быть еще более значительными в случае отмены стеснительных мероприятий царского правительства, в сущности не оправдывавших себя. Стремясь сосредоточить всю торговлю исключительно в руках российского купечества, царское правительство запрещало среднеазиатским купцам свободную торговлю в России. Кроме того, правительство запрещало вывоз в Среднюю Азию металлов и изделий из них, что препятствовало росту товарооборота. Впрочем, несмотря на это запрещение, на рынках Средней Азии не чувствовалось недостатка в металлах, так как они привозились контрабандой как русскими, так и среднеазиатскими купцами. Предметом контрабандной торговли являлись всевозможные „заповедные" товары, в частности оружие. В 20-х годах XVIII в. в Хиве продавалась „тьма" ружейных стволов и курков, доставлявшихся в обход русских таможен. Наконец, постоянные феодальные усобицы в узбекских ханствах также тормозили укрепление торговых отношений с ними. По словам Флорио Беневени, бывшего в Бухаре в 1721 г., „оная коммерция в здешнем крае с добрым по-

рядком николи заведена быть не может, разве тогда, когда хан получит соверените", т. е. укрепит свою власть.

Со своей стороны, и узбекские ханства стремились создать благоприятные условия для торговых операций своих купцов в России. Так, в 1716 г. бухарский хан Абулфейз отправил в Москву посольство для переговоров об „умножении торговли". Хан добивался разрешения „свободно торговать в России бухарцам" и жаловался на высокие таможенные пошлины, которыми облагались бухарские товары.

Правительства России и узбекских ханств продолжали обвинять друг друга в создании препятствий к установлению прочных торговых связей. Тем не менее царское правительство отказалось предоставить среднеазиатским купцам право свободного въезда в Россию, а среднеазиатские ханы не были в состоянии принять меры к охране купеческих караванов.

В первые годы правления Петра I отношения между Россией и узбекскими ханствами приняли несколько иной характер, чем в предыдущем столетии. Стоявший во главе могущественного абсолютистского государства Петр I перестал рассматривать Бухарское и Хивинское ханства, как государства, равные по своему политическому положению России. Не ограничиваясь дипломатическим давлением на ханства, он уже задумывал планы подчинения Средней Азии протекторату России.

Бухарское и Хивинское ханства были тем временем охвачены феодальными смутами и политически ослабели. Частая смена ханов на престоле в значительной мере препятствовала нормальным дипломатическим отношениям, тем более, что власть самих ханов, являвшихся игрушкой в руках узбекских феодалов, была крайне непрочной.

Ханы, не располагая твердой базой, на которую они могли бы опереться для восстановления и укрепления своей власти, искали помощи извне. Как мы видели, хивинский хан Шах-Нияз обратился к Петру I с просьбой принять его в русское подданство и получил положительный ответ. Шах-Нияз скоро умер, но его преемник Араб-Мухаммед в 1709 г. вновь возбудил ходатайство о принятии его в русское подданство. Оно также было удовлетворено Петром I. В грамоте на имя хана Петр I писал: „Поволили его, хана, со всем сущим под его владением, принять под свою царскую руку в вечное подданство". На этом переговоры оборвались, так как в том же 1709 г. в Хиве снова начались феодальные усобицы.

Северная война отвлекла внимание Петра от Хивинского ханства. Только после неудачи Прутского похода и заключения с турецким султаном мира в 1711 г., согласно которому Россия потеряла недавно завоеванные берега Азовского моря, внимание Петра I вновь обратилось к Каспийскому морю и к узбекским ханствам.

С начала XVIII в., в связи с необходимостью развития металлургической промышленности, русское правительство стало проявлять острый интерес к рудным богатствам Средней Азии, в частности к залежам олова в Улу-тау, о которых было известно еще в XVII в. Особенно сильно русское правительство было заинтересовано известиями о золотых россыпях, которыми будто бы богата Средняя Азия. Поиски „песочного золота" в Средней Азии в течение всего XVIII в. были одним из существенных мотивов обследования этого края, пока, наконец, не выяснилась сильная преувеличенность ходивших на этот счет слухов.

В 1713 г. в Астрахань прибыл туркмен Ходжа-Нефес, который рассказал, что в песках Аму-дарьи имеется много золота и прибрежные жители вымывают его в большом количестве. Эти сведения настолько привлекли внимание Петра, что он пожелал лично увидеться с Ходжа-Нефесом. Почти одновременно сибирский губернатор Матвей Гагарин уведомил Петра, что в „Малой Бухарии (бассейн Тарима) у города Яркати (Яркенд в Восточном Туркестане) на берегу Дарьи в песках имеются очень богатые золотые россыпи".

Под влиянием полученных сведений, Петр наметил план проникновения в узбекские ханства. Он рассчитывал ввести военные отряды в Бухару и Хиву с согласия самих ханов под предлогом „укрепления их власти и помощи против их врагов".

Экспедиция князя Бековича-Черкасского. Для осуществления плана присоединения узбекских ханств Петр организовал две экспедиции. Во главе одной из них был поставлен поручик Преображенского полка князь Александр Бекович-Черкасский. Общее руководство второй экспедицией было возложено на капитана Ивана Бухгольца. Собственноручным указом сенату Петр предписывал „...послать в Хиву с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухару к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее проведать про город Иркеть (Яркенд)".

Экспедиция Бековича-Черкасского отправилась в путь в 1714 г. Сначала она ограничилась обследованием восточного берега Каспийского моря с целью проверить сведения, сообщенные Ходжа-Нефесом относительно старого русла Аму-дарьи (Узбоя); в следующем году экспедиция вернулась в Астрахань, но в 1716 г. Бекович-Черкасский во главе значительного отряда, снабженного артиллерией, отправился в новую экспедицию. Согласно правительственной инструкции, Бековичу-Черкасскому предстояло построить крепость около прежнего устья Аму-дарьи, у Красноводского залива, а потом в качестве посла ехать к хивинскому хану. Бековичу-Черкасскому надлежало выяснить, есть ли возможность „обратить снова течение реки по старому руслу и запереть ее проток к Аральскому морю". По приезде в Хиву Бекович-Черкасский должен был „стараться склонить хана к верности и подданству России" и, обещая сохранить за ним наследственное владение ханством, предложить ему гвардию из русских, которую, однако, он должен был содержать за свой счет. Если же предложенные условия окажутся тяжелыми, то инструкция разрешала „подать войску содержание от России, но только на один год". В случае, если хан „склонится к выгоде России", то начальник экспедиции должен был просить его „послать своих людей с двумя русскими по Сыр-дарье вверх до Иркети для исследования песочного золота и дать несколько судов, на которых по Аму-дарье отправить купцов в Индию". Равным образом Бекович-Черкасский во время пребывания в Бухаре должен был „разведывать о бухарском хане", нельзя ли его склонить „к подданству России". А так как в Бухаре ханы тоже „бедствуют от подданных", то Бекович-Черкасский должен был предложить и ему „русскую гвардию" на тех же условиях.

Кроме того, участнику экспедиции, поручику Кожину, было предложено „под видом купчины... до Индии путь водяной открыть". Когда нельзя будет итти водою, то, согласно инструкции, Кожин должен был „продолжать путешествие сухим путем, разведывать кратчайший путь к Каспийскому морю".

Экспедиция 1716 г. ограничилась лишь постройкой трех крепо-

стей: одной у мыса Тюп-караган, другой у Красных вод, где ныне Красноводск, и третьей около места впадения Узбоя, высохшего русла Аму-дарьи.

Вернувшись в феврале 1717 г. в Астрахань, Бекович-Черкасский весной того же года предпринял новую экспедицию в Хиву. Двигаясь по караванной дороге вдоль западного берега Аральского моря, экспедиция благополучно достигла Хивы и вступила в переговоры с ханом Ширгази. Хан не мог не отнестись с подозрением к русской военной экспедиции. Бессильный оказать открытое сопротивление, он прибег к хитрости. Под предлогом того, что для ханского правительства стеснительно доставлять продовольствие всему экспедиционному корпусу в одно место, Бековичу-Черкасскому было предложено разделить отряд и разместить его в пяти местах. Как только состоялось это разделение, хивинцы напали на разбросанные отряды и истребили их. Был убит и Бекович-Черкасский. Построенные им крепости были оставлены русскими гарнизонами и разрушены туркменами.

Экспедиция Бухгольца. Экспедиционный отряд под руководством Ивана Бухгольца, выступивший из Тобольска в начале 1715 г., поплыл вверх по р. Иртышу и в октябре того же года достиг Ямышева озера. Бухгольц построил здесь крепость, в которой предполагал зимовать, чтобы весной продолжить движение. Но экспедиции не удалось продвинуться дальше на юг. Обеспокоенные постройкой крепости калмыки напали на русский отряд. Крепость была обложена со всех сторон, и Бухгольц вынужден был отступить с уроном. На обратном пути Бухгольц в 1716 г. построил крепость Омск при впадении р. Оми в Иртыш.

Несмотря на неудачу экспедиции Бухгольца, Петр I все-таки не отказался от мысли установить дорогу в „Эркеть". С этой целью в 1718 г. на реке Иртыше была заложена Семипалатная крепость (Семипалатинск), а в 1719 г. небольшой военный отряд, двигаясь по р. Иртышу, достиг озера Зайсан с тем, чтобы разузнать о пути к Яркенду, „как далеко и возможно ли дойти; также нет ли вершин каких-либо рек, которые подались к Зайсану, впали в Дарью-реку или Аральское море". Выше Семипалатинска была построена крепость Усть-Каменогорская. Так возникла Иртышская укрепленная линия, долгое время остававшаяся границей Сибири со стороны Средней Азии.

Посольство Флорио Беневени. Расправа хана Ширгази с экспедицией Бековича-Черкасского неизбежно должна была обострить хивинско-русские отношения. Ханское правительство опасалось ответного военного выступления России. В целях его предупреждения, новый хивинский хан Аваз-Мухаммед в 1720 г. отправил в Россию посольство для урегулирования создавшихся напряженных отношений. Но эта дипломатическая миссия окончилась полной неудачей—все хивинское посольство было арестовано и посажено в крепость. Только одному из них разрешили возвратиться в Хиву. Однако, несмотря на неудачи экспедиций Черкасского и Бухгольца, правительство Петра I все же не отказывалось от своего плана проникнуть в Среднюю Азию. В России находился бухарский посол. При возвращении его на родину вместе с ним в Бухару был отправлен послом итальянец Флорио Беневени—„секретарь ориентальной экспедиции посольского приказа".

Отправляя Флорио Беневени послом в Бухару, Петр I поручил ему „наивящее всего подлинно разведать и усмотреть стараться..., ка-

кие товары бухаряне в своем владении имеют и куды оными торгуют, и не возможно ли в те краи российского купечества размножить и через какой канал и какие им товары потребны, и может ли то купечество быть отправляемо морем или...сухим путем". Петр I не отказывался и от мысли получить точные сведения о месторождении „золотого песку". Беневени должен был „стараться подлинно уведать, возможно ль получить много того золота" ...и „возможно ль до того места дойтить и людей туда завесть и их содержать".

Для своего дипломатического путешествия в Бухару Беневени избрал кружный путь через Кавказ и Персию. Прибыв в Бухару в 1721 г., он затем приехал и в Хиву. Однако экспедиция Бековича подорвала доверие к намерениям русского правительства, тем более, что непрерывно ходили слухи о подготовке Петром репрессий за уничтожение посланного им отряда. Поэтому правительства обоих ханств встретили Беневени настолько враждебно, что он вынужден был спасаться бегством. В Россию Беневени вернулся только в 1725 г., уже после смерти Петра I.

Тем не менее дипломатическая миссия Беневени не прошла бесследно. Беневени собрал много ценных сведений по истории, географии и этнографии тех стран, по которым он проезжал. Его замечания относительно политического состояния обоих ханств благоприятствовали завоевательным планам царского правительства. Бухара и Хива, по его мнению, находились в состоянии полного политического расстройства. Достаточно первого же сильного удара, чтобы водворить там русское владычество. Что же касается добычи золота в Средней Азии, то данные, которыми располагало царское правительство, были основаны на неверных сведениях.

Экспедиция Бековича-Черкасского и посольство Беневени показали царскому правительству, насколько затруднительно осуществить план проникновения в Среднюю Азию, так как оба ханства с крайней подозрительностью относились к его попыткам укрепиться в Средней Азии. Все же Бекович-Черкасский обследовал сухопутную дорогу в Хиву, а Беневени—дорогу в Бухару через Персию. Война Петра I с Персией имела целью не только укрепить русское влияние в Закавказье, но и создать плацдарм для проникновения в Бухару и Хиву.

После смерти Петра I внимание царского правительства было приковано к русско-турецким отношениям. Основной целью его внешней политики ставилась экспансия к берегам Черного моря. При таком курсе внешней политики были оставлены все планы военного наступления на узбекские ханства. В основу своей среднеазиатской политики правительство ставило налаживание регулярных торговых сношений с ханствами через Казахстан. На первый план выступал, таким образом, казахский вопрос.

Казахи в первой половине XVIII в. В первой четверти XVIII в. кочевья казахов на севере простирались от нижнего Яика и Каспийского моря до границ Китая. В политическом отношении казахи разделялись на три жуза (или „Орды", по официальной терминологии царского правительства). Старший, или большой (Улу-жуз), Средний (Орта-жуз) и Малый, или младший (Киши или Алчын-жуз). В начале XVIII в. казахи всех трех жузов подвергались постоянным нападениям калмыков (джунгар). В свою очередь, казахи производили набеги на русские поселения, для защиты которых как от казахов, так и от калмыков, а вместе с тем и для постепенного проникновения в глубь

прииртышских степей, при Петре I была построена военно-оборонительная линия по р. Иртышу.

В 1723 г. Казахская степь испытывала страшный голод. Обессиленные казахи были не в силах сохранить свою самостоятельность. Большой жуз попал в политическую зависимость от Джунгарии, Средний жуз откочевал к Бухаре и подчинился власти бухарских ханов, а Малый жуз—к Хиве. Вместе с этим распалось политическое единство Малого и Среднего жузов.

Переход Малого и Среднего жузов в подданство России. Опасность со стороны джунгар и стремления хана Малого жуза Абулхайра укрепить свою власть толкали его на сближение с царским правительством.

В 1730 г. Абулхайр отправил в Уфу посольство с просьбой принять жуз в русское подданство. Правительство Анны Ивановны пошло навстречу предложениям хана в надежде создать плацдарм для завоеваний в Средней Азии, а также предотвратить возможность союза казахов с башкирами, боровшимися в это время за свою независимость.

Несмотря на сильное сопротивление со стороны значительной части казахских феодалов, в 1732 г. состоялся переход Малого жуза в подданство Российской империи. На принятие подданства дала свое согласие и часть Среднего жуза во главе с ханом Семеке.

Принимая подданство, Абулхайр-хан обязывался защищать караваны русских купцов, проходившие через степь в среднеазиатские ханства.

Принятие в подданство казахов открывало царскому правительству широкие перспективы в отношении дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Обер-секретарь сената И. Кириллов решительно высказывался за принятие предложения Абулхайра, так как в противном случае „не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных Бухарских и Самаркандских провинций и богатого места Бадахшана упустим".

Оренбургская экспедиция. В 1734 г. Кириллов был поставлен во главе „известной экспедиции", впоследствии переименованной в Оренбургскую. Согласно правительственной инструкции, на Кириллова была возложена обязанность постройки крепостей и, кроме того, он должен был стараться „на Аральском море российский флаг объявить". Ему поручалось также снарядить „в Бухару и далее в Индию" торговый караван, в состав которого должны были войти и геодезисты для съемки планов, и принять меры к „разысканию руд" и в особенности золота. Из всех этих проектов была осуществлена лишь постройка крепостей. В августе 1735 г. Кириллов на р. Ори заложил город Оренбург (ныне Чкалов) впоследствии (в 1742 г.) Оренбург был перенесен на место слияния рек Сакмары и Яика, а ранее построенная крепость на Ори была переименована в Орск. После постройки Оренбурга и Орска была возведена сеть укреплений по среднему и верхнему Яику, составившая так называемую Оренбургскую линию. Одновременно были возведены новые укрепления и на р. Иртыше. Оренбургская и Сибирская (Иртышская) линии на продолжительное время стали границей империи на юго-востоке.

Построенный царским правительством Оренбург превратился не только в военный, но и в экономический плацдарм для проникновения в узбекские ханства. В Оренбурге производилась торговля со

среднеазиатскими купцами. Сменивший И. Кириллова В. Н. Татищев (знаменитый русский историк) пытался восстановить непосредственные торговые связи с узбекскими ханствами. В августе 1738 г. он снарядил в Ташкент торговый караван во главе с поручиком Миллером. Ему было поручено добиваться беспошлинной торговли для русских купцов в Ташкенте, побывать в бухарских городах и собрать разного рода сведения — о политическом строе Ташкента, о серебряных рудах, о местонахождениях золота, разузнать, какие русские товары могут найти сбыт на среднеазиатских рынках, а также заняться и геодезическими съемками. Этот опыт кончился неудачей. Недалеко от Ташкента караван был разграблен казахами Среднего жуза. В дальнейшем длительные восстания в Башкирии и феодальные усобицы в Малом жузе не благоприятствовали установлению прямых торговых связей с среднеазиатскими ханствами. Тем не менее торговля среднеазиатскими товарами при посредстве казахов не прекращалась. В Оренбурге, Семипалатинске, Орске, Троицке и Петропавловске были открыты меновые дворы. Помимо этого, вдоль обеих линий—Оренбургской и Сибирской—происходила повсеместная торговля русских купцов и их приказчиков с казахами.

Однако задача развития торговли со Средней Азией не могла быть разрешена без предварительного коренного разрешения казахского вопроса. Неоднократные попытки обеспечить свободный проезд торговых караванов через Казахскую степь путем соглашений с казахскими ханами не увенчались успехом. Это обстоятельство наряду с необходимостью обеспечить спокойствие на границах государства побуждало царское правительство к более энергичным действиям.

Царское правительство и казахи во второй половине XVIII в. Царское правительство умело использовало внутренние противоречия в Малом жузе, чтобы усилить его зависимость от России.

Абулхайр, бессильный справиться с непокорными старшинами без содействия русских властей, был вынужден в 1748 г. выдать царскому правительству заложников, в том числе своего сына. Под давлением начальника Оренбургской экспедиции Неплюева, собрание старшин во время кочевья у Орской крепости признало Абулхайра своим ханом, но с этим не примирилась враждебная ему феодальная группировка, и он был убит, когда возвратился в свой жуз из-под Орской крепости.

После убийства Абулхайра, в Малом жузе восторжествовали центробежные феодальные силы. Внешнее положение его стало очень напряженным: обострились отношения с Хивой, происходили постоянные столкновения с каракалпаками и туркменами; волжские калмыки нападали на казахов и угоняли их скот. Подобное положение дало возможность царскому правительству укрепить свое влияние.

Казахи Малого жуза, испытывая крайнюю нужду в пастбищах, обратились к оренбургскому губернатору с просьбой разрешить им зимовать между Волгой и Яиком, но эта просьба была отвергнута. Сокращение кочевий, разоряя казахские народные массы, толкало их к проникновению в землю каракалпаков в низовьях Аму-дарьи.

По-иному протекала политическая жизнь в Среднем жузе, объединившемся в середине XVIII в. под властью хана Аблая. На востоке Средний жуз граничил с Джунгарией, но в конце 50-х годов последняя была разорена войсками китайского императора и перестала существовать как государство. С этого времени Средний жуз оказался в непосредственном соседстве с могущественной китайской им-

перией. Китайские войска не раз вторгались на территорию Среднего жуза, что заставило хана Аблая временно признать над собой суверенитет Китая. В то же время очень сложными были отношения с Россией. Сибирская администрация держалась по отношению к казахам Среднего жуза той же политики, что и оренбургская администрация в отношении Малого, и так же стесняла казахов в их кочевьях. Казахам запрещалось не только прогонять скот за Иртыш в Россию, но и кочевать в пределах десятиверстной полосы, примыкающей к Иртышу. Несмотря на такое отношение сибирской администрации к казахам, казахская знать стремилась не обострять отношений с ней, так как была заинтересована в торговле с русскими пограничными крепостями. В 1762 г. Аблай присягнул Екатерине II, не порывая, однако, и с Китаем, так как ему было выгодно двойное подданство, позволявшее играть на противоречиях между обоими государствами.

Движение казахских народных масс против царского правительства. Казахи Малого жуза, раздраженные политикой царского правительства, подрывавшей их материальное благосостояние, приняли участие в восстании, вспыхнувшем под руководством Пугачева, и даже после его подавления продолжали нападать на пограничные местности России.

В то же время казахские народные массы были недовольны политикой хана Нурали и знати. В 1783 г. под руководством батыра Сарыма (Срыма) Датова разразилось восстание народных казахских масс, направленное как против царского правительства, так и против собственных ханов и феодалов. Восстание продолжалось четырнадцать лет (1783—1797), и царскому правительству стоило больших усилий подавить его. Общий характер противофеодального народного движения толкнул казахскую знать в сторону еще большего сближения с царским правительством, в котором она видела опору для удержания казахских народных масс в зависимости и повиновении.

Политика царского правительства в Казахстане находилась в теснейшей связи со среднеазиатской проблемой. Активизация этой политики во второй половине XVIII в. в значительной степени объясняется усилением интереса царизма к среднеазиатскому рынку, вызванным причинами как внутреннего порядка, так и внешнего.

Экономические интересы России в Средней Азии во второй половине XVIII в. В экономике феодально-крепостнической России времен Екатерины II происходили глубокие сдвиги, появились первые признаки разложения промышленности, основанной на крепостном труде. В купеческой промышленности начал применяться наемный труд оброчного крестьянства. Вместе с тем в нечерноземной полосе широко развивались кустарные промыслы и крестьянские „неуказные" мануфактуры с наемным трудом. Не только купечество, но и „торгующее дворянство" стремилось к расширению торговых связей с Европой и Средней Азией. „Нам отворяет Европа свои пристани, зовет нас Азия, ожидает Африка и Америка на нас полагается",—с пафосом восклицал автор книги „Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному", вышедшей в 1766 г. в Петербурге.

Царское правительство долгое время было уверено в прочности своих экономических связей со Средней Азией, так как русская торговля еще не встречала здесь конкуренции со стороны какой-либо другой державы. Положение изменилось с середины XVIII в. Упорная

борьба между Францией и Англией за Индию кончилась победой Англии, и Франция к 1764 г. потеряла почти все свои индийские владения.

Вытеснение англичанами французов из Индии встревожило императорское правительство. Отныне англичане могли не только противодействовать в Константинополе восточной политике царской России, но и оказывать известное давление на страны, сопредельные с азиатскими границами России. В противовес Ост-индской компании, конкуренция которой в Средней Азии не могла не вызывать опасений со стороны русского правительства, в 1760 г. была учреждена русская „Коммерчествующая в Бухаре и Хиве компания," не сумевшая, впрочем, развить своей торговой деятельности, поскольку она встречала немало препятствий со стороны правительств обоих ханств.

Опасность английской конкуренции вызывала повышенный интерес русского правительства к Средней Азии. Правда, еще не были изжиты представления о Средней Азии, как о стране, где живет „много хищников", препятствующих развитию торговли России в этой стране, но такая точка зрения уже становилась явно устаревшей. В 1770—1780 гг. в узбекских ханствах несколько ослабели феодальные смуты. Государственная власть в Бухаре и Хиве окрепла. Вместе с тем увеличивался и удельный политический вес Бухары и Хивы, с чем не могло не считаться царское правительство.

В связи с этим создавались новые условия для торговли России со Средней Азией, так как восстановление политического единства узбекских ханств было вместе с тем благоприятным фактором для развития торговых связей их с Россией.

По всем указанным причинам правительство Екатерины II с конца семидесятых годов XVIII в. начинает уделять большое внимание торговле со Средней Азией, как рынку сырья и сбыта русских промышленных изделий.

Интерес к проблемам среднеазиатской торговли нашел свое вполне четкое выражение при посылке в 1780 г. переводчика Бекчурина в Бухару и в девяностых годах XVIII в.—майора Бланкеннагеля в Хиву. Основными задачами посольства в Бухару являлось выяснение возможности торговли России с самой Бухарой и открытия в Бухаре русских торговых контор, а также обследование пути в Бухару и сбор различных сведений об этом ханстве.

Состояние среднеазиатской торговли в конце XVIII в. К концу XVIII в. окончательно сложились основные торговые пути, соединившие в дальнейшем Россию с узбекскими ханствами Наряду со старым путем по Волге, Каспийскому морю и Мангышлаку к Хиве (а отсюда в Бухару и даже иногда к Коканду) установился второй путь, который, начинаясь от г. Оренбурга или Троицка, шел через Ташкент на Бухару и в Коканд. Часть товаров из России, не доходя до Ташкента, направлялась в Бухару через Казалинск. Третий путь, начинаясь от Семипалатинска или Петропавловска, пересекал Казахскую степь, проходя вдоль реки Сары-су на Ташкент. Кроме перечисленных основных путей, имелся и ряд менее важных вариантов. В последние десятилетия перед завоеванием главенствующая роль среди всех упомянутых торговых путей из России в Среднюю Азию принадлежала пути из Оренбурга (или Троицка) на Ташкент.

Инициатива торговых сношений во второй половине XVIII в. была в руках среднеазиатских купцов, которые приезжали в Россию для товарообмена с казахами и российскими купцами-мусульманами. Впрочем, и русское купечество не отказывалось от мысли установить

прямые торговые сношения со среднеазиатскими ханствами, но первые попытки не увенчались успехом. Так, отправленный в 1753 г. Неплюевым в Хиву купеческий караван по прибытии на место подвергся притеснениям со стороны хана и был задержан на долгое время.

Характерной особенностью торговли России с узбекскими ханствами в конце XVIII в. являлся почти исключительно меновой ее характер. Торговля велась в основном в пограничных районах, откуда товар везли в Среднюю Азию исключительно среднеазиатские купцы. В глубь России до начала XIX в. среднеазиатские торговцы не допускались, главным образом из тех соображений, чтобы они не могли узнать „истинные" (т. е. фактические средние) цены на русском внутреннем рынке. Обмен товаров со среднеазиатскими торговцами по крайне высокой расценке приносил русским купцам крупнейшие прибыли. По словам оренбургского военного губернатора Рейнсдорпа, „русский купец отъезжает в свой дом всегда с тройной прибылью и с потребным ему остатком суровых бухарских продуктов (т.е.необделанных тканей) и таких товаров, кои в России почитаются весьма надобными". Общий объем торговых операций был относительно невелик, но неуклонно возрастал в течение двух последних десятилетий XVIII в. Так, например, среднегодовой вывоз из Бухары в Россию через Оренбургскую губернию по трехлетиям с 1787 г. по 1796 г. составлял последовательно 360 тыс. рублей, 405 тыс. рублей и 465 тыс. рублей. В 1801 г. вывоз из Бухары в Россию составлял уже 732,2 тыс. рублей, а ввоз в нее из России—547 тыс. рублей. Ту же динамику роста можно констатировать и в отношении торговли с Хивой.

Основным предметом вывоза из Бухары в Россию были хлопчатобумажная пряжа и хлопок-сырец, составлявшие около $^3/_4$ всего вывоза. Развивавшаяся русская хлопчатобумажная промышленность нуждалась в среднеазиатском сырье, и среднеазиатский рынок уже с конца XVIII в. становится важным рынком сырья для русской промышленности; в остальном вывоз состоял из кожевенного сырья, мерлушки, ревеня, сушеных фруктов. В то же время из России в Бухару ввозились золото в иностранной монете, составлявшее 40% всего вывоза, сукно и ткани русского и иностранного происхождения, меха, выделанные кожи и пр.

В конце XVIII и в начале XIX вв. русский торговый капитал монопольно господствовал на рынках Средней Азии. Английский капитал, занятый завоеванием Индии, не только не мог предпринять попытки проникновения в Среднюю Азию, но даже свой текстиль сбывал туда при посредничестве русского купечества, так как пути в Среднюю Азию через Россию были наиболее благоприятны.

Развитию торговых отношений препятствовали, однако, попрежнему феодальные неурядицы в Казахской степи и в ханствах и нападения казахов на караваны, при явном попустительстве этим грабежам со стороны правительств среднеазиатских ханств (в первую очередь Хивинского). Попытки русского правительства самостоятельно организовать защиту караванов посылкой конвоя, а также путем дипломатического давления на ханства, не приводили к желательным результатам.

§ 2. РОССИЯ И УЗБЕКСКИЕ ХАНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Народное хозяйство России и среднеазиатский рынок. В первой четверти XIX в. торговые связи России с среднеазиатскими ханствами значительно оживились. Это оживление было связано как с

ростом промышленности в России и увеличением ее потребности в сырье, так и с политическим объединением ханств и стремлением местного торгового капитала использовать благоприятную рыночную конъюнктуру.

Уже в конце XVIII в. в феодально-крепостнической системе народного хозяйства России образовались первые трещины. Под воздействием зародившихся капиталистических отношений феодальный способ производства становился устарелым, хотя внешне он сохранял еще свою хозяйственную значимость. К началу XIX в. феодально-крепостническая Россия была связана прочными экономическими узами с западноевропейскими государствами, главным образом с Англией. За 35 лет (с 1790 по 1825 г.) ежегодный оборот внешней торговли увеличился более чем вдвое. Одновременно возрастал и оборот внутренней торговли в связи с увеличением емкости внутреннего рынка, который сохранял основное значение для народнохозяйственного развития России. Рост внутреннего рынка был связан с увеличением численности населения в империи, с развитием городов, с разделением России на два района: промышленно-потребительский и сельскохозяйственный черноземно-производительный.

Показателем роста оборотов по внутренней торговле в первую очередь являлось увеличение оборотов по ярмарочной торговле. Нижегородская ярмарка, перенесенная в 1817 г. из-под стен Макарьевского монастыря на Волге в Нижний-Новгород, становится „всероссийским торжищем". На Нижегородскую ярмарку съезжались купцы со всех концов России, а также из Средней Азии и Ирана, производились закупки и для Западной Европы.

Капиталистические отношения ранее всего начали складываться в промышленности. Еще в середине XVIII в. получила широкое распространение так называемая „неуказная" крестьянская промышленность, в которой применялся исключительно наемный труд.

Развитие товарно-денежных отношений и рост промышленности оказали громадное влияние на организацию помещичьего хозяйства в России. Приспособляя свое хозяйство к рыночным отношениям, помещики нечерноземной полосы переводили часть своих крепостных на денежный оброк. Значительная часть оброчного крестьянства уходила работать по найму на крестьянские и купеческие мануфактуры и представляла собой резервную армию труда для развивавшейся капиталистической мануфактурной промышленности. В эту резервную армию труда входили также государственные крестьяне и плебейские массы городского населения. Уже в конце XVIII в. численность наемных рабочих составляла 27,5% всех рабочих, занятых на производстве.

По подсчетам М. Ф. Злотникова, в 1825 г. общее количество мануфактур в России выросло уже до 1800 против 1160 в конце предшествующего столетия. Численность рабочих, занятых в производстве, увеличилась с 225 тыс. до 340 тыс., из них наемные рабочие составляли 33%. Таким образом, параллельно с ростом общего количества рабочих увеличивается удельный вес в производстве наемных рабочих.

Наемный труд применялся в первую очередь на хлопчатобумажных мануфактурах, собственниками которых были, главным образом, купцы. В первой четверти XIX в. почти вся хлопчатобумажная промышленность обслуживалась наемным трудом. На ее предприятиях впервые начали применяться паровые двигатели. Но при господстве феодально-крепостнической системы и натурально-хозяйственных от-

ношений в крепостной деревне, емкость внутреннего рынка увеличивалась весьма медленно. Фабриканты-мануфактуристы нуждались в рынках сбыта, которыми могли стать прежде всего внешние рынки.

Торговля России со Средней Азией в первой четверти XIX в. В связи с указанными явлениями в хозяйственной жизни России, ее торговые отношения со среднеазиатскими ханствами в первой четверти XIX в. получили значительное развитие. В начале XIX в. ежегодный средний вывоз товаров из России в Среднюю Азию составлял 988 тыс. рублей, а к концу первой четверти XIX в. он поднялся до 4 390 тыс рублей. Одновременно и импорт товаров из Средней Азии в Россию увеличился с 2 071 до 5759 тыс. рублей. Таким образом, одна из прежних характерных особенностей русско-среднеазиатской торговли—преобладание среднеазиатского вывоза в Россию над ввозом из России—еще сохранилась. В то же время произошли значительные изменения в составе ввоза из России. Царское правительство вынуждено было дать разрешение на вывоз металлов: железа, стали, меди, чугуна и изделий из них. Кроме того, сильно повысился вывоз в Среднюю Азию готовых промышленных изделий: хлопчатобумажных, полотняных, суконных и других. Что же касается вывоза из Средней Азии, то он оставался по своему составу тем же, что и в XVIII столетии.

В целях оживления торговли со Средней Азией, царское правительство вынуждено было отказаться от ранее действовавших запретительных мероприятий: среднеазиатским купцам был разрешен въезд в глубь России и на русские ярмарки—в первую очередь, на Нижегородскую.

Так, Россия уже в первой четверти XIX в. завоевала прочное положение на среднеазиатском рынке.

Торговля с Россией имела очень большое значение для народнохозяйственных интересов среднеазиатских ханств. В Бухаре из русской меди выделывали посуду и чеканили мелкую монету, из железа изготовляли сельскохозяйственные орудия, использование которых содействовало общему улучшению техники сельского хозяйства. Для Хивы русский рынок также имел первостепенное значение. Хива становилась поставщиком хлопка-сырца, бязи, шелковых и полушелковых тканей, кожи и кожевенных товаров и других изделий местного производства. Однако русские купцы опасались грабежей и сами в Хиву ездили очень редко. Торговля попрежнему находилась в руках мусульманских купцов. Из среды местных купцов выделялась экономически мощная группа, которая вкладывала свои капиталы в торговлю с Россией. Значительные средства в торговлю с Россией вкладывала и феодальная аристократия, и сами ханы. Поддерживая и развивая непосредственные товарно-денежные отношения с Россией, среднеазиатские купцы сохраняли меновой характер торговли с казахами.

Начало русско-английского торгового соперничества в Средней Азии. Установлению прочных экономических отношений России со Средней Азией содействовало то, что российский капитал долгое время занимал монопольное положение на среднеазиатском рынке. В глазах правительства „все азиатские рынки" должны быть „как бы привилегией для русских мануфактурных изделий, дарованной географическим положением и политическими отношениями". Эта уверенность в прочности завоевания среднеазиатского рынка для русских промышленных изделий объяснялась тем, что русское купечество пока не имело никаких конкурентов на рынках Средней Азии.

В тридцатых годах XIX столетия положение русских мануфактуристов на среднеазиатском рынке пошатнулось, так как они столкнулись с экономически мощным противником—англичанами. Английская буржуазия в поисках новых рынков для сбыта своих промышленных изделий и выхода из промышленного кризиса стала уделять значительное внимание рынкам Ирана и среднеазиатских стран, сопредельных с Индией. Право монопольной торговли с Индией, принадлежавшее Ост-индской компании, не отвечало условиям экономики XIX в. и, под давлением буржуазных кругов Англии, она была лишена этого права. Чтобы вознаградить себя за понесенный материальный ущерб. Ост-индская компания устремила свои усилия на среднеазиатские рынки. Уже в двадцатых годах она считала необходимым открыть судоходство по р. Инду, чтобы облегчить доставку английских товаров в Среднюю Азию, удешевить их стоимость и вытеснить со среднеазиатских рынков русские товары. Для изучения географического и экономического положения Средней Азии и общих условий торговли в среднеазиатских странах Ост-индская компания организовала ряд хозяйственно-политических экспедиций.

В 1831—1833 гг. лейтенант Ост-индской компании Александр Борнс совершил путешествие по Инду до Лахора и проник в Кабул и Бухару. В 1836—1838 гг. тот же Борнс вместе с Вудом пробрался к истокам Аму-дарьи. Во время своих поездок Борнс собрал сведения о среднеазиатской торговле. о торговых путях и центрах торговли, о предметах вывоза и ввоза. В особенности Борнс интересовался проникновением в Среднюю Азию русских промышленных изделий. Он составил списки русских товаров, поступавших на рынки Бухары и проникавших далее на Восток — в Афганистан и даже в Индию. Для полного вытеснения русского купечества со среднеазиатских рынков Ост-индская компания признавала целесообразным учредить где-нибудь торговый пункт, где было бы возможно открыть ярмарку для привлечения на нее среднеазиатских купцов и вместе с тем для отвлечения их от поездок на ярмарку в Нижний Новгород. Для будущей ярмарки Борнс намечал Дера-Гази-хан на среднем течении Инда.

На среднеазиатских рынках английские товары появились уже в двадцатых годах XIX в. Английский путешественник Конолли в своей книге „Путешествие на север Индии“ (1834) отметил большой успех на среднеазиатских рынках английских товаров, в особенности ситцев, хотя английские товары были дороже русских. Согласно данным Конолли, английские купцы, отправлявшие свои товары в Среднюю Азию через Балх, получали громадную прибыль.

Вследствие английской конкуренции значительно сократились торговые обороты русских купцов в Средней Азии и количество товарных сделок со среднеазиатскими торговцами на Нижегородской ярмарке. Русско-английское торговое соперничество в тридцатых—сороковых годах привлекло внимание европейской печати, в особенности английской. Последняя относилась недоброжелательно к экономической экспансии царизма в Средней Азии, вслед за которой, по ее мнению, должна была последовать и попытка завоевать среднеазиатские ханства. Английская буржуазия хотела воспрепятствовать этому, так как сама рассчитывала подчинить себе Среднюю Азию.

Московские мануфактуристы и среднеазиатская торговля. Рост английской конкуренции, однако, еще не вызывал особенного беспокойства в правительственных кругах России. Хотя русская хлопчатобумажная промышленность продолжала расти, но потребность ее в

сырье удовлетворялась преимущественно американским хлопком. Доля среднеазиатского хлопка в общем количестве потребного для промышленности сырья не превышала и 10%.

Мнения официальных кругов о среднеазиатской торговле и отношение к ней определенной части широких торгово-промышленных кругов в известной степени отражал в своих статьях видный экономист того времени и крупный чиновник министерства финансов Гагемейстер. Он заявлял, что при наличии плохих путей сообщения, слабой покупательной способности ханств и их „варварского управления" нет предпосылок для развития выгодной с ними торговли. Гагемейстер считал нецелесообразным „тратить войско и деньги для того, чтобы немногим усилить сбыт туда русских изделий и вывезти оттуда несколько более хлопчатых бумаг и шелка".

Отражая ведомственные интересы Министерства финансов, которое не располагало излишком средств для организации экспедиции в Среднюю Азию с завоевательными целями, Гагемейстер в то же время выступал на защиту интересов тех кругов русского купечества, которые были заинтересованы в развитии китайского торга, приносившего казне значительный таможенный доход.

Московские мануфактуристы, связанные торговлей со Средней Азией, держались противоположной точки зрения и требовали от правительства более решительной политики по отношению к среднеазиатским ханствам Практически они были дальновиднее ученого экономиста и учитывали возможность потери среднеазиатского рынка ввиду все растущей конкуренции со стороны английской текстильной промышленности.

Группу московских купцов и промышленников, которая стремилась к более энергичной внешней политике царского правительства в Средней Азии, возглавлял П. В. Голубков. Как издатель переводов выходивших в Англии книг об Индии и Средней Азии, Голубков знакомил русского читателя с подготовительными мероприятиями английской буржуазии для проникновения в Среднюю Азию. Он видел в английском купце опасного конкурента для русского купечества и в предисловиях к издаваемым им переводам пропагандировал необходимость расширения и укрепления торговых отношений со Средней Азией. Считая английскую конкуренцию серьезной, но преодолимой, Голубков обращался к русскому купечеству с призывом развивать свою предприимчивость. „Для предупреждения неблагоприятных против России намерений Ост-индской компании" Голубков предлагал учредить акционерную торговую компанию под названием „Российско-Азиатского торгового дома" с предоставлением монопольного права плавания ее торговым судам по Каспийскому морю, а также права „исключительной торговли российскими произведениями и транзитом с Азиатской Турцией, Персией, Хивой, Бухариями, Ташкентом и Туркестаном на Сыр-дарье; городами в Китайском Туркестане: Яркентом и Кашгаром, Лагором, Гератом, Кабулом и вообще с Индией". Под видом частного торгового предприятия Голубков в действительности проектировал настоящую военную экспедицию при участии правительства, которое должно было оказать помощь войском и финансами. Согласно его проекту, „торговый дом" сначала должен был закрепить за собой Балханский залив и построить на его берегах город Индиянополь, который, по мысли Голубкова, станет торговым центром Средней Азии. После постройки Индиянополя Голубков полагал необходимым проведение двух параллельных укрепленных

линий, которые следовало довести до Балха в Афганистане. Тогда Бухара, Хива, Ташкент и „киргизские кочующие орды" будут вынуждены переменить кочевую жизнь на оседлую. Новый быт создаст благоприятные условия для сбыта произведений русской промышленности, необходимых для „домашнего обихода", как железные и другие металлические изделия, юфть, сукно и полотна. Голубков не сомневался в успехе задуманного предприятия. Балханский порт, став „всесветным торжищем", будет „повелевать Хивой, Бухариями, Гератом, Кабулом, Пенджабом и Тибетами"; тем самым Англия потеряет власть на Востоке.

Голубков не был одинок среди московского купечества. Ростовский купец Ф. Р. Пичугин, связанный торговлей со Средней Азией, опубликовал в сороковых годах в газетах ряд статей „О торговле со Средней Азией и ее выгодах". Он также отмечал грозившую русской торговле опасность со стороны английского капитала, но не считал английскую конкуренцию непреодолимой, лишь бы только русские обладали „решительностью и компанейским духом".

Наряду с успехами англичан на среднеазиатском рынке, одной из причин сокращения торговых оборотов по азиатской торговле московское купечество считало беспошлинный вывоз за границу золотой, серебряной и платиновой монеты русского чекана, так как азиатские купцы, приезжавшие на нижегородскую ярмарку, на вырученные деньги не покупали русских товаров, а предпочитали вывозить валюту, на которую на среднеазиатских рынках можно было купить английские товары лучшего качества. Так объяснило причину упадка среднеазиатской торговли собрание Московского купеческого общества 17 мая 1846 г.

Царское правительство и узбекские ханства в первой четверти XIX в. Напряженное международное положение в Европе, участие России в борьбе против Наполеона (1805—1807), русско-турецкая война (1806—1812), русско-шведская война (1808—1809), русско-персидская война (1805—1813), Отечественная война 1812 г. и участие царского правительства в дальнейшей борьбе против Наполеона долгое время исключали всякую возможность проведения царизмом агрессивной политики в Средней Азии. Наоборот, царское правительство стремилось дипломатическим путем урегулировать все недоразумения с Хивинским ханством и „укрепить дружбу на прочных началах" с Хивой, так как „польза обоих народов требует всеми возможными мерами споспешествовать свободным торговым сообщениям, тщательно отстраняя от оных все то, что может служить им во вред, и изыскивая искренно средства сделать с ней торговые сообщения час от часу выгоднее для обоих народов".

Однако правительству Александра I не удалось вступить в непосредственные переговоры с Хивой. Отправленный с этой целью хивинский караван-баши, т. е. проводник каравана, Атанияз Нияз-Мухамедов не имел успеха: хан никакими его представлениями не убедился и не только „посольства на упомянутый предмет не отправил, но и в объяснения по оному войти не хотел, не поставляя на то никакой причины". Неудачей закончилась и миссия капитана Н. Н. Муравьева, который с Кавказа был отправлен генералом Ермоловым „склонить туркменцев, обитающих на восточных берегах Каспийского моря, и хивинцев к приятельским отношениям с Россией".

Ввиду провала переговоров с Хивинским ханством об урегулировании торговых отношений, в правительственных кругах России все

более крепла мысль о необходимости обеспечить за русской промышленностью среднеазиатские рынки путем военной экспансии. Наиболее ярко это стремление выразилось в записке генерал-майора Веригина „Краткое изложение мыслей о необходимости занять Хиву, как единственное средство для распространения и приведения в безопасность нашей торговли в Средней Азии". Записка эта была подана автором императору Николаю I в феврале 1826 г. Основную свою мысль автор сформулировал следующим образом: „Россия никогда не имела толикой необходимости в открытии новых путей для торговли собственными своими изделиями, как теперь, ибо по причине несовершенства выделки оных не только не можно отправлять их в европейские государства, но даже при совместительстве привозимых таковых же к нам иностранных, они с трудом могут продаваться внутри России". Поэтому „нужно принять меры для доставления удобности производить беспрепятственно торговлю в стране, где наши мануфактурные произведения менее подвергались бы таковому вредному совместительству... В сем отношении часть Средней Азии, прилегающая к нашим границам и связующая нашу империю с Бухарией, Китаем, Хивою и с многими знатными городами Северной Индии, заслуживает особенное внимание нашего правительства, ибо торговля в сей стране... может подкреплять возникающие у нас мануфактуры... Приведя в безопасность торговлю нашу в Средней Азии, мы приобретаем со временем легчайший способ вознаграждать те потери, которые вынуждены сносить по европейской торговле".

Вместе с тем Веригин возлагал на бухарское и хивинское правительства ответственность за ограбление русских караванов, в то время как караваны среднеазиатских ханств не подвергались нападениям. Поддержание престижа России, по мнению Веригина, требует, чтобы эти грабежи не оставались безнаказанными. Наконец, Веригин отмечал необходимость быстро обеспечить господство России в Средней Азии, поскольку „приближение англичан к границам Татарин создаст в ближайшем опасность конкурентов". Впрочем, в конце двадцатых годов XIX в. еще не было тех условий, которые позволили бы осуществить намеченную Веригиным экспансию в Среднюю Азию. Угрожающих признаков экономического наступления англичан на среднеазиатские рынки еще не наблюдалось. Еще не были изучены с военно-стратегической точки зрения пути в Среднюю Азию, хотя уже в 1825 г. была снаряжена большая экспедиция полковника Берга для исследования возвышенности Усть-урт между Аральским и Каспийским морями. В распоряжении Берга находился значительный военный отряд, так что хивинцы имели известное основание рассматривать экспедицию как поход против Хивы. Наконец, международное положение (греческое восстание, русско-персидская война 1826—1828 гг., русско-турецкая война 1828—1829 гг., июльская революция 1830 г. во Франции, польское восстание 1830—1831 гг.), обострение отношений с Англией в связи с заключением Ункиар-Искелесского договора с Турцией (в 1833 г.), исключало всякую возможность решительных действий против узбекских ханств.

Кризис феодально-крепостнической системы в России и среднеазиатский рынок. В народном хозяйстве России во второй четверти XIX в. происходили глубокие изменения, приведшие к кризису крепостнического способа производства. Под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений разрушался патриархальный строй барщинного хозяйства. Помещик все более и более втягивался в рыноч-

ные отношения и становился поставщиком зерновых продуктов как для внутреннего, так и для внешнего рынка, а „производство хлеба помещиками на продажу, особенно развивавшееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима“[1]. Но крепостное право тормозило развитие производительных сил.

Во второй четверти XIX в. в русской промышленности отмечается переход от ручной техники к машинному производству. Это сказалось в первую очередь в хлопчатобумажной промышленности (бумагопрядильной, ситценабивной и бумаготкацкой), в особенности с 1842 г., когда английское правительство разрешило свободный вывоз машин в другие страны. За ближайшее десятилетие (1843—1854) количество бумагопрядильных веретен в России выросло с 350 тыс. до 1 млн. Вместе с тем увеличилась и потребность в промышленном сырье.

Дешевые хлопчатобумажные ткани стали предметом широкого потребления в стране. Растущий спрос толкал владельцев предприятий к расширению производства и открытию новых фабрик.

Быстрый рост хлопчатобумажной промышленности определялся как внедрением в производство новой техники, так и применением наемного труда. По сравнению с первой четвертью XIX в., численность наемных рабочих на крупных предприятиях к концу второй четверти увеличилась в пять раз. Наемные рабочие составляли 60% всех рабочих. Вместе с ростом товарно-денежных отношений быстрыми темпами развивалась кустарная промышленность, связанная с рыночными отношениями. Отдельным кустарям удавалось накопить денежные средства и стать владельцами мануфактурных фабрик. Эти предприятия были типично капиталистическими. Рост капиталистической промышленности встречал непреодолимые препятствия со стороны господствовавших в деревне феодально-крепостнических отношений, поскольку крепостные крестьяне не могли стать основными покупателями промышленных изделий. Несмотря на известное расширение емкости внутреннего рынка, он все же еще был узок как для ведущей хлопчатобумажной, так и для металлургической промышленности. При этих условиях излишек товаров мог найти себе сбыт только на внешнем рынке. Такими рынками сбыта могли стать кяхтинский и среднеазиатский рынки.

В середине XIX в. кяхтинская торговля вступила в полосу упадка. Это было связано с открытием по англо-китайскому договору 1858 г. пяти китайских портов для европейской торговли, а также с развитием морского транспорта, благодаря чему китайский чай поступал в Россию через южные порты. С упадком кяхтинской торговли особое значение приобретал среднеазиатский рынок, удельный вес которого во внешней торговле значительно возрос во второй четверти XIX в.

Правительство было вынуждено под давлением московского купечества создать благоприятную обстановку для развития торговых отношений со среднеазиатскими ханствами. Была установлена единая однопроцентная пошлина для товаров, проходивших через среднеазиатскую границу. Еще в 1848 г. правительство освободило от пошлин все русские товары на Мангышлаке, и все русские подданные получили право производить свободно меновую торговлю. В итоге развития торговых отношений России со Средней Азией происходил неуклонный рост товарооборота. Так, по Оренбургской линии в одно десятилетие 1840—1850 гг. товарооборот увеличился почти на 40%. Средний годо-

[1] В. И. Ленин Соч. т. III, стр. 140.

вой вывоз из ханств в Россию составлял около 3 млн. рублей серебром, а вывоз из России в ханства—3,5 млн. рублей серебром. В последующее десятилетие (1850—1860) вывоз в Россию из среднеазиатских ханств через оренбургскую таможню утроился, вывоз из России почти удвоился. В связи с ростом русской промышленности и упадком кяхтинской торговли рынки узбекских ханств приобрели первенствующее значение как рынки сбыта текстильных, металлических изделий и кожевенных товаров и как рынки сырья для развивавшейся русской промышленности. В первую очередь это относится к хлопку-сырцу и пряже, которые составляли около одной трети всего среднеазиатского вывоза товаров в Россию.

Рост торговых связей среднеазиатских ханств с Россией привел к значительному усилению экономической зависимости хозяйства этих ханств от рынков России. Когда, например, в 1836 г. произошел перерыв в торговых сношениях России с Хивою, то цены на мануфактурные изделия повысились в Хиве на 15%, цены на юфть—на 100%, на киноварь—на 150%, тогда как цены на хлопок-сырец снизились на 50%. Подобная же зависимость хозяйства Бухары от русского рынка видна из того факта, что когда в 1861 г. ввоз хлопка в Россию из США временно прекратился и цены на него в России сильно выросли, то в Бухаре отмечался быстрый рост посевных площадей под хлопчатник.

Товары русского происхождения получили в узбекских ханствах самое широкое распространение. Маркс и Энгельс отмечали, что „русские товары проникли до Инда и в некоторых местах даже пользовались предпочтением перед английскими"[1]. Венгерский путешественник Вамбери, посетивший Среднюю Азию в начале шестидесятых годов, отметил, что на базарах Бухары было мало западноевропейских изделий, да и те были привезены через Оренбург, но зато было много русских галантерейных и мануфактурных товаров. По его словам, „нет ни одного дома, ни одной палатки по всей Средней Азии, где не встречалось бы какого-нибудь русского изделия".

Центр тяжести торговых связей Средней Азии с Россией в середине XIX в. все больше переносился в Оренбург-Троицк и далее к низовьям р. Сыр-дарьи; прочие торговые пути постепенно теряли свое былое значение.

Характерной особенностью торговли узбекских ханств с Россией являлась руководящая роль в ней местной феодальной знати и, прежде всего, самих ханов и их ближайшего окружения. Среднеазиатские купцы, приезжавшие с товарами в Россию, как правило, представляли собой лишь комиссионеров этих феодалов и оперировали деньгами, полученными от них. Указанное обстоятельство делало правительства Бухары, Хивы и Коканда весьма несговорчивыми во всех переговорах с Россией, касавшихся предоставления русским купцам более льготных условий для торговли в Средней Азии (снижение налогов, право свободной торговли на территории ханства и т. д.).

Русское купечество, торговавшее со среднеазиатскими ханствами, уже давно пыталось ликвидировать зависимость от посредничества среднеазиатских купцов и непосредственно связаться с среднеазиатским рынком. С этой стороны заслуживает внимания торговая деятельность купца Ф. В. Пичугина, начавшаяся еще в первой четверти XIX в. Она отличалась широким размахом. Пичугин был связан торговой деятель-

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 383.

ностью с Ростовом, Москвой, Петербургом и Нижегородской ярмаркой. Его торговые агенты проникали в Уральск и Гурьев, в казахскую Букеевскую орду, в „Киргизские степи" и в Среднюю Азию. В 1830 г. он отправил в Среднюю Азию товаров на 60 тыс. рублей, купив среднеазиатских товаров на 38 тыс. рублей (серебром). В 1840 г. Пичугин был одним из первых купцов, отправлявших караваны товаров с русскими приказчиками. В 1844 г. в компанию к Пичугину вошли купцы И. Ф. Баранов и П. С. Зубов—владельцы крупных бумаготкацких фабрик, ситцы которых вывозились в Среднюю Азию. Компания существовала до 1852 г. Ею были открыты торговые конторы во всех главнейших городах Бухарского и Хивинского ханств, а на Аральском море было заведено рыболовство. Приспособляясь к нуждам населения ханств, Баранов и Зубов завели на своих фабриках „особенные производства ситцев во вкусе азиатцев, употребляя лучшие материалы и самые прочные краски" с таким расчетом, чтобы они не уступали „ни в качестве, ни в достоинстве английским".

Успешно конкурируя с английскими ситцами, компания Пичугина пыталась сосредоточить в своих руках вывоз из Средней Азии хлопка и красильных веществ—марены и индиго, необходимых для русской мануфактурной промышленности. В 1847 г. компания вывезла около 40 тыс. пудов хлопка и 20 тыс. пудов марены. Кроме того, чтобы улучшить сорта марены и обработку хлопка, компания арендовала в Хиве значительные участки земли и выхлопотала от ташкентского правителя разрешение на аренду земли около Ташкента для устройства заведения по обработке хлопка и складов мануфактурных изделий.

§ 3. НАЧАЛО НАСТУПЛЕНИЯ ЦАРИЗМА НА СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Узбекские ханства и казахи. Правительство Николая I все более приходило к мысли о необходимости военной экспансии в Среднюю Азию, как единственному способу твердо закрепить за Россией среднеазиатские рынки.

Отношения царской России с среднеазиатскими ханствами в царствование Николая 1 обострились в связи с еще не вполне урегулированным казахским вопросом. В 1824 г. ханское достоинство в Малом жузе было отменено; вместо хана жузом должны были управлять три султана-правителя, зависимые от русских властей, но новый порядок был введен не сразу; аулы, расположенные вдали от русской границы, сначала ему не подчинились. Хивинское ханство воспользовалось хозяйственным и политическим кризисом, охватившим Малый жуз, чтобы поставить в зависимость от себя сырдарьинских казахов. После уничтожения ханской власти в Малом жузе, казахские феодалы, во главе с бывшим своим ханом Ширгази, готовы были признать над собой господство хивинского хана в надежде восстановить с его помощью ханскую власть в жузе. Впрочем, ориентация бывшего хана на Хиву не встретила поддержки со стороны широких казахских масс. Кокандский хан, со своей стороны, пытался распространить свою власть на соседних с ханством казахов.

Агрессивные планы ханов были поддержаны казахской феодальной знатью, которая, под видом борьбы против царского правительства, стремилась укрепить свое господство над трудящимися казахскими массами. Распространение хивинскими и кокандскими ханами своей власти на соседних с ханством казахов создавало барьер против про-

никновения царизма в Среднюю Азию. Со своей стороны, царское правительство приняло ряд военных мер, которые, укрепляя границу с казахскими районами, являлись подготовкой наступления против узбеских ханств.

Энергичным сторонником военного продвижения России в Среднюю Азию был оренбургский военный губернатор генерал-майор В. А. Перовский, назначенный на эту должность в 1833 г. В 1834 г. им было построено Ново-Александровское укрепление (Мангышлак) на сезеро-восточном берегу Каспийского моря, а в 1835 г. началась постройка укрепленной линии между Орском и Троицком, которая отняла у казахов 40 тыс. кв километров лучших пастбищ. Эти земли предназначались для русской колонизации.

Захватническая политика царизма разоряла казахские народные массы. В ответ на эту политику среди казахов поднялось восстание, которое возглавил султан Кенесары Касымов, стремившийся с помощью Хивы восстановить ханскую власть среди казахов. В 1837 г. он напал на вновь построенные русские укрепления и уничтожил возникшие около них русские поселения.

Поход В. А. Перовского на Хиву. Восстание казахов дало повод В. А. Перовскому выступить с планом похода против Хивинского ханства. Перовский полагал, что пока это ханство будет оставаться политически независимым от России очень трудно будет держать казахов в повиновении, поскольку хивинский хан мог поддерживать их восстания. В качестве предлога для организации военной экспедиции В. А. Перовский выдвигал необходимость защиты русских караванов от нападений хивинских „разбойников", а также прекращения захвата пленных и обращения их в рабов.

Выступая с проектом похода против Хивы, В. А. Перовский отражал интересы той части русской буржуазии, которая была связана торговлей со Средней Азией и которая требовала от правительства более решительных действий в защиту интересов русской промышленности и торговли. Агрессивные планы военного губернатора встретили полную поддержку со стороны Николая I, давшего свое согласие на организацию похода. По мнению Николая, поход должен был „восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное ненаказанностью хивинцев, в особенности тем постоянством, с которым английское правительство стремится к распространению своего владычества в тех краях".

Задуманный В. А. Перовским поход на Хиву был легкомысленным предприятием, за которое дорого расплатился русский солдат. Поход был плохо подготовлен. Дороги в Хиву оставались еще необследованными. Правда, весной 1839 г. были отправлены в степь до Усть-урта два съемочных отряда под командой полковника генерального штаба Геке. Ему было поручено построить два укрепления, намеченные еще экспедицией Берга в 1825 г.: одно на р. Эмбе, при впадении в нее р. Аты-якши, приблизительно в 500 верстах от Оренбурга, а другое—Ак-булак—дальше на 170 верст к востоку от первого. Геке считал намеченный путь неудовлетворительным, так как местность от Эмбы до Ак-булака „состоит из солончаковой низменности и из самой бедной, негодной, илистой почвы, почти безводной". Однако это соображение не остановило самоуверенного Перовского от выполнения задуманного им плана.

Штаб Оренбургского военного округа выбрал для похода зимнее время, чтобы избежать летней жары и степного безводья. Экспеди-

ционный отряд выступил из Оренбурга в конце ноября 1839 г. в количестве 5 тыс. человек пехоты с двумя орудиями и обозом в 10 тыс. верблюдов. Поход проходил в самых тяжелых условиях. Жестокий мороз, глубокий снег, отсутствие топлива, негодность обмундирования и обуви создавали непреодолимые препятствия. Сотнями падали верблюды; солдаты голодали, обмораживались и умирали. В отряде начались массовые заболевания; становилось очевидным, что дальнейшее движение угрожает гибелью всему отряду. Через $2^1/_2$ месяца Перовский вынужден был повернуть назад, потеряв почти $^1/_5$ всего людского состава.

Хивинский хан Аллакули все же был напуган. Он освободил пленников, находившихся в Хиве. В свою очередь, и царское правительство разрешило отправить на родину задержанных в Оренбурге хивинцев. Уполномоченному хана удалось даже заключить торговый договор с Россией. При этом хан обязался обеспечить беспрепятственное движение торговых караванов в Хиву и обратно.

Дипломатические сношения с узбекскими ханствами. После неудачи хивинского похода, царское правительство временно отказалось от активных действий против ханств и пыталось дипломатическими переговорами наладить с ними нормальные отношения, а вместе с тем всесторонне ознакомиться с ханствами, в частности с дорогами, ведущими в Среднюю Азию. Со своей стороны, хивинские ханы и бухарские эмиры также стремились избегать всяких недоразумений с царским правительством.

В 1841 г. в Бухару были отправлены инженеры Бутенев и Богословский в сопровождении ориенталиста Ханыкова и натуралиста Лемана. Итогом этой экспедиции были ценная книга Ханыкова „Описание Бухарского ханства" и записка самого Бутенева „О возможности и средствах похода на Бухарию с войском", заключавшая сведения „о степени возможности занять ханства вооруженной рукой, пути, способы и образ действий к достижению цели".

По мнению Бутенева, установление нормальных отношений между обоими государствами возможно только в том случае, если эмир согласится выполнить следующие обязательства: а) освободить всех русских невольников, б) уравнять в правах русских купцов с туземными, в) разрешить транзит русских товаров в Кабул, г) принять в Бухару постоянного политического агента, д) не принимать беглых из России, е) отказаться от захваченной в Коканде территории. В случае, если бы эти условия были приняты, то Россия, сохраняя внешне независимость Бухарского ханства, твердой ногой стояла бы в Бухаре.

Одновременно в Хиву из Оренбурга была отправлена дипломатическая миссия во главе с капитаном генерального штаба Никифоровым. На Никифорова была возложена ответственная задача добиться нейтралитета Хивы в вопросе о занятии русскими низовьев Сырдарьи, а также признания владением России всей территории к северу от Сыр-дарьи и на восточном побережье Каспийского моря. Кроме того, Никифоров должен был потребовать уничтожения рабства и возврата всех русских подданных, попавших в плен в Хиву в результате набегов казахов, а также уменьшения обложения русских товаров. Хивинский хан был готов установить дружественные отношения с Россией, но отказался уменьшить пошлины на русские товары и признать русской территорией казахские степи к северу от Сыр-дарьи. Царское правительство не теряло надежды договориться с хивинским ханом; для окончательного урегулирования спорных

вопросов и заключения договора в Хиву была отправлена новая миссия во главе с полковником Данилевским. Однако хан Аллакули всячески затягивал переговоры. Только после его смерти состоялсь подписание договора, который гарантировал беспрепятственный проход в Хиву и обратно русских купеческих караванов и обязывал хивинского хана принять меры к защите их от нападения туркмен и хивинских казахов, а также воспретить этим туркменам и казахам нападать на русские рыбные промыслы на Каспийском море. При внешнем успехе результаты дипломатической миссии Данилевского были ничтожны: хивинский хан не отказался от враждебной политики по отношению к России, посылая своих эмиссаров к казахам на р. Сыр-дарью.

Военное наступление царизма в Средней Азии в середине XIX в. Неуспех дипломатических переговоров царского правительства с ханствами послужил поводом к подготовке военного продвижения в Среднюю Азию. В 1847 г. был осуществлен давнишний план захвата устья Сыр-дарьи, где было заложено Раимское укрепление. Постройка укрепления ускорила начало военных действий.

В 1851 г. Перовский был назначен на должность оренбургского и самарского генерал-губернатора. Это назначение наглядно свидетельствовало о намерении правительства возобновить наступление против среднеазиатских ханств.

Стратегическое положение было вполне благоприятным для царского правительства. Тянувшееся с 1837 г. восстание Кенесары Касымова было подавлено, и сам он погиб в 1847 г. в столкновении с киргизами, искусно спровоцированном царской администрацией. Перед царским правительством после утверждения на берегах Аральского моря открылась возможность движения по амударьинской и сырдарьинской водным артериям, которые открывали доступ в пределы Коканда, Бухары и Хивы. Уже в 1852 г. отряд генерала Бларамберга пытался захватить кокандскую крепость Ак-мечеть на Сыр-дарье, но эта попытка не удалась. В следующем году крепость была взята штурмом В. А. Перовским. На месте Ак-мечети была возведена русская крепость, названная фортом Перовского (ныне г. Кзыл-орда), а несколько позже был заложен форт № 1 (ныне г. Казалинск) Попытка кокандцев вернуть занятую крепость не имела успеха. Так возникла Сырдарьинская оборонительная линия.

Одновременно началось наступление с северо-востока из Западной Сибири, от Семипалатинска. В 1847 г. было основано укрепление Копал, у Семиреченского Улу-тау. В течение 1850—1854 гг. царскими войсками был занят Заилийский край, а в 1854 г. было заложено укрепление Верное, на месте селения Алматы. Так, от Семипалатинска до Верного протянулась новая укрепленная линия. После возведения укрепления Верного, западносибирский губернатор Гасфорд поднял вопрос о соединении новой линии с сырдарьинской линией.

Международное положение России заставило Николая I временно отказаться от выполнения своих наступательных планов. Царское правительство было занято Крымской войной (1853—1856). Новое восстание казахов под руководством Исета Кутабарова в районе нижнего течения Сыр-дарьи, направленное против произвола администрации, поддерживалось хивинским ханом. Кокандцы тоже не складывали оружия: ханским войскам удалось уничтожить плотину, построенную В. А. Перовским около Ак-мечети, и прервать таким образом па-

роходное сообщение по Сыр-дарье. В начале декабря 1858 г. кокандский военачальник Якуб бек осадил Ак-мечеть, но гарнизон сделал вылазку и отбил неприятеля.

Положение дел в Средней Азии привлекло к себе внимание Турции. В связи с началом Крымской войны турецкие агенты появились в Бухаре. Султан, видимо, пытался образовать военный союз ханов в Средней Азии против России. Он предложил хивинскому хану прекратить войну с Мервом и объединиться с Кокандом и Бухарой для борьбы против русских. Политика турецкого правительства вызвала серьезное беспокойство в правительственных кругах Ирана, которые предложили Николаю I совместно выступить против Турции, но начавшиеся по этому поводу переговоры были прекращены ввиду вмешательства англичан, и в ноябре 1854 г. шахское правительство вынуждено было объявить о своем нейтралитете.

До окончания Крымской войны и заключения Парижского мира в 1856 г. царское правительство было лишено возможности влиять на внешнюю политику узбекских ханств.

После Крымской войны правительство Александра II, занятое борьбой на Кавказе, не могло в первое время продолжать открытую наступательную политику против ханств и только стремилось не допускать выступления Бухары, Хивы и Коканда против России и устранить отдельными соглашениями с бухарскими и хивинскими ханами возможность их объединения. С этой целью, под предлогом заключения торгового договора, в Бухару и Хиву был послан полковник Игнатьев, который должен был добиться укрепления торговых связей с Хивой, чтобы изолировать ее от влияния Англии и подчинить интересам русской политики.

Миссия Игнатьева в Хиве не имела успеха. Хан не позволил Игнатьеву подняться вверх по Аму-дарье и отказал в предоставлении русским судам права свободного плавания по этой реке. Равным образом, хан отказался установить единообразную таможенную пошлину для русских товаров и не дал согласия на учреждение в Хиве русского торгового агентства. Более значительным успехом ознаменовалась дипломатическая миссия Игнатьева в Бухаре. Эмир, находясь во вражде с Кокандом и Хивой, искал сближения с Россией и был готов принять некоторые предложения царского правительства. Он удовлетворил требование об установлении 5 проц. таможенной пошлины, согласился на устройство караван-сарая в Бухаре для русских торговцев и на пропуск в Бухару неограниченного количества русских купцов.

Царское правительство было очень обеспокоено продвижением Англии к границам Средней Азии.

Единственным способом не допустить туда англичан представлялся немедленный захват Средней Азии военной силой, к осуществлению чего царское правительство и приступило, как только это позволило международное положение России.

ГЛАВА VIII

ЗАВОЕВАНИЕ УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ ЦАРИЗМОМ

§ 1. НАЧАЛО ВОЕННОГО НАСТУПЛЕНИЯ ЦАРИЗМА НА СРЕДНЮЮ АЗИЮ В ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XIX в.

Экономические предпосылки наступления на Среднюю Азию. В середине XIX в. захват новых колоний диктовался усилением в России процесса капиталистического развития. Как указывает В. И. Ленин, „... процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т.-е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,—и развитие капитализма вширь, т.-е. распространение сферы господства капитализма на новые территории"[1].

Развитие капиталистических отношений в экономически отсталой стране, какой была Российская империя в ту эпоху, порождало глубокие социальные противоречия. Крепостники-помещики в целях удержания власти в своих руках должны были стремиться к захвату новых территорий, поскольку захват колоний мог ослабить остроту противоречий между новыми капиталистическими явлениями в хозяйственной жизни страны и крепостническими пережитками. С другой стороны, рост промышленности толкал и буржуазию к военному захвату новых рынков. „Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий, — говорит В. И. Ленин,— временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь... Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение".[2]

К активной колониальной политике в Средней Азии царскую Россию побуждала, наряду с другими причинами военно-политического и экономического характера, потребность в хлопке для развивавшейся хлопчатобумажной промышленности. С 1861—1862 гг., вследствие гражданской войны в Северной Америке, понизился ввоз в Россию американского хлопка и в связи с этим повысился спрос на хлопок среднеазиатский. В течение первого года войны ввоз хлопка из Средней Азии увеличился почти в три раза: цена на среднеазиатский хлопок к 1864 г. по сравнению с 1860 г. повысилась в пять раз.

В связи с недостатком хлопка, хлопчатобумажная промышленность вступила в полосу длительного кризиса: закрывались отдельные предприятия, рабочие увольнялись массами. Кризис в хлопчатобумажной промышленности и необходимость снабжения ее деше-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, 1937, стр. 465, примечание.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, 1934, стр. 464.

вым сырьем очень обеспокоило царское правительство. В этом отношении знаменательно было появление в 1862 г. в „Русском Вестнике" статьи упоминавшегося уже Гагемейстера, который раньше решительно высказывался против всяких попыток военных походов в Среднюю Азию. Теперь он находил, что в связи с параличом американского экспорта „надобность в бухарской бумаге" становится „беспредельной" и что необходимо отказаться от „выжидательной системы", которой правительство придерживалось до тех пор, рекомендуя путем „принудительных средств" утвердить „цивилизующее влияние в Коканде и ускорить ликвидацию разбоев и анархии в Хиве". Министерство иностранных дел, в основном не сочувствовавшее широким военным предприятиям, было вынуждено в данный момент поддержать планы военного ведомства.

Такова была обстановка, при которой вопрос о новом курсе среднеазиатской политики царизма становился актуальным.

Начало наступления царского правительства на Среднюю Азию

Наступление на Среднюю Азию царское правительство могло вести по двум направлениям – кокандскому и хивинскому. Оренбургский генерал-губернатор Катенин, считая в данный момент хивинский вопрос второстепенным, был занят разработкой стратегического плана дальнейшего наступления на Коканд для его завоевания. Полагая, что Сырдарьинская оборонительная линия достаточно укр плена, Катенин намечал занятие Туркестана и Ташкента. В 1858 г., в письме на имя товарища министра иностранных дел, Катенин указывал, что „занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сырдарьинской линии". Взятие Ташкента, по мнению Катенина, было необходимо для организации военной экспедиции в самое сердце „бухарских владений". В первую очередь он предлагал занять Джулек Записка Катенина была рассмотрена Александром II. Царь согласился с необходимостью занять Джулек, но возражал против захвата Туркестана и Ташкента.

С другой стороны, западносибирский генерал-губернатор Гасфорд просил разрешения занять кокандскую крепость Пишпек под предлогом, что кокандцы усиливают активность на р. Чу. Наконец, князь Барятинский, командующий войсками на Кавказе, предлагал укрепиться на берегах восточного Каспия, чтобы противодействовать английской опасности. Так, предполагалось с трех сторон начать наступление на Среднюю Азию и, прежде всего, на Кокандское ханство, чтобы создать плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь страны.

Все эти широкие планы трехсторонней агрессии в Среднюю Азию были политически несвоевременными. Внутреннее и внешнее положение России было не таким, чтобы решиться начать большую войну в Средней Азии. Разработка вопроса об отмене крепостного права проходила в условиях революционной ситуации; во всей стране развернулось массовое крестьянское движение. На Кавказе создалась крайне напряженная военная обстановка, и правительство Александра II опасалось создавать новые дипломатические осложнения с Турцией и Англией. К тому же Иран был встревожен планами царского правительства утвердиться на восточном берегу Каспия, и царизм вынужден был отказаться от них.

Со своей стороны, и англичане проявили большую активность в Средней Азии. Они занимали прочные позиции в Афганистане, где окрепло их политическое влияние. В бухарских войсках появились анг-

лийские инструкторы, в Средней Азии находились англо-афганские агенты, которые предлагали организовать производство снарядов по европейскому образцу.

С другой стороны, планам царизма благоприятствовали напряженные отношения между Кокандским и Бухарским ханствами. Возникшая между Кокандом и Бухарой война ослабляла эти государства. В военнотехническом отношении армии ханств не могли равняться с царской армией. Царизму оставалось только ждать изменений политической конъюнктуры для того, чтобы начать большое наступление на Среднюю Азию. Пока же царское правительство ограничивалось мелкими захватами, улучшавшими его коммуникации на границе со Средней Азией, тем более, что они не вызывали особого беспокойства в английских общественно-политических кругах.

Русская буржуазия и вопрос о завоевании Средней Азии. Русские купцы и промышленники находили действия царского правительства недостаточно решительными и обеспечивающими их интересы в Средней Азии.

В 1862 г. министру финансов было подано ходатайство за подписью 15 московских купцов с просьбой об учреждении консульства в Бухаре. Но Министерство иностранных дел скептически относилось к вопросу о консульстве ввиду невозможности получить от эмира международные правовые гарантии для нормального функционирования подобного учреждения. К тому же в русской прессе высказывались опасения, что назначение русского консула в Бухаре неминуемо повлечет за собою и назначение английского, а вслед за английским консулом туда проникнет и английский капитал. От учреждения консульства решено было отказаться.

Русские промышленники, встревоженные отсутствием хлопка на рынке и кризисом, охватившим хлопчатобумажную промышленность, видели в Средней Азии возможный источник хлопкового сырья и полагали, что правительство своей завоевательной политикой в Средней Азии должно обеспечить хлопком русскую промышленность и ослабить ее зависимость от американского рынка.

Русская либерально-буржуазная печать стояла всецело на точке зрения купцов и промышленников. Журнал „Русский Вестник" в ряде статей, напечатанных в 1862 г., решительно высказался за завоевание Средней Азии. Влиятельная консервативная газета „Московские Ведомости", тесно связанная с московским купечеством, тоже высказывалась за активную внешнюю политику в Средней Азии, которая должна была поднять внешнеполитическое значение России, пошатнувшееся в результате Крымской войны. Либеральный журнал „Голос" призывал последовать примеру англичан в Индии, „обратить Каспийское море в русское озеро", сделать кочевые среднеазиатские племена оседлыми, помня, что „с этими степными разбойниками церемониться нечего", так как „против грубой силы только и можно действовать силой, террором".

Позиция русского правительства. Не менее воинственно были настроены и руководящие военные круги, также считавшие необходимым завоевание Средней Азии. Военный министр Д. А. Милютин был сторонником военного выступления, против чего прежде высказывалось Министерство иностранных дел, которое, по свидетельству Милютина, „с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма, заботясь больше всего о поддержке дружбы с Англией". Но сам вице-канцлер Горчаков мало занимался

среднеазиатскими делами. Они находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел, во главе которого был поставлен в 1861 г. генерал Игнатьев, сторонник решительной политики по отношению к Средней Азии, в которой он бывал и которую хорошо знал. Между ним и военным министром не было никаких разногласий о необходимости завоевания Средней Азии с военностратегической точки зрения—для укрепления безопасности и спокойствия военной линии. Поэтому военный министр с полным одобрением отнесся к составленной в конце октября 1864 г. в Министерстве иностранных дел докладной записке для царя, в которой говорилось о „таинственном, но непреодолимом тяготении России к Востоку", о невозможности „строго миролюбивой политики при соприкосновении с племенами полудикими," о естественных богатствах Кокандского ханства, располагающего хлопком, шелком, мареной и драгоценными металлами, и о его значении как прямого пути для торговых сношений с Кашгаром.

Так, в начале шестидесятых годов проводилась идеологическая подготовка наступления на Среднюю Азию. Оставалось только приступить к практическому выполнению плана завоевания.

В то же время изменилось внутреннее и внешнее положение России. Крестьянская реформа была проведена. Революционная ситуация не переросла в революцию. Крестьянское движение 1861 1863 гг. было подавлено. Неудачей окончились восстания 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и на правобережной Украине. В 1863 г. царское правительство вышло из состояния политической изоляции, в которой оно находилось после окончания Крымской войны, и сблизилось с Пруссией. 21 мая 1864 г. на Кавказе было взято последнее укрепление горцев. Кавказская война кончилась. Горцы были побеждены. Окончание кавказской войны было поражением английской дипломатии, поддерживавшей горцев. Потерпела поражение на Кавказе и турецкая дипломатия.

Это благоприятное внешнеполитическое положение позволило царскому правительству начать наступление на Среднюю Азию.

Одной из первых мер для разрешения вопроса явился проект немедленного соединения внешних линий—Сибирской и Оренбургской, представленный в 1861 г. оренбургским генерал-губернатором Безаком. Вопрос этот вновь был возбужден тем же Безаком в начале 1863 г. Однако перспектива военной оккупации кокандской территории, лежавшей между конечными пунктами обеих линий, испугала финансовое и дипломатическое ведомства, и проект и на этот раз не получил одобрения в Петербурге. Тогда инициативу взяло на себя оренбургское командование. Летом 1863 г. полковник Черняев, при молчаливом согласии Безака, овладел крепостью Сузак на Сыр-дарье и „объявил ее с окружающим населением под покровительством России". Петербургское правительство, поставленное перед совершившимся фактом, вполне одобрило этот самостоятельный акт, а затем в Петербурге состоялось решение „с будущего 1864 г. приступить к соединению Оренбургской и Сибирской линий".

В начале 1864 г. из крепости Верное (ныне г. Алма-ата) вышел отряд полковника Черняева, численностью в 2500 человек, и 4 июня овладел г. Аулие-ата. Вслед за Черняевым из форта Перовского (Кзыл-орда) выступил отряд полковника Веревкина для овладения г. Туркестаном. Операция была успешно проведена 12 июня. Намеченная с самого начала цель была окончательно достигнута взятием

22 сентября 1864 г. Чимкента, находившегося до того времени во власти Коканда. Начальником линии был назначен Черняев, подчиненный, однако, новому оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому.

Честолюбивые планы Черняева шли гораздо дальше. Сейчас же после взятия Чимкента он стал прокладывать себе путь к Ташкенту. Город этот входил в состав владений Кокандского ханства, но экономически был тесно связан с Россией. Ташкентское население жило главным образом русской торговлей и тяготилось зависимостью от Коканда. Среди ташкентцев не было единства. Кроме группы, стремившейся к мирному разрешению конфликта с русскими, в городе было много сторонников присоединения к Бухаре, как к наиболее могущественному из среднеазиатских ханств. Находившийся в Ташкенте султан Садык--сын Кенесары Касымова, возглавлявшего в свое время борьбу казахов за независимость,—опираясь на свои связи с казахами, пытался организовать отпор русским войскам, настаивал на контрнаступлении для отвоевания Чимкента, Туркестана, Аулие-ата и даже Ак-мечети. Будучи смелым и опытным военачальником, он не без успеха устраивал диверсии в тылу противника, нападая на его коммуникации. Но в Ташкенте были круги, которые не доверяли Садыку и находившемуся вместе с ним брату и подозревали их в стремлении захватить власть в свои руки и „создать свою династию в ташкентских землях". Отсутствие единства среди жителей Ташкента, неопределенность его политического положения и слабость обороны давали русскому командованию повод надеяться на сравнительно легкое овладение богатым и в политическом отношении важным городом.

§ 2. ЗАВОЕВАНИЕ ТАШКЕНТА И ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА.

Взятие русскими войсками Ташкента. Осенью 1864 г. Черняев сделал первую неудачную попытку овладеть Ташкентом. Эту попытку Черняев возобновил весною 1865 г. На этот раз он действовал более осмотрительно. Предварительно была занята крепость Ниязбек, являвшаяся ключом к водному хозяйству Ташкента. Овладение Ниязбеком давало Черняеву господство как над оросительной системой Ташкента, так и над районом, снабжавшим город хлебом. Он, прежде всего, распорядился прекратить подачу воды в Анхор (магистральный оросительный канал), орошавший посевы и сады Ташкента. В результате Ташкент остался без воды. Одновременно резко ухудшилось и положение с хлебом. Город оказался в осаде, „точно драгоценный камень в оправе перстня". Черняев добивался добровольной сдачи Ташкента, рассчитывая на выступление многочисленных в городе сторонников мира с русскими. Расчеты его не оправдались. При первых же известиях о приближении царских войск ташкентцы обратились за помощью в Коканд, поскольку Ташкент находился под властью кокандских ханов. Фактический правитель Кокандского ханства Алимкул поспешил на выручку с отрядом кокандских войск. Собрав ташкентскую знать и сарбазов (полурегулярные войска), Алимкул обратился к ним с горячей речью, призывая их бороться за свою независимость. С приходом кокандцев число защитников Ташкента достигло 30 тысяч человек. В это число входили сарбазы (из них 2 тыс. одетых в латы), „шапочники", „чернохалатники" (городская стража), 2 тыс. человек конницы, молодые индийские рабы и, наконец, „гази" — „борцы за веру" из гражданского населения города.

Со стороны русских, по официальным сведениям, во взятии Ташкента принимало участие 1950 солдат. При отсутствии дисциплины и должной организованности, а также при слабой военной технике ханских войск, собравшихся в Ташкенте, численное превосходство их не играло решающей роли.

Решительные действия против города Черняев повел с юга, со стороны Камаланских ворот, может быть, с целью помешать подходу возможной помощи извне, от Коканда или Бухары. Алимкул расположил свои силы вне города, разбив сарбазов на несколько отрядов и расставив артиллерию, состоявшую из 36 пушек. Первое сражение произошло 9 мая 1865 г.

Когда русские войска перешли широкий и глубокий арык Салар и под прикрытием артиллерийского огня стали приближаться к городу, ташкентские войска бросились им навстречу. Завязался бой. По описанию очевидца, „все небо покрылось дымом и пылью". Русские были вынуждены отойти на соседнюю возвышенность и занять оборонительную позицию. Это вызвало большую радость среди осажденных. Мухаммед-Салих, автор любопытных записок об осаде Ташкента, свидетелем которой он был, пишет, что окрестные жители „от семилетнего мальчика до семидесятилетнего старика несли сарбазам кушанья, шербет, горячие лепешки, сладкие и кислые фрукты по случаю победы". Но русские солдаты перешли вновь в наступление и потеснили ташкентское войско. Закипел такой „страшный бой", что „комья земли взлетали высоко вверх, от этого все небо было покрыто пылью; нельзя было различить, где люди, оружие; от орудийных выстрелов глохли уши; крупные снаряды ташкентцев, как звезды, летели на головы врагов". Наконец, ташкентцы дрогнули и обратились в бегство. Первыми бежали жители квартала Сибзар во главе с „испугавшимся выстрелов русских пушек" кази-каляном (верховным судьей). За ними ушли с поля сражения кипчаки, киргизы и андижанский отряд, входившие в состав кокандских войск. Среди общего смятения Алимкул был смертельно ранен. Место начальника ташкентских военных сил занял родственник кокандского Худояр-хана—султан Мир-Сейид, которого даже провозгласили ханом. Большое участие в деле дальнейшей защиты Ташкента принял, по некоторым данным, Садык Кенесаринсов местно с ташкентцем Рустамбеком и казахом Мулла-Кушуком.

Смерть Алимкула нанесла большой удар делу обороны Ташкента. Среди защитников появились признаки глубокого разложения и неустойчивости, началось дезертирство, были случаи прямой измены. Кокандские войска стали разбегаться.

После смерти Алимкула и ухода из Ташкента большей части кокандских войск, в городе усилилась ориентация на Бухару. Народные массы обвиняли местную знать в недостаточно энергичном ведении войны, но, как это часто бывает при стихийных движениях в феодальные эпохи, искали защиты в среде самих феодалов и обращали с надеждой взоры к бухарскому эмиру. В городе вспыхнули волнения. По настоянию народа, к эмиру Музаффару было отправлено специальное посольство с просьбой о помощи. Эмир поставил условием, чтобы султан Мир-Сейид был выслан в Бухару. Среди ташкентцев это требование вызвало большие разногласия: была группа, которая не хотела отдавать новоизбранного хана „в чужие руки", так как он „стоит во главе обороны и является знатоком государственных дел". На совещании ташкентской знати было заявлено, что „до тех пор, пока есть голова на плечах, мы не отдадим никуда своего

предводителя". Несмотря на такие заявления, Мир-Сейид, повидимому, под давлением народных масс, был спешно выслан в Самарканд. В Ташкент вступил присланный эмиром из Самарканда Искандер-бек.

Между тем Черняев прервал военные действия и выжидал исхода начавшейся в городе смуты. Он не терял надежды покончить дело без кровопролития, так как знал о наличии в Ташкенте значительной партии сторонников мира и подчинения русской власти. Не имея полномочий на ведение войны и действуя всецело на собственный риск, он нуждался в фикции добровольного подчинения Ташкента русской власти и пытался спровоцировать соответствующие действия со стороны известной части ташкентцев. Но когда выяснился успех сторонников бухарской ориентации, он перешел к решительным действиям. Первым делом он занял дорогу на Бухару и тем отрезал путь войскам эмира. В ночь с 14 на 15 мая начался штурм Ташкента. Русские войска захватили без труда городские стены, но внутри города им пришлось преодолеть очень сильное сопротивление. Улицы были местами забаррикадированы; приходилось брать с бою даже отдельные дома. „Посланные небольшие отряды по смежным улицам,—по словам Черняева,—встречали самое ожесточенное сопротивление". Пробиваясь по узким и тесным улицам, один отряд дошел до цитадели и занял ее, но тотчас оказался осажденным. Дворец внутри цитадели загорелся, подожженный, по одним сведениям, русскими снарядами, а по другим,—самими ташкентцами; близость порохового склада делала дальнейшее пребывание в крепости опасным; русским солдатам удалось лишь с величайшим трудом вырваться из нее.

Уличные бои продолжались 15 и 16 мая.

Из города началось бегство „почетных лиц", купцов и вообще богачей с семьями и слугами. Покинул город и Садык Кенесарин. 17 мая ташкентская знать, убедившись в бесцельности дальнейшего сопротивления, вступила в переговоры о сдаче. К Черняеву направились „почетные просвещенные лица" во главе с кази-каляном, муфтием и аксакалами четырех частей города, вместе с представителями от каждого прихода. Черняев объявил депутации свои условия: были составлены четыре мирных договора для каждой из четырех частей города. Черняев обязался не вмешиваться в религиозную жизнь населения; налоги ограничивались зякатом и хараджем, взимаемым в соответствии с размером урожая. Договоры были скреплены печатями и подписями. Главному инициатору соглашения кази-каляну были пожалованы золотая медаль и бархатный халат; получили подарки также городские аксакалы и другие лица. Населению города было предписано сдать оружие. На следующий день Черняев посетил кази-каляна, который устроил в его честь угощение. Затем Черняев проследовал на базар, осмотрел Шейхантаурское кладбище, где его внимание привлекла могила доблестного защитника Ташкента Алимкула, побывал в главной мечети и в важнейших медресе и даже присутствовал на занятиях студентов.

Заискивания Черняева перед мусульманским духовенством и знатью и стремление к популярности имели определенную цель. Он хотел добиться от жителей Ташкента официального документа о якобы добровольном, по их собственной инициативе, подчинении власти российского императора. Такой документ был нужен, чтобы оправдать перед европейским общественным мнением наступление царской России. Лица, к которым Черняев сначала обратился, отве-

тили отказом и были арестованы; тогда кази-калян, сторонник подчинения России, составил соответствующее заявление, которое было скреплено печатями аксакалов и других видных лиц Ташкента.

Причины падения Ташкента. Падение Ташкента после недельной осады было обусловлено не только техническим превосходством русских войск и отсутствием единого и крепкого военного командования у ташкентцев. Тут, как и всегда, сказались отрицательные стороны феодальной раздробленности, выразившейся в соперничестве Бухарского и Кокандского ханств. Кокандские феодалы больше всего боялись, как бы бухарский эмир не утвердился в Ташкенте; поэтому одной из первых мер, принятых Алимкулом по приезде в город, была расправа со сторонниками Бухары. С другой стороны, „... сколько жители Ташкента ни посылали к эмиру Музаффару, сколько ни взывали к нему о помощи, никакого результата не было". Более того, в эту критическую минуту эмир воспользовался тяжелым положением, в какое попал кокандский хан вследствие войны с русскими, и выступил „со многими войсками и ревущими пушками" в поход на Коканд, рассчитывая овладеть частью его территории. При таких обстоятельствах ташкентцы не имели основания доверять ни кокандцам ни бухарцам. Они понимали, по словам Мухаммед-Салиха, что если бухарцы „придут, то не ради нас,... а... ради захвата области". Такое же недоверие существовало между ташкентцами и кокандцами, в лице которых городское население видело представителей ненавистной им власти кокандских ханов. Во время военных совещаний кокандцы даже стояли отдельно. Не доверяли ташкентцы, как сказано, и энергичным казахским царевичам из дома Кенесары. Пестрота племенного состава также мешала единству действий В бою 9 мая пример бегства показали отдельные племенные группы.

Среди самих ташкентцев существовала значительная группа сторонников мира. Это были, говорит Мухаммед-Салих, „люди с подлым и отвратительным характером, продающие мусульманскую религию. Им безразлично, чем они торгуют—седлом лошади или религией". Были случаи прямой измены и предательства. Некоторые представители городской верхушки, в частности купечества, находились в непосредственных сношениях с русским командованием. Наконец, было много людей индиферентных, „бессердечных, трусливых, не думающих ни о загробной жизни, ни о жизни в этом мире". Они „воинам не помогали, а вместо того отходили с возвышенности на равнину и оттуда убегали куда-то".

Разладу среди защитников Ташкента способствовала также острота классовой борьбы между различными группами городского населения, вызванная беспощадной эксплоатацией трудящихся феодалами и купечеством. „Несчастие народа заключается в том, — пишет Мухаммед-Салих, — что, начиная с Адама и по сегодняшний день, существуют раздоры и вражда... между нищими и шахом, между эмиром и населением". Рабы как местного происхождения, так и индийцы, сносились с русским командованием и информировали его обо всем происходившем в городе. С другой стороны, богачи, опасавшиеся за свое благополучие, едва военное счастье повернулось в сторону неприятеля, бежали из города или стали искать пути к примирению с победителями.

Политическая обстановка после занятия Ташкента. Завоевание Ташкента было произведено без распоряжения петербургского правительства, по инициативе местного военного командования, но самовольный поступок Черняева, увенчавшийся блестящим успехом, был

одобрен в Петербурге, и Черняев был щедро награжден. Судьба Ташкента, однако, оставалась некоторое время неопределенной.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, приехав в завоеванный город в сентябре 1865 г., объявил Ташкент независимым владением, думая этим актом окончательно вырвать его из сферы возможного влияния и Коканда и Бухары. Оба ханства продолжали находиться в состоянии войны между собой. Кокандцы еще старались удержать то положение в Средней Азии, какого они успели добиться в первой половине XIX в., между тем войска эмира бухарского продолжали движение в глубь Кокандского ханства; в то же время эмир требовал, чтобы русские войска очистили Ташкент, который он хотел присоединить к своим владениям. Черняев осенью 1865 г., не считаясь с директивами Крыжановского и предупреждениями военного министра, предпринял новое движение на Джизак, расположенный на пути из Ташкента в Самарканд. Это дало повод Крыжановскому обвинить Черняева в том, что он стремится самовольно заключить с Бухарой соглашение. Серьезность положения усилилась, когда в Бухаре было задержано присланное Черняевым посольство, привезшее проект мирных условий. „Здесь каждый говорит свое, — писал из Ташкента в феврале 1866 г. один чиновник министерства иностранных дел, — партия Черняева — одно, Крыжановского — другое. Новая экспедиция Черняева подняла на ноги здесь все воинство; все рвутся туда, каждый желает отличиться". В спорах между Черняевым и Крыжановским верх взял последний что повлекло за собой отозвание Черняева в начале марта 1866 г. Сменивший его генерал Романовский был поставлен в подчиненное к Крыжановскому положение. В сношениях с Бухарой Романовскому предписывалась умеренность, но ему не запрещалось вести военные действия, и последние продолжались в 1866 г. 8 мая войска эмира потерпели поражение у Ирджара (на Сыр-дарье, ниже Ходжента), а 24 мая был взят Ходжент (ныне г. Ленинабад).

В августе Крыжановский сделал распоряжение о принятии Ташкента, Ходжента и Зачирчикского края в подданство России. В сентябре в Ходжент прибыло посольство бухарского эмира для переговоров о заключении мира, но переговоры не привели ни к чему, и Крыжановский выступил против бухарской крепости Ура-тепе, которую и взял 2 октября. 18 октября был взят Джизак; 21 октября была занята без боя и взорвана близлежащая крепость Яны-курган. Весной и летом 1867 г. происходили столкновения между русскими и бухарскими войсками уже на путях к Самарканду.

Образование Туркестанского генерал-губернаторства Размах, который приняли завоевания в Средней Азии, вызвал коренную реорганизацию управления завоеванным краем. В 1867 г. из завоеванных земель было образовано особое Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей с центром в Ташкенте.

Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен лично близкий к Александру II инженер-генерал К. П. Кауфман. В качестве генерал-губернатора Кауфман был наделен чрезвычайно широкими полномочиями: ему было предоставлено даже право самостоятельного ведения как военных действий, так и дипломатических сношений. Кауфман продолжал войну с Бухарой, но военные действия уже не отличались прежней решительностью. Кауфман не был спокоен за свой тыл. В письме к Милютину от 13 ноября 1867 г. он писал, что мусульмане „показывают столько холодной сдержанности,

столько равнодушия, даже неуважения к представителю верховной власти, что можно предположить существование какого-нибудь лозунга... Я пришел к убеждению, — отмечал далее Кауфман, — что настроение умов здесь неладное, что нерасположение к русской власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее, действительно существует".

Два ведомства — иностранных дел и военное — навязывали свое мнение Александру II, который одобрял противоположные предложения и по очереди соглашался то с мнением о желательности активных военных действий, то с мнением о необходимости во что бы то ни стало избежать ухудшения русско-английских отношений.

В целях укрепления тыла, Кауфман стремился к достижению соглашения с кокандским ханом Худояром. Последний согласился утвердить договор, проект которого был выработан Кауфманом. Согласно этому договору, русским купцам предоставлялось право повсеместного пребывания в Кокандском ханстве и устройства караван-сараев; русские купцы были уравнены с мусульманскими в отношении уплаты пошлин; разрешен был транзит русских товаров через Кокандское ханство. Обеспечив себя со стороны Коканда, Кауфман мог теперь развернуть военные действия против Бухары.

§ 3. ПАДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ БУХАРСКОГО, ХИВИНСКОГО И КОКАНДСКОГО ХАНСТВ

Положение в Бухарском ханстве. Решительные военные действия против Бухары начались в первые месяцы 1868 г. Непосредственным поводом послужили как действия бухарской феодальной верхушки, так и политика самого эмира. Среди правящих бухарских кругов — светских, духовных и купечества — одержали верх элементы, настроенные воинственно. Эмира обвиняли в слабости. Энергичную агитацию повело духовенство. Поднялись учащиеся многочисленных в Бухаре медресе. Составлена была фетва об обязательности „священной войны"; фетву „волей-неволей" скрепили печатями все городские казии. Огромная толпа собралась на Ригистане и пыталась прорваться в арк (цитадель). Стража едва успела запереть ворота. Эмиру Музаффару пришлось „поставить ногу в стремя выступления на священную войну" и выехать с войском навстречу неприятелю.

Русские войска уже шли на „священный город" — „раеподобный" Самарканд. В Самарканде среди населения тоже не было единства. Как и в Ташкенте, здесь была значительная группа лиц (особенно среди купечества), которой война была невыгодна и которая была поэтому склонна к миру. Но очень велико было и настроение в пользу „газавата". Во главе военной партии, как и в Бухаре, стояли духовенство и учащиеся медресе, которых активно поддерживало трудовое население города. Центрами пропаганды были медресе, в стенах которых собирались муллы. Самаркандское начальство, в лице наместника эмира Ширали-инака и кази-каляна, опасаясь осложнений с русским командованием, пыталось прекратить пропаганду, но почетные лица, посланные наместником для уговоров в медресе Тиллякари, где заседало многолюдное и крайне возбужденное собрание духовных лиц и учащихся, были избиты, двое из них — до смерти. Наместник направил в медресе отряд войск, который окружил здание. Учащиеся стали кидать с крыши палки и камни и стрелять из ружей. Тогда войска ворвались внутрь медресе и перебили без разбора всех, не успевших

бежать. Среди убитых было несколько влиятельных улемов и мударрисов. „В общем, — говорит современник, — произошло то, чего не было в этом городе со дня возникновения ислама до настоящего времени .

Положение в городе обострялось происходившей в его стенах классовой борьбой против феодальной власти, в лице Ширали-инака. Весь народ был „...в ужасе от творимых им насилий и вымогательств". Самаркандцы желали Ширали смерти и, „выйдя из терпения", обратились к эмиру с просьбой его сменить, обещая, что в случае удовлетворения их просьбы „они с женами и детьми все от малого до большого пойдут против русских и будут сражаться до последнего человека". На эту просьбу эмир ответил суровой расправой, что еще больше усилило недовольство. Состояние смуты в Самарканде усугублялось „разногласиями и распрями" среди лиц, стоявших во главе города. Ширали-инак подозревал находившегося в Самарканде старшего сына эмира Абдулмалика (или Катта-тюря) в стремлении устранить его от власти, интриговал против царевича и добился от эмира указа о его высылке.

Сдача Самарканда. При таких обстоятельствах трудно было ожидать сильного сопротивления. У самого города, на Чупанатинской возвышенности, русских встретили бухарские войска, расположившиеся под защитой одного из рукавов Зарафшана. Здесь 1 мая 1868 г. произошел бой, решивший судьбу Самарканда. К изумлению бухарцев, русские солдаты на их глазах перешли по грудь в воде проток, отделявший их от неприятеля, и бросились в атаку. Сарбазы пытались оказать сопротивление, но беспорядочная конница, состоявшая из недисциплинированных „гази" (борцов за веру), обратилась в бегство. Тогда и сарбазы покинули Чупанатинские высоты. Убегая, они по дороге бросали свои мундиры и оружие. Раненный в битве Ширали-инак скрылся из Самарканда. Возмущенное население разгромило его дом и имущество.

Вечером того же дня на совещании аксакалов с духовенством было решено послать к Кауфману делегацию с изъявлением покорности. 2 мая рано утром делегация во главе с кази-каляном прибыла в русский лагерь на Чупанатинские высоты и заявила Кауфману, что самаркандцы не впустили в город отступавшие бухарские войска и сдаются на милость победителя. Кауфман „милостиво" принял изъявление покорности. В тот же день он торжественно вступил в Самарканд во главе своих войск. У ворот Шахи-Зинда Кауфмана встретили аксакалы. Пройдя через Ригистан, войска вошли в цитадель и подняли русский флаг. „Древнейший и знатнейший город Средней Азии, центр мусульманства—Самарканд, гордый своей исторической славой, без выстрела пал",—писал царю генерал-губернатор.

На следующий день Кауфман собрал самаркандскую знать и, обратившись к ней с речью, убеждал сохранять верность новой власти. Ему отвечал глава самаркандского духовенства—муфтий красноречивым и льстивым заверением в „верноподданстве" и покорности. Затем последовала раздача медалей и почетных халатов. Полагая, что этими мероприятиями обеспечено подчинение высших классов, Кауфман предложил призвать разбежавшихся горожан вернуться обратно, „к мирному труду". В окрестности города от его имени было разослано обращение с обещанием помилования всем, кто изъявит покорность. Отовсюду стали прибывать делегации с дарами. Из окрестных городов только Чилек и Ургут не давали о себе знать.

Чилек оказался покинутым бухарскими войсками, а в Ургуте засел местный бек. Русский отряд под начальством генерала Абрамова пробился сквозь баррикады, защищавшие подступы через сады к ургутской крепости, и взял ее штурмом. Без боя был занят Катта-курган, превращенный затем в базу дальнейшего наступления на Бухару.

После того как мирные переговоры с эмиром Музаффаром не дали никаких результатов, Кауфман, совершенно успокоенный насчет предполагаемой преданности самаркандцев царской власти, решил продолжать поход, оставив в Самарканде лишь небольшой отряд.

Восстание в Шахрисябзе. Падение Самарканда произвело сильнейшее впечатление в Бухарском ханстве и вызвало взрыв негодования против эмира, не сумевшего организовать оборону „священного города". Во главе недовольных стал собственный сын эмира—Абдулмалик (Катта-тюря), который поднял знамя восстания в Хисаре. К нему примкнули полунезависимые беки Шахрисябза, во главе с Джура-бием, „скинув с себя одежду покорности и облачившись в кольчугу вражды и восстаний". Провозглашен был газават. Слабая сторона движения заключалась в том, что с освободительной борьбой против царского завоевания в этом движении сочетался момент феодального мятежа наследника эмира против своего отца. В Хисар стали со всех сторон стекаться „борцы за веру". Восстание против эмира под лозунгом газавата против „неверных" ширилось очень быстро. В Хисаре, Ширабаде, Кулябе и других городах были смещены наместники Музаффара; вся Шахрисябзская область вышла из повиновения эмиру Готовились к походу для освобождения Самарканда. Шахрисябзские беки вступили в сношения с самаркандцами.

Зерабулакская битва. Русское командование было мало осведомлено о военных приготовлениях в Шахрисябзе. Кауфман, ничего, повидимому, не подозревая, углубился с войсками в бухарские владения. 2 июня произошло решительное сражение с войсками эмира на Зерабулакской возвышенности. Накануне боя эмир обратился к своим войскам с призывом отомстить за позор Самарканда и стереть „грязное пятно, которое носят самаркандцы на своих халатах". На рассвете русские солдаты бросились на штурм высот, занятых неприятелем. Первая атака была отбита. Когда русская пехота вторично пошла в атаку, навстречу ей под звуки флейт и барабанов устремилась отборная гвардия эмира, богато разодетая в красные халаты, но русская артиллерия расстреляла ее почти в упор и рассеяла. Это решило исход боя. Бухарские войска обратились в бегство. Только незначительной части их удалось добраться до Кермине, где пребывал эмир.

Самаркандское восстание. 1 июня, накануне того дня, когда произошло Зерабулакское сражение, шахрисябзские беки подошли к Самарканду и заняли окрестные возвышенности. После ухода русских войск из Самарканда, в городе началось народное движение за освобождение от завоевателей. В мечетях муллы произносили зажигательные проповеди. В мастерских ремесленников ковалось оружие. Городские аксакалы вступили в сношения с шахрисябзскими беками. Движение возглавил ишан Умар-ходжа, живший в одном из пригородных кишлаков; он собирал войска и снабжал их оружием.

Появление под стенами города шахрисябзских войск послужило сигналом к восстанию. В самый день Зерабулакского боя, 2 июня, отряды Умар-ходжи и Джура-бия беспрепятственно вступили в Самарканд. К ним присоединились жители города. Русский гарнизон, состоявший из 650 человек, заперся в цитадели вместе с русскими купца-

ми, торговавшими в городе. В течение двух дней восставшие штурмовали крепость, обстреливали осажденных с крыш соседних домов, подожгли ворота, несколько раз врывались даже внутрь крепости. Русские отбивались мужественно и сами обстреливали из пушек соседние здания и Ригистан. Но положение становилось настолько критическим, что командование гарнизона, отчаявшись в возможности дальнейшего сопротивления, уже обсуждало вопрос о том, чтобы покинуть стены цитадели и укрыться в большом дворце эмира, расположенном внутри крепости. Однако 3 июня шахрисябзские беки получили известие о разгроме бухарских войск при Зерабулаке и поспешили уйти со своим отрядом.

Горожане и жители окрестных кишлаков продолжали штурм цитадели собственными силами, выкопали из земли припрятанные ручные пушки и начали обстреливать крепость с крыши соседнего медресе; все их усилия оставались, однако, безрезультатными. Осада тянулась до 7 июня, когда Умар-ходжа, убедившись в бесцельности дальнейшей борьбы, при слухах о приближении Кауфмана, шедшего на выручку осажденного гарнизона, бежал в Бухару.

8 июня войска Кауфмана вошли в город Ригистан был взят после упорного сопротивления, почти все его защитники были перебиты.

Договор с Бухарой 1868 г. Зерабулакское поражение и ликвидация восстания в Самарканде решили исход войны с Бухарой. К Кауфману явился посол от эмира с заявлением, что последний готов подписать договор с Россией. Условия соглашения (от 23 июня 1868 г.) сводились к следующим основным пунктам. Бухара признавала русский протекторат и уплачивала 500 тысяч рублей военной контрибуции. Самарканд и Каттакурганский округ присоединялись к России. Бухара лишалась права вести самостоятельные сношения с иностранными государствами.

Заключение мира на таких тяжелых для Бухары условиях усилило народное недовольство политикой эмира Музаффара. Осенью того же года с новой силой разгорелось восстание под предводительством Абдулмалика. При содействии русских военных сил движение было, однако, подавлено. Абдулмалик бежал сначала в Коканд, а затем в Кашгар к правившему тогда Восточным Туркестаном Якуб-беку, позднее переселился в Индию, долго жил в Бомбее, где и умер в начале XX в.

Завоеванные русскими войсками города Шахрисябз и Китаб были присоединены со всеми их округами к непосредственным владениям бухарского эмира и в них вместо власти феодалов-беков установилась власть эмира. Мятежные беки, принеся повинную русским властям, окончили свою жизнь на русской службе.

Завоевание долины Зарафшана закончилось Искандеркульской военной экспедицией 1870 г., когда к Зарафшанскому округу были присоединены фактически независимые от Бухары небольшие горные бекства—Матча, Фальгар, Кштут, Магиан и др.

Договор 1868 г. надолго определил как международно-правовое положение Бухары, так и ее отношение к Российской империи.

Впоследствии 18 сентября 1873 г. договор 1868 г. был дополнен несколькими статьями, предоставлявшими новые преимущества России. Бухарскому ханству была передана тогда часть отошедших к России хивинских владений на правом берегу Аму-дарьи. Договором 1873 г. в Бухаре окончательно уничтожалось рабство и, кроме того, учреждалось постоянное русское представительство.

Царское правительство стремилось использоватьвласть бухарского

эмира для того, чтобы упрочить свое господство в Средней Азии и удержать в повиновении народные массы страны. Поэтому, подчиняя себе среднеазиатские ханства, оно не затрагивало и не умаляло произвола ханов над их вассалами и подданными. Стремясь сохранить ненавистное для трудового населения господство ханов, царское правительство поддерживало самый жестокий феодальный произвол.

Подчинение Бухарского ханства очень ясно показало невозможность для феодально-раздробленного государства, каким была Бухара, противостоять государству, в котором шло быстрое развитие капиталистических отношений и уже давно сложилась крепкая государственная централизованная власть. Слабые попытки эмиров положить конец феодальной раздробленности вызывали только „недовольство и возмущение", которые нередко выливались в волнения и явились, по словам местного писателя-современника, „причиной упадка". Одну из причин неудачи обороны Самарканда самаркандцы видели в соперничестве наместника эмира Ширали-инака и царевича Абдулмалика. К этому присоединилась межплеменная вражда. Даже на „узбекских вождей", т. е. старшин отдельных узбекских племен, нельзя было положиться, тем более на туркменских. Так предводитель текинцев ушел со своим войском из-под Самарканда в направлении Мерва, опустошив лежавшие на пути бухарские земли. Притеснения феодалов вызвали в самый острый момент борьбы с царскими войсками возмущение городского населения, выразившееся в разгроме дома Ширали-инака. Газават против „неверных" явился лозунгом борьбы как против иноземных завоевателей, так в известной мере и против тех групп местных феодалов, которые стремились подчиниться власти царского правительства. Этим объясняется, что и сам эмир и многие из феодалов относились враждебно к идее газавата.

Завоевание Хивы. Следующим этапом в истории завоевания Средней Азии русским царизмом был захват Хивинского ханства.

Для успешного завершения задуманного предприятия решено было нанести одновременно удар с трех сторон—из Ташкента, Оренбурга и с Кавказа. Значение последнего направления для завоевания Туркмении и Хивы определилось уже в 1869 г., когда по инициативе кавказского командования русские войска высадились на восточном берегу Каспийского моря и основали г. Красноводск. Кавказскому командованию, некоторое время спустя, было подчинено и основанное оренбургским военным начальством еще в 1834 г. Мангышлакское укрепление (с 1845 г.—Александровский форт).

План похода был разработан с большой тщательностью. Намечено было одновременно двинуть кавказские войска через Красноводск и Мангышлак. Ташкентский отряд выступил под непосредственным командованием туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, являвшегося вместе с тем главным начальником всей экспедиции. Приблизительно в то же время (в феврале 1873 г.) из Эмбинского укрепления вышел оренбургский отряд под командой генерала Веревкина. Красноводский отряд попал в безводную пустыню между Красноводским заливом и Хивинским оазисом и, потеряв значительную часть верховых и вьючных животных, вынужден был вернуться и отказаться от дальнейшего участия в экспедиции. Мангышлакский отряд полковника Ломакина тоже сильно пострадал в пути по пустыне, вследствие отсутствия необходимого количества верблюдов. Попытка реквизировать верблюдов насильно у казахов, кочевавших в Бузачи, привела к открытому их возмущению. В конце концов, остатки

отряда соединились в Кунграте с отрядом генерала Веревкина, уже вступившим в оазис.

Туркестанский, оренбургский и каквазский отряды подошли к Хиве во второй половине мая 1873 г., нигде не встречая серьезного сопротивления. Хивинцы, пытавшиеся задержать русские войска при переправе через Аму-дарью, были без труда рассеяны артиллерией. Под городом Хивой произошла незначительная стычка. Кауфман с туркестанцами расположился бивуаком километрах в 20 от города. Веревкин с оренбуржцами стоял под самыми стенами Хивы. При приближении русских хан Мухаммед-Рахим поторопился послать к Кауфману парламентеров для переговоров о сдаче. Одновременно прибыл и посол бухарского эмира с поздравлениями по случаю победы.

Между тем в Хиве произошел переворот. Хан был свергнут и бежал из города. Его дядя, выдвинутый на его место частью хивинских феодалов, вступил в переговоры с Веревкиным о сдаче города. В то же время к Кауфману явился посланец от бывшего хана с изъявлением покорности. Воспользовавшись тем, что переговоры затянулись, Веревкин, жаждавший боевых отличий, инсценировал взятие Хивы штурмом, несмотря на то, что хивинцы не только не оказывали сопротивления, но, сидя на стенах, оставались спокойными зрителями приготовлений к приступу. Разбив гранатами ворота, Веревкин занял город якобы с бою в ту самую минуту, когда отряд Кауфмана строился с противоположной стороны города для торжественного вступления в него с музыкой. Веревкин имел, таким образом, формальное основание утверждать, будто бы он завоевал Хиву. К великой досаде Кауфмана, Веревкин и его сослуживцы получили соответствующие награды.

Договор с Хивой 1873 г. 1 июня 1873 г. Мухаммед-Рахим-хан предстал униженным просителем перед лицом главнокомандующего. Пробыв несколько дней в русском лагере на положении пленника, он был восстановлен Кауфманом на ханском престоле и, в качестве законного хана, отпущен в Хиву.

Начались переговоры между Кауфманом и ханскими сановниками. Признав предписанные ему царским командованием мирные условия, Мухаммед-Рахим-хан сохранил свое ханское достоинство. В письме к Александру II от 1 августа того же года хан согласился на все требования. Согласно мирному договору от 12 августа 1873 г., хивинский хан, как и бухарский эмир, лишился права вести самостоятельные внешние сношения. Другие важнейшие пункты договора предусматривали присоединение всей хивинской территории на правом берегу Аму-дарьи к России и обеспечивали русским купцам право свободного ведения в Хиве беспошлинной торговли. В течение 20 лет, до августа 1893 г., Хива должна была уплатить России военную контрибуцию в размере 2200 тыс. рублей. Хан должен был уничтожить в своем государстве рабство и работорговлю. На правом берегу Аму-дарьи, недалеко от столицы ханства, было построено Петро-Александровское укрепление (ныне гор. Турткуль), долженствовавшее удерживать в повиновении хивинского хана.

Августовский договор 1873 г., в основных своих чертах сохранивший силу до 1917 г., являлся документом, определявшим взаимные отношения Хивы и империи. Он имел в русско-хивинских отношениях такое же значение, какое имел русско-бухарский договор 1868 г.

Договор 1873 г., не затронув внутреннего строя ханства, превратил Хивинское ханство в вассальное государство царской России.

Восстание Пулат-хана. Военные действия против Бухары окончились превращением бухарского эмира в вассала Российской империи. Такой же исход имел поход 1873 г. на Хиву. Более гибкая политика кокандского хана Худояра отсрочила на некоторое время полное уничтожение независимости третьего узбекского ханства—Кокандского. Регулирование бухарских дел в 1868 г. привело к временному разрешению отношений также и с Кокандом. Часть территории ханства с городами Ташкентом, Ходжентом и другими была присоединена к империи; русские купцы получили право свободного пребывания и свободной торговли в ханстве. Однако по сравнению с договорами, навязанными другим узбекским ханствам, Коканд оказался в наилучшем положении. Сохранена была основная часть территории—Фергана с главными городами и столицей Кокандом; зависимость от России чувствовалась слабее, и в делах внутреннего управления Худояр-хан был более самостоятелен.

Падение ханства было ускорено внутренними причинами. Поводом для лишения Коканда независимости явилось восстание 1874—1876 гг. Лишившись части своей территории, Худояр-хан пытался вознаградить себя беспощадным выколачиванием податей из населения. Брожение среди жителей ханства усиливалось распространением ложных слухов о предстоящем введении во вновь подчиненных ханствах воинской повинности.

От феодального произвола особенно страдали кочевники-киргизы, находившиеся под властью Коканда. Уже в 1871 г. в киргизских районах ханства вспыхнуло сильное движение, направленное против власти кокандских феодалов, но оно было подавлено. В дальнейших событиях киргизы-кочевники тоже играли очень большую роль. Из их среды выдвинулся и предводитель восстания Исхак-мулла Хасаноглы, по происхождению киргиз из Маргеланского уезда. Исхак-мулла имел некоторое образование; он учился в медресе, хотя не кончил курса, одно время занимался торговлей табаком, потом служил работником у одного феодала. В 1872 г. группа недовольных кокандских феодалов выдвинула план возведения на престол одного из сородичей Худояра—Пулат-бека, проживавшего в изгнании в Самарканде, но тот уклонился от подобной авантюры. Тогда Исхак-мулла, по соглашению с заговорщиками, принял на себя самозванно имя Пулат-бека и стал во главе восстания, которое вспыхнуло в начале 1873 г. и охватило в первую очередь беднейшую часть населения. В 1874 г. движение приняло широкие размеры; им воспользовались некоторые видные феодалы, чтобы свести личные счеты с Худояром. Среди них на первом месте стоял Абдуррахман-афтобачи (придворное звание, которое обозначало лицо, подававшее хану афтобу, т. е. рукомойник). Он был сыном казненного Худояром кипчака Мусульманкула, некогда всевластного правителя Коканда. При массовом избиении кипчаков, сопровождавшем падение Мусульманкула, юный Абдуррахман был пощажен и даже приближен к ханскому двору; тем не менее он затаил мысль о мести за отца и соплеменников. Он поддерживал все время сношения с киргизами, искусно возбуждая среди них враждебное отношение к хану. Почти одновременно изменил Худояру его старший сын Насреддин, правитель Андижана, и брат Мурад-бек, правитель Маргелана. „В это трудное и злосчастное время,—писал Худояр,—люди, которых я считал верными и надежными... с войском перешли на сторону моих врагов—бунтовщиков-киргизов и, соединившись с ними, пошли на меня войной". Ош, Андижан, Ассаке оказались в руках восставших. Худояр, бессильный

справиться с восстанием, решил отдаться „под могущественное покровительство государя-императора" и обратился к Кауфману „ с дружеской просьбою направить на город Коканд русское войско с артиллерией в возможно скором времени, дабы замыслы восставших не осуществились". При слухах о приближении восставших в столице ханства—Коканде поднялось сильное волнение. „Базары закрывались, товары перевозились в более отдаленные от центра города места, на перекрестках... дервиши проповедывали народу... жители покупали оружие". Часть гарнизона Коканда во главе со вторым сыном хана ушла из города на соединение с восставшими. „Возбужденное состояние народа" охватило и другие города и селения ханства. Ненависть к „отступнику-хану" и его приближенным, грабившим народ и продавшим родину царизму, переносилась на русских. Провозглашен был газават.

Худояр, не дожидаясь помощи от царского командования, бежал 22 июля 1875 г. с семьей из своей столицы в Ташкент под прикрытием русского посольства, выезжавшего из пределов Коканда. После бегства Худояра, ханом был провозглашен его сын Насреддин-бек. Началось наступление кокандцев на русские владения. В Ташкенте и других городах, уже занятых русскими, распространялись воззвания, в которых Худояра обвиняли в том, что он, „заблудившись от истины, делая русским много подарков, получив от белого царя титул светлейшего хана,... для своей пользы вцепился в подол неверного царя" и, наконец, покинул страну. Все мусульмане призывались дать общий отпор завоевателям: „Ополчитесь крепко... для священной войны, собирайтесь вместе, нападайте со всех сторон и будьте готовы к этой войне".

Но если народные массы шли на борьбу за независимость своей родины, то новый хан искал примирения с царскими властями, чтобы укрепиться на престоле. Насреддин вступил в переговоры с Кауфманом, заверяя его в своей лойяльности в отношении России. Со своей стороны, и Кауфман в первый момент склонен был видеть в кокандских событиях лишь смену правителей на ханском престоле. 4 августа состоялось между ним и Насреддином соглашение, согласно которому Кауфман признал последнего ханом на очень умеренных условиях. Но к этому времени сам хан уже не был в состоянии остановить начавшееся движение за газават. Отряды кокандцев продолжали производить набеги на пограничные русские владения, вторгались даже в долину Ангрена и в ближайшие окрестности Ташкента, угрожали Ходженту. Для русских властей создавалось „положение дел весьма трудное и серьезное". Высланный из Ташкента русский отряд нанес под стенами крепости Махрам поражение кокандцам, хотя они были хорошо снабжены артиллерией. После этого успеха Кауфман предложил хану новые, более тяжелые условия мира. Хан поспешил заявить о своем согласии. 29 августа Кауфман победителем прибыл в Коканд. Кокандская знать во главе с ханом встретила его просьбами о прощении. Убедившись, что Насреддин „лично не повинен во вторжении кокандцев" в русский Туркестан и что „с ним можно иметь дело". Кауфман заключил 22 сентября договор, согласно которому кокандский хан признавал себя покорным слугой российского императора, отказывался от права непосредственных дипломатических сношений с другими государствами и от каких-либо военных действий без разрешения генерал-губернатора, уступал России земли по правому берегу верхнего течения Сыр-дарьи с Наманганом, открывал свои владения для русских купцов и предпринимателей и обязывался уплатить контрибу-

цию. Таким образом, кокандские феодалы ценою независимости своей страны сохраняли личное свое благосостояние.

Известие о позорной капитуляции хана вызвало новую волну восстания, центром которого стал Андижан. Восставшие провозгласили ханом Исхак-муллу под именем Пулат-хана (Пулат-бека), подняв его по древнему обычаю на белом войлоке. Пулат-хан стал пользоваться всеми прерогативами ханской власти: чеканил монету, издавал указы, назначал правителей в города, захваченные его сторонниками. Под Андижаном русский отряд, посланный против Пулат-хана, потерпел неудачу и должен был отступить. 9 октября восставшие нанесли поражение ханским войскам и овладели Кокандом. Насреддин, подобно Худояру, бежал под защиту царского оружия в Ходжент, и Пулат-хан торжественно вступил в столицу ханства. Маргелан был захвачен повстанцами. Кипчаки вторглись в Наманганский район и едва не овладели Наманганом, но 11 ноября под Балыкчи повстанцы были разбиты генералом Скобелевым. Скобелев двинулся дальше, беспощадно сжигая и разоряя кишлаки и избивая жителей. У Андижана под начальством Абдуррахмана-афтобачи сосредоточились значительные силы. Скобелев подошел к Андижану и подверг город убийственной бомбардировке; по его собственным словам, до 20 тыс. человек было погребено под развалинами. Войска Абдуррахмана бежали. 9 января Скобелев вступил в разгромленный Андижан. Абдуррахман-афтобачи и некоторые другие феодалы уже давно искали случая войти в соглашение с царским командованием. После падения Андижана произошло свидание Абдуррахмана со Скобелевым, в результате которого афтобачи и другие феодалы, обеспечив себе прощение, изъявили покорность. Царское командование назначило во всех районах ханства на должности казиев преданных русской власти лиц. Пулат-хан удалился с остатками своих сил в крепость Уч-курган, но среди его окружения нашлись изменники, которые оповещали Скобелева обо всех его действиях. В ночь с 27 на 28 января 1876 г. отряд, высланный Скобелевым, овладел Уч-курганом. Сам Пулат-хан успел скрыться, но был вскоре пойман и казнен в Маргелане. Той же участи подверглись и наиболее видные его сподвижники.

Присоединение Кокандского ханства. Подавив народное движение, Кауфман решил покончить с независимостью Коканда. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было упразднено и вместо него была образована Ферганская область, военным губернатором которой был назначен генерал Скобелев, начальник карательной экспедиции, столь жестоко расправившейся с непокорными кокандцами.

Восстание Пулат-хана явилось, таким образом, последним этапом борьбы народных масс Коканда за независимость своей страны. Однако по своему характеру движение это было очень сложно. Началось оно с восстания трудовых масс кочевников киргизов против кокандских феодалов, вызванного налоговой политикой Худояр-хана. Как всякое крестьянское движение в условиях феодального строя, движение носило стихийный характер. Восставшие провозгласили ханом самозванца Исхак-муллу (Пулат-хана). Массовое движение было использовано феодалами, боровшимися против ханской власти и придавшими ему обычные для феодальной эпохи черты мятежа вассалов против своего сюзерена. Когда же восстание превратилось в национально-освободительную войну против иноземных завоевателей, феодалы, испуганные размахом движения, отошли от него, нашли почву для соглашения с царизмом и предали народные массы.

Первый этап русского завоевания—подчинение трех узбекских ханств—был закончен.

§ 4. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ И АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

События десятилетнего периода (1865—1875), в течение которого произошло проникновение русских военных сил в теперешний Узбекистан, захват его политических и культурных центров, Ташкента и Самарканда, подчинение царизму Бухары и Хивы и упразднение политической независимости Кокандского ханства, не остались без влияния на взаимоотношения России и Англии в Средней Азии и в сопредельных с ней странах. Англо-индийские власти и английская дипломатия не раз пытались вовлечь по очереди все три ханства в активное противодействие русским планам. Постепенно англо-русское соперничество, не ограничиваясь сферой трех узбекских ханств и Афганистана, затронуло и Закаспийский край (Туркмению) и страны Центральной Азии (Восточный Туркестан, Джунгарию и Кульджу).

С упрочением в Афганистане эмира Ширали (в 60-х годах XIX в.) английская политика ставила себе целью объединить под его властью весь Афганистан, чтобы создать силу, способную преградить русским пути к Индии. Последний сильный противник Ширали, его племянник Абдуррахман, разбитый им, бежал в Бухару, а оттуда в Самарканд и Ташкент, где жил на пенсию от царского правительства. Английское правительство начало с Россией переговоры о признании Афганистана нейтральной страной со включением в его состав прилегавших к р. Пянджу горных областей. Для Англии было важно взять под свой контроль горные дороги и перевалы, сближавшие южные части Памирского нагорья с индийскими владениями. Этот вопрос, который был разрешен только много лет спустя, в 1907 г., привлек внимание обеих держав, т. е. Англии и России, к расположенным дальше на восток странам, уже не имевшим непосредственного отношения к Средней Азии.

Кашгар. В начале 1860 г. в Западном Китае вспыхнуло восстание, известное под именем дунганского. Дунганами называлась обособленная этническая группа, обитавшая в Западном Китае и исповедывавшая ислам; происхождение этой группы до сих пор не совсем точно выяснено. Восстание быстро разрослось и охватило все западные пограничные области Китая, т. е. Кашгар, или Восточный Туркестан, и более северные провинции—Кульджу по верхнему течению р. Или, Джунгарию и смежные с русскими владениями области городов Урумчи и Чугучак. Китайское правительство долго не могло справиться с восстанием, тем более, что к нему примкнули так называемые таранчи-мусульмане, „казенные хлебопашцы", принудительно выселенные китайцами еще в XVIII в. из Кашгара и попавшие в положение ссыльных, которые должны были защищать северо-западные границы Срединной империи. Таранчи и дунгане объединились только на первом этапе восстания. Рознь между ними стала особенно заметна, когда дунгане пришли к соглашению с китайским правительством, обещавшим удовлетворить их требования. В северных областях, в Кульдже и в Джунгарии борьбу в 70-х годах продолжали одни таранчи, которым удалось даже создать свое недолговременное государство—Таранчинский султанат.

Старые этнические, культурно-религиозные и экономические связи соединяли Кашгарию с ближайшими областями Кокандского ханства. И кашгарцы и кокандцы были тюрки, мусульмане; торговля между ними укрепилась с давних пор. В конце 1863 г., когда китайские власти удерживались в Восточном Туркестане только в одном Кашгаре, Кокандское ханство сделало попытку воспользоваться смутами и присоединить Кашгарию к своим владениям. В Кашгар была отправлена миссия под начальством ходжи Бузрука, считавшегося потомком одного из проповедников ислама в Кашгарии—ходжи Махдуми А'зама. К миссии был присоединен военный отряд под начальством Якуб-бека, бывшего некогда начальником крепости Ак-мечеть, взятой русскими в 1853 г. К 1867 г. Якуб-бек, отстранив Бузрука, объединил важнейшие города Восточного Туркестана—Кашгар, Яркенд, Хотан и, свергнув окончательно китайскую власть, сделался независимым владетелем. Якуб-бек собирался создать в Центральной Азии такое же самостоятельное ханство, каким были Бухара, Хива и Коканд; он стремился распространить свою власть на север и восток за счет Китая и, обеспечив себе независимое положение среди пограничных английских и русских владений, вести самостоятельную политику по отношению к обоим могущественным государствам, о соперничестве которых он был хорошо осведомлен.

По территории государства Якуб-бека пролегал один из основных путей, ведших из Средней Азии в Индию: Коканд—Кашгар—Яркенд—Кашмир. Именно в этом стратегическом положении Кашгара и заключалось основное значение его для Англии и России, причем и торговые интересы, конечно, тоже играли известную роль для обоих государств. Русские и английские купцы стремились завоевать этот новый рынок, который русское купечество мечтало превратить в транзитный пункт торговли с Китаем.

В сентябре 1867 г. русский полковник Полторацкий, исследовавший верховья р. Нарына, предложил Якуб-беку установить регулярную торговлю с Россией. Якуб-бек устно ответил согласием и на это предложение и на открытие русского караван-сарая в Кашгаре. Крупные русские купцы Первушин и Хлудов рискнули провести караваны в Кашгар. На обратном пути Хлудов привез с собой Шадимирзу—племянника Якуб-бека, уполномоченного вести переговоры с Кауфманом. Шади-мирза был допущен в Петербург, но ничего не добился, так как канцлер Горчаков заявил: „Наше правительство, находящееся в дружественных отношениях с Китаем, никогда не станет вступать ни в какие переговоры с восточными туркестанцами, явными бунтовщиками против пекинского правительства".

Тем временем между Кашгаром и Англией стали завязываться торговые сношения. Для облегчения этих сношений англо-индийское правительство заключило в 1870 г. соглашение с кашмирским махараджей о беспошлинном транзите английских и восточнотуркестанских товаров через Ладак (на севере Кашмира) и об устройстве караван-сараев и складов продовольствия и фуража.

Попытки Якуб-бека договориться с Кауфманом о разграничении Кашгара и Коканда не увенчались успехом. Отказ как туркестанского генерал-губернатора, так и центрального российского правительства от заключения формального договора с Кашгаром побудил Якуб-бека, лавировавшего между обеими державами, решительно ориентироваться на Англию. Это помогло ему одерживать победы в 1870 г. в войне с Джунгарией, ослабленной внутренними раздорами.

В 1871 г. Россия, опасаясь, что Якуб-бек захватит Джунгарию и русское Семиречье, сама заняла Кульджу (26 июля 1871 г.) и Илийский край, что сразу изменило положение. Якуб-беку пришлось переменить ориентацию. В 1872 г. он заключил с Россией договор, ставивший его в некоторую зависимость от нее. Это пошатнуло его популярность в стране.

Якуб-бек вел очень хитрую политику в отношении России. Он всячески поощрял торговые отношения с нею, но в то же время отказывался допустить в Кашгар русское представительство и медленно, но верно продвигал свою границу к Заилийскому краю за счет Коканда. Одновременно Якуб-бек в 1874 г. заключил договор с Англией, которая признала Кашгар независимым и нейтральным государством, а Якуб-бека—его наследственным эмиром с титулом „высочества". Фактически это означало включение Кашгара в сферу влияния Англии. Английские офицеры тщательно обследовали горные проходы Гималаев в смысле возможности прохождения по ним крупных воинских соединений, разъезжали по кашгарско-кокандской границе и начали возводить там укрепления.

Кауфман стал собирать войска на границе Кашгара. Для определения русско-кашгарской границы к Якуб-беку был послан капитан Куропаткин (впоследствии военный министр и генерал-губернатор Туркестана), заключивший выгодное для России соглашение о разграничении. Якуб-бек обязался возвратить России отнятые у Коканда земли.

Тем временем китайское правительство, подавив тайпинское восстание, вновь принялось за покорение Джунгарии и Кашгара. Китайские войска, пользуясь раздорами в Джунгарии и кашгарско-джунгарской войной, захватывали один город за другим. К 1877 г. Китай отвоевал почти всю Джунгарию. Положение Якуб-бека стало непрочным. В июне 1877 г. он умер. Между его сыновьями начались споры о престолонаследии, ускорившие падение государства, а в декабре 1877 г. китайские войска уже взяли Кашгар. В 1881 г. Россия возвратила Кульджу Китаю.

Русско-афганские отношения. В ответ на присоединение Коканда Англия аннексировала принадлежавшую келатскому хану крепость Кветту, защищавшую подступы к Афганистану с юга. Ширали, считавший Кветту своим вассалитетом, усмотрел в этом акте повод для разрыва с Англией и стал искать сближения с Россией.

К тому же времени (1877—1878) между царской Россией и Англией сильно обострились отношения. Под давлением Англии царское правительство было вынуждено отказаться от выгодного для России Сан-Стефанского договора с Турцией, заключенного в начале 1878 г.

На границе с Афганистаном были сосредоточены русские войска. В 1878 г. в Афганистан была послана специальная миссия генерала Столетова, которому было предписано заключить союз с эмиром. Столетов заключил 9 августа 1878 г. тайный договор о дружбе и союзе с Афганистаном, по которому Россия обязывалась помогать Афганистану в случае нападения на него иностранной державы.

В надежде на обещанную Столетовым помощь, Ширали сделал попытку оказать решительное противодействие англичанам. Тогда началась вторая англо-афганская война. Ширали, передав власть своему сыну Якубу, бежал вместе с русской миссией в Среднюю Азию, надеясь получить обещанную Столетовым военную помощь. Однако на совещании у царя, происходившем в Ливадии, было уже решено не начинать войны с Англией из-за Афганистана. Ширали даже не был

допущен в русские владения и умер на афганской границе. Его сын Якуб 26 мая 1879 г. заключил с английским командованием Гандамакский договор, согласно которому афганский эмир фактически становился вассалом Англии; к Индии присоединились афганские земли, расположенные близ горных проходов в Индию, а также Кандагар.

Гандамакский договор вызвал сильное недовольство в Афганистане, вылившееся в сентябре того же года в открытое восстание. Повстанцы завладели Кабулом. Борьбу против англичан возглавил брат Якуба, Аюб, находившийся в Герате. Русское правительство помогло тогда пробраться в Афганистан энергичному племяннику Ширали, Абдуррахман-хану, проживавшему в Ташкенте. Афганистан временно распался на три части: Кабул и Кандагар с примыкавшей к нему территорией были заняты англичанами; Герат находился в руках Аюба; афганским Туркестаном завладел Абдуррахман. Положение англичан в Афганистане затруднялось тем, что в самой Индии было неспокойно; поэтому они вошли в соглашение с Абдуррахманом и признали его правителем (эмиром) Афганистана, а он принял условия Гандамакского договора.

Разбив Аюба, Абдуррахман (1880—1901) в конечном итоге объединил весь Афганистан под своей властью.

Хотя Абдуррахман в течение 10 лет был пенсионером русского правительства, в своей внешней политике он ориентировался на Англию, стремясь вместе с тем максимально использовать существовавшие англо-русские противоречия. В своей внутренней политике Абдуррахман был совершенно независим. Он провел ряд реформ и стремился подавить самостоятельность отдельных племен и крупных феодалов, превратив Афганистан в относительно централизованное феодальное государство.

Завоевание Туркмении. В тесной связи с вопросом об Афганистане находился вопрос о Туркмении.

После Хивинского похода Россия стремилась продвинуть свою границу ближе к Афганистану за счет туркменских земель. Притязания царской России на Туркмению вызывали беспокойство в правящих кругах Англии. Британский министр иностранных дел лорд Гренвиль в конце 1873 г. просил английского посла в Петербурге узнать у Горчакова, намерена ли Россия предпринять враждебные действия против туркмен и будет ли она уважать независимость Афганистана, если туркменские племена уйдут на афганскую территорию. Горчаков в январе 1874 г. ответил, что Россия „считает Афганистан лежащим совершенно вне круга действий России". В отношении же Туркмении Горчаков не дал никаких определенных заявлений, указав только, что „враждебные действия, может быть, окажутся неизбежными, если туркмены будут продолжать нарушать порядок", но в таком случае Россия постарается „не очень удаляться от своих границ". Англии же следует предупредить Ширали, чтобы он не вмешивался во взаимоотношения России и туркмен, если он хочет быть спокоен за целость своих владений.

Во время похода на Хиву в 1873 г. была предпринята карательная экспедиция против туркмен-иомудов под тем предлогом, что своими набегами они постоянно нарушали юго-западные границы Хорезмского оазиса. Экспедиция, происходившая под начальством генерала Головачева, велась с большой жестокостью; разорив иомудов, она на время лишила их возможности выступать активно. Некоторые из туркменских племен признали русскую власть, но самое воинствен-

ное из них—текинцы—вскоре опять заняло по отношению к ней враждебную позицию.

В сношениях с Англией по поводу Туркмении вопрос свелся конкретно к тому, какую территорию следует считать нейтральной. В многочисленных нотах, которыми обменивались русское и английское министерства иностранных дел, первое выдвигало мысль, что такой нейтральной страной должен стать Афганистан, хотя признавало в известной степени наличие там особых интересов Англии. Со своей стороны, английское правительство настаивало на том, что нейтральной полосой должна явиться территория среднеазиатских ханств, расположенных в бассейнах Сыр-дарьи и Аму-дарьи, т. е. территория ханства Хивинского, Бухарского и Кокандского. Когда же судьба этих ханств и их отношение к России были определены совершенно твердо, то английское правительство выступило с проектом превращения в нейтральную промежуточную страну всего левобережья среднего течения Аму-дарьи, территории Мерва, Ашхабада и других оазисов, расположенных вдоль границ Ирана и Каспийского моря, населенных туркменскими племенами. Царская администрация Туркестанского края, в свою очередь, считала, что эксплоатация подчиненного России Хивинского ханства невозможна без покорения русской вла тью туркменских племен.

В семидесятых годах военными властями Закаспийской области был принят ряд мер в отношении туркмен Ахалтекинского оазиса и соседних с ним местностей. В начале 70-х годов русские войска предприняли ряд рекогносцировок туркменских степей. В 1872 г. полковник Маркозов доходил уже до аула Беурма, расположенного к востоку от Кызыл-арвата; последний был прочно занят в 1877 г. и превращен в опорный пункт для дальнейшего продвижения. В 1879 г. была организована экспедиция в глубь оазиса с целью полного подчинения текинцев. Однако первая экспедиция под начальством генерала Лазарева, дойдя до Геок-тепе, потерпела неудачу и должна была вернуться с потерями. Понадобилась вторая экспедиция, снаряженная в 1880 г. под начальством генерала Скобелева. Ее базой был Красноводский залив. Началась даже постройка железной дороги от берега Каспийского моря в глубь страны. После некоторых подготовительных операций Скобелев обложил текинское укрепление Геок-тепе (Денгиль-тепе), которое было взято приступом 12 января 1881 г. Взятие Геок-тепе, укрепления которого были усовершенствованы английскими инженерами, служившими у афганского эмира, принадлежит к числу самых кровавых эпизодов в истории завоевания царизмом Средней Азии. Текинцы героически отстаивали свою свободу.

15 января отрядом полковника Куропаткина был занят Ашхабад. В конце марта в Ашхабад к Скобелеву явился с изъявлением покорности бывший начальник обороны Геок-тепе, Тыкма-сардар. Некоторое время центром последнего сопротивления был Мерв (Мары) с его оазисом.

Русские военные власти всячески агитировали за добровольное присоединение Мерва к Российской империи. Агитация эта увенчалась успехом, и в начале 1884 г. жители Мерва приняли русское подданство. В марте 1884 г. Мерв был занят русскими войсками; в состав имперских владений вошли местности по нижнему течению рек Теджена (Герируда) и Мургаба.

Разграничение 1887 г. и возникновение Памирского вопроса. Правящие круги Англии увидели в переходе Мерва к России новую

угрозу Индии и нарушение прежнего соглашения. Афганцы, кроме того, заявили претензии на туркменские территории, лежащие к югу от Мерва и, перейдя на левый берег рек Кушка и Мургаба, заняли Пендинский оазис отрядом силою до 4000 человек. После отказа афганцев очистить Пендинский оазис и левый берег р. Кушка, 18 марта 1885 г. они были атакованы русским отрядом под командой начальника Закаспийской области генерала Комарова. Афганские войска, занявшие возвышенность на левом берегу р. Кушка у Таш-кепри, были отброшены на правый берег реки.

Боевыми действиями со стороны афганцев руководили английские офицеры. Можно было бы поэтому опасаться войны между Англией и Россией; однако 10 сентября 1885 г. Англией и Россией был подписан предварительный протокол, на основании которого специальная англо-русская комиссия по разграничению установила к 1887 г. новую границу от Аму-дарьи до персидского Хорасана. К России были присоединены низовья Кушка, Мургаба и Теджена. Южная граница русских владений проходила теперь на расстоянии всего лишь около 100 *км* от Герата. Столкновение при Кушке было последней значительной военной операцией, связанной с царским завоеванием Средней Азии.

Русско-афганское разграничение 1887 г. и предшествовавшее ему соглашение с Англией установили северную границу между владениями России и Афганистана вплоть до озера Зор-куль, расположенного в глубине Памира. Дальше на северо-восток в сторону Китайского Туркестана граница не была установлена. Неразграниченная никем 90-мильная полоса от озера Зор-куль до китайских владений открывала англичанам доступ на Памир, а русских могла вывести к северо-западной части Гиндукуша и далее, в Дардистан (область в бассейне верхнего Инда).

В Дардистане, расположенном в непосредственной близости к Памиру, существовал ряд мелких, фактически независимых владений Хунза, Нагар и др. С точки зрения колониальных интересов как Англии, так и России значительная часть Дардистана считалась „ничьей землей", но англо-индийское правительство собиралось покончить с самостоятельностью дардистанских феодалов. По эту сторону Гиндукуша, в бассейне верхней Аму-дарьи, положение было столь же неопределенным. Шугнан, Рошан и некоторые другие памирские ханства то признавали над собой власть Бухары или Коканда, то подчинялись Афганистану, то пытались добиться независимости. К востоку от этих ханств, на памирских нагорьях, кочевали киргизы, номинально подчинявшиеся Китаю, но на деле сохранявшие полную свободу; английское правительство поэтому рассматривало и Памир, как никому еще не принадлежащую территорию. С 1887 г. к утверждению здесь своего влияния стало стремиться уже и царское правительство. Так возник памирский вопрос.

Обострение англо-русского соперничества на Памире и Гиндукуше. Опираясь на Памир, Россия могла бы при благоприятных обстоятельствах продвинуть границу своих туркестанских владений почти вплотную к Индийской империи, в обход буферного Афганистана.

Английское правительство, со своей стороны, тоже имело свои виды на Памир. Оно хотело отдать Памир афганцам или разделить его между ними и китайцами и потому поощряло и тех и других к захвату пустынных памирских нагорий. Таким путем можно было завершить создание буферной территории между русскими и английскими колониями в Средней Азии и, не вступая в открытый конфликт с Россией,

пресечь ее попытки проникнуть до гиндукушских перевалов. Английские власти в Индии опасались этой возможности, тем более, что внутреннее положение в Индии было довольно напряженным.

Уже в 1888 г. Россия предприняла попытку завязать прямые сношения с дардистанскими ханствами по ту сторону Гиндукуша, непосредственно в сфере влияния Англии. В июле этого года „научная экспедиция" царского капитана Громбчевского выступила из Ферганы и, быстро пройдя через Памир, появилась на индийской стороне Гиндукуша, в ханстве Хунза. Громбчевский был торжественно встречен правителем Хунзы Сафдар-Али-ханом, который просил передать царю просьбу о принятии его в подданство России и о снабжении оружием против англичан. Весть о появлении русского офицера в Дардистане вызвала в официальных кругах Индии большой переполох. Посещение Громбчевским Хунзы было оценено как очевидное проникновение русского политического влияния на юг от Гиндукуша. Правда, ходатайство Сафдар-Али-хана осталось без ответа со стороны царского правительства; тем не менее английские власти в Индии поспешили ускорить установление своего военно-политического господства в дардистанских ханствах. В следующем 1889 г. они добились от Сафдар-Али-хана формального согласия подчиниться контролю Англии.

В последующие годы после разграничения Англией были достигнуты значительные успехи в намеченном направлении. Афганцы, поощряемые англичанами, не только укрепились в Шугнане, Вахане и Рошане, но стремились продвинуться дальше на восток. Китайцы распространили свое влияние вплоть до озера Яшиль-куль. Намерение Англии продвинуть афганский барьер непосредственно к занятой китайцами территории близилось к осуществлению.

Чтобы договориться с китайцами и следить за действиями русских на Памире, английское правительство послало в Китайский Туркестан и на Памир ряд „путешественников" во главе с известным исследователем Центральной Азии, гвардейским капитаном Ф. Янгхазбендом. Однако виды Англии на Памир встретили препятствие в наступательных действиях с русской стороны.

В июле 1891 г. туркестанский генерал-губернатор Вревский отправил на Памир полковника Ионова с военным отрядом, чтобы „выяснить положение, занятое китайцами и афганцами в этой местности, и восстановить права России на эту часть наследства бывших кокандских ханов". Одновременно туда же направился и капитан Янгхазбенд, чтобы наблюдать за действиями отряда Ионова.

Ионов прошел беспрепятственно Памир, дошел до Базаи-гумбаза у северного подножья Гиндукуша. Здесь между 14 и 17 августа 1891 г. и произошла встреча маленького русского отряда с экспедицией Янгхазбенда. Эта встреча превратилась в прямое столкновение России с Англией на территории, еще не поделенной между ними. Ионов предъявил Янгхазбенду требование покинуть Памир, угрожая, что, в случае отказа, он будет вынужден применить силу. Янгхазбенду пришлось подчиниться.

Английский посол в Петербурге заявил протест против инцидента у Базаи-гумбаза; начались длительные дипломатические переговоры. Однако ни Англия ни царская Россия еще не отказывались от попыток решить вопрос о Памире и Гиндукуше „явочным порядком". Английское правительство решило при помощи военной силы занять ханства Хунзу и Нагар.

Сафдар-Али-хан послал в русский Туркестан посольство, умоляя царя о помощи, но из-за мелкого феодального князька царское правительство не хотело итти на риск войны с Англией. Просьба Сафдар-Али-хана была отклонена, и в декабре 1891 г. Хунза и Нагар были заняты английскими войсками. Узкая щель, через которую до тех пор проникало за Гиндукуш влияние России, теперь закрылась.

В то время как Англия закрепляла свои позиции у южного подножья Гиндукушского хребта, Россия стремилась покончить с вопросом о Памире. Весной 1892 г. был сформирован отряд под начальством того же полковника Ионова для охранения, как указывалось в особой инструкции, российских интересов в Памирском крае и обеспечения спокойствия и безопасности юго-восточных пределов Ферганской области.

2 июля отряд Ионова двинулся в путь. Китайские посты, встреченные на Памире, беспрекословно подчинились приказанию удалиться в свои пределы, но афганцы оказали русскому отряду сопротивление. Афганский пост, на который натолкнулись казаки Ионова, был после короткой схватки уничтожен. Поход Ионова на Памир явился, таким образом, наглядным доказательством для Англии, Китая и Афганистана, что царское правительство считает себя хозяином Памира. Планы английской дипломатии, настойчиво стремившейся присоединить основную часть Памира к владениям Афганского буферного государства, недавно еще столь близкие к своему осуществлению, явно расстраивались. По существу лишь узкая полоса Ваханского ханства, находившегося в руках афганцев, отделяла теперь английские владения в южных предгорьях Гиндукуша от русских владений на Памире.

Памирское разграничение 1895 г. Положение в Азии и в Европе в 1890-х годах заставило Англию и Россию стремиться к мирному завершению конфликта.

11 марта 1895 г. между Англией и Россией состоялся обмен нотами, в которых намечались главные вехи будущей границы от озера Зор-куль до китайских владений; территориальная полоса между новой памирской границей и Гиндукушем (часть Вахана) отдавалась Афганистану; Англия обязывалась не присоединять к своим владениям этой территории и не ставить на ней военных постов и укреплений. Земли Шугнана, Рошана и северная часть Вахана, расположенные на правом берегу Пянджа, отходили от Афганистана к России, а часть Дарваза, находившаяся на левом берегу Пянджа и считавшаяся принадлежавшей бухарцам,—к Афганистану.

Конфликт завершился, таким образом, компромиссом, вполне приемлемым для российского правительства и несомненно выгодным для английского. Россия получила Памир, Англия закрепила за собой территорию к югу от Гиндукуша. Кроме того, она довела до конца создание буфера между русскими и английскими владениями в Средней Азии.

Присоединение Памира было последним этапом завоевания царизмом Средней Азии и превращения ее в царскую колонию.

Несмотря на самоотверженность и мужество населения, боровшегося за свою независимость, царское завоевание совершилось сравнительно быстро. Военный успех царизма объясняется хозяйственной и политической отсталостью народов Средней Азии по сравнению с царской Россией. Феодальные узбекские ханства с их отсталой экономикой и устарелым политическим строем оказались бессильными в борьбе с могущественным централизованным русским государством, вступившим на путь буржуазных реформ и капиталистического развития, обладавшим технически хорошо оснащенным и организованным войском.

ГЛАВА IX

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

§ 1. ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Присоединение нынешнего Узбекистана к России имело ряд положительных сторон для жизни страны. Уничтожена была феодальная раздробленность, прекратились беспрерывные феодальные междоусобицы, разорявшие население и препятствовавшие нормальному развитию экономики Узбекистана. Царская администрация ограничила произвол ханов в управлении ханствами.

Установление тесных связей Средней Азии с Россией, стоявшей значительно выше в хозяйственном и культурном отношении, способствовало развитию производительных сил страны, ускорило процесс роста в ней капиталистических отношений и втянуло ее в систему мировой капиталистической экономики. Факт этот объективно имел прогрессивное значение в жизни народов Узбекистана, поскольку капитализм по сравнению с феодальным способом производства является фактором прогрессивным.

Развитие капиталистических отношений способствовало образованию в Узбекистане рабочего класса.

Такую же положительную роль сыграло и культурное общение народов Узбекистана с Россией. Оно расшатывало устарелую феодальную идеологию, господствовавшую в стране. Через Россию устанавливалась связь края, жившего до тех пор замкнуто, с мировой культурой и наукой; открывался путь для проникновения в массы узбекского народа передовых идей и достижений человеческой мысли.

Колониальная политика царизма. Положительные стороны присоединения к России и общения народов Узбекистана с великим русским народом не могут, однако, сколько-нибудь повлиять на оценку реакционной колониальной политики самого царизма в Узбекистане. Эта политика не только не способствовала экономическому и культурному росту колонии а, наоборот, задерживала развитие ее производительных сил; жестокостью своих методов управления и угнетением народов Узбекистана царизм вызывал в них недоверие и даже враждебное отношение к русскому народу в целом.

Блестящая характеристика колониального режима царской России дана в „Истории ВКП(б)“: „Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально „инородцами“, воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье.

В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного „обрусения" нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов".[1]

Эта характеристика целиком относится и к колониальной политике царской власти в Средней Азии. Товарищ Сталин говорил: „Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики—неразвитость и политическая отсталость этих народов".[2] „Царизм—указывал товарищ Сталин,—намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда во враждебные отношения, ко всему русскому"[3].

Для того чтобы безраздельно властвовать в Средней Азии, царизм проводил в отношении ее народов последовательную систему руссификации. „При старом режиме царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах, так же как и с их культурным развитием, стремясь насильственно ассимилировать туземное население".[4]

С этой же целью колониальная политика царизма в Средней Азии стремилась „...насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики—постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)"[5].

Административное деление Средней Азии в колониальный период. Тотчас после присоединения Ташкента перед царским правительством встал вопрос об организации управления во вновь завоеванной стране. Край, в котором еще шла война, был подчинен, в отличие от прочих областей России, не Министерству внутренних дел, а Министерству военному, в ведении которого он и оставался до революции Царская власть рассматривала Среднюю Азию как неприятельскую территорию, а административный аппарат, управлявший ею,—как вооруженный лагерь среди враждебного населения. Полную

---

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс стр. 6
2. И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 69—70.
3. Там же, стр. 61.
4. Там же, стр. 76.
5. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 71.

аналогию в этом отношении мы находим и в ряде колоний западноевропейских держав того времени, например, во французском Алжире.

Порядок управления среднеазиатской колонией законодательно был оформлен в 1886 г. „Положением об управлении Туркестанским краем".

В административном отношении Туркестанское генерал-губернаторство, как был назван вновь присоединенный край, делилось на пять областей: Семиреченскую (с 1897 г.), Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую и Закаспийскую (с 1899 г.). Каждая из этих областей делилась в свою очередь на уезды.

Нынешняя территория Ташкентской области соответствует примерно Ташкентскому уезду Сырдарьинской области, территория нынешних Ферганской, Андижанской и Наманганской областей, расположенных в Ферганской долине,—центральной части тогдашней Ферганской области; территория Самаркандской области, за исключением районов, входящих ныне в состав Таджикской ССР (Ходжент—ныне Ленинабад, Ура-тепе, Пенджакент, Матча и другие) и Казахской ССР (северная часть Джизакского уезда), соответствует Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. Что касается территории нынешних Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, то они составляли основную часть Бухарского ханства, а территории Хорезмской области и Кара-Калпакской АССР входили в состав Хивинского ханства и Амударьинского отдела, включенного в Сырдарьинскую область (участки Шураханский и Чимбайский).

Административное устройство. При организации управления Средней Азии царское правительство стремилось создать аппарат обеспечивающий прочное обладание колонией с ее многочисленным населением. Эта цель достигалась образованием сильного военного аппарата, которому были подчинены все стороны управления. Однако опасение народных восстаний заставляло правительство искать одновременно иные средства и пути. Отсюда стремление использовать господствующие классы населения, чтобы при их посредстве организовать низовое управление на якобы „народных" условно-выборных началах, которые бы не слишком нарушили исторически сложившиеся в стране порядки. Так выработалось своеобразное сочетание военной администрации с „выборной" низовой администрацией, получившее официальное название „военно-народного управления".

Права и обязанности туркестанского генерал-губернатора определялись так называемой „Золотой грамотой", т. е. царским указом 1867 г. на имя генерал-губернатора фон-Кауфмана. В силу этого указа, генерал-губернатор получил необычайно широкие полномочия, которые давали ему право „вести в случае нужды войну и заключать мир с соседними владениями" и решать всякие „политические, пограничные и торговые дела, отправлять в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписывать трактаты, условия и постановления, касающиеся пользы обоюдных подданных". В заключение указ Александра II гласил: „Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все то, что в силу сего означенным уполномоченным нашим заключено и подписано будет". Таким образом генерал-губернатор вполне оправдывал данное ему местным населением прозвище „ярым-подшо", т. е. „полуцарь".

При генерал-губернаторе действовали его помощники и совет в составе 7—10 человек из военных и гражданских чиновников края

Областями управляли военные губернаторы и областные правления. Амударьинским отделом заведывал особый начальник, подчиненный военному губернатору Сырдарьинской области. Уездами управляли уездные начальники. В руках военной администрации сосредоточилось таким образом общее руководство всей жизнью страны.

В непосредственном подчинении у военных властей находился низовой аппарат, основанный на началах так называемой „выборности", но фактически состоявший из представителей состоятельных классов населения, на которых и опиралась военная администрация.

На местах действовала власть выборных администраторов и судей. Формально „народное избрание", фактически же — откуп и подкуп — обеспечивали этим „выборным" подлинную власть. „Избирательные кампании" приобретали иной раз чудовищно-скандальные формы продажи должностей. Активным избирательным правом пользовались только домохозяева—мужчины. Для того, чтобы быть избранным формально не требовалось никакого ценза, но фактически этот ценз измерялся десятками тысяч рублей, затрачиваемых на подкуп избирателей, пятидесятников и представителей уездной власти, а иногда и областной

В лице „народных избранников", поддерживаемых уездным начальником и военным губернатором, царская власть получила даровую, неоплачиваемую из центра, низовую администрацию. Элементарные потребности местного населения в суде и управлении, потребности царской казны по сбору податей и налогов разрешались при ее посредстве чрезвычайно просто. При незнакомстве русского военно-административного аппарата с местными языками, обычаями и нравами, „народная администрация" была долгое время необходимым проводником всей системы мероприятий царских властей. По мере расслоения дехканства в узбекском кишлаке вырастал местный кулак—ростовщик и купец. Пользуясь своим экономическим влиянием, новая кишлачная буржуазия фактически захватила в свои руки низовой административный аппарат, который, оставаясь по виду послушным орудием в руках царской уездной и областной администрации, почти полновластно распоряжался на местах. Андижанское восстание 1898 г. раскрыло этот факт в полной мере.

К началу XX в. старое „военно-народное управление" не удовлетворяло требований царской администрации; местные волостные управители вырастали в крупных баев и кулаков. Но опиравшееся на них в прошлом, царское правительство не собиралось делить с ними власть на местах. Ревизор Туркестанского края сенатор Пален в 1909—1910 гг. решительно настаивал на ликвидации выборного „народного управления" и на замене его царской администрацией по правительственному назначению; взамен выборных волостных управителей Пален предлагал назначить участковых комиссаров, своего рода земских начальников. Тем не менее политическая традиция оказалась очень прочной: система так называемого „народного" управления просуществовала 50 лет и была сметена только в 1917 г. Великой Октябрьской социалистической революцией. Для казны, с финансовой точки зрения, эта система была самой дешевой из числа всех возможных, а политически—наиболее надежной.

Ревизия сенатора Палена дала толчок для обсуждения вопроса о реформе низового административного аппарата на специальных областных совещаниях 1910 г. при военных губернаторах. Государственная дума разрешила этот вопрос путем механического переноса,

Узбекистан соответствующих статей русского положения о крестьянах 1861 г.

В 1910 г. и в последующие годы, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, обсуждался вопрос о введении земства, выборных земских учреждений. В „Туркестанских Ведомостях" печатались статьи о том, что русская власть ставит перед собой цель „обрусить" некультурные народы и „научить их" самоуправляться. Однако взамен выборного земства со времени революции 1905 г. в стране систематически сохранялось положение о чрезвычайной или усиленной охране. Власть военного министерства не претерпела серьезных ограничений, но тем не менее рядом с генерал-губернатором возникали, по мере надобности, десятки правительственных учреждений и канцелярий других ведомств, не только военных, но и гражданских. Ведомственная чересполосица крайне осложняла всю административную систему.

Административные злоупотребления. Вся система царского управления в Средней Азии, основанная на военном произволе царской администрации и на подкупности местных мнимо-народных властей, открывала широкий простор административным злоупотреблениям. Возникшие в 1902 г. дела нескольких чиновников „приподняли лишь небольшой уголок завесы, за которой скрывалась масса возмутительной грязи". По свидетельству самих русских администраторов, нигде, повидимому, административная разнузданность и злоупотребления в Туркестане не достигали таких грандиозных размеров, как в Андижанском уезде в девяностых и в девятисотых годах. Система злоупотреблений была особенно велика в полиции.

Однако злоупотребления не ограничивались мелкой полицейской средой. В них участвовали высшие представители царской администрации вплоть до генерал-губернатора.

Так, в 1871 г. в 18 верстах от Ташкента группа лиц, близких к генерал-губернатору Кауфману, основала конский завод. Савенков, помощник правителя генерал-губернаторской канцелярии, был фактическим распорядителем дела и инициатором многочисленных „комбинаций", как он называл свои явно преступные спекулятивные сделки. Действуя при участии подставных лиц, он по подложным документам за бесценок „покупал" пригородные земли. Так, участок Капланбек (2400 десятин), по последующей оценке стоивший около 65000 рублей золотом, Савенков приобрел за 600 рублей. В 130 верстах от Ташкента по р. Угаму Савенков за 4000 рублей „освоил" будто бы для завода 23000 десятин прекрасной пастбищной земли, лишив местных кочевников их обычных летовок в предгорьях. Овладев участком, как „пустопорожней" землей, Савенков и его компаньон по заводу полковник Гукс немедленно приступили к распределению земли мелкими участками. На 4000 рублей они получили барышей 37000 рублей золотом.

В 1874 г. возникла новая „комбинация" с чиякульской землей. Пользуясь своим положением, близостью к Кауфману и именем последнего, Савенков объявил „мертвым", т. е. никем не обрабатываемым, приташкентский земельный участок Чия-куль (Камышевое озеро). Подставные лица подали заявку на его „оживление" и провели заур (осушительную канаву). Работы обошлись Савенкову в 3500 рублей. Он „округлил" счет до 8220 руб. золотом. Фиктивные владельцы, освоив землю по праву первой заявки, „продали" Савенкову, якобы для конского завода, участок в 700 десятин за 7000 руб-

лей (т. е. по 10 рублей за десятину). А „завод" (т. е. все тот же Савенков) „переуступил" эту землю за 19 000 рублей хлопковому товариществу „Иван Янов и К°", организованному самим же Савенковым. Мало того, „по казенному подряду" вывоз камыша был сдан полковнику Картину за 7000 рублей золотом ежегодной платы. „Господа ташкентцы" хладнокровно лишали местное население топлива, а кочевников—их исконных летовок.

Из ссудных касс, организованных по уездам еще Кауфманом, предполагалось выдавать ссуды узбекам-дехканам и скотоводам—казахам и киргизам, оседавшим во вновь заведенных земледельческих хозяйствах. Но „главными киргизами", по выражению Терентьева, т. е. главными заемщиками из ссудных сумм, выступили военный губернатор Сырдарьинской области и его помощник.

Начальник Ходжентского уезда, немецкий барон Нольде, систематически собирал в свою пользу по 2 рубля 50 коп. с каждого двора и с каждой кибитки. „Нужен и нам хлеб",—говорил он довольно откровенно, собрав таким образом свыше 90 000 рублей золотом.

Яркое определение „ташкентства", т. е. злоупотреблений, самоуправства и хищений царской администрации в колонии, получившее значение глубоко-обобщающего характера, дал великий русский сатирик Салтыков-Щедрин, который показал, как по следам царской армии в Туркестан потянулась армия „ташкентцев"—грабителей и казнокрадов военного и гражданского звания, российских купцов-ростовщиков, аферистов и т. д.,—„вечно несытых, но вечно жрущих," с типичным для них принципом „рви" и „подтягивай".

Методы жестокой военно-феодальной эксплоатации создались не в Средней Азии: они были перенесены из центра, из практики царской администрации. „Ташкентство удобно мирится с железными дорогами, с устностью, с гласностью,—одним словом, со всеми выгодами, которыми по всей справедливости гордится так называемая цивилизация". „Ташкентцы", таким образом, не прочь были использовать не только феодальные, но и буржуазные порядки для своих целей.

§ 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В своей колониальной политике царское правительство руководствовалось двумя целями укрепить свою власть в Средней Азии и использовать ее экономические возможности в интересах правящих классов метрополии. Для этого надо было сломить силу местных господствующих классов, а также всячески поддерживать хозяйственную и культурную отсталость края и существовавшие в нем патриархально-феодальные отношения. Такие цели и преследовала, в первую очередь, экономическая политика царского правительства.

Аграрная политика царизма. В первые же годы после завоевания царское правительство провело ряд мер в области аграрного законодательства. Важнейшими из них были:

1. Объявление всех земель Узбекистана принадлежащими казне, передача земель оседлому местному населению в наследственное общинно-подворное владение, а кочевому населению — в бессрочное общественное пользование с соблюдением существовавших ранее обычаев землепользования.

2. В оседлых районах земля закреплялась за теми, кто фактически ее обрабатывал. В соответствии с такой установкой, судебным органам дано было указание при разборе земельных споров брать в основу не документы на владение, оформленные казиями, а фактиче-

ское пользование землей. Поскольку основная часть местной земельной аристократии до завоевания Средней Азии царским правительством сдавала свои земли издольщикам в аренду, эти земли переходили теперь в наследственное пользование арендаторов.

Столь необычайно „демократический" характер аграрной политики царизма в первые годы после завоевания Средней Азии объяснялся, во-первых, незаинтересованностью царского правительства в этот период в земельных фондах Средней Азии для нужд колонизации, а во-вторых, желанием добиться в борьбе с враждебной местной аристократией нейтрального отношения к себе широких масс местного населения; этим правительство прикрывало реакционную в целом сущность своей колониальной политики.

3. Вакфы в большинстве случаев были оставлены в прежнем состоянии; однако допускалось изъятие в казну и вакуфных земель.

4. Бывшие частновладельческие мульковые привилегированные земли были обложены таким же налогом, как и прочие земли, и признаны не частновладельческими, а казенными, предоставленными землевладельцам в наследственное владение и пользование.

5. Вне городской черты отвод земель для русского населения был запрещен, кроме специальных переселенческих фондов.

6. Покупка земли у местного населения европейцами, и в частности русскими, была полностью запрещена. Запрет сохранял силу почти до конца восьмидесятых годов; в девяностых годах покупка хотя и была разрешена, но была обусловлена выполнением такого количества правовых актов, что практически до самой революции 1917 г. почти не имела места. Юридическая неопределенность земельных прав местного населения (владение „по обычаю", согласно Положению 1886 г.), крайняя трудность нотариального оформления этих прав (необходимость выдела из сельского общества и производства землемерных работ), запрещение продажи за долги, установленное циркуляром Туркестанского генерал-губернатора в 1902 г., — все это замедляло капиталистическую мобилизацию земельной собственности среди оседлого населения.

Закрепление в потомственное владение земель за оседлым населением лишь юридически оформляло существовавшее и до завоевания обычное право в отношении падшалычных земель. Таким образом, до революции 1917 г. основная часть земель коренного населения не была закреплена за ним в частную собственность. Ревизия сенатора Палена, проведенная в Туркестанском крае в 1909 г., установила, что в трех областях края (Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской) право частной собственности распространилось лишь на 19,7 тыс. десятин, или менее чем на 1% всей посевной площади в этих областях.

Более того, после завоевания площадь частной земельной собственности резко сократилась: приравняв мульковые земли к падшалычным, царское правительство ликвидировало даже ту юридически оформленную частную собственность, которая существовала еще до завоевания. Закрепив земли оседлого населения, согласно Положению 1900 г., за сельскими обществами и селениями, царское правительство ввело круговую поруку при сборе налогов. Таким образом, в новой, введенной царским правительством, системе обложения податной единицей являлось уже селение или сельское общество, а не отдельный двор, как это было раньше.

Круговая порука еще более замедляла и затрудняла капиталистическое развитие местного землевладения. Все это в значительной мере со-

действовало сохранению старых феодальных отношений, огромному развитию в среднеазиатской деревне ростовщичества и вело к упадку сельского хозяйства Узбекистана.

В кочевых районах царское правительство, начиная с XX в., систематически стремилось вытеснить коренное население с его земель, использовать эти земли для нужд русской колонизации. В большинстве районов Узбекистана кочевым скотоводством до революции 1917 г. занималось менее 5% самодеятельного населения; лишь в Джизакском уезде и Амударьинском отделе число кочевников доходило до 17 и 23%. Поэтому для основных районов Узбекистана (не считая Хивы и Бухары) эта политика царского правительства не оказала существенного влияния на развитие народного хозяйства страны, что не снижает ее пагубного значения в жизни кочевого населения Узбекистана.

В области водного хозяйства экономическая политика правительства целиком была подчинена интересам байско-феодальной верхушки, захватившей в свои руки все водные ресурсы.

Как и до завоевания, жители одного или нескольких селений объединялись в специальные общины для организации водопользования. Попрежнему непосредственное руководство распределением воды между отдельными членами такого коллектива принадлежало особым должностным лицам—мирабам, избираемым населением. Мирабы определяли количество воды и порядок пользования ею для каждого хозяйства. Водопользованием ряда коллективов, расположенных по одному магистральному каналу (арыку), ведали арык-аксакалы, назначаемые русскими властями. Они определяли очередность пользования водой для отдельных коллективов и устанавливали нормы отпуска им воды. В основу водохозяйственной политики царского правительства в Средней Азии был положен принцип сохранения существовавших „по обычаю" до завоевания норм водопользования. Однако, поскольку количество и структура посевных площадей в отдельных селениях сильно изменились после завоевания, то сохранение старых норм водопользования практически оказалось невозможным. Отсутствие каких-либо твердых законодательных норм в области водного хозяйства приводило к отказу судебных учреждений от разбора водных дел и к разрешению их в порядке административного надзора. При разрешении споров местные органы власти обычно исходили из количества обложенных налогами посевных площадей, имеющихся у спорящих сторон. Однако при отсутствии у администрации определенных правил в водном хозяйстве до самой революции 1917 г. царил произвол местных властей, чиновников и баев.

Промышленная политика. Промышленная политика царизма в Средней Азии имела целью охрану интересов русского капитала и его монопольного положения в колонии, поэтому царское правительство всячески тормозило развитие в колонии обрабатывающей промышленности, которая могла бы в дальнейшем конкурировать с промышленностью метрополии (кроме первичной обработки хлопка и прочего, преимущественно сельскохозяйственного, сырья).

Принимались меры к недопущению в Среднюю Азию иностранных капиталов, а также капиталов, принадлежавших евреям, даже в том случае, если последние являлись подданными России. Допускался лишь ввоз капиталов из сопредельных стран Востока: Афганистана, Западного Китая и т. д. Эта политика нарушала местные хозяйственные интересы колонии. Кокандский биржевой комитет и Туркестанское сельскохозяйственное общество еще в 1908 г. докладывали ревизору—

сенатору Палену о необходимости привлечь в Среднюю Азию иностранные капиталы. Того же добивался в 1910 г. Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и возбуждал соответствующие ходатайства перед министрами военным, финансов, торговли и промышленности. Но русская буржуазия берегла колонию для эксплоатации ее своим капиталом, и иностранный капитал с трудом просачивался в Среднюю Азию.

В целом экономическая политика царской России в Средней Азии, а в частности в Узбекистане, особенно в начале XX в., ставила себе задачей превратить колониальный Узбекистан в рынок сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции и в источник получения промышленного сырья (хлопка).

Мероприятия по развитию хлопководства. Царское правительство осуществило ряд тарифных и налоговых мероприятий, направленных к развитию хлопководства в Средней Азии. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин в приложении к „всеподданнейшему" докладу о поездке его в Туркестанский край в 1912 г. писал: „Каждый пуд туркестанской пшеницы—конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка—конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка".

Высокие таможенные тарифы на ввозимый из-за границы хлопок способствовали росту цен на хлопок на внутреннем рынке. Уравнение налогового обложения посевов хлопчатника с обложением менее доходных зерновых посевов в тех же районах Средней Азии способствовало снижению расходов на производство хлопка. Оба эти мероприятия значительно повышали доходность хлопководства. Ряд агротехнических мероприятий правительства также содействовал развитию хлопкового хозяйства в Средней Азии.

Железнодорожное строительство. Почти 90% всей железнодорожной сети Средней Азии было построено по инициативе и на средства казны, как, например, две основные магистрали, соединявшие метрополию с новой колонией: Закаспийская железная дорога, позднее переименованная в Среднеазиатскую, и Ташкентская железная дорога. Первая, начатая строительством еще в середине восьмидесятых годов, была в основном закончена постройкой в 1899 г., когда она была доведена до городов Ташкента и Андижана; вторая была открыта для нормальной эксплоатации в 1906 г. Проводя железные дороги в Средней Азии, царское правительство исходило преимущественно из стратегических соображений; однако железные дороги в дальнейшем явились важным фактором вовлечения народного хозяйства среднеазиатских колоний России в сферу влияния капиталистических отношений. На эту роль железнодорожного строительства в Средней Азии указал В. И. Ленин, писавший, что "Закаспийская железная дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию"[1].

§ 3. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Религиозная политика царизма. Как и в других колониях, наилучшим средством поддержания своей власти царизм считал в Узбекистане руссификацию насильственными мерами коренного насе-

[1] В. И. Ленин. Соч., 1937, т. IV, стр. 165.

ления. Однако отсутствие реальной возможности для быстрого проведения руссификаторской политики и постоянная боязнь народных волнений, особенно опасных в условиях международной борьбы за Среднюю Азию, заставляли царскую администрацию действовать, особенно в первое время, с осторожностью. Ввиду этого Кауфман выработал оригинальную систему отношений к населению и его быту. Отказываясь от непосредственного вмешательства в жизнь населения и в исторически сложившиеся среди жителей обычаи, он предоставлял старым феодальным институтам, в том числе и религиозной исламской идеологии, естественным образом разрушаться при столкновении с более высокими формами европейской экономики и культуры, исходя из предположения, что эта феодальная старина должна сама собой отмереть при отсутствии поддержки со стороны правительства.

Согласно общей установке Кауфмана, царская администрация не вмешивалась первоначально в религиозную жизнь местного населения и ограничивалась тем, что прекратила оказание материальной поддержки культу (даже вакфы были частично конфискованы).

Однако уже к концу XIX в., после Андижанского восстания, определилась опасная сторона такого невмешательства.

„Иноверный народ, — докладывал в 1899 г. ферганский военный губернатор,—покорен лишь внешне и далеко еще не пережил эволюции приспособления к новому правящему режиму". Он настаивал на установлении наблюдения „за представителями религиозной и воспитательной стороны иноверного населения. То, что проповедуют имамы в мечетях и мударрисы в школах, не всегда доходит до слуха царской администрации. А между тем,— указывал далее военный губернатор,—мусульманское духовенство особенно враждебно по отношению к России, так как оно лишилось доходов от вакфов и не получило официального признания и положения в обществе. Необходимо признать и официально узаконить мусульманские духовные организации, как это было сделано высокомудрой политикой Ивана Грозного при покорении Казанского царства."

„Интересы управления", требовали установления ответственных перед правительством религиозных мусульманских учреждений и одновременного усиления русской православной церкви в крае. Выдвигалась необходимость постройки миссионерских монастырей, церквей, церковно-приходских школ и приютов.

Революция 1905 г. потрясла основы мусульманской религии. В отчетах за 1906—1907 гг. военные губернаторы сообщали, что „туземная молодежь" пренебрегает „требованиями мусульманства", „портится от соприкосновения с европейцами." Сенатор Пален, наблюдавший жизнь Туркестанского края в 1908—1909 гг., утверждал, что „имеются налицо признаки, свидетельствующие об упадке былого значения мусульманства". Однако в период реакции, наступившей после подавления революции, значительно усилилась и мусульманская церковно-политическая реакция, выразившаяся, в частности, в увеличении числа лиц, совершавших обычный „хадж" (паломничество) в Мекку.

Отмечалось также усиление пропаганды панисламизма, т. е. течения в пользу объединения мусульман всего мира под верховенством турецкого султана. Местные ишаны, реакционные татарские элементы, турецкие политические организации, лелеявшие великодержавные мечты, всячески поддерживали это течение. В 1910 г. в Турции возникло и действовало специальное „Общество распространения просвещения в Средней Азии", преследовавшее цели панисламистской пропаганды.

Народный суд. Оплотом мусульманства в стране оставался так называемый народный суд: суд биев—у кочевников по адату (обычное право) и казийский — у оседлого населения по шариату (мусульманское религиозное право). Этот суд являлся до 1917 г. „единственным официальным органом, закрепляющим фанатизм правоверных последователей ислама". И суд биев, и казийские суды хранили в себе „неизгладимую печать далекого средневековья".

В 1865—1867 гг. казии назначались губернаторами, с 1867 г.— избирались представителями от населения (пятидесятскими); с 1886 г. они получили название „народных судей".

Благодаря интригам и подкупам, на должности народных судей выбирались местные богачи, ростовщики, откупщики, а самое судопроизводство было для народных судей лишь источником дохода. В одном случае, например, за поддержку на выборах кандидат в судьи обещал пятидесятнику уступить ему все доходы от суда по трем волостям.

Казий решал дело в суде попрежнему на основании „ривоятов", представляемых истцом и ответчиком. Ривояты составляли муфтии и частные поверенные (вакили), а на суде их рассматривали а'лямы —юрисконсульты. Частно-правовая точка зрения на задачи суда сказывалась и в системе оплаты судебного аппарата. Казий формально не получал вознаграждения; фактически оно выплачивалось сторонами в размерах, установленных обычаем. Писари (мирзы) получали 10—12 коп. от дела; ясаулы — по 10—25 коп. с истца, не считая взяток, поступавших иногда с ответчика за его умышленное „неразыскание". Ривоят оплачивался различно — от 20 коп. до 10 рублей

Народный суд, как суд религиозный, смешивал понятия морально недопустимого проступка („греха") с понятием уголовно наказуемого преступления и создавал своеобразную, чисто средневековую шкалу наказаний. Так, за нарушение „обета воздержания" вдова приговаривалась к 1 месяцу тюрьмы, а за увечье, за кражу со взломом полагался только штраф. За хождение по базару в ночное время, запрещенное шариатом,—тюрьма на 1 месяц, за словесное оскорбление—тюрьма, за истязание —один день ареста.

Решая дела по шариату, народный суд не мог охватить всей сложности выросших в обществе новых отношений. Поэтому дела о векселях, о подлоге их, о протесте перешли в русские судебные учреждения.

Самая обстановка судопроизводства у народного судьи сохраняла много черт феодальной старины. Камера судьи помещалась в его собственном доме. Часов приема, официально установленных, не существовало. Истцы с раннего утра и до сумерек толпились у калитки и, как только она открывалась, пытались „прорваться" внутрь. Просители располагались в камере на полу, на цыновках или подстилках, как бы в молитвенной позе. Казий часто прерывал слушание дела беседой с друзьями и гостями, распоряжениями по хозяйству. По пятницам или в другие базарные дни казий выезжал для производства суда на базарную площадь, располагаясь в свободной лавке.

Развитый торговый и промышленный оборот передовых районов Узбекистана не мог уже удовлетворяться такими примитивными формами судопроизводства. Неудивительно, что именно из центра производства хлопка шли в начале XX в. особенно настойчивые жалобы на народный суд.

Школьная политика царизма. Школьная политика царизма в области народного образования руководствовалась одной основной зада-

чей—стремлением руссифицировать местное население и теснее связать его с Российской империей. „Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества,—заявляло Министерство народного просвещения в 1870 г.,—бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом". Эта точка зрения неуклонно проводилась царской администрацией в Туркестане. „Развитие народного образования в крае,—писал Кауфман,—должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни".

Для проведения царской политики в области народного образования в Туркестане было организовано „Управление учебными заведениями Туркестанского края", во главе которого был поставлен главный инспектор училищ.

Первое время после завоевания Средней Азии царские власти, в соответствии с общим направлением своей политики, проводили принцип полного невмешательства в установившуюся в течение столетий в крае систему народного образования.

Царская администрация совершила, однако, с точки зрения преследуемых ею руссификационных целей, ошибку, отстранившись от контроля над мусульманскими учебными заведениями и оставив их в руках враждебно настроенного к России феодального духовенства. В середине восьмидесятых годов курс школьной политики в Средней Азии был резко изменен.

Перемена произошла, несомненно, под влиянием той реакции, которая наступила в России после вступления на престол Александра III (1881—1894). Проводником более активной руссификации края явился генерал-губернатор Розенбах. Орудием руссификаторской политики должна была служить школа. В этих целях Розенбах создал систему русско-туземных училищ, в которых дети местных жителей обучались бы совместно с русскими детьми. Для привлечения местного населения в новые школы в них было введено преподавание ислама; приглашенные с этой целью учителя из мусульманского духовенства получали казенное жалованье и превращались, таким образом, в зависимых и послушных чиновников. Кроме ислама, в этих школах было введено преподавание русского языка, и на руском же языке преподавались все прочие предметы.

Революция 1905 г. заставила туркестанскую администрацию пересмотреть основы своей политики в области народного просвещения. Испугавшись роста национального движения, она была вынуждена временно прекратить гонения на старую школу. Генерал-губернатор запретил учебному начальству и военно-политической администрации вмешиваться в программы преподавания, в назначение учительского персонала и в материальную часть „туземных училищ".

После подавления революции царизм стал пользоваться школой для подавления освободительного движения среди народов Узбекистана. Но старые приемы были уже непригодны. В результате событий 1905—1906 гг. в эксплоататорских классах Узбекистана произошли большие политические сдвиги. Выступление трудящихся масс испугало имущие слои местного населения не менее, чем русскую администрацию. Они стали искать сближения с царизмом и приемлемых для обеих сторон форм совместной работы. Для борьбы с революцией они тоже стремились использовать школу. Более прогрессивные круги буржуазии искали компромисса в школьном деле, пытались

реорганизовать конфессиональную школу и несколько приблизить ее к типу европейской в виде так называемой „новометодной" школы. Но громадное большинство феодальных элементов во главе с духовенством опасалось школьных реформ и требовало сохранения в неприкосновенности старой школы средневекового типа, проводившей воспитание в духе беспрекословной покорности корану. Идеология старой мусульманской школы одинаково отвечала интересам как феодальных группировок в самом Узбекистане, так и русского военно-феодального империализма. Русские администраторы с восторгом говорили о господствующей в мусульманских медресе „патриархальности в смысле древнерусского Домостроя" и с умилением противопоставляли благонадежность учащихся местных духовных школ „распущенности и открытому волнению русской учащейся молодежи". Администрация оценила теперь „хорошие стороны" старозаветного мактаба, в котором ученик, благодаря господству в нем „патриархального строя", „не заражается ложными взглядами на условия и цели жизни и на взаимные отношения". Отказавшись от дальнейшей борьбы против старой школы, администрация все свои силы направила против новометодной школы, в которой видела теперь рассадник сепаратизма и пантюркизма. Реформа национальной школы казалась администрации опасной, так как это означало „разбудить... спокойный, многолюдный и фанатический мир". Особенно вооружилась она против попыток поставить преподавание родного языка, видя в этом средство укрепления национальной культуры.

Общие итоги руссификаторской политики царизма в Средней Азии подведены были накануне Октябрьской революции туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным. Куропаткин, в молодости принимавший участие в завоевании края и установлении в нем царской власти, под старость, в годы мировой войны, был вынужден констатировать, что „русской власти за полувековое владычество не удалось „сделать инородцев верноподданными слугами Российского императора и преданными гражданами русского государства", не удалось вселить в них сознание единства их интересов с интересами русского царизма.

ГЛАВА X

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОЛОНИАЛЬНОМ УЗБЕКИСТАНЕ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В ШЕСТИДЕСЯТЫХ–ДЕВЯНОСТЫХ ГОДАХ XIX в.

Царское завоевание застало на территории узбекских ханств господство феодального строя. В сельском хозяйстве ведущая роль принадлежала докапиталистическим отношениям, главным образом издольщине. Промышленное производство было представлено ремеслом.

Однако при наличии господства феодального способа производства в конце XVIII в., а особенно начиная с XIX в., в нар одном хозяйстве ханств стали обнаруживаться ростки новых производственных отношений. Все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. В частности, в XIX в. стали взиматься деньгами некоторые прежде натуральные налоги. В сельском хозяйстве, особенно при ирригационных работах, уже начала применяться наемная рабочая сила, хотя и в очень небольших размерах. Усиливалось преобладание отдельных культур в тех или иных сельскохозяйственных районах. Укреплялись экономические связи между отдельными районами и городами. В текстильном производстве складывалась домашняя промышленность. Росло значение местной торгово-ростовщической буржуазии.

Все указанные процессы, однако, протекали чрезвычайно медленно, будучи скованы наличием многочисленных феодальных институтов. В этом отношении, следовательно, присоединение Средней Азии к России несомненно сыграло положительную роль, ускорив в ней процесс развития капиталистических отношений. Ленин и Сталин неоднократно отмечали, что капиталистический способ производства по сравнению с феодальным является прогрессивным фактом. „Признание прогрессивности этой роли,—писал В. И. Ленин в своей работе „Развитие капитализма в России“ —вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически-преходящий характер этого экономического режима“[1].

Завоевание Средней Азии царской Россией способствовало включению страны в сферу влияния русского народного хозяйства и приобщению ее к мировому рынку. Несмотря на ряд барьеров, созданных царским правительством для капиталистического развития в Средней Азии, капиталистические отношения, правда, очень медленно, стали охватывать различные отрасли хозяйства страны. Они разрушали изнутри феодальные устои производства, внедряя новые, исторически более прогрессивные, методы организации производства и эксплоата-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, 1930, стр. 465—466.

ции труда. В стране происходило образование новых классов: пролетариата и капиталистической буржуазии. Приток капиталов в Среднюю Азию из метрополии и частично из-за границы особенно ускорил темпы капиталистического развития страны в начале XX в. Воздействие хозяйства метрополии на развитие капитализма в Узбекистане осложнялось специфическими особенностями экономической политики царского правительства в Средней Азии.

Экономические связи метрополии с Узбекистаном. В истории развития народного хозяйства колониального Узбекистана можно выделить два, значительно отличающихся друг от друга, периода.

Первый период характеризуется господством в метрополии промышленного капитала и охватывает отрезок времени примерно с 1865 г. до конца 90-х годов. Второй период (с 90-х годов до 1917 г.) характеризуется господством в ней финансового капитала.

Для первого периода характерно, что капитал метрополии воздерживался от активного вмешательства в производственные процессы колониального Узбекистана, который в этот период являлся в равной степени и рынком сбыта для промышленной продукции метрополии, и источником сырья для нее. При этом нельзя выделить какой-либо вид сырья, который в эти годы играл бы ведущую роль в среднеазиатском экспорте. Из Узбекистана в Россию вывозились: шерсть, сухие фрукты, шелк-сырец, кожи и местные сорта хлопка. Американский хлопок начинает вывозиться только с конца восьмидесятых годов, поскольку лишь в 1885 г. посевы американского хлопчатника вообще начинают занимать относительно заметное место в общей посевной площади под хлопок в Узбекистане.

Из метрополии в Узбекистан ввозились: текстиль (по преимуществу хлопчатобумажные и в меньшей степени шерстяные ткани), металлические изделия, нефтяные продукты, сахар, спиртные напитки, галантерея, посуда и другие предметы широкого потребления.

В этот первый период в Узбекистане была мало развита специализация сельскохозяйственных районов в отношении технических культур, отличающихся более резко выраженным товарным хозяйством.

Отсутствие (до середины восьмидесятых годов) железнодорожной связи с Россией являлось существенным препятствием для развития товарооборота метрополии с колонией.

Русский промышленный капитал сам почти не оперировал на среднеазиатских рынках, скупая и реализуя продукцию при посредстве торгового капитала. Русские купцы-оптовики, кредитуясь в метрополии у крупных промышленных фирм на год под векселя, продавали их продукцию в Средней Азии по ценам несколько выше существовавших на оптовых складах России. Уплата за товары, продаваемые местным купцам, производилась частями после каждого базарного дня, но с начислением каждый раз в пользу оптовика значительных процентов на оставшуюся сумму долга. На деньги, полученные от продажи продукции в Узбекистане, оптовые фирмы покупали шерсть, кожи, хлопок, сухие фрукты и т. д. для вывоза в Европейскую Россию. Ввоз капитала из метрополии в Узбекистан в этот период был относительно мал. Существенную роль в экономических связях Средней Азии с метрополией играли торговые сделки, заключавшиеся на крупнейших ярмарках России. Особенно большую роль в этом отношении играла Нижегородская (Макарьевская) ярмарка. Местный капитал был почти полностью вытеснен русским капиталом из крупной оптовой торговли промышленными изделиями метрополи,

а также хлопком. Зато в отношении вывоза прочих видов сырья местный капитал играл довольно значительную роль. Мелкооптовая торговля внутри страны и розничная торговля почти целиком находилась в руках местного купечества. Купечество Узбекистана вело оптово-розничную торговлю и в Казахских степях, и в Кара-Калпакии.

При отсутствии железных дорог ввоз промышленных товаров из метрополии был до конца восьмидесятых годов еще не очень велик, однако он возрастал в течение всего рассматриваемого периода. Благодаря дороговизне транспорта стоимость ввозимой из России промышленной продукции была сравнительно высока, но все же и при таких ценах она могла конкурировать с продукцией местного ремесленного производства. Результатом этой конкуренции явилось постепенное свертывание ряда кустарных промыслов в Узбекистане и, в первую очередь, сокращение производства ремесленных текстильных изделий, металлических изделий и некоторых предметов широкого потребления.

В этот период происходил сравнительно быстрый рост городского населения Узбекистана. С 1880 по 1897 г. численность городского населения в Ферганской области возросла почти в два раза, примерно в два раза увеличилось городское население в Ташкентском уезде и Зарафшанском округе. Однако рост городского населения Узбекистана был связан, в первую очередь, с усилением торгово-транспортного и административного значения городов. Влияние в этом процессе медленно развивавшейся промышленности было еще относительно невелико.

Сельское хозяйство. Для сельского хозяйства Узбекистана в первый период было характерно господство продовольственных культур и относительно слабая специализация сельскохозяйственных районов. Товарность сельского хозяйства была сравнительно невысока; только пастбищное овцеводческое хозяйство имело довольно высокую товарность. Годовой денежный доход отдельных хозяйств этого типа составлял 5—10 тысяч рублей и больше. Однако удельный вес этого рода животноводческих хозяйств в сельском хозяйстве Узбекистана был весьма невелик. Некоторую роль они играли лишь в пределах Джизакского и Каттакурганского уездов и Амударьинского отдела, а также в вассальных Хивинском и Бухарском ханствах. В других районах Узбекистана разводился главным образом крупный рогатый скот, который за пределы его почти не вывозился.

Единый внутренний рынок в этот период только складывался, и самая торговля далеко еще не полностью отделилась от производства. Не только в сельских местностях, но отчасти и в городах господствовала базарная торговля, которая была некоторым подспорьем при земледельческих и ремесленных занятиях и редко—основным занятием продавца. Лавки, в капиталистическом понятии этого слова, имелись лишь в немногих, сравнительно крупных городах. Каждый базар обслуживал обычно лишь относительно небольшое количество окрестных селений. Ярмарок, обслуживавших всю страну, не было.

В сельскохозяйственном производстве продолжала господствовать примитивная техника, унаследованная еще от времени, предшествовавшего завоеванию. Примитивный отсталый характер имело и водное хозяйство.

Господствующей формой присвоения прибавочного продукта в сельском хозяйстве оставались докапиталистические формы аренды, главным образом аренда издольная. Издольщиком-чайрикором являлся обычно малоземельный или (что реже встречалось в этот период) без-

земельный дехкан. За свой труд, а иногда и за инвентарь он получал определенную долю урожая. Размер этой доли колебался по отдельным районам и в различные годы в зависимости от ряда обстоятельств; но большей частью он составлял от четверти до половины урожая.

Некоторые малоземельные дехкане, не обеспеченные в достаточном количестве рабочим скотом и инвентарем, вступали между собою в товарищеские соглашения для совместной обработки земли (ширкат). Урожай в этом случае распределялся между членами товарищества в зависимости от количества вложенных в работу труда, инвентаря и рабочего скота. Следует, однако, иметь в виду, что большей частью, особенно к концу рассматриваемого периода, за отношениями товарищества скрывалась эксплоатация маломощных хозяйств хозяйствами экономически более мощными, располагающими скотом и инвентарем.

Промышленное производство. Промышленное производство в этот период было представлено в основном мелким ремесленным производством, действовавшим зачастую лишь в течение определенного сезона и обслуживавшим бытовые потребности местного населения, отвечая его вкусам и соответствуя традиционному укладу жизни.

Эти производства, имевшие мелкие и мельчайшие размеры, специализированные на изготовлении самого ограниченного ассортимента, обслуживались в основном самостоятельными мастерами-одиночками, работавшими с помощью членов своей семьи. Наемный труд применялся в незначительных размерах. Наемные мастера (хальфа) жили в доме хозяина, пользовались его орудиями и станками и получали от него, кроме платы, пищу и жилище. Количество хальфа в тех предприятиях, которые применяли наемный труд, было очень невелико—не больше 3—5 человек. Хальфа отличались от подмастерьев средневековой Европы тем, что они являлись законченными мастерами, иногда очень высокой квалификации, вступившими уже в цех и принявшими посвящение, но не имевшими средств, необходимых для того, чтобы начать собственное производство.

Сравнительно более крупными предприятиями были предприятия пищевой промышленности (мукомольной, винокуренной, пивоваренной и т. д.). Принадлежали они, главным образом, русским предпринимателям. В отчете начальника Зарафшанского округа за 1884 г. по этому поводу говорилось: „Русские купцы единственно занимаются винокурением, пивоварением и виноделием". Как исключение в отчете упоминается одна русская фирма, устроившая мукомольную мельницу и круподерку (с водяным двигателем) Почти вся их продукция шла на местный рынок, не выходя даже за пределы данной области. В том же отчете сообщается: „Все произведения имеют исключительно местный сбыт и только в ограниченном количестве вывозятся шелковые и хлопчатобумажные произведения".

В 1885 г. даже в Ташкенте, являвшемся не только главным городом Сырдарьинской области, но и столицей всего обширного Туркестанского края, имелось лишь 27 предприятий, на которых среднегодовое количество рабочих превышало 10 человек, а средняя стоимость годового производства —20 тыс. рублей. На всех остальных предприятиях Сырдарьинской области она составляла в среднем менее 500 рублей; на одно предприятие в среднем приходилось менее 2 рабочих. Рабочая сила в этих предприятиях комплектовалась в значитель-

ной части сезонными рабочими, не порывавшими со своими хозяйствами в кишлаке.

Развитие товарно-денежных отношений и ростовщический капитал. Усиление экономической связи Узбекистана с русским народным хозяйством, увеличение размера вывоза в Россию продуктов, рост ценности ввоза русских товаров, увеличение денежных налоговых платежей местного населения, улучшение условий связи с Россией и между отдельными районами, рост промышленности и городов— все это способствовало развитию товарно-денежных отношений в народном хозяйстве Узбекистана. Переход от частично-натурального обложения, практиковавшийся в ханский период, к денежному, проведенный царским правительством, благоприятствовал значительному росту денежных отношений в деревне. Уже ревизия Гирса 1882 г. констатировала, что нужда кишлака в денежном кредите особенно обостряется в период взыскания казенных податей. „Обстоятельством этим,—отмечает ревизор,—как нельзя более пользуются местные ростовщики, в том числе и русские эксплоататоры. Они, по уверению местных властей, дают деньги за громадные проценты (от 40 до 60% за рубль в год), а еще чаще покупают у туземцев хлеб за дешевую цену, с обязательством доставки оного зимою или осенью, именно в то время года, когда цены на него бывают самые высокие". Ростовщики, главным образом индийцы, брали обычно даже 120% годовых. Деньги при этом выдавались большей частью под залог будущего урожая. При отсутствии в этот период в Туркестанском крае государственных банков и кредитных учреждений капиталистического типа ростовщики-индийцы держали в своих руках весь денежный рынок страны и получали громадные доходы. По тем же данным, чистый годовой доход ростовщиков на территории одного только Зарафшанского округа составлял более полумиллиона рублей.

Таким образом, разрушение натурального деревенского хозяйства денежными отношениями, развитие которых было в значительной мере усилено налоговой политикой царского правительства, сопровождалось ростом кабального ростовщического кредита и кабальной системы скупки сельскохозяйственной продукции.

Классовая диференциация в кишлаке. К концу первого периода в кишлаке углублялась классовая диференциация и возрастало число безземельных хозяйств. По отдельным волостям Самаркандской области в девяностых годах количество безземельных хозяйств достигло уже 20—30% от общего числа. В то же время появились хозяйства, применявшие наемную рабочую силу, хотя число их даже в середине девяностых годов не превышало 5—7% всех хозяйств. Отмечается также известный рост крупного землевладения. Сюда необходимо отнести в первую очередь вакуфное землевладение, сохранившееся и после завоевания и составлявшее в Фергане от 11 до 17% посевной площади. В Самаркандской и Сырдарьинской областях, у которых царское правительство изъяло в казну часть земельных вакуфных фондов, процент этот был значительно слабее. Отдельные вакфы владели земельной собственностью в количестве 40—50 и больше гектаров поливной земли, причем владения эти большей частью были объединены в одном участке. Наряду с крупным вакуфным землевладением в девяностых годах XIX в. вновь начинает складываться крупное светское землевладение (размеры отдельных владений достигали в Фергане от 100 до 270 гектаров поливной земли), но количество таких хозяйств было еще весьма незначительно.

Положение непосредственных производителей в деревне и в городе. Упразднение царским правительством мулькового землевладения и передача мульковых земель в потомственное пользование тех, кто непосредственно их обрабатывал, освободило значительное количество непосредственных производителей от необходимости платить арендную плату владельцу мулька и превратило арендаторов частновладельческой земли в наследственных владельцев.

Однако юридически это владение было оформлено в качестве бессрочной и наследственной аренды. К таким же последствиям привело изъятие части вакуфных владений. В первые годы после русского завоевания тяжесть налогового обложения для основных масс дехканства значительно облегчилась. Вместо 20% валового дохода, взимавшихся при ханской власти, в пользу царской казны стали взимать лишь 10%. Уменьшилось количество натуральных повинностей: отпали многочисленные повинности военного порядка, а также натуральные повинности феодалам. В результате отмены рабства улучшилось положение бывших рабов, занятых в сельском хозяйстве в качестве непосредственных производителей. Переход земель в собственность производителей повлек за собою расширение посевных площадей.

В шестидесятых—семидесятых годах XIX в. в большей части районов Узбекистана, не входивших в состав Хивы и Бухары, посевная площадь увеличилась на 70—100% и более. Весьма показательным является увеличение населения тех же районов. С 1867 по 1879 г. за счет притока из сопредельных стран население возросло почти на 500 тыс. человек. Однако экономическое положение широчайших дехканских масс деревни продолжало оставаться крайне тяжелым. Дехкане колониального Узбекистана все сильнее подвергались эксплоатации со стороны местных байско-кулацких элементов.

Значительно ухудшилось экономическое положение городского населения. Преобладающая часть его была в той или иной степени связана с ремеслами и торговлей. Резко усилившийся после завоевания ввоз в Среднюю Азию дешевых товаров, производимых на оборудованных современной техникой фабриках и заводах России, создавал жестокую конкуренцию для местной ремесленной продукции.

После того как изделия русских фабрик хлынули в Ташкент, произошло повсеместное вытеснение многих местных ремесленных изделий привозными русскими товарами. Развитие капиталистических отношений, хотя и замедленное, постепенно делало свое дело: ранее самостоятельные ремесленники, а также кустари попадали в конце концов в цепкие лапы скупщика. Таким образом, с одной стороны, местные ремесленные изделия не могли выдержать конкуренции с изделиями русской промышленности, с другой—ремесленников разоряла зависимость от скупщика. Заработок ремесленников становился все меньше и в начале девяностых годов составлял ничтожную сумму—от 10 до 30 копеек в день. Количество самостоятельных ремесленных заведений в Ташкенте падало год от года. В 1871 г., по данным губернаторских отчетов, самостоятельных кустарных кожевенных предприятий насчитывалось в Ташкенте до 341, а в 1892 г. их осталось только 66. Красильных заведений в Ташкенте в первые годы после русского завоевания числилось 300, а в 1892 г. — всего 20. Отсутствие достаточного количества крупных промышленных предприятий приводило к тому, что разоренные ремесленники не могли быть поглощены промышленностью. Все это значительно ухудшало их экономическое положение.

Разумеется, экономическое положение городского населения было не везде одинаково. Оно было хуже в крупных торговых центрах, лежавших на важнейших торговых путях, и лучше в глухих горных районах, где конкуренция товаров из метрополии ощущалась значительно слабее.

Итоги. Конец XIX в. ознаменовался в народном хозяйстве Туркестанского края ускорением процесса накопления капитала, которое происходило как в сфере торгово-ростовщических операций, так и в сельском хозяйстве. Это создавало предпосылки для развития капиталистических отношений в кишлаке при сохранении однако, относительного и абсолютного господства в нем феодальных методов производства.

К концу первого периода значительно возросло количество крупных капиталистических промышленных предприятий, главным образом, в связи с развитием хлопкоочистительной и маслобойной отраслей.

В конце восьмидесятых—начале девяностых годов в Узбекистане появились и первые кредитные капиталистические предприятия. Первоначально возникали конторы и отделения Государственного банка, а затем начала расти сеть частных кредитных учреждений.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ С КОНЦА XIX в. до 1917 г.

Рост экономических связей с метрополией. Второй период экономического развития Узбекистана протекал в условиях возрастания роли в народном хозяйстве России финансового капитала. Он ознаменовался более быстрыми темпами развития капиталистических отношений, укреплением и ростом экономических связей народного хозяйства Средней Азии с метрополией. В торговых связях с Россией на первый план начал выдвигаться вывоз хлопкового сырья и ввоз значительного количества хлеба. Ввоз хлеба, соответствовавший интересам русских помещиков, был вызван образованием в Узбекистане специализированных сельскохозяйственных, главным образом хлопковых, районов, увеличением городского населения, ростом сельского пролетариата и безземельного дехканства и был облегчен благодаря соединению России со Средней Азией железнодорожной сетью.

Структура и объем экономических связей Средней Азии с метрополией в изучаемый период характеризуется следующими цифрами, относящимися к 1914 г Весь ввоз из России в Среднюю Азию составлял около 243,6 млн. рублей, из которых около 40% приходилось на ввоз текстиля, около 15% — на долю пищевых продуктов (сахар и прочее, не считая хлеба), около 7%—на долю хлебных грузов, 7% — на продукцию деревообрабатывающей промышленности, 11%—на продукцию металлообработки, 6%—на продукцию химической промышленности, около 5% — на топливные грузы. Все прочие продукты, вместе взятые, составляли менее 10% ввоза. Вывоз в метрополию из Средней Азии составлял 269 млн. рублей, из которых на долю текстильного сырья приходилось около 213,5 млн. рублей, или 80%. Из других грузов по своему удельному весу выделялись грузы пищевые (сухие фрукты и т. д.) и кожевенные.

Кроме торговли с Россией, Средняя Азия вела торговлю и с сопредельными странами: Китаем, Ираном и Афганистаном. Из торговых изделий, шедших из-за границы в Среднюю Азию, следует

отметить кисею (из нее изготовлялись чалмы), привозившуюся из Индии через Афганистан и Бухару.

Роль финансового капитала метрополии. Существенным моментом во взаимоотношениях Узбекистана и России во второй период явилось активное непосредственное вмешательство финансового капитала метрополии в экономическую жизнь колонии, главным образом путем системы целевого кредитования банками ее народного хозяйства. Экспорт капиталов из России в Узбекистан направлялся по преимуществу в сферу торгового обращения, в значительно меньшей степени—в промышленность и транспорт. Так, из 313 млн. рублей, вложенных метрополией с 1913 по 1915 г. в народное хозяйство Средней Азии, около 60% падало на кредитную сеть, около 25% было вложено в железные дороги, около 10%—в хлопко-маслобойную промышленность и 5% — в горно-топливную промышленность. Если не считать 2—3 млн. рублей, вложенных по линии бюджета в ирригацию, то непосредственных вложений в сельское хозяйство почти не было. Все финансирование сельского хозяйства происходило через банки непосредственно или при посредстве хлопкозаготовительных фирм и хлопкоочистительных заводов. Таким образом, основная часть капиталовложений метрополии в народное хозяйство Узбекистана шла не непосредственно в производство, а в сферу обращения.

Превращение Узбекистана в хлопковую базу. Одной из важнейших задач, которую преследовал русский финансовый капитал метрополии, являлось превращение Узбекистана в хлопковую базу русской текстильной промышленности. Туземные сорта хлопка (гуза) сеялись в Средней Азии уже в течение сотен лет до завоевания. Однако эти сорта отличались низким качеством (короткое и грубое волокно); лишь в немногих районах хлопок играл в сельском хозяйстве преобладающую роль. Характера же монокультуры среднеазиатский хлопок в XIX в. не имел нигде.

По ориентировочному подсчету, годовой сбор местных сортов хлопка в Средней Азии в начале восьмидесятых годов составлял до 3 млн. пудов, из которых около 700 тыс. пудов вывозилось в Россию. Лишь после внедрения в 1884 г. русскими предпринимателями американских сортов хлопчатника и постройки Закаспийской железной дороги началось превращение Средней Азии в сырьевую базу для русской текстильной промышленности. Массовое распространение посевов американского хлопчатника происходило лишь с самого конца XIX в. С 1889 до 1916 г. посевная площадь под американским хлопчатником (без Хивы и Бухары) увеличилась в 7 раз (с 50 тыс. десятин в 1889 г. до 110 тыс. десятин в 1895 г.; в 1901 г.—210 тыс. десятин, в 1911 г.—267 тыс. десятин, в 1914 г.—300 тыс. десятин и в 1916 г. почти 343 тыс. десятин).

Большинство дореволюционных авторов, писавших о развитии хлопководства в Туркестане, ставило это явление в прямую связь с хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в США в шестидесятых годах XIX в. Эта же точка зрения встречается и у некоторых послереволюционных историков (П. Лященко и др.). Влияние этого фактора несомненно имело место и послужило известным толчком к усиленному развитию в крае хлопководства. Рост хлопковых площадей в Узбекистане, начавшийся в конце восьмидесятых годов, был вызван прежде всего стремительным ростом текстильной промышленности метрополии.

По данным Министерства торговли и промышленности, относя-

щимся к 1900 г., на долю текстильной промышленности падало 27,3% всей промышленной продукции России, при чем в текстильной промышленности этого периода хлопчатобумажная отрасль занимала первое место, давая около 70% всей стоимости продукции. С 1890 по 1899 г. стоимость текстильной продукции выросла на 107%, а с 1900 по 1913 г. — свыше, чем на 150%. В XX в. в больших размерах растет вывоз русских хлопчатобумажных изделий за границу: в Китай, Иран и другие страны. Бурный рост русской хлопчатобумажной промышленности неизбежно должен был заострить вопрос о создании для нее собственной сырьевой базы. В этом же нуждался и русский финансовый капитал, господствовавший в хлопчатобумажной промышленности. Создание хлопковой базы было необходимо и для царского правительства, которое было заинтересовано в росте собственного хлопководства по стратегическим и финансовым соображениям. Правительство с тревогой отмечало усиление утечки золота и валюты за границу для закупки хлопка, грозившее нарушить устойчивость только что проведенной денежной реформы.

Железнодорожное строительство, повышение таможенных пошлин на импортный хлопок, а также значительные льготы в налоговом обложении посевов хлопчатника в Средней Азии ускоряли рост хлопководства. В период с 1864 по 1878 г. ввоз хлопка в Россию совершенно не облагался таможенной пошлиной, а с 1879 по 1886 г.— облагался лишь в размере 40—50 коп. с пуда. В 1887 г. пошлина была увеличена до 1 руб.—1 руб. 75 коп. и, непрерывно повышаясь в дальнейшем, к 1903 г. достигла 5 руб. 25 коп. с пуда. Не меньшее значение имели для роста хлопководства и налоговые льготы. Согласно Положениям 1886 и 1900 гг., обложение доходов от полеводства в Средней Азии производилось путем исчисления валового дохода не со всех культур, а лишь с ведущих для данного селения. В 1900 г. было установлено, что земли, занятые посевами американского хлопчатника, облагаются налогом в одинаковом размере с посевами других поливных культур, кроме риса. Между тем валовая доходность хлопчатника в основных хлопковых районах была иногда в несколько раз выше доходности других поливных культур. Поэтому земледельческие хозяйства были заинтересованы в дальнейшем расширении посевной площади хлопка. Толчком для перехода к хлопководству являлась также возможность свободного получения под хлопок кредита и известная устойчивость спроса на хлопок по сравнительно высоким ценам.

Быстрый рост среднеазиатского хлопководства значительно укрепил позиции русской текстильной промышленности на мировом рынке. Еще в 1900 г. среднеазиатский хлопок обеспечивал только 24% потребности русской промышленности, а перед началом первой мировой войны он удовлетворял ее уже почти на 50%. Такое повышение удельного веса отечественного сырья было достигнуто при одновременном бурном росте хлопчатобумажной промышленности России в этом периоде.

Господствующая роль хлопка в хозяйстве края видна также из данных о стоимости валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1913 г. Хлопководство составляло 40% всей стоимости, зерновые культуры—примерно 37%, животноводство—15,8%, садоводство — около 3%, виноградарство — около 3%, прочие отрасли сельского хозяйства—1,2%. Удельный вес хлопка в товарной продукции сельского хозяйства был еще выше. Из стоимости валовой про-

дукции цензовой промышленности в 1913 г. на долю хлопкоочистительной промышленности приходилось свыше 80%.

Специализация сельскохозяйственных районов и образование единого внутреннего рынка. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., хлопчатник в отдельных уездах, расположенных на территории современного Узбекистана (без территории вассальных ханств), занимал поливной посевной площади: по Андижанскому уезду —35%, Кокандскому—35%, Скобелевскому—31%, Наманганскому—25%, Амударьинскому отделу (Шураханский участок)—18%, Каттакурганскому уезду — 18%, Ташкентскому — 17%, Самаркандскому — 8%, Джизакскому—3%.

Из приведенных данных видно, что хлопковая специализация в ряде районов Ферганской области, а отчасти и в Ташкентском уезде, зашла достаточно далеко. Особенно интенсивно процесс хлопковой специализации протекал в отдельных волостях. В некоторых волостях Андижанского уезда отношение посевов хлопчатника к общей поливной посевной площади составляло в 1917 г. более 50%.

В Фергане буквально каждый клочок пригодной для хлопководства земли был использован под хлопок.

Общее представление о значении отдельных районов Средней Азии в снабжении русской промышленности хлопком в 1913 г. дают следующие цифры: Ферганская область давала более 62% всего хлопка, отправленного в Россию из Средней Азии, Бухара—более 13%, Сырдарьинская область—8,4%, Самаркандская—около 7%.

Из этих данных совершенно ясно выступает ведущая роль Ферганской долины в среднеазиатском хлопководстве.

Образование специализированных хлопковых районов и рост хлопкоочистительной промышленности в Фергане и отчасти в Ташкентском уезде, Сырдарьинской области, привели к резкому росту товарно-денежных отношений в этих районах. Об этом свидетельствует непрерывное увеличение количества ввозимого в Фергану хлеба и предметов широкого потребления, а также повышение цен почти на все товары.

Специализация сельского хозяйства и связанный с ней рост товарно-денежных отношений не ограничивались, однако, одними хлопковыми районами Ферганы, но охватили и значительную часть зерновых районов Узбекистана. В качестве основного района товарного зернового земледелия в начале XX в. выдвигается Самаркандская область. Здесь же складывается в этот период и мощное товарное плодоовощное хозяйство. Хлеб, плоды и овощи в больших количествах вывозились в Фергану, Бухару, Закаспийскую область и некоторые другие районы. Усиление сельскохозяйственной специализации в Самаркандской области привело к дальнейшему расширению поливных и неполивных площадей, занятых полеводством, и к резкому сокращению кормового фонда животноводства (пастбища, луга и т. д.), результатом чего явилось значительное сокращение животноводства в районах со специализированным сельским хозяйством. Только пастбищное экстенсивное животноводство в горных и пустынных районах сравнительно мало изменилось в результате специализации сельского хозяйства основных областей Узбекистана.

Процесс специализации сельского хозяйства в начале XX в. затронул также и некоторые части вассальных ханств, где развитию капиталистических отношений сильно препятствовало сохранение феодальных форм политического строя. Еще в 1900 г. удельный вес хлопчатника в посевной площади Хивы составлял 9%, а люцерны—7%;

в 1909 г. он уже повысился для каждой из названных культур до 16%. В 1900 г. излишки хлеба в ханстве исчислялись в 2 млн. пудов, а в 1909 г. никаких излишков уже не было. В частности, Хива вместо вывоза в Бухару своего хлеба, как это имело место в 1900 г., сама ввозила его в 1909 г. из той же Бухары. Аналогичный процесс специализации сельского хозяйства можно отметить и в Зарафшанском районе Бухарского ханства, где посевы хлопчатника составляли к 1909 г. уже около 25% всей посевной площади. В результате такой специализации в Зарафшанский район ввозился хлеб не только из соседних зерновых районов Бухары (например, из Кашкадарьинского района), но и из Самаркандской области.

На развитие специализированных сельскохозяйственных районов оказал влияние и рост городов, предъявлявших спрос на продукты питания и сельскохозяйственное сырье. За время с 1897 по 1913 г. общая численность населения Узбекистана в пределах основных его районов (без Хивы и Бухары) выросла на 25—30%. За тот же период городское население в тех же районах возросло на 50%. Наибольшая концентрация городского населения происходила в пределах современной Ташкентской области, где почти все городское население было сосредоточено в г. Ташкенте, и в Ферганской области, где оно было сконцентрировано в основном в 5 больших городах. Этот быстрый рост населения городов, однако, был мало связан с индустриализацией края. Темпы развития промышленности были более чем скромными, и значительная часть вновь создаваемых заводов (хлопкоочистительных) размещалась в сельских местностях. Рост городов Узбекистана был все еще связан главным образом с расширением транспортно-торговых операций.

Образование единого внутреннего рынка в Узбекистане. Образование специализированных хлопководческих и зерновых районов привело в Узбекистане, подобно тому, как это было ранее на севере России с льноводством, к возникновению обмена „...не только между земледелием и промышленностью..., но и к обмену между *разными видами торгового земледелия*[1]. Таким образом, в конце XIX и начале XX в. сельскохозяйственные районы Узбекистана постепенно утрачивали свою былую изолированность и все более вовлекались во взаимные торговые связи. Именно в период с конца XIX и начала XX в. началось образование в Узбекистане единого внутреннего рынка.

При колониальном характере народного хозяйства Узбекистана для ускорения образования единого внутреннего рынка большое значение имело расширение экономических связей с метрополией. Города Узбекистана, при слабом развитии их промышленности, не могли обеспечить далеко зашедшую специализацию сельского хозяйства страны. Их влияние на образование единого внутреннего рынка шло в основном по линии возникновения внутреннего спроса на продукцию сельского хозяйства; метрополия же не только являлась потребителем хлопка, фруктов, кож, шерсти и другого сырья Узбекистана, но и основным поставщиком промышленных товаров, а также и значительной части зерна.

Большое значение для образования единого внутреннего рынка имело также проводившееся в стране железнодорожное строительство и развитие пароходства на Аму-дарье. Появление относительно деше-

[1] В. И. Ленин. Соч. т. III, 1935, стр. 215.

вого транспорта для массовых грузов значительно облегчило установление тесных экономических связей между отдельными районами и вовлечение этих районов в общую экономическую жизнь страны. Сверх того, только появление новых видов транспорта сделало возможным огромное расширение экономических связей с метрополией. Известную роль в ускорении образования единого внутреннего рынка в Узбекистане сыграло и повышение во второй период темпов роста его промышленности. Образование промышленного пролетариата способствовало усилению товарности местного сельского хозяйства. В этом же направлении влиял и спрос самих предприятий на сельскохозяйственное сырье.

Финансирование хлопководства. Скупка хлопка, как и почти всех прочих продуктов сельского хозяйства, производилась путем выдачи производителю авансов под будущий урожай. Посредством финансирования скупки хлопка русский капитал стимулировал развитие хлопководства в Средней Азии. Можно констатировать некоторое участие иностранного капитала, главным образом французского, в тех банках, которые кредитовали закупку хлопка в Средней Азии. Но препятствия для проникновения в Среднюю Азию нерусского капитала, которые были созданы царским правительством, крайне затрудняли непосредственный выход иностранного капитала на среднеазиатский сырьевой рынок.

Торговый и торгово-ростовщический капитал находился в полном подчинении у банковского капитала. Об этой зависимости достаточно говорит уже тот факт, что от 80 до 90% средств на закупку хлопка торговые скупочные фирмы получали в форме кредитов под хлопок. Сверх того, банкам же принадлежало значительное количество паев и акций этих фирм.

В связи с такой ролью банков в системе финансирования скупки хлопка протекало и развитие кредитной системы в Средней Азии. Если до 1889 г. на весь Туркестан имелось лишь одно отделение Государственного банка, то в 1897 г. их было уже 5; в 1898 г. открылось первое отделение коммерческого банка; в 1901 г. их было уже 5, а в 1903 г., кроме 5 отделений Государственного банка, насчитывалось уже 9 отделений коммерческих банков. Для 1910 г. соответствующие цифры составляли 5 и 28 отделений, для 1912 г.—7 и 40 отделений.

Хлопкозаготовительные организации, получавшие из банков многомиллионные кредиты, не являлись, однако, последним звеном в системе финансирования непосредственных производителей хлопка. Опыт русских торговых фирм скоро доказал, что выдача задатков дехканам-хлопкоробам лишь тогда обеспечивала заготовку хлопка на выгодных для заготовителя условиях, когда наблюдение за использованием ссуд и их погашением находилось в руках местных людей. Во первых, в этом случае должник никуда не мог укрыться от своего соседа, а, во-вторых, сосед в случае нужды мог без особых формальностей присоединить к своему хозяйству землю должника, обеспечивавшую долг. Так возникла в Средней Азии профессия посредника, который получал от хлопкозаготовительной фирмы ссуды и затем от себя раздавал их дехканам-хлопкоробам под верное обеспечение и за ростовщические проценты (в год 20, 30, 50% и выше).

По отчету Кривошеина (1912 г.), „...Государственный банк оказывает кредит частным банкам и хлопковым фирмам на $6^1/_2$%, те от себя раздают задатки посредникам на 8—9%, а в конце концов хлопководу кредит обходится в 40 и 60%".

Фактически кредит стоил хлопководу значительно выше, поскольку он обычно выдавался наполовину принудительно навязываемыми то-

варами, которые зачислялись по сильно повышенной цене. В горячее же рабочее время хлопководу нужны были деньги, а не товары, которые он принимал вместо денег лишь в силу безвыходности своего положения. Получив дорогой и часто ему ненужный товар, дехкан должен был немедленно реализовать его, хотя бы за половину рыночной цены.

Выдаваемые хлопководам ссуды обеспечивались обычно закладными на землю и, сверх того, вексельными обязательствами. Таким образом, сумма долга, вздутая искусственным начислением повышенной цены на товар, обеспечивалась вдвойне и при случае могла быть взыскана вдвойне же, отдельно по каждому обеспечению.

Еще ревизия Гирса, произведенная в восьмидесятых годах, отмечала громадную роль ростовщического кредита в обнищании крестьянства Средней Азии. Основным правительственным мероприятием по борьбе с ростовщичеством была организация уездных ссудных касс и учреждений мелкого кредита. Все мероприятия правительства в этой области носили, однако, паллиативный характер и не могли хоть сколько-нибудь существенно изменить положения.

Незначительное место в сельскохозяйственном кредите в дореволюционной Средней Азии занимали и поземельные банки. До революции 1917 г. в Средней Азии функционировали лишь два отделения этих банков. Они выдавали ссуды только под недвижимое имущество стоимостью не ниже 5 тыс. рублей в городах и 3 тыс. рублей в сельских местностях. Таким образом, банковские ссуды могли быть получены только немногими крупными хозяйствами с юридически оформленной частной собственностью на землю.

Из всего сказанного ясно, что фактически до самой революции дехканство Узбекистана почти полностью оставалось во власти торгово-ростовщического капитала, который, через систему авансирования производителя-хлопкороба выжимал из своих жертв все соки. В результате дехкан-хлопкороб не только не имел возможности осуществлять расширенное воспроизводство, но и должен был отдавать эксплоататорам значительную часть своего необходимого труда, а также растрачивать основные свои фонды. Указанное обстоятельство объясняет причину неудачи так называемого русского „плантаторского" хлопководческого хозяйства, построенного на применении наемной рабочей силы для обработки хлопковых посевов. Даже при условии самого каторжного режима из рабочих нельзя было выкачать столько прибыли, сколько давал ростовщическому капиталу на своей или арендуемой земле „самостоятельный хозяин". Неудача „плантаторов" была вызвана также незначительностью капиталовложений в „плантации" и низким уровнем техники хлопководства. Сельскохозяйственная техника в Средней Азии до самой революции оставалась примерно на том же уровне, что и до завоевания страны русским царизмом. В очень ограниченных количествах усовершенствованные сельскохозяйственные орудия стали применяться в отдельных хозяйствах капиталистического типа лишь в последнее десятилетие перед первой мировой войной.

Рост капиталистических отношений и классовая диференциация в кишлаке. Закабаление основной массы дехканства ростовщиками приводило к значительному ускорению классовой диференциации в деревне. В деревне происходило, с одной стороны, образование крупного, на среднеазиатский масштаб, землевладения, а с другой,—процесс обезземеливания и разорения широких масс бедняцкого и середняцкого дехканства.

Выдавая задатки хлопководам, посредник-ростовщик, кроме векселей, отбирал обычно и документы на право владения всей землей должника. Если урожай не возмещал задатка с процентами, то у должника отбирался живой и мертвый инвентарь, а также и самая земля. Дехкан зачастую сам продавал свою землю, не до кидаясь захвата ее ростовщиком. И в том, и в другом случае земля попадала в руки местной торгово-ростовщической буржуазии. „В неудачный год,—говорится в отчете Кривошеина (1912 г.),—хлопковод обращается в неоплатного должника. При повторном неурожае он теряет за долги право собственности на свою землю и остается сидеть на ней уже как бы наемным рабочим бая". Далее: „При помощи различных закладных и векселей, местные баи сосредоточивают в своем владении значительные орошенные площади, получая их за бесценок по закладным при содействии народных судов. Есть туземные евреи и сарты, состояние которых оценивается уже многими сотнями и даже тысячами десятин, следовательно, миллионами рублей; и рядом с этим, в отдельных уездах Ферганской области и в Асхабадском уезде процент безземельных доходит до 30%. Очевидно, орошаемые земли быстро переходят из рук в руки".

О растущем разорении широких масс дехканского населения свидетельствовали также ежегодные данные о количестве исполнительных листов, предъявляемых судебным приставам для производства денежных взысканий.

На ускорение процессов классовой диференциации в кишлаке, начиная с девяностых годов, оказывала влияние и налоговая политика царского правительства. В период с 1895 по 1910 г. была осуществлена работа по составлению кадастров. В результате налоговое обложение резко повысилось. Для отдельных районов Ташкентского уезда это увеличение составило до 300%, для Самаркандской области—от 70 до 600% и т. д. Повышение налогового обложения сильно отразилось на маломощных и бедняцких хозяйствах, ускорив процесс их разорения и обезземеливания.

Процессы классовой диференциации в узбекском кишлаке протекали неодинаковыми темпами и отличались различной широтой охвата в различных районах. Раньше всего определились они в хлопковых районах страны, в первую очередь на юго-востоке Ферганы, где сравнительно рано сложились специализированные районы торгового хлопководства, а товарно-денежные отношения приобрели наиболее широкое развитие. В связи с этим в хлопковых районах Ферганы более быстрыми темпами происходил процесс обезземеливания. Здесь налоговое обложение носило особенно неравномерный характер и было тем более тягостно для населения. Все упомянутые процессы еще более усилились, когда в 1898 г. до Андижана была доведена железная дорога, соединившая эти районы через Красноводск с метрополией.

Исключительно тяжелым в этот период оказалось экономическое положение киргизов — кочевого населения юго-восточной Ферганы. Вытеснение хлопчатником зерновых культур из Ферганской долины в предгорья привело к сокращению здесь пастбищ и лугов, что резко ухудшило состояние кормовой базы животноводства. В том же направлении действовало изъятие лучших земель в предгорьях для нужд русской сельскохозяйственной колонизации, осуществлявшееся местной администрацией с конца XIX в. именно в этих районах.

Процесс роста капиталистических хозяйств, применявших наемную рабочую силу, усиливался целым рядом факторов: концентраци-

ей значительных капиталов и земли в руках отдельных хозяйств, снабжением арендаторов рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями и семенами. По данным ревизии Палена, в 1909 г. удельный вес хозяйств с наемным трудом и с докапиталистическими формами аренды был уже почти одинаков. К концу первой мировой войны удельный вес капиталистических хозяйств еще более повысился.

Рост капиталистических отношений в кишлаке проявлялся в быстром уменьшении числа середняцких хозяйств, с выделением на одном полюсе сельскохозяйственного пролетариата и безземельных хозяйств (число последних достигало 30% всех хозяйств), а на другом — крупных хозяйств с годовым валовым доходом в 15—40 тыс. рублей.

Рост капиталистических отношений в кишлаке отразился и на структуре промысловой деятельности сельского населения. До завоевания и в первый период после него в промысловой деятельности сельского населения значительную роль играли прядение и ткачество, а также металлообработка (главным образом производство сельскохозяйственных орудий). Во второй период на первое место среди сельских промыслов выделяется производство пищевых продуктов, деревообработка и т. д.; только 8% стоимости продукции падало на обработку хлопка. Так происходил процесс отделения промышленности от сельского хозяйства. Тем не менее в сельскохозяйственном производстве колониального Узбекистана капиталистические отношения не являлись ни ведущими, ни определяющими. Поэтому к колониальному Узбекистану в еще большей мере, чем к европейской части России, относились слова В. И. Ленина, что население России страдало одновременно „...и от капитализма и от недостаточного развития капитализма“[1]. Это положение ясно осознавалось и широкими кругами торгово-промышленной общественности. „Царя-капитала и общественной инициативы—вот чего недостает нашей окраине, да и всей нашей многострадальной родине, стиснутой в когтях жестокого режима“,—писала в 1907 г. газета „Русский Туркестан“

Устойчивость докапиталистических отношений в сельском хозяйстве Узбекистана объяснялась в первую очередь тем, что банковский и торговый капиталистический кредит, проходя через руки многочисленных посредников, доходил до непосредственного производителя уже в форме ростовщического кредита. Между тем, еще Маркс указал, что ростовщический капитал, высасывая из эксплоатируемого хозяйства все соки, в то же время не затрагивает самого способа производства. Он лишь „заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях“[2].

В результате рассмотренных выше процессов классовой дифференциации социальная структура узбекского кишлака ко времени Февральской революции 1917 г. отличалась значительной сложностью. Здесь одновременно существовали эксплоататорские группы и капиталистической и докапиталистической формации.

Эксплоататорские группы докапиталистического типа были представлены так называемыми баями, являвшимися обычно представителями торгово-ростовщического капитала, захватившими в результате посреднической деятельности в области заготовки хлопка и другого сельскохозяйственного сырья значительное количество земли. Иногда, впрочем, баи являлись и выходцами из родовой аристократии. Присвое-

[1] В. И. Ленин, Соч, т. III, 1935, стр. 469.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, 1938, стр. 527

ние прибавочного продукта баи осуществляли, как правило, путем сдачи в издольную аренду части своей земли издольщикам-чайрикорам — безземельным или малоземельным дехканам. От владельца земли чайрикор получал большей частью рабочий скот, семена и питание. Иногда чайрикор обрабатывал арендуемую землю своим скотом. В зависимости от различных условий аренды, чайрикор уплачивал владельцу земли до 80% валового сбора продукции урожая. По свидетельству внимательного наблюдателя местной жизни, еще в девяностых годах бывали случаи, напоминающие формы кабального холопства: так, по договору, составленному народным судьей, несколько человек, взявших у узбека-ростовщика ссуду в размере 91 рубля, обязывались служить у него в качестве работников и по окончании службы, срок которой не был указан, должны были уплатить кредитору взятую сумму. Тот же наблюдатель отмечал и другой характерный факт: проработав несколько лет у зажиточного хозяина, работник попросил у него ссуду для женитьбы. Хозяин купил ему жену, взяв обязательство служить у него вместе с женою без срока.

В качестве формы докапиталистической системы эксплоатации практиковалась сдача в аренду за известную долю урожая средств производства (рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и т. д.). Последняя форма эксплоатации часто прикрывалась договором о товариществе (ширкат). Такой договор формально заключали два хозяйства, из которых одно терпело недостаток в рабочей силе, а другое, обладая такой силой, не имело достаточного количества рабочего скота. В таких случаях члены товарищества—шарики соединялись для совместной обработки своих земель, при чем как расход, так и доход делились пополам. Наиболее же распространенной формой товарищества являлось объединение рабочего скота обоих шариков для составления парной воловьей упряжки (кош), при помощи которой обработка земель обоих хозяйств или производилась сообща, или же каждый из товарищей пользовался упряжкой по очереди, при условии обработки площади земли в равных размерах.

Рост капиталистических отношений в деревне привел к появлению в кишлаке эксплоататоров иного типа, чем бай. С начала девяностых годов все большую роль в узбекской деревне начинает играть капиталист-кулак, в хозяйстве которого присвоение прибавочного продукта происходило в основном уже путем эксплоатации наемного рабочего. Капиталистический характер кулацкого хозяйства проявляется наиболее отчетливо в тех случаях, когда хозяйство обрабатывало свои земли при помощи сроковых или сезонных рабочих, привлекая к работе поденных рабочих—мардикоров лишь в моменты наиболее острой потребности в рабочей силе. При использовании в хозяйстве труда мардикоров часть земли землевладелец обычно сдавал в аренду чайрикорам.

Накопление значительных средств в руках сельской буржуазии зачастую приводило в дальнейшем к использованию этих средств в более широких масштабах в области торговли и промышленности. Таким путем, как правило, образовались крупные предприятия местной буржуазии, вроде бухарских фирм Ходжаева, Арабова (торговля каракулем), ташкентских Сали Ягчи (маслобойное производство) и Тюряходжаева (кожевенные предприятия). Некоторые из представителей местной буржуазии располагали миллионными состояниями. Так, например, фирма бр. Вадьяевых владела несколькими десятками собственных и арендованных хлопкоочистительных заводов, а еже-

годные операции фирмы Ходжаева по скупке каракуля исчислялись цифрой свыше миллиона рублей. Наибольший удельный вес местная буржуазия имела в области хлопковой и маслобойной промышленности и в заготовках сырья (хлопка каракуля, шелка и т. д.).

Промышленность. Несмотря на то, что по абсолютным размерам рост промышленной продукции Узбекистана и во второй период был сравнительно невелик, темпы этого роста стали значительно более быстрыми. За весь первый период (с 1865 по 1900 г.) на территории трех областей (Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской) было открыто всего 170 промышленных заведений. За 10 лет (с 1900 по 1910) г. их было открыто около 220, а за четыре года (с 1910 по 1914) г.—около 180. Только за время с 1908 по 1913 г. стоимость промышленной продукции Ферганской области выросла на 69%, а Самаркандской—на 74%.

Колониальный характер дореволюционной промышленности Узбекистана резко выступает при сопоставлении размеров продукции отдельных отраслей ее. По данным 1913 г., почти 80% всей валовой промышленной продукции падало на первичную обработку хлопка-сырца, перевозка которого по железной дороге в метрополию в необработанном виде была бы крайне невыгодной. Около 15% продукции приходилось на пищевкусовую промышленность, маслобойную, связанную с переработкой хлопкового семени, и переработку прочего сельскохозяйственного сырья, и только 5% падало на прочие отрасли промышленности.

Среднегодовая численность рабочих цензовой промышленности и железнодорожных мастерских Узбекистана в 1913 г. не превышала 18 тыс. человек. Значительно больший удельный вес в составе населения Средней Азии имели ремесленники. По стоимости же производимой продукции ремесленное производство имело гораздо меньшее значение, давая в том же 1913 г. лишь около 22% всей промышленной продукции Средней Азии. Но если отбросить объем продукции отраслей, перерабатывающих хлопковое сырье, то в производстве отдельных видов продукции ремесленное производство имело даже несколько больший удельный вес, чем фабрично-заводское.

Характерной особенностью фабрично-заводской промышленности Средней Азии являлись очень небольшие размеры предприятий (по количеству рабочих и по стоимости продукции), а также их крайне низкий технический уровень. Следует также отметить, что хлопкоочистительные заводы совмещали здесь торгово-скупочные операции с чисто производственными.

Накануне революции 1917 г. в узбекской промышленности появилась тенденция к укрупнению предприятий и их концентрации; делались также попытки объединить в одних руках все стадии закупки и обработки хлопкового сырья. Концентрация производства особенно была заметна в маслобойной промышленности, где производственный процесс продолжался круглый год и где самые размеры производства были наиболее значительными. К числу таких крупных объединений маслобойной и хлопкоочистительной промышленности Средней Азии принадлежали, например, возникшие в 1913 г. товарищества Андреевское и „Бешбош". Первое из этих товариществ владело 5 крупными маслобойными заводами, оборудованными 39 прессами; у второго было 4 завода с 27 прессами. Эти два товарищества скупали от 60 до 7 % всех хлопковых семян, поступавших на рынок Средней Азии. В дальнейшем они объединились также и с некоторыми мыловаренно-жировыми и хлопкоочистительными предприятиями.

Частное железнодорожное строительство. В это же время в Узбекистане начинается частное железнодорожное строительство. Первая частная дорога была построена в Фергане в 1910—1911 г. и связала Коканд с Наманганом; вторая, разрешенная к постройке в 1913 г., продолжала этот путь от Намангана до Джалалабада. Наконец, в 1913 г. был утвержден устав Бухарской железной дороги. Эта линия должна была итти от Кагана (Новая Бухара) через Карши на Термез, с ветками от Карши на Гузар и Китаб. Сверх того, в Фергане было проведено еще несколько мелких ответвлений от уже существовавших магистралей. Все эти дороги были построены только благодаря правительственной гарантии.

Общая протяженность частных железнодорожных линий по сравнению с казенными была крайне невелика.

Состав и положение рабочего класса в Узбекистане. Как колониальная страна, зависимая от метрополии, Средняя Азия была страной отсталой, аграрной. Она являлась лишь сырьевым придатком российской промышленности, поэтому процессы формирования пролетариата протекали здесь крайне медленно.

Процессы пауперизации преобладали здесь над процессами „пролетаризации: разорившиеся кустари и ремесленники не могли втянуться в фабрично-заводскую промышленность, поскольку последняя развивалась крайне медленно. Массы разорившихся бедняков шли в кабалу к баям, нищенствовали, питались от случайных заработков, нанимались на короткие сроки чернорабочими и поденщиками.

Даже хлопкоочистительные заводы были преимущественно мелкими предприятиями: в среднем на одном заводе работало 35 рабочих; лишь на некоторых заводах число их достигало 100—140 человек. Основную массу рабочего класса в Туркестане составляли железнодорожники. В некоторых железнодорожных мастерских работало до 800—1000 человек. Среди железнодорожников были рабочие и местных коренных национальностей, наряду с приезжими рабочими из Центральной России. Особенно велика была доля участия местных национальностей в постройке железнодорожной линии от Самарканда до Ташкента. После окончания строительства дороги они оставались на службе пути стрелочниками, станционными сторожами, старшими дорожными рабочими, чернорабочими.

Условия труда в промышленности были чрезвычайно тяжелы. Рабочий день длился 17—18 часов. Охрана труда отсутствовала. Заработная плата была чрезвычайно низка. Полицеймейстер города Ташкента в августе 1904 г. приводил данные о средней поденной зарплате: 1) мальчик от 12 до 15 лет получал в сутки от 15 до 20 коп; 2) подросток—от 30 до 50 коп; 3) взрослый—от 60 коп. до 1 руб.; 4) женщины—от 35 до 60 коп. Большая часть железнодорожных рабочих оплачивалась поденно; это позволяло администрации держать их под постоянным страхом увольнения. Положение местных рабочих было еще тяжелее; их заработная плата была в полтора раза меньше оплаты русских, хотя они выполняли ту же самую работу, что и русские. На каменноугольных копях, например, рабочий „сарт" получал 80 коп. за работу, за выполнение которой русский получал 1 руб. 50 коп. Обращение с рабочими коренных национальностей было особенно грубое; их избивали, обсчитывали при расчетах, лишали праздничного отдыха. Ревизия сенатора Палена признала, что положение рабочих из местных национальностей было гораздо тяжелее положения русских рабочих.

Все это ослабляло рабочий класс и давало возможность предпринимателям применять жестокие формы эксплоатации. Тяжелое положение рабочего класса в Узбекистане была вынуждена констатировать даже царская администрация в своих отчетах центральной власти.

Ремесла. Наряду с развитием фабрично заводской промышленности не утратили своего значения для хозяйства страны и ремесла.

Развитие капиталистических отношений выразилось в повышении тозарности всего хозяйства, что вело к некоторому повышению покупательной способности населения и имело своим результатом увеличение спроса не только на фабричные товары, но и на изделия ремесленников, которые или сбывались на месте или вывозились в другие, нередко отдаленные районы.

Примером развития связей между отдельными областями служит изготовление в начале XX в. бумажных тканей определенной расцветки и узора специально для Туркмении. Вывоз этих тканей был настолько значительным, что послужил одной из причин процветания ткацкого промысла в Самарканде в начале XX в. Кроме того, развитие торговых связей как между Туркестаном и Россией, так и между отдельными областями края, приведшее к выделению многочисленных представителей национальной торговой буржуазии, вызвало появление бового широкого спроса на продукцию местных ремесел в ее наиболее ногатом и роскошном ассортименте.

Крупные и мелкие баи и торговцы соперничали друг с другом в демонстрации своего благосостояния богатством одежды и роскошью убранства своих домов.

Установившиеся между высшими слоями местного общества и русской администрацией связи и отношения также дали новые точки приложения сил местных ремесленников, которым заказывались роскошные вещи в „восточном" стиле для подарков русским чиновникам, купцам и самому царю. Последнему, например, в большом количестве посылались кустарные ткани, в особенности бархат и вышивки. Из последних особую популярность среди русских получила так называемая „ковровая вышивка" (вышивка крестом), производившаяся в Шахрисябзе, особенно в виде громадных „дастарханов" (скатерть), выполнявшихся вышивальщицами по заказу чиновников бухарского эмира специально для таких подарков. Русским спросом было вызвано также появление производства в Самарканде прекрасных шелковых покрывал, орнаментованных сложными многоцветными узорами. Такие покрывала не вырабатывались раньше, и сначала их изготовляли исключительно для вывоза в Москву. Лишь несколько позже они вошли также в домашний обиход местных богачей.

Однако наряду с моментами, вызывавшими оживление некоторых видов ремесленной промышленности, другие отрасли ее переживали глубокий упадок.

Совершенно потеряла всякое значение горнодобывающая и частично металлообрабатывающая кустарная промышленность. Первая в Узбекистане почти совершенно прекратилась, вторая ограничилась производством из привозного металла тех изделий, которые были связаны с местным бытом и не изготовлялись заводами,— кетмени, теши, лемехи для омачей и др. Конкуренция завозимых в край фабричных товаров тяжело отразилась на текстильных и керамических ремеслах. Обильно завозимые в край фабричные ткани почти вытеснили из обихода городского населения бумажные ткани местного

производства, при наличии в сельских местностях спроса исключительно на низкие и грубые сорта (калями).

Не менее губительно отозвалась конкуренция фабричных товаров и на производстве высокосортной посуды—как медной, украшенной чеканкой, так и расписной керамической,—которая была в значительной степени вытеснена из местного быта фарфоровыми изделиями русских фабрик, выпускавших посуду, отвечавшую требованиям местного быта и вкусам народа. Прежнее значение сохранила лишь выработка дешевой грубои глиняной посуды, не испытывавшей конкуренции фабричных изделий.

В тех отраслях ремесленной промышленности, которые производили товары, находившие широкий сбыт и имевшие перспективы дальнейшего расширения, наблюдается образование сравнительно крупных мастерских. Организация некоторых из них имела старую традиционную форму: это была мастерская, во главе которой стоял мастер—хозяин сам принимавший непосредственное участие в производстве вместе с членами своей семьи и наемными мастерами—хальфа, жившими у него в доме. Однако, несмотря на некоторое увеличение в колониальный период числа хальфа в отдельных, наиболее крупных мастерских, оно все же было невелико. В Самарканде самым крупным предприятием такого типа была мастерская Мир-Азима, в которой работало 12 станков, при чем пять из них обслуживалось членами его семьи. Стремление к сохранению более крупных, размеров производства (что было более выгодным и при покупке сырья, и при сбыте изделий и позволяло уменьшить в то же время накладные расходы) заставляло семьи ремесленников воздерживаться от разделов. Именно в этих кругах встречались семьи, приближавшиеся к типу „большой семьи".

Некоторое укрупнение размеров производства несомненно, являвшееся шагом к образованию мануфактуры, пошло значительно дальше в Бухаре. Там имелся, правда, единичный, пример мастерской, объединявшей под своей крышей до четырех десятков станков, на которых работали хальфа.

Однако укрупнение кустарных предприятий в основном шло не по этой линии. Наряду с описанной выше традиционной организацией производства в ремесле, идущей из средневековья, в течение колониального периода развивались предприятия, обслуживаемые рабочими на дому, что характерно для начальных этапов развития капитализма. Основой для этой новой формы организации ремесла являлся процесс расслоения массы ремесленников, из среды которых выделялись, с одной стороны, крупные мастера-предприниматели (устокоры), а с другой—работавшие на них наемные мастера, которые получали от хозяина сырье и перерабатывали его у себя дома, на своих станках, получая сдельную заработную плату. Это — бывшие самостоятельные мастера-одиночки, которым в новых усложнившихся условиях было не под силу конкурировать своими изделиями с продукцией предприятий оборотистых устокоров. Превращение их в наемных рабочих приняло, начиная с конца XIX в., массовый характер. Роль устокоров за этот период не была неизменной. Вначале устокоры принимали непосредственно участие в производстве, выполняя самые ответственные его процессы. В ткачестве на них лежала обязанность окраски пряжи и основы, что, при изготовлении основного ассортимента местных тканей — в полосатый узор, — означало и все художественное их оформление. Как рабочим-хальфа, так и рабочим на дому устокор давал уже готовую основу, и на их долю приходилась лишь под-

готовка утка и самое тканье. Однако вскоре роль устокора изменилась. В связи с укрупнением предприятий участие устокора ограничивалось организацией закупки сырья и сбыта продукции, а его роль в производстве переходила к кому-нибудь из членов его семьи или к самому квалифицированному из живших у него в доме хальфа.

Новые формы организации ремесленных предприятий ярче всего обнаруживались в ткацких ремеслах, меньше — в набоечном и еще меньше — в гончарном.

Переход к капиталистическим отношениям в ремеслах был особенно тяжел в условиях Узбекистана, так как он не сопровождался здесь прогрессом в технике, вследствие чего ускорение производства могло итти лишь за счет удлинения рабочего дня. Тяжесть капиталистической эксплоатации в наибольшей степени испытывали на себе рабочие на дому. Их положение не оставляло им даже иллюзии той патриархальности отношений, которая существовала некогда между мастером и хальфой. Кроме того, она обозначала вовлечение в производство и всех членов семьи работника, что, при необычайно низкой тогда оплате женского труда, давало мастеру самый незначительный дополнительный доход, в то же время значительно ухудшая его бытовые условия. Положение таких рабочих нашло отражение в фольклоре. Приводимая ниже песенка вырвалась из самого сердца рабочего-надомника, истерзанного непосильным трудом и нуждой.

„Сердечко мое в желчь превратилось
от разговоров о ткачестве.
Глазыньки мои слезами полны от связыванья
рвущихся нитей основы.
С рассвета до вечера, сидя в яме, нажимаю
я на педали станка.
Согнулся стан мой под тяжестью дел и забот.
Целый день до вечера ходит челнок к моей
груди и обратно,
С вечера до ночи ворчит моя бедная старуха,
А на рассвете устокор уже стучится в ворота.
Как у больного, пожелтело лицо мое
под тяжестью этого рабства".

Влияние первой мировой войны на сельское хозяйство Узбекистана. Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война привела к дальнейшему резкому ухудшению экономического положения дехканства и к ускорению классовой диференциации в кишлаке, особенно в хлопковых районах.

В результате мировой войны в России значительно увеличилась потребность в хлопке, между тем импорт его сокращался по ряду причин (валютные затруднения, рост цен на хлопок за границей и т. д.). Прямым следствием этого были мероприятия правительства, направленные на расширение посевной площади под хлопчатник в Средней Азии. С 275 тыс. десятин в 1913 г. эта площадь выросла в 1916 г. до 343 тыс. десятин, т. е. увеличилась на 20%.

Помимо возрастания числа дехкан, эксплоатируемых ростовщиками-заготовителями хлопка, в рассматриваемый период усилилась и самая тяжесть эксплоатации. Опутанные долговой кабалой по авансам под хлопок, дехкане были вынуждены все более увеличивать удельный вес хлопчатника в своих посевах, доводя его в отдельных случаях до 70% и выше. В этих условиях влияние рынка на эконо-

мику сельского хозяйства резко усилилось. Между тем с начала мировой войны соотношение рыночных цен значительно изменилось в невыгодную для хлопководческого хозяйства сторону. Заготовительные цены на хлопок были регламентированы царским правительством и с 1913 по 1916 г. повысились всего на 50%, тогда как цены на продовольственные продукты и предметы первой необходимости за то же время поднялись в два-три раза и более, главным образом под влиянием уменьшения ввоза этих продуктов из метрополии в силу транспортной разрухи.

Таким образом, экономическое положение дехкан-хлопкоробов уже к 1916 г. стало исключительно тяжелым. Наблюдалось стремление дехкан за счет хлопка расширить посевную площадь под продовольственные культуры. Правительство всеми мерами боролось с этими тенденциями, но далеко не всегда удачно.

Ухудшению экономического положения населения способствовало и значительное усиление налогового обложения, а также всевозможные сборы, якобы в пользу армии, проводившиеся местной администрацией и в значительной степени ею самою и присваиваемые.

Крайне усилился в этот период и национальный гнет, которому подвергалось местное коренное население.

Общие выводы по второму периоду. В начале XX в. происходило значительное укрепление и расширение экономических связей Узбекистана с Россией, в первую очередь в результате железнодорожного строительства и усиления заинтересованности метрополии в среднеазиатском рынке. В товарообороте России со Средней Азией на первый план выдвинулись в этот период проблемы вывоза сырья, особенно хлопка. В вывозе из России в Узбекистан, наряду с промышленной продукцией метрополии, все большую роль стали играть хлебные грузы. Рост удельного веса последних был следствием железнодорожного строительства, образования специализированных сельскохозяйственных районов в Узбекистане, увеличения численности городского населения.

В то же время народное хозяйство Узбекистана стало развиваться под знаком активного вмешательства финансового капитала в сельскохозяйственное производство, главным образом, путем системы целевого кредита банков. Результатом такого вмешательства было образование специализированных сельскохозяйственных районов, удовлетворявших потребность метрополии в сырье. В этот период стала быстро расти товарность сельского хозяйства и образовался единый внутренний рынок страны. Усиливался также процесс классовой диференциации в деревне. В промышленности ведущая роль в этом периоде стала принадлежать уже капиталистическим предприятиям.

Однако, поскольку господствовавшие в сельском хозяйстве методы ростовщического кредита не затрагивали существовавшего способа производства, ведущую роль в экономике сельского хозяйства Узбекистана до самой революции 1917 г. продолжали сохранять различные формы феодальной аренды.

Попытки царского правительства насадить на новоорошаемых землях в коренных областях Узбекистана кулацкие хозяйства из русских переселенцев и попытки финансового капитала создать на тех же землях капиталистические фермерские и плантационные хозяйства не увенчались успехом.

Из всего сказанного явствует, что особенностью развития народного хозяйства Узбекистана в колониальный период являлась необхо-

димость преодолевать, в процессе развития капиталистических отношений, целый ряд барьеров, созданных экономической политикой царского правительства в Средней Азии. В результате этой политики население Узбекистана в еще большей степени, чем население центральных районов Российской империи, страдало „... и от капитализма и от недостаточного развития капитализма"[1].

Однако, рассматривая колониальный период истории Узбекистана с точки зрения развития производительных сил страны, можно отметить за эти годы существенные изменения почти во всех областях народного хозяйства: развитие железнодорожного строительства, создание промышленных предприятий по первичной обработке хлопка и другого промышленного сырья, строительство ряда предприятий горной промышленности, значительный рост населения страны, увеличение посевных площадей.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, 1937. стр. 469.

ГЛАВА XI

КУЛЬТУРА И БЫТ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Народы Узбекистана являются обладателями древней и высокой земледельческой и городской культуры, имеющей многотысячелетнюю историю развития.

В области материального производства, особенно земледелия, ирригации, ремесла, искусства и духовной культуры, народы Узбекистана, находившиеся в постоянном экономическом и культурном общении с близкими и отдаленными соседями, достигли высокого развития. Они являются создателями замечательной ирригационной системы; в ткачестве, гончарном производстве, резьбе по дереву, в изготовлении предметов из металла среднеазиатские мастера-ремесленники дали прекрасные образцы прикладного искусства; произведения среднеазиатских зодчих соперничают с прекраснейшими памятниками мировой архитектуры; не менее значительным был вклад народов Узбекистана в мировую культуру и в области науки и литературы: достаточно вспомнить такие имена, как Авиценна (Али-ибн-Сина), Улугбек, Рудаки, Алишер Навои, которые известны далеко за пределами Средней Азии.

Однако исторические условия жизни народов Средней Азии, обусловившие в течение ряда столетий замедление темпов развития производительных сил и культуры, не дали им возможности выйти за рамки феодальных отношений и феодальных форм культуры и быта, сохранившихся почти в полной неприкосновенности вплоть до подчинения страны русскому царизму. В течение колониального периода, под влиянием культуры русского народа, произошли большие изменения во всех областях как материального, так и духовного быта, тем не менее древние феодальные устои прочно сохраняли свои позиции, с трудом уступая место новым веяниям и идеям, в чем немалую роль сыграла местная феодальная верхушка, реакционное мусульманское духовенство, а также и сам русский царизм, задерживавший экономическое и культурное развитие своей колонии. В быту и культуре народов Узбекистана в колониальный период сохранилось много пережитков верований, обрядов и обычаев, уходящих своими корнями в древние времена первобытных отношений.

Русское царское правительство не было заинтересовано в ломке традиционных форм быта населения; не были способны сделать это и нарождавшиеся в то время круги местной буржуазии и буржуазной интеллигенции и слишком еще слабый местный промышленный пролетариат.

Только благодаря победе социалистической революции и советскому государственному строю узбекский народ был освобожден от феодальных оков и в результате подлинной культурной революции, происшедшей в советское время, добился величайших достижений в развитии своей культуры и в перестройке старого отсталого быта.

§ 1. НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ЗАНЯТИЯ

Этнический состав населения. К моменту русского завоевания Средней Азии процесс сложения современных среднеазиатских народов во многих отношениях еще не был завершен. В частности, современный узбекский народ окончательно оформился в нацию только в результате Октябрьской Социалистической революции. Население современной территории Узбекистана во второй половине XIX в было сложным по своему составу вследствие многовековых напластований и ассимиляций тюркских, монгольских, иранских и других этнических элементов.

В этот период среди узбекского народа еще были сильны племенные и родовые деления, восходящие к XV—XVI вв.

К числу вероятных потомков наиболее древней тюркской части населения Узбекистана можно отнести такие узбекские племена, как тюрк, локай, туркмен, карлук, уйгур и другие.

Основным местом поселения многочисленного племени тюрк были некоторые местности восточной части Бухарского эмирата; обитало оно также в Самаркандской области и в Фергане. Это племя, поселившееся на территории Мавераннахра, вероятно, задолго до Шейбани-хана, впитало, как можно полагать, после XIII в. в свой состав некоторые монгольские элементы, а также местные таджикские элементы.

Племя локай, многочисленное и сплоченное, обитало в колониальный период главным образом вне современного Узбекистана, на территории Дюшамбинского и Кулябского вилайетов Бухарского ханства.

Племя карлук, также очень значительное по численности, обитало большей частью на территории северного Афганистана и в меньшем числе в пределах Бухарского ханства, ведя полукочевой образ жизни. Существуют предположения, что карлуки—одно из тех тюркских племен, которым приписывается наиболее значительная роль в тюркизации древнего согдийского населения Мавераннахра.

Племя туркмен, заселявшее главным образом Нуратинские горы, в основе своей восходит к древним огузам, обитавшим в IX в. на берегах Сыр-дарьи и переселившимся отсюда в Хорасан и в Малую Азию. Народное предание считает нуратинских туркмен группой, отставшей от основного потока огузов, ушедших на запад. На протяжении веков эта группа обросла некоторыми другими тюрко-монгольскими элементами, сохранив при этом еще и в начале XX в. традиции родо-племенного деления и пережитки кочевого хозяйства.

Племя уйгур, очень малочисленное, сохранило, вероятно, в своем названии имя древнего народа уйгуров и обитало на территории как Хивинского ханства, так и Бухарского эмирата.

Наряду с этими остатками древних тюркских племен и родов, сохранившими некоторую обособленность, значительная часть тюркских племен на протяжении длительного периода ассимилировала местное согдийское оседлое население и составила вместе с ним основную массу оседлого тюркоязычного городского и сельского населения Узбекистана. В момент русского завоевания и в колониальный период оно заселяло города и крупные селения Сырдарьинской области, Ферганы, Самаркандской области, а также Зарафшанский, Кашкадарьинский, Ширабадский и Сурхандарьинский оазисы Бухарского эмирата и южную часть Хивинского ханства. Никаких представлений

о былом родо-племенном делении у этой части населения не сохранилось.

Чрезвычайно многочисленными в составе современного узбекского народа являлись тюркские и тюрко-монгольские племена и роды, влившиеся на территорию Мавераннахра из Дешти-кипчака в XIII в. с войсками Чингиз-хана и позже с Шейбани-ханом. Последние из них принесли с собой имя „узбек", давшее название современному узбекскому народу. Потеснив старые тюркские племена, задолго до того поселившиеся в Мавераннахре, а также оседлое население страны, они расселились в плодородных оазисах, главным образом вне больших городов, на обширной территории по Зарафшану, Кашка-дарье, Сурхандарье, в северной части Хивинского ханства и в Ферганской долине.

Места расселения всех узбекских племен, которых, по преданию, насчитывалось 92, пока точно не установлены. Есть основания полагать, что еще до середины XIX в., в связи с переходом к оседлости, уже получил сильное развитие процесс расчленения племен; это выразилось прежде всего при их территориальной разобщенности.

Самым многочисленным и сильным племенем были м а н г ы т ы. В Бухарском эмирате они жили по Зарафшану, в Бухарском оазисе, на Амударье, около современного Чарджоу и по Кашка-дарье; в Хивинском ханстве они обитали в северной его части. В момент царского завоевания часть мангытов на Зарафшане вела еще кочевой образ жизни. Подавляющее же большинство уже осело на землю. Процесс оседания продолжался и в течение колониального периода. Племя мангыт делилось на 24 рода, сохранив при этом древнюю тюркскую традицию.

Другим столь же многочисленным племенем узбеков было племя к у н г р а т, являвшееся, как и многие другие узбекские племена, не кровно-родственной группой, а союзом осколков ряда племен и родов, главным образом тюркского и монгольского происхождения. Оформление кунгратского союза, судя по имеющимся данным, произошло в Хорезме, где кунграты жили еще до Шейбани-хана. Часть племени кунгрsuperscript, жившая в Бухарском эмирате, была еще более многочисленной. Кунграты вошли также в состав каракалпаков, поселившихся в дельте Аму-дарьи.

Племя к е н е г е с почти целиком обитало в Шахрисябзском вилайете Бухарского эмирата. По преданию, кенегесы являлись выходцами из мангытов, но находились с последними в постоянной вражде.

Очень многочисленным было племя с а р а й, сосредоточившееся большими массивами в Бухарском оазисе и в некоторых частях Кермининского оазиса, в предгорьях Самаркандских гор, в Каршинском оазисе и в других местах.

Племя н а й м а н тюркско-монгольского происхождения вошло в состав не только узбеков, но также казахов и киргизов. Основным местом поселения найманов были районы в долине Зарафшана, в Бухарском и Кермининском оазисах, а также в районе Катта-кургана, Джизака и Самарканда.

Многочисленное племя к и п ч а к являлось одним из важнейших элементов, которые вошли в состав всех основных тюркоязычных народов Средней Азии: узбеков, казахов, каракалпаков и киргизов. Особенно многочисленные в Ферганской долине, кипчаки играли весьма заметную роль в истории Кокандского ханства.

Переход узбекских племен к оседлости и земледелию не изжил сразу традиций кочевого быта. Значительная часть узбеков, проводя зимнее время в кишлаках, на лето перебиралась на летовки. Послед-

нее практиковалось главным образом зажиточным слоем узбекского населения, в руках которого был сосредоточен скот. На землю оседала в первую очередь беднота. Но даже и в этой группе узбеков сказывались традиции кочевого быта. Обычай перехода на жительство в летнее время в кочевое жилище кара-уй (юрту) держался у оседлых узбеков очень прочно. Кара-уй ставился в саду, на бахче или тут же во дворе, рядом с зимним помещением.

Патриархально-родовые пережитки в колониальный период сказывались в сохранении общинного землеводопользования и иногда в брачной замкнутости.

Таджики на территории современного Узбекистана жили в некоторых городах (Самарканд, Бухара), в селениях Бухарского оазиса, Самаркандской и Ферганской областей, в Нуратинских горах, в горах Байсун-тау, по притокам Сурхан-дарьи, по Кашка-дарье, в районах Шахрисябза и Китаба. Вне городов сплошное таджикское население встречалось преимущественно в предгорьях и горных местностях; на равнинах таджикские кишлаки были разбросаны отдельными островками.

Процесс ассимиляции народов тюркского и иранского происхождения в Средней Азии имел место не только в древности, а продолжался непрерывно и в дальнейшем, до XX в. включительно, выражаясь главным образом в форме тюркизации таджикского населения, утрачивавшего постепенно таджикский язык. В отдельных случаях происходил и обратный процесс—таджикизации тюркского населения.

На территории занимаемой современным Узбекистаном, на протяжении столетий поселилось довольно большое количество родовых групп из числа соседних среднеазиатских народов—каракалпаков, туркмен, казахов.

Основным местом поселения каракалпаков являлось правобережье низовьев Аму-дарьи. В колониальный период эта территория входила в состав Амударьинского отдела Сырдарьинской области. Здесь обитала основная часть каракалпаков. Они жили оседло, занимаясь земледелием, скотоводством, разводя главным образом крупный рогатый скот и промышляя отчасти рыбной ловлей. У них крепки были пережитки патриархально-родового быта. Они делились на две крупные группы—кунграт и он-торт-уруг, подразделявшиеся в свою очередь на ряд мелких родов. Роды каракалпаков и узбеков—очень часто носили общие названия, как, напр., кунграт, мангыт, кенегес, хитай, канглы, кипчак и другие, что свидетельствует о происхождении этих народов из одних и тех же племен и народностей, населявших Дешти-кипчак. Значительные группы разных каракалпакских родов обитали в Ферганской долине, в районах Ташкента и Самарканда.

Туркмены на протяжении почти целого тысячелетия являлись непосредственными соседями Мавераннахра и нередко принимали непосредственное участие в целом ряде исторических событий, происходивших на его территории, в особенности в Хорезме. Это создало возможность для проникновения на территорию современного Узбекистана осколков некоторых туркменских племен, кроме отмеченного выше племени „туркмен", которое входило в состав узбекских племен. На территории, занимаемой современным Узбекистаном вплоть до Ташкентской области, было разбросано довольно много селений туркмен—выходцев из Туркмении. Они сохраняли воспоминание о своей принадлежности к определенным туркменским родам, однако по своим культурным навыкам, внешнему облику и языку они уже почти не отличались от окружающего узбекского населения.

Казахи составляли весьма многочисленную группу населения. На территории современного Узбекистана они кочевали на обширных пустынных и степных пространствах, прилегающих с севера к земледельческим оазисам среднеазиатских ханств, от берегов Аму-дарьи и Каспийского моря до Сыр-дарьи, и на севере современной Ташкентской области. Из всех среднеазиатских народов казахи в наибольшей степени сохранили связь со скотоводством и бытовой уклад кочевого народа.

Однако еще до начала колониального периода у казахов уже наблюдалась тенденция к оседанию на землю.

Выходцы из отдельных казахских родов проникали в ряд районов Бухарского ханства, на территорию современных Самаркандской, Бухарской и Ташкентской областей, а также в Хорезм, получая здесь на разных условиях определенные территории и совмещая скотоводство с земледелием.

Непосредственное длительное соседство с оседлыми народами среднеазиатских ханств привело к тесным экономическим и культурным связям между ними. Группы „чаля-казак", „чаля-казак-сарт", „чаля-казак-киргиз" и т. п., обитавшие на территории Сырдарьинской области, обязаны своим происхождением смешению казахов с узбеками и другими среднеазиатскими народами.

Результатом такого же, только более раннего, слияния казахов с узбеками на территории Сырдарьинской области является тюркоязычная группа населения, называемая курамой, обитавшая главным образом в Сырдарьинской области по Ангрену. Еще в недавнем прошлом, в конце XIX в., у кураминцев были живы воспоминания о родовом делении; позже они полностью утратились. Кроме Сырдарьинской области, группы кураминцев обитали в Бухарском ханстве, на Аму-дарье, между городами Керки и Бурдалыком.

Киргизы, основная масса которых жила в горах современной КирССР, заселяли также горные части Ферганской области и обитали частично в Ходжентском, Джизакском и Ташкентском уездах, где часть их постепенно оседала на землю, превращаясь в полукочевое население.

В составе населения Узбекистана с давних пор обитало несколько изолированных групп населения, попавших на территорию Средней Азии при разных исторических обстоятельствах, большей частью недостаточно еще выясненных.

На территории Самаркандской области и в Бухаре обитали группы ирани (или марви), — потомков жителей Мерва, переселенных на территорию Бухарского ханства при эмире Шах-Мураде. Ирани остались шиитами; этим, повидимому, объясняется то, что они почти не смешивались с таджиками. К ираноязычной группе населения относились местные цыгане. Местом их обитания были Ферганская долина и некоторые районы Самаркандской и Сырдарьинской областей, а также территория Бухарского эмирата. Они делились на несколько групп: мазанг, люли, джуги. Родным языком их был особый таджикский говор, называемый „мультани" или „афгани". По образу жизни среди цыган были группы оседлые и бродячие. Оседлые цыгане именовались иногда по роду занятий заргар (золотых дел мастера), касагаран (мастера, изготовляющие чашки). Основным занятием их были мелкие ремесла—тканье женских покрывал из конского волоса, выделка сит, деревянной посуды, ложек, лопат, мелких ювелирных изделий. Цыгане же, особенно бродячие, занимались барышничеством, дрессировкой животных (медведей, коз), разведением местной породы борзых собак (тази), а женщины занимались гаданьем и нищенствовали.

Уйгуры (кашгарлыки и таранчи, по старой терминологии)—выходцы из Восточного Туркестана—иммигрировали в силу причин политического характера или переселились из Кашгара в Ферганскую долину в качестве сезонных рабочих и остались на новых местах в восточной части Ферганы, где и ассимилировались с местным узбекским населением, сохраняя лишь некоторые особенности говора.

К группе семитических народов относились арабы и местные евреи.

Арабы составляли довольно многочисленную группу населения, разбросанную по всему Узбекистану. Особенно крупные кишлаки, заселенные ими, располагались по среднему Зарафшану и по Кашка-дарье. Арабы представляли собой замкнутые группы и сохранили довольно ярко выраженный семитический тип. Они делились на ряд родовых групп, между собой не связанных. Арабы говорили по-узбекски или по-таджикски, но некоторые группы сохранили отчасти и арабский язык. Имеющиеся предания указывают на то, что арабы выселились из Афганистана лет 200—300 тому назад, а переселение их из Аравии связывается, по имеющимся преданиям, с временем Тимура. Занимались арабы земледелием и скотоводством; среди них были оседлые и полукочевые группы. Последние обитали в юртах.

Местные евреи жили преимущественно в больших городах—Бухаре, Самарканде, Коканде, Андижане, Намангане, Маргелане, Ташкенте, где селились в отдельных кварталах. Говорили они на особом наречии таджикского языка, но знали и узбекский язык. По своим занятиям евреи преимущественно—ремесленники и торговцы. Сохраняя свою древнюю религию—иудейство, евреи представляли собой очень замкнутую группу; обращенных в ислам (так называемых „чала") среди них было очень мало. В среднеазиатских ханствах евреи были ограничены в правах. Даже внешне они не должны были смешиваться с мусульманами: они обязаны были носить одежду, отличную от мусульман, и соблюдать другие ограничительные требования.

Ногаи (группа татар) переселились в Среднюю Азию, в частности под Ташкент (с. Ногай-курган) и в Хивинское ханство, еще до русского завоевания и почти полностью ассимилировались с местным узбекским населением.

Индийцы и афганцы жили по городам, особенно в Бухаре, в очень небольшом количестве, являясь пришлым „непостоянным элементом". Занимались они торговлей и главным образом ростовщичеством.

После завоевания Туркестана царской Россией и особенно после постройки Закаспийской и Оренбургской железных дорог начался приток новых групп населения из центральных областей России и из Закавказья—русских, украинцев, поволжских татар, армян азербайджанцев, иранцев и др.; из этих групп составилось население европейских городов, возникших рядом с древними городами Средней Азии, а также самостоятельных поселков на землях, изъятых для целей русской колонизации.

Искусственное орошение. За исключением богарных посевов, производившихся под дождь, все земледелие Средней Азии с древнейших времен было основано на искусственном орошении, которое достигло здесь огромного развития и свидетельствует как о его сравнительно высокой технике, так и о колоссальном труде, вложенном на протяжении веков в ирригацию народными массами.

По представлению народов Средней Азии, все оросительные источники распадались на два типа: „кара-су" — черная вода и „ак-су"— белая вода.

„Кара-су"—это источники, берущие свое начало из горных ключей или искусственно сооруженных кяризов. Сравнительная маловодность ключевых источников позволяла легко воспользоваться ими для целей орошения.

Больших технических навыков и опыта требовало устройство так называемых кяризов—специальных ирригационных сооружений, при помощи которых добывалась вода из подземных водоносных жил и выводилась из предгорий в равнину. На территории современного Узбекистана такие кяризы расположены были только в предгорьях Нуратинских гор.

„Ак су"—это вода всех больших и малых рек, составляющих основной источник для орошения культурных земель. Вода эта, несущая массу плодородного ила, предпочиталась населением.

Большая часть земли в Фергане орошалась из Нарына и Карадарьи. Кроме того, для орошения использовались реки Сох, Исфара, Исфайрам, Кассан-сай и другие. В Сырдарьинской области наибольшее количество орошенных земель находилось в долинах Чирчика, Ангрена, Арыси, Бадама и Таласа. Культурные земли Самаркандской области и Бухарского ханства питались в основном водой из Зарафшана. Богатейшие оазисы в пределах Бухарского ханства орошались, кроме того, водами Сурхан-дарьи и Кашка-дарьи и других, менее значительных рек. Воды величайшей реки Средней Азии Аму-дарьи орошали ряд культурных земель Бухарского ханства и все земли Хивинского ханства.

Использование для ирригации больших рек сопряжено было с проведением сложных работ по прорытию магистральных каналов и с устройством специальных головных сооружений, при помощи которых вода забиралась в каналы.

Местные мастера путем долгого опыта выработали сложную и высокую технику ирригационного дела, в частности ряд приемов для определения уклона местности и выбора направления канала. Вместо нивелира использовали чашку с водой; в других случаях, положив на доску мокрую тряпку, следили, в каком направлении с нее стекает вода, или определяли уклон местности, ложась на спину и глядя на носки своих ног. При постройке больших магистралей сначала копали канал небольшого сечения и, только убедившись в правильности выбранного направления и уклона, начинали работы крупного плана. Неудачи, видимо, были нередки, так как в Узбекистане известно немало начатых и заброшенных каналов.

Большие трудности представляло определение силы и скорости течения воды в проводимых каналах. Наряду с каналами, в которых моменты эти оказались удачно учтенными, известно немало каналов с недостаточными или слишком большими скоростями течения воды; они или непомерно заливались, или, наоборот, размывались вследствие чрезмерных уклонов. И в первом, и во втором случае нередко приходилось оставлять такие каналы и прорывать новые.

Работы по поддержанию в порядке ирригационной сети, не говоря уже о прорытии новых больших оросителей, требовали огромных затрат труда десятков тысяч людей. Значительная часть ирригационных систем требовала ежегодной очистки их от ила.

Одной из главнейших работ являлось устройство и поддержание в порядке головных сооружений на месте выхода каналов из реки. В сооружении голов ирригационных каналов принимало участие все население. Мелкая водоразборная сеть каналов сооружалась отдельными обществами или селениями.

Чигири—водоподъемные колеса—ставились всюду, где уровень воды в арыках не позволял вывести их на поля самотеком. Классической страной чигирей являлся Хорезм, где их насчитывалось до 80 тысяч. Чигири приводились в движение силой воды или животных (верблюдов, лошадей, ослов).

Несовершенство старых ирригационных сооружений сказывалось в громадном протяжении холостых частей каналов и извилистом их направлении, что чрезвычайно увеличивало коэфициент испаряемости и фильтрации воды.

Для распределения воды, организации ремонта и постоянного наблюдения за состоянием ирригационной системы существовала многочисленная водная администрация, избиравшаяся самим населением. Каждое общество, пользовавшееся водою канала, избирало из своей среды мираба. На более крупных оросительных системах, помимо мирабов, избирались так называемые мираб-баши или арык-аксакалы, стоявшие над всеми мирабами. Для наблюдения за плотинами нанимались специальные надзиратели-туганчи. Водная администрация была очень многочисленна: например, на системе Зах-арыка в окрестностях Ташкента было 40 мирабов и один арык-аксакал. Ирригационная система левобережья Чирчика насчитывала 99 мирабов. Вся эта администрация получала плату за свой труд натурой в виде доли урожая. Позже оплата арык-аксакалов производилась деньгами.

Способы распределения воды для орошения между водопользователями были основаны на давно установившихся обычаях, однако в маловодные годы на почве распределения воды возникало много споров, тяжб и столкновений, нередко кончавшихся побоищами В колониальный период не были отменены установившиеся ранее обычаи водопользования; нередко на сцену выступали разного рода ханские грамоты, представлявшие той или иной общине привилегии в отношении пользования водой. Часто такие документы подделывались, в результате чего возникали многолетние тяжбы и вражда между отдельными обществами и селениями.

Важнейшие источники орошения и вся система водопользования в колониальный период были поставлены на службу господствующим классам и служили в их руках средством эксплоатации широких дехканских масс.

Несовершенство водораспределительных сооружений создавало возможность для больших злоупотреблений со стороны тех групп водопользователей, которые сидели в голове арыка. Жалобы водопользователей, имевших свои посевы в „хвостах“ арыка, были обычным явлением.

Громадные возможности для злоупотреблений возникли в колониальный период, когда основные должности водной администрации (арык-аксакалы) начали замещаться лицами по назначению уездных начальников и перестали быть выборными; арык-аксакалы получили, таким образом, полную независимость в своих действиях от обслуживаемого им населения. Как в технике ирригационного дела, так и в системе водопользования изменения, внесенные в течение колониального периода, были незначительны. За исключением нового канала, оросившего часть Голодной степи, нескольких насосных оросительных сооружений и т. п., ирригационных сооружений, где применялась бы европейская техника, почти не появилось. Европейские инженеры нередко сами являлись учениками местных мастеров с их опытом, выработавшимся в течение тысячелетий. В части водопользования

всецело сохранялись старые традиции и обычаи распределения воды, при которых в наилучших условиях всегда оказывались богатые и влиятельные землевладельцы, в ущерб маломощной бедноте.

Земледелие. Несмотря на отсталую феодальную технику, господствовавшую в колониальный период, состояние земледелия и его интенсивность указывают на древние традиции высокой земледельческой культуры, выработанной народами Узбекистана в течение ряда тысячелетий.

Богарные (весенние под дождь) зерновые посевы, именуемые в Средней Азии „ляльми", принадлежали главным образом полукочевому населению и располагались на холмах и предгорьях, преимущественно на склонах, обращенных к северу, защищенных от прямых солнечных лучей. Если ожидалось по приметам обильное осадками лето, то площадь богарных посевов обычно увеличивалась.

На поливных землях, именуемых „оби" или „сулю", особенно большое значение с конца XIX в. приобретают посевы хлопка, при чем местные сорта быстро вытеснялись новыми сортами американского хлопчатника. Среди других культур значительное место занимали люцерна, кенаф, табак, а из огородных культур—дыни, арбузы, тыквы, огурцы, морковь, лук, свекла, перец и др. После завоевания Средней Азии царизмом большое распространение получили картофель, помидоры, капуста и др. Из плодовых культур наиболее распространены были абрикосы, персики, миндаль, яблоки, груши, айва, инжир, грецкий орех, черешня, слива и др.; шли в пищу также плоды тутового дерева - шелковицы и произраставшей в диком состоянии джиды. Сильно развито было виноградарство. Из множества сортов винограда были распространены: скороспелый сорт чиляки, хусайни, каттакурган, тахоби, чарас и другие, преимущественно десертные сорта. В колониальный период, с развитием промышленного виноделия и садоводства, в Туркестан были завезены новые сорта фруктов и винограда с Кавказа и Крыма.

На основании богатого многовекового опыта в земледелии соблюдалась определенная очередность сельскохозяйственных культур.

Удобрение орошенных земель практиковалось очень широко. Самым распространенным способом удобрения лессовых почв был вывоз на поля „турпака"—земли, взятой с целины, с курганов или с развалившихся глинобитных построек. Очень широко применялось также удобрение навозом, который вывозился на поля ежегодно десятками арб на каждый танап.

Земледельческие орудия. Самым распространенным и универсальным земледельческим орудием Туркестана был кетмень — своего рода мотыга с тяжелым железным лезвием (до трех килограммов весом), насаженным на деревянную ручку. Форма кетменя выработалась в результате многовекового опыта при обработке тяжелых почв Средней Азии. Действуя при работе ударом, кетмень значительно облегчает труд рабочего. Кетмень совершенно незаменим при работе по очистке и прорытию ирригационных каналов и при поливах.

Для вспашки земли употреблялась повсеместно своего рода деревянная соха (омач) с чугунным лемехом без отвала, не переворачивавшим пласт земли, а только разрыхлявшим землю на глубину 10—15 *см*. Удовлетворительная обработка земли омачом достигалась лишь в результате многократной вспашки поля вдоль и поперек. Железные плуги, завозившиеся в Туркестан, шли главным образом в русские поселки и совершенно не проникали в хозяйство местного населения. Одним русским инженером была сделана попытка усовершенствовать

омач, снабдив его лемехом с отвалом, но лемехи усовершенствованного типа широкого распространения, однако, не получили.

Боронование и заделка семян производились тем же омачом, перевернутым на бок, доской или бороной-волокушей (мала), состоящей из деревянной рамы, переплетенной хворостом. Вспашка и боронование производились главным образом на волах.

Уборка зерновых и трав производилась вручную, при помощи местного серпа (урак), со слабо изогнутым зазубренным или гладким лезвием, на короткой деревянной ручке.

Широкое распространение получила среди коренного населения, особенно у казахов и отчасти киргизов заимствованная у русских переселенцев коса, в связи с чем у полукочевого населения довольно широко развилось сенокошение.

Обмолот зерна производился на току (хирман)—утрамбованной в поле площадке, при помощи животных (быков, лошадей, ослов), которые прогонялись по кругу. Зерно очищалось от измельченной соломы (самана) путем провеивания с помощью деревянной лопаты. Ни молотилки, ни веялки распространения у местного коренного населения в колониальный период не получили.

Для хранения запасов зерна его ссыпали в глубокие ямы (уро) с тщательно оштукатуренными стенками; засыпанное зерно перекрывалось сверху соломой, и входное отверстие замазывалось глиной.

Во многих хозяйствах имелся еще некоторый мелкий сельскохозяйственный инвентарь: соломорезка, представлявшая собою большой подвижной железный нож с ручкою, входивший в толстый деревянный брус с длинным пазом, решета для провеивания зерна и т. п.

На протяжении всего колониального периода техника обработки земли оставалась отсталой, что вытекало из методов колониальной и феодальной эксплоатации трудового дехканства царизмом и местными феодалами.

Шелководство. Шелководство наряду с земледелием являлось очень древним занятием оседлого населения Узбекистана и было широко распространено. Еще в конце XIX в. шелководством занимались в каждой семье, причем характерной его особенностью в то время было отсутствие более или менее крупных червоводен.

Разведением шелковичных червей занимались исключительно женщины, и в качестве их помощников выступали старики и дети.

До 80-х годов прошлого века население пользовалось исключительно местной греной, которая производилась в каждом хозяйстве.

В 90-х годах XIX в. местное шелководство почти полностью перешло на заводскую грену в связи с открытием в ряде городов специальных гренажных заведений, улучшивших местную породу шелкопряда. Благодаря ввозу грены из Франции, Турции и Италии в большинстве шелководческих районов получили преобладание более высокие породы: белая—багдадская и желтая—французская.

Грена оживлялась ранней весной в небольших мешочках, носимых женщинами или детьми за пазухой в течение 15—20 дней, пока под влиянием теплоты тела из нее не выводились черви. Шелковичные черви выкармливались листьями тутового дерева в плоских плетеных корзинах на особо устроенных подставках, размещавшихся в прохладном сухом помещении, часто в одной из жилых комнат, которая для этого специально освобождалась на необходимое время. Готовые коконы морились путем раскладки их на ярком солнечном свете.

Скотоводство. Скотоводством в широких размерах на территории Узбекистана занималось главным образом кочевое и полукочевое население из узбеков, казахов, киргизов и частично арабов, обитавшее на полустепных пространствах и предгорьях Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей, Бухары и Хорезма Все эти группы населения занимались главным образом разведением овец. Крупный рогатый скот и верблюды составляли лишь незначительную часть поголовья. В качестве подсобного занятия скотоводство было распространено повсеместно, также и среди оседлого земледельческого населения.

Овцы разводились курдючной породы, отличающейся своей выносливостью, вкусным мясом и большим отложением жира. В степях между Бухарой и Карши, на правом берегу Аму-дарьи кочевое и полукочевое население занималось разведением каракулевых овец, дающих ценные шкурки новорожденных ягнят. В горных местностях и некоторых степных районах разводились козы.

Важную отрасль животноводства составляли верблюды, одногорбые (дромадеры) и двугорбые (бактрийские). Они являлись некогда главным транспортным животным для торговых караванов и других перевозок. После проведения железных дорог количество верблюдов местами значительно сократилось. Верблюды давали также молоко, шерсть, мясо и сало. Такую же важную отрасль животноводства составляло коневодство. Средняя Азия с древних времен славилась своими лошадьми. Лошадь являлась неразлучным спутником кочевника-скотовода; не менее важное значение имела она и в жизни земледельца. В Средней Азии выработались прекрасные породы верховых лошадей, из которых особенно известны были своей выносливостью и быстротой бега лошади казахская (киргизская) и туркменская. В районах современного Узбекистана имелась прекрасная порода карабаиров, тип которых варьировал в зависимости от примеси крови пород туркменской, арабской или киргизской. У кочевников лошади паслись табунами круглый год на подножном корму. У оседлого населения лошадь пользовалась заботливым уходом и содержалась в конюшнях или под навесом. Лошадь являлась не только средством передвижения, ее мясо охотно употреблялось в пищу, а молоко использовалось для приготовления кумыса — любимого напитка тюркских кочевников.

В городах и селениях пользовался большим распространением выносливый и неприхотливый осел (ишак), который служил верховым и вьючным животным. В скотоводстве Узбекистана, как и во всей Средней Азии, господствовали самые примитивные способы хозяйствования.

Мелкий рогатый скот у кочевников держался исключительно на подножном корму, как в летнее, так и в зимнее время. Никаких заготовок кормов на зиму для мелкого скота не делалось. Небольшое количество корма старались обеспечить лишь для крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей; для мелкого рогатого скота стали делать заготовку кормов, да и то в очень ограниченном количестве, только в колониальный период, взяв в этом отношении пример с русских переселенцев. Снежные зимы, бураны и особенно гололедица являлись злейшими врагами скотоводов. В отдельные неблагоприятные годы скот от бескормицы погибал десятками тысяч.

Пастбища в старину были строго разграничены между отдельными родовыми группами, а позже и между отдельными селениями. Однако в колониальный период, по свидетельству ряда исследователей, явно ощущался недостаток пастбищ, из-за которых происходили крупные

споры, кончавшиеся нередко кровавыми столкновениями. В результате скотоводы-бедняки вынуждены были сокращать до минимума свое поголовье, итти в пастухи к богачам или даже совсем оставлять скотоводство.

В колониальный период чрезвычайно повысилось товарное значение скотоводства в связи с появившейся возможностью крупной торговли скотом и его продуктами. Скотоводы, обитавшие сравнительно недалеко от пограничных со степью торговых центров (Ташкент, Нурата, Джизак и др.), продавали свой скот в городах, пригоняя его сюда партиями. Интересно отметить, что в колониальный период еще сохранился в отношениях между степью и оседлым населением институт „торгового друга", через посредство которого степняк реализовал как свой скот, так и продукты скотоводства. Приезжая в город, скотовод останавливался у своего „друга" и предоставлял ему для продажи свой скот, совершенно в это не вмешиваясь. Ни один степняк не решался вступать ни в какие торговые сделки в городе без посредника (далляля). Эта черта сохранялась до недавнего прошлого.

С другой стороны, скупщиками продукции скотоводства являлись торговцы преимущественно „красным товаром". Обычно это были татары, которые устанавливали в степи широкие связи и ездили из аула в аул, выменивая свои товары на овец и шерсть.

Из продуктов скотоводства в продажу шли главным образом шерсть и шкуры. Весенняя шерсть поступала в продажу почти полностью.

Перевозочные средства. В качестве перевозочных средств служили, с одной стороны, вьючные животные (верблюды, ослы, лошади) и, с другой — двухколесные повозки (арбы).

Арбы Туркестана имели локальные особенности в своем устройстве: кокан-арава, которая была распространена в Фергане и Ташкенте, арба—тоже с двумя колесами, но меньшего размера, принятая в Самарканде, Бухаре и Хиве. Хивинская арба отличалась необычайно массивными колесами и богатой резьбой, покрывавшей ее передок. В арбу впрягалась одна лошадь.

Устройство арб было настолько приспособлено к местным условиям и бездорожью, что их широко использовали и русские, в частности войсковые части, для переброски тяжестей.

Ремесло. В течение колониального периода продолжали сохранять свое значение многие из старых ремесел, в недалеком прошлом удовлетворявшие все нужды местного населения. Эти ремесла концентрировались в городах или в крупных селениях.

Ремесло во многих районах не было полностью отделено от сельского хозяйства. Ремесленники, жившие с семьей в кишлаке или выезжавшие в свой пригородный сад на лето, занимались садоводством или виноградарством, получая от этого значительную поддержку при своем скудном и очень напряженном бюджете. Связь ремесленников с сельскими районами и с сельским хозяйством делала для них возможным довольствоваться таким низким заработком, который не мог бы обеспечить им прожиточного минимума при других условиях.

Для ремесла характерна была его традиционность, поддерживаемая наследственностью профессии, передаваемой из поколения в поколение. Эта традиционность была одной из причин замедленного технического развития и препятствовала проникновению в него новых приемов и орудий; традиция, передававшаяся от отца к сыну и от учителя к ученику, являлась опытом прошлых поколений, игравшим некогда в производстве положительную роль, экономя силы работающего и обеспечивая всегда один и тот же результат. Однако при

изменении условий жизни эта традиция оказалась в резком противоречии с новыми требованиями, предъявлявшимися ремеслу всем ходом экономического развития.

Второй особенностью среднеазиатского ремесла была его дробная специализация, которая, при отсутствии или незначительности разделения труда, была единственным способом ускорения трудового процесса. Поэтому в большинстве случаев мастера специализировались на выделке очень узкого ассортимента изделий, которые изготовлялись ими с начала до конца. Однако в некоторых технически наиболее сложных производствах эта специализация шла в направлении выделения отдельных процессов производства При этом обычно мастер—специалист по одному из процессов, являлся организатором всего производства, выступая в одно и то же время и как один из ремесленников, выполняющий определенную операцию, и как продавец законченной продукции. Наиболее ярким примером такого сложного производства может служить изготовление полушелковой ткани адрас. Организатором в ее производстве выступал ткач. Он приобретал пряжу—иногда сам покупал коконы и отдавал их шелкомотальщику, чтобы получить пряжу нужного ему качества. Затем он сновал основу и нес ее к абрбанду—мастеру по узорной окраске основы способом перевязки. Абрбанд, нанеся узор и перевязав основу, передавал ее красильщикам. Получив окрашенную основу, абрбанд ручным способом докрашивал мелкие детали узора, затем основа опять поступала к ткачу. Вследствие сложности узора и густоты нитей основы при изготовлении адраса было необходимо в процессе тканья все время подкрахмаливать основу и следить за тем, чтобы ее нити не перепутывались и узор не искажался. Эта работа производилась особым мастером иштибар. Наконец ткач адраса, который носил название коргар, отдавал сотканный адрас лощильщику, лощившему ткань ударами тяжелого деревянного молотка.

В этом объединении всех процессов производства инициативой одного лица несомненно имеются элементы разделения труда в той его форме, когда производство еще не объединено в одном предприятии. Однако такая организация ремесленного производства являлась исключением. Обычно же мастер сам выполнял все трудовые операции, сам же выступая и в роли продавца своих изделий.

Новые отношения колониального времени глубоко отразились на состоянии ремесленной промышленности и на положении ремесленников. Многие ремесла, не выдержав конкуренции фабричной и заводской продукции, захирели и почти прекратили свое существование. Это вызвало разорение большого количества ремесленников, оставшихся без работы. В то же время слабое развитие капиталистической промышленности не давало им возможности вступить в ряды промышленного пролетариата за отсутсвием достаточного спроса на рабочую силу. Единственным выходом для таких ремесленников было превращение их в батраков и поденщиков

Ремесленные цехи. Несмотря на возникновение в ремесле новых отношений, цеховая корпорация, пришедшая из средневековья, далеко не утратила своего значения. Продолжала сохраняться традиционная общность между членами цеха, которая выражалась в цеховых собраниях (анджуман), сопровождавшихся ритуальным пиршеством, и в обязанности посещать друг друга в дни семейных торжеств или траура.

В цеховую корпорацию входили все мастера, получившие от своего учителя разрешительную молитву на самостоятельную работу. В их числе

находились и мастера, имевшие свою собственную мастерскую, и хальфа, хотя, конечно, положение их и влияние на жизнь цеха было неодинаково. Ученики, не прошедшие обряда посвящения, членами цеха не считались.

Традиция четко определяла взаимоотношения членов цеха при общей работе в производстве. Хальфа должен был беспрекословно повиноваться своему мастеру. При уходе от хозяина он был обязан полностью выплатить полученный им при поступлении аванс-бунак, который не вычитался при выдаче заработной платы, пока хальфа работал у мастера, но при уходе должен был быть возвращен. Так как вернуть эту сумму было чрезвычайно затруднительно, то получение бунака совершенно закабаляло хальфа и практически его уход от хозяина оказывался возможным лишь при условии немедленного поступления к другому мастеру, выплачивавшему ему бунак несколько большего размера. Если хальфа, доведенный до отчаяния невозможностью освободиться, бежал от хозяина, не уплатив бунака, он ставил себя фактически вне цеха; о его поступке тотчас сообщалось всем цеховым организациям тех городов и селений, куда хальфа мог скрыться, и никто из мастеров не имел права взять его на работу. Он не мог заняться также и самостоятельным производством: его не допускали в торговые ряды на базаре и таким образом лишали возможности продавать свою продукцию. Для того, чтобы вернуться в цех, он должен был удовлетворить претензии своего хозяина, уплатить штраф цеховой организации в виде угощения наиболее почетных мастеров и подарков цеховой администрации.

Со своей стороны, мастер, нанимавший хальфа, также брал на себя определенные обязательства: он должен был кормить его так, как полагалось по общепринятым нормам, и не заставлять его работать больше положенного. В случае, если хозяин нарушал эти условия, признанные цехом, он подвергался бойкоту, который санкционировался старшиной цеха; никто из хальфа не имел права поступить к такому мастеру, пока последний не исправит свою вину.

Цех возглавлялся выборной цеховой администрацией, которая в мелких цехах состояла всего из двух человек—старшины цеха, носившего патриархальное название „бобо" (дед) и его подручного—„пайкора". В крупных цехах, в ремеслах, применявших в широких размерах наемный труд и объединявших большое количество мастеров с их сложными отношениями по производству, на бобо лежало, помимо обязанности представителя цеха в сношениях с внешним миром, также и регулирование взаимоотношений между хозяевами и работающими у них хальфа. В помощь бобо избирались еще один или два человека. Один из них—аксакал—ведал организацией сбыта продукции цеха. Он следил за порядком в торговых рядах, определял цены на изделия и выступал посредником между мастерами и покупателями. Второе лицо—голиб—обязан был, повидимому, руководить цеховым культом. В некоторых ремеслах, например, в плотничьем, название голиба прилагалось к старшине цеха, в других—старшина цеха именовался аксакалом.

В тех ремеслах, где был развит наемный труд, особенно важной была роль бобо, который выступал нередко как покровитель хальфа; они являлись к нему, приходя в чужой город в поисках работы; к нему же обращались они за защитой от произвола мастера.

Вместе с тем бобо совершенно не вмешивался в новые отношения, порожденные эпохой. Мастера, не получившие посвящения, не пользовались его защитой, так как их специфические интересы как наемных

рабочих не были регламентированы цеховой традицией. Предоставленные в своих отношениях к хозяину самим себе, харчибофы находились в гораздо более тяжелом и бесправном положении, чем хальфа.

Процветание и деятельность цехов определялись состоянием того или иного ремесла. В тех его отраслях, которые, под влиянием конкуренции фабричных товаров, приходили в упадок, разложение цеховой организации шло быстрыми темпами; значение бобо и его помощников падало, связь между членами цеха сменялась ожесточенной конкуренцией, пока, наконец, цех, как организация, не прекращал своего существования. В течение колониального периода сильно захирели цехи металлистов, ткачей, гончаров, набоечников и др. Цехи же строителей и декорировщиков зданий переживали в колониальную эпоху период процветания, в связи с широко развернувшимся строительством байских домов и квартальных мечетей, и до самого конца колониального периода не потеряли своего значения.

Характерная для средневековья, так же как и для эпох более ранних, религиозная оболочка ремесла в виде цеховых культов сохранила свое значение и в колониальный период. В каждом ремесле имелся свой патрон (пир), которому приписывалось основание ремесла. Ной, по библейскому преданию, построивший деревянный корабль, считался основателем ремесла плотников, Адам—первым земледельцем и ткачом, так же как Ева—первой пряхой; пророк Давид почитался покровителем всех металлистов, а Даниил—покровителем вязчиков ремиз.

Мифическая история каждого ремесла была изложена в так называемых „рисоля", содержавших, кроме того, различные религиозно-нравственные правила. Каждый ремесленник время от времени, особенно при какой-нибудь удаче в делах, считал себя обязанным совершить жертвенный обряд, состоявший из возжигания в честь пира светильников у подножья станка или около рабочего места и ритуального (в различных ремеслах различного) угощения для приглашаемых в таких случаях представителей цеха. Время от времени на собранные в складчину деньги устраивалось большое коллективное жертвоприношение, называвшееся „арвохи пир" (дух пира). Для того, чтобы сделаться полноправным мастером—членом цеха, необходимо было пройти обряд посвящения (фатиха, камар-баста или мион-баста—опоясывание), без которого никто не имел права заниматься ремеслом. Этот обряд сопровождался ритуальным угощением членов цеха и одариванием как мастера, обучившего посвящаемого, так и членов цеховой администрации, что делалось на средства ученика и требовало больших расходов, сильно затрудняя вступление в цех и регулируя этим увеличение его членов и их состав.

Структуру, сходную со структурой ремесленных цехов, имели и многие другие непроизводственные профессиональные корпорации: музыкантов, артистов, уличных рассказчиков и др.

Ткачество. Обработка хлопка среди оседлого населения была распространена повсеместно. Для очистки хлопка от семян его пропускали через небольшой ручной инструмент, называемый чигирик.

Прядением хлопка занимались женщины. Пряжа в значительном количестве изготовлялась на продажу. В колониальный период она уже не вывозилась, как раньше в Россию, но применялась исключительно в местном ткачестве.

Белая ткань имела местное название буз (отсюда русское бязь, у русских—мата). Тонкий и неплотный сорт этой ткани носил название хоса и употреблялся на мужские и женские головные уборы (чалмы,

платки), а также на саваны. В колониальный период стали ткать очень хорошую кисею-дока из белой фабричной пряжи, которая вместе с дешевым фабричным коленкором совершенно вытеснила хосу, производство которой к XX в. прекратилось вовсе.

Из узорных тканей наибольшее распространение имели полосатые ткани, шелковые и бумажные. Последние делились на два вида: калями, отличавшуюся преобладанием белого цвета и белым утком, и алачу, также полосатую, но в густых сочных тонах. Для окраски пряжи в начале колониального периода продолжали применяться растительные красители — индиго (синий), марена (красный), испарак (желтый), которые давали очень прочные и приятные тона. Вскоре после русского завоевания в производства этих тканей проникли искусственные краски, главным образом анилиновые, применение которых значительно понизило качество тканей.

Обработкой шелка славились Фергана и Бухара, меньше—Самарканд. В последнем эта отрасль текстильной промышленности была почти исключительно в руках ирани (марви), которые принесли с собой на новую родину и свое искусство обработки шелка.

Ткани из шелка делались чистошелковыми и полушелковыми, с шелковой основой и бумажным утком, обычно из местной пряжи. Полушелковые полосатые ткани носили названия бекасаб, дуруя и алача. Такие же ткани с расплывчатыми пестрыми узорами назывались адрас или подшохи.

Широкое распространение имели ткани, в основе которых были и шелк, и бумага. Особым типом их являлись ткани, нередко объединяемые под названием банарас (бенаресские) и пари-паша (крыло мухи). Высший сорт этой ткани за его серебристость, увеличиваемую еще наведением муара, носил название нукра-куб (кованная серебром).

Орнаментация адраса выполнялась сложной техникой перевязки основы. Основа растягивалась на раму, и мастер-абрбанд, отсчитывая число нитей, отмечал точками места, которые надо было окрасить в определенный цвет. Все остальное заматывалось толстой хлопчатобумажной ниткой. Перевязанная таким образом основа окрашивалась путем погружения в красящий раствор. Раствор, не проникая через негигроскопическую нить, лишь слегка затекал по концам перевязки, что сообщало контурам узоров, нанесенных таким способом, их мягкую расплывчатость. Для многоцветного узора перевязка производилась до трех раз. Применение последовательного окрашивания давало возможность таким путем довести число цветов в узоре, считая и естественный белый цвет самого шелка, до семи.

И бекасаб, и адрас обрабатывались лощением при помощи выбивания деревянным молотком — кудунг и смазывания клеевым раствором.

Полушелковым с бумажным утком делался обычно и атлас, центром производства которого была Фергана, откуда он распространился, повидимому, и в другие районы. Орнаментация атласа выполнялась также путем перевязки основы.

Из числа шелковых тканей было распространено изготовление канауса—шохи. Бухара славилась канаусом большой плотности, в Фергане же его ткали из более тонкой пряжи и менее плотно. Орнаментация этого вида тканей также обычно выполнялась перевязкой. Реже изготовляли канаус гладкий, полосатый и клетчатый.

В Бухаре ткали, кроме того, бархат, имевший также нередко бумажный уток. Орнаментованный перевязкой, этот бархат в лучших образцах представлял собой высокое достижение ткацкого искусства.

Все эти разнообразные виды тканей изготовлялись на деревянном станке с ремизами, опускаемыми нажиманием педалей, и бердом, представлявшим собой камышевую раму, в которую вставлялись тоненькие палочки из расщепленных струганых камышинок.

Подножки станка были опущены в яму, на края которой пристраивали дощечку, служившую сидением для ткача. Роговой челнок, прекрасной формы и выработки, пробрасывался рукой. Тканье большей части изделий осуществлялось на двух ремизах, давая простое миткалевое переплетение, в результате чего все эти ткани получались двусторонними. Лишь производство незначительного числа среднеазиатских тканей требовало более сложной техники.

В течение колониального периода распространились клетчатые бумажные ткани типа алачи, ткавшиеся также на двух ремизах, но с применением двухцветного утка, заправленного в два челнока, пробрасываемых поочередно. Название этой ткани —сарфинка—показывает на заимствование местными ткачами техники и узоров русской сарпинки.

Набойка. Большое распространение имело ремесло набоечников-читгаров, которые при помощи деревянных штампов-колыбов набивали на мате разнообразные узоры, главным образом черной и красной красками, очень прочными и не смывающимися при стирке.

Начиная с 90-х годов, употреблявшаяся в качестве красной краски марена постепенно заменилась привозимым из России ализарином, что сильно ухудшило качество и прочность изделий.

Способом набивки изготовлялись ткани, шедшие на подкладку к одежде и одеялам, раньше - на женские и детские платья, а также штучные изделия: скатерти (дастарханы), одеяла и пр.

Под влиянием конкуренции фабричных тканей производство набоек в колониальный период сильно сократилось, а к концу его почти совершенно прекратилось.

Производство ковров, паласов, кошем и т. д. служило для удовлетворения бытовых потребностей кочевого и оседлого населения. Эти предметы были необходимой принадлежностью каждого жилого помещения, заменяя собою мебель, которая в местном быту отсутствовала. Особенно большое значение имели эти изделия у кочевого и полукочевого населения.

Производством кошем занимались все группы населения, связанные со скотоводством: казахи, киргизы, полукочевые узбеки, каракалпаки, арабы.

Ворсовые ковры ткали главным образом туркмены, обитавшие на территории Бухарского и Хивинского ханств, и каракалпаки. Среди узбеков ковры вырабатывались только отдельными племенами, не порвавшими еще с кочевым бытом и обитавшими в Самаркандской области и в Нуратинском бекстве Бухарского ханства. Ковроделие было очень распространено также у киргизов Ферганы и Алайской долины.

Гораздо большее распространение, чем ковры, имели в Узбекистане паласы—безворсные узорчатые тканые подстилки. Лучшие паласы в Узбекистане выделывались арабами Каршинского бекства и отдельными узбекскими племенами, например, племенем катаган.

Керамическое производство. В Средней Азии издавна было широко распространено производство гончарных изделий из простой глины, неглазурованных и глазурованных, и фаянсовых изделий из белой глины с глазурной росписью. Главнейшими центрами гончарного производства были Риштан, Самарканд, Варданзи, Гиждуван, Ташкент и некоторые местности Хорезма. Изделия, производившиеся

в каждом из перечисленных мест, различались по качеству глазури, по цвету узоров и другим качествам. Гончарная посуда, в особенности более высокого качества, изготовлялась из специально выбранной глины иногда—из смеси различных ее сортов, тщательно перемешанной и выдержанной. Формовались сосуды на ножном гончарном круге. После просушки они, если требовалось, расписывались, покрывались глазурью и обжигались в особых гончарных печах. Крупные сосуды, такие, как корчаги-хумы, достигавшие высоты 1 *м* и больше, изготовлялись вручную, наращиванием глиняного жгута, и выравнивались особыми колотушками.

В начале колониального периода мастера-керамисты еще продолжали производить превосходные изделия, отличавшиеся тонкой выделкой, блеском глазурей и прекрасным художественным узором; об этом свидетельствуют предметы, изготовлявшиеся в различных керамических центрах Ферганы, Бухары, Хорезма и т. п., но конкуренция фабричной фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды заставила их вскоре отказаться от выделки высококачественной и слишком дорогой продукции, не находившей достаточного сбыта. Сохранилось только производство грубого и дешевого товара: различного вида горшков, кувшинов, чаш и блюд, покрывавшихся незатейливыми глазурями, иногда с простым орнаментом, больших корчаг-хумов, тазов-тагара, кувшинов для чигирей и тому подобных изделий, требовавшихся всегда в большом количестве. Этот вид гончарного производства не зависел от фабричной конкуренции и продолжал существовать всюду как в городах, так и в сельских местностях.

Особую отрасль производства составляло изготовление тандуров (тандыров) особых печей для выпечки хлеба, имевших вид большого сосуда без дна. Тандуры лепились вручную из глины с примесью шерсти, высушивались и шли в дело без обжига.

В городских центрах, а местами и при крупных селениях существовало производство кирпича, которого требовалось много в связи с увеличением в колониальный период строительства различных зданий. Кирпич обжигался в простых по устройству напольных печах. Прежний среднеазиатский кирпич—квадратный и плоский—был вытеснен постепенно продолговатым кирпичом стандартного русского формата.

Производство стекла, широко распространенное в Средней Азии в далеком прошлом, к началу колониального периода было совершенно забыто.

Деревообделочное производство. Ремесленники, изготовлявшие различные предметы из дерева, делились на несколько отдельных специальностей. Особые мастера изготовляли арбы, седла, сундуки, детские люльки, гребешки и прочее. Наиболее широко было распространено ремесло плотников, роль которых в строительстве, благодаря широкому применению каркасных построек, была очень велика. Особой специальностью было изготовление дверей, которые нередко украшались резьбой. Особенно высоко стояло это искусство в Хиве, где резной орнамент покрывал не только двери, но и колонны, детали потолка и другие части построек. Резьбой покрывались также многие бытовые предметы, например, сундуки для хлеба с выдвижной дверцей в передней стенке, которая вся украшалась резным орнаментом. Такие сундуки были распространены в Самарканде, Ургуте и некоторых других местах.

В колониальный период искусство резьбы по дереву постепенно приходило в упадок. Однако в крупных городах Туркестанского

края старые резчики-мастера продолжали еще заниматься своим ремеслом, изготовляя мелкие предметы—шкатулки, резные столики и табуреты, рассчитанные на нового потребителя—проживавших в крае русских чиновников и интеллигенцию. Да и в быту коренного населения продолжала держаться традиция орнаментации различных предметов резьбой, хотя и не такой высокохудожественной, какая встречается на лучших, более старых памятниках этого искусства.

Наряду с резьбой многие деревянные предметы украшались росписью. Особенно хороша и тонка была роспись седел, в которых она сочеталась с инкрустациями из рога. С большой любовью расписывались детские люльки. Их роспись, так же как и роспись седел, производилась нередко женщинами, женами или матерями мастеров-седельщиков.

Кожевенное производство. Главным центром кожевенного производства считался Ташкент, хотя кожевники (кунчи, чармгар) находились во всех других городах и многих крупных кишлаках.

Кожи подвергались обработке в больших золильных ямах котлообразной формы и в меньших—дубильных, обложенных внутри досками. Дубильным материалом служил корень местного растения—таран. В процессе обработки применялись несложные инструменты: струги, лощилки и т. д. Кожевниками вырабатывались козловые кожи двух видов—замша, которая окрашивалась в желтый или малиновый цвет и употреблялась на шитье кожаных брюк для верховой езды, и кожа для обуви; бараньи шкуры в большинстве случаев при обработке не окрашивались и зачастую служили предметом вывоза на Нижегородскую ярмарку. Из верблюжьих и бычьих шкур и шкуры яка вырабатывались подошвы, а также так называемые гузары (род лосины), которые шли на лучшие шорные изделия, ремни и пояса. Из лошадиных и ослиных шкур вырабатывалась сагры (в русской литературе „саур")—кожа яркозеленого цвета с неровной зернистой поверхностью, что достигалось тем, что в нее с левой стороны вдавливались медные опилки, которые сообщали ей характерную зернистость, а образующаяся при квашении кожи окись меди окрашивала ее в зеленый цвет. Хотя обувь из этой кожи совершенно вышла из моды еще в конце 70-х годов, сагры продолжала выделываться в небольших количествах. Она шла на задники мягких сапог—махсы, так как, помимо красивого цвета, отличалась прочностью.

Добыча и обработка ископаемых. Местному населению с давних времен были известны месторождения полезных ископаемых: золота, серебра, меди, железа, каменного угля, каменной и озерной соли, бирюзы. В незначительном количестве добывались минеральные краски. Многие из этих месторождений разрабатывались исстари примитивными способами. Золото в россыпи добывалось промывкой золотоносного песка на паласах или коврах, а затем в деревянных корытах. Количество добываемого золота вообще было незначительно.

Нефть и каменный уголь были известны местному населению, но почти никакого применения не имели. Нефть, например, употреблялась лишь как лекарственное средство против чесотки. Озокерит, называемый сарык-мум, добывался в весьма ограниченном количестве и шел на выделку свеч, а также употреблялся в сапожном производстве. В гораздо большем количестве добывалась каменная и в особенности озерная соль, имевшая большой спрос.

Металлообрабатывающие производства. Еще до завоевания Узбекистана русским царизмом в край ввозились в большом количестве

металлы. Местные ремесленники изготовляли из них все те предметы и орудия труда, которые обеспечивали потребности быта и местной традиционной техники.

Увеличение ввоза железа в колониальный период привело к тому, что добыча железа из руды совершенно потеряла значение и производилась лишь в самых глухих горных кишлаках, главным образом Таджикистана.

Ввоз железных предметов и орудий фабричной выработки в значительной степени вытеснил из употребления изделия ремесленников. Однако деятельность последних не прекратилась совершенно, поддерживаемая своеобразием многих изготовляемых ими орудий, приспособленных к специфическим местным условиям и традиционным техническим навыкам. Кузнецы-кетменщики выковывали кетмени; другие изготовляли местные топоры с лезвием, насаженным перпендикулярно к короткой рукоятке (так называемые теша), которые употреблялись и при обработке дерева, при заготовке топлива и при окучке.

Ножовщики изготовляли местные ножи особой формы, вкладывавшиеся в кожаные ножны, которые привешивались мужчинами к поясу и являлись обязательной принадлежностью их костюма. Потребность в таких ножах была велика, и ремесло ножовщиков процветало.

Кузнецы-подковщики и другие, выполнявшие несложные хозяйственные поковки и починки, работали по всему Узбекистану, как в кишлачных, так и в городских местностях.

Чугунолитейное производство не могло получить достаточного развития, так как изделия местных литейщиков не могли конкурировать с чугунными котлами и кувшинами, которыми снабжали край уральские заводы. Местные литейщики в основном занимались в колониальный период только переплавкой лома этих предметов. Лишь одна из отраслей литейного дела, обеспечивавшая нужды местного хозяйства и поэтому имевшая большое значение, находилась целиком в руках ремесленников—отливка наконечников для омачей (плугов) и втулок для арбяных колес.

Завоз в край жести привел к развитию ремесла жестянщиков, которых в колониальный период было очень много во всех городах. Их мастерские занимали специальные ряды на базаре. Там же продавались их изделия.

Ремесло медников. Широко распространенная в быту медная посуда и другие предметы из этого металла вырабатывались многочисленными медниками (мисгарами); для более грубых вещей употреблялась красная медь, называемая „мис", которая шла на выделку котлов и крупных кувшинов для кипячения воды, ставившихся на огонь. Для более тонких и ценных вещей, нередко покрывавшихся чеканным или гравированным орнаментом, употреблялась ковкая желтая медь, называемая „бирinджи" (бронза). Из нее выделывались рукомойники, подносы, кувшинчики для воды и для заваривания чая, которые употреблялись до распространения здесь фарфоровых чайников.

Медники были во всех городах и крупных кишлаках, где они делали главным образом кувшинчики для кипячения чая и чинили или лудили старую посуду. Центрами выработки художественной посуды из желтой меди были Бухара, Коканд и Карши, в меньшей степени—Шахрисябз. Материалом для всех этих изделий служила медь, привозившаяся из России.

Ювелирное дело. Чрезвычайно распространено было ремесло ювелиров-заргаров, которые встречались не только в каждом городе,

но и в крупных кишлаках. Наиболее тонкие, роскошные ювелирные вещи изготовлялись в Бухаре; большое распространение имели также ювелирные изделия Ташкента.

За последние 100 лет обычным материалом для ювелирных изделий являлось серебро. Золото употреблялось для ювелирных изделий почти исключительно в Бухаре.

И золото, и серебро употреблялись высокой пробы, наиболее ковкие: техника отливки в старину была совершенно незнакома местным мастерам; она стала известна, повидимому, лишь в колониальный период от заезжих мастеров из России или с Кавказа, откуда, может быть, проникла сюда и техника черни, распространенная главным образом в Коканде. Кавказские мастера приезжали в Среднюю Азию, оседали здесь и занимались своим ремеслом, снабжая изделиями местный рынок и даже обучая учеников.

Указанными ремеслами занимались мужчины ремесленники - специалисты, производившие свою продукцию для рынка. Женщины, обычно жены или родственницы ремесленников, выполняли лишь подсобные работы. Но наряду с такими ремеслами в колониальном Туркестане существовало значительное количество производств, сохранивших еще домашний характер. Такие производства находились в руках женщин, которые занимались ими наряду с другими домашними делами.

Наиболее значительными отраслями таких домашних производств были прядение, ковроделие, изтотовление декоративных вышивок типа сузани, тюбетеек, поясных платков, тесьмы для обшивания халатов и т. п.

§ 2. БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

Кишлак. Основная масса населения Узбекистана проживала в селениях (кишлаках), размеры которых колебались от нескольких десятков до нескольких сотен дворов. Встречались и поселения отдельными хуторами. В качестве основного вида поселения хутора были распространены в Хорезме, где они назывались „хаули". На остальной территории хутора, называвшиеся „курганча", встречались только местами (в пригородных садах Самарканда, в окрестностях селений Хазара и Кахыштуван, Бухарской области, и др.). Иногда (напр. в Ферганской долине) отдельными хуторами селились переходившие к оседлости от кочевого или полукочевого быта кипчаки, каракалпаки, курама, киргизы и пр.

В хорошо орошенных оазисах кишлаки обычно утопали в зелени окружающих их садов, к которым примыкали небольшие огороженные посевные участки. В местах маловодных, где не существовало поливного земледелия и посевы производились только под дождь, кишлаки, часто заселенные группами недавно осевших кочевников и полукочевников, нередко бывали совсем лишены древесных насаждений и представляли собой группу глинобитных построек, около которых иногда ставились сохранившиеся от прежнего кочевого быта юрты.

В мелких кишлаках обычно не было никаких торговых и общественных зданий, кроме одной или нескольких мечетей.

Мелкие кишлаки тяготели к крупным, являвшимся местными экономическими центрами. Здесь сосредоточивались некоторые кустарные производства и происходили базары. Обычно они бывали раз в неделю, в определенный день, по очереди с другими большими селениями, расположенными по соседству. На эти базары стекалось все окрестное население, привозившее для продажи продукты сельского и

животноводческого хозяйства и закупавшее здесь все необходимые для хозяйства продукты и материалы.

В базарные дни в эти кишлаки приезжали торговцы с различными ремесленными и фабричными изделиями—тканями, одеждой, посудой,галантереей, чаем и пр. Они располагались на специально устроенных небольших глинобитных возвышениях (суфа), или в лавках, открывавшихся только во время базаров, а чаще всего длинными рядами прямо на разостланных на земле подстилках. Закончив свой базарный день в одном селении, такие торговцы переезжали со своим товаром на очередную ярмарку в другой кишлак, где нередко их ждало заранее арендованное место.

Некоторые большие кишлаки, являвшиеся в доколониальный период местными административными центрами, по своему внешнему виду и по всему устройству жизни по существу мало отличались от небольших городов. В них сохранились остатки бекских резиденций, иногда медресе и богаче обычного отделанные мечети.

Город. Города в начале колониального периода в значительной степени сохраняли свой старый феодальный облик, особенно в Бухарском и Хивинском ханствах, в которых уцелели еще цитадели и городские стены. В городах Туркестанского края городские стены не поддерживались и пришли в разрушение.

Центром городов являлась обычно базарная площадь (чорсу), от которой радиусами отходили главные улицы, ведущие к городским воротам, а между ними—лабиринт маленьких извилистых и узких улочек с бесчисленными переулками и тупичками. За пределами города тянулись сады и виноградники. Многие города (Самарканд, Ташкент, города Ферганы) делились на части (даха). В Ташкенте, Коканде, Андижане было по 4 даха. В каждой даха имелось по одному казию и по одному минг-баши (тысячнику). Даха делились на кварталы (махалля, гузар; в Хиве—илят), во главе которых стояли махаллинские старосты (аксакалы). В каждом квартале города имелась обычно одна квартальная мечеть; границы кварталов и приходов мечетей обычно совпадали.

Мечети были не только местом совершения религиозного культа, но и социально-бытовыми центрами жизни своих приходов, составлявших квартальную соседскую общину. Все важные события в жизни члена общины обсуждались собиравшимися в мечеть прихожанами. В случае чьей-либо смерти они во главе с имамом и суфи (служителем) мечети назначали людей для организации похорон и поминальных обрядов. В случае празднования какой-либо семьей рождения, обрезания или свадьбы представители общины, в зависимости от материального положения семьи, определяли характер угощения и количество подлежащих приглашению гостей.

Днем центром общественной и производственной жизни города был базар. На городских базарах торговля производилась чаще, чем на кишлачных,—два-три раза в неделю, а сами базары были несравненно больше по площади и относительно благоустроеннее. В Маргелане, например, в начале XX в. длина базарных улиц равнялась $2^1/_2$ верстам.

В некоторых городах были выстроены каменные рынки (Бухара, Хива) и обширные крытые пассажи, называемые „тим". В Ферганской долине выделялся кокандский базар, занимавший по величине и по торговым оборотам первое место после бухарского.

Торговля велась рядами. В крытых пассажах помещались лавки с мануфактурой как фабричной, так и местного производства, одеждой, тюбетейками.

Большое место занимали торговцы всякого рода шерстяными товарами — непряденой и пряденой шерстью, кошмами, веревками, шерстяными мешками, паласами, всевозможными ковровыми изделиями и пр. Имелись особые ряды торговцев мелочью и лекарствами (аттар), ряды ювелиров, медников и кузнецов различных специальностей, которые тут же в лавках занимались производством своих изделий. Совмещали работу с продажей изделий и мастера по дереву всевозможных специальностей — столяры и плотники, токари и пр. Где-нибудь в уголке ютились продавцы книг, обычно сочетавшие это занятие с переплетным мастерством.

Многочисленны были лавки со съестными припасами — мясом овощами, фруктами, зерном и кондитерскими изделиями и снедью. На базар стекались острословы, акробаты, дрессировщики животных, рассказчики священных преданий, а также нищие, дервиши различных суфийских орденов и др.

Женщины на базаре почти не бывали. Все покупки производились мужчинами.

В колониальный период в городах в значительной степени еще сохранилось расселение жителей по кварталам профессиональными группами, что находило свое отражение и в топонимике (названиях) кварталов. Однако в это время названия уже не всегда отражали действительное положение.

Центральные кварталы города, тяготевшие к базару, большей частью, были заселены богатыми торговцами, представителями духовенства, а также ремесленниками. Представители профессий, требовавших большого рабочего места, как, например, мастера по выделке арб жили дальше от центра, где не так чувствовалась скученность и теснота застройки. Кожевники различных специальностей селились вдоль больших арыков. Окраинные кварталы городов, обычно связанные с земледелием, бывали заселены садоводами, огородниками и земледельцами. Их сады, огороды и посевные участки иногда непосредственно примыкали к их городским жилищам, иногда же находились в окрестностях города, в прилегающих к нему урочищах (мауза).

Городские улицы были настолько узки, что нередко две встретившиеся арбы разъезжались на них с большим трудом, задевая концами осей за заборы и стены домов, или совсем не могли разъехаться.

В сухое время года улицы бывали покрыты толстым слоем пыли, в зимнее время — липкой грязью и громадными, долго непросыхающими лужами. Только некоторые главные улицы местных городов в течение колониального периода были вымощены булыжником.

Как правило, городские улицы были лишены зелени. Особенно унылыми были Хива, Бухара, Карши и некоторые другие города, где даже во дворах почти не было древесных насаждений. В Самарканде и Ташкенте во дворах имелись часто деревья, а в Фергане — и виноградники, но на улицах и здесь почти не было зелени. Только около хаузов обычно росло несколько тенистых деревьев (карагачей, чинар, талов).

Хаузы располагались обычно при мечети: население брало из них питьевую воду. Вода хаузов, напускавшаяся туда один раз в несколько дней, а в Бухаре — в несколько недель, а иногда даже месяцев, кишела всевозможными паразитами, а так как она часто употреблялась местным населением в некипяченом виде, то вызывала много специфических заболеваний, как, напр., рищту (гвинейский червь), распространенную особенно в Бухаре.

В городах, где воду приходилось брать издалека, существовали профессионалы-водоносы (машкобы), разносившие (в Бухаре) или развозившие на ослах (в Хиве) воду в бурдюках из шкур мелкого рогатого скота.

К концу колониального периода города Узбекистана значительно изменились и по своему внешнему виду, и по характеру внутренней жизни. Они сделались центрами оживленной торговли русскими фабричными товарами, хлынувшими в Туркестан широкой волной после проведения железной дороги. Кроме того, с внедрением культуры американских сортов хлопка они сделались также центрами торговли хлопком, а Бухара еще и каракулем. В некоторых городах начали появляться первые промышленные предприятия по первичной обработке продуктов сельского хозяйства. Рядом со многими местными крупными городами возникли новые города, заселенные русскими и другим пришлым населением, обособленные от старых и отличавшиеся от них как по застройке, так и по укладу городской жизни.

Чрезвычайно быстро в колониальный период возрастало количество городского населения как в новых городах, так и в старых „туземных", как их называли. В связи с этим увеличилась густота застройки. Почти каждое городское владение разделилось на 3—4 меньших владения.

Значительно увеличилась прослойка местной торговой буржуазии и возросли ее капиталы. Среди местных фирм некоторые имели миллионные обороты. Торговцы энергично строили торговые конторы, магазины, склады, заводы, новые дома для себя, а также финансировали постройку или перестройку квартальных мечетей и пр. На месте скромных небольших глинобитных, каркасных или сырцовых построек возникали большие здания из жженого кирпича, с железной крышей, часто двухэтажные, с обращенными на улицу фасадами помещений для приема гостей, с застекленными окнами, европейской формы дверями и прочими деталями. Это значительно изменило облик центральной части городов, заселенной главным образом торговцами. Окраины менялись меньше, сохраняя в основном свой прежний вид.

Жилище. На внешнем облике жилищ местного населения Узбекистана сильно сказывалось затворничество женщин. Им определялись глухие наружные стены домов и дворов, придававшие своеобразный унылый вид улицам старых восточных городов, так как все жилые и хозяйственные постройки окнами и дверями были обращены во двор. Вход во двор устраивался так, чтобы с улицы через открытую входную дверь нельзя было видеть внутренности двора.

Дома местного населения делились на две половины—внутреннюю—женскую (ичкари) и внешнюю—мужскую (ташкары). В первой проходила вся жизнь семьи, вторая служила для приема в ней посторонних мужчин. В домах ремесленников внешняя половина часто использовалась и для производственной деятельности, а у богатых там же проживали наемные работники-мужчины. В богатых домах каждая половина состояла из отдельного двора; в менее зажиточных для приема гостей выделялась только одна комната (михманхана) с изолированным входом; в бедных же домах и довольно часто в кишлаках внешней половины не было совсем, а в случае необходимости принять в доме постороннего мужчину на время его посещения все женщины уходили к соседям.

Одним из основных моментов, определявших характер устройства жилых помещений, был климат Узбекистана с его короткой, но иногда

довольно суровой зимой и долгим жарким летом. Строители и обитатели жилища стремились главным образом приспособить его к проживанию в нем летом. Эта задача разрешалась в различных районах различно. В некоторых городах (Ташкент, Самарканд) обитатели дома выезжали на лето в пригородные сады, и их городские жилища служили только для пребывания в них зимой. В Бухаре каждый достаточно зажиточный дом имел две жилые ячейки—зимнюю и летнюю, состоящие каждая из одной или нескольких комнат с передней. Зимняя комната была обращена на юг и имела небольшую высоту, летняя была обращена на север и делалась более высокой. В бедных домах ограничивались постройкой только одной комнаты, обращенной на север, в которой жили круглый год.

В Хиве жилище состояло из одной низкой комнаты, обращенной на север, и возведенного перед ней очень высокого (иногда в два раза выше комнаты) айвана (веранда навес). Для Хорезма характерны также целиком перекрытые дворы с приподнятой в виде открытого фонаря центральной частью крыши.

Для городов Ферганы наиболее характерной была южная ориентация жилой комнаты с расположенным перед ней айваном. В Самарканде и Ташкенте, где большая часть городского населения выезжала на лето в свои пригородные сады, зимнее городское жилище чаще всего строилось обращенным на юг, а айван располагался либо рядом с жилым помещением (Ташкент), либо под углом к нему (Самарканд).

Оконные проемы в начале колониального периода еще не имели застекленных рам. Только в богатых домах вставлялись деревянные рамы (дарпарда), обклеенные промасленной бумагой. В большинстве же домов окна закрывались только деревянными ставнями. Преобладающим видом отопления был сандал, состоявший из низенького столика, под которым помещалась жаровня с углями. Столик закрывался одеялом, а люди садились вокруг него, согревая под одеялом ноги и колени. Наряду с ним в начале колониального периода встречалось и отопление камином (мури), вышедшим впоследствии из употребления, за исключением Ферганской долины, где камин продолжал сохраняться. Местами встречалось еще отопление костром, которое в виде пережитка кое-где в кишлаках держалось до самого конца колониального периода и применялось главным образом в михман-ханах при устройстве гапов—зимних вечерних собраний мужчин. В качестве основного вида отопления костер бытовал на северо-западе Узбекистана—в Хиве и Кара-Калпакии, в жилищах как оседлого, так и полукочевого населения.

Основным строительным материалом для возведения построек оседлого населения, как и в доколониальный период, служил лёсс, применяемый в виде битой глины, высушенных комков (гуваля) и сырцового кирпича. Стены из битой глины применялись в жилых постройках до конца третьей четверти XIX в. в большинстве городов и кишлаков; позже они были вытеснены, по крайней мере в городах, каркасными постройками.

В последнем десятилетии XIX в. и в начале XX в. широкое распространение получил жженый кирпич. Из него строилось большинство квартальных мечетей, торговые помещения и иногда жилища представителей местной буржуазии. Различные сорта леса применялись для изготовления деталей жилища: дверей и ставен, колонн, подбалок и проч. Все деревянные детали часто украшались резьбой.

Большое влияние на местное строительство оказали стекло и железо, которые с проведением железной дороги завозились в Среднюю Азию и широко применялись в центральных кварталах городов.

Мебель в европейском смысле слова отсутствовала. Обитатели дома сидели на полу, на постланных вдоль стен узких одеялах — курпача. Различные предметы домашнего обихода размещались в многочисленных нишах.

Значительное еще по своей численности в колониальный период полукочевое население (каракалпаки, казахи и др.), даже начиная переходить к оседлости, проживало большею частью весной, летом и осенью в юртах (уй, кара-уй, утау).

Внутреннее убранство юрты состояло главным образом из различных шерстяных ковровых мешков, торб и сумок, обычно украшенных орнаментом.

Одежда. Национальный костюм различных народов Узбекистана, в основном однотипный, значительно отличался в своих деталях у представителей не только различных народностей, населявших страну, но и по отдельным районам.

Верхней одеждой мужчин везде являлся халат. В Бухаре преимущественно носили длинные и широкие халаты ярких цветов, нередко с пестрым узором и с длинными рукавами. В противоположность этому ферганцы любили темные цвета — синие, фиолетовые, темнозеленые и носили короткие узкие халаты, с узкими рукавами, плотно запахнутые и подпоясанные поясным платком.

Халаты хивинцев шились из лощенной до блеска бумажной алачи в неширокие полосы: красные и коричневые, красные и темнозеленые или фиолетовые. Их особенностью была очень мелкая стежка, придававшая им жесткость. Каракалпаки носили халаты из такой же алачи, из темной без узора фабричной ткани или из домотканного сукна.

Помимо различий по отдельным районам существовали различия в одежде по возрасту, профессии и главным образом по имущественному положению. Старики, как правило, носили халаты более темных расцветок, муллы и представители духовенства предпочитали одеваться в белое. Им следовали и многие торговцы. Престарелые имамы, ишаны и вообще люди преклонного возраста носили халаты из маты рыжеватого цвета (малля), которая вырабатывалась из особого местного светлокоричневого сорта хлопка.

Одежда кишлачного населения нередко была светлых тонов или даже белая.

Костюм высших классов отличался качеством материала. Бухарский эмир и его приближенные носили халаты, расшитые золотом. Такие халаты жаловались самим эмиром вместе с ярлыком, выдававшимся при назначении на должность. Все остальные, даже если они были достаточно состоятельны, имели право носить только золотошвейные головные уборы.

Покрой одежды в течение колониального периода пережил значительные изменения. Старые простые покрои и фасоны сменились более сложными.

Влияние европейских покроев на одежду населения Узбекистана определилось вполне к началу 90-х годов XIX в.

Основным видом одежды была просторная рубаха, сшитая из прямых кусков ткани, что позволяло при кроении ее обходиться вовсе без ножниц: ткань разрывали по прямой нитке руками. При полном

сходстве покроя мужских и женских рубах единственным их отличием была относительно несколько большая длина женской рубахи и другая форма ворота.

Шаровары делались широкими, вверху завязывались при помощи шнура с кистями на концах. Мужские и женские шаровары отличались друг от друга главным образом относительной разницей в их длине: мужские шаровары едва прикрывали икру, в то время как женские спускались на ступню, образуя напуск.

Женщины носили халаты такого же покроя, как и мужчины, но более узкие и короткие.

Специфическим видом женского халата была кальтача (мурсак или мунисак)—узкая одежда, сильно открытая спереди, с густыми сборками на боках, являвшаяся в начале колониального периода наряду с халатом основной формой женской одежды, особенно выходной. Однако под влиянием моды, пришедшей в Узбекистан из России к концу XIX в., мурсак постепенно начал выходить из употребления. В то время как в Бухаре мурсак продолжал сохранять значение обычной одежды вплоть до революции, в Самарканде он остался лишь в траурном—погребальном костюме.

При выходе из дому на улицу женщины-горожанки накидывали на голову особый халат—паранджу, а на лицо опускали черную волосяную сетку—чимбет (чашмбанд, чачван). Паранджа имела длинные, почти до пола, фальшивые рукава, которые сзади скреплялись вместе, так как эту одежду в рукава никогда не носили.

Паранджа была распространена в городах и крупных селениях; в сельских районах она почти не употреблялась. Во многих районах вместо нее носили специальные накидки, называемые джеляк, в виде халатика обычного покроя, закрывавшие женщину с головы до бедер. Чимбет при этом не одевался, а при встречах с посторонними мужчинами женщины прикрывали лицо полой джеляка.

С 80-х годов прошлого столетия в быт вошли платья со швом на плечах, вырезной проймой, вшивным рукавом и стоячим воротником. Прежний женский халат, а в еще большей степени мурсак были вытеснены из быта камзолом, плотно облегавшим фигуру.

В начале колониального периода, когда были еще распространены кустарные ткани, для домашнего костюма употреблялась главным образом бумажная полосатая алача, для выходной женской одежды любимым материалом был пестрый адрас или пестрый же шелк-канаус. Для мужской выходной одежды употреблялись полосатые шелковые и полушелковые ткани, в каждом районе своих излюбленных цветов и узоров.

Еще до русского завоевания в быт начали проникать фабричные ткани, которые вскоре после завоевания вытеснили в городах местные кустарные бумажные ткани, сначала в женской одежде, а потом и в мужской. Прежде всего распространился кумач, затем—набивные ситцы, а к XX в. ассортимент завозимых сюда фабричных тканей стал очень разнообразным. Особую популярность приобрел бархат, который вместе с фабричными шелками начал вытеснять местные дорогие сорта тканей. Это значительно изменило весь колорит национального костюма. Мужские халаты часто стали делаться из темноголубого или зеленоватого сукна (вначале английского, а затем и русского) и даже из толстых бумажных тканей такого же оттенка.

Головные уборы. Мужской головной убор в большинстве районов состоял из тюбетейки и чалмы.

Тюбетейка—небольшая круглая шапочка типа ермолки—являлась традиционным головным убором. Имея широчайшее распространение, этот головной убор отличался в то же время в каждом районе своеобразием формы и орнаментации.

По форме тюбетейки были двух типов: ферганская имела плоское квадратное донце, которое, пришиваясь к круглому околышу, образовывало четыре ребристых угла. В остальных районах тюбетейка была круглой, нередко островерхой, приближавшейся в большей или меньшей степени к форме конуса или пирамиды. От обычных тюбетеек отличались покроем так называемые кулахи, которые шились без околыша из четырех отдельных частей, приближавшихся по форме к треугольнику. Этот головной убор носили ишаны и люди, связанные с суфизмом.

В большинстве районов тюбетейки орнаментировались вышивкой, представляющей большое разнообразие стилей и типов.

Чалма считалась обязательной при выходах из дома везде, кроме Ферганы, где очень часто ходили без чалмы даже люди пожилые и почтенные. Не носили мужчины чалму и в Хорезме и Кара-Калпакии. Обычным мужским головным убором там была папаха из черной мерлушки.

Зимой часть мужчин носила шапки. В Фергане эти шапки делались с меховой опушкой, часто из хвоста лисицы или куницы; в Самарканде и Бухаре околыши делали из гладкого меха выдры, с верхом из каракуля. Постоянным головным убором в Хорезме и Кара-Калпакии зимой и летом являлась черная, преимущественно мерлушковая шапка особой формы—конусообразно расширявшаяся вверх. В северных районах носили, кроме того, заимствованные у казахов белые войлочные шляпы.

Старинный головной убор женщин состоял из небольшой шапочки кулюта, имевшей сзади мешочек с отверстием внизу для пропускания в него кос, прямоугольного куска ткани лячак, подвешивавшегося под подбородком и связывавшегося концами на темени, и большой чалмы, состоявшей из свернутой жгутом продолговатой полосы ткани.

Этот старинный головной убор постепенно—сначала в городах, а затем и во многих сельских районах, был заменен убором ферганского типа, состоявшим из двух платков. Первый из них, сложенный углом, свободно набрасывался на голову. Второй, сложенный несколько раз в виде широкой косой полосы, повязывался поверх первого в виде кокошника. В Бухаре такой платок-повязку (пешонабанд) состоятельные женщины часто украшали золотым шитьем.

Девичьим головным убором была шапочка (туппи).

Таким образом, в течение колониального периода костюм населения Узбекистана, сохранив свои национальные черты, претерпел значительные изменения.

Появился новый тип костюма, прежде всего у купечества и других лиц, связанных торговыми интересами с Россией, и у нарождавшейся буржуазной интеллигенции: чалма, но меньших размеров, халат, но не очень длинный и широкий, скромной расцветки. Все это придавало костюму представителей таких кругов свой характерный стиль.

В старинном женском костюме, где классовые, профессиональные или сословные особенности если и отражались, то только в большей или меньшей ценности материала, диференциация обнаруживается по линии возрастных типов костюма, каждый из которых был связан с семейным положением ее носительницы.

Обувь. Мужская обувь у горожан и зажиточных жителей кишлаков состояла из сапог с мягкой подошвой без каблуков (махсы) и

обязательных при них калошах (кауш), снимавшихся при входе в дом или мечеть. Бедняки, и в особенности крестьяне, носили грубо сшитые, но прочные сапоги—мукки. Специально для верховой езды изготовлялись особые сапоги (итык) с твердой подошвой и очень высокими острыми каблуками. Каблуки сапог и кауш подковывались железными или медными подковами, иногда укреплялись гвоздиками с звездчатой шляпкой.

Такие же махсы и кауш носили женщины, при чем махсы одевались только в холодное время или при выходном платье, в прочее время дозольствовались калошами, одеваемыми на босую ногу.

Пища. Основной пищей оседлого населения была растительная, прежде всего хлеб (нан), выпекавшийся в виде круглых лепешек разного размера в особых печах (танур, тандыр), имеющих форму корчаги без дна, положенной на бок или поставленной вертикально. В этой печи разводился огонь, после прогорания которого к раскалившимся стенкам печи прилеплялись хлебные лепешки. Существовали еще древние способы печения хлеба в котле или прямо в золе. Наиболее излюбленным был пшеничный хлеб, но бедные слои населения часто вынуждены были питаться хлебом из более дешевой муки — пшенной (тарик), джугаровой или кукурузной (загора) который нередко бывал их единственной пищей.

Отношение к хлебу было чрезвычайно почтительное. Дети с самых малых лет приучались подбирать каждую упавшую на землю крошку, чтобы он не был „осквернен". В доме хлеб хранился в верхней почетной части комнаты, за едой его разламывал старший в доме человек, распространена была клятва хлебом и т. п.

Из горячей пищи наиболее распространенными были всевозможные похлебки и каши (аталя, куча-ош, джарма) из муки или из дробленого зерна.

Повседневные блюда чаще всего заправлялись молочными продуктами—кислым молоком или заготовлявшимся впрок сыром (крут), а из жиров—растительным, преимущественно льняным и кунджутным маслом. Животный жир, главным образом любимое населением баранье сало, был доступен далеко не всем и ежедневно употреблялся только зажиточными людьми.

Рыба употреблялась мало, почти исключительно в жареном виде Только у рыбаков на побережье рек и у каракалпаков на Аральском море она приготавливалась чаще и разнообразнее.

Любимым и наиболее почетным при угощениях блюдом в большинстве мест Узбекистана считался плов. Существовали десятки способов приготовления плова. В богатых домах плов варился чуть ли не каждый день, в средних по зажиточности домах обычно раз в неделю, вечером в канун пятницы. Для бедных плов был очень редким блюдом.

Летом большое значение в питании населения имели фрукты—урюк, тут, виноград и особенно дыни, которые являлись одним из основных элементов питания.

Молоко употреблялось главным образом в заквашенном виде (катык), а в зажиточных семьях и в виде сливок (каймак), являвшихся одним из любимых лакомств. В чистом виде пресное молоко давалось только детям. Из молочных продуктов, заготовляемых впрок, наиболее важными были масло и сыр.

Чай в начале колониального периода имел меньшее распространение, чем в конце, когда он вошел в обиход даже в самых бедных домах. Чай чаще всего приготовлялся, как и повсюду, завариванием его кипятком. Наряду с этим распространен был и способ приготовления его в

виде так называемого шир-чая или ак-чая, который варился с молоком, маслом, солью и пряностями и во многих районах был обязательной частью зимнего утреннего завтрака.

Опьяняющим напитком были буза, приготавливаемая из проса, и местное виноградное вино — мусалляс. В течение колониального периода появились в употреблении водка, вино и гиво, но широкого распространения не получили.

Пища в семье всегда приготовлялась женщинами, на общественных же угощениях—большею частью мужчинами. Каждый мужчина считал обязательным для себя уметь приготовить плов, и это искусство служило нередко предметом гордости и соревнования.

Положение женщины. Характерной чертой старого быта народов Средней Азии как оседлых, так и полукочевых было разделение полов, зародившееся еще в древности. Особенно сильно это проявлялось среди оседлого населения, где практиковалось затворничество женщин, которое в городах за последние столетия под влиянием мусульманского духовенства соблюдалось очень строго и привело к полному обособлению женщин от общественной жизни. Это определяло многие особенности среднеазиатского общественного и семейного быта, порождая множество специфических явлений, которые не могли иметь места в странах, не знавших такого неравноправия и приниженного положения женщины, как в странах мусульманского Востока и в частности в дореволюционном Узбекистане.

Семья у народов Узбекистана в течение всего колониального периода сохраняла многие черты семьи патриархальной. Главой ее являлся отец и муж, которому должны были беспрекословно подчиняться и жена, и мать, и взрослые сыновья, нередко имеющие уже свою семью. Сыновья при женитьбе, как правило, не отделялись, их жены входили в семью родителей мужа и попадали не только в полную власть мужа, но прежде всего - во власть свекра и свекрови.

Власть мужа над женой и отца над детьми была велика. Без его согласия нельзя было предпринять ни одного сколько-нибудь важного дела. Он сам определял судьбу своих детей, выбирал им профессию и отдавал в обучение или на работу, женил сыновей и выдавал замуж дочерей.

Женщина была под властью мужчины всю свою жизнь. Сначала полновластным распорядителем ее судьбы был отец, которому девушка не только не имела права возражать, но, по обычаю, не могла поднять на него своих глаз. Выдавая дочь замуж, отец передавал свои права на нее мужу, и права эти также были очень велики. Жена была обязана повиноваться своему мужу беспрекословно, не имея права ослушаться его даже в своих домашних делах. Собираясь выйти из дома, она должна была просить разрешения мужа; выход из дома без его ведома мог служить поводом для развода. Мусульманское религиозное законодательство считало женщину неполноправной. При наследовании семейного имущества женщина имела право только на половину доли мужчины, вместо одного свидетеля-мужчины требовалось свидетельство двух женщин.

Ислам культивировал подчиненное, бесправное положение женщины. Ни побои, ни болезнь мужа, ни неспособность его обеспечить семью средствами к существованию не считались достаточными причинами, по которым жена могла оставить дом своего мужа. Если она просила у него развода, он требовал, чтобы она „наполнила его полу", т. е. дала бы ему выкуп, который был равен понесенным им расходам

на свадьбу. В то же время муж имел право дать жене развод без всяких его оформлений, одним произнесением соответствующих слов: „я тебе дал развод", „я тебя отпустил, уходи". Дав женщине развод, мужчина мог тут же снова вступить с ней в брак, для чего считалось достаточным прочтение муллой свадебного текста.

В знак своего приниженного положения жена обращалась к мужу на „вы", в то время как он говорил ей „ты"; при его приходе в дом она была обязана встретить его у дверей и оказывать ему различные мелкие услуги.

Особенно тяжело было положение женщины в той семье, где муж имел несколько жен: ислам разрешал мужчине состоять в браке одновременно с четырьмя женщинами.

Женщина была лишена возможности участвовать в общественной жизни. На улице она могла появляться только под паранджой, с чимбетом на лице; но и в этом неудобном костюме ей разрешалось выходить лишь в случаях крайней необходимости. Обычай не позволял ей посещения общественных мест, в том числе и базаров. От гостей-мужчин, приходивших в дом, женщина тщательно пряталась. Также ограничено было участие женщины и в производственной жизни. Только в некоторых ремеслах, как, например, в различных отраслях текстильного производства, женщины и девушки работали на дому, являлись помощницами своих мужей и отцов, выполняя часть работы. Специфически женскими ремеслами были прядение ниток и вышивание тюбетеек, сбывавшихся на рынок при помощи посредников. Все эти женские занятия, как правило, давали ничтожный заработок и не могли обеспечить самого скромного прожиточного минимума семье, в которой не было работоспособного взрослого мужчины.

Особенно строгим затворничество женщин было среди узбекского и таджикского городского населения. В сельских местностях, в семьях земледельцев, в связи с тем, что женщине приходилось принимать участие в ряде сельскохозяйственных работ, это затворничество не соблюдалось так строго; еще в меньшей степени оно существовало у кочевников и у некоторых мелких народностей—цыган, евреев и т. д., но и там положение женщины было повсюду приниженным и неполноправным.

Семья. Несмотря на многовековое господство в Узбекистане ислама, разрешающего многоженство, основной формой семьи как у узбеков, так и у других народов Средней Азии, была семья моногамная. Лишь у господствующих классов, а также у духовенства, бывало по несколько жен. Особенно велико было количество жен у эмиров и ханов, содержавших гаремы. Единственной причиной, которая обычно побуждала небогатого человека брать вторую жену, была бездетность первой или отсутствие у нее сыновей.

Семьи были обычно многолюдны, так как не практиковалось выделять женатых сыновей. После смерти отца, братья также нередко не делились, в особенности если они занимались одной профессией или вели общее хозяйство. Колониальный период, в течение которого патриархальные отношения в семейной жизни начали быстро исчезать, принес с собой и повсеместный распад больших семей. Однако до последнего времени изредка встречались большие семьи, в которых взрослые женатые братья вели общее хозяйство.

В брак вступали рано: девушка считалась достаточно взрослой в 13—14 лет, юноша—в 17—18. Иногда браки бывали и еще более ранние. Родители юноши обычно сами подыскивали ему невесту, не спрашивая его согласия.

Круг семей, из которых выбиралась невеста, был различен у разных этнических групп. В городах нередко совершались браки между людьми посторонними. В кругах ремесленников предпочитались браки между людьми одной профессии. В особенности желательными считались такие браки у ткачей, в ремесле которых женский труд играл большую роль.

Наряду с этим были в обычае и браки между родственниками. Но у различных этнических групп существовали брачные запреты, имевшие характер экзогамии, или, наоборот, обязательность браков с определенными родственниками.

У многих узбекских племен, например, у узбеков Чиназа, господствовала строгая родовая экзогамия по отношению к родственникам по мужской линии. В противоположность этому у части таджиков запреты распространялись на материнское родство: запрещались браки с детьми брата матери, в то время как с детьми брата отца браки допускались. Иногда экзогамный запрет оставался единственным следом былой близости групп, далеко отошедших друг от друга при дальнейших расселениях. Таким был сохранившийся у самаркандских арабов запрет браков с арабами из Карши.

Очень распространенными были кузенные браки различного типа. Например, у таджиков Нур-ата были обязательными браки между детьми братьев.

Широко распространен был обычай сватовства с колыбели. Сватовство с колыбели облегчало подготовку к свадьбе и скрепляло отношения между семьями. Обычай требовал держать данное слово, брак должен был состояться, невзирая на изменения, которые могли произойти в положении обеих семей.

Браки совершались только при обязательной уплате калыма.

Размеры, характер и состав калыма у народов Узбекистана сильно различались. У дехкан, и в особенности у горожан, жених доставлял обычно только все необходимое для приданого и для свадебного торжества. Значительных размеров бывал калым у скотоводов. Главной частью калыма у них являлось то или иное количество скота, в зависимости от достатка семей жениха и невесты. Получив в свою пользу некоторое количество скота, отец невесты в некоторых местах, по обычаю, первый приплод должен был подарить дочери.

„Большой сговор" (фатиха—молитва) сопровождался общественным пиршеством, участвовать в котором, помимо родственников жениха и невесты, приглашался широкий круг людей. В городах на это пиршество приглашалось население одного или двух кварталов, объединяемых общей квартальной мечетью, в кишлаках—жители какой-нибудь его части или всего селения, если оно было невелико. У ремесленников в этот круг входили также сотоварищи по профессии и цеховая администрация. Особенно большим было число приглашенных на свадьбы состоятельных людей, но и малосостоятельные также должны были выполнять этот обычай, делавший свадьбу настолько дорогой, что люди малоимущие нередко вообще оставались из-за этого холостыми на всю жизнь.

После сговора невеста скрывалась от всех родных жениха, а он избегал встреч с ее родственниками. С этого дня они начинали называться мужем и женой и во многих районах между ними допускались добрачные свидания в доме девушки, куда жених пробирался тайком, хотя и с ведома ее родных, но стараясь только избежать встречи с ними. В некоторых районах, где этот обычай был распро-

странен, жених и невеста должны были соблюдать целомудрие, в других же не считалось предосудительным даже рождение ребенка, в третьих—рождение ребенка было условием для переезда молодой в дом ее мужа. Практика добрачных свиданий была особенно распространена в районах скотоводческих, где размеры калыма были высокими и трудность его уплаты заставляла растягивать промежуток между сговором и свадьбой иной раз до нескольких лет.

Свадьба, называемая обычно словом „той", отмечалась, так же как и сговор, большим общественным пиршеством.

Свадебные обряды, значительно отличавшиеся в отдельных районах Узбекистана, представляли собой сложное действие, полное символических и магических обычаев, которые должны были обеспечить молодым счастье и многочисленное потомство.

Бездетность считалась большим несчастьем, и потому известие о наступлении беременности встречалось с большой радостью. Лицо, принесшее первым радостную весть („суюнчи") о рождении ребенка отцу или близким родственникам, обязательно получало подарок. Роды происходили дома, при участии повитухи.

Обычно на пятый день ребенка первый раз укладывали в деревянную низенькую колыбель (бешик) и плотно прибинтовывали к ней свивальниками, что сопровождалось обрядами, имевшими целью отогнать от него нечистую силу.

По достижении 5—7 лет, а иногда и позже, над мальчиками совершался обряд обрезания (суннат), который являлся обрядом приобщения к исламу. Операция производилась цирюльником. Обрезание сопровождалось большим пиршеством, продолжавшимся в течение трех дней и больше.

Общественными обрядами отмечались не только радостные, но и печальные события семейной жизни. Вокруг умирающего собиралась вся семья и близкие родственники. Громкий плач с причитаниями и горестными воплями давал знать всем соседям о том, что наступила смерть.

Похороны совершались обязательно в течение тех же суток. Умершего обмывали теплой водой специалисты-обмывальщики жившие замкнутыми общинами, члены которых вступали в брак только между собой и встречали брезгливое и боязливое отношение со стороны остального населения. Покойника завертывали в саван, представлявший собой кусок новой ткани белого цвета. Умерших в пути заворачивали в их собственную чалму. Умершие насильственной смертью хоронились в той одежде, в которой они погибали.

Посетить дом умершего в день похорон считалось долгом всех родных и знакомых. Приглашались специальные плакальщики, которые читали нараспев элегические стихи (марсия); нередко совершались траурные радения, называемые „садр". Горе выражалось очень бурно: женщины громко плакали, царапали лицо ногтями до крови, били себя кулаками в грудь.

Покойника относили на кладбище на особых деревянных носилках (табут), которые служили для похорон всех покойников прихода и хранились в квартальной мечети. Их несли быстрым шагом мужчины, непрестанно сменяясь: нести гроб на кладбище считалось богоугодным делом (савоб), и каждый старался принять в нем участие. Ближайшие родственники умершего шли с громким плачем перед носилками с покойником.

В могиле, вырытой в рост человека, делался внизу небольшой

подкоп в виде ниши (ляхад), куда клали умершего, после чего развязывали саван над его головой и поворачивали мертвеца лицом в сторону Мекки. Отверстие ниши закладывалось камнями или кирпичом, и вся могила засыпалась землей. Помимо этого способа погребения, существовали еще другие: в Бухаре и в некоторых других местах покойников клали в выложенный из кирпича над поверхностью земли небольшой сводчатый склеп (сагона), отверстие которого затем закладывалось кирпичами.

В доме умершего три дня не зажигали огня и не варили пищи. О пропитании семьи заботились родственники. На третий день готовили ритуальное блюдо. Траур (азо) соблюдался в течение года: женщины носили траурные синие, реже черные, платья и белые платки, мужчины воздерживались от ношения ярких тюбетеек, в доме не играли на музыкальных инструментах, не устраивали сговоров и свадеб.

По прошествии года устраивались большие поминки: в последний раз оплакивали умершего, а затем все, носившие траур, снимали его, и поминки превращались в праздник, сопровождавшийся большим угощением.

Праздники и развлечения. Два годовых праздника — праздник окончания поста (иди-фитр, иди-рамазан) и следовавший через сорок дней за ним праздник жертвоприношения (курбан)—были религиозными праздниками, обязательными для всех мусульман. Они отмечались большими всенародными молитвами, совершавшимися в городах, в соборных мечетях, а также в особых „намазгах"—местах праздничной молитвы в окрестностях города там, где такие намазгах существовали. После молитвы начиналось гулянье, люди ходили друг к другу в гости.

Кроме этих чисто религиозных праздников, у оседлого населения городов и окрестных кишлаков существовал обычай ежегодно весною, в иных районах и летом, всегда в определенной местности, устраивать саиль—массовые загородные гулянья, являвшиеся, повидимому, пережитком культа природы. В Ташкенте весенний саиль устраивался в связи с празднованием весеннего дня красного цветка—„кызыль-гуль", (в Бухаре—„гули-сурх") в местности, которая и называлась „Кызыль-гуль", а летом гулянье происходило при известном мазаре Занги-ата, в 17 *км* от города. В Бухаре местом празднования „гули-сурх" был мазар Бахауддина. Саили продолжались примерно дней десять или несколько пятниц подряд. Весною праздновался также науруз (новый год).

В местах проведения саилей открывались чайханы, столовые, лепешечные, пекарни. При огромном стечении публики выступали певцы (хафизы), музыканты, комедианты, курчакбазы и чадырхаяли (кукольные театры), канатоходцы, мальчики-плясуны (бачи), уличные фокусники, дрессировщики животных и др. Довольно видное место в развлечении народа занимал кураш (борьба). В кураше выступали не только охотники из публики и прославленные палваны (силачи) города и окрестных кишлаков, но и приезжие борцы.

Осенью или в зимнее время устраивались состязания верхом на конях, называемые у оседлого населения улак или кук-бури (купкари). Игра эта заключалась в том, что перед огромной толпой верховых, часто в несколько сотен человек, бросали зарезанного козла или теленка, у которого предварительно удаляли голову и внутренности. Вся толпа верховых кидалась на брошенного козла и после длительной борьбы какому-либо особо ловкому чавандозу (наезднику), сидевшему на тренированном коне (улакчи ат), часто при помощи своих товарищей, удавалось вырваться с козлом из толпы и, отбиваясь от преследовате-

лей, бросить его у финиша. Победитель получал подарки: шелковый халат, деньги, баранов и т. д. Это крайне азартное состязание сопровождалось часто увечьем людей и коней. Кроме того, кочевое население, реже—оседлое, устраивало конские скачки (байга) на большие дистанции в несколько десятков километров; в них участвовали лучшие, специально тренированные кони.

Одной из форм общественного времяпрепровождения мужчин были так называемые гапы, гаштак или джура,—зимние вечерние собрания мужчин, объединявшихся, соответственно своему возрасту и склонностям, группами численностью от 7—8 до 30—40 человек. Члены такой группы собирались или поочередно друг у друга, или в чьей-нибудь самой большой и удобной михман-хане, поочередно или же в складчину устраивая совместное угощение. На богатые гапы приглашались профессионалы-острословы, певцы, танцоры. Обычной фигурой на богатых гапах бывал бача—мальчик или безбородый юноша, выступавший с танцами, иногда в женской одежде.

В конце колониального периода значительную роль в общественной жизни мужской части местного населения играли ставшие к тому времени очень многочисленными чайханы, где всегда бывал народ и где вечерами собиралось большинство проживавших поблизости взрослых мужчин.

§ 3. РЕЛИГИЯ

Ислам. Большинство народов Узбекистана было мусульманами суннитского толка. Лишь ирани (марви), выселенные из Мерва, принадлежали к шиитам. Религия во многом определяла мировоззрение населения, что было неразрывно связано с крепко державшимися в колониальный период феодальным бытом и феодальной идеологией. Ни одного своего намерения старые люди не высказывали без того, чтобы не прибавить: „иншалла"—„если захочет Аллах". Свойственный исламу фатализм, вера в предопределение (такдыр), вера в судьбу, „написанную на лбу", от которой „все равно не уйдешь", учили покорности, раболепию, удерживали от всяких попыток борьбы. Вера в предопределение являлась одной из основных идей, внушенных исламом.

Обрядовая сторона ислама, состоявшая в выполнении пяти обязанностей—ежедневной пятикратной молитвы, поста в месяц рамазан, паломничества в Мекку, уплаты налога „на бедных" (зякат) и произнесения символа мусульманской веры „нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его"—выполнялась мусульманами Узбекистана далеко не полностью и с местными особенностями: лишь немногие имели возможность съездить в Мекку, заменяя это паломничеством к местным святыням; налог в пользу бедных (зякат) в среднеазиатских ханствах давно уже превратился в обязательный, вносившийся в ханскую казну, и потерял свое старое значение; пятикратная молитва строго соблюдалась лишь людьми, принадлежавшими к мусульманскому духовенству, стариками и т. п. Люди, занятые постоянным трудом, не могли, естественно, тратить время на обременительные моления, совершая их лишь в свободное время и по пятницам в мечети.

Ежегодными мусульманскими религиозными праздниками являлись праздник окончания поста (рамазан-хаит, иди-фитр или катта-хаит—большой праздник) и праздник жертвоприношения (курбан-хаит, иди-курбан или кичик-хаит—малый праздник). Празднику рамазан-хаит пред-

шествовал месячный пост (руза), во время которого верующий должен был в течение дня, от восхода до заката солнца, воздерживаться от пищи, питья и курения. С наступлением темноты это воздержание заканчивалось. Легенда о возникновении праздника жертвоприношения восходит к известной библейской легенде об Аврааме и Исааке. Каждый верующий призывался приносить в дни праздника в жертву животное. Праздничным днем недели была пятница (джума). В этот день совершалась большая общественная молитва—намаз-джума.

Мифология мусульманства также была воспринята мусульманами Узбекистана далеко не полностью. Живостью представлений отличалось лишь то, что нашло благоприятную почву в старых доисламских верованиях и жило в народных массах. Личность самого пророка Мухаммеда не пользовалась большой популярностью, о нем редко вспоминали. Гораздо популярнее были его внуки—Хасан и Хусейн, которым ежегодно посвящались траурные празднества (ашури), устраивавшиеся в память убиения Хусейна. Эти праздники справлялись главным образом женщинами и сопровождались угощениями и радениями. Почитание памяти Хасана и Хусейна говорит о связи их образов со старыми культами, в частности с культом близнецов, в качестве которых Хасан и Хусейн почитались мусульманами Узбекистана. Популярностью пользовалась также их мать Фатима, дочь Мухаммеда, с именем которой, под влиянием ислама, связывались многие старые представления и обряды: она заняла место древних божеств-покровительниц рожениц и новорожденных.

Библейские пророки и патриархи считались нередко патронами ремесел: им посвящались ремесленные культы, которые исполнялись людьми, занятыми в одной профессии. Сказания о них были широко распространены в народе.

Мусульманское духовенство. Мусульманское официальное духовенство было весьма многочисленным. В каждой мечети в городе и в кишлаке были имамы (настоятели) и суфи, иначе муаззины или азанчи. Оба эти лица нанимались приходом мечети. Имам обязан был руководить пятью ежедневными намазами и читать положенные при этих намазах молитвы. Суфи за несколько минут до намаза должен был прокричать азан, т. е. призыв на молитву, и наблюдать за чистотой мечети. В городах эти лица получали содержание деньгами от каждого дома, а в кишлаках—натурой. Помимо того, они собирали с населения деньги или подарки при совершении разных обрядов, сопровождавших рождение, брак, смерть и т. д.

К духовенству же причислялись лица, занимавшиеся разбором судебных дел в сохранившихся в колониальное время шариатских судах: казии, а'ламы и муфтии, обязанности которых не отличались существенно от обязанностей этих должностных лиц в старое время, но с значительно ограниченной и урезанной юрисдикцией, связанной к тому же контролем русской администрации. Число казиев зависело от величины города. В больших городах их было несколько человек, а вне городов—по одному на волость. Должность казиев считалась „выборной", но фактически выборы происходили путем подкупов, а нередко и по указке царской администрации. В Бухаре и Хиве должности казиев замещались по назначению эмира или хана. В число духовных лиц включались также мударрисы, преподаватели права и богословия в медресе.

В колониальный период вся эта многочисленная масса духовных лиц не потеряла своей власти над воззрениями и поведением прихо-

жан. Еще большим было значение духовенства в Бухарском и Хивинском ханствах, где эмирская и ханская власть сохраняли свою теократическую оболочку. Армия духовенства, сама в подавляющей своей массе невежественная и косная, давила на сознание народных масс, противясь всему новому, прогрессивному и являясь главным оплотом феодальной реакции.

Суфизм. Наряду с официальным исламом в Узбекистане были распространены мистические учения суфизма, которые были представлены здесь несколькими орденами. Наиболее распространенным был орден накшбендия, основанный в XIV в. бухарским суфием Бахаутдином Накшбандом, могила которого в окрестностях Бухары была часто посещаема паломниками. Популярным был также орден кадырия, основанный в XII в. Абдулкадыром Гиляни, и орден кубравия, названный так по имени его основателя Наджмеддина Кубра (XII в.) и получивший большое распространение в Хорезме.

Принадлежность к суфийскому ордену была в обычае как в придворных кругах ханств, так и среди народных масс, которые придерживались его, не вдаваясь в тонкости суфийской философии. Их привлекала к суфизму большая, чем в официальном исламе, близость его к народным культам. Поэтому суфизм был очень распространен среди сельского населения, полукочевников и кочевников-скотоводов.

Во главе каждого ордена стояли обычно мнимые потомки его основателя, а во главе отдельных суфийских общин—ишаны или пиры (старцы), которые получали право наставничества (иршад) или по наследству, или с благословения своего наставника. Каждый, вступавший в орден, „вручал руку" определенному ишану, передавая себя, таким образом, в его полную власть, отказываясь от своей личной воли, обязуясь не иметь тайн от своего наставника, в то же время свято хранить его тайны, и принимал на себя обязанность ежегодно отдавать в пользу ишана часть своих доходов. Принадлежность к определенному ордену, так же как и „вручение руки" ишанам одного рода, была наследственной, передаваясь от отцов к сыновьям вместе со всеми вытекавшими отсюда обязанностями. Ишаны всеми силами охраняли свои права на получение „своей доли" имущества и доходов мурида. У потомственных ишанов имелись списки муридов с указанием размеров полагающихся с них взносов. Обычно осенью, после сбора урожая, ишаны отправлялись в районы, где проживали их муриды, и привозили оттуда мешки зерна, дыни, фрукты и пригоняли скот. Они беззастенчиво эксплоатировали своих приверженцев.

В городах ишаны популярностью не пользовались. Народ о поездках их за ежегодными сборами „подаяний" говорил с иронией, что ишан отправился „на охоту за муридами".

Последователи суфийско-дервишских сект устраивали радения или зикры (зикр буквально—„упоминание", подразумевается „упоминание имен божьих"). Последователи ордена кадырия практиковали „громкий зикр"—джахр. Джахром руководил сам ишан или его помощник. Певец-хафиз нараспев читал суфийские стихи, остальные участники зикра ритмическими телодвижениями, выкрикиванием одной или двух фраз приводили себя в экстаз. Последователи ордена кубравия были сторонниками тайного, молчаливого зикра (хуфия), произнесения имен божьих в душе. Зикры были распространены также и среди женщин под руководством особых наставниц, очень часто являвшихся женами ишанов.

Среди дервишских орденов была организация нищенствующих дервишей-каляндаров, которые жили подаянием. Проповедуя „отказ от

земных благ", каляндары образовывали замкнутые общины, в которых нищенство превратилось в наследственную профессию, достаточно доходную, обеспечивавшую безбедное, если не богатое, существование каляндара и его семьи. Каляндары проживали все вместе, в определенной части города, называемой остальным населением „каляндархана". Каляндарханы были почти в каждом городе Узбекистана. Одетые в особые отороченные шерстяной бахромой, расшитые халаты (джанда—рубище), под которыми носилась специальная нижняя одежда (хайдари, таннури, дастигуль), с остроконечными колпаками на головах, обвешанные амулетами, с посохом в руке, каляндары ходили то группами, то в одиночку по улицам городов и селений, распевая религиозные стихи и собирая подаяние. Все собранное приносилось главе общины, также всегда наследственному, которого каляндары считали своим наставником—пиром и называли „тюра"—„господин".

Тюра имел право на часть собранного каляндарами. Сыновья каляндаров с детства присматривались к профессии своих отцов, а затем, получив от пира разрешительную молитву, начинали ходить вместе с другими, собирая подаяние. Вступали в общину и люди посторонние, чаще всего в поисках выгодной профессии.

Каляндары не совершали зикра обычного типа. Собираясь для молений в доме своего пира, они занимались пением религиозных стихов и молитв, называемых талкан. Эти же стихи они распевали, проходя по улицам в поисках желающих что-нибудь пожертвовать „во имя бога".

Наряду с исламом среди населения Узбекистана продолжали существовать пережитки древних верований и культов, мирно уживавшихся с официальной религией.

§ 4. ШКОЛА

При царской власти полностью сохранились возникшие еще задолго до завоевания конфессиональные (религиозные) школы. Школы эти были двух типов: начальные школы — мактабы (мактаб-хана) и средние и высшие школы—медресе для подготовки имамов, кандидатов в судьи и т. п.

Мактабы. Мактабы содержались обычно на средства прихожан той или иной мечети, а иногда и частных благотворителей; обучались в них мальчики. Мактабы имели чисто конфессиональный характер: дети обучались молитвам, религиозным обрядам, чтению религиозных книг на арабском и персидском языках, иногда также письму и элементам арифметики. Учителями мактаба (домулла) были обычно имам или азанчи приходской мечети. От желающего преподавать не требовалось никаких документов об образовании, учителем мог быть всякий, едва грамотный человек.

Мактабы помещались в тесных и темных каморках. В переднем углу на тахте сидел учитель, за его спиной стояли прислоненные к стене палки различной длины, служившие для наказания ленивых и шалунов. Перед учителем, рядами вдоль стены и по середине комнаты, поджав босые ноги, сидели ученики; перед ними стояли низенькие скамеечки, на которых лежали книги и письменные принадлежности.

Ученики поступали в мактаб в возрасте пяти-шести лет. Преподавание велось не со всем классом в целом, а с каждым учеником в отдельности; ученики поступали в училище в любое время года и немедленно приступали к учебным занятиям, которые заключались в

заучивании под руководством одного из старших учеников кратких вступительных молитв или изречений на арабском и персидском языках, совершенно непонятных для маленького узбека. Затем приступали к заучиванию наизусть букв арабского алфавита, которые учитель писал тушью на продолговатой деревянной дощечке. Пройдя алфавит, ученики переходили к чтению книги „Хафтиак" (выдержки из корана); по ней дети учились читать, заучивая механически непонятный им арабский текст. Иногда на это уходило 2—3 года. Таким же способом прочитывался „Чаркитаб" (на персидском языке), заключавший в себе правила, касающиеся обязанностей мусульманина. По окончании „Чаркитаба", если ученик еще не покидал школы, приступали к чтению полного текста корана. Следующей ступенью образования было чтение сборников стихотворений, преимущественно религиозного характера. Много времени в старшей ступени школы уделялось обучению правилам совершения омовения и намазов (молитв), а также правилам вежливости, принятым в домашнем и общественном быту.

Методы обучения были самые примитивные. Дисциплина и прилежание в школе поддерживались палочными ударами. В случае серьезных проступков провинившихся прикручивали веревками за ноги к палке, которую держали два ученика, а третий бил подвешенного по пяткам. Битье детей учителями широко практиковалось и поощрялось родителями.

За свои труды учитель не получал определенного вознаграждения. При поступлении мальчика в школу учителю полагался от родителей дастархан (угощение). В дальнейшем, в каждый четверг, ученики приносили ему по лепешке; при переходе от изучения одной книги к другой родители платили значительную сумму денег и преподносили какой-нибудь подарок—чалму, платок, кусок ситца, иногда халат—в праздники и по случаю обрезания ученика.

Более способные дети одолевали курс обучения в 4 года, другие—в течение 6—8 лет. Окончившие мактаб ученики умели механически читать только те книги, по которым учились, писать буквы или списывать с оригинала.

Существовали также и женские частные школы, содержавшиеся обычно женами имамов; в таких школах обучались девочки из состоятельных семей. В них меньше уделялось внимания арабскому языку и корану, а больше персидской и тюркской поэзии, мало, впрочем, соответствовавшей по своему содержанию возрасту учениц.

Таким образом, начальная школа представляла собой типичную средневековую школу, сохранившуюся в Средней Азии в неприкосновенности до XX в.

Медресе. Такой же средневековый, схоластический характер носила и школа высшей ступени — медресе, сочетавшая в себе и среднее и высшее образование. Многие из существовавших в этот период медресе были основаны ханами и частными лицами еще в XV—XVII вв.; они были обеспечены вакфами, доходы с которых шли на содержание училища. Во главе медресе стоял обычно мударрис, который вел преподавание в старших классах; в младших под его руководством преподавали его ассистенты—мукаррары. Программы и учебные планы были выработаны в основных чертах в XII—XIII вв. Учебники, по которым проходили занятия, отражали круг знаний и идеологию мусульманского мира тысячелетней давности.

В курс обучения в медресе входили науки богословские и юридические. Основную часть учебного плана составляло мусуль-

манское богословие; коран, комментарии к нему, хадисы (предания о жизни Мухаммеда). В области мусульманского права основным руководством служили своды юридических норм, основанные на коране и канонических преданиях, составленные еще в VIII — IX вв. По желанию студенты дополнительно знакомились со стихотворениями некоторых персидских поэтов, а также с восточной медициной. По географии, астрономии и тесно связанной с ней, по средневековым представлениям, астрологии студенты медресе читали сочинения, составленные на основе корана и трудов средневековых космографов. Естествознание в учебном плане отсутствовало. Студенты, желавшие заниматься математикой, могли вне плана, в индивидуальном порядке, получить элементарные сведения по арифметике, алгебре и геометрии.

Слушатели делились на три курса: на младшем курсе изучали логику по учебнику Шамсия XIII в. и комментариям к нему того же времени; на среднем курсе—догматику по книге XVI в. Акаид (изложение основ ислама), диалектику — по учебнику, составленному в XVI в., на старшем — остальные предметы. Экзаменов при переходе из одной группы в другую не существовало; студенты переходили от изучения одной книги к изучению другой. Продолжительность обучения не регулировалась никакими правилами: некоторые студенты просиживали в одном отделении до 8—10 лет и учились в медресе более 20 лет, числясь там до зрелого возраста, так как звание студента считалось почетным. Курс, как правило, оканчивали не более 20% учащихся. Студенты, желавшие получить более полное богословское образование, отправлялись в Бухару или Коканд и даже в Турцию и Египет. Окончание полного курса медресе открывало доступ к почетным и выгодным должностям — казия, муфтия или а'лама, но большинство уходило, не закончив учения, на более скромные места имамов (т. е. настоятелей мечетей) и т. п. В классовом отношении главная масса студенчества принадлежала к семьям духовенства. В хорошо обеспеченных вакфами медресе каждый учащийся должен был купить себе место в общежитии (келью—худжру) у прежнего ее владельца, иногда за очень крупную сумму, достигавшую нескольких тысяч рублей. Старая средневековая система образования сохранилась до самой Октябрьской революции. Число мактабов и медресе даже возросло: в 1913 г. их было 7665 против 6445 в 1894 г.

Русско-туземные школы. Вопрос о создании для населения Узбекистана школы, всецело отвечающей колонизаторским целям царизма, встал очень рано перед царской администрацией. Для этого первоначально считалось наиболее целесообразным не создавать специальных учебных заведений, а привлекать представителей местных народов в русскую школу. Кауфман полагал „необходимым воспитывать детей русских и туземцев вместе" и считал „обособление школ мусульманских от русских" вредным в экономическом и политическом отношениях. Однако местное население неохотно отдавало своих детей в русские школы, мало приспособленные к местным запросам и условиям. На 1 января 1887 г. в русских школах обучалось всего 245 детей из коренных национальностей Туркестана. Интернат, специально созданный для этих детей при Ташкентской гимназии, пустовал. „Невольно приходится сознаваться,—писал генерал-губернатор Розенбах в 1885 г.,— что мы здесь пока совершенно бессильны в борьбе с мусульманским невежеством, что мы в продолжение 20-летнего управления краем почти совсем не приступили к осуществлению лежащей на нас исторической задачи и просветительной миссии—к образованию инородцев".

Розенбах выступил с проектом создания сети упрощенного типа начальных школ (так называемых одноклассных приходских училищ) для детей как русского, так и местного населения. Проект этот был одобрен Александром III. Уже в конце 1884 г. была открыта первая такая школа в „азиатской части" города Ташкента. С 1886 г. начала развертываться целая сеть „русско-туземных" школ, как стали называться эти училища. Открытие русско-туземных школ пошло особенно быстро после Андижанского восстания. В 1911 г. в Узбекистане и прилегающих районах было 105 русско-туземных школ.

Особенностью этих школ было разделение учебного дня на две части: первые два часа вел занятия русский учитель на русском языке (чтение, письмо и арифметика), а во второй части (два часа), мулла на местном языке занимался мусульманским вероучением.

„Новометодные" мактабы. По мере развития в крае капиталистических отношений, местная буржуазия все острее ощущала нужду в реальных знаниях, соответствовавших ее торгово-промышленной деятельности. Из кругов буржуазной интеллигенции и вышла идея реформы конфессиональной школы на основе требований новой европейской педагогики и создания так называемых „новометодных" мактабов, которые, сохраняя в основе своей мусульманский характер, применяли бы новые методы преподавания.

Движение в пользу „новометодных" мусульманских школ зародилось в конце XIX в. среди татарской интеллигенции Крыма, Кавказа, Поволжья и Урала. Религиозные мактабы старого типа были там реформированы в соответствии с назревшими потребностями татарской буржуазии, и открыты были новые школы европейского типа. Инициатором этого движения был татарский буржуазный националист Исмаил-бек Гаспринский, создавший в 1884 г. в Крыму так называемый „новометодный" мактаб, в котором преподавание велось по составленному им самим учебнику.

После революции 1905 г. движение за „новометодные" мактабы получило более широкие размеры. Проводниками этой идеи в Узбекистане явились „джадиды". „Новометодные" мактабы были школами повышенного типа, с 5 и 6-летним курсом обучения. Основное отличие новых мактабов от старых заключалось в обучении грамоте звуковым способом и в введении объяснительного чтения, в частности из области мироведения. Количество „новометодных" мактабов вырастало в первое время довольно быстро В 1903 г. в четырех главных городах Узбекистана (Ташкенте, Андижане, Коканде и Самарканде) их было 35. Всего в Туркестанском крае в предреволюционное время было зарегистрировано 92 „новометодных" мактаба. Эти школы находили поддержку со стороны национальной буржуазии.

„Новометодные" школы встретили сильную оппозицию со стороны реакционного феодального духовенства. Были даже случаи закрытия их по проискам духовенства.

Рост „новометодной" школьной сети очень рано вызвал беспокойство царской администрации. В 1912 г. генерал-губернатором Самсоновым было утверждено положение, согласно которому „открытие новометодных мактабов с начатками общеобразовательных знаний допускалось лишь с разрешения инспекции народных училищ"; программы и учебные пособия подлежали утверждению начальства.

§ 5. УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И УЗБЕКСКАЯ МУЗЫКА

Общая характеристика литературы. Узбекскую литературу колониального времени можно разделить на два периода: первый—со времени царского завоевания Средней Азии до 1905 г; второй—с 1905 г. до Великой Октябрьской революции. Для первого характерно преобладание в литературе феодально-клерикального направления. Группа поэтов во главе с Хазини, проповедывавшая религиозно-мистические идеи, писала о неизбежном конце мира, о необходимости выполнения правоверными мусульманами религиозных норм, о мучениях, ожидающих грешников на том свете, и т. д.

В то же время существовала другая группа поэтов, продолжавшая в своих произведениях традиции классиков узбекской литературы Лютфи и Навои, но вкладывавшая новое социальное содержание в свое творчество. Во главе этих поэтов стояли Мукими, Фуркат, а также Завки, Акмалхан-тюра, Асири, Мухаир, Камиль, Юсуф-сайрани и Мухи. Они внесли в литературу народный дух, народную мудрость и мечты о прекрасной вольной жизни. Эта группа литераторов дала произведения большой художественной силы, насыщенные смелыми, чуждыми до тех пор узбекской литературе, идеями. Направление это, однако, отражало настроение только небольшой, наиболее прогрессивной части общества.

Мукими. Мухаммед Амин-ходжа, сын Мирза-ходжи, известный в литературе под псевдонимом Мукими, родился в 1851 г. в г. Коканде, в очень бедной семье. Отец его занимался выпечкой лепешек—ремеслом, дававшим очень скудный заработок. Тем не менее Мукими получил хорошее в мусульманском смысле образование в медресе Коканда, Бухары и Ташкента. По окончании учения он отдался литературным занятиям. Умер Мукими 25 мая 1903 г. в Коканде.

Мукими был выразителем интересов обездоленной и бесправной дехканской массы и городского бедного люда. Его творчество пронизано демократическими стремлениями и идеями.

Всю свою жизнь Мукими прожил в большой нужде. По словам одного из его друзей, он как человек „образованный, с чистым честным сердцем, не любил торговли, и, будучи поэтом до глубины души, никогда не согласился бы обмануть кого-нибудь, купив у него за пять рублей вещь, а затем, схитрив, продать эту же вещь кому-то за шесть рублей; поэтому он нес на себе груз бедности." Его убеждения не позволяли ему стать чиновником или духовным лицом, хотя он и имел достаточное для этого образование.

Мукими прославился своими изящными газелями. Творчество его подкупает своей искренностью. К числу лучших лирических произведений Мукими относится стихотворение „Ранняя весна", в котором он жалуется, что вокруг него „не слышно пенья соловья, — лишь карканье ворон", подразумевая под этим социальную несправедливость:

Опять весна и зелен сад, цветы со всех сторон.
Друзья, пусть грянет полных чаш веселый перезвон.
Благословение небес—приятели твои.
Когда вокруг тебя друзья, ничем ты не стеснен.
И только я один грущу, один схожу с ума:
Ты улетела от меня, а я в тебя влюблен.
Забыла пери обо мне, я милой позабыт,
Не слышно пенья соловья,—лишь карканье ворон.
И если другу расскажу я о беде своей,
Лишь сердце скорбное мое сильней изранит он.

Выдающийся лирик, обогативший узбекскую литературу прекрасными лирическими произведениями, Мукими являлся в то же время крупнейшим сатириком своей эпохи. Социальными мотивами проникнуто его творчество вообще, но особенно сильно насыщена ими его сатира.

Мукими дал целую галлерею типов из байско-чиновничьей среды. В стихотворении „Прошение хану" поэт прекрасным узбекским языком рисует мрачную картину разорения одного из многочисленных кишлаков Ферганской долины—кишлака Хафалак. Стихотворение „Прошение хану" и путевые заметки поэта дают реалистическое изображение сцен из народного быта.

Демократический характер творчества Мукими проявляется в том, что поэт сумел дать в своих произведениях яркое описание нищеты и горя народа, задыхающегося под гнетом имущих классов. Он был одним из тех деятелей узбекской культуры, которые увидели также разорение и гнет, принесенный капитализмом.

В большом стихотворении „Новый бай" поэт выводит новый тип бая, ведущего торговлю с Москвой. „Новый бай"—продукт капиталистических отношений в крае: „Такие не встречались в старину". Это—циник, потерявший человеческий облик, способный ради своих интересов совершить любую подлость.

Не угодишь ему, он в суд идет,
Хакиму заявленье подает
И требует с тебя взыскать скорей
Неведомую тысячу рублей.
Ведет его сутяжные дела
Прославленный ходатай—Хайрулла.
Он выучил на память шариат,
Но оказался очень плутоват.

Такое же отношение Мукими к баям мы находим в стихотворениях „Той" и „Чаепродавец".

Объектом сатиры Мукими являлся также быт мусульманского духовенства. Хитрость, изворотливость, коварство—вот черты, присущие, по мнению Мукими, духовенству. Поэт пишет: „Ложь в их поведении, ложь во всем, чем жив человек,—таково лицо духовенства".

Мукими видел страдания народа, его нищенское, угнетенное положение и обо всем этом ярко, художественно рассказывал в своих стихах.

В условиях колониального режима его сатира приобретала большое социальное значение как протест против эксплоатации трудящихся правящими классами. В этом великая заслуга Мукими—подлинно народного писателя.

Фуркат. В связи с развитием капиталистических отношений в Узбекистане в местной литературе появляются новые течения, отражающие идеологию нарождающейся буржуазии. Ярким сторонником просвещения был поэт Фуркат (1858—1909), один из талантливых представителей узбекского народа. Фуркат вышел из мелкокупеческой семьи: отец его был торговцем в Коканде. Сам он одно время тоже занимался торговлей чаем, но это занятие его не удовлетворяло, он бросил его и отдался литературе.

Основной темой его произведений был призыв к просвещению, носителем которого являлся в его глазах русский народ. Ташкентская гимназия, при всех ее недостатках, представлялась ему поистине храмом науки, и он посвятил ей наивно восторженную оду. Он любил и русское искусство, особенно музыку.

По мнению Фурката, в новых условиях узбекам нельзя было стоять вдали от русского и вообще европейского просвещения. Он пропагандировал, чтобы население скорее приобщилось к русской культуре, так как только в этом он видел залог светлого будущего своей родины. Считая, что Узбекистан может стать одной из передовых стран мусульманского Востока только при помощи России, Фуркат ввел впервые в узбекский литературный язык ряд русских слов и русских терминов.

Художественные произведения Фурката имели огромное значение. На вопрос, кто мог избавить его соотечественников от гнета прошлого, от мрачных пережитков темноты и невежества, Фуркат отвечал: „Сам народ, его железная воля, стремление к просвещению, которое следует перенимать у такой передовой страны, как Россия".

Фуркат жил и творил в период завоевания Средней Азии русским царизмом. Идеи его, как просветителя, в частности его мысли об отношении узбеков к России и русской культуре, относятся к девяностым годам XIX в. Это был переломный момент в судьбе узбекского народа. Туркестан не был еще окончательно включен в орбиту экономической и культурной деятельности России: сопротивление местной феодальной аристократии, в частности духовенства, не было сломлено. Правоверный мусульманин был насквозь пропитан писаными и неписаными законами религии; он крепко держался за феодальный, средневековый быт. Капитализм только начинал проникать в экономику страны. В этих условиях писательская деятельность Фурката, в частности его положительные отзывы о России и русской культуре, при господствующей среди мусульманских феодалов вражде ко всему русскому, свидетельствовал о глубоком понимании Фуркатом перспектив развития родного края. Демократические тенденции Фурката ярко сказались в его стихотворении о Суворове, навеянном русской пьесой, которую он видел в Ташкентском театре в 1890 г. В нем он рисует Суворова не только как великого русского полководца, но и как человека, по-своему боровшегося против реакционных порядков. С теплым чувством отмечает Фуркат близость Суворова к народу.

Прогрессивное художественное творчество Фурката сыграло выдающуюся роль в культурном развитии узбекского народа, в его приобщении к великой русской культуре.

Джадидская литература. Джадиды — идеологи нарождающейся местной буржуазии—облекали свою политическую и социальную программу в художественно-литературные формы. Они старались ввести новые жанры в литературе; появились драматические произведения, например, пьесы Бехбуди — „Отцеубийца", Ходжи Муина — „Угнетенная женщина", „Кукнари" (Наркоманы) и другие. Литература служила джадидам средством агитации и пропаганды их буржуазно-националистических идей.

С течением времени реакционная сущность джадидизма выявлялась в литературе все шире и ярче. В период народного восстания 1916 г. в Узбекистане писатели-джадиды выступили с произведениями, в которых прославлялась царская власть. Во время Февральской революции джадидские поэты писали оды, посвященные Временному правительству, а позже, в период Великой Октябрьской революции, они полностью перешли в ряды врагов революции.

Народные произведения. Одновременно с буржуазной джадидской литературой продолжала развиваться народная поэзия. Народные песни, реалистичные по своему содержанию, отражали ненависть

угнетенных классов к эксплоататорам. Особенно сильно это выразилось в песнях, связанных с мобилизацией рабочих в тыловые ополчения в 1916 г., коснувшейся почти исключительно бедноты.

Здравствуйте, здоровы ли вы, эллик-баши?
„Мардикоров я дам",—так вы подписали, эллик-баши?
Будь же ты проклят, эллик-баши.

К этим чисто народным творениям наиболее близки были замечательные песни Хамза-Хаким-задэ В начале своей творческой деятельности Хамза находился в рядах джадидских поэтов, но в дальнейшем, под влиянием развивавшегося в крае революционного движения, он окончательно порвал с джадидизмом. В 1916 г. он своими песнями вдохновлял восставших и призывал их к борьбе с врагами народа. Хамза шел по следам Мукими и был продолжателем демократических идей своего учителя. В лице талантливого поэта Хамза-Хаким-задэ мы видим одного из самых передовых в тот период деятелей узбекской культуры.

Узбекская музыка. Узбекская музыка—так называемая классическая и народная,—имеющая многовековую давность, бурно развилась только в наше время, в эпоху социалистического строительства.

Народная музыка Узбекистана, замечательная своеобразной мелодичностью и богатством ритма, связана своим прошлым с музыкальной культурой кочевников-узбеков и их ближайших соседей. Классическая же музыка узбеков и таджиков исходит из старинной среднеазиатской и иранской музыкальной традиции; так называемые „макам" (музыкальные поэмы), сохранившиеся до наших дней, являются классическими образцами музыки древнего населения края. В противоположность народной музыке, эти музыкальные произведения являются результатом индивидуального творчества отдельных авторов, имена которых сохранились до наших дней в названиях отдельных частей „макамов".

Чрезвычайно богаты и содержательны старинные эпические песни, исполнителями которых были профессиональные певцы—бахши. К ним относятся циклы многочисленных народных героических поэм (дастаны), например, „Гор-Оглы", „Алпамыш" и другие; при исполнении они обычно сопровождались игрой на струнном инструменте (домбра).

Песни исполнялись народными певцами, комедиантами, актерами и другими. Исполнителями классических произведений (музыка, пение), как, например, узбекских шашмакамов—шести сложных по своему составу музыкальных поэм (Бузрук, Рост, Наво, Ду-гох, Се-гох, Ирак), таджикских макамов, состоящих из двенадцати музыкальных поэм (Рост, Исфаган, Ирак, Кучак, Бузрук, Хиджаз, Буслик, Ушшак, Хусайни, Зангуль, Наво, Раходи) и других произведений (в частности народных песен) являлись хафизы (профессиональные певцы) и машшоки (профессиональные музыканты). Макамы исполнялись главным образом на танбуре, представляющем собою струнный щипковый инструмент. Есть основания полагать, что колыбелью макамов является Бухара и отчасти Хорезм. В Хорезме, славившемся своими музыкальными талантами, известный музыкант Палван-Нияз мирзабаши изобрел в семидесятых годах XIX в. даже хорезмскую нотацию.

Музыканты и певцы были организованы в цеховые объединения и имели свои рисоля (цеховой устав).

В состав музыкальных инструментов узбеков входили: струнный инструмент с плектором—танбур; щипковые инструменты—дутар и

домбра; смычковые инструменты — гиджак и старинный кубуз, имеющий распространение как у кочевников-тюрков, так и у кочевников-монголов; затем язычковые инструменты — сурнай и балабан. Кроме того, были распространены: малая узбекская флейта—най, кушнэй малый и большой, цимбалообразный струнный ударный инструмент—чанг, басовая труба (медная или деревянная) двухметровой длины—карнай, издающая мощные звуки с басовым тембром и применявшаяся в прежние времена для военных целей, для устрашения врагов, сбора частей войск и т. д. На карнае играли на всех больших празднествах, а до завоевания края—также при въездах ханов в урду и их отъездах. Большой распространенностью в крае пользовались узбекские бубны—дайра и литавры-нагара.

АРХИТЕКТУРА И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Архитектура. В местной архитектуре колониального периода прослеживаются две линии развития. Одна из них связана с феодальными консервативными элементами: она выявилась наиболее ярко в архитектуре культовых зданий. Другая—следовала за изменявшимися и развивавшимися потребностями жизни и сильнее выражена в архитектуре жилища.

Культовые здания сохраняли установившиеся веками традиционные взаимоотношения отдельных масс и частей, планировку и формы, но тем не менее новые строительные материалы (кирпич русского образца, фанера, масляные краски, багет, гипсовые отливки, обои, оконное стекло и кровельное железо) и новые строительные приемы и элементы декорировки оказывали влияние как на конструкции, так и на наружное и внутреннее оформление даже и культовых зданий.

Характерными примерами религиозной архитектуры колониального периода служат некоторые здания Бухары этого времени, например, медресе Алим-хана, традиционное по плану, но с добавкой необычного для этого типа сооружений переднего двора. В декоративной отделке использованы плохо сделанные изразцовые вставки, резное дерево, кованое железо.

Другое сооружение того же времени — передний фасад мечети Боло-хауз, расположенной на Ригистане. Несмотря на смелость замысла строителя, хотевшего придать зданию внушительность и монументальность, всюду проглядывает расписная фанера, вставки кусочков зеркал, пестрая малогармоничная роспись.

Характерные особенности этих зданий присущи и другим архитектурным сооружениям, находящимся в разных местностях Узбекистана: украшенные плохими изразцами мечети Хазрат-Хызр в Самарканде, некоторые здания в Коканде, Намангане, Ташкенте и т. д.

Хива строже других областей Узбекистана хранила старые традиции и старое мастерство. Сюда значительно медленнее проникали новые веяния и новые вкусы. В 1910 г. в Хиве было закончено постройкой значительное по величине медресе Ислам-ходжа с высоким минаретом, украшенным белыми и зелеными изразцовыми узорами по изразцовому же синему фону. Здание по своему облику носит еще традиционный, чисто феодальный характер.

Самая крупная постройка колониального времени в Ташкенте—это восстановленная в 1888 г. соборная мечеть; она возведена с большими нарушениями и искажениями среднеазиатских строительных приемов, свидетельствующими о явном вмешательстве европейской техники и европейского инженера.

В продолжение изучаемого периода построено много небольших мечетей. Наиболее старые из них еще крепко связаны с прежним типом этого рода сооружений. Более поздние мечети сильно изменяют свой облик; при постройке их широко использовались железная четырехскатная кровля, большие, иногда фигурные застекленные окна, филенчатые двери, железные решетки, жестяные полумесяцы.

В более старых мечетях нередко встречаются прекрасно сделанные и тонко расписанные сложным и ярким узором потолки айванов и внутренних помещений. Но в этих росписях все больше и больше внедряются новые рисунки вместе с масляными красками, сменяющими прежнюю бархатистую по тону клеевую роспись. Стены внутри декорировались тонкой резьбой по алебастровой штукатурке, иногда пестро раскрашенной, с позолотой выступающих частей орнамента.

Архитектура жилого дома, в противоположность архитектуре культовых зданий, является той областью народного искусства, где творческие устремления мастеров были значительно меньше зажаты тисками официальной религиозности. Сложившись веками, тип среднеазиатского жилого дома отразил в себе бытовые потребности населения, социальный строй и климатические условия, но в каждом отдельном доме не в меньшей степени сказывались и материальные возможности, и индивидуальные вкусы заказчика и мастера-строителя.

Творчество народных мастеров Узбекистана особенно ярко выражено в декоративной обработке внутренних стен жилища. Стены комнаты, в соответствии с каркасной конструкцией постройки, разделяются на многочисленные ниши, создающие ритмичное членение, дополняемое лепными алебастровыми карнизами в форме так называемых сталактитов и орнаментальной резьбой по алебастровой штукатурке.

Декоративная отделка жилого дома за время от царского завоевания до Октябрьской социалистической революции претерпела значительные изменения. Резьба по алебастру стала пестро раскрашиваться, нередко к тому же с позолотой. Вторгается новый орнамент, имитация мраморных панелей, сплошная окраска масляной краской. Еще позднее появились вставки зеркал, на поверхности которых накладывался мелкий ажурный алебастровый орнамент, создающий впечатление легких кружевных узоров. Вместо кропотливой алебастровой резьбы начали применяться плитки с узором, заранее отлитым в формах. Эта новая техника давала меньшую четкость орнамента, но значительно ускоряла и удешевляла отделку дома.

Особенно интересная эволюция прослеживается в росписях стен. Старое искусство Узбекистана носило по преимуществу орнаментальный характер—панно на стенах домов заполнялись геометрическим и растительным узором с прихотливо изгибающимися в симметричной композиции стеблями, листьями, цветами и плодами. Этот же орнаментально-стилизованный характер сохраняла роспись и в колониальный период, но наряду с ним в XIX в. мы видим попытки перейти, вопреки обычаю и религиозным запретам, к новым мотивам изобразительного порядка—наивно нарисованным и написанным пейзажам с домами и деревьями, морем или рекой, пароходом, мостом, железной дорогой. Эти панно обнаруживают знакомство с печатными русскими картинками, проникшими сюда вместе с прочей продукцией российской промышленности.

Жилые дома Хорезма почти не украшались ни живописью, ни алебастровой резьбой. Зато здесь, как нигде в других местах, сохра-

нилось на весьма высоком уровне искусство резьбы по дереву. Резьбой покрывались высокие и стройные колонны айванов, а также двери домов. Немало прекрасно сделанных резных дверей можно видеть и в других местностях и городах Узбекистана: в Бухаре, Коканде, Ташкенте и др.

Смесь стилей—занесенного европейского и местного, народного,— ярко иллюстрирующая, с одной стороны, мастерство талантливых строителей, с другой—безвкусицу и духовное убожество последних правителей Бухарского ханства, — представляют дворцы Ахад-хана и Алим-хана в Бухаре и Кермине. Старый дворец, построенный Музаффаром и Ахадом в Ситора-и-Мохи-Хосса под Бухарой, в значительной степени связан еще со старой архитектурой; в частности, это хорошо видно в планировке помещений по четырем сторонам прямоугольного двора. В декоративном оформлении есть интересные детали, напоминающие о высоком архитектурном искусстве. Но наряду с этим здесь возведен корпус с большими окнами, кафельными печами и деревянными полами. Наружный фасад его оформлен „по-европейски" и окрашен масляной краской. Другой дворец, построенный там же незадолго до падения эмирата (закончен в 1917 г.), показывает дальнейшую ступень в изменениях вкусов правителей. Этот дворец состоит из нескольких отдельных строений, разбросанных в большом саду с хаузом и виноградными аллеями. В планировке главного корпуса видно влияние архитектуры европейских дворцов — попытка создания анфилады зал. В оформлении зал господствует пестрота: аляповатая мозаика из зеркал и цветных стекол, закрашенные бронзой колонки. Отдельные элементы декорировки, где мастера оставались верными своему традиционному искусству, производят чарующее впечатление. Прекрасны росписи передней и „круглого павильона", но в особенности великолепна тонкая кружевная алебастровая резьба по зеркалам в так называемом „белом зале".

Изменения, еще мало заметные в начале колониального периода, в XX в. становятся более интенсивными по мере развития процессов, менявших структуру среднеазиатского общества. Они носят ясно выраженный классовый характер. Дома бедняков и крестьян остаются и к концу периода примерно такими же, какими были раньше. Зато дома нарождавшейся буржуазии, связанной с торговлей хлопком и каракулем, богатевшей в условиях колониальной экономики, и тех слоев, которые были связаны с царскими властями, эволюционируют и изменяются особенно сильно.

Тем не менее Узбекистан сохранил еще кадры прекрасных мастеров, вполне владеющих традицией и знаниями, полученными от своих учителей—древних строителей, создававших архитектурные шедевры мирового значения. В Бухаре в конце колониального периода работали такие зодчие, как уста Ширин Мурадов, уста Абдусалям, уста Ходжи-Курбан и другие строители дворца Ситора-и-Мохи-Хосса; в Самарканде жил мастер уста Абдукадыр, знавший технику изготовления изразцов; в Хиве—Курбан-Нияз-Хиваки, построивший медресе и минарет Ислам-Ходжа, и много других местных архитекторов, являвшихся одновременно и прекрасными мастерами-исполнителями.

Художественные ремесла и бытовое искусство. Художественная ремесленная промышленность Узбекистана стояла в прежние времена на очень высоком уровне как в отношении техники производства, так и по художественному оформлению изготовлявшихся предметов обихода. С распространением продукции фабрично-заводской

промышленности ассортимент предметов, изготовлявшихся на рынок, и их количество сильно сократились. Художественная отделка и формы предметов изменялись под давлением внедряющихся в быт произведений текстильной, фарфорово-фаянсовой и прочей промышленности.

Фарфоровая посуда заводов Кузнецовых и Гарднера (М. Кузнецова), стеклянная и металлическая посуда сделались обычными в любом доме достаточно зажиточного населения Узбекистана. Мастера-керамисты, изготовлявшие раньше посуду для всех слоев общества, вынуждены были перейти к выработке простых дешевых вещей, так как, только сбывая их по низкой цене, они могли соперничать с дешевой продукцией заводов. Тем не менее и при этих условиях высокие художественные традиции позволяли создавать незаурядные произведения керамического искусства. Каждый из центров гончарного производства имел свои излюбленные мотивы орнаментации и свою более или менее установленную гамму глазурей. По технике выделки различались два сорта: чинни—посуда, имитировавшая хорошо известный и в Средней Азии китайский фарфор, и сафоль — более грубая, приготовлявшаяся из простой глины; первый тип (чинни), более сложный и дорогой, быстро исчезает; второй (сафоль) — значительно прочнее сохраняет свои позиции. Наиболее распространенным видом посуды было большое блюдо (табак), украшавшееся растительным и геометрическим орнаментом. Нередко на этих блюдах изображались стилизованные, но правдоподобные цветы, бытовые предметы (кувшины, ножи) и даже мотивы архитектуры. Кроме блюд, гончарами изготовлялись большие и малые чашки, кувшины, разного рода вазы подсвечники и пр. По орнаментации значительный интерес представляет посуда Риштана и других городов Ферганской долины, где был распространен тип белой посуды с синим или голубым узором, нередко напоминающим рисунки китайского фарфора, а иногда и прямо копирующим его. Для бухарских районов типичны густые тона с разнообразным растительным орнаментом. Характерна посуда Хорезма с преобладающими в ней зеленоватыми тонами.

Медная посуда—кувшины для омовения (афтоба), специальные тазики для этой же цели (даст-шуй), чайники (чой-идиш, чой-джуш), подносы (ляган), кальяны (чилим) и другие предметы продолжали изготовляться в большом количестве и сохранили как изящество выработанной столетиями формы, так и мелкую тщательную обработку чеканным и гравированным растительно-геометрическим орнаментом, дополняемым иногда цветными эмалями, расцветкой лаковыми красками с инкрустацией бирюзой и другими полудрагоценными камнями. Главными центрами этого производства являлись Бухара, Карши, Шахрисябз, Самарканд, Коканд и некоторые другие большие города Узбекистана.

К художественным изделиям из металла относились также произведения ювелиров (заргаров) из серебра и золота, изготовлявших оригинальные и весьма разнообразные украшения с драгоценными и полудрагоценными камнями, жемчугом и кораллами, в виде ожерелий, украшений на лоб, браслетов, серег и колец, наборных серебряных уздечек, украшенных эмалями и камнями, поясов и т. п. В Бухаре, по заказу эмирского двора и феодальной верхушки, ювелиры делали многочисленные шкафчики, шкатулки, бокалы, графины, ордена и знаки отличия, покрытые разноцветными эмалями и копировавшие нередко европейские образцы. Особенностью изделий ювелиров Коканда было применение черни на серебряных изделиях (возможно, что этот

прием был заимствован с Кавказа). Следует еще отметить исключительно тонкие и изящные изделия бухарских мастеров, выполненные в филигранной технике, являющиеся подлинными шедеврами ювелирного искусства.

Текстильные мастерские Узбекистана выпускали разнообразную продукцию. Старые традиции помогли ткацким мастерским Узбекистана сохранить отчасти свои достижения и в тяжелых для них условиях конкуренции с фабричной продукцией. В стремлении захватить текстильный рынок Узбекистана, русским фабрикантам удалось довольно близко подойти к вкусам среднеазиатских потребителей, выработав ткани специальных сортов, рисунков и расцветки.

Художественное значение имела весьма характерная и стильная набойка читти-чатти (ткань с печатным узором). Богатство применяемых мастерами (читгар) орнаментальных мотивов давало им возможность создавать незаурядные вещи в приятной гамме тонов—белого, красного, черного и зеленого.

Ввиду запрета религией изображения живых существ (впрочем, не всегда строго соблюдавшегося), изобразительное искусство народов Узбекистана, естественно, направилось по пути развития и обогащения отвлеченного растительно-геометрического узора, достигающего исключительного богатства и разнообразия. Живопись и скульптура, как изобразительные искусства, при этих условиях не могли возникнуть. Забытым оказалось и искусство книжной миниатюры, хотя каллиграфия, вытесняемая все больше и больше литографией, продолжала еще культивироваться в медресе Бухары, Самарканда и других религиозных центров, но мастерство оформления книги ухудшалось.

ГЛАВА XII

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

§ 1. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ

Принципы колонизационной политики царизма во второй половине XIX и начале XX вв. Заселение русскими Средней Азии является продолжением процесса колонизации Сибири и довольно тесно с ним связано.

Когда царское оружие открыло дорогу в Среднюю Азию, туда хлынула волна „вольных" колонистов. Крестьяне-переселенцы шли непосредственно за войсками в глубь Азии. Селение Борохудзир на границе Китая основано, например, группой крестьян, поселившихся самовольно около военного поста во время оккупации Кульджи царскими войсками (1871—1887).

Большим препятствием для крестьянской колонизации в Зауралье являлось крепостное право, искусственно задерживавшее в интересах землевладельцев народную экспансию на восток. Царизм, выступавший защитником классовых интересов крепостников, принимал драконовские меры, чтобы удержать крепостное крестьянство на помещичьих землях и не допускать отлива „сельских обывателей".

Отмена крепостного права в 1861 г. формально открывала русским крестьянам свободу передвижения, а малоземелье, явившееся результатом реформы, проведенной руками помещиков, заставляло ограбленных крестьян искать новых, лучших хозяйственных условий. Однако русское крестьянство фактически оставалось в плену пережитков крепостного права, препятствовавших свободному развитию его производительных сил (прикрепление к общине, круговая порука, выкупные платежи и т. п.). Свобода переселения, как и прежде, нарушала интересы дворянского землевладения, нуждавшегося в дешевых рабочих руках, и это обстоятельство побуждало царское правительство бороться с „вредной подвижностью и бродяжничеством в сельском населении", как выражались официальные документы. Тем не менее потребность, например, в планомерной колонизации Сибири властно толкала к разрешению этого вопроса. Первой попыткой в этом направлении явились правила 10 июля 1881 г., представляющие яркий пример правительственных колебаний в переселенческом вопросе. Переселение разрешалось, но лишь с дозволения администрации, причем во избежание отлива крестьянского населения из Европейской России администрации предписывалось действовать „без особой огласки". Результаты этого законоположения были ничтожны: за 8 лет на его основании было выдано всего 875 разрешений. Эта цифра не характеризует, однако, действительных размеров переселенческого движения: с 1881 по 1889 г. через Урал прошло более 200 тыс. человек переселенцев, но из них громадное большинство составляли „самовольцы", которые уходили с родины нелегально. Этих

„самовольцев" администрация считала нужным водворять обратно на их прежнее местожительство, но фактически значительная часть их оставалась в Сибири. Искусственная задержка колонизационного движения мерами внеэкономического принуждения шла вразрез с интересами русской буржуазии, для которой было важно ускорить экономическое развитие колонии, как поставщика сырья и потребителя фабричной продукции метрополии. С ростом промышленного капитализма преграды, чинимые переселению должны были пасть.

Поворотным моментом в колонизационной политике царизма явился закон 13 июля 1889 г., предоставлявший, некоторые льготы и материальную помощь крестьянам, переселявшимся с законного разрешения, и облегчавший им выход из общины. Но только в 1892 г. с усилением бегства крестьян в Сибирь, вызванного рядом голодных лет, был поставлен вопрос об устройстве „самовольцев" и уравнении их в правах с легальными переселенцами.

Аграрное движение, порожденное малоземельем и усиливавшееся с каждым годом, не могло не вызвать серьезных опасений со стороны господствующих классов. Землевладельцы-помещики, до тех пор боровшиеся против отлива населения в колонии, теперь увидели в переселении средство ослабить напряженность классовой борьбы. Поэтому в 1895 г. было официально признано, что „к крестьянским переселениям следует относиться без особых опасений". В конце 1896 г. при Министерстве внутренних дел было организовано специальное Переселенческое управление, которое в 1905 г. вошло в состав Министерства земледелия и государственных имуществ.

Рост революционного движения в русской деревне в 1904—1906 гг. послужил новым толчком для развития переселения. Аграрный вопрос, по определению Ленина, был „гвоздем" русской буржуазно-демократической революции 1905 г. Царское правительство, напуганное размахом аграрного движения, пыталось разрешить проблему крестьянского малоземелья и тем ослабить силу революционной волны без ущерба для помещиков путем перемещения излишков крестьянского населения на окраины. Поэтому правительство решило теперь „дать выход малоземельному и безземельному крестьянину на пустующие свободные земли в Азиатской России". При обсуждении сметы Переселенческого управления в 1908 г. в III Государственной думе социал-демократическая фракция, отмечая классовый характер переселенческой политики правительства, открыто заявила, что „рекламирование переселения правительством" вызвано стремлением „уклониться от удовлетворения земельной нужды крестьянства на местах путем передачи крестьянам частновладельческих, государственных, удельных и монастырских земель".

Наступившая в середине 1907 г. реакция нашла яркое отражение и в переселенческой политике правительства. Характерной стороной взятого им „нового курса" являлось стремление создать в колонии крепкий слой крестьян-кулаков, долженствовавший, как и в метрополии, служить опорой царизму. Вместо „выселения" из центральных губерний опасных в классовом отношении элементов крестьянства, задачей колонизации становилось „переселение" на окраины части зажиточных крестьян, в целях укрепления на новых местах государственной власти и подъема хозяйства колоний. Эту политику правительства поддерживала и буржуазия, видевшая в „новом курсе" средство, способствовавшее экономическому развитию окраин.

К началу XX в. земельные фонды Сибири, удобные для крестьян-

ской колонизации, уже сократились, и „новый курс" нашел себе наиболее полное применение в Средней Азии.

Колонизационная политика царизма в Средней Азии до 1906 г. Принципы колонизационной политики царизма в Средней Азии были те же, что были установлены для всего переселенческого дела, однако имелись некоторые особенности, объясняющиеся местными условиями.

Недавно завоеванная окраина, в которой еще приходилось подавлять вспышки сопротивления, требовала более осторожного подхода, чем давно уже присоединенная к России и мало населенная Сибирь; приходилось также считаться с наличием в Средней Азии оседлого земледельческого населения, освоившего уже в далеком прошлом пригодную к обработке землю—и богарную, и искусственно орошенную. Поэтому боязнь восстаний долгое время определяла переселенческую политику царизма в Средней Азии.

Вопрос осложнялся тем, что использование неосвоенных местными жителями земель было возможно лишь при условии больших и дорогостоивших предварительных работ по орошению. При отсутствии же свободных орошаемых земель русская администрация края считала, что русской колонизации (особенно в Фергане) „следует положить решительные преграды... дабы не возбудить против русских туземное население Ферганы, и без того находящееся в состоянии хронического брожения...". „Русского переселения сюда ни в коем случае быть не может",—писал еще в 1907 г. ферганский военный губернатор, представлявший точку зрения местной туркестанской администрации.

Указанные условия задерживали ход русского переселения в Средней Азии. Правительственная колонизация началась здесь сравнительно поздно, если не считать нескольких казачьих поселков, которые из стратегических соображений стали создаваться в конце сороковых годов XIX в. в низовьях Сыр-дарьи. Первое селение русских крестьян было основано в 1875 г. в Аулиеатинском уезде по инициативе генерал-губернатора Кауфмана, но через десять лет, к концу 1885 г., русских крестьянских селений, заселенных с официального разрешения властей, было все еще только восемь (из них шесть в Аулиеатинском уезде и два в Кураминском), с населением в 2170 человек обоего пола. Заселение производилось на основании правил, выработанных генерал-губернатором. Только в 1886 г. „Положением об управлении Туркестанским краем" были установлены в законодательном порядке правила „водворения" в Туркестане на „свободных государственных землях" переселенцев, в первую очередь „запасных нижних чинов" Туркестанского военного округа. Однако закон не объясняет, что надо было подразумевать под „свободными государственными землями". На основании того же „Положения", земли, обрабатываемые местным оседлым населением Туркестана, закреплялись за их владельцами, а степные пространства, объявленные государственными, отдавались в пользование кочевников. Дело шло, таким образом, почти исключительно об отводе русским крестьянам вновь орошаемых земель, т. е. отсрочивалось на неопределенное будущее. Поэтому правила 1886 г. оставались мертвой буквой. Фактически переселение происходило часто без ведома начальства. За 15 лет, с 1875 по 1890 гг., в Туркестане образовалось всего 19 поселений и водворилось 1300 семейств.

В 1891—1892 гг., в связи с голодом, постигшим Россию, в Туркестан хлынула масса переселенцев из пораженных неурожаем мест-

ностей. Только за эти два года в крае возникло 25 новых поселений, и русское крестьянское население увеличилось сразу почти вдвое. Администрация края оказалась совершенно неподготовленной к такому наплыву и, вследствие отсутствия переселенческих участков, крестьяне стали самовольно устраиваться на новых местах, где и как умели. Начались столкновения с местным населением как из-за захвата переселенцами принадлежавших жителям земель, так и из-за пользования оросительными сооружениями. Андижанское восстание 1898 г. напугало администрацию и побудило ее принять меры к дальнейшему ограничению наплыва русских. Генерал-губернатор барон Вревский издал приказ, запрещавший водворение крестьян в Туркестанский край впредь до приведения в известность пригодных для заселения земель, и одновременно просил министра внутренних дел запретить пропуск через Астрахань и порты Каспийского моря лиц, не имеющих официального разрешения на переселение в Туркестан. Но никакие преграды не могли остановить стихийного притока переселенцев, вызванного общими тяжелыми условиями, в которых находилось крестьянство царской России.

Аграрный кризис и рост революционного движения среди крестьянского населения Европейской России побуждали царское правительство все же организовать в широких масштабах выселение крестьян в колонии. В Сибири к этому времени фонд земель, пригодных для немедленного переселения, истощался. Переселение в Туркестан приобретало поэтому „особое значение с точки зрения землеустройства внутренних губерний", так как Туркестан являлся „одной из многих местностей", куда, как указывал сенатор Пален, „могут быть направлены излишки населения из черноземной полосы, где малоземелье особенно чувствовалось." Ввиду этого правительство, вопреки желанию туркестанских властей, начинало „настойчиво двигать" колонизацию Средней Азии. 10 июля 1903 г. были изданы правила добровольного переселения „сельских обывателей" и мещан на казенные земли в областях Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской. Однако средств на переселенческое дело ассигновано не было, не был подготовлен и необходимый земельный фонд; „впредь до разрешения вопроса о назначении казенных земель, искусственно орошенных за счет государственного казначейства, предлагалось довольствоваться все теми же „свободными государственными землями". В 1905 г., под непосредственным влиянием начинавшегося в русской деревне революционного движения, была организована „Переселенческая партия", имевшая задачей выявить на месте колонизационный фонд и приступить к устройству переселенцев. В 1906 г. она была преобразована в „Сырдарьинский переселенческий район". Образование района усилило наплыв крестьян из России, тем более, что само Переселенческое управление, исходя из общих правительственных установок, способствовало расширению добровольной колонизации. Через Ташкент ежегодно проходило до 8 тысяч человек, преимущественно бедняков-крестьян, которым нечего было терять на родине. Переселенцы, обманутые обещаниями правительства, преодолев с величайшими лишениями трудный путь, попадали на новых местах в самое тяжелое положение, не находя здесь земли для поселения. Начались захваты территорий, принадлежавших кочевникам. Возбужденное состояние новых пришельцев заставило Переселенческую партию торопиться с отводом для них участков. За отсутствием „свободных" земель стали отводить и такие, которые находились во владении коренных жителей края, если земли эти каза-

лись чиновникам „излишними". Это не могло не вызвать раздражение законных владельцев.

Указанные явления вызвали ведомственные трения между Переселенческим управлением и местной военной администрацией, которая не без основания опасалась осложнений из-за захвата земельных угодий местных жителей. Военное начальство громко заявляло, что при данных условиях оно не ручается за „спокойствие" в крае, и в „политических соображениях" настаивало на приостановлении колонизации и на принятии „энергичных мер к прекращению захватов".

С мнением военного начальства края, напуганного ростом национально-освободительного движения в Средней Азии, приходилось считаться и центральному правительству. В соответствии с законом от 6 июня 1904 г., вопрос о допущении переселенцев в Туркестан должен был разрешаться с согласия военного министра. В том же году туркестанский генерал-губернатор добился от министра внутренних дел распоряжения начальникам ряда губерний о принятии „всевозможных мер к предотвращению переселенческого движения" в Среднюю Азию. Под давлением туркестанской администрации Туркестанский край в 1907 г. был даже объявлен совершенно закрытым для переселения.

„Новый курс" в колонизационной политике царизма. В 1907 г. с наступлением реакции наметился резкий поворот в правительственной переселенческой политике в Средней Азии. Это был уже упомянутый „новый курс", находившийся в непосредственной связи с реакционной социальной политикой Столыпина, направленной к укреплению в деревне кулачества. Правительство отказывалось от разрешения аграрного вопроса путем выселения из центральных областей малоимущего крестьянства на окраины, отлично учитывая классовую опасность этой политики.

Аграрное движение в России с 1907 г. пошло на убыль, поэтому правительство уже не было заинтересовано в продолжении политики выселения нуждавшихся в земле крестьян, которая давала окраине, „как показал опыт, наиболее слабые элементы русского крестьянства и мещанства". На место бедняка-переселенца правительство выдвигало кулака. „Экономическая зажиточность,—по мнению Палена,—является основным качеством в человеке, претендующем на водворение в край". В Средней Азии ориентация на „крепкого" русского „мужичка" приобретала для царизма особую важность, как средство „укрепления русского господства", а также руссификации и удержания в повиновении местного населения. Прежняя пассивная политика, проводившаяся местным военным начальством, теперь сменилась решительным наступлением,—колонизация была „предназначена служить" к упрочению связи между империей и недавно присоединенной окраиной. Целью колонизации признавалось „укрепление надежным народным оплотом внешних границ государства и распространение славянской культуры в толщу тюрко-монгольских народностей". К этим политическим соображениям присоединились и соображения экономические: использование пока еще мертвых, но плодороднейших, при условии их орошения, пространств под хлопок и другие культуры.

Новые задачи изменили и весь характер правительственной деятельности. В то время как раньше правительство стремилось сплавить в Среднюю Азию беспокойную и опасную бедноту, теперь дело шло о создании в колонии экономически крепкого и политически благонадежного русского населения. „Политическое преобладание русской народности,—писал царский министр Кривошеин,—должно быть за-

креплено хозяйственной ее силой. Надо дать русским переселенцам бесспорное земельное богатство. Среди зажиточного мусульманского населения русские переселенцы не могут являться хозяевами захудалыми и приниженными... Нельзя не признать, что сарт-рабочий на земле русского переселенца-хозяина—явление более приятное и желательное, чем обратно: русский—батрак у сарта". Итак, экономическое порабощение местного населения русскими кулаками должно было обеспечить упрочение царского владычества в Туркестане. В этих целях в Голодную степь решено было допускать только лиц, обладающих имуществом не менее чем на 1000 рублей. Ту же цель создания „крепкого" кулацкого землевладения преследовала раздача земель участникам первой мировой войны. В полном соответствии с аграрными мероприятиями Столыпина в России, средством укрепления кулацких элементов в Средней Азии должно было служить хуторское хозяйство. „Необходимо приложение интенсивного труда искусного и опытного колониста, не связанного в своей хозяйственной деятельности общинными порядками",—писал Пален.

Новый курс способствовал дальнейшему усилению наплыва переселенцев в Узбекистан. В 1912 г. в Сырдарьинскую область прибыло 10 374 человека. Перед правительством очень остро встал вопрос о щедром обеспечении переселенцев землею.

В оседлых районах (а такими была большая часть территории Узбекистана) определить свободную наличность государственного земельного фонда можно было лишь по окончании работ по отмежеванию земель, принадлежавших местному земледельческому населению. Площадь земель, пригодных для земледелия, оставшаяся после отмежевания, была ничтожна. Об этом беспрестанно напоминала туркестанская администрация. С другой стороны, порядок, установленный для Степного края (Казахстана), согласно которому разрешалось отводить излишки земель кочевников под русские поселения, не был распространен на Туркестанский край, и вся территория, занятая кочевьями казахов и киргизов, была предоставлена законом без всяких ограничений во владение кочевников. Таким образом, количество земли, подлежавшей заселению русскими колонистами, было ничтожно. Итак, разрешить проблему колонизации, как она понималась правительством, царизм не мог без нарушения интересов и прав народов Средней Азии. После Андижанского восстания царское правительство конфисковало всю территорию селений, жители которых принимали участие в нем, и основало на ней селение Русское. Применялись и другие способы экспроприации земель у местного населения. Владельцы принуждались к якобы добровольному отказу от принадлежавшей им земли или к продаже ее за бесценок. Отказы и продажи приняли массовый характер в девяностых годах, ввиду непомерного повышения поземельного обложения. В одном Маргеланском уезде Ферганской области таким образом было изъято 11,5 тыс. десятин. В Джалалкудукской волости на отказных землях было образовано 3 поселка, в Андижанском уезде—2, в Ошском—1. Однако, все эти скрытые формы экспроприации не могли удовлетворить потребности поселенцев в земле и были опасны, поскольку они возбуждали недовольство жителей. Оставалось прибегать к соглашению с владельцами земли и добиваться их согласия на отвод ее на арендных условиях. Система аренды широко применялась в кочевых районах. Формально арендные сделки на земле кочевников были незаконны, так как юридически кочевники не были собственниками государст-

венных земель, на которых они кочевали, и обладали только правом пользования ими. Администрация пыталась даже запретить аренду казахских и киргизских земель, но запрещение обходили путем отдачи земель из доли урожая (это называлось у русских крестьян „уртачить" от слова „уртак"—товарищ). „Незаконная хищническая аренда" земель кочевников оставалась, по выражению Палена, „основой благосостояния поселенцев". Существовала, наконец, и возможность приобретать землю путем ее покупки, и этот порядок поощрялся администрацией, видевшей в крестьянах—собственниках земли наиболее надежный элемент.

Все эти случайные мероприятия не разрешали колонизационного вопроса в целом, и устройство переселенцев в Средней Азии, при отсутствии достаточного земельного фонда, не могло принять больших размеров. Этим и объясняется упорное стремление местной администрации прекратить всеми доступными ей средствами приток переселенцев в Туркестан. Подлежащими устройству считались только те колонисты, которые прибыли в Среднюю Азию „легально", т. е. с соответствующего разрешения. Но в край, считавшийся закрытым для переселения, просачивалось огромное число „самовольцев", о которых все-таки приходилось заботиться. В Сырдарьинской области в 1906—1909 гг. из 2000 человек оставалось неустроенным больше половины (1174). Часть оставшихся за бортом возвращалась в Россию, но большинство „самовольцев" устраивалось в конце концов собственными силами на землях, захваченных у местных жителей (главным образом у кочевников—казахов и киргизов). Захваты стали таким распространенным явлением, что пришлось поставить вопрос об их легализации путем компенсации ущерба, нанесенного владельцам. В 1907 г. была образована комиссия для выяснения захваченных в Фергане земель и установления убытков. В 1908 г. правительство ассигновало значительную сумму на оплату территории, занятой тремя самовольными поселками в Ферганской области, с тем, чтобы крестьяне-поселенцы вернули эти деньги в течение 10 лет.

Расширить территорию под колонизацию правительство могло лишь путем искусственного орошения безводных земель, но, помимо связанных с таким предприятием больших расходов, использование орошаемых земель под переселение встречало возражения со стороны русской буржуазии, заинтересованной в развитии на этих землях хлопководства силами „туземного" населения, специализировавшегося на культуре хлопка. Точку зрения буржуазии энергично поддержало Министерство финансов.

Все указанные мероприятия, связанные со значительными расходами, не позволяли широко поставить переселенческое дело в Средней Азии и еще менее—развернуть с достаточной энергией политику „нового курса". Царское правительство не остановилось перед открытым ограблением местного населения путем указанной экспроприации у него годных для колонизации земель, не считаясь с тем, что, присоединяя Туркестанский край, оно обещало местному населению сохранить все его обычные права, в том числе и права на ту землю, которой оно пользовалось. 19 декабря 1910 г. был утвержден одобренный Государственной думой и Государственным советом закон, уполномочивавший Главное управление земледелием и землеустройством изымать из пользования кочевников Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей „излишки" земель для устройства переселенцев. Кочевникам рекомендовалось „потесниться, ибо вопрос об

изъятии излишних для них земель твердо решен правительством". Практика экспроприации земель, фактически уже производившейся со времени образования переселенческого района, теперь была узаконена и получила дальнейшее развитие. Началась вакханалия захвата казахских и киргизских земель. Излишки определялись „на-глаз". В общую площадь „удобной земли" включались болота и заросли камыша, каменистые предгорья и т. д. Не принимался во внимание факт перехода части кочевников к оседлому образу жизни, и зарождавшиеся очаги оседлости беспощадно разорялись. Под переселенческие участки отводились лучшие земли с усадьбами и пашнями, фруктовые сады, сенокосные угодья, земли, орошенные трудами их владельцев, и предгорья, питаемые горными водами; смещались не только кибитки, но и каменные здания, мельницы, мечети. Переселенцев селили даже на неотмежеванных землях; не прекращались и самовольные захваты земли. Владельцы обращались с жалобами в Петербург, но получали в ответ предупреждение, что всякое их сопротивление работам Переселенческой партии будет подавлено военной силой. Местная администрация, предвидя, что кочевники, выселенные с „насиженных мест", „начнут бунтовать", пыталась протестовать против деятельности Переселенческого управления, но должна была уступить давлению из Петербурга. Недостаточно покладистые администраторы устранялись и заменялись лицами, готовыми действовать в соответствии с „видами правительства".

Бюрократические, по существу феодальные, приемы, к которым прибегало Главное управление земледелия и землеустройства при отводе земель под колонизацию, встречали в русских буржуазных кругах резкую критику, поскольку такие приемы нарушали интересы хлопководства и трактовались ими, как „откровенное грабительство". Буржуазия метрополии настаивала на предоставлении простора частной предприимчивости в деле вытеснения кочевников из районов, пригодных для земледелия, иначе говоря, считала руссификацию края вполне целесообразной, но предпочитала способы экономического принуждения.

Последствия колонизаторской деятельности правительства дали себя очень скоро знать в экономическом разорении кочевников. „Результаты этой политики, — говорит товарищ Сталин, — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев..."[1]. За время с 1902 до 1913 г. казахское население Средней Азии, наиболее пострадавшее от политики царизма, сократилось на 8,9%.

В конечном итоге, колонизаторская политика царизма, руководимая узкими интересами господствующих классов метрополии и игнорировавшая совершенно потребности колонизуемого края и его населения, потерпела неудачу. Итоги русской колонизации были ничтожны. По данным 1911 г., русское население Туркестана в целом, считая даже подвергшиеся наиболее усиленной колонизации районы, которые в настоящее время отошли к соседним республикам, составляло лишь 3,7% всего населения. Для отдельных областей Узбекистана процент был еще ниже: в Самаркандской, включая Ходжентский уезд (в настоящее время входит в Таджикскую ССР), — 2,4, в Ферганской — 1,67. Но и эти незначительные результаты были достигнуты ценою разорения местного населения и искусственного обострения отношений между народами Узбекистана и колонистами из России.

Впоследствии даже царская администрация была вынуждена

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 71.

признать, что основной „причиной" восстания 1916 г. было „изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин, иногда со значительным смещением хозяйств и, как следствие, земельное стеснение киргизов[1] и сокращение кочевок, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей". „Царизм, — говорит товарищ Сталин, — намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь"[2].

§ 2. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ход русской колонизации в Узбекистане. Колонизаторская деятельность правительства в Средней Азии направлялась главным образом на районы с кочевым населением. В Узбекистане она коснулась только некоторых, сравнительно небольших участков. Главный поток переселенцев шел в районы, ныне входящие в состав соседних республик (Казахской, Киргизской и Таджикской), — в Семиречье, Чимкентский и Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области и Ходжентский уезд Самаркандской области. В теперешнем Узбекистане и в ближайших, прилегающих к нему местностях, число русских поселений было невелико.

В 1875 г. в Амударьинском отделе были принудительно поселены уральские казаки-староверы за отказ подчиниться новому уставу о казачьей службе. В собственно Ташкентском уезде первое поселение (Никольское, ныне г. Орджоникидзе) возникло в 1881 г.; к 1906 г. в Ташкентском уезде считалось 11 селений, а к 1909 г.—18.

В Самаркандской области обширные пространства безводных Булунгурской и Зерабулакской степей были мало пригодны для колонизации. В Каттакурганском уезде в 1911 г. существовал всего один поселок в 100 дворов. Только в Ходжентском уезде колонизация сделала значительные успехи после 1906 г. Большую роль сыграло орошение Голодной степи (сооружение „канала Николая II"). Уже во время стройки канала образовалось восемь „самовольных" поселков, в которых обосновались рабочие, участвовавшие в работах. В 1911 г. всего в Ходжентском уезде было 12 русских поселений. Медленно шла русская колонизация в богатой по природным условиям Ферганской области. Туркестанская администрация, по соображениям политическим, особенно ревниво охраняла Фергану от проникновения русских переселенцев. Первое русское поселение возникло в Фергане только в 1893 г. (в Ошском уезде, ныне отошедшем к Киргизской ССР). После Андижанского восстания 1898 г. было основано село Русское и был возбужден вопрос о необходимости заселения переселенцами и долины р. Кугарта. Однако боязнь вызвать усиление освободительного движения среди населения не позволила и тогда открыть официально Фергану для колонизации. Тем не менее запреты администрации не могли остановить стремления русских колонистов в благодатный край. В начале девяностых годов „самовольцы" проникли в долину Кетмень-тепе и Кугартскую, обосновались здесь на землях, принадлежавших киргизам, поставив таким образом администрацию перед свершившимся фактом. К 1906 г. в Ферганской области было всего 6 русских поселков

[1] В царское время этим термином обозначались не только собственно киргизы, но главным образом казахи.

[2] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 61.

(считая один в Ошском уезде), а в 1911 г.—23 (в том числе 5 в Ошском уезде) с населением приблизительно в 20 тысяч человек.

Таким образом, за 35 с лишним лет в Узбекистане и в примыкающих к нему районах возникло всего 154 русских поселения, из них в Ходжентском и Ошском уездах, ныне не входящих в состав Узбекской ССР,—19.

Социальный состав и хозяйство переселенцев. Большинство (86,3%) переселенцев из Европейской России являлось выходцами из Украины и отчасти из других южных губерний, для которых климатические условия Средней Азии были менее необычны, чем для крестьян северных губерний. Некоторое число составляли переселенцы из Южной Сибири, в которой к началу XX в. уже ощущался недостаток пригодных для поселения земель.

В классовом отношении крестьянская масса, шедшая в Среднюю Азию, не была однородна. В девяностых годах и в начале девятисотых годов переселялась преимущественно беднота, выжитая с родины голодом и безземельем. По обследованию, произведенному в 1907 г., из 1002 семей, шедших через Сырдарьинский переселенческий пункт, 752 семьи (т. е. три четверти) не имели вовсе денег, и только 126 семей (или 12,6%) имели каждая около 50 руб. и более.

Однако уже и тогда среди переселенцев оказывались чуждые бедноте классовые элементы. „Вместе с переселенцами-хлеборобами,— писал ферганский военный губернатор в 1907 г.,—набрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики и запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда". В частности, запасные, уволенные из туркестанских войск, которых военное начальство в первую очередь стремилось обеспечить землей, были, как указывает один из исследователей края, в большинстве вовсе „не земледельцы, а люди, давно порвавшие связь с землей и занимающиеся городскими промыслами". Некоторые из колонистов спекулировали своими наделами, сдавали их в аренду казахам или перепродавали свои права на землю безземельным переселенцам, а сами фактически жили в городах, вели торговлю, а на своей наделенной земле имели дачи летнего пребывания и т. д. Кулацкий элемент среди колонистов усилился после 1907 г., в связи с „новым курсом".

Пока переселенцев в Туркестанском крае было мало, они были хорошо обеспечены землею. В селениях старожилов в Ташкентском уезде на долю каждого хозяйства приходилось от 25 до 61 десятины. Впоследствии наделы стали отрезаться в меньших размерах, но все же были сравнительно очень значительны. В Ташкентском уезде норма надела была 7 десятин удобной земли, в том числе 5,84 десятины поливной; в Фергане, в Наманганском уезде—12 десятин (из них 10 поливных), в Андижанском—15—16 десятин (из них 10 поливных); при окончательном устройстве „самовольцев", захвативших земли в Кугартской долине, им было отведено в среднем по 18,6 десятины (10,6 десятины пашни, 4,7 десятины сенокоса, 2,3 десятины пастбищ и 1 десятина — усадебной земли), а в Узгенской и Ясской волостях, ввиду менее благоприятных условий, даже больше. Размеры наделов переселенцев значительно превышали наделы местных жителей (обычно не более 3 десятин). Как общее правило, поливная земля отводилась в подворное пользование, а остальная — в общинное. На обзаведение выдавалась небольшая денежная ссуда на семью, но на „общеполезные

нужды" поселка казна тратила ничтожные суммы. В частности, на школьное строительство, по отзыву официального отчета 1900 г., „ни одному переселенческому селению до сих пор не было выдано ссуд из переселенческих кредитов".

Снабжая столь щедро землею переселенцев, правительство имело в виду две основные цели: во-первых, создание крепкого крестьянского населения в Средней Азии, призванного служить здесь опорой самодержавию, а с другой—хозяйственное развитие края, в частности расширение посевов хлеба и ценных культур. В последнем отношении результаты не оправдали предположений правительства. В большинстве случаев, переселенцы вели хищническую эксплоатацию своих наделов, в связи с чем земля быстро истощалась. „Засевая свою пахотную землю несколько лет подряд, без чередования культивируемых растений, — писал один чиновник Переселенческого управления в 1911 г., — крестьяне не применяют удобрений, а для восстановления плодородия земли прибегают лишь к обращению пахотной земли в залежь. Урожайность стала прогрессивно и заметно падать". По мере истощения земли переселенцы захватывали новые казахские и киргизские земли. Русский крестьянин царской России, лишенный специальных агрономических познаний, не мог сразу приспособиться к новым для него условиям хозяйства в чужой стране. Он приходил в Среднюю Азию со своими старыми, унаследованными от отцов, навыками и не сразу переходил к местным ценным культурам. Правительство не организовало агрономической помощи. В 1911 г. дело ограничивалось двумя показательными хозяйствами, устроенными в районе поливных земель (в Голодной степи) и в богарном районе, в казенном Капланбекском имении (Ташкентский уезд), и опытным участком в Зерабулакской степи. Так же мало заботилось правительство и об общем подъеме образования среди переселенцев. Начальные школы имелись далеко не во всех селениях. Гораздо большие заботы проявляла администрация о постройке церквей, так как православной церкви придавалось большое политическое значение.

Хозяйственное благосостояние русских крестьян-колонистов было неодинаково. Среди них накануне революции отмечается очень сильная диференциация. Из общей массы выделялись состоятельные кулаки, которые эксплоатировали как своих русских односельчан, так и местных жителей. Например, в селе Спасском в Голодной Степи, где разводился хлопчатник, кулаки использовали местных издольщиков—чайрикоров, но у кулаков в кабале были и односельчане, вынужденные при посевах хлопка обращаться к ним за деньгами. Б особенно тяжелое положение попадали новопришельцы, не обеспеченные землею. Разбогатевшие старожилы относились к ним очень враждебно: нередко они не допускали их осесть на отведенном под поселение участке. В лучшем случае новоселы должны были снимать по дорогой цене квартиры у старожилов и брать у них в аренду часть усадебного места. Чаще всего они зарабатывали на жизнь батрачеством у хозяев или извозом и различными мелкими промыслами; большая часть арендовала землю у кочевников или шла в города в услужение.

С другой стороны, кулаки подвергали „самой наглой эксплоатации" казахов и киргизов, согнанных ими с их стародавних угодий, и в значительной степени способствовали обострению отношений между русскими переселенцами и коренным населением. В частности, уральцы, захватив в свои руки рыбные промыслы на Аму-дарье, закабалили и разорили все окрестное население, опутав его долговы-

ми обязательствами. Чтобы обеспечить себе земли, необходимые для человеческого существования, народы Узбекистана должны были „...сбросить с плеч кулаков-колонизаторов..."[1]

Национально-освободительное движение, охватившее в 1916 г. Среднюю Азию, подвело итог отрицательным результатам колонизаторской политики царизма, в основе которой лежало натравливание одних народов на другие. Пагубные последствия этой политики были устранены только при советской власти, когда былое взаимное недоверие сменилось великой братской дружбой народов, входящих в СССР.

Меннониты. Наряду с русской колонизацией происходила колонизация и других европейцев. Царская администрация особенно покровительствовала немецким колонистам, принадлежавшим к мистической секте меннонитов, основанной в XVI в. Менно-Симонсом в Фрисландии. В Россию они переселились еще в конце XVIII в. После введения общей воинской повинности в 1876 г. меннониты „стали искать новых мест для переселения". В 1879—1880 гг. 500 меннонитских семейств прибыло в Туркестан; не получив и здесь освобождения от царской военной службы, они обратились к бухарскому эмиру Музаффару, однако тот отказался предоставить им землю. Тогда Кауфман, который всячески поддерживал немцев, выхлопотал для них разрешение переселиться в Хивинское ханство, где хан, по его ходатайству, отвел им земли. Однако набеги на них туркмен, с которыми меннониты по своим религиозным убеждениям не считали возможным вступать в вооруженные столкновения, вынудили хана поселить меннонитов в Ак-мечети, в 13 *км* от Хивы. Они воспользовались близостью к городу, чтобы развить ремесленное производство. Немецкие поселки были и под Ташкентом, близ кишлака Той-тепе. В нижней части долины Кугарт жили отдельные семьи эстонцев.

Благосостояние меннонитов и других выходцев из Германии и Прибалтики в значительной степени зиждилось на эксплоатации как коренного, так и русского населения; это были настоящие кулаки.

§ 3. РУССКИЕ ГОРОДА В УЗБЕКИСТАНЕ

Главная масса русских, прибывших в Среднюю Азию, оседала в городах. Усиленная городская колонизация вызывалась двумя причинами: сосредоточением в городских центрах царской администрации и развитием в крае местной промышленности и торговли. Как общее правило, русские городские поселения основывались военным начальством рядом с уже существовавшими в Узбекистане городами. Поэтому все большие города резко делились на две части: на „русскую", или „европейскую", и на „туземную", или „азиатскую", как выражались царские колонизаторы. Такой порядок, при котором незначительное по численности русское население селилось отдельно от численно превосходящего его местного населения, но в непосредственной с ним близости, диктовался как торговыми интересами, так и стратегическими и политическими соображениями. Только в Фергане, ввиду нездорового в климатическом отношении положения бывшей ее столицы Коканда, в 1877 г. был специально основан как административный центр город Новый Маргелан, позднее переименованный в Скобелев (ныне Фергана); город этот до самой революции сохранял чисто административный характер и не имел торгово-промышленного значения.

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937, стр. 71.

Русское население городов численно было значительно меньше местного. В русской части Ташкента, основанной в 1865 г., было к 1911 г. около 54000 жителей, что при общей численности городского населения в 234 289 человек составляло менее одной его четверти. В Самарканде русские составляли приблизительно одну пятую городского населения, в Андижане—немного более одной шестой, в Коканде из 113 тысяч человек было только 4 тысячи русских, в Старом Маргелане из 46 800—15000, в Намангане из 74 000—1900 и т. д. Только в Новом Маргелане русские составляли большинство.

Условия возникновения русских городов в период военной оккупации края наложили отпечаток на социальный состав русского населения. Наиболее значительную часть его составляли, особенно в первые годы, люди, занятые на военной или гражданской службе. В 1868 г. военнослужащие и чиновники составляли около 40%, в 1885 г.— приблизительно 21%. В царском Ташкенте были сосредоточены все центральные учреждения Туркестанского края: административные, военные, финансовые и проч. Кроме генерал-губернатора с его канцелярией и штатом, в Ташкенте пребывал губернатор Сырдарьинской области и находилось его управление. Военный собор, несколько церквей, пригородный женский монастырь представляли официальную церковь. В меньшем размере то же самое наблюдалось и в других русских городах. Очень скоро, однако, города сделались средоточием торговых и промышленных предприятий; военно-административные центры, какими города были первоначально, стали очень быстро обрастать населением, занятым на этих предприятиях. К началу XX в. торгово-промышленное значение русских городов сильно возросло: в Ташкенте в 1910 г. насчитывалось 53 фабрично-заводских предприятия, в Самарканде, кроме хлопкоочистительных заводов, было 17 заводов винодельных и 13 чаеразвесочных складов больших московских фирм; важнейшим торговым центром Ферганы и складочным пунктом в торговле с Китаем был Коканд, являвшийся вместе с тем центром хлопкоочистительной промышленности (20 заводов).

Управление городами. Крупное торгово-промышленное и административное значение Ташкента способствовало быстрому его росту. По количеству населения он занимал первое место среди всех городов Азиатской России. В нем было сравнительно большое русское население. Поэтому Ташкент, единственный из всех городов Узбекистана, пользовался самоуправлением, хотя очень ограниченным. В 1877 г. в нем было введено особое Городовое положение, в основу которого было положено Городовое положение 1870 г. Оно оставалось в силе даже после того как для городов Европейской России было издано в 1892 г. новое положение. Самоуправление, которым пользовался Ташкент, было построено на классовых началах; для участия в выборах требовался „ценз", т. е. владение недвижимым имуществом или предприятием. Избиратели распределялись по куриям в соответствии с цензом; каждая курия, вне зависимости от числа лиц, входивших в нее, избирала одинаковое число представителей в городскую думу (гласных). Таким образом, куриальная система обеспечивала преобладание в думе состоятельных групп из среды домовладельцев, купцов и заводчиков. Ташкентское городское положение имело, однако, одну особенность, вызванную стремлением удержать управление города в руках русских. Русские выбирали $^2/_3$ общего числа гласных, а „азиаты" — только $^1/_3$, несмотря на то, что русские составляли лишь 20% ташкентского населения. Впрочем, по тому вре-

мени даже такой порядок, обеспечивавший $^1/_3$ мест в городском самоуправлении имущим группам коренного населения города, мог считаться по-своему либеральным и объяснялся стремлением царизма привязать к себе имущее меньшинство коренных жителей, чтобы, опираясь на это меньшинство, свободнее эксплоатировать народные массы.

Кроме Ташкента, в остальных русских городах Узбекистана городским хозяйством до революции 1917 г. попрежнему ведали военные власти: в областных центрах (Самарканде и Фергане)—военные губернаторы, в уездных—уездные начальники и полицейские пристава. При генерал-губернаторе бароне Вревском администрация возбуждала даже вопрос об отмене городского самоуправления и в Ташкенте.

Благоустройство русских городов. Все заботы царской администрации в городах Узбекистана были сосредоточены на благоустройстве исключительно русских кварталов. В Ташкенте на это же были направлены все силы городского управления, но расходовались на это средства, собиравшиеся со всего городского населения в целом.

Русские города Узбекистана в отличие от „старых" городов, населенных главным образом узбеками и таджиками, жили своей собственной жизнью и по своему архитектурному облику и бытовому укладу имели специфический характер. Отличительной их особенностью, в противоположность исторически складывавшимся старым городам, являлась правильная планировка города прямыми, широкими улицами, то пересекающимися под прямым углом, то расходящимися по радиусам из одного центра. Преобладающим типом застройки городов являлся одноэтажный небольшой дом-особняк из жженого или сырцового кирпича. Одноэтажными большей частью были также правительственные, общественные и торговые здания. Улицы были широкие, обычно шоссированные или замощенные булыжником. Вдоль улиц проведены были арыки—канавы с проточной водой, насаждены ряды тополей, карагачей, белой акации и других деревьев. Разбиты были тенистые скверы и парки (Кауфманский сквер и сад при доме генерал-губернатора, ныне Ботанический сад в Ташкенте, Абрамовский бульвар в Самарканде). Некоторое внимание уделялось и санитарному состоянию русских городов. В летнее время производилась поливка улиц. Русское население было в какой-то мере обеспечено медицинской помощью. В Ташкенте с 1907 г. существовали военный госпиталь с психиатрическим отделением и лабораторией, железнодорожная и городская больницы, больница Красного креста, родильный приют, городская аптека с лабораторией, глазная амбулатория, одна частная амбулатория и частная водолечебница, пастеровская станция. Впрочем общее число врачей было ничтожно.

Русская культура и наука. В колониальный Туркестан постепенно проникала русская культура. На первом месте стоит организация в Ташкенте Публичной библиотеки, насчитывавшей в 1880 г. около 10 000 томов на русском и иностранных языках, а через 25 лет имевшей уже более 40 000 томов. На ее базе выросла существующая в настоящее время Государственная публичная библиотека УзССР с ее громадным печатным и рукописным фондами. При библиотеке известным библиографом Межовым была проведена грандиозная работа по собиранию русских и иностранных материалов, журнальных, газетных и книжных, о Средней Азии, из которых было составлено 416 томов так называемого „Туркестанского сборника", впоследствии дополнен-

ного и ко времени Февральской революции включавшего около 600 томов. „Туркестанский сборник" до сих пор является ценнейшим источником по истории Средней Азии в колониальный период.

Ташкент очень скоро сделался значительным культурным центром. Важнейшие научные учреждения России открыли здесь свои отделения. Стали возникать и местные научные общества. Открыт был музей этнографии, истории и археологии. В Ташкенте издавались, кроме официальных „Туркестанских ведомостей", еще несколько русских газет („Туркестан", „Туркестанский курьер", „Туркестанское сельское хозяйство") и одна газета на узбекском языке—„Туркестанская туземная газета". Все эти газеты полностью отражали колонизаторские цели российского самодержавия.

В Ташкенте функционировал русский театр, на сцене которого иногда выступали лучшие артистические силы столичных театров.

Завоевание Средней Азии открыло для русской науки широкое поприще в области исследования этой, мало до тех пор доступной европейцам, части Азии. Царское правительство и туркестанская администрация одинаково покровительствовали исследовательским работам русских ученых, так как для более прочного освоения края и эффективного использования его естественных богатств необходимо было предварительное всестороннее его изучение. Русская наука не только сделала очень много для подробного описания Средней Азии, но и поставила и частично разрешила в ходе своих работ целый ряд новых научных проблем. В истории не только русской, но и всей европейской науки того периода исследования русских ученых о Средней Азии представляют собой очень важное явление.

Первое время исследовательская работа в Средней Азии велась главным образом научными учреждениями Петербурга и Москвы, но с конца XIX в. начали возникать научные организации и на месте, преимущественно в Ташкенте.

Среди организующих центров научной деятельности в Средней Азии одно из первых мест принадлежало топографическому отделу Главного штаба в Петербурге, а затем его Туркестанскому отделу. Они проводили большие астро-геодезические вычисления и основанные на них картографические работы. В 1870 г. в Ташкенте была основана астрономическая обсерватория.

Общее руководство географическим изучением края принадлежало Русскому географическому обществу, а с 1897 г.—его Туркестанскому отделу.

Ряд важных исследований организовало Общество любителей естествознания при Московском университете, уже в 1870 г. создавшее на месте свой Туркестанский отдел. В 1870—1872 гг. в Ташкенте функционировало Среднеазиатское общество, занимавшееся главным образом изучением края в горно-техническом отношении. В 1869—1870 гг. отчасти в связи с проблемами горно-технического дела была открыта Ташкентская химическая лаборатория. В 1882 г. был создан Геологический комитет, который, впрочем, начал функционировать систематически значительно позже. Вопросам сельскохозяйственной техники и экономики Средней Азии были посвящены работы Туркестанского отдела Российского общества садоводства, возникшего в 1885 г. и преобразованного в 1895 г. в Туркестанское общество сельского хозяйства, а также работы областных статистических комитетов (Сырдарьинского, Самаркандского и Ферганского). С конца восьмидесятых годов комитеты стали издавать сборники трудов, в которых уделялось

внимание также вопросам краевой этнографии, археологии и истории. Специально археологией края занимались центральные научные учреждения в лице Археологической комиссии (с восьмидесятых годов), Восточного отделения Русского археологического общества (с девяностых годов) и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (с 1903 г.). В 1895 г. в Ташкенте возникла местная организация—Туркестанский кружок любителей археологии.

Географические и естественно-научные открытия. В первую очередь внимание русских исследователей было направлено на географическое и естественно-научное обследование вновь завоеванных территорий. Дело шло не столько о специальном исследовании отдельных вопросов, сколько о разностороннем знакомстве со Средней Азией. Раньше всех с работами о Средней Азии выступил П. П. Семенов-Тян-Шанский, которому наука обязана первыми достоверными сведениями о составе и строении значительной части Тянь-шаня и о характерных для этой области ботанико-географических зонах (экспедиция 1856 и 1857 гг.); Н. А. Северцев начал свои исследования с изучения природы Арало-Каспийского района (1857), затем посвятил несколько лет (1864—1868) Тянь-шаню и закончил обследованием Памиро-Алайской горной системы (1876—1879); он же первый изучил фауну Средней Азии. А. П. Федченко обследовал в 1869—1871 гг. Алайскую долину; собранная им в этом районе коллекция природных объектов дала русским и иностранным ученым большой материал для последующих работ. Последним представителем этой группы всесторонних исследователей Средней Азии является А. Ф. Миддендорф, который в результате посещения Ферганы в 1878 г. напечатал большой труд о Ферганской долине; в нем даны сведения о геоморфологии и почвах Ферганы, о климате, сельском хозяйстве в условиях ирригационного режима, а также о составе и быте населения.

С середины семидесятых годов Средняя Азия сделалась объектом более углубленных специальных исследований в различных направлениях.

На первом месте стояло геологическое изучение Туркестана. И. В. Мушкетов положил начало петрографическому изучению Тянь-шаня (1874—1875) и Памиро-Алайской системы (1877) и сделал важные выводы в области геоморфологии и геологии горных стран Средней Азии; ему и геологу Г. Д. Романовскому принадлежит первая карта полезных ископаемых края. Г. Д. Романовский, в результате ряда экспедиций, собрал большой палеонтологический и стратиграфический материал о Туркестане. Этим же двум ученым принадлежат обобщающие труды по геологии. В книге И. В. Мушкетова „Туркестан" дан блестящий, с точки зрения науки того времени, критический обзор итогов геолого-географического изучения Средней Азии до начала восьмидесятых годов, послуживший отправной базой для последующих исследований. Г. Д. Романовский в своей работе „Материалы для геологии Туркестанского края" (1878—1890) дал предварительную общую схему исторического развития поверхности и недр Средней Азии.

Географо-геологическое изучение Узбекистана шло довольно интенсивно. С 1909 г. Геологический комитет приступил к систематической геологической съемке края. Произведен был ряд картографических работ, в основе которых лежали детальные съемки территории, и закончены были многолетние капитальные астро-геодезические и гравиометрические исследования П. К. Залесского.

Возникший в 1897 г. Туркестанский отдел Русского географического общества сделался скоро центром разнообразных географических, геологических, зоологических и ботанических исследований Средней Азии. Из организованных им работ особенно важен был многотомный труд Аральской экспедиции (1900—1906), руководимой Л. С. Бергом. Экспедиция носила широкий комплексный характер и была выполнена на высоком для своего времени научном уровне. Научно-исследовательские партии, организованные в Средней Азии Отделом земельных улучшений Министерства земледелия, проводили, начиная с 1909 г., обстоятельное изучение геологических, гидрогеологических, почвенных и метеорологических условий в низовьях Аму-дарьи, в районах, прилегающих к Сыр-дарье, в Голодной степи и т. п. Подобные же работы выполнялись и органами железнодорожного ведомства, особенно в связи с проектом сооружения Туркестанско-Сибирской железной дороги.

Особенно большие успехи были достигнуты в рассматриваемое время в части ботанического изучения Средней Азии. Работы С. И. Коржинского и В. Л. Комарова дали в девяностых годах первые фундаментальные характеристики растительных областей Узбекистана. Позже вышли капитальные труды по флоре Средней Азии В. И. Липского (1900—1911) и Б. А. Федченко (1915). С 1909 г. началась серия ботанических исследований Сибири и Средней Азии, предпринятая Переселенческим управлением Министерства земледелия для использования растительных ресурсов этих областей. В области изучения животного мира Средней Азии необходимо отметить выдающиеся работы Л. С. Берга о рыбах Туркестана и Н. А. Зарудного о птицах разных его областей.

Исторические и археологические исследования. В середине девяностых годов оживляется работа по изучению истории Узбекистана. Выдающийся востоковед В. В. Бартольд положил основу всей последующей работе по изучению древней и средневековой истории Узбекистана рядом трудов, среди которых центральное место занимает его книга „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ (1898—1900). Он впервые использовал и обработал с исключительной полнотой местные первоисточники, особенно средневековые. В то же время В. В. Бартольд дал толчок к изучению археологических памятников Узбекистана; он и сам занимался историей материальной культуры Средней Азии и стимулировал в этой области работу других исследователей. Вместе с Н. И. Веселовским, В. В. Бартольд обратил внимание центральных научных учреждений на необходимость археологического изучения древностей Самарканда и других городов Узбекистана. В этой области несколько работ было опубликовано В. Л. Вяткиным. Произведены были также некоторые раскопки Туркестанским кружком любителей археологии (главным образом в Ташкенте). Это было началом археологического обследования Узбекистана, которое развернулось по-настоящему только при советской власти.

Наряду с изучением древней и средневековой истории Средней Азии, в течение рассматриваемого периода разрабатывалась история русского продвижения в Среднюю Азию.

К 1890—1900 гг. относятся работы по этнографическому изучению Туркестана; была сделана даже попытка приступить к составлению этнографической карты Средней Азии.

Работа, развернутая русскими научными силами, способствовала разработке естественных богатств и развитию производительных сил

Туркестана. Изучение геологии и полезных ископаемых Средней Азии способствовало усилению добычи угля и нефти в начале XX в. В Чимионе (Ферганская область) нефтяные промыслы были организованы на основе добытых научным путем ориентировочных сведений о месторождении и условиях залегания нефти. Устройство каменноугольных копей в ущелье Джаль и других местах тоже базировалось на данных геологической теории. В области ирригации были использованы некоторые улучшения, с которыми местные жители познакомились на опыте ирригационных работ, предпринятых русскими техническими силами.

Русская наука провела в тяжелых для ее деятельности условиях царизма большую и плодотворную работу по изучению Средней Азии и в частности Узбекистана. Русские ученые значительно расширили сведения европейской науки в области географии, геологии, зоологии, ботаники Средней Азии, открыли новые страницы в изучении ее истории, собрали большой материал по ее этнографии.

ГЛАВА XIII

МАССОВОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

(Со времени завоевания до конца XIX в.)

§ 1. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ СЕМИДЕСЯТЫХ И В ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XIX в.

Героическая борьба народов Узбекистана с царскими войсками в период завоевания шла под лозунгом защиты родной земли. Борьба не прекратилась и после завоевания. Даже после разгрома кокандского восстания, известного под названием восстания Пулат-хана, народное движение не заглохло.

Царские власти приходили к выводу, что в Ферганской области на территории бывшего Кокандского ханства, по выражению одного официального документа, „постоянно чувствуется брожение идеи газавата". Многие дела подобного характера раскрывались русской администрацией в зародыше и не получали дальнейшего развития. Но временами то здесь, то там происходили открытые вспышки народного недовольства.

Нередко движение возглавлялось так называемыми „лже-ханами" (джетым-ханами). В руки царских властей попало до 50 таких лже-ханов; некоторые из них были повешены.

Превращение Средней Азии в колонию царизма усилило национально-освободительное движение местных народов.

Волнения 1885 г. в Фергане. Дервиш-хан-тюря. Летом 1885 г. в Фергане вспыхнуло новое народное движение. Ему предшествовало общее напряженное состояние населения и распространение различных „слухов"; в народе говорили о близком появлении „спасителя" — Махди, о неизбежном столкновении России с Афганистаном, о близкой смерти эмира бухарского и будто бы неизбежных в этой связи волнениях в Бухаре. Стали появляться и самозванцы. В конце июля 1885 г. в Намангане был задержан неизвестный, выдававший себя за сына бывшего кокандского хана.

В половине августа 1885 г. в Андижанском, Ошском и Маргеланском уездах появились отдельные группы повстанцев. Они нападали главным образом на волостных управителей. Двух управителей им удалось захватить в Андижанском уезде, один из них был убит за отказ присоединиться к восстанию.

В процессе явного нарастания движения появился и руководитель. В этой роли оказался некто Дервиш-хан-тюря, проживавший перед тем попеременно то в Кокандском, то в Андижанском уездах и имевший там недвижимую собственность. Дервиш-хан ставил своей целью поднять всеобщее восстание против царизма, для чего стремился объединить отдельные, ранее образовавшиеся группы повстанцев. Главным

помощником Дервиш-хана был Мумин-бий, содействовавший слиянию отдельных повстанческих групп на территории Ферганы.

Царские власти организовали карательную экспедицию для преследования повстанческих групп. Были посланы русские пехотные команды, посаженные для быстроты передвижения на арбы или на коней. Повстанческие группы были настигнуты и обращены в бегство. При столкновении трое повстанцев было убито, пятеро тяжело ранено и семеро взято в плен; остальным удалось скрыться, в том числе и главному предводителю Дервиш-хану. Его так и не разыскали, несмотря на все усилия царских властей. Мумин-бий был захвачен и казнен. Позднее был произведен ряд арестов по кишлакам. По свидетельству помощника военного губернатора, арестованные участники восстания были „бездомники". Это свидетельство важно для представления о социальной основе движения, которой являлась кишлачная беднота.

После подавления волнений, связанных с движением Дервиш-хана, новые вспышки следовали одна за другой.

В августе 1891г. возобновились нападения на русских чиновников: так между Маргеланом и Наманганом группа около 30 человек напала на землемера. В 1892 г. попытку объявления газавата сделал Сабир-хан из Кокандского уезда, собравший вокруг себя многочисленных сторонников и развернувший зеленое знамя газавата. В 1893 г. произошли „беспорядки" в Андижанском уезде, в Коканкишлакской волости при выборах волостного управителя. За это в Кокан-кишлаке была поставлена на постой на полное довольствие населения рота пехоты: подобные наказания, особенно чувствительные для трудовых слоев сельского населения, широко практиковались царскими властями.

Наиболее выдающимся примером массового национально-освободительного движения в Узбекистане в начале девяностых годов было ташкентское городское восстание 1892 г., непосредственным поводом к которому послужила эпидемия холеры.

§ 2. ТАШКЕНТСКОЕ ГОРОДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1892 г.

Холерные бунты являлись нередкой формой массового движения в царской России. Известны, например, холерные волнения 1830—1831 г. в Петербурге, в царствование Николая I. В начале девяностых годов холерные бунты происходили в Центральной России (Тамбовское движение и др.).

Холера и стеснительные против нее мероприятия явились лишь внешним поводом для проявления глубокого внутреннего недовольства, накопившегося среди населения Ташкента за годы хозяйничанья царских колонизаторов.

Процесс капиталистического развития края приводил к сосредоточению в Ташкенте недовольных ремесленников, выбитых из своей колеи. Все увеличивавшийся ввоз в Среднюю Азию, и в частности в Ташкент, товаров из Европейской России наносил жестокий удар городским ремесленникам, неспособным конкурировать с дешевыми фабричными изделиями. Самый сбыт кустарно-промышленных изделий становился затруднительным; с 1874 г., по распоряжению генерал-губернатора Кауфмана, зякат был отменен и вместо него введен промысловый сбор, новый для местных жителей; купцы стали платить за право торговли, а ремесленники—за право заниматься своим ремеслом. Раньше подобного положения не было. Все это вызывало глубокое

недовольство ремесленников и мелких торговцев и толкало их на борьбу с колониальным режимом.

В 1887 г. по г. Ташкенту проведена была перепись населения для исчисления оценочного городского налога с каждого домовладельца. Это вызвало обострение недовольства городского населения. В условиях Ташкента владение домом, представлявшим собой часто глиняную постройку ничтожных размеров, не было признаком особой состоятельности. „Домовладелец" часто был одновременно мардикором (поденщиком) и т. п. Население искало всяких способов уклониться от налога. Бывали случаи, когда при производстве переписи оказывались скрытыми „не только отдельные домовладения, но и целые улицы".

Усиленное развитие хлопководства с самого начала сопровождалось хищнической деятельностью ростовщиков и скупщиков, закабалявших массу непосредственных производителей. Значительная часть полупролетаризированных слоев населения поглощалась мардикорством и вынуждена была итти на поденные заработки. Пришлые в Ташкент мардикоры также приняли участие в ташкентских волнениях 1892 г.

Холерная эпидемия. В марте 1892 г. холера появилась в Кабуле и Герате, а уже 1 июня ее первые вспышки были отмечены в Джизакском уезде Самаркандской области. 7 июня были зарегистрированы первые заболевания холерой в Ташкенте. Городская администрация взволновалась и предписала населению ряд стеснительных мер в целях борьбы с эпидемией. В городе было закрыто 12 старых кладбищ; умерших от холеры предлагалось хоронить на особых холерных кладбищах, но вместо обещанных четырех новых кладбищ было открыто только одно. Между тем шариат предписывал нести труп к месту погребения обязательно на руках, и отдаленность нового кладбища, как и закрытие старых, крайне раздражали население. Порядок погребения умерших от холеры, установленный администрацией, нарушал требования шариата, и это тоже вызывало недовольство. Ввиду нехватки медицинского персонала, лица, не имевшие отношения к врачебному делу, стали выдавать себя за врачей, проникали под видом таковых на женскую половину дома, нарушая тем самым мусульманские обычаи. Власти ограничивали право выезда из города; городская администрация препятствовала мардикорам выходить на работу на хлопковые поля.

Все эти стеснительные мероприятия, от которых более состоятельные люди откупались взятками, падали всей тяжестью на менее обеспеченные слои населения и городскую бедноту. В холерную больницу брали больных „почти исключительно среди мардикоров", в то время как богатые жители лечились дома, скрывая случаи заболевания холерой. Происходила принудительная мобилизация возчиков для перевозки больных: „арбакеши" разбегались „без оглядки на все четыре стороны".

Как обычно бывает при народных волнениях такого рода, по городу распространялись нелепые слухи об отравлении больных врачами, о запрещении хоронить мертвецов и т. д. Говорили, будто бы городской пристав запретил одевать саваны на покойников и совершать погребальные обряды; рассказывали, что отравлена вода в арыках.

Все эти слухи были направлены своим острием прежде всего против местных властей (аксакалов) и полиции.

Настроение городской массы становилось все более тревожным. Положение еще обострилось тем, что 21 мая, вскоре после первых слухов о холере, по личному распоряжению военного губернатора Сырдарьинской области Гродекова, был устранен от должности стар-

ший аксакал—начальник „старого города" Иногам-ходжа, временно замененный русским ставленником Мухаммед-Якубом (сокращенно Ма-Якуб). Многочисленные же родственники Иногам-ходжи, занимавшие в „старом городе" различные полицейские должности, остались на своих местах и подстрекали население против нового аксакала. Кроме того, старый аксакал был более популярен среди населения и пользовался его доверием; новый же, чувствуя непрочность своего положения, не стеснялся в средствах для всевозможных вымогательств. По образному выражению недовольных, „Иногам-ходже не было дела ни до живых, ни до мертвых, а Ма-Якуб начал преследовать и мертвых и живых". Вымогая взятки, Ма-Якуб приказывал хоронить на холерных кладбищах даже умерших не от холеры и т. д.

За 3—4 дня до восстания многие предупреждали начальника города полковника Путинцева о надвигающихся событиях.

Ход восстания. 20 июня 1892 г. население старого Ташкента стало собираться в мечетях и обсуждать проект прошения к властям об отмене стеснительных противохолерных мероприятий. Были выбраны депутаты, собирались подписи. Обращение к властям осталось, однако, невыполненным, его опередило открытое выступление населения. 23 июня, в день праздника Курбан-байрама, начальник города Путинцев приехал в 5 часов утра в главную мечеть города (Джами), близ которой находился приемный покой холерных больных, и обратился к собравшимся с речью, разъясняя пользу противохолерных мероприятий. После него выступил старейший ташкентский казий Шариф-ходжа, который прочел молитву за царя и убеждал „верить русскому начальству". С виду все оставалось спокойным до следующего дня, хотя дальнейшие события показали, что речи в мечети лишь озлобили население.

В ночь на 24 июня полицейский пристав донес Ма-Якубу о тайных похоронах умерших от холеры. Пока Ма-Якуб ездил докладывать об этом Путинцеву, пристав собрал виновных родственников и повел их через базар в управление, грозя, что покойники будут вырыты из могил. Народ побежал за арестованными. Образовалась толпа человек в сто, которую возглавлял ишан Азизляр. По мере движения, количество людей росло. Раздавались угрожающие возгласы по адресу Ма-Якуба. Недалеко от дома последнего к толпе присоединилась вторая группа, гораздо более многочисленная, человек в 500, которую вел из Шейхантаурской части города ишан Абдул-Касым-ходжа и базарный старшина Зия-Мухаммед. Узнав о том, что Ма-Якуб находится у начальника города, толпа направилась к последнему, разыскивая ненавистного аксакала. Предупрежденный о движении народа, начальник города Путинцев вместе с Ма-Якубом вышел ему навстречу. Встреча произошла на Воронцовском бульваре, недалеко от Урдинского базара. Аксакал стал ругаться и замахиваться на людей нагайкой. В ответ из толпы полетели камни. Бросив лошадь на улице, аксакал скрылся в доме управления начальника города.

Дошедший тем временем до здания управления Путинцев стал у калитки, уговаривая толпу разойтись. Несколько жителей, пробравшись в управление с другой стороны улицы, втащили Путинцева во двор и с громкими криками стали требовать выдачи старшего аксакала. В ответ на отказ из толпы полетели камни. Путинцева сшибли с ног, стали избивать. Народ ворвался в здание и стал требовать от Путинцева подписку о том, что Ма-Якуб будет выдан, а стеснительные противохолерные мероприятия будут отменены. Не добившись согласия, восставшие начали громить управление.

Услыхав о приближении солдат, невооруженный народ разбежался; когда на место происшествия прибыл военный губернатор Гродеков во главе небольшого отряда солдат, никого из участников „беспорядка" на месте уже не оказалось. Восставшие отправились к Ма-Якубу и разгромили его дом. Гродеков двинулся в „старый город", тесня перед собой толпу, которая „то разбегалась, то снова собиралась впереди и позади команды, ругаясь и поражая отряд камнями".

У мечети Джами Гродеков остановил команду, окруженную возбужденной толпой, и приказал стрелять. Всего по толпе было сделано три залпа и выпущено 32 боевых патрона. По официальным сведениям, было убито около десяти человек, но точное число пострадавших нельзя было установить, так как местные жители уносили с собой убитых и скрывали раненых. Камнями, летевшими из толпы, было ранено несколько полицейских. Когда околоточный надзиратель пытался насильно задержать одного участника волнений, тот ранил его ножом. Солдаты и помогавшие им „добровольцы" били убегавших и сталкивали их с высокого берега в арык Анхор. Некоторые утонули, другие были искалечены. В последующие дни из воды было извлечено 80 трупов.

Вечером того же дня вновь собравшийся народ поджег загородные постройки, принадлежавшие Ма-Якубу, и уничтожил его фруктовый сад и виноградники.

Вызванный из лагерей казачий полк стоял в старом городе до 30 июня.

Расправа с восставшими. На следующий же день после восстания все аксакалы и казии были отстранены от должностей. Генерал-губернатор барон Вревский объявил в приказе команде, стрелявшей в толпу, „большое спасибо", особенно похвалив ее за то, что залп был дан „вполне спокойно и согласно, как на учебной стрельбе". Полковник Путинцев был смещен, его снизили в должности, назначив начальником уезда, а на его место был назначен „твердый и энергичный" полковник Тверитинов. Старший аксакал был заменен опытным полицейским приставом Седовым. „Туземцы-полицейские" стали заменяться русскими или представителями местного населения, но не уроженцами города.

Началось следствие над участниками волнений, в результате которого 60 человек были преданы военному суду.

Военно-окружной суд приговорил 8 человек к смертной казни, 3—к ссылке, 17—к арестантским ротам. Приговор был позже смягчен: смертная казнь заменена каторгой (одним—бессрочной, другим—сроком на 15 и 20 лет), а сроки пребывания в арестантских ротах также несколько сокращены. Несмотря на это „смягчение", приговор по Ташкентскому движению 1892 г. поражает своей суровостью. Он характерен для общей тенденции политики царизма—искоренить путем жестокой и беспощадной расправы массовое движение в царских колониях.

Лозунги Ташкентского восстания 1892 г. и состав участников. Основным лозунгом восстания была смена городских властей, протест против притеснения жителей царской администрацией. Военному губернатору Гродекову пришлось в начале движения успокаивать население, обещать ему, что „если жители недовольны начальником города и аксакалом, то пусть подадут жалобу, и будет назначен другой начальник города и аксакал". Не только Ма-Якуб, но и прочие ставленники царской администрации дрожали за свою жизнь. Так, местный казий

вместе со своими родственниками убежал по крышам и глухим переулкам в русскую часть города. Ненависть к местным властям выразилась в разгроме городского управления, причем похищения вещей при этом не наблюдалось. Восставшие прекрасно понимали, кто истинные виновники притеснений: ни один врач и ни одно лечебное учреждение не подверглись нападению.

Ненависть к насильно навязанному населению аксакалу сказалась в разгроме его дома, уничтожении его имущества. Лозунги газавата, повидимому, не выдвигались. Направленное против местных притеснителей восстание не выдвинуло также более широких лозунгов политического характера: так, срывая со стен городского управления тексты распоряжений местных властей, толпа не тронула портретов царя и генерал-губернатора.

Состав участников ташкентских событий 1892 г. не был вполне однородным, — явление, вообще характерное для городских восстаний. Участниками волнений были местные ремесленники, рабочие ташкентских предприятий, мелкие торговцы, арбакеши, пришлый деревенский элемент — мардикоры, чернорабочие. Один из руководителей, Бий-Мухаммед, свидетельствовал, что в толпе участвовали главным образом „оборванцы, люди молодые". В числе 51 человека, захваченных при погроме управления, было 10 мардикоров, 22 ремесленника, 8 торговцев, 2 дехкана и др.

Представителей состоятельных слоев населения, кроме лиц мусульманского духовенства, среди восставших не было. На неоднократные попытки привлечь их к участию в восстании, как правило, следовал отказ.

Волнения 1892 г. были массовым городским движением, направленным против колонизаторской политики царизма.

§ 3. АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 г.

Предпосылки Андижанского восстания. Крупнейшим массовым движением девяностых годов в Узбекистане было так называемое Андижанское восстание 1898 г. Название это, общепринятое в литературе, несколько условно. Собственно Андижан явился не столько центром движения, сколько местом, где произошло нападение восставших на царский гарнизон. Район восстания был гораздо шире, — он охватывал местность вокруг Андижана, Оша и Намангана. Восстание предполагалось начать также в этих двух последних городах, а не только в самом Андижане; поэтому Андижанское восстание 1898 г. было бы точнее именовать Ферганским или Восточно-Ферганским.

Восточная Фергана была хлопковым районом: около $^1/_3$ всей площади, засевавшейся в Туркестане хлопчатником, приходилась на Фергану. Развитие хлопководства в колониально-порабощенной стране влекло за собой резкое снижение уровня жизни трудящихся масс и дальнейшее их закабаление. Русским капиталистам развитие хлопководства приносило хищническую прибыль; ростовщичество достигло в хлопковых районах огромных размеров, задолженность опутала трудовое дехканство. Местные байско-феодальные элементы все сильнее угнетали трудящихся. Восточная Фергана была районом особого развития чайрикорства. Быстро развивалось батрачество; масса оставшейся еще от феодальных времен безземельной бедноты смешивалась с пролетаризированными слоями деревни, выделившимися в процессе капиталистического развития.

Предпосылкой восстания несомненно явилась также новая система поземельно-податного обложения, введенная в начале восьмидесятых годов, в результате которой налоги на население возросли в 2—3 раза. Любопытным примером может служить селение Сузак Джалал-абадской волости Андижанского уезда, жители которого за три года до Андижанского восстания подали военному губернатору Ферганской области жалобу на непосильное обложение налогами. Губернатор был вынужден признать, что население кишлака Сузак „совершенно почти разорено от обременительных податей вследствие непосильного на них обложения...". Тяжесть обложения усиливалась вопиющими злоупотреблениями при сборе налогов. Широко практиковались незаконное увеличение сборов, взяточничество и подкупы. В том же кишлаке Сузак было обложено податью большое пространство будто бы обрабатываемой земли (12 тыс. танапов), фактически смытой разливом рек Кара-дарьи и Кугарта и приведенной в совершенно негодное для обработки состояние. Жители кишлака платили подать за смытые рекой и фактически не существовавшие земли около десятка лет. Сам ферганский военный губернатор вынужден был признать, что население „внесло лишних податей в несколько раз больше, чем за ним теперь числилось недоимок". Что же касается недоимок, то военный губернатор писал: „Взыскать с сузакцев накопившуюся за ними недоимку в количестве 35593 руб. 14 коп. не представляется решительно никакой возможности, так как платежные силы населения уже подорваны непосильной для него податью, которая исчислена была комиссией при организации области в 1881 г.". Насильственный постой царских войск в кишлаках и обременительная повинность содержания этих войск крайне раздражала население.

Особенно тяжело было положение кочевников-скотоводов киргизов, обитавших на стыке узбекских и киргизских земель в районе Андижан—Новый Маргелан—Ош. Здесь завязывался узел чрезвычайно сложных аграрных противоречий. Киргизское население особенно страдало от земельных стеснений, связанных с переселенческой политикой царского правительства. Их земли передавались русским переселенцам. Антирусские настроения находили в этих условиях благоприятную почву. Район этого недовольства был гораздо шире непосредственного района восстания. „Киргизы горных местностей уездов Чимкентского и Аулиеатинского относятся к русским недружелюбно,— читаем мы в одном из современных событиям донесений русского наблюдателя,— и главным мотивом своего недовольства выставляют отнятие у них земель, коими они пользовались издавна, под русские поселки".

Все эти обстоятельства вызывали ненависть к колонизаторам и усиливали национально-освободительное массовое движение. Одним из наиболее ярких его проявлений и было Андижанское восстание 1898 г.

Ишан-Мадали. Район восстания. Востание 1898 г. развернулось в Ферганской области. Наибольшее число участников дали г. Андижан, Андижанский и Маргеланский уезды и некоторые волости Ошского уезда. Восстание получило развитие главным образом в сельскохозяйственном хлопковом районе. Царские власти вынуждены были признать, что они выявили далеко не всех участников восстания. „Район, знавший о волнениях, значительно обширнее, чем можно заключить из данных судебного разбирательства",—доносил правительству командующий войсками Туркестанского военного округа. Район восстания охватил как узбекские территории, так и местности, населенные кочевниками-киргизами.

Восстание началось в кишлаке Минг-тепе, расположенном недалеко от Андижана (кишлак состоял из двух селений под названием Таджик и Кашгар).

Восстание возглавил ишан Мухаммед-Али-хальфа Сабир Суфиев, или сокращенно, по народному, ишан Мадали. Отец его, Мухаммед Сабир, ремесленник, мастер по выделке веретен и детских зыбок (дукчи), жил сначала недалеко от Нового Маргелана, а потом для более удобного сбыта своих изделий переехал в большой торговый кишлак Минг-тепе, находившийся на проезжей дороге. Он был бедным человеком и имел всего 5 танапов земли. Таким образом, руководитель восстания вышел из той ремесленной среды, которая уже не раз в истории давала вождей народным движениям Средней Азии.

Ремесло отца перешло к сыну. Став ишаном, будущий руководитель Андижанского восстания не бросил своего ремесла, отчего и получил прозвище „дукчи-ишан" или „икчи-ишан" (ишан-веретенщик). В юности Мадали сделался муридом известного тогда ишана Султан-хана-тюри. Ему пришлось работать у своего учителя в качестве дувалкеша (глинобитчика). Позже он стал преемником Султан-хана-тюри в его духовном звании ишана.

Слава об ишане-веретенщике стала распространяться по окрестности. Недалеко от кишлака Минг-тепе, около пыльной дороги Мадали посадил карагачи для отдыха путников в знойное время. Несколько лет Мадали издалека ежедневно носил воду для поливки деревьев и поил путников, страдавших от жажды. С этого началась известность Мадали. За одиннадцать лет до восстания Мадали совершил хадж в Мекку. Он сам и его ученики распространяли позже слухи, что у гроба пророка Мухаммед-Али будто бы имел откровение. „Бог сказал, что Мухаммед-Али будет ишаном в продолжение 10 лет, велел ему завести большие котлы и кормить народ, а по истечении 10 лет объявить газават". Подобные вымыслы типичны для агитации в феодально-крестьянских движениях, обычно прикрывавшихся религиозной оболочкой. В ответ на слова Мадали, что он человек бессильный и бедный, „бог—по его уверению,—обещал ему помочь" и в подтверждение откровения „дал ему золотой ковш". По возвращении на родину Мадали завел котел и стал кормить народ, забирая первоначально необходимые припасы в долг. Позже почитатели и ученики жертвовали ему на это дело большие средства. Так, в руках у Мадали скопились значительные средства и вскоре он оказался в состоянии кормить у себя во дворе много голодного люда. Слава ишана была подкреплена и совершаемыми им „чудесами".

Мадали принадлежал к дервишскому ордену накшбендия. Орденским признаком был белый цвет,—халаты и тюбетейки белого цвета носили и муриды Мадали. Религиозно-бытовой институт ишанства, так же как и орден дервишей, зачастую противопоставлял себя официальному духовенству ислама. Поэтому их представители легко оказывались в роли организаторов или идеологических вдохновителей народного крестьянского движения.

„Ишан-веретенщик" пользовался большим авторитетом у населения. Даже в отдаленном Пишпекском уезде у него было много муридов.

Религиозная организация была использована для подготовки восстания. У „ишана-веретенщика" были свои хальфа (заместители, помощники), а также многочисленные раисы—блюстители веры. Расходясь по кишлакам, они агитировали за газават и выступали в качестве его организаторов.

Лозунги и подготовка восстания. Не впервые в истории газават (священная война против „неверных") оказывался той формой, которую принимало народное движение против царизма и колониального порабощения. Под знаменем газавата выступал, например, в середине XIX в. на Кавказе Шамиль.

Основным лозунгом газавата, объявленного Мадали, был лозунг освобождения от русского владычества. „Он счел себя призванным спасти народ, и с этой целью, прежде всего, освободить его от русского владычества", — говорит донесение, адресованное Туркестанскому генерал-губернатору. Народ вложил в этот лозунг свои стремления освободиться от царских колонизаторов. Стремление — свергнуть царское владычество—выражал провозглашенный в ходе восстания лозунг политической независимости Ферганы. Мадали и его ближайшее окружение воспользовались этим настроением народа и выдвинули мысль поставить в Фергане своего хана. В качестве кандидата на ханский престол намечен был племянник ишана, Абдулазиз, 14-летний мальчик, правление которого, конечно, явилось бы номинальным.

Как это всегда бывает в народном движении сложного социального состава, к лозунгам, которые в какой-то мере отражали чаяния народных масс, примешались и лозунги иного порядка, отражавшие требования религиозно-феодальных элементов, примкнувших к движению.

Сам Мадали своими показаниями на следствии как бы подтверждал идейную неоднородность движения. Он жаловался, с одной стороны, на те мероприятия русской власти, которые вели к угнетению народа в целом, с другой, — выдвигал требования феодального духовенства. По показанию Мадали, его сильно беспокоила порча нравов в народе, которая привела, по его мнению, Кокандское ханство к падению. После завоевания края русскими, нравы еще больше испортились, что выражалось „в развитии разврата, пьянства и азартных игр, в ослаблении семейных начал, вообще, в разнообразных отступлениях от требований шариата". Русская власть, — говорил на следствии Мадали, — отменила зякатный сбор, лишила доходов вакуфные учреждения и запретила паломничество в Мекку, не обращая при этом внимания на упадок народной нравственности. В этом перечислении причин, вызвавших, по мнению ишана, газават, было, таким образом, не мало реакционно-религиозных мотивов, отражавших чаяния узких феодальных групп. Но трудовой народ Узбекистана шел на газават против царских колонизаторов не во имя восстановления вакуфных доходов, получаемых за его же счет.

Решение провозгласить газават охватывало все более значительный круг людей. Посетители ишана собирались после молений по домам и беседовали о том, что пришло время начинать газават — „нужно только подождать, пока поправятся лошади", т. е. когда они после весенней пахоты вновь будут в теле. Говорилось и о необходимости подождать, пока созреет ячмень.

Широкий план восстания не был полностью осуществлен. Предполагалось организовать одновременное открытое выступление в Андижане, Оше и Новом Маргелане. В каждом из этих городов и вокруг них велась подготовительная агитационная и организационная работа. Планы восстания захватывали частично Киргизию и Самаркандскую область.

Боязнь быть открытыми правительством заставила организаторов восстания поторопиться и выступить несколько ранее, нежели это предполагалось первоначально. Мадали, как выяснило следствие, вероятно, опасаясь, что заговор будет раскрыт преждевременно, то-

ропился перейти к действию, не дав созреть всему широко задуманному плану обширного восстания с одновременным нападением на многие пункты". „Иначе,—писал командующий войсками Туркестанского военного округа,—восстание стоило бы несравненно более крови, жертв и труда для его успокоения".

Андижанское восстание 1898 г. было направлено непосредственно против царских войск и, в первую очередь, имело целью уничтожение гарнизона г. Андижана. Ишан Мадали признавался, что он рассчитывал „напасть на войска и захватить город". Существенно, что восставшие решили расправиться не со случайными чиновниками, а прежде всего с военной силой царизма, той силой, которая была вооруженной опорой колониальной власти в сравнительно еще недавно покоренной стране.

Агитация среди населения началась задолго до восстания и развертывалась в сочувствующей и легко воспламеняющейся среде. Агитаторы ездили по краю от имени ишана-веретенщика. На стороне последнего стоял ряд волостных управителей, использовавших свое служебное положение и свой авторитет для поддержки восстания. Ишан рассылал повсюду письменные призывы к восстанию, пригласительные письма (чакру-хат), скрепленные его малой печатью. В письмах намечался определенный срок сбора и указывалось его место (близ кишлака Минг-тепе).

О восстании, несомненно, знали тысячи людей. Готовилось оно не менее трех-четырех месяцев. То обстоятельство, что власти не заметили подготовки к восстанию, говорит о широком сочувствии к нему населения. В месяцы, предшествовавшие открытому выступлению, собиралась подписка от лиц, желавших принять в нем участие (будущие участники движения подписывали „клятву верности"); волостные управители, перешедшие на сторону движения, прикладывали к этому документу свои печати. „Во-первых, для бога и пророка, мы должны быть победителями в священной войне, и во-вторых, пожертвовать жизнью в священной войне. Если по наущению шайтана, из себялюбия или из опасения за свою жизнь мы, оробев, откажемся от исполнения нашего обещания, да будем мы достойны ада, да почернеют в обоих мирах наши лица, да будем в день страшного суда посрамлены и опозорены",—говорилось в „клятвенном обещании".

Средства для восстания собирались заблаговременно. Еще в середине февраля в Коканде подбрасывались письма от имени ишана, адресованные более богатым жителям, с просьбой приготовить для газавата зякат за последние пятнадцать лет. Извещалось, что газават начнется тогда, когда число участников, желающих открыто выступить с оружием в руках, достигнет 1000 человек. Несколько раз накануне восстания ишан-веретенщик выступал в мечети с проповедями о необходимости газавата. Он не только говорил прямо и открыто о готовящемся восстании, но называл даже день и место сбора: 17 мая в воскресенье вечером у Замбербаля, на холмах под Андижаном. Тем не менее, русские власти узнали о восстании лишь в самый последний момент и не приняли решительно никаких мер к его предотвращению.

Ход восстания. Накануне выступления множество людей, захватив с собою кетмени, серпы, мотыги, двинулись ночью по направлению к кишлаку Минг-тепе.

17 мая 1898 г. в 8 часов вечера по селению Таджик (входившему в состав кишлака Минг-тепе) раздались крики „газават, газават!". Первоначально отряд, вышедший из кишлака, состоял из 200 всадников.

Дукчи-ишан в зеленом халате и в белой чалме ехал во главе этих всадников, сзади него несли белый значок (символ ордена накшбендия). Отряд ишана делился на две части, причем каждая имела свое особое знамя. Первым отрядом командовал мулла Зияутдин Махсум, ближайший помощник ишана; имя же начальника второго отряда так и не было установлено на следствии. Особый верховой отряд под начальством муллы Ахмеда был выслан вперед; ему было поручено перерезать провод правительственного и железнодорожного телеграфа, шедший в г. Маргелан. Таким образом, телеграфное сообщение между Маргеланом, Кокандом и Ташкентом было повреждено, что затруднило на первых порах правительственную информацию и помешало во-время стянуть военные силы для подавления восстания.

Отряды восставших несли с собою зеленое знамя газавата. Оружие отрядов было в общем примитивно: кинжалы, шашки, кетмени, палки, копья, серпы. Лишь часть повстанцев имела огнестрельное оружие—револьверы, ружья, карабины. Позже, уже при нападении на военный лагерь, восставшие частично вооружились винтовками, захваченными у солдат.

Из кишлака Минг-тепе восставшие направились к большому кишлаку Кутчи, где к ним присоединилось еще человек двести. Отряды двинулись через Кара-курган в Охчи и далее к Кулю. К ним непрерывно присоединялись местные жители. Группа человек в полтораста вышла из Андижана навстречу повстанцам и примкнула к ним. Общая численность пришедших в Андижан участников восстания определялась в 2000 человек, из них около 1000 всадников.

Перед въездом в Андижан ишан послал вперед трех джигитов, которые проскакали по улицам города с криком „газават". Городские караульщики безмолвно пропустили отряды. Сплошная полоса кишлаков, примыкавших к юго-восточным кварталам Андижана, помогла восставшим приблизиться незамеченными. Около трех часов утра, когда русский военный лагерь был еще объят сном, отряды повстанцев в полной тишине подошли через окрестные сады к правому флангу лагеря и внезапно напали на него. Нападению подвергся, прежде всего, крайний барак, занятый тремя взводами четвертой роты 20-го Туркестанского линейного батальона.

Солдаты гарнизона, после первого замешательства, открыли огонь. Лошадь под знаменщиком с зеленым знаменем была убита, затем был сражен и он сам. С обеих сторон падали раненые и убитые. Восставшие распространялись по лагерю и в то же время окружали его. Из русского гарнизона было убито 22 человека; 19 рядовых было ранено тяжело, 5—легко. Восставшие захватили десятка три винтовок, но нападение было отбито.

Военное командование ожидало продолжения событий и готовилось к дальнейшей защите. Позже город оцепили подошедшие русские войска, которые затем тщательно обследовали прилегавшую к нему местность. Восстание было быстро подавлено военной силой.

Как всегда, среди феодальных элементов, примкнувших к движению, нашлись предатели, сорвавшие план выступления в Оше и Маргелане.

Состав участников восстания и общий характер движения. Состав участников Андижанского восстания в 1898 г. не был однороден. Преобладала трудовая беднота кишлаков и городских пригородов. Но к этому движению примешалась и некоторая доля феодальных элементов: в восстании приняли участие прежние чины ханских войск, бывшие юз-баши, пансаты, дадха (сотники, пятисотники и дру-

гие военные чины). Мусульманское духовенство внесло лозунги феодального характера, по существу чуждые основной массе участников восстания. К движению присоединилось также небольшое количество торговой буржуазии, как например, один из богатейших купцов края—Араббек Бабаджанов.

Но основными участниками являлось трудовое дехканское население ферганских кишлаков и городских пригородов. Сохранившиеся дела по конфискации имущества осужденных ясно рисуют имущественное состояние массы участников. Большинство из них имело „движимое имущество", ценность которого часто не превышала 2—3 рублей. Большинство участников вовсе не имело земли, лишь некоторая часть из них владела небольшими участками (от 3 до 8 танапов). Представление о составе основной массы участников дают следующие цифры, основанные, впрочем, на неполных данных.

Беднота, имеющая „движимое имущество", состоящее из предметов домашнего обихода, составляла 48% всех арестованных участников восстания; не имели никакого имущества—30%, имели скот—12%, имели землю—10%.

Ремесленники приняли незначительное участие в восстании. Из 208 участников восстания, сосланных в Сибирь, было лишь 3 человека, „знающих мастерство" (1 сапожник, 1 штукатур и 1 портной). В восстании участвовало немало лиц наемного труда; встречаются прямые указания на то, что участник „был поденщиком" и „никакого ни движимого, ни недвижимого имущества не имеет".

Таким образом, основной движущей силой восстания были безземельные или малоземельные крестьяне, мардикоры, кишлачная беднота, трудовой люд городских пригородов.

Сведения о сосланных в Сибирь показывают и национальный состав восставших: из 208 человек было 136 киргизов, 52 узбека, 13 кашгарцев, 4 тюрка, 3 таджика. Эти данные свидетельствуют о разнообразии национального состава восставших.

Район сочувствия восстанию был значительно шире района его непосредственного распространения. Один из уездных начальников доносил, например, генерал-губернатору: „В пределах Хивинского ханства были разговоры о том, что дукчи-ишан мог бы нанести русскому владычеству в Туркестане серьезный ущерб, если бы умело взялся за дело... Дело, начатое Мадали, еще не кончено и может снова разразиться восстанием". Говорили также, что Мадали будто бы „ускользнул от русской власти и уже собирается с силами для нового нападения на русских".

Киргизы Чимкентского и Аулиеатинского уездов также относились сочувственно к движению, и после его разгрома говорили, что ишан-веретенщик сделал ошибку, не оповестив население соседних областей: все горные киргизы Аулиеатинского и Чимкентского уездов примкнули бы к нему.

Андижанское восстание 1898 г., национально-освободительное по своему существу, носило характер, присущий народным движениям феодального времени. Его идеология была лишена четкого понимания основных задач борьбы; она была прикрыта религиозными мотивами, имевшими власть над темной дехканской массой. Характерной чертой Андижанского восстания была также его локальность: г. Андижан—сравнительно небольшой центр—казался участникам восстания пунктом решающего значения; в их представлении ликвидация

гарнизона этого города была чуть ли не равносильна падению царской власти в Фергане.

Повстанцы были, как и обычно при крестьянских восстаниях, очень плохо вооружены; в силу этого они не могли долго сопротивляться хорошо вооруженным царским войскам. Подобно тому, как крестьянские восстания Центральной России отмечены были, по выражению Ленина, „наивным монархизмом", т. е. участники его выдвигали лозунг доброго „крестьянского царя", не понимая истинной социальной природы враждебного им царизма, так и Андижанское восстание связало себя с лозунгами восстановления „своего" ферганского хана, который должен был бы удовлетворить требования восставших.

Но как народное движение Андижанское восстание имело большое революционное значение: оно действовало в направлении общего революционного процесса, уже глубоко охватившего в девяностых годах царскую Россию в целом. Восстание наносило удар царизму, колебало его устои и его прочность в недавно завоеванной колонии. Оно всколыхнуло тысячи людей и показало широким трудовым народным массам, что значит сила объединения и в чем слабость недостаточной организации. Восстание содействовало, таким образом, накоплению в широких трудовых массах опыта политической борьбы. В целом, Андижанское восстание 1898 г. было прогрессивным историческим явлением, силой, двинувшей вперед историческое развитие Узбекистана и подготовившей в известной мере последующие народные движения, в частности, восстание 1916 г.

Расправа с участниками восстания. В Андижанском восстании приняло непосредственное активное участие свыше 2 тысяч человек. Значительная часть из них скрылась от правительственного преследования и осталась необнаруженной. Всего по делу о восстании было арестовано 546 человек. Виднейшие участники восстания были повешены, среди них сам „ишан-веретенщик" Мухаммед-Али-хальфа. Казнены были также: помощник ишана Гаиб-Назар Артык-Ходжаев (Артык-Суфи)—45 лет, волостной управитель Кучинской волости Субханкул Арабаев, 52 лет, который командовал одним из отрядов ишана, Рустам-бек Сатибалдыбеков, 33 лет, владелец лавки в черте лагеря андижанского гарнизона, который доставлял разнообразные сведения, облегчившие внезапное нападение на лагерь, Мирза-Хамдам Усманбаев, 44 лет, и Бабатай Гайнабаев, 36 лет—помощники ишана, лично участвовавшие в нападении на лагерь.

Суд обвинял руководителя и виднейших участников восстания в том, что, задумав ниспровергнуть русское владычество в крае, они склонили „население многих волостей и городов края восстать вооруженною рукою и объявить газават". Обвиняемым был предъявлен гражданский иск от имени семей убитых в ночь на 18 мая русских солдат из расчета выдачи 5000 рублей на семью каждого убитого. Иск был удовлетворен за счет конфискации имущества осужденных.

Суд над важнейшими участниками, в том числе над „ишаном-веретенщиком", происходил 11 июня 1898 г. в г. Андижане, и на следующий же день—12 июня 1898 г.—приговор о повешении Мадали и его товарищей был приведен в исполнение. Осужденные до самого конца, по свидетельству очевидцев, хранили замечательное хладнокровие и полное молчание; только Гаиб-Назар пытался что-то сказать с эшафота, но ему не дали говорить. Для „устрашения туземцев" трупы повешенных оставались неубранными до вечера. Похоронены они были тайно, могила их неизвестна. Весь район был объяв-

лен на положении „усиленной охраны". Возможность беспорядков в дни, предшествовавшие казни, заставила увеличить численность андижанского гарнизона.

Жестокие меры были приняты также против тех селений, через которые проходили повстанцы, направляясь к Андижану. На полосе шириной в 1 версту (ширина была лично придумана и обозначена на плане самим Николаем II), на всем протяжении этого пути все кишлаки были снесены и сравнены с землей. На их территории были поселены русские переселенцы из Наманганского уезда Ферганской области, приехавшие туда из южных русских губерний, а также отставные и запасные чины.

После Андижанского восстания национально-колониальное угнетение народов Узбекистана усилилось. Правительство приняло ряд мер, еще более стеснивших жизнь страны. Была совершенно уничтожена и ранее крайне условная выборность волостных управителей и судей: они стали непосредственно назначаться сверху; были расширены права местной царской администрации; число чиновников на местах было увеличено и в ряде городов усилены гарнизоны. Было приказано не назначать мусульман на должности участковых уездных начальников. Такова была система новых мероприятий, дополнительно усиливших национально-колониальный гнет в стране.

Но народное движение в Средней Азии не было подавлено; оно ушло вглубь и копило свои силы, чтобы вспыхнуть новым пламенем в 1905 г., а еще сильнее—в 1916 г.

ГЛАВА XIV

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г. В УЗБЕКИСТАНЕ

§ 1. УЗБЕКИСТАН НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Особенности революции 1905 г. в Узбекистане. Революция 1905 г. знаменует собою целую полосу исторического развития России. По своему характеру она была буржуазно-демократической и прошла под гегемонией пролетариата. Она нанесла серьезный удар самодержавию и всему устаревшему, насыщенному феодально-крепостническими остатками, социально-экономическому строю России.

Революция 1905 г. охватила и потрясла всю огромную Российскую империю, не оставив незатронутыми ни одной составной части ее. Территории народов, входивших в состав огромного многонационального государства, также оказались охваченными движением. Революция 1905 г. захватила и Среднюю Азию, сохранив здесь, как и повсюду, свой буржуазно-демократический характер.

Однако в отсталой колониально-угнетенной стране движение не могло проявиться в тех же самых формах, развернуться с той же интенсивностью, что и в Центральной России. Капиталистическое развитие здесь было чрезвычайно заторможено. Кадры рабочего класса „окраины" еще недостаточно созрели. Количество рабочих из местных национальностей было незначительно, связь с революционным движением всей России и с русской культурой в целом была еще недостаточно крепкой, союз рабочих и крестьян был еще более неоформленным и стихийным, чем в Центральной России. Все это определило своеобразный характер революционного движения 1905 г. в Узбекистане.

Первые шаги рабочего движения в Узбекистане. Первые выступления местных рабочих отмечены в восьмидесятых—девяностых годах. Начальные формы этого движения свидетельствуют еще о его незрелости. Рабочие еще ясно не представляли себе классовых задач пролетариата. Они громили заводские лавки, ломали машины, бросали работу и направлялись в соседний административный центр, где подавали жалобы начальству. Движение проходило неорганизованно и стихийно.

Примером подобного движения является случай, происшедший в 1885 г. на каменноугольных копях Зауран-кштутского рудника. Рабочие—узбеки и киргизы—избили заведующего работами и двух русских надсмотрщиков, разбросали инструменты, поломали оборудование в штольне и штреках и, захватив с собой штейгера и надсмотрщиков, отправились в Пенджикент „жаловаться" властям на заведующего. Всего в этом движении участвовало около 80 человек. В Пенджикенте они не только не получили никакой защиты, но трое из них были арестованы. Случались и более зрелые выступления, но все же свидетельствующие о зачаточности форм рабочего движения. В феврале 1898 г.

близ Коканда забастовало 130 рабочих-строителей. В мае того же года забастовка возобновилась, но положительных результатов рабочие не добились. Через некоторое время они вновь приступили к работе, а дело о требовании правильного расчета передали в суд. В июне 1898 г. толпа рабочих в Самарканде, протестуя против неправильного расчета, „произвела беспорядки" (по свидетельству полицеймейстера г. Самарканда), что повлекло за собой арест трех рабочих. Выступления рабочих происходили и при постройке Оренбург-Ташкентской железной дороги, причем и тут причиной волнений было возмущение рабочих обсчетами. Этот случай был отмечен в ленинской „Искре" в январе 1902 г.

Таким образом, рабочее движение, хотя и в недостаточно еще зрелых формах, началось в Средней Азии примерно с восьмидесятых годов.

Первые социал-демократические кружки в Средней Азии. Вопрос о возникновении первых социал-демократических организаций в Средней Азии тесно связан с историей политической ссылки. Туркестан был рано превращен царским правительством в место ссылки „неблагонадежных элементов". В числе первых сосланных были представители революционных народников. Первые ссыльные социал-демократы появились в Туркестане в начале девятисотых годов. Они были проводниками марксистских идей среди туркестанских рабочих и положили основу марксистским кружкам.

В числе политических ссыльных в 1895 г. в Ташкенте находились высланные из Казани за принадлежность к социал-демократическим организациям рабочие В. Д. Корнюшин, Феофанов, Филиппович и А. Р. Бахирев.

В 1904 г. в Самарканд приехали социал-демократы М. В. Морозов, ранее сосланный в Иркутск за революционную деятельность в студенческих кружках Петербурга, а также Г. И. Шавдия и Е. Д. Кукулев, высланные из Тифлиса (ныне Тбилиси) за активную деятельность в социал-демократических организациях. Число политических ссыльных Туркестана увеличилось вследствие усилившегося в Центральной России студенческого движения. Прилив в Туркестан сосланных студентов вызвал даже беспокойство местного начальства, которое обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой совершенно прекратить высылку в Туркестан „политических преступников."

Имели место случаи и самостоятельного приезда в край социал-демократов вне связи с политической ссылкой: так в 1903 г. из Читы в Ташкент прибыл социал-демократ рабочий Р. С. Баранов, а в конце 1904 г. из Тифлиса — социал-демократ А. Г. Зурабов, являвшийся в 1903 г. делегатом Батумского комитета на II съезде РСДРП и примыкавший тогда к большевикам. В начале 1905 г. из Томска в Ташкент приехал студент III курса Технологического института М. М. Бузанский. Все эти силы значительно оживили революционное движение в крае.

В Средней Азии стала распространяться нелегальная литература, началась подпольная устная пропаганда, организовались революционные кружки. Власти отмечали распространение нелегальных изданий, направленных к ниспровержению существовавшего в России порядка и призывавших к открытому неповиновению властям. В рапорте военного губернатора Сырдарьинской области (1903) сообщалось, что влияние революционной пропаганды „не ограничивается одним христианским населением, но отражается также на туземном населении".

Создание подпольных социал-демократических кружков в Туркестане также относится к началу XX в. Их основателем явился социал-демократ столяр В. Д. Корнюшин. В первый кружок вступили сосланные вместе с Корнюшиным рабочие-типографщики Феофанов и Бахирев. В 1902 г. им удалось завербовать еще несколько человек. Кружок работал строго конспиративно и был связан с социал-демократическими организациями Центральной России. В нем обсуждались вопросы о необходимости организации рабочих для борьбы с самодержавием и капитализмом, о ходе рабочего движения в России, о ростовской стачке.

Существовали также связи и с Закавказьем. Из Центральной России и из Закавказья кружок получал нелегальную литературу, в том числе ленинскую „Искру". В 1902 г. рабочие Н. И. Копцов и Я. Е. Терентьев были привлечены к суду за распространение „Искры" и „Рабочей Мысли" (последняя отстаивала позиции экономизма). В 1903 г. рядовой Ходжентского резервного батальона В. В. Коломийцев нашел в Ташкенте около камеры мирового судьи гектографированную нелегальную брошюру „Солдатская памятка Л. Н. Толстого" и агитационную картинку с надписью: „Издание Союза русских социал-демократов, 1901 г.". В 1903 г. на столе в библиотеке в Новом Маргелане была найдена гектографированная прокламация "Как царь и его министры правят Россией". В полицейском сообщении об этом случае говорилось, что прокламация содержала в себе „резкое порицание существующего в России правления и государственного устройства". В 1904 г. в Ташкенте распространялись „Извещение о II съезде РСДРП" и другие издания социал-демократической партии.

При обыске на квартире у одного из ташкентских социал-демократов в числе других изданий были изъяты №№ 2 и 3 журнала „Заря", где напечатана работа Ленина „Гонители земства и аннибалы либерализма". Позже в Туркестане распространялись также и отдельные ленинские брошюры: „Письмо к товарищу о наших организационных задачах", „Пересмотр аграрной программы рабочей партии", „Победа кадетов и задачи рабочей партии", „Доклад об Объединительном съезде РСДРП", „К деревенской бедноте" и др. Из работ Маркса и Энгельса распространялись: „Манифест коммунистической партии", „Капитал", „Революция и контрреволюция в Германии", „Бакунисты за работой", „Положение рабочего класса в Англии". Проникали также работы Плеханова „Социализм и политическая борьба" и „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю".

Участники ташкентских подпольных кружков рассказывают в своих воспоминаниях, как они, собираясь по вечерам у В. Д. Корнюшина, проводили время за чтением книг, листовок, нелегальных брошюр, выезжали за город с удочками под видом рыболовов-любителей. Работая некоторое время столяром в Ташкентском ремесленном училище, Корнюшин организовал среди молодежи социал-демократический кружок: один из участников кружка, К. Трофимов, рассказывал о ночном собрании этого кружка в 8 верстах от Ташкента, в Каракамыше, весной 1903 г. Социал-демократические кружки возникли и в ташкентских железнодорожных мастерских: кружок в паровозном цехе назывался „Начало", кружок вагонного цеха—„Вперед". Участниками этих кружков были рабочие Баталов, Литвишко, Романов, Дергай, Домин, Глазунов, Хворов. Жандармерия знала о деятельности социал-демократических кружков с 1903 г.

Наряду с социал-демократическими кружками существовали кружки эсеровского направления, организованные среди учащихся гимна-

зии и реального училища. Эсеровская местная группа („Комитет") состояла из интеллигенции, и лишь впоследствии в нее было введено несколько рабочих. Вожаки ее имели довольно смутное представление о революционных и оппозиционных партиях в России и сами плохо разбирались в основных положениях той партии, к которой себя причисляли.

Социал-демократы и „Эсеровский комитет" действовали иногда совместно. В Ташкенте даже существовала так называемая „Союзная группа социал-демократов и социалистов-революционеров", от имени которой выпускались прокламации (были случаи и раздельного выпуска прокламаций: одни от Ташкентской группы РСДРП, другие—от социалистов-революционеров).

В 1903 г. социал-демократы и эсеры вместе готовили забастовку рабочих ташкентских железнодорожных мастерских под лозунгами 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Полицеймейстер доносил, что некоторые рабочие железнодорожных мастерских, как и рабочие Оренбург-Ташкентской железной дороги, уже участвовали в беспорядках в других городах и навербовали в Ташкенте свыше 1000 сторонников. Полицеймейстеру было также известно о существовании у революционных организаций тайной типографии. Среди рабочих и политических ссыльных производились обыски и аресты — корреспонденция об этом из Ташкента была помещена в ленинской „Искре" (15 мая 1903 г.). Царские власти приняли меры и сорвали готовившуюся забастовку.

Ташкентские социал-демократы сначала печатали свои прокламации на гектографе, а затем перешли к типографскому способу. Гектографирование началось с 1904 г., а типографское печатание — с октября 1905 г.

Первая маевка ташкентских рабочих, организованная ташкентской группой РСДРП, относится к 1904 г. Накануне 1 мая на квартире Корнюшина состоялось собрание рабочих; на нем выступал с речью сосланный из Тифлиса социал-демократ Шавдия. В ночь на 1 мая и в самый день 1 мая по Ташкенту разбрасывали прокламации, наклеивали их на дувалах, рассовывали в щели инструментальных ящиков на заводах, вывешивали на стенах у цеховых контор. Рабочие с утра стали собираться группами и читать прокламации. Минут за 10 до окончания работы рабочие собрались у проходных ворот и двинулись к выходу с пением „Марсельезы" и других революционных песен. Большие группы рабочих отправились за город праздновать 1 мая. Так в Ташкенте произошла первая политическая демонстрация рабочих.

События 1905 г. нашли в Узбекистане более или менее подготовленную почву. Несмотря на слабые стороны движения и недостаточную его зрелость по сравнению с движением в центральных районах России, революция 1905 г. охватила и Узбекистан, и это сыграло большую роль в политической подготовке трудовых масс к будущим боям с царизмом.

Отклики на русско-японскую войну. Русско-японская война, явившаяся одной из предпосылок революции 1905 г., нашла сильный отклик в Узбекистане.

Царское правительство надеялось, что война поможет ему укрепить свое политическое положение и помешать революции. Между тем, война опровергла все расчеты царизма—она еще более расшатала его положение и не только не приостановила революцию, а, на-

оборот, ускорила ее. Бухарский историк Мирза-Абдулазиз Сами в своей рукописи „Подарок шаху", представляющей собой связный рассказ о местных событиях, доведенный до революции 1905 г. и ближайших после нее лет, рассказывает о тяжелом впечатлении, произведенном на местное население ходом войны и заключением Портсмутского мира. Автор отметил связь между неудачной войной и революционными событиями. Он писал: „Да будет ведомо, что после того, как Россия от Японии потерпела поражение и на всех фронтах как на суше, так и на море оказалась слабой, не найдя другого выхода, она решила прекратить войну и заключить мир... Она вынуждена была принять такие тяжелые условия, которые не в силах выдержать гора. После мира, заключенного в результате бесчисленных человеческих жертв и затраты колоссальных средств, перестал повиноваться российский народ. Последний далеко и широко распространил барабанный бой сопротивления и колокольный звон ненависти. Он стал захватывать государственные банки, фабрики и заводы богачей. Были убиты крупные министры и генералы, и отправлены первыми в ад". Излагая далее лозунги революции, местный историк с явным сочувствием относится к требованию свержения самодержавия и указывает на распространение революционных настроений в Центральной России. „Теперь, вследствие этого поражения (на войне) население и большинство войск всей России стремятся свергнуть императора и создать республику. Сплотился с этой целью весь народ, поклялся и повсеместно восстал". „Подняв такое восстание—пишет далее Сами,—они (т. е. русские революционеры) в своих требованиях говорили, что царь нам не нужен, ибо злополучное самодержавие привело к стольким волнениям и гибели массы людей, опустошению казны и принесло позор и унижение. Известно и то обстоятельство, что мы гибнем на войне, колоссальные расходы (войны) производятся за счет нашего труда. Генералы же и командиры миллионами получают жалованье, на войне прячутся за рядовых бойцов, а затем, подобно вышедшему из пробного плавления золоту, выходят оттуда невредимыми, предоставляя смерть бедному мужику-солдату за ломоть черного хлеба и кусок постной говядины. Раз на войне гибнем мы и расходуются государственные средства получаемые от нашего земледелия и наших рабочих рук, то в таком случае не нужен нам царь-расточитель, тратящий государственные средства на свое благополучие и благо своего потомства. Мы построим республику и власть совещания, дабы, предпринимая те или иные меры сообща, советоваться и не допускать подобных ущербов и позора". Взгляды Сами показывают, что в Узбекистане среди передовой части коренного населения стали известны многие социальные лозунги революции и важнейшие из них, например, лозунг свержения самодержавия, встречали в среде трудящегося коренного населения самое сочувственное отношение.

§ 2. РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г. В УЗБЕКИСТАНЕ

Отклики на 9 января. „Татьянин день" 1905 г. в Узбекистане. События „кровавого воскресения" — 9 января — явились началом революции в России. Огромная демонстрация рабочих в Петербурге двинулась к Зимнему дворцу и была расстреляна по царскому приказу. Рабочие получили кровавый урок — в этот день была расстреляна их вера в царя. По всей стране широко разнеслась весть о кровавом царском злодеянии. Она всколыхнула народные массы. В России началась революция.

10 (23) января в Ташкенте было получено телеграфное извещение о кровавых событиях в Петербурге. Местные власти, чувствуя революционизирующее значение этих известий, запретили опубликование в местной печати каких бы то ни было сообщений о „кровавом воскресеньи". Ташкентская группа РСДРП выпустила прокламацию о событиях 9 января, разъяснила их значение и призывала народ на борьбу с самодержавием. Эти прокламации распространялись в ташкентских казармах среди солдат, среди рабочих, по линии Ташкентской железной дороги и в других городах Туркестана.

Возмущение, охватившее рабочих и широкие трудовые массы, вылилось через три дня в демонстрацию, связанную с „Татьяниным днем" — 12 января. Это был день основания Московского университета, отмечавшийся интеллигенцией всей России. Еще 6 (19) января в местной газете „Русский Туркестан" появилось обращение с предложением отпраздновать „Татьянин день". Ташкентская группа РСДРП с Корнюшиным во главе решила использовать намеченное собрание для открытого выступления против самодержавия. Рабочие мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги закончили работу на час раньше обычного, чтобы отправиться на празднование. Зал общественного собрания, где собирались участники празднования, был переполнен, в нем собралось около 600 человек. Кроме либерально-настроенной интеллигенции — учителей, врачей, инженеров, адвокатов, — сюда явилось около 400 рабочих, которые и преобладали на собрании. Вместе с русскими рабочими пришли также рабочие местных национальностей. Состав собрания оказался, таким образом, в корне иным по сравнению с собраниями прежних лет. Для либерально-настроенной интеллигенции этот банкет был по существу продолжением земской „банкетной кампании". Либералы говорили о конституционной монархии, о свободе слова, союзов, собраний, печати, об автономии университетов. Но выступления рабочих придали собранию совсем иной характер.

Позднее прокурор Ташкентского окружного суда писал по делу о данном банкете: „Совершенно неожиданное для устроителей появление на банкете рабочих в числе свыше 300 человек, совершенно изменило характер и направление собеседования". Социал-демократические ораторы говорили о тяжелом и бесправном положении рабочих в России, о царском произволе, о „кровавом воскресенье" 9 января. Они призывали рабочих и крестьян к объединению для борьбы с существующим строем, призывали к борьбе за 8-часовой рабочий день, за свободу слова, печати, собраний, союзов, за равенство всех перед законом, за созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, а также за прекращение войны. Начальник города Ташкента писал об этих выступлениях: „Характер всех речей был в духе социал-демократическом с критикой на правительство". Товарищ прокурора несколько раз прерывал собрание. По предложению Корнюшина, был произведен сбор пожертвований в пользу семей рабочих, погибших в Петербурге 9 января. Была принята резолюция от имени рабочих, которая требовала уничтожения бюрократического режима и созыва учредительного собрания для выработки основ будущей конституции; рабочие требовали неприкосновенности личности и жилища, равенства всех граждан перед законом без различия пола, свободы слова и печати, свободы совести, союзов, собраний, стачек, уравнения в правах всех национальностей, уничтожения всех сословных привилегий, немедлен-

ного прекращения войны и амнистии по всем политическим преступлениям. „Искра" поместила информацию об этой резолюции и о выступлениях рабочих. После окончания собрания в зале распространялись прокламации, призывающие к ниспровержению царского режима.

На следующий день полиция произвела обыски, и некоторые рабочие были уволены.

Собрания 12 января были проведены также в Самарканде и некоторых других городах. В Самарканде на банкете с горячей речью выступил Морозов, который призывал к революционной борьбе с самодержавием. В Кызыл-арвате во время банкета рабочие протестовали против тоста за здоровье царя, а оркестр, состоявший из рабочих железнодорожных мастерских, отказался играть царский гимн.

Таковы были первые отклики на революционные события, начавшиеся в Центральной России.

Январско-февральское забастовочное движение 1905 г. Историческое значение 9 января состояло в „...пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе"[1]. Забастовочное движение, развернувшееся в Туркестане, нельзя не поставить в связь с январскими событиями.

19 января 1905 г. рабочие типографии Демурова в Самарканде потребовали от владельца типографии ввести 8-часовой рабочий день. Руководил рабочими Морозов, заведывавший в то время редакцией газеты „Самарканд". Под угрозой забастовки владелец типографии пошел на уступки, ввел 9-часовой рабочий день вместо прежнего 10-часового и подписал с рабочими письменное соглашение. Это было первое в Средней Азии письменное соглашение владельца предприятия с рабочими. В соответствии с этим соглашением владелец типографии обязался оказывать рабочим бесплатную медицинскую помощь, выдавать заработную плату в течение одного месяца болезни, не увольнять рабочих „без особых причин" или платить в случае увольнения „без особо важных причин" заработную плату за один месяц вперед; в том же случае, если контора имеет „основательные данные для увольнения", она обязана предупредить об увольнении за месяц до расчета. Владелец типографии обязался считать 19 февраля (день освобождения крестьян от крепостной зависимости) и 1 мая днями рабочих праздников.

12 февраля 1905 г. служащие Ташкентской железной дороги приняли решение предъявить требования об улучшении своего положения. Эти требования были переданы начальнику Управления дороги. Служащие требовали установления минимума окладов, правильного распределения наградных, уравнения в правах штатных и нештатных служащих, отмены сверхурочных и праздничных работ, установления товарищеского „суда чести" и пр. Часть предъявленных требований была удовлетворена. Служащие Управления дороги на этом успокоились, но рабочие железнодорожных мастерских и депо организовали ряд забастовок. Движением руководила Ташкентская группа РСДРП во главе с Корнюшиным, на квартире которого и собирались подготовительные собрания по забастовке. 16 февраля (1 марта) 1905 г. начальнику мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги были предъявлены требования из 20 пунктов; в случае их неудовлетворения в трехдневный срок рабочие угрожали забастовкой. Рабочие требовали: установить для всех рабочих и служащих

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XIX, 1936, стр. 344.

8-часовой рабочий день, накануне праздников кончать работу в 12 часов дня, праздновать 19 февраля и 1 мая, ограничить сверхурочные работы 120 часами в год, причем один час сверхурочных дневных работ считать за два часа, а один час ночной работы—за три часа; установить расценки на сдельные работы комиссией из выбранных рабочими представителей на паритетных началах с представителями администрации; аналогичная комиссия должна была рассматривать недоразумения между рабочими и администрацией, а также производить наем и увольнение рабочих; увеличить поденную плату (от 10 до 25% по разным категориям рабочих); уравнять условия труда ремонтных рабочих с прочими; жалованье выплачивать не менее двух раз в месяц в рабочие часы; отменить штрафы; обязать администрацию обращаться с рабочими вежливо и говорить им „вы", улучшить медицинское обслуживание; установить, что бригадиры должны быть выбираемы самими рабочими, причем выборы их должны быть произведены немедленно; установить свободу собраний, союзов, стачек; ввести ряд дополнительных условий охраны труда для подростков—учеников; немедленно удалить четырех представителей администрации (названы фамилии), особо ненавистных рабочим.

В этих требованиях обращает на себя внимание их политическая зрелость и сочетание общеполитических требований с экономическими.

Начальник мастерских ответил рабочим, что сам он не может удовлетворить их требований и обещал довести их до сведения начальника железной дороги.

На следующий день после предъявления администрации этих требований, 17 февраля 1905 г. ташкентская группа РСДРП совместно с группой социалистов-революционеров выпустила листовку, посвященную дню освобождения крестьян от крепостной зависимости—19 февраля. В ней указывалось на народные волнения, как на одну из причин, вырвавших у царя реформы, говорилось о том, что крестьяне получили в надел не всю свою землю, а только часть; остальная земля была присвоена помещиками; личность крестьянина была освобождена „только наполовину", над крестьянством тяготела чиновничья и полицейская власть; теперь пришла пора народу потребовать себе от правительства все права; народ сам является своим законодателем. „Народу нужна земля и воля, и он должен сам ее взять, а не ждать ее, как милости царской",—говорилось в листовке. В этой же листовке упоминался расстрел царем рабочих 9 января. Рабочие призывались к беспощадной борьбе против царизма.

С 18 февраля после обеденного перерыва началась забастовка. С утра 19 февраля на работу в мастерские никто не явился, забастовало до 1000 человек. Забастовка охватила лишь рабочих железнодорожных мастерских; рабочие службы пути и движения не бастовали и движение поездов происходило нормально.

19 февраля была намечена сходка, но она не состоялась. Зато имела место другая демонстрация— панихида по убитым 9 января в Петербурге. По Ташкенту разъезжали усиленные казачьи разъезды, а в почтово-телеграфной конторе дежурил специальный военный наряд. 20 февраля на улицах вновь курсировали казачьи разъезды. Днем в Ташкент прибыл экстренным поездом начальник Среднеазиатской железной дороги генерал Ульянин и привез штрейкбрехеров, чтобы заменить бастовавших рабочих. В этот же день стачечный комитет выпустил листовку, в которой призывал рабочих твердо стоять на своем. В забастовке приняли участие рабочие некоторых городских предприя-

тий, — это были результаты агитации ташкентской группы РСДРП. 20 февраля к забастовке железнодорожников присоединились рабочие казенных и частных типографий Ташкента. Они предъявили такие же требования, как и железнодорожники: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, свобода собраний, союзов, стачек, право праздновать 1 мая и т. д.

Утром 21 февраля генерал Ульянин, выступив перед рабочими, сначала пытался уговорить их продолжать работу, а затем стал угрожать закрытием мастерских и увольнением. Рабочие, однако, твердо стояли на своем. Их поддержали рабочие депо станций Чарджуй, Самарканд, рабочие железнодорожных мастерских Кызыларвата и Ашхабада, также начавшие забастовку. Начальство вынуждено было пойти на некоторые уступки: установило с 22 февраля 9-часовой рабочий день, объявило 7-часовой рабочий день накануне двунадесятых праздников и воскресений, повысило заработную плату для некоторых групп рабочих, а для других обещало ее пересмотреть, согласилось на выплату заработной платы в рабочие часы; заменило штрафы временными, возмещавшимися потом вычетами из заработной платы.

Уступки администрации не удовлетворили рабочих. Вечером 21 февраля в помещении чайной мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги собралось около 700 железнодорожных рабочих, а также типографщиков. Выступавшие говорили о тяжелом положении рабочих, о забастовках в Москве, Петербурге и Баку, призывали рабочих стойко бороться за свои требования.

На следующий день часть рабочих по гудку вышла на работу. В листовке, выпущенной по этому случаю стачечным комитетом, выражалось решительное осуждение штрейкбрехерам и проводилась мысль о солидарности интересов российского пролетариата. „Товарищи!—призывала листовка,—мы требуем того, чего требуют наши товарищи во всех городах Российской империи. Будем же солидарны с ними, будем держаться за наши требования".

Но все же после некоторых дополнительных уступок со стороны администрации забастовка прекратилась, и 23 февраля рабочие вновь приступили к работе. Рапортовавший царю о забастовке генерал-адъютант Максимович давал следующую общую характеристику происшедшим событиям: „Забастовка эта, во время которой рабочие выказали необычайную партийную дисциплину, продержалась несколько дней и, после удовлетворения большинства предъявленных требований, прекратилась".

Февральские события в Ташкенте и других районах явились для местных рабочих серьезной школой классовой борьбы. Возрос также авторитет местной социал-демократии, руководившей забастовкой. Вместе с тем эта забастовка показала и недостаточную сплоченность пролетарских масс, а также недостаточное влияние социал-демократии. Все же ташкентская группа РСДРП почувствовала себя в это время настолько окрепшей, что поставила вопрос о разрыве с социалистами-революционерами. В начале марта 1905 г. разрыв этот был организационно оформлен, и в дальнейшем работа велась самостоятельно. В результате разрыва влияние социал-демократов быстро возросло.

Маевки 1905 г. Следующим этапом развития революционных событий в Узбекистане были маевки 1905 г.

2/IV Ташкентская группа РСДРП выпустила ко дню 1 мая две нелегальных листовки, в которых разъяснялось значение 1 мая и содер-

жался призыв к рабочим сплотиться под красным знаменем социализма в борьбе за общее дело, пропагандировался лозунг „Освобождение рабочих есть дело самих рабочих "; прямо и резко указывалось на контрреволюционность буржуазии: „Буржуазия, которая сто лет тому назад, во время Великой Французской революции, сама пела марсельезу, теперь готова во всю глотку кричать—«Боже, царя храни»,—лишь бы этим удалось сокрушить в рабочих стремление к социализму, к царству освобожденного труда". Листовка кончалась призывом: „Долой самодержавие! Долой капитализм!".

Во второй листовке ташкентская группа РСДРП открыто призывала рабочих к вооруженной борьбе: „Мы с оружием в руках добьемся Всенародного учредительного собрания,—говорилось в листовке, — и превратим в пыль азиатское самодержавие".

1 мая рабочие Ташкента, Кызыл-арвата, Ашхабада, Самарканда и других городов Туркестана не вышли на работу, а собрались на нелегальные рабочие маевки.

Ташкентская группа РСДРП 1 мая организовала и провела три рабочих маевки, — одну за Тезиковой дачей, около переезда через железную дорогу, другую—на реке Боз-су (где теперь гидростанция), а третью—за кладбищем, близ саперного лагеря. На красных знаменах были вышиты лозунги: „Долой самодержавие! Да здравствует самодержавие народа!" Социал-демократы (Корнюшин и др.) выступали с речами.

Маевки за кладбищем и на Боз-су прошли благополучно, но на маевку за Тезиковой дачей совершила налет полиция, правда, уже в момент окончания митинга. Так как караульные во-время предупредили о приближении полиции, последней не удалось никого захватить. Полицейский пристав набросился на узбеков-караульщиков, грозя расправой и приказывая впредь сообщать о рабочих сборищах. Караульщики известили об этом приказе рабочих.

22 мая (4 июня) 1905 г. группа ташкентских социал-демократов провела в городском саду Ташкента открытое выступление против самодержавия и против войны. После выступления разбрасывались прокламации.

Таким образом, после первых откликов на 9 января, рабочее движение в крупных промышленных центрах края продолжало развиваться дальше.

Забастовочное движение летом 1905 г. Вспыхнувшее забастовочное движение продолжало развиваться и летом 1905 г. В мае в Ташкенте была проведена забастовка рабочих городской конно-железной дороги. Кучера, кондукторы и контролеры потребовали от владельца предприятия — Бельгийского общества — введения 8-часового рабочего дня, двусменной работы и повышения заработной платы. После отказа администрации рабочие 26 мая объявили забастовку. Испуганная администрация пошла на некоторые уступки: обещала увеличить число кондукторов, повысить месячный оклад прослужившим на конке более года. Эти уступки не удовлетворили рабочих, и они продолжали забастовку, несмотря на угрозы администрации открыть с 29 мая движение при новом составе служащих. 29 мая администрация пошла на новые уступки, и к вечеру 30 мая забастовка была прекращена.

8 июня забастовали рабочие слесарной мастерской Кравченко в количестве 22 человек; к ним присоединились рабочие двух мастерских, а на следующий день число бастующих достигло 350 человек,

охватив 22 предприятия. В тот же день группа рабочих в 60 человек демонстративно прошла по городу и была разогнана полицией. В сталинской газете „Борьба пролетариата" (от 15 июля 1905 г.) была помещена информация об этом случае. Забастовщики предъявили хозяевам требование ввести 8-часовой рабочий день с 15 мая по 15 августа и 9-часовой—в остальное время года, а накануне праздников—7-часовой, бесплатную медицинскую помощь и выдачу полной платы за дни болезни; выдвигалось также требование праздновать 1 мая и 19 февраля и требование свободы собраний. 11 июня в зимнем театре состоялось собрание рабочих совместно с представителями хозяев,—предприниматели соглашались удовлетворить восемь рабочих требований из предъявленных двенадцати. В итоге и эта забастовка кончилась в основном значительным успехом рабочих. Лишь одно предприятие американской фирмы „Ж. Блок" не согласилось ввести 8-часовой рабочий день и совсем закрыло завод, рассчитав всех рабочих. Таким образом, все рабочие даже мелких предприятий втягивались в борьбу и получали политическое воспитание.

Июльская демонстрация 1905 г. в Ташкенте. Развивавшееся рабочее движение в Средней Азии откликнулось и на попытку самодержавия обмануть революцию лозунгом так называемой Булыгинской думы. Царское правительство попыталось пойти навстречу буржуазии, и без того искавшей предлога для сговора с самодержавием. Правительство намеревалось издать закон о созыве законосовещательной Государственной думы, не имевшей права издавать законов. Подавляющее большинство представителей в Думе должно было избираться из помещичьей среды (85% всех депутатских мест); рабочие совсем не получали мест. По имени автора законопроекта министра Булыгина, эта жалкая пародия на представительное собрание получила название „Булыгинской думы".

В Ташкенте была проведена политическая демонстрация рабочих под большевистским лозунгом „Долой Булыгинскую думу". Лозунг активного бойкота развивался и в прокламациях, выпущенных ташкентской группой РС ДРП. „Нечего надеяться на думу,—говорилось в прокламациях,—она ничего не сделает нового. Рабочие интересы забыты и будут забыты до тех пор, пока сами рабочие не позаботятся о них". В другой прокламации—„Война или мир"—отмечалось: „Мы будем везде и всюду срывать предвыборные собрания, мы будем врезываться в самые выборы и ни за что, слышите, ни за что не допустим сорганизоваться этому позорному учреждению, именуемому Государственной думой".

Демонстрация предполагалась 16 июля 1905 г. во время заседания Ташкентской городской думы, посвященного обсуждению вопроса о выборах в Государственную думу. Подготовка демонстрации стала известна полиции, всюду были расставлены усиленные наряды полиции, город был разбит на военные участки, в распоряжение губернатора была вызвана полусотня казаков. К 7 часам вечера рабочие группами по несколько человек начали сходиться к Городской думе. Всего собралось человек 300; они отказались подчиниться требованию полиции разойтись. К месту демонстрации было стянуто 150 казаков. Рабочая процессия двинулась по Воронцовской (теперь Сталинской) улице, повернула на Ирджарскую (Кировскую), оттуда вышла на Соборную улицу (теперь ул. Карла Маркса) и через сквер прошла в городской сад. После краткого митинга в саду, рабочие двинулись дальше на Куйлюкскую (Куйбышевскую) улицу, повернули на Куропаткинскую

(Первомайскую), затем пошли к вокзалу. Демонстранты пели революционные песни, несли красные флаги. По мере движения толпа росла, к вокзалу подошло уже человек 500. На вокзале демонстранты прошли по перрону, требуя, чтобы присутствующие обнажили головы перед красным знаменем. Во время движения демонстрации разбрасывались прокламации с протестом против „Булыгинской думы" и с требованием созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного, и тайного голосования. Участниками демонстрации были в большинстве рабочие. После окончания демонстрации полиция произвела несколько обысков и арестов; губернатор особым приказом запретил жителям города присоединяться к демонстрациям.

В период с мая до середины сентября 1905 г. ташкентская социал-демократическая группа провела свыше 10 массовок, на которых каждый раз присутствовало в среднем 200—300 человек. Численность социал-демократических организаций возрастала, и в сентябре 1905 г. в Ташкенте было 15 рабочих кружков и 3 солдатских.

Еще в августе 1905 г. по инициативе ташкентской группы РСДРП была сделана попытка объединить разрозненные группы и кружки. Для этого был созван 10 августа 1905 г. съезд представителей туркестанских социал-демократических групп. Но приехали делегаты лишь из Кызыл-арвата, Ашхабада и Чарджуя, поэтому съезд не состоялся. Это свидетельствовало о недостаточном развитии партийной работы в Средней Азии, об организационной кустарщине, которая еще была сильна в местных организациях.

Во второй половине 1905 г. социал-демократические организации действовали не только в Ташкенте, но и в Самарканде (там организация существовала еще до 1905 г.), Чарджуе, Туркестане, на ст. Черняево (ныне ст. Урсатьевская), в Мерве, Казалинске, Андижане, Маргелане и Кушке.

Первое революционное выступление солдат. Летом 1905 г. отмечено первое солдатское выступление, непосредственно вызванное жестоким обращением офицеров и плохой пищей. Солдаты Туркестанского саперного батальона после вечерней переклички 24 мая пришли на кухню, выломали очаги и вылили приготовленную на ужин пищу. Офицер, дежурный по лагерю, дал приказ строиться, но приказ не был выполнен. В продолжение нескольких дней солдаты отказывались от получения мясных порций, а 26 мая отказались совсем и от обеда. В тот же день солдаты Туркестанской военно-телеграфной роты также разбили кухонные котлы и уничтожили пищу; на следующий день 27 мая они отказались встать в строй для обычных военных занятий.

Эту форму движения в армии нельзя не поставить в связь с революционными событиями в Центральной России; именно лето 1905 г. было временем первых крупных выступлений в царской армии, показавших, что и эта опора царизма поколебалась (восстание на броненосце „Потемкин"). Выступления солдат, происходившие в Ташкенте, не могли сравниться по значению с событиями в Центральной России, но связь между теми и другими несомненна.

Аграрное движение 1905 г. Революция 1905 г. всколыхнула и кишлак, значительно усилив активность трудовых масс дехканства.

Дехканское движение в 1905 г., как и ранее, было вызвано колониальной эксплоатацией, обезземелением и разорением дехкан, борьбой их за землю, отбираемую для русских переселенцев или отходившую в руки байства, богатевшего на почве ростовщичества и закабаления бедноты. Движение являлось вместе с тем протестом против налоговой политики царского правительства.

Одной из довольно распространенных форм дехканского движения в 1905—1906 гг. был отказ населения кишлаков как от уплаты налогов, так и от выполнения натуральных повинностей. Результатом этого явления был сильный рост недоимок, которые в 1905—1906 гг. выросли на 20—50%. Сенатор Пален, проводивший в 1909 г. ревизию Туркестана, не без основания ставил этот факт в связь с революционными событиями. „Не без влияния на исправность плательщиков оставалось, — говорит он, — и общее политическое движение 1905—1906 гг." Влияние революционных событий на эту форму протеста трудовых масс очевидно. Агитация за неплатеж налогов охватывала и город. Начальник Самаркандского уезда доносил 28 ноября 1905 г., что „в туземной части гор. Самарканда агитаторы поучают народ не платить податей".

При сборе налогов в 1906 г. нередко бывали случаи нападения дехкан на царских чиновников, приставов и их переводчиков. Вследствие этого местное начальство просило ввести чрезвычайную охрану; это мероприятие и было осуществлено в сентябре 1906 г.

В связи с голодом 1905—1906 гг. дехкане во многих волостях Ферганы разграбили продовольственные магазины. В секретном отчете департамента полиции Министерства внутренних дел за 1905 г. указывалось, что „туземное сартовское население Ферганской области в настоящее время находится в состоянии усиленного брожения, могущего разразиться даже открытым восстанием". Этот отчет, несмотря на допущенные в нем преувеличения, свидетельствует о росте движения. С самого начала 1905 г. происходили отдельные стихийные выступления дехканских масс.

Политика изъятия у коренного населения земли для русских поселений особенно тяжело обрушивалась на киргизские трудовые массы. Поземельные споры и столкновения в 1905 г. более всего относились к борьбе за землю киргизского населения. Киргизы подавали жалобы по начальству на отобрание их земель должностными лицами, на отдачу их под русские поселки; постоянно встречаются требования возврата уже захваченных земель. На этой почве происходили столкновения с русскими землемерами, посланными начальством; разгорались земельные споры и между киргизскими аулами, оспаривавшими захват земель более сильным соседом. В 1905 г. бывали случаи открытых столкновений; в этом отношении показательно дело киргизов-богачей против киргизов же бедняков в Алтыновской волости. Выражались протесты против объявления земли казенной собственностью. Так, в июне 1905 г. доверенные одного киргизского рода просили „не допустить захвата их участка Управлением земледелия и государственных имуществ".

В 1906 г. движение стало еще более напряженным по сравнению с 1905 г.

В апреле 1905 г. близ Андижана группа киргизов напала на русского землемера и сопровождавшего его рабочего во время съемки земель, принадлежавших киргизам; землемера едва не убили камнями, инструменты его были изломаны.

В июне 1905 г. дехкане Мингарыкской волости Каттакурганского уезда, вооружившись палками и кетменями, оказали сопротивление аксакалу, пытавшемуся отвести воду на байские поля. В некоторых местах дехканская беднота отказывалась платить баям долги, захватывала их земли, избивала баев. Кое-где дехкане отбирали и вакуфные земли; так поступили, например, жители селения Бувайды

Маргеланского уезда в сентябре 1905 г. В апреле 1906 г. беднота захватила в Андижанском уезде 140 десятин вакуфных земель. Дехкане отдельных волостей Ташкентского уезда отказывались от работ по натуральной повинности при постройке дамбы на арыке Барат-ходжа и в других местах.

Происходили аграрные волнения и среди русских крестьян-переселенцев: так в ноябре 1905 г. близ Чимкента вновь прибывшие крестьяне, не имевшие земельных наделов и еще не приписанные к крестьянским обществам, услышав о манифесте 17 октября, решили, что в этой бумаге приказано нарезать наделы неимущим крестьянам. Большой толпой они двинулись в Чимкент с бурными требованиями земли. Начальство уговорило крестьян разойтись, но через некоторое время волнения возобновились. Так революционное аграрное движение в России получило значительный отклик и в Средней Азии, но мощного революционного подъема в кишлаке в 1905 г. не произошло, и это было одной из слабых сторон революции 1905 г. в Узбекистане.

Дехканское движение в Узбекистане в период революции 1905 г., вызванное жестокой колониальной и феодально-ростовщической эксплоатацией, не приняло острых форм борьбы, не вылилось в вооруженное выступление против царских властей и местных помещиков и баев. Причины этого кроются в еще значительной политической отсталости дехканских масс, влиянии на них реакционного мусульманского духовенства и феодальных элементов, в отсутствии в тот период пролетарского руководства крестьянским движением. Однако выступления дехкан против представителей царской администрации, отказ от уплаты налогов и выполнения натуральных повинностей, факт самовольного захвата байских земель и т. д., имевшие место во всех областях Туркестанского края и особенно в хлопководческой Фергане, наглядно свидетельствовали о значительной активности трудовых масс кишлака, о росте классового самосознания дехкан. Дехканское движение в ряде мест было направлено и против царизма, и против местных феодально-байских элементов.

Октябрьская стачка 1905 г. Подъем революционной волны в октябре 1905 г., выразившийся в Европейской России и в Сибири знаменитой всеобщей политической стачкой, сказался и в Узбекистане. Застрельщиками стачечного движения явились железнодорожники. 12 октября 1905 г. Ташкентская организация РСДРП обратилась к рабочим Среднеазиатской железной дороги с призывом ко всеобщей забастовке, которая началась 15 октября. В стачке приняли участие не только железнодорожники, но и служащие городских предприятий, а также служащие почты и телеграфа. В Ташкенте, Андижане, Коканде—повсюду происходили митинги и демонстрации, в которых активно участвовали также трудящиеся местных национальностей. По сообщению газеты „Туркестанские ведомости",—„...всеобщая забастовка распространилась и на Андижан, где бездействовали хлопкоочистительные заводы, даже те, в которых рабочий персонал состоит из сартов".

Стачка кончилась только 27 октября после того, как бастующие рабочие добились значительных уступок от администрации. Управление Среднеазиатской железной дороги приняло условия центрального стачечного комитета,— уплатило зарплату всем рабочим и служащим за время забастовки, возвратило на работу уволенных, признало профессиональное объединение железнодорожников, организовавших Среднеазиатское отделение Всероссийского союза железнодорожных

рабочих и служащих. Забастовка на Оренбург-Ташкентской железной дороге прекратилась только 2 ноября.

Манифест 17 октября. Напуганное всеобщей политической стачкой, царское правительство вынуждено было издать манифест 17 октября, в котором народу обещались якобы „незыблемые" основы гражданских свобод—неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. Царь обещал создать законодательную думу и привлечь к выборам все классы населения. Революция смела, таким образом, старый царский проект о законосовещательной думе. Трудовые массы с большевистской партией во главе, бойкотировавшие „Булыгинскую думу", добились, таким образом, важных уступок. Но манифест 17 октября был в то же время обманом народных масс. Царю нужна была передышка, чтобы выиграть время и собраться с силами для решающего удара по революции. Обещав на словах „свободу", правительство в действительности не дало ничего. Вместо широкой политической амнистии, дело ограничилось значительно суженной амнистией лишь для части политических заключенных. Весть о царском манифесте дошла до Узбекистана. Рабочие Ташкента устроили 19 октября в связи с объявлением манифеста политическую демонстрацию под лозунгом освобождения политических заключенных. У здания Городской думы демонстрацию встретили войска, давшие залп по демонстрантам. Были убитые и раненые. Расстрел безоружных рабочих в Ташкенте вызвал протест и негодование трудящихся Узбекистана. Массы поняли обманный характер царского манифеста, и в тех городах, где не было открытых выступлений протеста, пассивное равнодушие населения к манифесту и обещанным им свободам было достаточно красноречивым.

Ноябрьское стачечное движение в Узбекистане. Ноябрь принес новое нарастание революционных событий в Узбекистане. Митинги стали более бурными; полнее, чем раньше, стал звучать негодующий голос рабочих; стачечное движение усиливалось, выступления солдат носили более революционный характер, чем во время летних волнений в армии. 7 ноября в помещении ташкентского цирка состоялся политический митинг, на котором обсуждался вопрос о погромах, спровоцированных правительством вскоре после издания манифеста 17 октября, об организации новых политических стачек. Речи представителей буржуазных партий вызвали резкий протест со стороны рабочих, собравшихся на „галерке". Пронзительные свистки и крики „долой" сопровождали выступления буржуазных ораторов.

Забастовочное движение вновь охватило железнодорожных рабочих и служащих. Было вторично прекращено движение как на Среднеазиатской, так и на Оренбург-Ташкентской железной дороге. 9 ноября произошла забастовка железнодорожных служащих в Коканде, 15—16 ноября повсюду забастовали служащие правительственного телеграфа, и телеграфное сообщение Ташкента с Европейской Россией было прервано. 16 ноября к забастовке железнодорожников присоединились рабочие Ташкентского трамвая; в тот же день забастовали почтальоны.

В ночь с 15 на 16 ноября началось восстание в воинских частях.

Движение возникло в войсках ташкентского гарнизона, среди солдат 1-го Туркестанского резервного батальона и Ташкентского артиллерийского склада, находившихся в ташкентской крепости. Инициативу взяла на себя пятая рота I Туркестанского резервного батальона, которая увлекла за собой остальных. К восстанию присоединились солдаты других частей и несколько артиллерийских команд, расположенных в Ташкентской крепости.

15 ноября, после вечерней переклички, когда взводные командиры 1-го Туркестанского резервного батальона были с рапортом у дежурного, им неожиданно доложили, что, несмотря на уже данный вечерний отбой, пятая рота самовольно выстраивается. Фельдфебель, обнажив шашку, вместе со взводным пытался помешать солдатам разобрать ружья. Но пятая рота быстро вооружилась, бросилась в помещение третьей роты и увлекла ее с собою. Затем восставшие вышли на плац в строю с оружием и знаменем. Правительственная информация сообщала, что „мятежники произвели шум и стрельбу", „выражая порицание законному режиму". Восставшие протестовали против порядков, господствовавших в царской армии, в частности, выражали недовольство „всеми видами довольствия". Выступление продолжалось до двух часов ночи, когда на место происшествия прибыли верные царизму батальоны 1-й Туркестанской стрелковой бригады. После безуспешных увещеваний со стороны начальства, был дан приказ открыть огонь по восставшим; последние также ответили стрельбой. В их рядах были убитые и раненые. Отступив в казармы, восставшие солдаты продержались еще некоторое время, но на рассвете, под угрозой поставленных против казарм четырех артиллерийских орудий, они стали постепенно выходить на плац и сдавать оружие. Зачинщики были выданы, восставшие арестованы. По официальным данным, было убито 4 солдата и ранено 29, из них 8 человек—тяжело.

Восстание ташкентского гарнизона носило стихийный характер и было плохо организовано. Связи с рабочими у солдат не были достаточно налажены. Но тем не менее это выступление имело огромное значение, всколыхнуло массы трудящихся и получило широкий отклик.

Ташкентская группа РСДРП выпустила листовки и призывала всех рабочих Ташкента и других городов Туркестана примкнуть к забастовке, продолжать дальнейшую борьбу с самодержавием. „Пусть не смущает вас первая неудача,— говорилось в одной из листовок,— жертвы были и будут. Не плачьте над трупами павших бойцов. За дело! Организуйтесь и вместе пойдем на решительную схватку". Бурные митинги и рост забастовочного движения были ответом на расстрел восставших солдат. Со своей стороны и царские власти принимали меры. Как писала большевистская газета „Вперед", Ташкент походил в эти дни на военный лагерь: по улицам ходили патрули, военное собрание было оцеплено частями пехоты и артиллерии.

Во время ноябрьской политической стачки власть в некоторых городах края на несколько дней фактически перешла в руки стачечных и революционных комитетов. Туркестанские власти неоднократно вынуждены были обращаться к стачечному комитету железнодорожников с просьбой открыть движение поездов, за разрешением послать хотя бы одну телеграмму.

Стачечный комитет железнодорожников в Ташкенте, объединивший в своем составе представителей многих предприятий и игравший роль действительного центра рабочего движения в тот период, был по существу зародышем Советов рабочих депутатов, которые создавались в 1905 г. в ряде городов в результате революционного творчества рабочих масс.

20 ноября в Ташкенте состоялся митинг, на котором выступавшие открыто призывали к вооруженному восстанию против царского правительства. Митинги стали собираться на ряде предприятий. Раздавались призывы к дальнейшему расширению стачечного движения, в частности, ко всеобщей забастовке служащих всех торговых предприятий, к организации которой уже были приняты меры.

В ночь на 21 ноября железнодорожная станция Ташкент и центральный городской телеграф были заняты войсками. В ночь на 23 ноября в Ташкенте начались аресты руководителей революционного движения. 23 ноября половина рабочих строившейся еще тогда Оренбург-Ташкентской железной дороги была уволена, несмотря на то, что строительные работы еще не были закончены.

Принятые властями меры начали сказываться. Хотя железнодорожники еще держались, но рабочие ташкентской конки 24 ноября частично возобновили свою работу. 28 ноября примерно четвертая часть почтово-телеграфных служащих также приступила к работе, а все прочие были объявлены уволенными.

27 ноября вечером произошло покушение на нового полицеймейстера русской части города Ташкента. Подобные происшествия свидетельствовали о напряженном положении в городе. Власти приняли решение, во что бы то ни стало сломить основную силу движения—железнодорожников. В декабре на основании указа от 29 ноября железная дорога была объявлена на военном положении: всех „чинов запаса", служивших на железной дороге, было приказано призвать на действительную военную службу в железнодорожный батальон. В случае дальнейшего неповиновения властям, бастовавшим рабочим угрожала, таким образом, расправа по законам военного времени. Среди руководства стачечного комитета возник раскол. Меньшевики, преобладавшие в комитете, содействовали прекращению забастовки. 3 декабря часть рабочих и служащих приступила к работе. Полностью работа Среднеазиатской железной дороги возобновилась лишь 9 декабря; тогда же возобновилась работа главных железнодорожных мастерских в Ташкенте.

Таковы были события в Узбекистане в октябре—ноябре 1905 г. Трудящиеся этой колониальной окраины живо откликнулись на революционные события, происходившие в России.

События в декабре 1905 г. Московское декабрьское восстание встретило горячее сочувствие среди рабочих и солдат в Узбекистане. В дни кровавых боев в Москве ташкентские рабочие и солдаты также готовились к выступлению. В городе проводились многочисленные митинги и распространялись прокламации, призывавшие рабочих и крестьян быть готовыми к восстанию. В прокламации „Будьте готовы", изданной ташкентской группой РСДРП, говорилось: „Не сегодня—завтра «первопрестольная столица» может оказаться в руках революционеров... Отсюда пламя восстания разольется по всей стране... Будьте же готовы всяк на своем посту. Пусть по мере сил каждый выполнит свой священный долг перед народом. Будьте готовы во всякую минуту, во всякий час. Помните, что только революция обеспечит свободу".

В дни декабрьских боев в Москве, на одном из нелегальных собраний в Ташкенте даже обсуждался вопрос об оказании помощи московскому пролетариату вооруженной силой: предполагалось организовать вооруженный отряд и послать его на помощь восставшей Москве.

Крупных революционных выступлений в декабре 1905 г. в Узбекистане уже не было. Можно отметить лишь отдельные незначительные вспышки: 14 декабря была объявлена однодневная забастовка служащих ташкентской конки; 18 декабря в здании ташкентского цирка был созван широкий народный митинг, посвященный памяти декабристов.

Революционные события 1906 г. в Узбекистане. После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве правительство усилило репрессии. Но несмотря на это революционное движение 1906 г. в Узбекистане проявилось в целом ряде выступлений.

В декабре 1905 г. в Ашхабаде состоялся съезд железнодорожников. По решению этого съезда, рабочие Среднеазиатской железной дороги явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день. 9 января, в день памяти „Кровавого воскресенья", рабочие провели однодневную забастовку; были отслужены гражданские панихиды по жертвам 9 января.

День 1 мая 1906 г. пролетариат Ташкента, Коканда, Красноводска и других городов отметил традиционными маевками. За невыход на работу 1 мая были оштрафованы рабочие Главных железнодорожных мастерских. Рабочие настаивали на снятии штрафа, начальник мастерских отказался исполнить это требование. Для разбора конфликта из Ашхабада в Ташкент приехал начальник Среднеазиатской железной дороги генерал Ульянин. Когда по его приказу железнодорожные мастерские были закрыты и рабочим предложили взять расчет, рабочие вынесли решение „расчета не брать и по одиночке ни в какие переговоры с администрацией не вступать". Забастовка продолжалась; рабочие требовали приема на работу всего первоначального состава мастерских и уплаты за вынужденный прогул. Администрация дороги, желая расколоть рабочих, вывесила список тех, кого считает возможным принять на работу без заявления, остальные же должны были подать заявления. Но так как к работе все же никто не приступил, генерал Ульянин попытался заменить рабочих в мастерских солдатами железнодорожного батальона. Неожиданно для него, солдаты также отказались приступить к работе, проявив братскую солидарность с железнодорожниками. Движение разрасталось. Из многих мест бастующие получали сочувственные письма и денежные средства. Генералу Ульянину также поступали телеграммы с требованием принять уволенных рабочих и уплатить им за вынужденный прогул. Обеспокоенная массовым характером движения администрация решила, наконец, пойти на уступки и приняла всех ранее уволенных рабочих, уплатив им за пятнадцать дней вынужденного прогула.

В этом движении большую роль сыграла ташкентская организация РСДРП, руководившая забастовкой.

В летние месяцы 1906 г. (июнь и июль) имели место и другие выступления рабочих и солдат. Значительно повлияло на настроения трудовых масс Узбекистана выступление в Ашхабаде солдат Закаспийского стрелкового батальона, соединившихся с солдатами Закаспийского железнодорожного батальона. Выступление длилось с 13 по 18 июля и показало наличие довольно сильного революционного брожения в частях Туркестанского военного округа. Эти выступления явились откликами на следующие события в Ташкенте:

18 солдат, отданных под суд по делу ноябрьского восстания в ташкентском гарнизоне, были присуждены к каторге. Рабочие, объединившись с солдатами Туркестанского саперного батальона сговорились принять меры к их освобождению. Отправка на каторгу происходила 3 июля 1906 г. со станции Ташкент. Собравшиеся на станции рабочие пытались задержать паровоз с вагоном осужденных, так как необходимо было выиграть время, чтобы дождаться саперов, обещавших прибыть на станцию. Саперы, находившиеся в 5 *км* от вокзала, получив сообщение об отправке осужденных солдат, силой захватили оружие и двинулись на станцию. По пути к ним присоединились и солдаты второй роты Закаспийского железнодорожного батальона. Когда саперы подходили к станции, охрана стала стрелять по ним из винтовок и пулеметов. Саперы открыли ответный огонь. Сопротивление саперов было сломлено, и они отступили, а на утро были разоружены.

Хотя это выступление было плохо организовано и кончилось неудачей, все же описанные события свидетельствуют о смычке рабочего движения с движением в армии, а также о продолжавшемся революционном напряжении

Участие коренного населения в революционных событиях. Революция 1905—1906 гг. оказала на массы коренного населения огромное влияние. Рабочие коренных национальностей принимали активное участие во всех революционных событиях. Трудовые массы Узбекистана всегда считали царизм своим заклятым врагом и не раз поднимались против него. В бурные дни 1905 г. они убедились, что царизм является не только их врагом, но и врагом русских трудовых масс. В процессе революции установилось братское содружество трудящихся масс коренного населения с русскими трудящимися для борьбы против общего врага. Трудовые массы местных национальностей осознали необходимость диференцированного подхода к русскому населению и поняли, что русский трудовой человек—друг, а русский чиновник, царский администратор—притеснитель и враг. Все это втягивало коренное население в круговорот идейного воздействия революции, а, стало быть, и в общее движение.

Царские власти прекрасно отдавали себе отчет в значении революционного воздействия происходивших в стране событий на коренное население и в 1905 г. опасались открытого восстания. Эти опасения усилились, когда царская администрация заподозрила, что события 1905 г. могли зародить среди „туземцев" мысль о бессилии русских властей. „От всякого сомнения,—писали русские администраторы,— один шаг до колебания и, быть может, до массовых вспышек туземного населения, среди которого всегда имеются ненавидящие нас фанатики, ожидающие лишь удобного случая, чтобы повторить Андижанское восстание 1898 г." Военный губернатор Самаркандской области писал: „До моего сведения доходят слухи, что агитация революционеров проникает в среду туземного населения, уговаривая последнее не выбирать на будущий год торговых документов и не вносить в казну государственного земельного налога".

В ряде правительственных документов, относящихся к революции 1905 г., говорится о распространении среди коренного населения революционных листовок. Известно, например, что 27 августа 1905 г. по городу Коканду расклеивались прокламации на узбекском языке. В воспоминаниях о 1905 г. Султан-ходжи Касым-ходжаева указывается, что он работал в то время вместе с другими узбеками на постройке ташкентского вокзала; один из ташкентских рабочих социал-демократов дал ему программу и устав РСДРП. Другой социал-демократ также беседовал с ним и с другими рабочими-узбеками о программе социал-демократической партии.

Имеются прямые сведения о непосредственной связи русских революционеров с местным населением.

Начальник Ташкента писал в своем рапорте генерал-губернатору о том, что 18 декабря 1905 г. член ташкентской группы РСДРП выступал на митинге в ташкентском цирке, где „призывал народ и солдат к вооруженному восстанию", а затем поехал „на сходку в туземный город для устройства там беспорядков". В начале 1906 г. имело место выступление на „туземной половине" ташкентской тюрьмы, в которой были заключены члены местной социал-демократической организации, после выступления на „русской половине". „Арестанты туземной половины того же корпуса стали ломать печь... выламывать рамы... после этого во всех камерах туземной половины следствен-

ного корпуса начали ломать койки, рвать тюфяки, зажигали их и выбрасывали в окно".

На первой конференции социал-демократии Туркестана, собравшейся в феврале 1906 г., было принято важное решение учитывать требования национального пролетариата и развернуть среди него работу. Конференция обсудила вопрос о постановке работы среди местного населения. Принятая резолюция предлагала всем товарищам на местах обратить особое внимание на „туземный пролетариат", вести среди него возможно более широкую социал-демократическую пропаганду.

Возникновение джадидизма. Подъем националистических настроений среди всей мусульманской буржуазии России нашел себе выражение и в буржуазных кругах Узбекистана, в распространении среди них так называемого „джадидизма". Джадидизм развивался под влиянием татарского буржуазного национализма. Татарская буржуазия, желая оградить до некоторой степени свои интересы от российского империализма, пыталась организовать единый фронт буржуазии мусульманских народов, обитавших на территории Российской империи; панисламизм явился в ее руках удобным оружием в этом отношении. Известный буржуазный деятель Крыма Исмаил Гаспринский и другие неоднократно приезжали в Туркестан и входили в тесный контакт с джадидами. Виднейшие представители джадидизма ездили также в Казань, Крым, Баку и Оренбург. Татарская буржуазия России стояла всецело на платформе монархизма и отрицания революционных методов борьбы. Сам Гаспринский был преданным приверженцем царизма. Издаваемая им пантюркистская газета „Тарджуман" проводила программу легальной просветительской деятельности, пропагандируя необходимость „европейского образования" для мусульман Средней Азии

Выводы. Революционное движение 1905 г. в Узбекистане не приняло такого размаха как в центральных районах России. Аграрное движение не приобрело достаточной революционной интенсивности. Малочисленность и слабость пролетарских кадров выразилась как в недостаточно острых формах движения, так и в деятельности меньшевистских и эсеровских элементов, имевших значительное влияние среди местных рабочих. Однако влияние революции 1905 г. на народы Узбекистана было очень велико.

Местное трудовое население Узбекистана было пробуждено к сознательной политической жизни—и это сделала именно революция 1905 г. Впервые общеполитические вопросы всей страны вошли в сознание народа и всколыхнули его. „Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию[1]".

Народные массы Туркестана стали принимать активное участие в революционном движении против самодержавия. Революционная борьба этих масс, прежде всего дехканства, была направлена в основном против феодальных пережитков и жестокой национально-колониальной политики царизма. Только движение широких масс придавало силу национально-освободительному движению.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, 1937, стр. 384.

ГЛАВА XV

УЗБЕКИСТАН В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1907 — 1912)

§ 1. ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ В 1907—1912 гг.

Среднеазиатский вопрос после революции 1905 г. Реакция, наступившая после поражения революции нашла свое отражение и в Узбекистане. Царское правительство начинает проводить „новый курс" еще более активного наступления на национальную самобытность народов Средней Азии.

В целях руссификации коренного населения столыпинское правительство в вопросах административного устройства края признало необходимым отказаться от специальной системы управления для мусульман и подчинить их в этом отношении общеимперскому законодательству. На Среднюю Азию было распространено действие Положения о крестьянах 1861 г., без всякого учета местных особенностей края. Ту же цель руссификации преследовал проект введения земских учреждений в Средней Азии.

В области школьной политики годы реакции ознаменовались усилением контроля над мусульманской школой: с этой целью были созданы специальные должности инспекторов мусульманских школ. Одновременно начались гонения на „новометодную" мусульманскую школу, конкурировавшую с казенными русско-туземными учебными заведениями и старой мусульманской школой. В области религиозной политики проект учреждения антимусульманской православной миссии в Ташкенте (1907) означал переход царизма к прямому наступлению на ислам.

Весь этот комплекс мероприятий столыпинского правительства, проводимых в условиях полицейского режима и усилившегося после подавления революции административного произвола, означал еще большее колониальное закабаление народов Средней Азии.

Путем закрепления феодальных пережитков во всех звеньях народного хозяйства, политической и культурной жизни Средней Азии, царизм стремился затормозить процесс капиталистического развития колонии: царское правительство пыталось сохранить Среднюю Азию, как сельскохозяйственный придаток к промышленности метрополии. По мере роста русского империализма, царское правительство вынуждено было поощрять специализацию колониального производства: Сибирь должна была поставлять метрополии хлеб, Закавказье — нефть, Средняя Азия — хлопок. Экспорт хлеба из южной Сибири в Ферганскую область имел в виду интересы не только зернового хозяйства Сибири, но и хлопководства Средней Азии.

Напуганное революцией 1905 г. царское правительство искало в Средней Азии новые районы для русской сельскохозяйственной колонизации: нужно было ослабить аграрный кризис в метрополии. Сначала путем „переселения" русских крестьян-бедняков на окраину правительство и дворянство пытались отсрочить неизбежную гибель помещичьего землевладения в царской России.

Позднее, посредством колонизации особого „кулацкого" типа, правительство пыталось создать в Узбекистане новую опору для царской власти: русский зажиточный крестьянин должен был крепче привязать колонию к метрополии. В отношении экономическом и политическом Туркестанский край должен был превратиться в „неотъемлемую составную часть единой России", а его области—в обычные губернии Российской империи.

Таким образом, после поражения революции 1905 г. политика царизма стала еще более реакционной.

Вопросы среднеазиатской политики в Государственной думе второго созыва (1907). По мере того, как революция 1905—1906 гг. шла на убыль, „Царское правительство явным образом наглело. Оно уже не боялось революции..."[1] Разогнав летом 1906 г. Государственную думу первого созыва, так как она оказалась недостаточно послушной, правительство пыталось собрать думу „законопослушную". Туркестанская пресса отразила крайнюю пассивность избирателей, отсутствие у них собственной инициативы в выборной кампании и большого интереса к ней в широких кругах народа: узбекский кишлак остался совершенно в стороне от избирательной кампании. Некоторое оживление наблюдалось только среди русских крестьян-переселенцев.

В Ташкенте, в „старом" городе, выборы выборщиков происходили 27 января 1907 г. Техника избирательной кампании была такова, что около 20 тысяч повесток не были даже вручены избирателям. Благодаря цензовой системе выборов, трудящиеся массы в них не участвовали. Почти все выборщики (по „старому" городу их было 40 чел., по 10—от каждой части) принадлежали к имущим классам; среди них было: 17 купцов и торговцев, 6 землевладельцев, 2 подрядчика, 1 заводчик и 1 домовладелец; из числа духовных лиц и мусульманской интеллигенции: 2 казия, ишан, 2 а'ляма, муфтий, имам, 4 учителя; был выбран один представитель низовой туземной администрации—арык-аксакал и только один ремесленник, да и тот принадлежал к числу более зажиточных.

Депутатом в Государственную думу был избран местный ташкентский купец, домовладелец и предприниматель, узбек Ариф-ходжа. Ввиду его отказа, депутатом Думы по жеребьевке оказался мулла Абдукариев. Депутату был дан наказ от населения.

В наказе содержалось 6 основных пунктов: 1) восстановление суда казиев; 2) выборность старшин, арык-аксакалов и волостных управителей; 3) уменьшение государственного налога на 50%; 4) самоуправление для „туземной" части Ташкента; 5) возвращение отобранных земель и запрещение в Средней Азии русской колонизации; 6) право приобретения недвижимости в Средней Азии. Весь наказ в целом и в отдельных пунктах отражал требования местной буржуазии.

От „русской части" г. Ташкента был избран в Думу В. П. Наливкин, генерал в отставке, бывший помощник военного губернатора Ферганской области, автор статей по истории, археологии и этнографии Средней Азии.

В итоге выборов оказалось, что один депутат приходился на 56 тысяч избирателей „нетуземцев" и один депутат на 800 тысяч избирателей „туземцев".

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 84.

Общие вопросы среднеазиатской политики затрагивались в Думе лишь в связи с обсуждением переселенческой политики правительства и политики захвата казахских и киргизских земель. Так, на заседании 17 апреля 1907 г. депутат от Таврической губернии настойчиво вопрошал: „Куда ведет переселенческая политика?". „Долг наш,—продолжал он,—сказать: Довольно! Довольно разжигать страсти! Довольно разжигать антагонизм в Средней Азии!..." Депутат от Уральской области, казах по национальности, обвинял царское правительство в том, что, желая отделаться от русских крестьян, требующих „отчуждения частновладельческих земель", правительство стремится поскорее передвинуть их за Урал, в Сибирь и в среднеазиатские области.

Главное управление земледелия и землеустройства в лице Кривошеина мотивировало политику изъятия „излишков" казахских и киргизских земель тем, что в XX в. необходимо, наконец, „прекратить кочевой образ жизни киргизов". Практического результата все эти прения, впрочем, не дали, и единственным законом, принятым Государственной думой второго созыва в отношении Средней Азии, был закон о порядке обложения земель в Туркестане. Закон этот действовал до 1917 г., но ни с политической, ни с финансовой точек зрения не имел большого значения.

Ревизия Палена (1908 — 1909). Вскоре после роспуска Думы 30 июля 1907 г. в Петербурге было созвано междуведомственное совещание „для составления проекта нового положения об управлении Туркестанского края". До 1907 г. место Туркестана в системе колоний Российской империи определялось актами 1865, 1867 и 1886 гг.

19 марта 1908 г. Правительствующему сенату был дан указ о назначении ревизии Туркестанского края. Ревизия была поручена сенатору графу К. К. Палену. Работы ревизии начались 13 июля 1908 г. и в основной своей части были закончены к началу 1909 г.

Ревизия Палена резко поставила вопрос о непригодности старого бюрократического аппарата на местах, о вопиющих непорядках в управлении.

План паленских реформ для Средней Азии был составлен в духе столыпинских „реформ". План этот выражал стремление царского правительства сочетать растущие капиталистические отношения с охраной в Средней Азии феодальных устоев царской власти.

План Палена сохранял старые формы организации труда в сельском хозяйстве (чайрикорство и издольщину); он игнорировал возможности развития в стране не только тяжелой, но даже и легкой индустрии; узбекское дехканство, замкнутое в особых крестьянских волостях с волостным старшиной из русских, должно было стать сословием, изолированным от остального населения. План Палена для Средней Азии оказывался своеобразной, столыпинского типа, „реформой", в итоге которой узбекское дехканство обрекалось на эксплоатацию русским и узбекским кулаком, а весь Узбекистан в целом оставался колониально-аграрной базой Российской империи.

Среднеазиатский вопрос в Государственной думе третьего созыва (1907—1912). II Государственная дума была распущена 3 июня 1907 г. III дума по своему составу была черносотенно-кадетской. Избирательный закон был пересмотрен. Сибирь и Кавказ получили избирательные права, хотя и в сильно урезанном виде. Средняя Азия избирательных прав была лишена. Ожидая итогов ревизии Палена, правительство медлило с реформами. План Палена, определившийся к началу 1910 г., лег в основу ряда законопроектов о Средней Азии, усиливших экономическое и национальное угнетение ее народов.

Так, уже 18 февраля 1910 г. Главное управление земледелия и землеустройства внесло в Думу законопроект об особом сборе с „отечественного" хлопка, т. е. хлопка, поступающего из Закавказья и Средней Азии. Предполагалось взимать по 50 коп. с 1 пуда хлопка, поступающего на внутренний рынок. Собранные суммы намечалось использовать для ирригационных и гидротехнических сооружений, главным образом в Средней Азии. Промышленники сумели настоять на отклонении законопроекта. Отклонили они его и два года спустя—в январе 1912 г., когда тот же вопрос возник в связи с пересмотром русско-американского торгового договора. Любопытна мотивировка депутатов от буржуазии: взимать до 50 коп. с пуда хлопка,—говорили они,—это все равно, что брать дополнительно по 5 коп. с пуда ржи. Кто же из помещиков, — говорили промышленники,—пойдет на дополнительный 5-копеечный сбор...

Вслед за правительственным законопроектом об особом сборе с хлопка, министерство Столыпина внесло проект, по существу, направленный к экспроприации значительной части земель коренного населения Средней Азии.

На заседании Думы 16 марта, при обсуждении сметы Переселенческого управления, главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин намекнул на предстоящие Думе работы по развитию русской колонизации в Средней Азии. „В ближайшем времени,—говорил он,—обращение под переселение земельных излишков у кочевников предполагается распространить и на области Туркестана. В Государственной думе уже находится представление о соответствующем дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем".

7 апреля 1910 г. Государственная дума приступила к обсуждению законопроекта „О дополнении ст. 270 Туркестанского положения". Под таким скромным заголовком царское правительство подымало огромной важности вопрос об изъятии „излишков" в пользу русских колонистов. По законопроекту Главного управления земледелия и землеустройства развернулись прения.

Депутат от Уфимской губернии, башкир по национальности, отметил отсутствие в Государственной думе депутатов казахского и киргизского народов, как и всех других народов Средней Азии. Он указал, что правительство и Дума не провели ни одной реформы, направленной к культурному и экономическому развитию Средней Азии. Оратор утверждал, что в определении так называемых „излишков" царит голый произвол.

Депутат от Казанской губернии формулировал основной лозунг Переселенческого управления так: „Туркестан—для русских. Лозунг краток, но неясен, — говорил он. — Принять его — значит из друзей создать врагов. Допустим, что туркестанское население не возмущается, когда вы лишаете его избирательного права, когда вы лишаете его права муниципального. Край может молчать, оставаться мирным. Допустим, что он не понимает этого. Но когда вы начинаете отнимать у него и землю, то даже туркестанское население, до сих пор мирящееся со всем, может прийти в движение".

Несмотря на резкую критику оппозиции, законопроект был принят.

19 декабря 1910 г. законопроект стал законом. Казахи и киргизы были обречены на ограбление.

В условиях военно-феодального империализма эксплоатация колоний царской России развертывалась в грандиозных масштабах. В Туркестан хлынула волна таких дельцов и авантюристов, перед которыми

бледнели „господа ташкентцы", изображенные острым пером Салтыкова-Щедрина. В Среднюю Азию прибыл военный министр Сухомлинов, с ним приехал его агент по коммерческим операциям, известный аферист князь Андроников. Здесь от Хивинского хана они получили богатейшую земельно-водную концессию на условиях, чрезвычайно выгодных для концессионеров.

Началась вакханалия захвата земель у местного населения, создания различных концессий и т. д., приведших к еще большему ограблению широких народных масс.

„Записка" Кривошеина 1912 г. В предвоенные годы царское правительство уделяло Средней Азии исключительное внимание. В 1912 г. министр земледелия Кривошеин объезжал Туркестанский край. Вернувшись из поездки, Кривошеин представил Николаю II „Записку о поездке в Туркестанский край в 1912 г.".

В своей „Записке" Кривошеин предлагал широкую программу русской крестьянской колонизации Туркестана. Три миллиона десятин орошенной земли должны были поступить в распоряжение 300 тысяч крепких „русских" хозяйств. В качестве колонистов Кривошеин предлагал привлечь жителей южных областей России, знакомых с культурой сахарной свеклы. Из трех миллионов десятин орошенной земли, под посевы хлопчатника намечалось отвести до одного миллиона десятин.

Оформление права собственности „туземного населения" на землю, вопрос об издании водного закона взамен запутанных, частью забытых, частью измененных колониальной практикой норм обычного водопользования,—таковы были по плану Кривошеина последующие очередные задачи правительственной политики.

Кривошеин в своей „Записке" развивал и конкретизировал реформаторские планы Палена и Столыпина. Великодержавные националистические тенденции, сильные и в проектах Палена, в „Записке" Кривошеина доведены до предела. „Записка" эта обрекала узбекское дехканство на полное разорение. Она и легла в основу всех последующих работ Государственной думы по вопросам среднеазиатской политики.

Туркестанские джадиды в период реакции. Реакционная руссификаторская политика Столыпина в Туркестане не встретила отпора со стороны верхов местного общества. Имущие классы колонии феодалы и буржуазия,—напуганные размахом революционного движения, искали сближения с царизмом: в нем они видели защиту против опасности, угрожавшей им со стороны трудящихся масс. В лагерь реакции быстро скатывались джадиды.

Джадидизм, как политическое течение, оформился в период реакции, и это отразилось на его программе. В основе идеологии джадидизма лежали различные течения реакционного панисламизма, сложившегося под сильным воздействием турецких пантюркистов.

Движение, известное под названием панисламизма, распространилось на Ближнем Востоке еще в восьмидесятых годах XIX в. Первоначально его сторонники призывали к объединению мусульманских стран под знаменем ислама в единое государство во главе с турецким султаном для борьбы с европейскими державами. Панисламизм быстро обнаружил свою реакционную сущность, ибо пытался не только сохранить, но и возвеличить султана-халифа, еще более укрепить социальную опору султана—светских и духовных феодалов. Наряду с этим панисламисты стремились модернизировать ислам, приспособить

его к практическим нуждам национальной буржуазии. В дальнейшем панисламизм в Турции был вытеснен пантюркизмом. Пантюркизм пропагандировал объединение только тюркских народов под властью турецкого государства, причем на базе не вероисповедного, но мнимого „расового" единства.

Разбойничий германский империализм, стремившийся уже в годы, предшествовавшие мировой войне 1914—1918 гг., завладеть Ближним и Средним Востоком, опираясь на поддержку султанской Турции, широко использовал помощь панисламистов и пантюркистов.

В классовом отношении джадидизм представлял собою идеологию узбекской буржуазии и буржуазной узбекской интеллигенции.

В условиях роста русского военно-феодального империализма, „стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное."[1]. „Основной вопрос для молодой буржуазии—рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности—такова ее цель. Отсюда ее желание—обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок—первая школа, где буржуазия учится национализму"[2].

Джадиды с горечью писали, что чужеземцы отнимают у мусульман богатство и торговлю, что национальная буржуазия притеснена, что она служит „у порога русских и евреев", что она не понимает значения торговли с Россией и Европой.

Но,выставляя лозунги эмансипации национальной буржуазии Средней Азии, джадиды резко отмежевывались от революционных методов борьбы. Испуганные революцией 1905—1906 гг., они приветствовали ее разгром. Уже в 1905 г. джадидская газета „Тараккы" писала: „В России ликвидируются забастовки, митинги и политические движения. Надеемся, что правительство примет соответствующие меры против хулиганов и охранит интересы народа от них... В тех местах, где живут мусульмане, всегда было спокойно, не наблюдалось никаких беспорядков и присутствовала дисциплина... Мы решительно заявляем, что авторитет России—наш авторитет. Если и в дальнейшем в России будут беспорядки, то мы будем гордиться тем, что всегда охраняли спокойствие России".

Видя в царизме свою классовую опору, джадиды крепко заняли монархические позиции и были готовы всецело поддерживать царское правительство, выискивая даже религиозную мотивировку для своей политической линии. „Всем известно,—говорили они,—что русское правительство никогда не сделает того, что лежит вне шариата". „Бойся бога, уважай царя,—увещевали своих читателей джадиды в 1912 г. —повеления царя обязательны для подданных. Наш русский царь сильнее многих царей". Эти призывы джадидов проникали даже в букварн новометодных школ.

Государственную думу джадиды всячески приветствовали. „Мы должны посылать депутатов в Думу,—писал один из основателей джадидизма Бехбуди,—наш милостивый и любимый царь не отошлет обратно наших депутатов с пустыми руками". В Думу второго созыва были посланы джадидские депутаты с очень скромной программой

---

[1] И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, ОГИЗ, Госполитиздат, 1941., стр. 14.

[2] Там же, стр. 13.

требований. „Самое важное для нас в рассматриваемых Думой законах—законопроекты о религии",—писала газета „Шухрат".

Джадиды чрезвычайно враждебно относились к деятельности социал-демократии. „Для нас, мусульман, вступление в эту партию принесет огромный вред. Программа социал-демократов стоит вне шариата",—писал Бехбуди в октябре 1906 г.

Буржуазная ограниченность джадидизма очень ярко сказалась в их отношении к национальной культуре. Заинтересованные в усвоении элементов европейской цивилизации, необходимой для борьбы с конкуренцией российской буржуазии, джадиды мало ценили тот большой вклад, который их собственный народ внес в мировую культуру человечества. „Если мы дадим в руки учащегося вместо произведения Фузули—книгу для чтения, вместо Навои—науку о догмах, вместо Бедиля—арифметику, вместо Гафиза—практические знания, то это принесет очень много пользы, и ученик станет истинным мусульманином",—писал еще в 1906 г. ташкентский джадид Мунавар Кары.

Несмотря на крайнюю умеренность джадидизма, проявившуюся с особенной отчетливостью в период реакции, и полную оторванность его от народных масс, джадидизм, будучи разновидностью буржуазного панисламизма и пантюркизма, не мог не вызвать подозрений у царских чиновников. Царизм опасался политического сепаратизма, и как ни старалась слабая узбекская буржуазия проявлять свои верноподданнические чувства, это не избавило джадидов от недоброжелательного отношения к ним со стороны русских колониальных властей.

§ 2. УЗБЕКИСТАН В ГОДЫ ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (1912–1914).

Восстание саперов в 1912 г. „Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц"[1]. Росло революционное движение в стране. Рабочие, солдаты и крестьяне поднимались на новую борьбу. Ленский расстрел (4 апреля 1912 г.) всколыхнул миллионные массы трудящихся. Революционное движение получило тогда новый и сильный толчок.

Несмотря на торжество реакции, в народных массах Узбекистана революционные настроения не умирали. В годы предвоенного подъема революционного движения (1912—1914) повсюду в Узбекистане—в городах и кишлаках — начались волнения среди рабочих и дехкан. Летом 1912 г. вспыхнуло второе (после 1906 г.) восстание саперов. II-й Туркестанский саперный батальон зимой стоял обычно в Мерве, а в конце апреля на лето выходил в Ташкентские лагери. Так было и в апреле 1912 г. Двигаясь из Мерва в Ташкент, саперы по дороге узнали от железнодорожников все подробности ленского расстрела. Саперами были квалифицированные рабочие и техники, поэтому по уровню технической и политической грамотности они заметно отличались даже от артиллерийских, а тем более от стрелковых частей, которые заполнялись крестьянами, в большинстве неграмотными. В саперных батальонах революционная агитация и пропаганда имели особый успех, поэтому царское правительство держало саперов под строгим наблюдением. Из Ташкента саперы были направлены в село Троицкое (в 30 *км* от города), где расположены были летние лагери.

1. История ВКП(б), Краткий курс, 1945, стр. 140.

Саперные батальоны были размещены отдельно от других частей. Тем не менее всюду, где только это было возможно (в парках, у арыков на купании, в общей гарнизонной бане, на гулянье в Ниязбеке), саперы встречались с артиллеристами, стрелками, оренбургскими казаками, вели среди них революционную работу и систематически поддерживали связь с „вольными". Произвол офицерства в Троицких лагерях, воровство интендантов (плохая, недоброкачественная пища) усиливали возмущение солдат. Штаб получал тревожные известия о поведении саперов: очевидно, последние готовились к восстанию. Действительно в ночь с 1 на 2 июня 1912 г. по ружейному сигнальному выстрелу „на линейку" выбежали и выстроились роты саперов. Офицеры большей частью бежали; оказавшие сопротивление были убиты. Испуганный командир дал телеграмму в Ташкент: „Идет стрельба. Солдаты бастуют". Два батальона саперов с революционными возгласами, песнями и лозунгами двинулись на соединение со стрелками. Однако штаб, уже ранее извещенный о предполагаемом восстании, подготовил против повстанцев засаду: учебная стрелковая команда перерезала путь саперам линией окопов и встретила колонну восставших жестоким огнем. Саперы отступили, повернули в лагерь, многие пытались скрыться в поле. Начальник прожекторной команды лично обследовал поле лучами прожекторов: все укрывшиеся были пойманы.

Туркестанский генерал-губернатор Самсонов телеграфировал о восстании в Петербург. Резолюция Николая II была такова: „С виновниками бунта должно быть поступлено беспощадно".

Военному суду, состоявшемуся 9 августа, было предано 222 человека; суд вынес исключительный по жестокости приговор: 13 рядовых и 1 унтер-офицер были приговорены к смертной казни через повешение, как „виновные в явном восстании, сопровождавшемся убийствами и покушениями начальников, как зачинщики и руководители восстания". Остальных 208 человек приговорили к бессрочной каторге, к арестантским отделениям, к дисциплинарным ротам. Приговор царского суда был приведен в исполнение в ташкентской крепости. Саперные части должны были присутствовать при казни товарищей. После Февральской революции 1917 г. в Ташкенте состоялись торжественные похороны останков саперов, повешенных царскими палачами в 1912 г. Для участия в похоронах делегация II-го Туркестанского саперного батальона прибыла в Ташкент с Закавказского фронта, где саперы стояли тогда на боевых позициях.

Восстание саперов, волнения рабочих и дехкан ставили в порядок дня неизбежное свержение не только царской власти, но и власти местных феодалов.

Среднеазиатский вопрос в Государственной думе четвертого созыва. К середине 1912 г. Дума третьего созыва отбыла положенный ей пятилетний срок.

Подводя итоги мрачному пятилетию „столыпинской думы", Ленин писал: „Местью за революцию отмечена вся эпоха 3-ей Думы... Никогда еще не травили с таким запоем, с такой злобой, с такой бесшабашностью евреев, а вслед за ними и другие народности, не принадлежащие к господствующей нации".[1]

„Антисемитизм и самый грубый национализм стали единственной

[1]) Большевистская фракция IV Государственной думы, Государственное социально-экономическое издательство, Л., 1938. стр. 4—5

политической платформой партии правительства..."[1] Царизм душил революцию в Турции, Иране и Китае. Царь „...является теперь не только европейским, но и азиатским жандармом..."[2] Царизм стал величайшим врагом всех народов России. Но перед царизмом вырастала новая сила—единство интересов трудящихся всех народов, независимо от расовых или национальных различий.

Летом 1912 г. развернулась подготовка к выборам в Думу четвертого созыва. Сравнивая выборы в Государственную думу в 1907 г. и в 1912 г., товарищ Сталин писал: „*тогда* (в период спада рабочего движения. Ред.) рабочие выбирали вяло, а местами даже бойкотировали выборы, бойкотировали, конечно, *пассивно...теперь*, в атмосфере подымающейся революции, рабочие с большим интересом шли на выборы, отбросив прочь дряблое политическое равнодушие"[3].

Товарищ Сталин, руководивший в 1912 г. всей избирательной борьбой при выборах в Государственную думу, в статье „Сегодня выборы" писал за пять лет до Великой пролетарской революции: „помните, что свобода национальностей немыслима без общей свободы..."[4]

15 ноября 1912 г. открылась IV Дума, открылся, по выражению Ленина, „черный парламент" царской России. На улицах в это время развевались красные знамена: „Дума поправела, страна полевела".

Социал-демократическая фракция IV Государственной думы, по указанию Ленина, выступила с декларацией по поводу царской политики в национальных районах, в которых правительство довело до необычайного расцвета систему натравливания одной национальности на другую с тем, чтобы легче было разделаться со всеми ими.

IV Государственная дума, в условиях войны на Балканах и подготовки первой империалистической войны, больше всего занималась вопросами государственной обороны. В вопросах национальной политики она упорно продолжала традиции третьеиюньской Думы. Среди законодательных мелочей, так называемой думской „вермишели", мелькают в 1912—1913 гг. законопроект об увеличении содержания преподавателям церковно-приходских школ в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии, законопроект о порядке оптовой продажи вина и спирта, который должен был поощрять развитие винной монополии в Средней Азии.

В соответствии с предположениями графа Палена, на Среднюю Азию постепенно распространялись общеимперские нормы организации русского мирового суда, прокурорского надзора, контрольного дела, правила о надзоре за фабрично-заводской промышленностью, об установлении института фабричных инспекторов взамен ранее выполнявших их функции в Средней Азии областных механиков.

Одним из существенно важных законопроектов был законопроект Главного управления земледелия и землеустройства—„Положение о пользовании водами". Проект сохранял за государством верховное право на воду и создавал местные органы управления ирригационными сооружениями и распределением воды. Планы Столыпина, Палена и Кривошеина приводились в действие.

---

1. Большевистская фракция IV Государственной думы. Государственное социально-экономическое издательство, Л. 1938, стр. 5.
2. Там же, стр. 5.
3. Там же, стр. 24.
4. Там же, стр. 23.

Летом 1913 г. Государственная дума рассматривала законопроект об отводе переселенцам казенных орошенных участков в Голодной степи. Земля выделялась в подворную собственность из расчета: от 8 до 10 десятин на двор, под школу для хуторян отводилось 2 десятины, под церковь и кладбище—33 десятины. Переселенцами могли быть только русские, но „без различия состояния" (т. е. дворяне, купцы, мещане, крестьяне). Переселенцы должны были исповедывать христианскую веру, но, — читаем в законопроекте — „последователи таких вероучений, которые отрицательно относятся к исполнению воинской повинности, к заселению орошенных участков не допускаются." Приезжие должны были объявить за собою имущества не менее чем на 1000 рублей.

Так, Средняя Азия попадала в руки русских офицеров, чиновников, купцов и „крепких" кулаков из русских крестьян.

В защиту законопроекта со всей энергией выступила наиболее реакционная часть Государственной думы: Марков 2-й, монархист черносотенец из „зубров" Курской губернии, откровенно заявлял, „что православному русскому человеку" в Средней Азии надо дать первое место. „Когда очистится место для других, второго сорта, тогда вы пустите туда других, а сейчас вы пускайте туда русский народ, ибо это место инородческое и нуждается в том, чтобы оно до некоторой степени обрусело".

Национальный вопрос в Средней Азии вообще, и в Узбекистане в особенности, чрезвычайно обострялся. Большевистская фракция IV Государственной думы, действуя по указаниям Ленина, разоблачила национальную политику самодержавия—боевую программу „злобствующего национализма". Либеральным планам культурно-национальной автономии депутаты Государственной думы большевики настойчиво противопоставляли марксистскую программу по национальному вопросу, изложенную в статье тов. Сталина „Марксизм и национальный вопрос". Русский военно-феодальный империализм на окраинах Российской империи приобретал особо уродливые формы. Сильнее, чем русский рабочий и русский крестьянин Центральной России, узбекский рабочий и узбекский дехкан чувствовали на своих плечах всю тяжесть этих насильственных военно-феодальных связей с царской метрополией.

В 1907—1914 гг. колониальный гнет возрастал в Узбекистане невиданными дотоле темпами.

ГЛАВА XVI

БУХАРА И ХИВА ПОД ЦАРСКИМ ПРОТЕКТОРАТОМ

§ 1. БУХАРА

Договоры 1868 и 1873 гг. В результате поражения бухарских войск в 1868 г. феодальное Бухарское ханство стало вассальным государством царской России. Последующие отношения между Бухарой и царской Россией определились двумя договорами: первым, прелиминарным (предварительным), от 11 мая 1868 г., после окончания военных действий, и вторым, Шарским, от 28 сентября 1873 г. В дальнейшем соглашения между Бухарой и царским Петербургом заключались только по отдельным ведомственным вопросам и всегда, по существу, основывались на договорах 1868 и 1873 гг.

Вследствие включения Бухары в состав Российской империи, страна, в которой господствовал феодальный способ производства, подпала под воздействие капиталистических отношений, что привело к известным изменениям в экономической, социальной и политической жизни ханства.

Территориальное уменьшение пределов Бухарского ханства в силу договора 11 мая 1868 г. было вскоре компенсировано присоединением к Бухаре таких областей, как Хисарское, Кулябское, Шахрисябзское и Китабское владения, а также горные области Каратегин и Дарваз, полного обладания которыми издавна, но безуспешно, добивались бухарские эмиры.

Таким образом, к середине девяностых годов Бухарское ханство окончательно стабилизировалось в своих границах, занимая площадь в 200 тыс. кв. километров с населением приблизительно в 2,5 — 3 миллиона человек.

Проблема орошения. С отторжением от Бухары Самаркандского вилайета, в пределах русского Туркестана оказались верховья главной артерии Бухарского оазиса — р. Зарафшана, в связи с чем возник острый вопрос о распределении этих вод между новыми русскими подданными Самаркандской области, жившими по долине Зарафшана, и их соотечественниками, оставшимися в пределах Бухарского ханства. Год от году водные недоразумения увеличивались в связи с расширением территории культурных земель в российских и бухарских владениях; особенно это почувствовалось, когда через долину Зарафшана прошла до Самарканда, а потом и дальше Закаспийская железная дорога, что вызвало усиленный обмен продуктами земледелия. Понадобилось создание специальных русско-бухарских „комиссий по вопросу об урегулировании деления воды р. Зарафшан между русскими и бухарскими владениями“ и только в 1902 г. достигнуто было соглашение: „Установить пропуск воды из Зарафшана в бухарские владения в размере $^1/_3$ части всего количества ее“, а $^2/_3$ всех зарафшанских вод оставлять для орошения полей русских подданных. Несмот-

ря на учреждение в Бухаре специальной должности инженера по ирригации и другие мероприятия, распределение вод Зарафшана до конца существования эмирата оставалось самым острым и больным вопросом: полагавшаяся бухарцам $^1/_3$ вод Зарафшана отпускалась крайне неисправно „Горькие жалобы слышатся всюду на недостаток воды с того времени, как отторгнут от Бухары город Самарканд и вместе с ним верхняя часть Зарафшана", — писал в конце девяностых годов один русский топограф, производивший работы на Зарафшане. „Мне рассказывали, что бывали такие годы, когда бухарцам некоторое время вовсе не давали воды, и поля их оттого сплошь погибали... В 1896 г., в виде исключения, воды была такая масса, что никто не запомнит такого обилия... Она разлилась по полям, а усиленное испарение в летнюю жару породило страшные лихорадки".

Захват царскими властями источников орошения земель эмирата являлся в их руках могущественным средством экономического и политического подчинения Бухары.

Железнодорожное строительство. В первые десятилетия после победы царской России над Бухарой внутренняя жизнь последней продолжала итти по старому руслу. Но с 80-х годов, в связи с проникновением в эту отсталую страну русских капиталов, в ней ускорилось развитие капиталистических отношений. Это, со своей стороны, способствовало более прочному подчинению Бухарского ханства царизму. В 1885 г. Закаспийская железная дорога была доведена до Асхабада (Ашхабад); ее естественным продолжением явился дальнейший железнодорожный путь через Чарджоу и Бухару до Самарканда, законченный постройкой в 1888 г.

Дорога прошла по главной оси ханства, по плодороднейшей долине Зарафшана, являющейся центром всей страны Через эту долину в Бухару шел импорт товаров из других стран и экспорт местных продуктов. До проведения железной дороги весь товарообмен веками происходил при посредстве караванов, ходивших из Бухары в Оренбург, Самарканд и Ташкент; через Балх караваны двигались в Кабул и Герат, а из Герата — в Кандагар и Мешхед, и вся торговля ханства сосредоточилась главным образом в руках купцов г. Бухары. Теперь железнодорожный путь непосредственно соединил Бухару с Москвой и Нижним Новгородом. Прежде из Бухары отправлялись редкие караваны через Казалинск в Оренбург; стоимость фрахта доходила до 3 руб. с пуда; теперь в 20 — 40 дней товары срочно доставлялись в полной сохранности в Нижний Новгород и Москву при фрахте до 70 коп. с пуда, со страховкой товара от всяких случайностей. Влияние дороги, пересекавшей Бухару с запада на восток, прежде всего стало сказываться на населении долины Зарафшана; население же всей Восточной Бухары в отношении товарообмена оставалось в прежних условиях.

Российское политическое агентство. Проведение железной дороги через бухарские владения усилило вторжение русского царизма в самые разнообразные стороны жизни ханства, что нарушало куцый суверенитет Бухары даже в области территориальной и отдавало ее в полную политическую и экономическую зависимость от царской России. В 1885 г. в Бухаре было учреждено „Российское императорское политическое агентство". Это название должно было как бы показать эмиру бухарскому, что в глазах царской России он был выше, чем вассал, но ниже независимого владетеля, потому что политическое агентство было больше, чем генеральное консульство,

но оно не являлось и посольством в самостоятельном и суверенном государстве. Политический агент являлся в Бухаре официальным представителем царской России. Через него происходили все сношения Петербурга и Ташкента с бухарским правительством по самым разнообразным вопросам. О результатах этих сношений, а равно о директивах русского Министерства иностранных дел политический агент обязан был осведомлять туркестанского генерал-губернатора; и вообще при решении тех или иных принципиальных вопросов он должен был действовать в полном контакте с последним. Этим создавалась двойственность подчинения политического агента, являвшаяся иногда источником больших недоразумений между ним и высшей туркестанской администрацией, с одной стороны, и Петербургом и Ташкентом, с другой. Вместе с тем, политическому агенту присваивались функции консульские, т. е. охрана личных, имущественных и торговых интересов русских подданных, проживавших в ханстве. Постепенно функции политического агентства осложнились делами, не предусматривавшимися никакими статьями консульского устава.

Русские поселения. С проведением через Бухару железнодорожного пути возник целый ряд русских поселений на территории Бухары. Устройство железнодорожных станций потребовало отвода так называемой „железнодорожной полосы отчуждения". Одновременно стали возникать русские поселения при железнодорожных станциях и речных пристанях. Поэтому в 1888 г., тотчас же по окончании постройки железной дороги до Самарканда, утверждены были правила об устройстве таких поселений в Бухарском ханстве на основании „дружественного соглашения" туркестанского генерал-губернатора с бухарским эмиром. Согласно этим правилам, „в видах облегчения доступа к железнодорожным станциям и пароходным пристаням в пределах Бухарского ханства и обеспечения благоустройства поселений, какие могут образоваться около них, прилегающие к станциям и пристаням местности снимаются на планы и разбиваются на участки". Планы эти утверждались соглашением генерал-губернатора и эмира, тем же порядком определялись „для каждой местности правила, касающиеся проведения улиц, постройки помещений, устройства мостовых и водоснабжения, полицейского и санитарного порядка" (пункт 3) и т. п. Одно лицо могло приобретать для постройки промышленного предприятия от 750 до 1500 кв. сажен земли, под лавку—от 5 до 15, а для жилого дома—от 350 до 750 кв. сажен (пункт 5). Приобретение бухарскими подданными земельных участков в русских поселениях допускалось с разрешения бухарского правительства, которое должно было об этом сообщать политическому агенту в Бухаре. Пребывание в указанных поселениях „азиатских уроженцев, не принадлежащих к российскому или бухарскому подданству, и приобретение ими земельных участков" разрешалось лишь по соглашению политического агента с бухарским правительством (пункт 4). В следующем 1889 г. были введены правила о торговле крепкими напитками в Бухарском ханстве, в силу которых торговля эта разрешалась только в вышеуказанных поселениях, на железнодорожных станциях и в русских воинских частях, расположенных в ханстве; торговать этими напитками могли только русские подданные без права продажи их бухарцам (пункты 2 и 3). Торговцы крепкими напитками должны были платить бухарскому правительству зякат в обычном размере—2,5% стоимости товара и городские сборы на нужды данного поселения. От всех прочих видов торговых

пошлин эти торговцы освобождались; число и род мест торговли крепкими напитками в Бухаре, открытие буфетов на железнодорожных станциях и другие вопросы находились в ведении Политического агентства, которое для их разрешения обращалось к туркестанскому генерал-губернатору (пункты 6, 9 и 10). Менее чем через четыре года после издания правил, рост русских поселений в Бухаре побудил царское правительство ввести в них русскую юрисдикцию. Законом от 15 марта 1898 г. была учреждена в Бухаре должность русского мирового судьи. Его ведению подлежали „все дела по преступлениям и проступкам, совершаемым русскими подданными в пределах Бухарского ханства", и все гражданские дела, возникавшие между русскими подданными. Дела же о преступлениях бухарских подданных в отношении русских подданных подлежали попрежнему ведению политического агента в Бухаре. Ему же вменялось в обязанность оказание „непосредственного покровительства" пребывающим в ханстве иностранцам христианских вероисповеданий (пункт 11) и отводилась роль третейского судьи во всех возникавших гражданских делах между русскими и бухарскими подданными, „когда обе стороны того пожелают" (пункт 7).

Из первоначальных русских поселений возникли небольшие города со своими бюджетами, школами, больницами и прочими учреждениями общественно-городского характера. Они являлись своего рода европейскими „сеттльментами" в колониальных странах, жили собственною жизнью, совершенно обособленной от соседних бухарских городов и кишлаков. Высший административный и хозяйственный надзор за этими поселениями принадлежал политическому агенту в Бухаре, ведавшему ими на правах губернатора и в этом отношении подчинявшемуся туркестанскому генерал-губернатору. Самыми значительными из этих городских поселений были: Новая Бухара (ныне Каган), Чарджуй (Чарджоу), Керки и Патта-Кисар; пограничное положение последних двух на Аму-дарье, подле самого Афганистана, создавало самые широкие перспективы для развития этих городов и превращения их впоследствии в крупные торговые и промышленные центры. Керки и отчасти Патта-Кисар были теми конечными пунктами, где происходил крупнейший товарообмен Европейской России с Афганистаном и северо-западной Индией. Перед первой мировой войной общий оборот всех торговых фирм г. Керки достиг 22 млн. рублей в год, а обороты имевшегося там отделения Русско-Азиатского банка выразились (за 1912 г.) в сумме около 76 млн. рублей. Важное торговое значение г. Керки заставило некоторых частных предпринимателей в 1910—1911 гг. выступить с проектом железнодорожной линии Керки—Кунград (в Хивинском ханстве)—Александров-Гай. В последнем пункте эта дорога, пройдя через богатый Хивинский оазис, должна была сомкнуться с общей сетью железнодорожных путей Европейской России.

Русские гарнизоны. Соседство Бухары с Афганистаном и напряженные отношения между Англией и царской Россией, в силу которых Афганистан был совершенно закрыт для русских подданных, побудило туркестанские власти еще в 1883 г. поставить близ бухарского города Керки 14-й Туркестанский линейный батальон. В 1897 г. к урочищу Термез была передвинута одна казачья сотня, а через три года, в 1900 г., по настоянию царского правительства, эмир отвел 9 тыс. десятин неорошенной земли по нижнему течению реки Сурхан-дарья для русского пограничного укрепления. Здесь рядом с

селением Патта-Кисар и был основан Термез с гарнизоном из всех родов оружия. Вместе с гарнизоном Чарджуя, эти русские военные аванпосты явились не только сторожевой охраной на афганской границе на случай непредвиденных обстоятельств (как и гарнизоны на русско-бухарской границе в Катта-кургане, Самарканде и др.), но они были той силой, которая сдерживала проявление народного недовольства против бухарского правительства, мешала развитию сепаратистских стремлений в бывших полунезависимых владениях Восточной Бухары, обеспечивала бухарским эмирам повиновение подданных и вместе с тем позволяла царскому правительству осуществлять мероприятия, которые низводили эмират на положение колониальной окраины империи.

Таможенная реформа. Последствием вовлечения Бухары в сферу хозяйственной и государственной жизни царской России было включение ханства в 1895 г. в русскую таможенную черту. В Бухару доставлялись караванными путями всякие товары из Афганистана и отчасти из Индии и Ирана. На рынках Бухары можно было встретить индийскую кисею, египетский сахар, свечи из Рангуна (Бирма), имбирное варенье из Шанхая и прочие товары Востока и Запада, вплоть до швейцарского сгущенного молока и шелковых дамских шалей с острова Мальты. Бухарские товары, следовавшие в Россию, и русские — в Бухару, просматривались в русских таможнях Самарканда, Мерва и Асхабада. Под давлением министра финансов Витте, эмир в бытность свою в 1892 г. в Петербурге подписал соглашение о перенесении русской таможенной черты на пограничную линию Бухары и Афганистана. Соглашение это окончательно лишало ханство самостоятельности в торговой политике и превращало Бухару, по существу, во внутренний русский рынок. Открытие царских таможен началось с 1 января 1895 г., и с этого времени вся бухарско-афганская пограничная линия от г. Керки до Дарваза включительно, была занята постами пограничной стражи особой Амударьинской бригады. Это привело к сильному увеличению торговых связей между Бухарой и Россией. Начался усиленный ввоз из России мануфактуры разнообразных сортов, сахара-рафинада, керосина, посуды, железных изделий и пр. Из Бухары в Россию шел хлопок, каракуль, шелк, сушеные фрукты и т. п. Крупные бухарские купцы, покупая у русских фабрикантов в долгосрочный кредит мануфактуру, стремились сбыть ее в Бухаре в кратчайший срок с тем, чтобы на вырученные деньги начать осенью и зимой скупку хлопка, а ранней весной — каракуля. Эти операции приносили бухарскому купечеству большие барыши.

Денежная реформа. Сделки в Москве на русскую валюту и продажа русских товаров, в особенности мануфактуры, на месте на бухарскую тангу, вызывали значительные колебания курса танги. На ее стоимость оказывало большое влияние то обстоятельство, что весною, при скупке каракуля и при выдаче задатков крестьянам под будущий хлопок, на нее возникал большой спрос. С июня же, когда бухарские купцы начинали переводить деньги на нижегородскую ярмарку, спрос на тангу прекращался и требовались только русские кредитные билеты, что продолжалось до сентября, когда дехкане начинали продавать хлопок, шерсть, рис и пр. Это и вело к весьма резким колебаниям курса танги. Разумеется, от подобного колебания больше всего страдали местные ремесленники и дехкане.

В 1901 г. состоялось соглашение царского правительства с бухарским об урегулировании вопроса о чеканке танги. Основные

положения этого соглашения сводились к следующему: эмир передавал имевшийся у него запас танги на 20 млн. рублей, а равно и ту монету, которая будет у него чеканена на 25 млн. рублей, в государственный банк из расчета золотом или кредитными рублями по 15 коп. за тангу. Эмир обязывался передавать и в будущем в русский банк из этого же расчета поступающую в его казну тангу и установить хождение в ханстве танги по тому же курсу—15 коп., приравняв ее, таким образом, к русскому пятиалтынному. Но так как в бухарской танге было чистого серебра на 11 коп., а в пятиалтынном всего на 6—7 коп., то мера эта была встречена бухарским населением весьма неодобрительно, и оно избегало брать низкопробную русскую монету, предпочитая ей попрежнему свою тангу.

Открытие в 1905 г. Оренбургской железной дороги, связавшей Бухару наиболее коротким путем с центром Европейской России, окончательно втянуло эмират в российский торговый оборот и полностью подчинило его экономическому влиянию царской России.

Земельные концессии. Одним из средств экономического проникновения русских капиталистов в Бухару являлись концессии. Незадолго до начала первой мировой войны, царское правительство пыталось создать систему русских земельных концессий в самом центре ханства. Одною из первых и наиболее крупных концессий являлось акционерное общество „Ширабад", основателем которого был военный инженер Ананьев. При поддержке царского правительства, оказавшего давление на эмира, Ананьеву в 1912 г. было отведено для орошения 72 500 десятин земли в Ширабадском районе с правом периодически отводить на эту землю для орошения воду из р. Сурхана, правого притока Амударьи. Срок аренды определялся в 99 лет; все оросительные работы должны были быть выполнены в восемь с половиной лет, после чего эмиру уплачивалось по 100 тысяч рублей в год арендной платы. Главное управление земледелия и землеустройства, утвердившее концессию, обязало предпринимателя „до половины всех орошенных земель предоставлять в аренду лицам русского происхождения". Бухарцы совершенно не сочувствовали концессии, которая весьма существенно затрагивала интересы сельского населения, жившего в низовьях Ширабадской долины. К тому времени, когда договор о концессии вступил в силу, население уже успело оросить с разрешения эмира около 8000 десятин на территории концессии и считало эти земли своей неотъемлемой собственностью. Все протесты концессионера разбивались о сопротивление бухарцев и окончились тем, что когда в марте 1916 г. члены концессии и представитель бухарского правительства при Политическом агентстве прибыли на место для урегулирования спорного вопроса, они были окружены более чем тысячной толпой населения, избиты лопатами и кетменями; только нерешительность вожаков помешала бухарцам перейти к более решительным действиям. Во время так называемых „бухарских событий" 1918 г., вызванных походом Колесова на Бухару, местное население, подстрекаемое бухарскими чиновниками, сожгло и попортило все заводские сооружения, материалы и пр.

Другая концессия была предоставлена эмиром в 1912 г. известному петербургскому авантюристу князю Андронникову, без всякого в том участия туркестанского генерал-губернатора и Министерства иностранных дел, лишь благодаря петербургским связям Андронникова. Эта концессия предоставляла концессионеру сроком на 99 лет 80 тыс. десятин земли в Каршинской степи для посевов под атмосферную влагу. Из этой площади действительно свободных земель было лишь

200 десятин, а все остальное пространство принадлежало жителям разбросанных здесь селений, часть же земли должна была отойти, по заключенному уже договору, под постройку железнодорожной линии Каган—Карши—Термез. Население, прослышав про отвод принадлежащих ему земель концессионеру, стало волноваться. Дело кончилось тем, что Андропников получил от эмира отступного в сумме 60 тыс. рублей за произведенные якобы изыскания по устройству орошения Каршинской степи водами Аму-дарьи.

Власть эмира. Постоянное вмешательство царской России во внешние и внутренние дела Бухарского ханства привело к тому, что оно постепенно превратилось в страну, целиком находившуюся под властью царской России. Но вместе с тем за эти несколько десяти летий бухарские правящие круги успели убедиться, что тартуки и силяу (подношения) весьма полезны и действенны также и при сношениях с русскими властями. Не только каждое русское посольство к эмиру содержалось на его счет и щедро одарялось лошадьми со сбруей, коврами, халатами и пр., но и все представители царской бюрократии и армии во время служебных поездок по ханству тоже целиком содержались на средства эмира (вернее, населения тех мест, через которые они проезжали). Петербургская чиновничья знать широко использовала возможность обирать эмира во время его поездок в Россию, начавшихся с восьмидесятых годов, когда железнодорожный путь связал ханство с Европейской Россией. При первом туркестанском генерал-губернаторе Кауфмане на Бухару еще смотрели, как на незамиренного соседа: эмир тогда никуда не выезжал за пределы ханства. Дорогие подарки от эмира принимались генерал-губернатором и его чиновниками, выражаясь языком того времени, как обычная „дань сломленной азиатской гордыни победителям". Политическое агентство постепенно превратилось в учреждение, осуществлявшее по отношению к Бухаре лишь мероприятия колонизационного порядка. С другой стороны, начавшиеся поездки эмира Абдулахада на Кавказ по железной дороге через Красноводск, для лечения в Железноводске и Кисловодске, открывали ему путь с Кавказа в Петербург. Открытие в 1905 г. железной дороги на Оренбург еще более облегчило эмиру личные сношения с русским двором и виднейшими представителями петербургской бюрократии. Подарки разным влиятельным лицам способствовали разрешению вопросов в смысле, угодном эмиру. Эмир Абдулахад стал генералом от кавалерии русской армии, получил придворное звание генерал-адъютанта и сделался почетным казачьим атаманом Терского казачьего войска, шефом 5-го Оренбургского казачьего полка и пр., а также кавалером высших русских орденов; его наследник имел чин полковника русской армии, придворное звание флигель-адъютанта и титул „светлости". Бухарские эмиры обзавелись собственностью в Европейской России (дача-дворец в Крыму и дачи в Железноводске и Кисловодске, дом в Петербурге). По образцу русских царей, они учредили ряд бухарских орденов, от скромных медалей до осыпанных бриллиантами золотых звезд, получили титул „высочество" вместо прежнего скромного титула „степенство" и в глазах царской бюрократии являлись коронованными особами, стоящими выше русских великих князей. Вместе с тем их вес в русских финансовых сферах и значение как крупных капиталистов были очень велики, потому что капиталы эмира составляли 27 млн. рублей золотом в Государственном банке и около 7 млн. в частных банках, а по торговле каракулем эмир занимал третье место на мировом рынке. В

то же время в глазах мусульманства всего мира имя бухарского эмира было окружено известным почетом. Втайне от царской дипломатии он дал несколько сот тысяч рублей золотом на постройку хиджазской железной дороги (от Малой Азии до Мекки), предпринятой турецким султаном по инициативе немецких империалистов, стремившихся проникнуть глубже на Восток. Сановники эмира всячески стремились подражать своему повелителю в этом „богоугодном" деле: так, кушбеги пожертвовал на постройку названной дороги 150 тыс. рублей золотом, столько же дал верховный судья и др. Во всем, что касалось внутренней политики, средневековых деспотических методов управления ханства, власть эмира по существу не подверглась никаким ограничениям.

Бухарская армия. Чеканка эмиром монеты, провозглашение его имени на общественной пятничной молитве и содержание им собственной армии придавали ему внешний вид независимого мусульманского владетеля. Армия эмира носила декоративный характер, и хотя ее численность и достигала 10—11 тыс. человек различных родов оружия, но она не представляла серьезной военной силы и не имела реального значения, вызывая лишь излишние, обременительные для населения, расходы. Командированные в 1881 г. в Бухару, по просьбе эмира Музаффара, русские офицеры обучили бухарские воинские части русскому военному строю, сформировали новые воинские части и ввели русскую команду. Тем не менее боеспособность бухарской армии нисколько не повысилась, только личный конвой эмира с состоявшей при ней конно-горной батареей был хорошо вооружен, имел воинскую выправку и был обмундирован по типу терского казачьего войска. Все остальные воинские части, особенно в провинции, по обмундированию и выучке представляли собою беспорядочную толпу; существовали еще ружья конца XVIII в. или начала XIX в., заряжавшиеся с дула. Артиллерия была самая первобытная; офицерский состав, вербовавшийся из нижних чинов или из прислуги эмира, не имел никакого образовательного ценза, среди офицеров было немало людей неграмотных.

В Петербурге, из соображений политических, царь уделял эмирской армии лестное внимание. Эмиру по его просьбе дарились для его армии то винтовки в числе нескольких тысяч, то орудийные конные батареи с боевыми припасами. Представления туркестанского генерал-губернатора об отклонении просьб эмира относительно отпуска ему оружия не принимались во внимание, так как эмир в бытность свою в Петербурге всегда лично добивался от царя соответствующего указа как в этом, так и в других делах.

Вопрос о реформах в ханстве. В конфликтах между эмиром и генерал-губернатором петербургская бюрократия брала нередко сторону эмира, а генерал-губернатору и политическому агенту посылались предписания не вмешиваться во внутреннюю жизнь ханства и сохранять престиж эмира. Прибывший в 1907 г. в Ташкент новый туркестанский генерал-губернатор Мищенко отказался было от принятия эмирских подарков и поставил вопрос о необходимости реформы во внутреннем управлении Бухары; преемник его генерал Самсонов в 1909 г. также поддержал эту мысль. Предложения эти остались, однако, без последствий. Вышедшая в том же году книга полковника Логофета „Страна бесправия", посвященная Государственной думе, предала широкой гласности бесправное положение народных масс Бухары, вопиющее состояние административного аппарата, безразличное отношение пра-

вящих кругов царской России к творившимся в ханстве безобразиям; все это также не привело ни к каким результатам Дело ограничилось тем, что в 1910 г. последовало „высочайшее соизволение" на запрещение принимать подарки от эмира всем лицам, состоявшим на государственной службе; но тут же был перечислен ряд лиц (в том числе и петербургские сановники), которым эмир мог „подносить лишь произведения своей страны и притом в небольшом количестве". Но даже это „высочайшее соизволение", объявленное через сенат, носило пометку „распубликованию не подлежит", и под видом „произведений ханства" эмир продолжал дарить в Петербурге бриллианты, которые нигде в ханстве не добывались. Попытка генерал-губернатора в 1910 г. лично указать Николаю II на необходимость „предопределить прекращение самостоятельного существования Бухары", тоже не имела успеха. Когда в конце 1910 г. умер эмир Абдулахад и на престол вступил Сейид-Алим, из Ташкента было опять сделано представление в Петербург о необходимости воспользоваться сменой на бухарском престоле и побудить нового эмира провести необходимые реформы в ханстве; но дело свелось к безрезультатной переписке между отдельными ведомствами.

Таким образом, царское правительство России, в целях укрепления своего господства над трудящимися массами Бухары, всячески оберегало интересы эмиров и способствовало сохранению в ханстве устаревших феодальных порядков, полавляя всякое движение направленное против эмирской власти. Между тем, развитие капиталистических отношений в Бухаре вызвало целый ряд новых явлений в социальной жизни страны, тяжело отражавшихся на благосостоянии трудящихся.

Положение дехкан. Последствием развития капиталистических отношений явилось углубление в бухарской деревне процесса классовой диференциации. В то время, как рост потребностей вызывал общее вздорожание жизни, продукты земледелия далеко не повышались в цене в той же пропорции. Бросалась в глаза резкая разница в ценах в Западной Бухаре (со столичным городом Бухарой) и в Восточной Бухаре. За половину столетия, протекшую от царского завоевания до первой мировой войны, цены на хлеб повысились в среднем на 100%, в то время как другие товары вздорожали на 400—600%.

В восточных провинциях ханства цена на хлеб была еще ниже. Это объяснялось слабым сбытом продуктов на местах, отсутствием удобных дорог и дешевого фрахта для подвоза к торговым центрам, но еще в большей степени была повинна в этом вопиющая несостоятельность административно-таможенной системы эмирской Бухары. Товары, попадавшие в Восточную Бухару, становились почти недоступными тамошнему массовому потребителю, вследствие многочисленных внутренних таможенных пошлин. Русский ситец, например, продававшийся в Бухаре по 11 коп. за аршин, в Каратегине или Дарвазе стоил 20—22 коп., потому что, помимо фрахта, он при перевозке на восток по нескольку раз облагался зякатом. Дехкан, продавая в Бухаре пуд пшеницы за 50—70 коп., на вырученные деньги мог купить там же 5—6 аршин ситца, а дехкан Каратегина у себя—только 1 аршин. Вместе с тем проникновение русского капитала на территорию ханства и создание там хлопковых заводов привело к самой беззастенчивой эксплоатации бухарского дехкана со стороны так называемых „партионщиков", оперировавших в селах. Получая от фирм авансы или располагая своими средствами, „партионщики" скупали у

дехкан в селениях хлопок, стараясь при этом непременно обвесить продавца. Результаты обвеса и составляли заработок каждого „партионщика". На батмане хлопка „хорошие" партионщики обычно зарабатывали два и более пудов хлопка.

Произвол ростовщиков и скупщиков, а также недостаток орошенной земли ускорили процесс пауперизации наиболее маломощной части крестьянства и способствовали возникновению значительной группы безземельных, которые даже не могли стать арендаторами и переходили в ряды батраков. Нужда гнала этот безземельный и закабаленный люд за пределы Бухары, главным образом в Туркестанское генерал-губернаторство, где он работал на полях, на заводах, на железной дороге и у частных лиц и увеличивал общее число местного пролетариата. Это обстоятельство должен был признать в своем официальном выступлении даже один из видных петербургских сановников, хорошо знакомый с местными условиями. „Средняя Азия переполнена пролетариатом, готовым нести каторжный труд за малую плату. Бухара, Хива, Афганистан, Кашгар—все эти ханства охотно шлют к нам сотни тысяч рабочих рук, весьма искусных в земледельческих работах и выпрашивающих работу чуть не за кусок хлеба. Достаточно сказать, что землекоп получает в весеннее время 25—30 коп. в сутки на своих харчах и со своим землекопным инструментом".

Положение скотоводов-кочевников. Не лучше было и положение скотоводов-кочевников. С возникновением городских поселений при железнодорожных станциях и в некоторых пунктах по Аму-дарье, при осуществлявшихся концессиях по орошению степных пространств и при попытках оседлого населения расширить площади своих пахотных земель за счет степи, сужались возможности перекочевок и выпаса мелкого и крупного скота, что вело к общему обеднению кочевников. К этому присоединялись большие злоупотребления чиновников при взимании зяката со стад (зякат-савоим) деньгами, а не натурой, потому что бухарское правительство устанавливало на скот специальные справочные цены, намного превышающие действительные.

Естественно, что отношение кочевников к бухарским властям было крайне враждебным. Это учитывалось бухарским правительством, смотревшим на кочевников, как на „разбойников". Во время частых волнений кочевников к ним отправляли с подарками и уговорами тех сановников, которые принадлежали к этим племенам, полагая, что им легче найти общий язык со своими сородичами.

Положение ремесленников. Так же, как и на территории Туркестанского края, в результате проникновения в ханство русских капиталов и русских товаров сильно пострадали ремесленники. Более или менее устойчиво держались лишь такие производства, продукция которых не встречала конкуренции, вроде гончарной посуды, плотничьих и столярных изделий, местных ювелирных вещей и пр., так как такие изделия попрежнему не ввозились в ханство. Московские ситцы продавались в Бухаре, в среднем, по 11 коп. аршин (на копейку дешевле, чем в Европейской России) и с успехом конкурировали с бухарскими хлопчатобумажными тканями; дешевые резиновые галоши (2р. 25 коп.) забивали сбыт кустарных кожаных галош (кафш), стоивших 5—6 руб., и т. п. Вследствие этого ремесленники разорялись и вынуждены были менять свою исконную профессию на другую. Это было связано с большими затруднениями, ибо все цехи занимались ремеслами потомственно, из поколения в поколение, благодаря чему приобретались традиционные навыки и профессиональные приемы.

Положение феодальных кругов. Развитие капиталистических отношений не могло не отразиться и на положении бухарской феодальной знати, светской и духовной. Возросшие культурные и бытовые потребности, увеличивая нужду в деньгах, заставляли феодально-чиновничьи элементы чрезвычайно враждебно относиться к отмене существовавших в ханстве порядков внеэкономической феодальной эксплоатации масс. Ввиду усиливавшегося из года в год недовольства трудящихся, народу внушалось, что виновниками повышения налогов и других тягот являются непомерные требования „урусов". Бухарское духовенство, как и учащиеся медресе, всегда тесно сплоченное и проникнутое идеологией, нетерпимой ко всяким новшествам, опасаясь потерять свое положение и свои доходы с усилением русского влияния, также во всем винило „кафиров-урусов". В лице эмира духовенство видело не правоверного властителя, а продавшегося неверным ренегата, который „за мирские блага" продал страну пришельцам-русским. Духовенство в конце 90-х годов довольно успешно заявило свой властный протест эмиру Абдулахаду: после крупного столкновения с влиятельными представителями духовенства, эмир удалился навсегда из своей столицы в г. Кермине, дав клятву никогда больше не возвращаться в г. Бухару.

Ахмади-Калла. Выразителем назревшей в Бухарском ханстве среди торгово-промышленной буржуазии оппозиции против феодальных порядков явился Ахмад, сын Насира, известный в литературе под псевдонимом Ахмади Ониш (знание), в просторечьи Ахмади-Калла (головастый Ахмад).

Ахмади-Калла родился в 1827 или 1828 г. в Бухаре в семье горожанина со средним достатком

После окончания медресе Ахмади-Калла состоял придворным астрологом эмира Музаффара и имел возможность хорошо изучить нравы эмирского двора, что сослужило ему службу позже, когда он в своих произведениях выступил как разоблачитель пороков существовавшего политического строя. Ахмади-Калла три раза ездил в качестве члена эмирского посольства в Петербург, где он остро почувствовал отсталость эмирской Бухары по сравнению с царской Россией и проникся убеждением о необходимости реформы эмирата путем распространения в стране светского образования.

Умер Ахмади-Калла в 1897 г.

Объемистый его труд „Навадир-уль-вакои" („Редкости происшествий"), ставший настольной книгой прогрессивно настроенной части общества Средней Азии той поры, затрагивает ряд вопросов, связанных с социально-экономической действительностью Бухарского ханства периода правления эмира Музаффара и отчасти Абдулахада. Второе его произведение „Тарджума-ал-ахвали амирани Бухара-и-шариф" (Жизнеописание эмиров священной Бухары) по своей оригинальности, по характеру затронутых в ней проблем из истории Средней Азии имеет не менее важное значение, чем первое. Кроме того, им написано множество стихотворений.

Сочинения Ахмади-Калла, критикующие эмирский строй, не были изданы. Человек образованный, наблюдавший прогресс русской науки и техники, Ахмади-Калла не мог примириться с невежеством как в быту, так и в государственных делах своей страны. Он видел, что Бухара на сотни лет отстала от передовых европейских стран. Причину жалкого состояния своей родины он видел в неограниченной власти эмира и произволе его правительства. Говоря о культурном

упадке мусульман, Ахмади-Калла писал: „...об этом ни в одной истории не написано. Эмир, вазиры, улемы, должностные лица—все действуют вместе. Все ученые и учителя похожи друг на друга. Все направляют усилия на приобретение имущества... Кроме себя, они ничего на свете не видят. Все головокружительно стремятся к тому, чтобы султан узнал бы его, казий сел бы рядом с ним, раис был бы его однокашником и полицейский был бы его соседом. Но если поближе посмотреть, то поведение султана оказывается развратным и грязным; казий—взяточник, узурпатор, дармоед; раис—продавец женских тел; полицейский—разбогатевший главарь бандитов".

Однако, несмотря на свою ненависть к эмирам, Ахмади-Калла не призывал к уничтожению эмирского строя. Интересы нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии в Бухаре, выразителем которых являлся Ахмади-Калла, еще тесно переплетались с интересами феодальных групп населения. Ахмади-Калла, отражавший в своих взглядах воздействие новых капиталистических отношений, отдавал себе отчет в необходимости реформы существовавшей политической системы. Но его реформистские идеи не шли дальше некоторой европеизации политического строя Бухары и устранения наиболее вопиющих злоупотреблений. Проводником реформы должен был быть сам эмир.

При всей наивности реформистских идей Ахмади-Калла, они в условиях деспотического строя эмирата имели несомненно прогрессивный характер.

Распространение буржуазной идеологии. От подчинения Бухары царской России несомненно больше всего выиграла местная торговая буржуазия. Некоторые бухарские купцы заняли видное место в коммерческих предприятиях, особенно по торговле каракулем. Из среды бухарских евреев вышли крупные промышленные предприниматели Вадьяевы (владельцы 11 собственных и 20 арендованных хлопкоочистительных заводов), Пинхасовы и др. Эта новая бухарская буржуазия относилась отрицательно к феодальным порядкам и к возглавлявшему их эмиру. Именно из недр бухарского купечества вышли деятели, считавшие необходимым провести в ханстве ряд реформ, которые прежде всего способствовали бы развитию торговли.

Русское освободительное движение и революция 1905 г. вызвали в ханстве большое оживление, возбудили в угнетенных массах надежду на улучшение их положения. Введение в Иране в 1906 г. конституции произвело в Бухаре сильное впечатление. Еще сильнее потрясло правящие круги и духовенство Бухары и вызвало в их среде большую растерянность свержение с престола в 1909 г. высокопочитавшегося мусульманами халифа, турецкого султана Абдулхамида.

В связи с происходившими в Иране и Турции революционными событиями в ряде мест Кулябского и Хисарского бекств, в городах Кулябе, Шахрисябзе и Карши вспыхнули волнения, руководимые наиболее консервативными элементами и направленные, в основном, против „новшеств", как протест против событий в Иране и Турции и на поддержку ислама. По улицам и площадям указанных городов проходили шествия. В Кулябе бек вынужден был скрыться от толпы и спрятаться во дворце. Против толпы были посланы войска эмира. Власти овладели положением только через три дня.

Идеологами бухарской буржуазии и выразителями ее чаяний явились джадиды. Как и в остальных областях Узбекистана, джадидские организации возникали в связи с борьбой за новометодное образование.

Кроме организации новометодных школ, джадиды Бухары, подобно джадидам Туркестана, организовывали читальни и любительские театральные кружки. Вокруг новометодных школ стали группироваться отдельные лица из местной буржуазии и интеллигенции.

Редакции газет на таджикском языке „Бухара-и-шариф" и на узбекском языке „Туран", основанных бухарскими джадидами в 1913 г., сумели объединить вокруг себя часть буржуазной интеллигенции Бухары, установили связь с представителями партии младотурок, правое крыло которой стало к тому времени открыто реакционной организацией, управлявшей Османской империей при помощи террора и насилия. Тогда же в Турцию была послана группа бухарских джадидов для установления прочного контакта с младотурецкими лидерами. Многие татарские националисты являлись учителями в бухарских новометодных школах и поддерживали контакт с местными джадидами.

Наряду с борьбой за реформы в области просвещения джадиды допускали некоторую критику действий чиновников эмирата, самого эмира и окружающих его придворных, выступали против расхищения государственной казны и государственного имущества. Но оппозиция бухарских джадидов никогда не выходила из рамок строгой лойяльности в отношении главы государства. Идеальный политический строй мыслился джадидами в форме своего рода „просвещенного абсолютизма": свои надежды они возлагали на эмира-реформатора. „Справедливый эмир", по их мнению, мог перестроить жизнь народных масс на справедливых началах. „Я положительно могу утверждать, что справедливый эмир, обладающий светлым разумом, и его вазир, боящийся бога и благовоспитанный, могут прекрасно реорганизовать все это",—писал один из видных джадидов.

Волнения в Бухаре в 1910 г. В начале 1910 г. глухое брожение среди населения ханства вылилось в открытое выступление против главы эмирского правительства кушбеги Астанакула, мать которого происходила из Ирана. Кушбеги покровительствовал своим соплеменникам—иранцам и выдвигал их на административные посты; поэтому движение против высшей администрации ханства облеклось в форму религиозной борьбы между шиитами, к которым принадлежали иранцы, и суннитами, составлявшими большинство населения Бухары. Внешним поводом для столкновения послужило разрешение, которое дал кушбеги на открытое празднование в городе шиитского праздника Ашура, до тех пор допускавшееся только в границах иранского квартала. Во время прохождения процессии шиитов по главным улицам Бухары, суннитская толпа стала издеваться над обрядами „еретиков" и осыпала их насмешками. Разъяренные иранцы бросились на толпу. Во время этого столкновения был убит один бухарец. Тысячная толпа в сильном возбуждении собралась на Ригистане. Попытка разогнать ее не удалась Начался погром шиитов. Иранцы в страхе бежали в Новую Бухару под охрану русских войск. В тот же день по требованию Политического агентства, в Бухару из Самарканда были вызваны царские войсковые части, при помощи которых удалось приостановить погром. 11 января в городе наступило некоторое успокоение, однако вне города столкновения между суннитами и шиитами продолжались. Утром 12 января эмир вызвал в Бухару свои войска. Они заняли все улицы и площади города; тем не менее отдельные стычки продолжались в течение всего дня. 13 января в Бухару в сопровождении усиленного конвоя приехал наследник престола Мир-Алим. На Ригистане огромная толпа народа обратилась к нему с требованием

убрать Астанакула-кушбеги. Мир-Алим обещал удовлетворить эту просьбу.

Во время резни погибло около 500 бухарцев и иранцев; среди последних было несколько родственников кушбеги.

Эмир сместил кушбеги. Его обязанности временно стали исполнять чарджуйский и шахрисябзский беки. Устранены были также некоторые другие лица из администрации. Благодаря этим мерам, эмирскому правительству удалось несколько успокоить население Бухары. При содействии царского военного командования состоялось торжественное примирение суннитского и шиитского духовенства. Было объявлено об открытии базаров и лавок—верный признак наступившего успокоения.

Народное движение, происшедшее в январе 1910 г., независимо от его религиозной оболочки, объективно было направлено против произвола феодальных властей Бухары. Вместе с тем оно показало, что эмирский режим мог держаться только опираясь на штыки царских войск. Подводя итоги январским событиям, официальные „Туркестанские ведомости" справедливо заключали: „За полное спокойствие можно ручаться только пока в Бухаре находятся наши войска".

События 1910 г. свидетельствовали о начавшемся в Бухаре движении трудящихся против феодального гнета, проходившем пока под религиозным флагом. Борьба эта неизбежно должна была привести к борьбе с царизмом и насаждаемым им режимом колониального угнетения.

Политика царизма в отношении Бухары, сводившаяся к поддержке феодального строя в ханстве и к покровительству феодальной верхушке, резко противоречила интересам широких народных масс, искусственно задерживала развитие производительных сил и культуры страны.

§ 2. ХИВА

Договор 12 августа 1873 г. Отношения Хивинского ханства с царской Россией были несколько иного характера, чем с Бухарой, ввиду того, что все ханство было занято русскими войсками. Эта предпосылка была положена в основу „Условий мира с Хивою", предложенных командующим войсками, действующими против Хивы, Кауфманом и принятых хивинским ханом Сейид-Мухаммед-Рахим-Бахадур-ханом. В декларативной части мирных условий генерал Кауфман заявлял, что он „29 мая сего (1873) года вступил в г. Хиву и овладел всем ханством"; но что „присоединение вновь покоренной страны к Российской империи"... „не входит в виды царского правительства", поэтому он предложил удалившемуся тогда к туркменам законному владетелю ханства (Мухаммед-Рахим-хану) вернуться в столицу для принятия „утраченной власти и прежних прав". Вследствие этого приглашения хан прибыл в лагерь русских войск под Хивой и изъявил полную готовность исполнить все требования и принять те условия, которые будут ему предложены командующим войсками. Таким образом определялась полная капитуляция хивинского хана перед победителем, занявшим территорию его государства. По первому пункту условий мира хан признавал себя покорным слугою императора всероссийского. Он отказывался от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров, и обязался не предпринимать без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней

Азии, никаких военных действий. Иначе говоря, хивинский хан становился вполне зависимым вассалом русского царя. Из этого вытекали и последующие пункты мирного договора, определившие эту полную зависимость: отторжение от ханства правобережных, по Аму-дарье, земель „во владение России со всеми проживающими и кочующими там народами" (пункт 3); свободное и исключительное плавание по Аму-дарье русских судов с устройством на реке собственных пристаней (пункты 5—6); устройство русских торговых факторий на левом берегу реки, на территории ханства (пункт 7); открытие „всех вообще городов и селений Хивинского ханства" для русской торговли с освобождением русских купцов от платежа „всяких торговых повинностей" и с правом „беспошлинного провоза своих товаров через хивинские владения" (пункты 8—10); предоставление права русским подданным „иметь в ханстве недвижимое имущество, обложение которого поземельной податью должно осуществляться по соглашению с высшей властью в Средней Азии", т. е. с туркестанским генерал-губернатором (пункт 12); преимущественное право русских подданных перед хивинцами при разборе взаимных жалоб и претензий, причем „жалобы и претензии хивинцев на русских подданных, в том даже случае, если последние находятся внутри пределов ханства", должны были передаваться „ближайшему русскому начальству на рассмотрение и удовлетворение" (пункты 14—15); поимка и выдача преступников русских подданных, которые будут скрываться в пределах ханства (пункт 16); „освобождение всех невольников в ханстве" и „уничтожение на вечные времена рабства и торга людьми" (пункт 17).

С этого времени для Хивинского ханства наступила новая эпоха, в его внутреннюю жизнь вводились новые правовые и экономические отношения, во многом отличные от тех, которые сложились в соседнем Бухарском ханстве.

Территориальные изменения. Покорение Хивы царизмом несло за собою и территориальные изменения в его составе, оказавшие значительное влияние на ханство и на его феодальную экономику. Отторжение от Хивы всех земель по правому берегу Аму-дарьи, т. е. северной части ханства, со всеми проживающими и кочующими там народами, прибавляло к русским владениям в Средней Азии территорию в 76 000 кв. километров. Территория ханства после утраты этих земель составляла всего 62237,2 кв. километра. Согласно пункту 3 „Условий мира" царской России с Хивою от 12 августа 1873 г., участки земли на оккупированной территории, составляющие „собственность хана и жалованные им для пользования сановникам ханства", отходили в собственность русского правительства без удовлетворения каких бы то ни было претензий со стороны прежних владельцев; хану предоставлялось право вознаградить их за убытки землями на левом берегу. Иначе говоря, это должно было произойти за счет стеснения в землеводопользовании населения левобережной хивинской территории. Из отошедших к царской России земель в 1874 г. был образован так называемый Амударьинский отдел в составе двух приставств (Нукусского и Чимбайского), вошедший в Сырдарьинскую область. Во главе отдела был поставлен особый начальник, пользовавшийся несколько большими правами, чем уездные начальники Туркестанского генерал-губернаторства. Он же был тем лицом, через которое Ташкент сносился с Хивой. Таким образом, начальник Амударьинского отдела совмещал в себе функции начальника уезда и дипломатического представителя генерал-губернатора при хивинском хане. Если петербургским

сферам требовалось что-либо предложить хивинскому хану, то это делалось через туркестанского генерал-губернатора, а последний поручал начальнику Амударьинского отдела осведомить об этом хана. В г. Кунграте была поставлена казачья полусотня для поддержания порядка, ибо в этот пограничный город стекалось для торговли множество казахов и каракалпаков, ставших теперь русскими подданными.

Учреждение дивана. До учреждения должности начальника Амударьинского отдела, на первых порах после занятия Хивы генерал Кауфман назначил к Мухаммед-Рахим-хану для облегчения сношений с русскими властями, особый совет (диван), собиравшийся в одном из пригородных садов. В него вошли три русских офицера, хорошо знавших язык, диванбеги, михтар и один из родственников хана. Иногда присутствовал на заседаниях брат хана, Атаджан, находившийся до прихода русских в опале и содержавшийся под арестом по обвинению в заговоре против хана. Председательствовал в совете сам хан.

Освобождение рабов. Поставленный на обсуждение этого совета вопрос об освобождении рабов встретил много трудностей на пути своего разрешения. Невозможно было даже установить число невольников в ханстве. Хан на одном из заседаний совета прямо сказал, что числа рабов он не знает и их никто не считал, а каждый рабовладелец был полным и бесконтрольным их хозяином. Русским представителям в совете пришлось произвести поголовный опрос самих рабов из числа тех, которые целыми сотнями примкнули к русским отрядам. Таким способом, повидимому, удалось установить, что в ханстве общее число рабов достигало почти 40 тысяч человек, из них ранее освобожденных рабов было около 7 тысяч. Эти рабы, освобожденные в разное время до прихода русских, владели 2634 танапами земли, так что на каждого освобожденного раба приходилось немногим больше $^1/_3$ танапа. Рабы отпускались на свободу либо бесплатно в награду за долговременную и верную службу, либо за выкуп (от 50 до 300 малых червонцев, т. е. от 90 до 540 русских рублей). Освобожденные рабы в большинстве нанимались на полевые работы к частным лицам с оплатою в год от 18 до 54 рублей. Несмотря на изданный ханом, по предложению Кауфмана, указ об освобождении рабов, далеко не все рабовладельцы отпустили на волю своих невольников. Некоторые даже посадили их на цепь: днем их выводили на работу в поле, а ночью опять сковывали цепями и запирали в отдельном помещении.

Финансовые мероприятия. После заключения мирного договора с хивинским ханом туркестанские войска начали сниматься со своих лагерей и переправляться на правый берег Аму-дарьи; оренбургский и кавказский отряды также были отпущены обратно. Страна, и без того крайне бедная, долго не могла оправиться от результатов войны. Отход от Хивы правобережных земель нанес ханству большой экономический и финансовый ущерб. Предстояла уплата 2200 тыс. рублей контрибуции, в счет которой хан должен был уже к 1 декабря 1873 г. внести в русскую казну 100 тыс. рублей. Даже через двенадцать лет после событий 1873 г. проезжавший по ханству русский офицер генерального штаба находил, что „все узбекское население, начиная с Ильялов, представляется крайне бедным и забитым. Бедность и уныние царствуют повсюду. Ханские дома с садами в Ильялах и Ташаузе в крайнем запустении. Базары, кроме Ургенча, совершенно ничтожны, и в этом последнем, самом важном торговом пункте в ханстве, кроме предметов первой необходимости, почти ни-

чего достать нельзя. Жители одеваются грязно и бедно. Скот мелкой породы и тощий: лошади, даже у начальников, до крайности худы и плохи; одни и те же лошади служат для добывания воды из чигирей и для верховой езды".

Ханы пытались провести некоторые мероприятия, направленные к улучшению финансового положения ханства. Так, например, не нуждаясь больше в туркменских войсках,хан обложил предоставленные туркменам за их военную службу „аталычные" земли поземельною податью, которая получила название „салгыт-кесема"; ее платили те туркмены, которые владели землею на правах собственности, но не состояли на ханской службе. Подать составляла 12 золотых с каждого надела в 30 танапов, т. е. 72 коп. с танапа (столько же платило и население Амударьинского отдела). Безземельные туркмены, при наделе их казенной землей, уплачивали за нее подать (дахьяк) на общем основании. Оседлое узбекское население, сидевшее на головных частях оросительных каналов, стало менее рачительно чистить и держать в порядке оросительную сеть, обслуживавшую туркмен. Заставить же делать это самих туркмен хивинское правительство не решалось из опасения вызвать среди них серьезное недовольство. Вследствие этого, еще более усилились взаимные распри. Туркмены продолжали держать себя крайне независимо по отношению к хивинским властям. Для сбора податей хивинские сановники должны были ездить в туркменские степи с большим конвоем. Неоднократно туркмены производили набеги на оседлые районы Хивинского ханства. Бессилие ханского правительства против туркмен побуждало его обращаться за помощью к царскому правительству, которое и брало на себя роль карателя, расправляясь с подданными хана. Особенно сильное восстание туркмен-иомудов произошло в 1913 г. Возглавил восстание Мухаммед-Курбан-сардар, более известный под прозванием Джунаид-хан, из родовой группы джунаид, кочевавшей в Ташаузском округе, на границе культурной полосы и песков; он выдвинулся в качестве предводителя в мелких набегах против оседлого узбекского населения. Собрав значительное количество туркменской вольницы, Джунаид-хан двинулся с ней в 1913 г. в пределы культурной полосы Хивинского ханства. Хан вынужден был послать на подавление восставших пехоту и кавалерию. Восставшие туркмены возвели укрепления близ древнего города Измухшира, приспособив к обороне русло пересохшего канала. Только при помощи русской артиллерии ханским войскам удалось подавить восстание.

В целях пресечения злоупотреблений со стороны сборщиков дахьяка, по просьбе казахов и каракалпаков, была установлена кибиточная подать, так называемая чангарак, повидимому, по образцу русского покибиточного обложения в Амударьинском отделе. Зякат был одновременно заменен сбором чуб-пули (деньги за траву), взимавшимся только с тех, кто пас свой скот на казенных землях; такой же сбор был установлен и для туркмен (по 5 коп. с барана, по 15 коп. с верблюда). Общая сумма кибиточной подати для каждого из каракалпакских и казахских родов устанавливалась обыкновенно на три года, по истечении которых ханское правительство механически увеличивало сумму на 5%, считая, что за этот промежуток времени на каждые двадцать кибиток прибавилась одна лишняя за счет женившихся и выделившихся сыновей.

Ханская власть. В самой организации и внешней обстановке верховной власти сохранилось много пережитков патриархальности, унаследованной феодальным строем Хивы от кочевников и резко отличавшей обиход хивинского двора от бухарского. Пережитки коче-

вого быта выражались не только в том, что в куриниш-хане (в зале заседаний ханского совета) иногда раскладывался костер, как в кибитке, и что с первыми теплыми весенними днями хан приказывал ставить большую юрту из белого войлока у себя в саду, куда и переселялся на житье до зимы, но в частности и в том, что сохранялась старинная форма разбора самим ханом народных жалоб. Такое непосредственное решение ханом дела каждого просителя или жалобщика весьма выгодно отличало всем доступного хивинского хана от замкнутого в своем величии бухарского эмира.

Менее богатый, по сравнению с бухарским эмиром, хивинский хан, лишенный возможности щедро одарять петербургских сановников, только в 1902 г. получил титул „светлости", а впоследствии и „высочества", и далеко не пользовался в петербургских сферах таким влиянием, как бухарский эмир. У него не было в России ни дач, ни дворцов, он не ездил так часто на поклон к своему сюзерену-императору. Отношения хивинских ханов к эмирам Бухары были всегда враждебны: когда хан, или его наследник, или хивинское посольство следовали в Петербург или Ташкент, то они никогда не принимали приглашений бухарского правительства переночевать в эмирском доме в Новом Чарджуе, предпочитая провести ночь на пароходе.

Сношения Хивы с Афганистаном. В среде правящего класса Хивы не сразу исчезала надежда так или иначе свергнуть царское иго. Когда афганский эмир Абдуррахман упрочил свое положение, победив в междоусобной войне своего дядю Аюб-хана и взяв Кандагар и Герат, в Афганистан прибыл посол хивинского хана с письмом на имя эмира Абдуррахмана. В этом письме „покорный слуга императора всероссийского", Мухаммед-Рахим-хан, жалуясь на притеснения царского правительства и выражая покорность афганскому эмиру, призывал последнего на помощь против русских, предлагая совместные военные действия. Правитель Герата, Абдулкуддус-хан, приняв посла с полным почетом и уважением, послал привезенное им письмо Абдуррахман-хану. Последний, ознакомившись с его содержанием, фирманом от 15 ноября 1881 г. известил Абдулкуддуса, чтобы он получше обошелся с хивинским послом, но принял меры к тому, чтобы никто не узнал о его прибытии и о содержании привезенного им письма, „дабы скрытые дела не узнал кто-либо другой и не принял бы за благо их огласить. А если кто спросит об этом, пусть будет дан ответ, что по случаю взятия Герата, обычное дело, ближайшие соседи посылают с поздравлением послов и письма". Хивинскому хану и его сановникам был послан уклончивый ответ.

Мысль вернуть себе независимость не покидала хана и его ближайших соратников. Столкновение царских войск с афганцами на р. Кушке в 1885 г., вызвавшее живой отклик в Средней Азии, привлекло также весьма напряженное внимание хана и его двора. Тайно от начальника Амударьинского отдела, в Хиве следили за событиями на Кушке. Ежедневно из Мерва прибывали гонцы, привозя известия с театра военных действий, и при ханском дворе серьезно дебатировали вопрос о том, можно ли теперь начать борьбу с русскими, или нет. Вместе с тем, хан стремился расположить к себе русско-подданных мусульман, например, казахов Адаевского рода и других. Всех являвшихся к нему он одарял халатами и постоянно внушал им, что они обязаны его слушаться, потому что он единственный истинно мусульманский хан в Средней Азии.

Усиление экономических связей с Россией. Стремление феодалов к восстановлению политической независимости Хивинского ханства

было обречено на неудачу, так как объективные условия этому не благоприятствовали. Русский протекторат способствовал укреплению экономических сношений с Россией, а это со своей стороны укрепляло политические и культурные связи с нею. Проведение Закаспийской военной железной дороги в 80-х годах не коснулось непосредственно Хивинского ханства; тем не менее оно способствовало оживлению торговой деятельности ханства. Вместо снаряжения больших торговых караванов на Оренбург и Троицк, хивинские караваны направлялись теперь кратчайшим путем на Асхабад и через Усть-урт к заливу Цесаревича на Каспийском море, откуда товары шли морем в Астрахань; при этом фрахт оказывался неизмеримо дешевле, чем при прежних караванных путях. Вместе с этим судоходство по Аму-дарье давало возможность хивинским купцам сплавлять свои грузы до Чарджуя с перегрузкой их на железную дорогу. Это облегчалось тем, что все каючное (барочное) сообщение по Аму-дарье было в руках хивинцев. К девяностым годам XIX в. количество ввозимых и вывозимых по железной дороге товаров уже утроилось по сравнению с первыми годами функционирования дороги. Вследствие своего обособленного географического положения, ханство вело торговлю главным образом с Россией и ее владениями в Средней Азии и только в слабой степени с Бухарой. Из Хивы вывозились халаты, сушеные фрукты, шерсть, хлопок и пр.; в ханство же ввозилась русская мануфактура, стеклянная, фарфоровая и металлическая посуда, керосин, железо и другие товары.

С 1887 г., по инициативе московских фабрикантов, в Хиву были ввезены семена американского хлопчатника. Хотя американский хлопчатник и не вытеснил местных сортов, тем не менее перед первой мировой войной уже около двух третей хивинских хлопковых полей было занято американским хлопчатником. Чистая доходность с хивинского танапа, засеянного американским хлопком, и орошавшегося самотечной водой, выражалась в 40 рублей; если орошение было чигирное, то доходность снижалась до 25 руб. При культуре же местного хлопка доходность в первом случае составляла 23 руб. 90 коп., а во втором — 17 руб. 65 коп., т. е. была ниже на 40%.

В связи с развитием хлопководства, в Хиве возникали паровые хлопкоочистительные заводы с механическими двигателями; перед первой мировой войной их насчитывалось свыше 10. Часть очищенного хлопка в количестве нескольких десятков тысяч пудов оставалась в ханстве для местного потребления а главная масса хлопка, приблизительно 700 тыс. пудов в год, направлялась в Россию. С другой стороны, выгодный сбыт семян люцерны в Северо-Американские Соединенные Штаты, где люцерна употребляется как зеленое удобрение, вызвал расширение в ханстве посевов люцерны, [illegible] под которыми составила такое же количество, как и под хлопком. Получила значительное развитие и добыча соли самосадочной (в районе Питняка) и каменной (в 40 *км.* от Кунграта); ежегодная добыча ее в 1914—1915 гг. составляла, в среднем, 500 тыс. пудов. Соль также являлась предметом вывоза, главным образом в казахские и туркменские степи.

Приток русского капитала и известное оживление производительности страны и ее торговли повлекли за собою неизбежное устройство в хивинских городах ряда таких учреждений, которых они до того не знали. Так, в Новом Ургенче (одном из наиболее важных торговых центров ханства) появились оптовые склады русских торговых фирм и транспортные конторы, почтово-телеграфные отделения, казна-

чейство. Из хлопкоочистительных заводов заслуживал внимания по своему оборудованию завод Большой Ярославской мануфактуры.

Русская колонизация. Удаленность ханства от культурных центров Российской империи мешала наплыву в него предпринимателей и не вызывала особого желания у царского правительства насаждать там русские поселения и создавать свои правительственные учреждения, как это имело место в Бухаре. Вследствие этого общее число русских подданных, проживавших в Хивинском ханстве, по сравнению с Бухарским, было незначительно: по данным переписи 1897 г., в Хиве числилось 3.951 чел. русских, проживавших в основном в Новом Ургенче и отчасти в других городах. В силу своей малочисленности русские подданные не имели на территории ханства мировых судей, как в бухарских поселениях, а обращались со своими жалобами и претензиями к мировым судьям Амударьинского отдела. Дети их также обучались в школах Амударьинского отдела. Помимо этой незначительной, и в большей или меньшей степени случайной, группы русского населения, в Хивинском ханстве постоянно проживали уральские казаки-староверы и немцы-меннониты.

Попытка реформ. Проникновение в Хивинское ханство русского капитала не могло не оказать влияния на устройство государственного аппарата. После смерти в 1901 г. влиятельного ханского сановника, нелюбимого народом Мад-Мурада диванбеги, обязанности по управлению ханством были распределены Мухаммед-Рахим-ханом между несколькими приближенными членами ханского совета, который продолжал существовать, хотя и с более узкими функциями. Ханские сановники втягивались постепенно в торговые операции и начинали приобщаться ко всяким положительным и отрицательным „благам" буржуазной цивилизации.

Общее течение народной жизни в ханстве и его экономическое состояние оставались почти такими же,какими были при русском проникновении в Хиву в 1873 г., и население не испытывало такого интенсивного воздействия новых порядков и русского капитала, как в Бухаре.

* * *

Несмотря на проникновение на территорию Бухарского эмирата и в меньшей степени — Хивинского ханства русского капитала, феодальный строй обоих ханств за период царского протектората не подвергся сколько-нибудь серьезному изменению. Феодальная верхушка, опираясь на постоянную поддержку царского правительства, продолжала держать трудящееся население в рабстве и невежестве. Царизм не только поощрял в собственных интересах систему феодального произвола местных владетелей, но и активно поддерживал власть эмиров и ханов и не допускал никаких мероприятий по улучшению быта населения, видя в порабощении феодалами народных масс средство удержать их в повиновении. С другой стороны, царизм оказывал содействие русскому капиталу в деле экономической эксплоатации ханств. Таким образом, трудящееся население ханств оказывалось под двойным гнетом собственных и русских эксплоататоров.

Революционные события 1905 г. не получили широкого отклика в обоих ханствах.

Хивинское ханство на всем протяжении царского протектората почти полностью сохранило все основные черты отсталой феодальной страны с ее варварскими методами эксплоатации темных бесправных народных масс. Хива была и осталась наиболее отсталой в экономическом и политическом отношениях частью колониальной Средней Азии.

ЧАСТЬ
3

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВТОРОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ (1914—МАРТ 1917 гг.)

Источники. Период истории Узбекистана в годы первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. еще очень мало изучен. Многие вопросы, как например, история возникновения и развития большевистских организаций в Туркестане, рабочее и дехканское движение в этот период требуют дальнейшей глубокой разработки и изучения на основании архивных источников.

При составлении третьей части второго тома были использованы архивные источники, имеющиеся в Центральном государственном архиве Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), материалы, хранящиеся в рукописном отделе Института истории КП(б)Уз (филиал ИМЭЛ), в Ташкентском военном архиве, а также периодическая печать того времени, хранящаяся в Государственной публичной библиотеке УзССР. Многие ценные архивные источники, проливающие свет на некоторые важные события, происшедшие в Узбекистане в 1917 г., впервые использованы при составлении этого раздела.

Литература. По истории народов Узбекистана в годы мировой войны и второй буржуазно-демократической революции в России пока нет научных монографий. Вся литература по этому периоду ограничивается небольшими брошюрами и журнальными статьями, написанными без сколько-нибудь серьезного изучения архивных материалов и источников. В опубликованных брошюрах ряда советских историков (А. В. Шестакова, З. Д. Кастельской и др.), посвященных этому важному периоду, допускались серьезные методологические ошибки. Некоторые исследователи, занимающиеся изучением истории Средней Азии предреволюционного периода, находились под влиянием антимарксистских взглядов так называемой „школы“ М. Н. Покровского.

А. В. Шестаков в статьях, посвященных восстанию 1916 г. в Туркестане[1], рассматривал его исключительно как антиимпериалистическое движение, игнорируя антифеодальный его характер. Среди причин, вызвавших это движение, на первое место выдвигался „ситцевый империализм“ с его стремлением подчинить себе хлопковое хозяйство Узбекистана. Против этого „ситцевого империализма“ якобы и восстали трудящиеся массы колониального Узбекистана. А. В. Шестаков, указывая, что во время восстания 1916 г. во многих районах „феодальная и полуфеодальная верхушки, сохранившие связь с массами, возглавляли движение“, не объяснил причин этого и не вскрыл половинчатости и нерешительности тех феодальных элемен-

[1] А. В. Шестаков. Восстание в Средней Азии в 1916 г., „Историк-марксист“, 1926 г., № 2. А. В. Шестаков. 15 лет восстания в Средней Азии, 1930.

тов, которые примыкали к движению. В 1937 г. появилась брошюра З. Д. Кастельской „Восстание 1916 г. в Узбекистане"[1]. В ней автор переоценил степень проникновения капиталистических отношений в экономику предреволюционного Узбекистана и недооценил силы и прочности все еще господствовавших в колониальном Узбекистане феодально-патриархальных отношений. Это привело автора также к неправильной оценке восстания 1916 г., как исключительно антиколониального, антиимпериалистического движения.

Немногочисленные работы, посвященные истории национального движения в Узбекистане, имеют принципиальные ошибки в оценке характера национально-освободительного движения в крае в период от Февраля до Октября. Отдельные авторы утверждали, что до Февральской революции и в первый период после нее национально-освободительное движение в Узбекистане „по существу было единым", что якобы все классы местного населения колониального Узбекистана составляли единый фронт под гегемонией и руководством местной национальной, преимущественно узбекской буржуазии.[2]

В связи с неправильным пониманием характера и движущих сил национально-освободительного движения в крае в предреволюционные годы, некоторые историки давали ошибочную оценку роли и значения туркестанских и бухарских джадидов, изображая их как руководителей национально-освободительного движения[3]. Ряд авторов рассматривали джадидизм как последовательное революционно-демократическое движение, борящееся за свержение власти ханов и за буржуазные реформы в колониальном Туркестане, в Бухарском и Хивинском ханствах.[4] На этих ошибочных позициях в оценке джадидизма стоял и А. В. Шестаков. В популярных брошюрах более позднего периода[5] джадиды правильно рассматривались как идеологи зарождавшейся национальной буржуазии, не выступавшие за свержение власти среднеазиатских ханов и в ходе развития революции перешедшие в лагерь черной реакции, ставшие идеологами контрреволюционного буржуазного национализма и пантюркизма.

Серьезные ошибки допускались отдельными авторами в работах по истории Февральской революци 1917 г. в Узбекистане.

В этих работах содержались антиленинские, колонизаторские взгляды, утверждавшие, что якобы Февральская революция не имела в Узбекистане социально-экономических предпосылок и произошла только под влиянием революционных событий в центре России, а местные трудовые массы по существу стояли в стороне от революционной борьбы с русским царизмом.

Эти враждебные ленинизму взгляды, грубо извращающие действительный ход революционных событий 1917 г. в Узбекистане, роль местных рабочих и трудовых дехкан, участвовавших под руководством

---

[1] З. Д. Кастельская. Восстание 1916 г. в Узбекистане, Ташкент, 1937.

[2] П. Алексеенков. Что такое басмачество. Ташкент, 1936. стр. 39.

[3] Е. Федоров. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии, Ташкент, 1925; Г. Туркестанский. Кто такие были джадиды, Ташкент, 1926; Г. Скалов. Хивинская революция 1920 г., „Новый Восток", 1923, № 3; С. Айни. Материалы по истории революционного движения Бухары, Москва, Центроиздат, 1926. (на узб. языке).

Силонов. Февральская революция в Средней Азии, ж. „Коммунистическая мысль", 1927, № 3.

[4] П. Алексеенков. Кокандская автономия, Узгиз, Ташкент, 1931.

[5] К. Житов, В. Непомнин. От колониального рабства к социализму, Ташкент, 1939.

большевиков в свержении власти царизма, были подхвачены в свое время врагами народа—троцкистами и буржуазными националистами.

Литература, посвященная анализу влияния Февральской революции на Бухарское и Хивинское ханства, также чрезвычайно бедна. Утверждение некоторых авторов, что Февральская революция не оказала никакого влияния на народную жизнь обоих ханств и прошла там совершенно „незамеченной", разумеется, не выдерживает серьезной критики[1].

Таким образом, опубликованная литература по истории Узбекистана в период мировой войны и Февральской революции 1917 г. не только бедна количественно, но изобилует ненаучными антимарксистскими определениями и выводами.

Основным руководством для составления этого раздела истории Узбекистана, прежде всего, служат произведения классиков марксизма-ленинизма. В трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина содержится глубокий анализ положения России и национальных окраин в период первой мировой войны и Февральской революции, развития национально-освободительного движения угнетенных народов царской России.

Произведения классиков марксизма-ленинизма, относящиеся к Февральской революции 1917 г. в России, а также „Краткий курс истории ВКП(б)"и „История гражданской войны в СССР" (тт. I—II) были широко использованы при написании третьей части настоящего тома Истории народов Узбекистана".

---

[1]. И. Колычевский. Бухара, „Военная мысль", Ташкент, 1920, № 1; Г. Скалов. Национальный вопрос в хивинской революции, „Новый Восток", 1922, № 6—7; А. Виноградова. Хорезмская Советская народная республика, „Жизнь национальностей", М., 1923, № 1.

ГЛАВА XVII

УЗБЕКИСТАН ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 г.

§ 1. УЗБЕКИСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, русский капитализм все более проникал в экономику Туркестана, втягивал его в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности, расширял рынок для своих фабрик и заводов. Туркестан специализировался на производстве сельскохозяйственной продукции, служившей сырьем для промышленности метрополии. Усилия русского капитала были направлены к тому, чтобы специализировать Туркестан, прежде всего, на производстве хлопка. Сельское хозяйство все более становилось товарно-денежным, однако производственные методы его ведения оказались прежними. Русский царизм сознательно культивировал здесь „патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве"[1]. Дехканские массы бесчеловечно эксплоатировались местными помещиками, баями, ростовщиками. Товарно-денежные отношения ускоряли процесс классовой дифференциации в кишлаке. Лучшие земли сосредоточивались в руках помещичье-байской верхушки. На другом полюсе происходил процесс обнищания дехканства. Система чайрикорства, байской кабалы, самые отсталые приемы и методы ведения сельского хозяйства тормозили политический и культурный подъем дехканства.

Проникновение русского капитализма в экономику Туркестана, рост товарно-денежных отношений в хозяйстве вели к образованию узбекской буржуазии в городе и кишлаке. Она тесным образом была связана с русским (и отчасти иностранным) капиталом, с царской администрацией, с одной стороны, и местными феодально-байскими элементами, с другой. Их объединяло стремление еще более усилить эксплоатацию трудящихся масс городов и кишлаков, подавить какой бы то ни было протест и движение против феодально-капиталистической эксплоатации. Это был единый фронт русских помещиков и капиталистов, с одной стороны, и местных феодалов и узбекской буржуазии, с другой. Разумеется, между ними были и противоречия. Часть узбекской буржуазии, особенно промышленной, стремилась к экономической и политической независимости, она хотела целиком воспользоваться плодами эксплоатации местного населения. Однако эта оппозиция царскому режиму и русской империалистической буржуазии была крайне половинчатой, непоследовательной, робкой. Узбекская буржуазия больше боялась „своих" рабочих и дехкан, чем царизма и русской буржуазии.

Рабочие и дехкане Узбекистана находились под двойным гнетом эксплоатации—царского самодержавия и „своих" феодалов, ростовщи-

[1] И. Сталин Соч., т. IV, стр. 356.

ков. Местное дехканское население и городская беднота были кровно заинтересованы в его ликвидации, в уничтожении царского режима. Война 1914—1918 гг. с большой силой обнажила и обострила классовые противоречия в колонии царизма—Туркестане.

Война 1914—1918 гг. привела к значительному подрыву экономики края, базировавшейся на отсталом сельском хозяйстве. Начиная с 1916 г., стали сокращаться посевные площади и урожайность основной культуры сельского хозяйства Туркестана—хлопчатника. К 1917 г. площадь под посевами хлопчатника сократилась более, чем на 20%. С началом войны прекратился ввоз в Россию заграничного хлопка. Между тем, потребность в нем значительно возросла. Русские хлопчатобумажные фабриканты стремились стабилизировать цены на хлопок и, опираясь на поддержку царского правительства, добились установления твердых цен на заготавливаемый хлопок. В Москве был создан „Комитет для заведывания снабжением сырьем хлопчатобумажных фабрик" с правом устанавливать нормированные цены на хлопок. Цена, установленная Комитетом, повысилась по сравнению с 1913 г. лишь на 50%, но за это же время цены на хлеб увеличились на 100%, а к 1916 г.—на 400%.

Дехкане—производители хлопка—были возмущены установлением нормированных цен. Началось массовое уклонение от сдачи хлопка. Фабриканты вынуждены были при покупке хлопкового сырья приплачивать некоторые дополнительные премии к твердым ценам, действовавшим в течение двух лет. Разрыв между ценами на хлопок и хлеб вел к обнищанию дехканских масс, к росту их зависимости от феодала, бая, ростовщика, от русских фабрикантов. Многие дехканские хозяйства вынуждены были продавать за бесценок свои клочки земли. Особенно тяжелым для хлопководства Узбекистана был 1916 год. „Громадное количество хозяйств должно было совершенно ликвидироваться, очень многие производители лишились своих участков земли, так как они пошли с молотка за неуплату по долгам фирмам".

Узбекистан жил на привозном хлебе. Между тем, подвоз хлеба из Оренбургской губернии и с Северного Кавказа становился все более затруднительным, а к концу 1916 г. почти прекратился совершенно. Население голодало.

В несколько раз поднялись цены на другие предметы питания (рис, мясо, сахар, жиры), на обувь и мануфактуру. Резко упал бюджет семьи дехканина и городской бедноты. Торговцы же и спекулянты наживали огромные состояния. Тяжесть войны была перенесена на трудящиеся массы.

Дороговизна увеличивалась также и под влиянием роста налогового бремени и возросших сборов на нужды армии. У населения отбирали лошадей, реквизировали упряжь, повозки. Сбор „добровольных" пожертвований на нужды войны превратился в средства обогащения старшин, волостных управителей, участковых приставов, уездных начальников и других чинов местной и русской администрации.

Трудовые массы Узбекистана эксплоатировались не только царскими чиновниками, русскими капиталистами, ханами и местной буржуазией, но и иностранным капиталом. Особенно видную роль в этом деле играли немецкие фирмы. Германский разбойничий империализм в своем стремлении к мировому господству еще задолго до войны 1914—1918 гг. протягивал свои щупальцы к территории Средней Азии и Узбекистана. Проникновение в Среднюю Азию германского капитала особенно возросло накануне первой мировой войны. Немецкий капитал стремился укрепить свои позиции, прежде всего, в хлопковом хозяйстве. Когда

началась война, немецкий барон—коммерсант Кнабе, для скрытия своего немецкого происхождения, реорганизовал свой торговый дом в акционерное общество под названием „Волокно". Затем он скупил $^4/_5$ паев известного „Потеляховского товарищества" и стал его фактическим хозяином. Скрываясь за этой фирмой, Кнабе зверски грабил и обирал узбекских дехкан-хлопкоробов.

В Туркестане действовала и германская фирма „Дюршмидт", которая монополизировала торговлю кишками, получая на этом огромные прибыли. Немецкие предприниматели в Узбекистане прибрали к своим рукам и транспортно-экспедиционные операции. Образовалась немецкая фирма „Общество транспортирования кладей с товарных складов и выдачей ссуд Гергард и Гей". Во время первой мировой войны это „Общество" сменило вывеску на „Русское транспортное общество". Фирма явилась широким рассадником шпионажа. В горнодобывающей промышленности свил гнездо немецкий предприниматель Карл Барон. Он орудовал в „Товариществе Вербов и К°". Так же беззастенчиво действовали и другие, пробравшиеся в Узбекистан, немецкие предприниматели (Мейеркарт, Крафт, Зальм и др.).

§ 2. УСИЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОССТАНИЕ В 1916 г.

Возросший в годы первой мировой войны в Узбекистане феодально-буржуазный и национальный гнет усиливал классовую борьбу и национально-освободительное движение. Обострившиеся классовые противоречия расшатывали колониальный режим, ускоряли приближение его кризиса и гибели. В первые месяцы войны Ленин писал: „Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры"[1]. Протест против национально-колониального гнета и эксплоатации принимал разнообразные формы. Дехкане основной хлопководческой области — Ферганской— выражали свое возмущение нормированными ценами на хлопковое волокно, дороговизной, поборами на нужды войны. В Самаркандской и Сырдарьинской областях наблюдалось обострение отношений между местным населением и царской администрацией. Население возмущалось орудовавшими в Сырдарьинской области всякого рода дельцами, зарабатывавшими громадные состояния на всевозможных авантюрах, связанных с поставками для армии, строительством оросительных каналов в Голодной степи и т. д.

На почве дороговизны в конце 1915 г. и в начале 1916 г. во многих городах Узбекистана вспыхнули волнения. В г. Ташкенте происходили так называемые „бабьи бунты". Женщины разбивали продовольственные магазины и лавки. Для их разгона были вызваны полиция и войска.

В сельских местностях трудовое дехканство и кишлачная беднота нападали на волостных управителей и баев, громили конторы хлопкоочистительных заводов. Росло количество так называемых, по терминологии царской администрации, „преступлений против порядка управления". У мировых судей скопилось большое количество дел, свидетельствовавших о росте недовольства местного населения хозяйственной разрухой, дороговизной.

---

[1]. В. И. Ленин. Соч., т. XVIII стр. 63.

Кульминационным пунктом национально-освободительного движения народных масс колониального Узбекистана в предреволюционные годы было восстание в 1916 г.

Массовое революционное движение русского пролетариата против царизма создавало благоприятные условия и для развития национально-освободительного движения колониальных окраин России. Сливались, таким образом, два потока движения — в центре и на окраинах. Российский пролетариат и большевистская партия всячески поддерживали национально-освободительную борьбу угнетенных народов. С другой стороны, русский пролетариат находил в своей борьбе с царизмом и буржуазией „массовое сочувствие... на Востоке, среди угнетенных народов."[1]

Восстание 1916 г. в Узбекистане явилось составным звеном в цепи многих национально-освободительных движений эпохи империализма. И хотя оно и закончилось поражением, но было чувствительным ударом по русскому военно-феодальному империализму.

Предпосылки восстания 1916 г. Мобилизация населения Узбекистана на тыловые работы. Непосредственным поводом к восстанию был царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве местного населения на тыловые работы. По Положению 1886 г., местное узбекское население освобождалось от несения воинской повинности. Законом от 23 июня 1912 г. это положение было подтверждено. Лишь туркмены-джигиты добровольно служили в нерегулярной коннице. Летом 1916 г. вопрос о воинской повинности для коренного населения Средней Азии получил своеобразное разрешение: местное население призывалось не в войска, а в особые рабочие дружины на тыловые работы. Согласно царскому указу, на тыловые работы призывалось мужское население в возрасте от 19 до 31 года, в количестве свыше 200 тыс. человек. Основная масса призывников падала на области современного Узбекистана.

Царский указ был полной неожиданностью не только для местного населения, но и для царской администрации края. Очень скоро выяснилась полная ее неподготовленность к проведению мобилизации. Не было посемейных списков населения, отсутствовала регистрация населения по возрасту. Положение усугублялось еще тем, что указ был получен в самый разгар полевых сельскохозяйственных работ. Одновременная мобилизация большой массы работоспособного мужского населения грозила срывом уборки урожая и сельскохозяйственных работ вообще.

Спешно стали составляться списки „реквизируемых" на тыловые работы. Для успокоения населения царские власти обманно обещали, что мобилизуемые будут находиться на тыловых работах не более трех месяцев, а их семьи будут обеспечены всем необходимым. При составлении списков возраст призываемых определялся „на глазок". Представители местной низовой администрации — аксакалы, мирзы, волостные управители — превратили наряды военных губернаторов в источник наживы. Широкие размеры приобрело взяточничество. Поборы с местного населения и злоупотребления достигали огромных размеров. Сыновья богачей откупались. На тыловые работы „реквизировалась" узбекская беднота. Многие семьи бедняков лишались единственных кормильцев. Мобилизация на тыловые работы была исключительно непопулярна среди трудящихся Узбекистана и вызывала сильнейшее недовольство. „Среди узбеков в окрестных г. Са-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1930, стр. 78.

марканда кишлаках,— отмечалось в одном из донесений,— идут сильные волнения и происходят избиения аксакалов при производстве переписи населения. Почти все туземцы говорят, что лучше им быть убитыми здесь, чем итти на войну. В низших классах распространены слухи, что якобы богатые туземцы, давая взятки от 1000 до 5000 рублей, освободятся от призыва на службу. В день объявления о переписи туземцев, на площади у мечети Ригистан при массе молящихся, чиновники-туземцы Областного правления стали разъяснять населению, что если отцы не будут давать своих сыновей на войну, то их всех расстреляют из пулеметов, на что молящиеся не ответили".

Возбуждение и недовольство среди населения продолжали нарастать и перешли в озлобление, когда 11 июля 1916 г. из Петрограда последовало дополнительное разъяснение о полном освобождении „некоторых инородцев от реквизиции по должности, роду занятий и образованию". Представлялась возможность вполне открыто, „законно" освободиться от набора за выкуп: любой богач мог нанять вместо себя другое лицо, только той же национальности.

Мусульманское духовенство, купцы, баи и другие представители эксплоататорской верхушки широко использовали это разъяснение для уклонения от мобилизации. Появилось большое количество кабальных договоров по найму бедняков на тыловые работы. Туркестанская охранка доносила: „Среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствие распространившегося слуха, что состоятельным туземцам предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по набору в команды для окопных работ. В чайханах и тому подобных заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится с богачами".

Начало восстания 1916 г. „Крупные беспорядки" не заставили себя ждать. В начале июля 1916 г. началось восстание. 4 июля в г. Ходженте городская беднота и пригородные дехкане, кустари и чайрикоры стихийно собрались на демонстрацию протеста против набора на тыловые работы. В ней участвовало до 3 тыс. человек, в том числе много женщин. В полицейских, пытавшихся разогнать демонстрантов, полетели камни, и они вынуждены были скрыться в помещении. На помощь полиции подоспели из крепости патрули солдат, открывшие стрельбу по демонстрантам. Среди повстанцев было двое убитых и один раненый. Город был объявлен на военном положении.

Весть о событиях в Ходженте с быстротой молнии облетела весь Туркестан. В Ташкент генерал-губернатору поступали тревожные донесения военных губернаторов областей: восстание ширилось, захватывая новые волости, уезды и области. В день ходжентских событий население Кулькурганской волости Каттакурганского уезда Самаркандской области поклялось убить своего волостного управителя, народного судью и всех других царских чиновников. 4 июля в кишлаке Костакоз Ходжентского уезда той же области восставшие ворвались во двор управителя и избили его. 5 июля на ст. Куропаткино произошло, по свидетельству источника, столкновение „между нижними чинами проходившей батареи и сартами, собравшимися на базаре". В этот же день выступило население гор. Ургута Самаркандской области. В базарный день 2000 человек повстанцев напали на сельского старшину Зияева, отобрали и уничтожили списки призываемых на тыловые работы.

9 июля в кишлаке Газы-яглык Кокандского уезда восставшие убили волостного управителя, его писаря и джигита. Для подавления восстания сюда был вызван наряд полиции и воинский отряд в 25 человек.

В тот же день в г. Андижане (в старом городе) уездный начальник собрал местное население в мечети для объявления собравшимся „высочайшего повеления". Толпа волновалась. Многие—среди них студенты местных медресе—кричали, что итти на военную службу не желают. Из мечети население устремилось в новый город. Навстречу ему были двинуты полиция и казаки. Войсковые части открыли огонь. Восставшие пустили в ход камни, палки, кетмени. Среди восставших, по словам очевидцев, было трое убито и 22 ранено. К суду было привлечено 119 наиболее активных участников выступления.

В Старом Маргелане 10 июля утром на городской площади собралась огромная толпа городской бедноты. Представители местной власти пытались прочесть указ царя, но народ не дал им говорить. Полицейские хотели оцепить толпу. Раздались выстрелы. Народ бросился на полицейских с палками и камнями. Были убиты один аксакал, три мираба и один городовой.

В Наманганском уезде зарегистрировано шесть случаев „демонстративных скопищ"; в 19 селениях были уничтожены мобилизационные списки и подверглись избиению представители местной администрации. 11 июля утром в старом городе Намангане собралась огромная толпа, требовавшая прекратить составление списков. В толпе находилось много женщин. Вызванная полурота солдат открыла по восставшим пулеметный огонь. Повстанцы отхлынули, но собравшись вновь, стали призывать солдат—перейти на сторону народа. Были попытки разоружить солдат. Из числа восставших было убито 12 и ранено 38 человек.

11 июля в гор. Самарканде несколько сот местных жителей, собрались у дома военного губернатора и просили отменить мобилизацию или отложить ее до конца полевых работ.

Восстание в Ташкенте. 11 июля поднялась городская беднота и рабочие старого города Ташкента. Непосредственным поводом к восстанию явилось увеличение по Ташкенту наряда на тыловые работы: вместо первоначально установленной цифры в 7 тысяч человек, наряд был увеличен до 12 тысяч. Это означало, что каждые два дома должны были дать по одному призывнику. Большая толпа женщин собралась перед управлением полиции. Позади женщин стояли мужчины. Женщины гневно кричали: „Рабочих не дадим—лучше умереть". Вышедший к собравшимся полицеймейстер Мочалов начал осыпать собравшихся бранью и отдал полицейским распоряжение—стрелять. В это время старая узбечка Ризван-биби Ахмеджанова сорвала с себя паранджу и крикнула: „Не дам сына, лучше убейте меня". Палач-полицеймейстер собственноручно застрелил безоружную женщину. Полицейские открыли стрельбу. Было убито шесть и ранено семь человек. Толпа сломала решетку и с криками „Бей полицию",—хлынула к зданию полиции, где засели казаки и полицейские. В окна полетели камни. Осада здания продолжалась два часа. Только войсковым частям удалось оттеснить повстанцев и подавить выступление.

Восстание в старом городе Ташкента явилось толчком для выступлений трудящихся Ташкентского уезда. Население Тойтюбинской, Пскентской и Кенджигалинской волостей единодушно заявило, что оно не будет выполнять нарядов на тыловые работы. В Тойтюбинской

волости около 1000 жителей собралось 13 июля на волостной сход и заявили об отказе выполнять наряд. В Ташкентский уезд был послан карательный отряд, начальник которого подполковник Афанасьев, предавая огню кишлаки, без суда и следствия расстреливал „бунтовщиков".

18 июля весь Туркестанский край был объявлен на военном положении. Царь Николай, учитывая серьезность положения, дал согласие на предоставление командующему войсками Туркестанского военного округа на время действия в округе военного положения прав главнокомандующего.

Джизакское восстание. Кульминационным пунктом восстания 1916 года в Узбекистане было начавшееся 13 июля знаменитое Джизакское восстание. В этот день в старом городе Джизака представителям местного населения был объявлен указ о мобилизации. Уполномоченные по призыву обязаны были в десятидневный срок доставить требуемое количество рабочих. Срок прошел, но мобилизация не была проведена. Тогда уездный начальник Рукин созвал в мечети собрание населения старого города и обратился к собравшимся с угрозами: „Я предупреждаю вас, что если вы окажете сопротивление правительству, то я сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей". Население решило послать представителя в Ташкент и узнать, как проходит там мобилизация. Был послан весьма авторитетный среди местного населения ишан Назир-ходжа Абдусалямов.

„Туземцы знали о поездке ишана Назир-ходжа в Ташкент,—говорилось в обвинительном акте по делу о восстании в Джизаке,—и ожидали с большим нетерпением его возврата". Назир-ходжа „вернулся и торжественно был встречен толпой". Им привезено было известие, что в Ташкенте в связи с набором тыловых рабочих возникли беспорядки и что набор отменен до окончания мусульманского поста „ураза" (17 июля). Назир-ходжа стал призывать население к тому, чтобы отбирать у местной администрации списки мобилизованных. Все дали обещание «крепко, до самой смерти» стоять на этом. Ишан Назир-ходжа был провозглашен джизакским беком.

Под его предводительством 18 июля вооруженная чем попало большая толпа жителей старого города Джизака устремилась в район нового города. Навстречу ей вышли Рукин, старший аксакал Юлдашев, пристав и переводчики. Все они были перебиты, а их трупы „разорваны на части".

Прибывший на место событий карательный отряд открыл огонь. Было убито 11 человек. Восставшие отступили, но и карательный отряд отошел к новому городу, ожидая подкрепления. Подняв на ноги все население старого города, восставшие устремились на линию железной дороги, порвали провода, подожгли на станции баки с нефтью, разрушили рабочие казармы и другие станционные постройки. Около станции Ломакино, при участии железнодорожных рабочих-узбеков, повстанцы стали разрушать железнодорожные мосты, разбирать путь, рвать телеграфные провода. Станции Обручево, Куропаткино и Ростовцево подверглись такому же разгрому. Около 3 тысяч повстанцев направились к гор. Самарканду. Было сожжено шесть железнодорожных мостов; между станциями Урсатьевская и Джизак был разрушен путь, прервана телеграфная связь с центром. „Вспыхнувшее в Джизаке восстание,— указывалось в обвинительном акте—быстро распространилось по всему Джизакскому уезду; всюду почетными туземцами объявлялась священная война против русских".

В кишлаках Джизакского уезда был провозглашен поход в помощь населению г. Джизака. Во главе повстанцев встали выдвинутые ими „народные беки", среди них названный выше ишан Назир-ходжа и Абдуррахман Абдуджабаров, прозванный Абдуррахман-джевачи. Перед походом было проведено совещание беков. „Решено было,—отмечалось в официальном царском документе,—объявить священную войну; итти, собрав полчища туземцев, в поход на Джизак, отвоевать его у России, образовать самостоятельное бекство во главе с избранным из их среды беком". Лозунг священной войны был навязан восставшим представителями местных феодальных и буржуазных элементов. Восстание продолжало расширяться. Все волости Джизакского уезда пылали в огне восстания. Повстанцы убивали полицейских, волостных управителей, аксакалов, пятидесятников, уничтожали списки призываемых, громили канцелярии. Посланный на усмирение восстания карательный отряд подполковника Афанасьева не мог справиться с повстанцами.

Подавление восстания. Восстание приняло такие размеры, что туркестанский генерал-губернатор вынужден был направить в Джизакский уезд новую карательную экспедицию во главе с полковником Ивановым. Ему было предписано проявить „железную твердость, решительность и беспощадность". В данной Иванову инструкции подчеркивалось: „карательные действия должны заключаться в применении к главным головорезам телесных наказаний и оружия до уничтожения селений восставшего населения". Тринадцать рот солдат при шести орудиях, три сотни казаков и три роты сапер двинулись в Джизакский уезд.

Перед лицом такой крупной воинской силы повстанцы Джизака вынуждены были приостановить наступательные действия. Повстанческие отряды стали расходиться по кишлакам. Часть ушла в горы, стремясь перейти горный перевал и скрыться в Бухаре или в Афганистане.

Карательный отряд полковника Иванова жестоко расправился с населением Заамина, а затем и Фариша, куда бежал ишан Назир-ходжа. Оба селения были преданы огню.

21 июля 1916 г. произошла последняя схватка повстанцев Джизака с царскими войсками в селении Клыч.

Джизакское восстание охватило большие массы населения. „Беспорядки в Джизакском уезде,—писал впоследствии генерал-губернатор Куропаткин в рапорте на имя царя,—приняли форму открытого восстания".

По Джизакскому „делу" было арестовано около 1000 человек, из них отдано под суд 151 чел., приговорено к повешению 84 чел.; многим из них была снижена мера наказания. Генерал-губернатор, с целью возмездия „за убийство русских людей", распорядился: отобрать 800 десятин земли у туземного населения гор. Джизака, 400 десятин у населения Заамина, 200 десятин у населения Качерма, 400 десятин у населения Паукент-базара и 10 десятин у населения кишлака Янги. Всего по Джизакскому уезду было отобрано у местного населения 1810 десятин лучшей земли. По выражению генерал-губернатора Куропаткина, „население было приведено к покорности".

Итоги. Восстание 1916 г. в Узбекистане было массовым народным движением, направленным против гнета российского военно-феодального империализма и его агентуры среди господствующих классов местного населения. Значение этого восстания выходит за рамки

Узбекистана и Средней Азии. Оно явилось серьезным ударом по царизму и ослабило силы российского империализма. Восстание вооружило народы Узбекистана опытом борьбы против царизма и повысило их национальное и классовое самосознание.

Главная масса участников восстания состояла из дехканства и городской бедноты. Из 872 человек, осужденных по делу восстания 1916 г., свыше 90% приходилось на середняцко-бедняцкую часть кишлачного населения. Активную роль в восстании играли сельскохозяйственные рабочие-батраки. Принимали участие в восстании и железнодорожные рабочие-узбеки, рабочие хлопкоочистительных заводов, рабочие-узбеки ташкентского трамвая. Движение 1916 г. поддерживала значительная часть местной узбекской интеллигенции, недовольной режимом царских колонизаторов и местных феодалов.

К восстанию примкнула и часть мусульманского духовенства, а также и отдельные представители местной феодальной верхушки, пытавшиеся взять в свои руки руководство восстанием. Местные господствующие классы стремились добиться от царизма лишь некоторых уступок и не ставили в этой борьбе решительных целей. Их представители трусливо оглядывались на рост народного движения, могучий поток которого с самого начала перепугал не только узбекских феодалов, но и местную узбекскую буржуазию и ее идеологов—джадидов.

Джадиды, как выразители интересов узбекской буржуазии, сыграли в восстании 1916 г. предательскую роль. По обнародовании царского указа о наборе на тыловые работы, они выступили активными помощниками военных губернаторов. На страницах своих газет и устно они вели среди местного населения агитацию за посылку рабочих на тыловые работы, за выполнение царского указа. Джадиды возглавляли даже некоторые „Комитеты содействия по набору на тыловые работы", а в Ташкенте они устраивали верноподданнические демонстрации перед домом туркестанского генерал-губернатора.

Подлинной движущей силой восстания 1916 г. в Узбекистане являлись дехканские массы кишлака и городские рабочие, ремесленники и мелкие торговцы.

Главным лозунгом восстания была борьба за свержение власти царских колонизаторов. По словам генерал-губернатора Куропаткина, „взбунтовавшиеся туземцы" Джизакского уезда кричали, что они не хотят быть больше царскими подданными. Самаркандский военный губернатор Лыкошин доносил, что беспорядки во вверенной ему области „вылились в форму открытого восстания против русского правительства".

Восстание было направлено не только против колониального гнета царизма, но и против его местной агентуры. Повстанцы уничтожали как царских колонизаторов, так и представителей царской администрации из местных людей—аксакалов, старшин, пятидесятников, мирабов, влиятельных баев и других верных слуг царизма.

Восстание в 1916 году народных масс Узбекистана нанесло сильнейший удар по колонизаторскому режиму в крае. Оно подняло политическую активность трудящихся местных национальностей и способствовало размежевке классовых сил. Местные господствующие классы еще более сблизились с царизмом и русской буржуазией.

Восстание 1916 года облегчило победу в Туркестане Февральской буржуазно-демократической революции.

Тактика восстания 1916 г. была типичной для крестьянских движений. Борьба носила локальный, разрозненный характер. Восставшие

обычно не выходили за пределы своего кишлака, волости. Отдельные попытки объединить в восстании усилия нескольких волостей, как это было в Джизаке и в пригородных волостях Ташкента, успеха не имели. Повстанцы громили местные канцелярии, убивали „своих" аксакалов, старшин и баев, уничтожали „свои" списки призываемых. Они не могли возвыситься над местными и провинциальными интересами. Для этого им нехватало организующей и направляющей силы, ясно сознающей цели движения и средства борьбы. Такой силой является промышленный пролетариат. В восстании 1916 г. он участия почти не принимал в силу ряда причин, одной из которых был разгром в Туркестане в период мировой войны рабочих организаций.

Восстание 1916 г. было самым продолжительным и самым сильным из всех восстаний в Средней Азии в колониальный период. Для его подавления царская администрация вынуждена была двинуть 14 батальонов пехоты, 32 сотни казаков при 42 орудиях и 69 пулеметах.

По делу восстания 1916 г. царскими властями привлечено было свыше 3 тысяч человек. Дела оформлялись с молниеносной быстротой. При допросах обвиняемых пытали, жестоко избивали, вымогая „признания". К смертной казни были приговорены 347 человек, в том числе Назир-ходжа Абдуссалямов, Абдуррахман-джевачи, Рахман-Джейнак Абдурасулев, Мулла Мухаммед-Рахим, Мулла Абдурахимов, Садыков, Худай-Берды Юсупов, Туракул Турабеков, Хайдар Хусаинов, Хайдар Юлдашев и другие видные руководители восстания. К разным срокам каторжных работ было приговорено 168 человек, в арестантские роты сослано 228 человек и к тюремному заключению приговорено 129 человек. Всего было осуждено 872 человека. После смягчения приговоров были казнены 51 человек. Царизм беспощадно расправился с восстанием 1916 г. в Узбекистане, со стремлением узбекского народа сбросить ярмо национально-колониального гнета.

Несколько месяцев спустя, победила Февральская буржуазно-демократическая революция. Царизм рухнул под ударами рабочих, крестьян и солдат России. В подготовке его крушения была доля усилий и узбекских повстанцев 1916 г. Кровь, пролитая ими, не пропала даром. Рухнув в центре Российской империи, власть царизма была погребена и в Средней Азии.

ГЛАВА XVIII

УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1917 г.)

§ 1. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ. БОРЬБА ЗА ЛИКВИДАЦИЮ УЧРЕЖДЕНИЙ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

27 февраля 1917 г. усилиями рабочих и солдат, руководимых партией большевиков, была свергнута в Петрограде власть царизма. Державшаяся веками царская монархия рухнула в течение нескольких дней. Власть в России перешла из рук крепостников-помещиков в руки победившей буржуазии. Возникшее в первые дни революции буржуазное Временное правительство представляло интересы „нового класса" обуржуазившихся помещиков и русских капиталистов.

Вслед за победой в Петрограде революция победила во всей России. С некоторым запозданием победила она и в Узбекистане.

В первые же дни Февральской революции появились Советы. Идея Советов жила в сознании рабочих масс со времени революции 1905 г., поэтому свержение власти царизма в 1917 г. сопровождалось созданием Советов; „...в 1905 г. были созданы Советы только *рабочих* депутатов, а в феврале 1917 г. по инициативе большевиков появились Советы *рабочих* и *солдатских* депутатов"[1]. Советы составляли главную опору победившей революции.

Но получилось так, что депутатские места в Советах захватили соглашательские партии меньшевиков и эсеров. Объясняется это тем; что большевики в дни свержения самодержавия руководили классовыми боями на улицах городов, а меньшевики и эсеры тем временем обосновались в Советах. Большинство вождей партии большевиков—Сталин, Свердлов и др.—находились в тюрьмах и в ссылках, Ленин пребывал в эмиграции, „тогда как меньшевики и эсеры свободно разгуливали на улицах Петрограда".[2] Так, во главе Советов Петрограда, Москвы и других крупных городов оказались меньшевики и эсеры.

Народные массы России, зараженные конституционными иллюзиями, надеялись и верили, что Советы осуществят их требования о заключении мира, передаче земли крестьянам, введении в стране демократических свобод. Но сидевшие в Советах меньшевики и эсеры и не думали осуществлять революционных требований народа. Они считали, что революция закончилась, „...и теперь задача состоит в том, чтобы закрепить ее и перейти на рельсы «нормального», конституционного существования совместно с буржуазией"[3]. Они встали на путь свертывания революции.

Несколько дней спустя после революции, эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета втайне от большевиков договорились

---

[1] История ВКП (б), Краткий курс, стр. 170.
[2] Там же, стр. 170.
[3] Там же, стр. 71.

о создании нового правительства России — буржуазного Временного правительства. В него вошли: в качестве главы правительства князь Львов, крупный помещик; лидер партии кадетов Милюков; лидер октябристов Гучков и другие виднейшие представители капиталистов; от „демократии" был введен эсер Керенский. Так была создана новая буржуазная государственная власть России, состоявшая из представителей „буржуазии и обуржуазившихся помещиков". (Ленин, т. XX, стр. 111). „Вышло так,—говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — что эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Совета сдали власть буржуазии, а Совет рабочих и солдатских депутатов, узнав потом об этом, одобрил своим большинством действия эсеро-меньшевистских лидеров, несмотря на протесты большевиков"[1].

Рядом с Временным правительством существовала другая власть —Совет рабочих и солдатских депутатов, который выражал собой союз рабочих и крестьян против царской власти и являлся органом власти рабочих и крестьян, органом революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

„Таким образом, получилось своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур: диктатуры буржуазии, в лице Временного правительства, и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Совета рабочих и солдатских депутатов.

Получилось *двоевластие*"[2].

Революция всколыхнула, привела в движение миллионы людей, до этого не искушенных в политике. Россия тогда была преимущественно крестьянской страной. Большинство ее населения составляли крестьяне, мелкие хозяева. В такой стране „гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику"[3]. „Эта волна мелкобуржуазной стихии и вынесла на поверхность мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров"[4]. Другой причиной засилия меньшевиков и эсеров в Советах были перемены в составе пролетариата и недостаточная его сознательность и организованность. Во время войны около 40% кадровых рабочих было мобилизовано в армию, их место заступили на предприятиях бывшие мелкие собственники, кустари, которые нередко шли на предприятия с целью укрыться от мобилизации. „Эти мелкобуржуазные прослойки рабочих и являлись питательной почвой для мелкобуржуазных политиков — меньшевиков и эсеров",[5] захвативших руководство в Советах.

В конечном итоге, „...не искушенные в политике широкие массы народа, захлестнутые волной мелкобуржуазной стихии,... оказались... в плену у соглашательских партий и согласились уступить буржуазии государственную власть, наивно полагая, что буржуазная власть не будет мешать Советам вести свою работу"[6].

В таких условиях перед партией большевиков встала задача терпеливого разъяснения массам империалистической сущности Времен-

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, 1945, стр. 171
[2] Там же, стр. 171.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 115.
[4] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 172.
[5] Там же, стр. 172.
[6] Там же, стр. 172.

ного правительства, разоблачения предательской политики меньшевиков и эсеров по отношению к народу.

Февральская революция в Туркестане имела целью покончить с учреждениями феодализма, крепостничества, сословностью, феодальным землевладением и землепользованием, рабским положением женщины, национально-колониальным угнетением. Как и в России, здесь в первые же дни революции были образованы советы, в которых в большинстве оказались представители мелко-буржуазных партий меньшевиков и эсеров. При активном участии меньшевиков и эсеров были созданы Исполнительные комитеты Временного правительства и Комитеты общественной безопасности, которые состояли из представителей русской империалистической буржуазии и колонизаторского чиновничества. Как и в России, здесь произошло „своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур", — диктатуры буржуазии в лице исполнительных комитетов Временного правительства и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице советов. Создалось и здесь то *двоевластие*, которое составляло отличительную особенность Февральской революции 1917 г. Как и в России, в Туркестане трудящиеся массы местного населения, будучи еще менее искушенными в политике, не препятствовали захвату власти буржуазией. Они также полагали, что буржуазная власть будет стоять на страже завоеваний революции и не будет препятствовать советам вести свою работу.

В Туркестане дело усложнялось тем, что рядом с русской буржуазией и русскими меньшевиками и эсерами, игравшими руководящую роль в исполнительных комитетах Временного правительства и советах, выступила местная национальная буржуазия. Ее лидеры претендовали в период революции на представительство интересов местного населения. Они изощрялись в обмане местного населения лозунгами о буржуазной автономии Туркестана, буржуазно-демократических преобразованиях местной жизни. Значительная часть коренного населения оказалась в плену демагогических обещаний лидеров национальной буржуазии. Большевикам Туркестана стоило огромных усилий разоблачение антинародной политики местной национальной буржуазии.

Первые известия о свержении власти царизма были получены в Ташкенте поздно ночью 28 февраля. Некоторое время местные власти скрывали от народа эти известия. Только 3 марта местные газеты вышли с официальными сообщениями о февральском перевороте в Петрограде. Узбекское население с большим подъемом приветствовало свержение власти царизма.

Генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин принимал меры к тому, чтобы в крае все осталось по старому, стремясь сохранить старый колонизаторский режим.

Куропаткин обнародовал 8 марта 1917 г. приказ, в котором содержались пункты о „даровании" народу городского самоуправления, права объединяться в профессиональные союзы; в приказе упоминалось о прекращении деятельности охранки. Чиновникам предписывалось „оставаться в занимаемых должностях".

Этим приказом генерал-губернатор хотел приспособить старый царский аппарат колониального угнетения к новой обстановке. Все мероприятия Куропаткина в этом направлении получили полное одобрение Временного правительства.

Под благосклонным покровительством генерал-губернатора продолжали функционировать в Узбекистане ненавистные народу старорежимные учреждения. Оставалась нетронутой на местах власть военных губернаторов, уездных начальников, участковых приставов, волостных управителей. Военные губернаторы областей призывали население— беспрекословно повиноваться уездным начальникам, участковым приставам. Таким образом, аппарат национально-колониального угнетения оставался в Узбекистане после Февральской революции нетронутым.

Но народные массы не хотели мириться с этим. Февральский переворот на территории Узбекистана сопровождался небывалым нарастанием массовых народных выступлений: стихийно возникали многолюдные митинги, демонстрации, собрания. 4 марта на улицах Ташкента появились экстренные выпуски телеграмм Петроградского Телеграфного Агентства. В них сообщалось об отречении Николая II от престола. 5 марта, в день опубликования манифеста об отречении царя, Соборная площадь г. Ташкента (теперь Красная площадь) была заполнена народом. Состоялся грандиозный митинг. Волна революционного подъема неуклонно нарастала. Продолжали возникать митинги, устраивались собрания различных общественных организаций, нарождались разного рода общества, союзы. Даже в мечетях и медрессе произносились речи о свободе, с призывом к „правоверным мусульманам" объединиться вокруг новой власти.

10 марта по Узбекистану прошли большие празднества по случаю освобождения России от монархического строя. Улицы городов в этот день были разукрашены флагами. На главной площади г. Ташкента состоялся большой митинг. Во многих других городах и кишлаках обширного края происходили массовые собрания, демонстрации. Жители кишлака Кара-булак Сырдарьинской области телеграфировали 11 марта в Ташкент: „Мы, туземцы селения Кара-булак Сырдарьинской области, горячо приветствуем новый строй и выражаем свою преданность новому правительству и надеемся, (что) новое правительство не оставит нас, туземцев, вообще будет внимательным к нашим нуждам, а также справедливо управлять нами и не будет тех поборов и взяточничества, которые были при старом строе".

Февральский переворот всколыхнул, привел в движение огромные народные массы колониальной Средней Азии.

В таких условиях не могла уже долее держаться в Узбекистане власть генерал-губернатора. Начальник края продолжал выступать с речами и приказами, в которых он стремился сдерживать политическую активность народных масс. Он применял при этом угрозы и запугивание голодом. От словесных угроз он перешел к более реальным мерам сохранения учреждений колонизаторской власти и встал на путь вооружения сил контрреволюции. Стали раздаваться требования об отрещении от власти начальника края генерала Куропаткина.

31 марта на объединенном заседании Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполнительного комитета, а также представителей Совета мусульманских депутатов и Крестьянского союза, возникших после революции, единогласно было принято решение: „устранить от должности генерала Куропаткина, помощника его Ерофеева, начальника штаба округа Сиверса". После этого Туркестанское генерал-губернаторство было упразднено.

С упразднением власти Туркестанского генерал-губернатора в Узбекистане было покончено с властью царизма. Факт отрещения от власти генерал-губернатора являлся крупным событием Февральской

революции в Узбекистане. В этом важном событии большую роль сыграл Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов, вокруг которого отныне стали объединяться силы революционной демократии.

§ 2. ТАШКЕНТСКИЙ СОВЕТ И СОВЕТЫ ДРУГИХ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов сыграл видную роль в событиях Февральской революции. Совет руководил революционными событиями на всей территории Средней Азии и Узбекистана.

Ташкентский Совет возник в первые дни революции. 2 марта состоялся многолюдный митинг рабочих Главных железнодорожных мастерских в Ташкенте. На митинге выступали большевики, внесшие предложение создать Совет рабочих депутатов. Тут же был избран Совет рабочих депутатов в составе 12 членов. Большинство из них являлось социал-демократами, причем три депутата были от большевиков, в том числе видный местный большевик А. Я. Першин.

Ташкентский Совет, в котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, стремился поддерживать власть Временного правительства. Вскоре после своего возникновения он установил связь с Петроградским Советом и просил у него указаний „по общей тактике рабочего класса". Затем он обратился к рабочим-железнодорожникам всего Туркестана с призывом организоваться в советы и выслать в Ташкент своих представителей, установил связь с воинскими частями, способствовал созданию Совета солдатских депутатов Ташкентского гарнизона.

Авторитет Ташкентского совета заметно возрастал. В глазах местного населения он стал представляться силой, способной бороться за упрочение демократических свобод. Однако в первые месяцы после Февральской революции он находился под влиянием меньшевиков и эсеров и поддерживал политику Временного правительства.

Стали возникать советы и в других городах Узбекистана: Самарканде, Коканде, Андижане, Скобелеве (теперь г. Фергана) и Намангане. „Во всех городах и наиболее крупных поселениях Сырдарьинской области,—сообщалось в одном из официальных донесений того времени,—с первых же дней марта возникли советы рабочих и солдатских депутатов".

Несколько позднее стали организовываться советы крестьянских депутатов. С точки зрения разрешения земельно-водного вопроса и землепользования в Узбекистане, организация советов крестьянских депутатов приобретала большое значение.

Документы того времени отмечают главным образом русский состав советов крестьянских депутатов, возникших в уездах Сырдарьинской области. Это особенно относится к советам голодностепских поселков. При участии крестьянских советов, в Сырдарьинской области „поселковые крестьяне делали попытки вскоре после переворота захватить землю более крупных владельцев".

При активном содействии Ташкентского Совета был создан в Ташкенте 4 марта 1917 г. Совет солдатских депутатов Ташкентского гарнизона. В его составе тоже первое время преобладали меньшевики и эсеры. Совет высказывал свою преданность Временному правительству и призывал солдат „итти рука об руку со своими начальниками, со своим командным составом". Деятельность Ташкентского Совета солдатских депутатов продолжалась около трех месяцев. 28 мая

он объединился с Ташкентским Советом рабочих депутатов. В других городах советы солдатских депутатов также объединились с местными советами рабочих депутатов.

Таким образом, в марте—апреле 1917 г. были созданы советы во всех областях и уездах Туркестанского края. В ряде мест состоялись областные съезды советов.

Большое значение в деятельности Ташкентского Совета и Краевого Совета, организованного в апреле 1917 г. на I Краевом съезде советов, имели вопросы взаимоотношений между советами и исполнительными комитетами Временного правительства. Эсеро-меньшевистское руководство советов считало невозможным вмешательство в функции правительственной власти. По их утверждению, советы должны ограничиваться по отношению к органам власти только функциями общественного контроля, в крайнем случае, тактикой „организованного давления".

Советы объединяли вокруг себя в первое время исключительно русское население. Местное население стало объединяться в демократические национальные организации трудящихся—Советы мусульманских рабочих депутатов и Союзы трудящихся мусульман. Эти организации, порожденные революцией, выражали интересы трудящихся масс местного населения, преимущественно городских низов. Они знаменовали собой политическое пробуждение местного населения. „Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России,—говорит тов. Сталин,—впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями" [1]. В марте 1917 г. возник Союз трудящихся мусульман в г. Скобелеве, затем в Ташкенте, вскоре развернувший большую работу. Советы мусульманских рабочих депутатов стали создаваться также в Андижане, Коканде, Скобелеве, Намангане и в других городах Туркестана. В них объединялись по преимуществу рабочие-узбеки и трудящиеся других местных национальностей.

Между Советами рабочих и солдатских депутатов, Союзами трудящихся мусульман и Советами мусульманских рабочих депутатов устанавливалась связь. Созеты рабочих и солдатских депутатов оказывали помощь этим организациям местных трудящихся. Особенно деятельно помогали им Ташкентский и Кокандский советы. По инициативе депутатов-большевиков, Ташкентский Совет рабочих депутатов помогал Ташкентскому Совету мусульманских рабочих депутатов в разработке устава, в политическом просвещении членов Совета. Ташкентский Совет мусульманских депутатов установил отношения дружеского сотрудничества с русскими демократическими организациями. „Мы заявляем, — говорилось в одном из его постановлений, — что в будущем удастся создать новые отношения между русскими и мусульманами, ибо только демократические организации смогут найти общий язык и уничтожить исконное недоверие туземной массы к русским".

Так в первые дни революции возникли в Туркестане Советы рабочих и солдатских депутатов, Союзы трудящихся мусульман и Советы мусульманских рабочих депутатов. Победившая революция опиралась на эти организации.

---

[1] И. Сталин, Соч., 1947, т. 4, стр. 155—156.

§ 3. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На собрании, состоявшемся 2 марта 1917 г. в помещении Военно-промышленного комитета г. Ташкента, созванном по инициативе буржуазной интеллигенции, было решено „образовать из местных общественных организаций и классов общества Особый комитет, который должен ведать всей общественной и экономической жизнью города в соответствии с директивами Временного правительства".

Быстро нахлынувшие события подсказали буржуазно-чиновничьим кругам г. Ташкента необходимость создания более прочного органа новой власти. Таким органом явился Исполнительный комитет Временного правительства. Он был создан на широком собрании Ташкентской городской думы 5—6 марта 1917 г. в составе 19 членов. За некоторыми исключениями, в Комитет вошли представители буржуазной интеллигенции, делегаты от меньшевиков и эсеров и один депутат от местной национальной буржуазии. Только пять человек вошли от рабочих. Исполнительный комитет сразу же самоопределился как орган правительственной власти. „Впредь до получения соответствующих распоряжений из Петрограда, — указывал он в телеграмме на имя Временного правительства,—Ташкентский исполнительный комитет берет на себя всю полноту государственной власти". Таким органом государственной власти являлся Ташкентский исполнительный комитет до приезда из Петрограда Туркестанского комитета Временного правительства.

Исполнительный комитет уделял много внимания вопросам организации новых буржуазных учреждений, милиции и т. п. Были созданы исполнительные комитеты на местах. Организация их осуществлялась посредством выборов, которые производились „в подавляющем большинстве случаев небольшой группой наспех собравшихся случайных людей". В составе сельских и поселковых исполнительных комитетов преобладали кулаки, баи, в уездных городах — чиновники, крупные торговцы; рабочие и солдаты занимали в них незначительное место.

Важнейшей функцией Ташкентского исполнительного комитета было назначение комиссаров—областных, уездных и волостных. Назначение это происходило со значительным запозданием. Долгое время на местах продолжали функционировать старые царские чиновники. Как правило, уездные и волостные комиссары вербовались из числа тех же царских чиновников, бывших приставов, уездных начальников и т. п. Так, например, сырдарьинским областным комиссаром был назначен помощник черняевского уездного начальника подполковник Тризна.

В Ферганской и Самаркандской областях исполнительные комитеты назывались комитетами общественной безопасности. В них также преобладали меньшевики, эсеры, представители буржуазной интеллигенции. Нередко в комитеты общественной безопасности проникали и уголовные элементы, всякого рода авантюристы. Составленный из таких людей Джалалабадский комитет общественной безопасности превратился в шайку грабителей, терроризировавших население.

Самаркандский исполнительный комитет состоял из представителей буржуазной адвокатуры, чиновников старых царских учреждений.

Одним из первых мероприятий Самаркандского комитета было смещение военного губернатора области, но должность военного губернатора была сохранена. На нее был назначен полковник Слинько,

его помощником—известный археолог В. Л. Вяткин. Несколько позже должность военного губернатора была переименована в должность „народного губернатора". В уездах и волостях Самаркандской области комиссары назначались из числа прежних полицейских, чиновников и т. п. Самаркандским уездным комиссаром был утвержден поручик Сивков, каттакурганским—бывший уездный начальник полковник Росс, джизакским—полковник Бржезицкий, один из душителей Джизакского восстания 1916 г. Участковыми комиссарами назначались нередко прежние участковые приставы.

Исполнительные комитеты, как органы власти буржуазии, стремились осуществлять политику Временного правительства, которое старалось сохранить в Туркестане старую государственную машину.

Так была создана в Туркестане новая государственная власть в виде исполнительных комитетов Временного правительства и комитетов общественной безопасности.

Интересы местной национальной буржуазии и баев представляла возникшая в марте буржуазно-националистическая организация Шуро-и-Исламия. Эта организация объединила в своих рядах многие дореволюционные джадидские организации. Она действовала рука об руку с исполнительными комитетами Временного правительства. На первом же своем заседании Шуро-и-Исламия заявила, что она будет поддерживать все мероприятия Временного правительства. Шуро-и-Исламия имела свой устав, свой печатный орган „Наджат" (Освобождение). В течение марта возникли отделения Шуро-и-Исламия в ряде городов Туркестана. После Ташкента наиболее деятельными были Андижанское и Кокандское отделения.

Так рядом с Исполнительными комитетами Временного правительства в Туркестане возникли организации местной национальной буржуазии.

Советы рабочих и солдатских депутатов находили поддержку в Союзах трудящихся мусульман и Советах мусульманских рабочих депутатов, а Исполнительные комитеты Временного правительства—в организациях местной национальной буржуазии.

§ 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТУРКЕСТАНА

Свержение власти царизма сопровождалось возрождением социал-демократических организаций Туркестана. Во всех крупных его городах в течение марта вновь возникали социал-демократические группы, разгромленные царизмом в годы мировой войны. 6 марта 1917 г. оформилась социал-демократическая группа в Ташкенте. К апрелю она насчитывала свыше 260 членов. Кроме Ташкента, социал-демократические группы появились в Андижане, Коканде, Самарканде, Скобелеве и других городах. Несмотря на трудные условия работы в Туркестане, как далекой и отсталой окраине России, социал-демократические организации росли и крепли, влияние их увеличивалось. Особенно оживленная работа велась в Ташкенте, Коканде, Скобелеве и Чарджуе.

Среди социал-демократов стали заметно выделяться с первых дней революции большевики. В годы столыпинской реакции и империалистической войны они подверглись наибольшему разгрому. Но со времени революции 1917 г. их силы стали вновь крепнуть и возрастать. Они оказывали большое влияние на революционные события. Нередко их влияние приобретало решающее значение. Сила их заключа-

лась в тесных связях с массами, в правдивости и доходчивости их агитации, в наличии у них надежной базы в лице передовых рабочих.

В начале Февральской революции большевики Туркестана организационно были связаны с меньшевиками и работали в объединенных организациях РСДРП. Хотя по всем основным вопросам революции они и занимали самостоятельную, большевистскую позицию, тем не менее „незаконное сожительство" их с меньшевиками было явной ошибкой,—это наносило огромный ущерб делу сплочения и политической закалки местного пролетариата.

Из всех большевистских групп Туркестана наиболее влиятельной была ташкентская группа. Ташкент с его Главными железнодорожными мастерскими был в дни революции основной опорой большевиков. В Ташкенте работали известные большевики Н. В. Шумилов, А. Я. Першин, А. А. Казаков, В. С. Ляпин, В. П. Бауман и др. В начале апреля 1917 г. большевики Ташкента оформились в самостоятельную группу. Лидерами их были Н. В. Шумилов и А. Я. Першин. Большевики Ташкента вели большую работу среди трудящихся города: они распространяли большевистскую литературу, выступали на собраниях, митингах. Они защищали и пропагандировали лозунги партии большевиков, выступали в Совете рабочих и солдатских депутатов по основным вопросам революции. Большевики настаивали на том, чтобы революционным путем решались вопросы борьбы с разрухой, голодом, саботажем чиновников. В духе политики большевистской партии они выступали по вопросам об отношении к войне и буржуазному Временному правительству.

Самаркандская группа большевиков возникла несколько позже ташкентской. Она вела упорную борьбу с эсерами и меньшевиками. На митинге в 7 Симбирском полку группа провела большевистскую резолюцию против продолжения империалистической войны.

Заметно выделялись своей активной деятельностью большевики Коканда. Здесь работал вернувшийся из ссылки видный большевик Е. Н. Бабушкин. Главной опорой большевиков Коканда были рабочие железной дороги. Группа стала именовать себя „Кружком ленинцев". Член „Кружка ленинцев" рабочий Сазонов произнес на железнодорожном съезде в Ашхабаде яркую речь, в которой охарактеризовал империалистическую сущность войны. „Кружок ленинцев" поддерживал местный Союз трудящихся мусульман и установил связь с рабочими местных национальностей. Кроме того, большевики Коканда организовали кружок рабочей молодежи под названием „Интернационал".

Роль и значение большевистских организаций неуклонно возрастали, особенно в связи с пропагандой среди рабочих знаменитых Апрельских тезисов В. И. Ленина. Тезисы содержали исчерпывающую программу действий большевиков, они по новому ориентировали партию в новых условиях борьбы. После появления Апрельских тезисов большевики Туркестана стали еще более уверенно и умело вести работу в массах. Их выступления об отношении к Временному правительству, текущем моменте, о роли советов, отношении к войне и т. п. сыграли огромную роль в завоевании масс, в разоблачении предательской политики меньшевиков, эсеров и местных буржуазных националистов.

Большевикам Туркестана активно помогали в их работе солдаты старой армии, возвратившиеся с фронта, а также тыловые рабочие. Многие из тыловых рабочих, находясь в России, приобрели опыт революционной борьбы. Простые и понятные лозунги большевиков о

войне, мире, восьмичасовом рабочем дне, земле находили среди солдат и тыловых рабочих широчайший отклик. Тыловые рабочие-узбеки вместе с русскими рабочими и крестьянами участвовали в свержении старой власти. После возвращения к себе на родину, они стали помогать большевикам в их работе. На своем родном языке, в понятных и доходчивых выражениях они разъясняли местным трудящимся большевистские лозунги. Тыловые рабочие под влиянием большевиков Туркестана стали выступать против буржуазно-империалистической политики Временного правительства.

Таким образом, все более росло и ширилось влияние большевиков Туркестана на ход революционных событий. Они превращались в руководящую силу в борьбе за перерастание в Узбекистане буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

§ 5. ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО КОМИТЕТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (ТУРККОМИТЕТА). ЕГО БУРЖУАЗНО-ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

7 апреля 1917 г. состоялось постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета. Председателем комитета был утвержден член Государственной думы, управляющий Министерством внутренних дел, кадет Н. Н. Щепкин; членами комитета — представители русской империалистической буржуазии и местные буржуазные националисты. Комитет был наделен правами прежнего туркестанского генерал-губернатора. 13 апреля члены Туркомитета прибыли в Ташкент.

С их приездом империалистическая политика победившей буржуазии стала проводиться более откровенно и более последовательно. Временное правительство стремилось сохранить в незыблемом виде национально-колониальный гнет народов Средней Азии. Туркомитет действовал как выразитель классовых интересов русской буржуазии.

Одним из первых актов Временного правительства по Туркестану было постановление от 18 марта 1917 г. об амнистии палачам восстания 1916 г.

По вопросу об автономии Туркестана и организации управления краем Туркомитет занимал позицию сохранения колониальных методов управления.

В вопросе об отношении к войне Туркомитет защищал политику продолжения захватнической и грабительской войны и доведения ее до победного конца. В борьбе с хозяйственной разрухой новая буржуазная власть проявляла в Туркестане полную беспомощность и нежелание встать на путь коренных мероприятий.

Туркомитет был далек от того, чтобы посягнуть на хлебные запасы капиталистов, кишлачных баев, обуздать спекулянтов, ростовщиков. В итоге Туркестан оказался на пороге экономической катастрофы. В отношении всех национальностей, населявших Туркестан, Временное правительство проводило политику жесточайшего угнетения. Туркомитет проводил типично-буржуазную политику в рабочем вопросе, направленную к охране баснословно высоких прибылей капиталистов за счет усиления эксплоатации рабочего класса.

В таком жизненно-важном для края вопросе, как земельно-водный, Туркомитет стоял на позиции полного сохранения существовавших феодальных отношений в кишлаке и всеми силами поддерживал местные байско-помещичьи элементы.

Таким образом, буржуазное Временное правительство проводило в Туркестане через Туркомитет политику, идущую вразрез с интересами широких народных масс.

Трудящиеся Туркестана ждали от Временного правительства удовлетворения основных своих нужд и интересов. Они были уверены, что свержение власти царизма означает конец национального и колониального гнета. Однако с падением царской власти и приходом к власти буржуазии национально-колониальный и феодальный гнет сохранился в полной мере. Новое заключалось в том, что буржуазно-помещичья политика Временного правительства прикрывалась революционными фразами, ложными и лицемерными обещаниями. „Рабочие свергали царскую монархию, борясь за *мир*, за *хлеб* и за *свободу*“ [1]. Вместо этого Временное правительство продолжало „...успокаивать народ пустыми обещаниями, одурачивать его звонкими фразами, «примирять» его с помещичьим и капиталистическим правительством...“ [2]

„Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии,—говорил товарищ Сталин,—не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета“[3].

Национально-освободительное движение в Узбекистане после Февральской революции поэтому не только не ослабело, но значительно усилилось.

„«Ликвидация национального гнета»—таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция. «Национальные советы» в Латвии, Эстском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Кавказе, в Киргизстане и Среднем Поволжье; «Рада» на Украине и Белоруссии; «Сфатул-Церий» в Бессарабии; «Курултай» в Крыму и Башкирии; «Автономное правительство» в Туркестане,—вот те «общенациональные» институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия“[4],—как писал товарищ Сталин.

Но внутри национально-освободительного движения в Туркестане, как и в других национальных окраинах, все сильнее происходил процесс классового расслоения. Даже наиболее политически отсталые слои трудящихся местных национальностей на собственном опыте убеждались в классовом единстве „своих“ и русских эксплоататоров. Местные рабочие, городская и кишлачная беднота все теснее сплачивались вокруг революционных организаций местных трудящихся „Союза трудящихся мусульман“ и „Советов мусульманских рабочих депутатов“, влияние в которых все успешнее захватывали в свои руки большевики.

Туркестанская буржуазия и ее организация „Шуро-и-Исламия“, а также феодально-клерикальная „Улема“ пытались задержать этот процесс размежевания в национальном движении. Но эти попытки оказались тщетными. Среди широчайших народных масс коренного населения Узбекистана неудержимо распространялись большевистские идеи. Социалистическое движение пролетариата слилось в один могучий революционный поток с национально-освободительным движением угнетенных народов. Россия стояла накануне социалистической революции.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 49.
[2] Там же, стр. 49.
[3] И. Сталин. Соч., 1947, т. 4, стр. 156.
[4] И. В.Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1938, стр. 51.

ГЛАВА XIX

БУХАРА И ХИВА В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БУХАРСКОМ И ХИВИНСКОМ ХАНСТВАХ

Накануне Февральской революции 1917 г. в Бухарском и Хивинском ханствах почти полностью сохранились те социально-экономические отношения, которые сложились здесь до завоевания их русским царизмом.

Проникновение капиталистических отношений вызвало в предреволюционные годы некоторые сдвиги в экономике обоих ханств, но основы старого хозяйственного и общественного строя сохранялись неизменными. Бухара и Хива продолжали оставаться странами феодальными, значительно отставшими в экономическом и культурном отношении от других областей Узбекистана.

Перед первой мировой войной народное хозяйство Бухары и Хивы стало значительно больше испытывать на себе влияние капиталистических отношений. Среди возделываемых земледельческих культур ведущее место стали занимать технические культуры, среди них на первом месте стоял хлопчатник. Примерно, одна четвертая часть посевной площади Зарафшанской долины в Бухарском ханстве накануне первой мировой войны была занята хлопчатником. Одна треть посевных площадей южных районов Хивинского ханства, расположенных в низовьях Аму-дарьи, тоже была отведена под технические культуры.

Производство и сбыт хлопчатника были поставлены на капиталистических началах. Возможности развития технических культур в ханствах, ввиду наличия здесь большой территории плодороднейших земель, вызвали стремление русских капиталистов освоить пустующие земли.

В предреволюционные годы в Хивинском и особенно в Бухарском ханствах происходил процесс мобилизации земельных владений. В бухарских и хивинских кишлаках производилась оживленная продажа и заклад всех видов земли. Кишлачные баи прибирали к рукам лучшие участки односельчан-бедняков. В результате в Бухарском ханстве, например, образовался значительный слой местных помещиков, владевших тысячами танапов орошаемой земли. С другой стороны, в том же ханстве увеличивалось число безземельных издольщиков, чайрикоров. Происходил процесс пауперизации и разорения дехкан. Разорявшиеся дехкане Бухарского ханства бежали в горы, переселялись в пограничные районы Афганистана. Началось отходничество, как один из признаков капиталистического развития кишлака. Накануне Февральской революции ежегодно уходило из Бухарского ханства в районы Ферганы до 20 тыс. человек.

Развитию товарно-денежных отношений в Бухарском ханстве способствовало проведение Закаспийской железной дороги. Вдоль железнодорожной линии появились промышленные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья; в числе их насчитывалось несколько десятков хлопкоочистительных заводов. Кроме того, зарождалась и маслобойная промышленность.

Развитие товарно-денежных отношений в Бухарском и Хивинском ханствах сказывалось на усилении внутреннего обмена и оживлении внешней торговли. До империалистической войны ханства вели оживленную торговлю не только с Россией, но и со многими странами Ближнего и Среднего Востока и даже со странами Западной Европы и США. Однако наибольшую роль в этой торговле играла Россия.

В связи с ростом внешней и внутренней торговли в ханствах развивался торгово-ростовщический капитал. В Бухаре и Хиве перед революцией появились торгово-ростовщические фирмы, торговые склады, русские банки. В столице Бухарского ханства функционировало семь отделений русских банков. Система банковского кредита была приспособлена к обслуживанию многочисленных коммерсантов—посредников хлопковых фирм. Значительная часть дехкан усиленно эксплоатировалась ростовщиками-посредниками, разорялась, выбивалась из хозяйственной колеи.

Первая мировая война вызвала значительный упадок и расстройство народного хозяйства Бухары и Хивы. Нарушились хозяйственные и торговые связи ханств с Россией, ухудшилась работа железнодорожного транспорта, разрушался речной транспорт на Аму-дарье, сократился ввоз русского хлеба. Ханства стремились устранить зависимость от привозного хлеба путем увеличения посевов зерновых культур. В связи с этим сокращались посевы хлопчатника, вследствие чего разорялись дехкане-хлопкоробы. Стала остро чувствоваться нехватка продовольствия. Росла дороговизна на предметы широкого потребления, увеличивалась спекуляция. С каждым годом возрастали поборы с населения на нужды войны.

§ 2. ВОССТАНИЕ ТУРКМЕН В 1916 г. В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ

Государственный строй Бухары и Хивы основывался на жесточайшем угнетении народных масс, на их полном бесправии. В предреволюционные годы усилилась эксплоатация трудящихся города и особенно кишлака. Наряду с типично-феодальными формами эксплоатации усилился гнет капиталистический. Русские торгово-промышленные фирмы принесли на территорию Бухары и Хивы гнет русских фабрикантов и заводчиков. Ростовщический капитал выжимал из дехкан-хлопкоробов последние соки.

Все это вело к усилению национально-освободительного движения в ханствах.

Особенно стал замечаться рост народного недовольства в ханствах в период первой русской революции и последовавших затем революций в Иране и Турции. „Русская революция,—писал Ленин,—вызвала движение во всей Азии"[1].

В предреволюционные годы национально-освободительное движение особенно усилилось в Хивинском ханстве. Здесь национально-освободительное движение имело свои особенности. Оно сопровождалось

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 356.

обострением национальных противоречий между узбеками и туркменами. Эти противоречия имели длительную историю. В 70—80 гг. XIX в. среди хивинских туркмен усилился процесс перехода от кочевого к оседлому земледельческому быту. К моменту этого перехода все наиболее удобные в смысле орошения земли ханства были уже заняты узбеками. Хивинским туркменам пришлось размещаться на территории, мало пригодной для земледелия. Недостаток воды у туркмен и наличие, а иногда и избыток ее у узбеков создавали хозяйственное неравенство между ними, а это способствовало ухудшению отношений между туркменским и узбекским населением.

Русский царизм и его вассал, хивинский хан, были заинтересованы в разжигании этой вражды. Им это нужно было для того, чтобы отвлечь народные массы от борьбы с действительным виновником их бедствий—ханской властью.

В то время между отдельными родо-племенными союзами хивинских туркмен происходили вооруженные столкновения. В этой борьбе возвысился предводитель одного родового объединения по имени Мухаммед-Курбан-Сердар-Джунаид-хан, в просторечьи—Джунаид-хан.

Собрав вокруг себя наиболее воинственные племена хивинских туркмен, Джунаид-хан стал совершать грабительские набеги на районы, заселенные узбеками.

В 1915 г. в связи с резким ухудшением положения населения туркменских районов, нападения хивинских туркмен на узбекские районы усилились. Туркмены подступили к столице ханства—Хиве. Только вмешательство царской администрации г. Петро-Александровска (резиденция Амударьинского отдела) предотвратило нападение туркмен на Хиву. В мае 1915 г. хивинский хан снарядил особое посольство в Ташкент, которому было поручено ходатайствовать о снабжении оружием или о посылке в Хиву царских войск. Начальник края рекомендовал послам хана мирным путем уладить „недоразумения" с туркменами. Он опасался снабжать Хиву оружием, так как оно могло попасть в руки туркмен.

Между тем Джунаид-хан вновь начал наступление на центральные районы ханства. В июне 1915 г. произошло сражение между туркменами и хивинскими войсками. Войска хана были разгромлены, хивинцы потеряли только убитыми до 600 человек. После этого в Хиву был направлен помощник военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майор Геппенер. При его посредстве 26 июля 1915 г. между хивинским правительством и представителями туркменских родо-племенных групп было заключено соглашение. Хан обязывался вникать в нужды туркмен, удовлетворять их просьбы. Были установлены определенные размеры податей и повинностей, взимаемых с туркмен. Основной вопрос—порядок пользования водой и расчистка арыков—остался в прежнем положении.

По возвращении Геппенера в Ташкент был поставлен вопрос об учреждении при хивинском хане постоянного представительства царского правительства, однако, эта мысль была скоро оставлена. „Теперь не время менять наши отношения к Хиве и Бухаре,—говорилось в резолюции военного министра на представлении министра иностранных дел,—надлежит за ними сохранить благожелательный, хотя и твердый надзор".

К 1916 г. положение хивинских туркмен ухудшилось. Значительная их часть продолжала кочевать, но удобных пастбищ становилось все меньше. Еще больше стало чувствоваться безводье.

Невзирая на тяжелое положение туркменского населения, царские чиновники и ханская власть продолжали увеличивать налоги и различные сборы с населения туркменских районов. Так созревала почва для туркменского восстания 1916 г.

Восстание заблаговременно и тщательно подготовлялось. Старшины туркмен распространяли письма, воззвания, в которых они призывали объединить силы туркмен для предстоящей борьбы. Устраивались тои с целью агитации за войну против хивинского хана. Вокруг Джунаид-хана объединялись многочисленные племена туркмен Хорезмского оазиса.

В конце января 1916 г. войска Джунаид-хана начали военные действия против хивинского хана. Вскоре столица ханства была осаждена туркменами. Штаб Туркестанского военного округа спешно направил в Хиву воинские части, которые были объединены в карательный отряд. Командование было поручено губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту Галкину. По прибытии в Петро-Александровск генерал Галкин получил от командования округом указания следующего содержания: „Петрограде решено ни в какие соглашения с иомудами не входить, дать им суровый урок, захватить Жюнейта (Джунаид-хана. Ред.) и его главных сторонников. После покорения мятежников и восстановления порядка укрепить власть хана".

11 февраля туркмены начали наступление на Хиву и в тот же день ворвались в город. Гарнизон царских войск в Хиве был блокирован. Военные действия развернулись внутри города.

Вскоре к Хиве подошел отряд генерала Галкина. Туркмены стали отходить по направлению к пескам.

Карательный отряд начал преследование отступавших, жестоко расправляясь с туркменским населением. 29 апреля генерал Галкин донес командованию округа: „Прежний порядок (в) ханстве окончательно восстановлен. Хан хивинский совершает со мною и частью отряда объезд ближайших бекств ханства. Не имеется никаких оснований предполагать, чтобы туркмены нарушили порядок управления в течение ближайших лет, так как все роды искренне заявили свою покорность. Карательную экспедицию можно считать почти законченной".

Зверская расправа с восставшими сопровождалась ограблением их имущества. Кишлаки облагались огромной контрибуцией. Одними деньгами генерал Галкин взял с населения свыше миллиона рублей.

Несмотря на то, что во главе восставших против хивинского правительства туркмен стоял племенной вождь Джунаид-хан и феодальная верхушка туркменских племен, восстание это явилось протестом широких туркменских трудовых масс против экономического и национального гнета, которому они подвергались в Хивинском ханстве.

Восстание 1916 г. в Хиве было одним из наиболее крупных вооруженных выступлений хивинских туркмен против феодального и национального гнета.

§ 3. СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ ЦАРИЗМА В РОССИИ И НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Известие о свержении в Петрограде власти царизма прошло в Бухаре через Политическое агентство при правительстве эмира и было истолковано по своему царскими чиновниками. Политический агент А. Я. Миллер стремился не допускать в первые дни революции в Бухаре политических выступлений народных масс. Он призывал население „поддерживать полнейшее спокойствие и порядок".

Тем не менее 7 марта в Бухаре состоялось многолюдное собрание. На этом собрании впервые выступили местные рабочие, которые спрашивали, как думает новая власть бороться с разрухой, какие намечаются меры, чтобы спасти население от надвигающегося голода. По предложению рабочих было принято решение „собрать 8 марта в более обширном помещении народный митинг, дабы узнать волю народа" по важнейшим вопросам, выдвигаемым жизнью.

8 марта состоялся большой митинг, на котором собралось 6 000 человек. Ораторы говорили о текущем моменте, продовольственном положении. 10 марта (день Свободы) народные массы Бухары отмечали собраниями, митингами, демонстрациями.

В Чарджуе, Керки, Термезе 10 марта также происходили митинги и собрания.

Выступления народных масс были настолько внушительными и необычными для средневековой обстановки Бухары, что стали серьезно беспокоить ханскую власть. Правительство Бухары, распорядилось установить постоянное наблюдение и слежку за ораторами, выступавшими на митингах.

В ряде русских поселений ханства организовались советы рабочих депутатов и исполнительные комитеты Временного правительства. 12 марта в Новой Бухаре был избран Исполнительный комитет Временного правительства, в состав которого вошли чиновники, адвокаты и солдаты местного гарнизона. Представители коренного населения были отстранены от выборов, что вызвало с их стороны недовольство.

Наряду с Исполнительным комитетом в Новой Бухаре возник Совет рабочих и солдатских депутатов, вскоре завоевавший себе авторитет среди населения. В Ново-Бухарский совет нередко обращались приезжавшие из столицы ханства представители революционной бухарской молодежи за получением помощи, а иногда в поисках убежища от преследований эмирской власти.

Оживленная политическая жизнь наблюдалась в г. Чарджуе. Здесь в революционных событиях принимали участие матросы Амударьинской речной флотилии, железнодорожные рабочие и служащие, рабочие городских предприятий, ремесленная беднота. Видная роль в г. Чарджуе принадлежала местной группе большевиков.

В течение 7—8 марта в г. Чарджуе происходили собрания, закончившиеся выбором Исполнительного комитета Временного правительства. Наряду с ним вскоре возник Совет рабочих и солдатских депутатов.

В г. Термезе создание учреждений новой власти происходило с некоторым запозданием. Начальник гарнизона генерал Акко сначала скрывал от солдат и населения сообщения из Петрограда о февральском перевороте. Был создан Термезско-Патта-Кисарский Исполнительный комитет Временного правительства, а затем избран Совет рабочих и солдатских депутатов. 2 апреля был создан Общемусульманский комитет. 30 апреля возник Совет крестьянских депутатов. Из всех демократических организаций г. Термеза наибольшим авторитетом пользовался Совет рабочих и солдатских депутатов. Он вел борьбу с начальником гарнизона генералом Акко и добился его смещения.

В г. Керки тоже были созданы: Исполнительный комитет Временного правительства, Совет солдатских и рабочих депутатов, который добился упразднения городской полиции и создания вместо нее милиции.

8 марта в столице ханства Бухаре организовался Исполнительный комитет Временного правительства; он задался целью осуществлять „надзор за русскими гражданами в Старой Бухаре", соблюдать их интересы. В Комитет входили чиновники русских учреждений и представители торгово-промышленных фирм. Коренные жители столицы не имели своих представителей в Исполнительном комитете.

§ 4. БОРЬБА ЗА РЕФОРМЫ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Свою деятельность в дни Февральской революции бухарские джадиды начали с того, что обратились к Временному правительству с приветственным адресом. Лидеры бухарской буржуазии робко просили Временное правительство — оказать давление на бухарского эмира „в смысле побуждения его к реформам".

В Бухаре джадиды являлись послушными исполнителями указаний Политического агента Миллера.

Временное правительство стремилось сохранить в Бухаре ханскую власть и прежний порядок дипломатических сношений России с ханством, т. е. через посредство Политического агентства. Значение Политического агентства в дни революции еще более усилилось. Вскоре оно было реорганизовано в Российское резидентство.

Временное правительство не хотело итти на сколько-нибудь серьезные буржуазные реформы в эмирате, так как крупными реформами можно было бы разбудить от спячки народные массы, поднять их на борьбу за свои права, вызвать недовольство светских и духовных феодалов.

В связи с этим в Бухаре стали разрабатываться проекты только частичных реформ. Главную роль в этом играло Российское резидентство.

Правящая бухарская верхушка, особенно местная буржуазия, понимала, что без некоторых реформ невозможно будет удержать в период революции власть эмира. Эмир и кушбеги также были вынужденными сторонниками реформ. Их поддерживали некоторые крупные сановники.

Противниками преобразований выступили влиятельные верхи реакционного мусульманского духовенства.

Представители местной буржуазии, сторонники „преобразований" подготавливали проекты реформ, созывали совещания. Эмир следовал во всем указаниям Российского резидентства. Сделана была попытка удалить за пределы столицы ханства наиболее непримиримых противников реформ. Были сменены некоторые видные духовные и светские сановники, в том числе главный противник реформы казикалян Бурхан-эддин.

Во второй половине марта 1917 г. проект манифеста бухарского эмира о реформах был окончательно разработан. 7 апреля 1917 г. он был обнародован.

Манифест состоял из двух частей. В первой части разъяснялись цели реформ, которые имели в виду улучшить управление ханством, искоренить злоупотребления феодалов, привлечь население „на выборных началах" к управлению ханством. Все это в конечном итоге должно было „осветить Бухару светом прогресса и знаний". При всем этом подчеркивалось, что „основой всех улучшений и полезных изменений может быть священный шариат".

Во второй части манифеста излагалось содержание реформ. Манифест обещал уменьшить тяжесть налогов с населения, обратить

„серьезное внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли, в особенности с могущественной Россией". Этот пункт должен был удовлетворить нужды местных купцов, промышленников и интересы русских торгово-промышленных фирм. Далее шел пункт об определении жалования чиновникам ханства, что означало отмену продолжавшего существовать в Бухаре своеобразного института кормлений, установление контроля за действиями больших и малых должностных лиц. Имелся пункт о поощрении в „стране полезных наук и знаний" („в точном соответствии с повелениями шариата"). Туманными намеками говорилось в манифесте об учреждении в столице ханства городского самоуправления на выборных началах. Эмир обещал учредить государственное казначейство, создать бюджет с точным исчислением государственных доходов и расходов „на государственные надобности".

Возвещенные в манифесте реформы могли бы при их осуществлении сыграть прогрессивную роль и способствовать некоторой демократизации общественного и государственного строя Бухары.

Бухарская буржуазия и джадиды восторженно встретили манифест. Младобухарцы обратились к Временному правительству с приветственным адресом по случаю обнародования манифеста. Однако эмир и правящая феодально-клерикальная верхушка и не думали проводить манифест в жизнь. Он был обнародован только в некоторых западных бекствах. В Восточной Бухаре, в городах Карши и Шахрисябзе долгое время о нем ничего не знали. Беки скрывали от народа самый факт его существования. Хисарский бек после обнародования манифеста начал преследовать сторонников реформ. В г. Чарджоу о нем знали лишь в русской части города.

Невзирая на все препятствия, известия о манифесте разными путями доходили до народа.

8 апреля в столице ханства Бухаре была назначена демонстрация по случаю обнародования манифеста. Собралось около пяти тысяч человек. Демонстранты прошли по главным улицам города и направились к площади Ригистан, но последняя оказалась занятой муллами, ишанами, изуверами-фанатиками всех мастей. Получив эти тревожные вести, демонстранты воздержались от выхода на площадь. Решено было демонстрацию на этом закончить и всем разойтись по домам.

Между тем реакционное мусульманское духовенство призывало население встать на защиту религии, шариата, власти эмира.

В г. Бухаре и в других городах были многочисленные случаи избиения и даже убийства прогрессивно настроенных людей, в том числе младобухарцев, в результате чего многие из них бежали из пределов эмирата. В Бухаре усилилась реакция.

Многие активные сторонники реформы, в том числе младобухарцы, бежали в Новую Бухару. Эмир и резидент обещали гарантировать безопасность беглецам в случае их возвращения. 14 апреля младобухарцы вернулись в столицу ханства.

Волнения в Бухаре вызвали некоторое беспокойство Временного правительства. 17 апреля в Бухару прибыл член Туркомитета, комиссар Временного правительства П. Н. Преображенский в сопровождении командующего войсками Туркестанского военного округа генерала Давлетшина. Миссия Преображенского ограничилась „выяснением положения" и беседами с эмиром и его приближенными. Феодально-клерикальные элементы Бухары продолжали решительно противиться реформам. Ни один пункт манифеста не был осуществлен. Не увенчались успехом даже попытки организовать в Старой Бухаре типогра-

фию. Разъяренные муллы пытались разгромить доставленное для типографии оборудование. К важным правительственным постам вновь получили доступ закоренелые реакционеры. Муллы распространяли провокационные слухи о „новой вере", принесенной революцией, о принудительном якобы снятии с женщин паранджи, о падении в Петрограде власти Временного правительства, о восстановлении на престоле царя Николая II.

Реакционные элементы стали подозрительно относиться даже к эмиру. В середине мая 1917 г. созрел план дворцового переворота, имевший целью посадить на бухарский эмирский престол гузарского бека. В конечном счете манифест эмира бухарского был похоронен. Таким образом в отсталой феодальной Бухаре восторжествовали реакционные силы. Прослойка рабочих в Бухаре была крайне незначительной. Влияние рабочих (среди которых преобладали русские) простиралось только на районы, расположенные в полосе железнодорожной линии, где находились железнодорожные мастерские, хлопкоочистительные заводы и другие предприятия. Бухарские дехкане, забитые, политически крайне отсталые, находились под влиянием мулл и баев. Младобухарцы пользовались влиянием лишь среди некоторой части городского населения. Их позиция была половинчатой и трусливой. Потребовалось мощное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции, чтобы навсегда покончить с властью эмира и повернуть развитие Бухары по новому пути.

§ 5. БОРЬБА ЗА РЕФОРМЫ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ

Как и в Бухаре, известия о свержении власти царизма всколыхнули прежде всего городское население Хивинского ханства. Радостно восприняли весть о свержении власти царизма рабочие хлопкоочистительных предприятий, городская беднота, ремесленники, мелкие служащие русских торгово-промышленных фирм.

„Хивинский народ,— писала „Наша газета", орган Ташкентского Совета,— ввиду крайнего произвола со стороны хана и его правителей, русскую революцию встретил с энтузиазмом".

В городах Амударьинского отдела и Хивинского ханства происходили собрания, митинги, демонстрации. 7 марта в городе Петро-Александровске состоялся общегородской митинг. Митинг закончился отрешением от власти начальника Амударьинского отдела полковника Завитневича. В г. Петро-Александровске, указывалось в документах того времени,—„образованы Совет солдатских и рабочих депутатов и Исполнительный комитет общественной безопасности, принимающие живое участие в общественной жизни и работающие в полном контакте". Комитет общественной безопасности стал выполнять функции прежнего управления Амударьинского отдела.

Во второй половине марта 1917 г. в Хивинском ханстве началось движение за реформы. Заметную роль в этой борьбе играли младохивинцы, представлявшие интересы хивинской буржуазии. Младохивинцы, подобно бухарским джадидам, не ставили перед собой задачи уничтожения ханской власти.

4 апреля в Хиве состоялось торжественное принятие присяги Временному правительству гарнизоном русских войск. Присутствовавшие на параде младохивинцы просили начальника русского гарнизона помочь им осуществить некоторые реформы в ханстве.

После парада младохивинцы направились во дворец хана, чтобы вручить ему петицию со своими требованиями. Делегация в количестве 17 человек была принята Асфендияр-ханом. В результате состоявшихся переговоров между ханом и младохивинцами было решено составить манифест.

5 апреля 1917 г. манифест о реформах был обнародован.

Во второй половине апреля для контроля за осуществлением реформ был избран Временный комитет из 32 депутатов. Большинство депутатов принадлежало к младохивинцам. 26 апреля в торжественной обстановке в г. Хиве открылись заседания Временного комитета для выработки конституционного управления ханством. Асфендияр-хан торжественно обещал даровать населению конституционные свободы.

В Хивинский Временный комитет вошли видные деятели младохивинского движения. Главой правительства был избран Хусейн-бек диванбеги.

Как и в Бухаре, вокруг предстоящих реформ происходила упорная борьба. Хан вел тайные переговоры с реакционными элементами и давал им понять, что реформы являются с его стороны вынужденным актом. Он призывал высшую духовную знать помочь ему в борьбе против реформ.

23 мая в столице ханства состоялась большая демонстрация. Поводом для нее послужило недовольство народных масс деятельностью той части членов Временного комитета, которая стала выступать против реформ и за сохранение старых порядков. Демонстранты высказывали недовольство выборами во Временный комитет.

В то же время реакционеры устроили свою демонстрацию и во главе с муфтием Махмуд Шарифом направились к ханскому дворцу. Хан созвал мулл, казиев, аксакалов и членов Временного комитета. Реакционеры стали кричать на собрании: „не нужен нам парламент", „нам нужен хан".

В скором времени прогрессивные элементы были удалены из состава Временного комитета, некоторые из них были преданы казни. В составе Временного комитета остались почти одни сторонники старых порядков.

Вскоре Временный комитет был разогнан. Асфендияр-хан и его приближенные убедились, что Временное правительство не было заинтересовано в проведении преобразований в ханстве. Это окрыляло надеждой ханскую власть и все реакционные элементы ханства. В Хиве также победила феодальная реакция.

***

Февральская революция 1917 г. в Узбекистане носила буржуазно-демократический характер. Перед ней стояли задачи — покончить с учреждениями феодализма, с феодальным землевладением, рабским положением женщины, национально-колониальным угнетением.

На борьбу за осуществление этих задач Февральская революция подняла и привела в движение широкие массы узбекского народа. Массы дехканства в союзе с рабочими и беднотой городов являлись движущей силой Февральской революции. Вся политика Временного правительства в Туркестане, Бухаре и Хиве была направлена к тому, чтобы удержать трудовые массы от активных выступлений за землю, за воду, за демократические преобразования. В процессе революции все сильнее происходило формирование классового и национального

самосознания трудящихся. Создание демократических организаций трудящихся, советов мусульманских рабочих депутатов и союзов трудящихся мусульман знаменовали собой рост политической активности масс. Появление этих демократических организаций — свидетельство наступившего политического пробуждения узбекского народа.

На ход Февральской революции 1917 г. в Узбекистане огромное влияние оказывали молодой рабочий класс Узбекистана и немногочисленные группы местных большевиков. Значительной была роль рабочих и большевиков в основных областях Узбекистана. Здесь наибольшую активность проявляли рабочие городов: Ташкента, Коканда, Самарканда, Скобелева. Несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров и буржуазных националистов рабочие Узбекистана выступали в роли руководящей силы революции.

Местная узбекская буржуазия стремилась подчинить своему влиянию национально-освободительное движение. В городах Узбекистана возникали и развивались ее организации, выдвинувшие требования буржуазной автономии Туркестана.

В борьбе против революции смыкались в единый фронт буржуазные националисты всех областей Туркестана, Бухары и Хивы. Контрреволюционные стремления национальной буржуазии были, однако, парализованы подъемом национально-освободительной борьбы летом и осенью 1917 г. Широчайшие массы на собственном опыте убеждались, что только большевистская партия принесет им социальное и национальное освобождение. В двери стучалась Великая Октябрьская социалистическая революция.

„Правительство Милюкова — Керенского, — писал товарищ Сталин, — оказалось явно неспособным разрешить коренные вопросы революции.

Нужна была новая, **социалистическая** революция для того, чтобы вывести страну из тупика империалистической войны и хозяйственного развала.

Эта революция пришла в результате Октябрьского переворота“ [1]

[1] И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 159.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1428—1468	Абулхайр, хан узбеков.
1451	Рождение Шейбани-хана.
1468—1506	Султан Хусейн, тимурид.
1483—1530	Захируддин Бабур
1485—тридцат. годы XVI в.	Поэт Васифи.
1500	Взятие Самарканда Шейбани-ханом.
1501	Восстание в Самарканде и борьба Шейбани-хана с Бабуром.
1501 3 января	Смерть Алишера Навои.
1502 — 1523	Исмаил I, шах Ирана.
1503	Поход Бадиуззамана в Мавераннахр.
1505 август	Завоевание Хорезма Шейбани-ханом.
1506 5 мая	Смерть Султана-Хусейна.
1507, май	Взятие Герата Шейбани-ханом.
1510	Война с шахом Исмаилом I. Гибель Шейбани-хана.
1510—1530	Правление Кучкунджи-хана.
1511	Поход шаха Исмаила в Среднюю Азию.
ок. 1511	Образование самостоятельного Хорезмского ханства.
1512—1513	Бабур в Самарканде.
1513	Поход Наджми-сани в Мавераннахр и разгром иранцев под Гиждуваном.
1513	Смерть поэта Беннаи.
1533—1539	Правление Убайдулла-хана.
1538	Завоевание Хорезма Убайдулла-ханом.
1540	Занятие Бухары Барак-ханом.
1540—1551	Правление Абдуллатиф-хана.
1549—1553	Правление Яр-Мухаммеда.
1551 —1556	Правление Науруз Ахмед-хана (Барак-хан)
1554	Бегство в Среднюю Азию Джанибек-султана астраханского.
1557—1598	Правление Абдулла-хана II (ханом узбеков с 1583 г.).
1558—1559	Посольство Дженкинсона.
1558—1602	Правление Ходжи-Мухаммед-хана (Хаджим-хан) хивинского.
1559	Хорезмское посольство в Москве.
1573	Взятие Балха и покорение Ферганы Абдулла-ханом.
1574	Присоединение Шахрисябза, Карши и Хисара к владениям Абдулла-хана.
1575	Нападение Абдулла-хана на Ургенч.
1576	Взятие Самарканда и Ташкента Абдулла-ханом.
1583	Провозглашение Абдулла-хана ханом всех узбеков (до 1598 г.).
1583	Взятие Мешхеда Абдулмумином.
1585/86	(или 1587—1588) Смерть поэта Мушфики.
1587 — 1628	Правление шаха Аббаса I.
1582	Гибель Баба-султана в борьбе с казахами.
1588	Восстание в Ташкенте против Абдулла-хана.
1593—1594	Покорение Хорезма Абдулла-ханом.
1595—1596	Восстание хивинских султанов против Абдулла-хана и поход последнего в Хорезм.
1598	Нападение казахов на бухарские владения.
1598	Правление Абдулмумина.
1599	Смерть казахского султана Теввеккеля.
1599—1605	Правление Баки-Мухаммеда, аштарханида.
1602—1603	Нападение калмыков на Хорезм.
1602—1623	Правление Араб-Мухаммеда.
1611—1642	Правление Имамкули-хана.
1611	Поход Имамкули-хана против каракалпаков в низовья Сыр-дарьи.
1612—1613	Завоевание Ташкента Имамкули-ханом; восстание в Ташкенте и карательная экспедиция Имамкули-хана.
1616	Постройка медресе Араб-Мухаммеда в Хиве.
1619—1622	Посольство Ивана Хохлова.
1619	Постройка медресе Ширдор в Самарканде.
1623—1642	Правление Асфендиар-хана.
1637—1710	Сайида-Несефи, поэт.
1642—1645	Правление Надир-Мухаммеда.
1643—1663	Правление Абулгази I в Хиве.
1645—1680	Правление Абдулазиз-хана.
1651 — 1652	Постройка медресе Абдулазиз-хана в Бухаре.

1663—1687 Правление Ануша-хана.
1669—1671 Посольство Пазухиных в Бухаре.
1680—1702 Правление Субханкули-хана.
1680—1681 Поход Субханкули в Балх против Сиддик-Мухаммеда.
1681 Восстание каракалпаков против Субханкули-хана.
1685 Взятие Самарканда хивинцами.
1688 Принятие Хивы в подданство Субханкули-ханом.
1688—1702 Правление Шах-Нияза ишкага.
1691—1692 Поход Махмуд-бия в Бадахшан.
1692 Антология узбекской поэзии Мухаммеда Беди-ас-Самарканди.
1700 Посольство Шах-Нияза хивинского к Петру I с просьбой о принятии в подданство.
1702 — 1711 Правление Убайдуллаll.
1702—1714 Правление Араб-Мухаммеда II.
1705 Разгром бухарских войск Махмуд-бием.
1707 Поход Убайдулла-хана на Балх.
1708 — 1709 Денежная реформа и восстания в Самарканде и Бухаре.
ок. 1710 Свержение власти ходжей в Коканде Шахрух-бием и утверждение династии минг.
1711—1747 Правление Абулфейз-хана.
1714 Экспедиция кн. Бековича-Черкасского на Каспийское море.
1715—1728 Правление Ширгази-хана.
1716 Постройка Бековичем-Черкасским крепостей на восточном берегу Каспийского моря.
1716 Постройка крепости Омск.
1716 Посольство Абулфейз-хана в Москву для переговоров о торговле.
1717 Поход кн. Бековича-Черкасского в Хиву.
1718 Основание Семипалатинска.
1718 — 1725 Посольство Флорио Беневени.
1719 Постройка медресе Ширгази в Хиве.
1720 Посольство хана Аваз-Мухаммеда в Россию.
1722 Начало восстания Раджаб-хана.
1722 Переговоры каракалпакского хана Ишим-Мухаммеда о «мире и дружбе» с Россией.
1722—1731 Правление шаха Тахмаспа.
1723 Вторжение Цеван-Рабтана в казахские степи. Бегство казаков в Мианкаль.
1724 Смерть поэта Суфи Аллаяра.
1730 Посольство хана Малого жуза Абулхайра в Уфу для переговоров о принятии русского подданства.
1735 Закладка крепости Оренбург (ныне Орск).
1736—1737 Занятие иранцами области Балха.
1736—1747 Правление Надир-шаха иранского.
1740 Поход Надир-шаха в Среднюю Азию.
1741 Восстание хивинцев против иранцев.
1742 Присяга ханов и знати каракалпаков на подданство России.
1743 Смерть Мухаммед-хакима.
1743 — 1749 Восстановление Даргомской плотины на Зарафшане.
1745 Восстание Ибадуллы-хитая.
1753 — 1758 Правление Мухаммед-Рахима-мангыта.
1758 Восстание «семи племен» и междоусобия в Бухаре.
1758—1785 Правление Даниял-бий аталыка.
1763 Выдвижение инака Мухаммед-Амина и захват им власти в Хиве.
ок. 1770 Разгром туркмен Мухаммед-Амином.
1774—1782 Путешествие Филиппа Ефремова.
1782 Нападение бухарцев на Хорезм.
1783—1797 Восстание казахов под руководством батыра Срыма Датова.
1785—1800 Правление Шах-Мурада.
1789—1790 Поход Шах-Мурада на Мерв.
1790—1804 Правление инака Аваза.
1800 Восстание туркмен в Мерве.
1800 Путешествие Бурнашева и Поспелова в Ташкент.
1800—1809 Правление Алим-хана кокандского.
1800—1826 Правление эмира Хайдара.
1804 Восстание Дин-Насир-бека в Мерве; переселение мервцев на Зарафшан.
1804—1806 Правление Ильтузар-хана.
1806—1825 Правление Мухаммед-Рахима I.
1809—1822 Правление Омар-хана.
1810—1811 Покорение каракалпаков Мухаммед-Рахим-ханом хивинским.
1811 Покорение Мухаммед-Рахимом аральских племен.
1815 Взятие Туркестана Омар-ханом.
1818 Поход Мухаммед-Рахима на Хорасан и нападение на туркмен.

1820 Посольство Негри.
1821 Восстание казахов на Сырдарье против кокандского владычества.
1821 — 1825 Восстание хитай-кипчаков.
1822—1842 Правление Мухаммед-Али (Мадали) хана.
1825 Бегство Джахангир-ходжи из Коканда в Кашгар.
1825—1842 Правление Аллакули-хана
1827—1828 Восстание каракалпаков под руководством Айдост-бия.
1827—1860 Правление эмира Насрулла.
1827 (или 1828) — 1897 Ахмад, сын Насира (Ахмади-Калла).
1829 Поход кокандцев в Кашгар.
1831 — 1833 Путешествие Борнса.
1837—1847 Восстание казахов под руководством Кенисары Касымова.
1839 Поход в Хиву ген. Перовского.
1841—1842 Русская миссия Бутенева в Бухаре с участием Ханыкова и Лемана.
1842 Поход эмира Насрулла в Кокандские владения.
1842 Казнь Стоддарта и Конолли в Бухаре.
1842—1845 Правление Шир-Али-хана.
1845—1855 Правление Мухаммед-Амин-хана.
1845—1858 Первое правление Худоярхана кокандского.
1847 Постройка Раимского укрепления.
1851—1903 Мухаммед Амин-ходжа Мукими, поэт.
1852 Избиение кипчаков в Коканде.
1853 Взятие Ак-Мечети русскими войсками и основание там форта Перовского (ныне гор. Кзыл-орда).
1854 Основание укрепления Верного (ныне гор. Алма-ата).
1855 Занятие Мерва хивинцами.
1855—1856 Восстание каракалпаков (Ир-Назар).
1856 Покорение Шахрисябза и Китаба эмиром Насрулла.
1856—1864 Правление Сейид-Мухаммед-хана.
1858—1862 Правление Малля-хана.
1858—1909 Фуркат, поэт.
1859 Восстание в Арале.
1859 Поход флотилии Бутакова в Хиву.
1860 Дунганское восстание в Западном Китае.
1860—1885 Правление эмира Музаффара.
1862—1863 Второе правление Худоярхана.
1863 Миссия Бузурук-ходжи с Якуб-беком из Коканда в Кашгар.
1864 4 июня Взятие Аулие-ата войсками царской России.
1864, 22 сентября Взятие Чимкента
1865, 17 мая Взятие Ташкента
1865—1910 Правление Сейид-Мухаммед-Рахима II.
1866, 24 мая Взятие царскими войсками Ходжента.
1866, 18 окт. Взятие Джизака.
1866—1875 Третье правление Худоярхана.
1867 Образование Туркестанского генерал-губернаторства.
1868, 2 мая Взятие Самарканда.
1868, 2 июня Разгром бухарских войск на Зерабулакских высотах.
1868, 23 июня Подписание мирного договора России с Бухарой.
1870, 13-14 авг. Взятие Шаара и Китаба русскими войсками.
1870 Исследование Памиро-Алайской системы и изучение фауны Средней Азии Н. А. Северцовым.
1870 Искандеркульская экспедиция. Присоединение к России горных бекств.
1871, 26 июля Занятие русскими войсками Илийского края.
1871 Обследование Алайского хребта А. П. Федченко.
1872 Экспедиция в Туркмению полковника Маркозова.
1873, май-июнь Завоевание Хивы царскими войсками.
1873, 12 авг. Заключение мирного договора России с Хивой.
1873, 28 сент. Шаарский договор России с Бухарой о передаче во владение Бухары припамирских бекств.
1873 Изучение природы Ферганской долины А. Ф. Миддендорфом.
1874—1876 Восстание Пулат-хана в Коканде.
1874 Отмена зяката и введение промыслового сбора с ремесленников в городах Туркестана.
1874 Договор Якуб-бека с Англией. Признание Якуб-бека независимым правителем.
1874—1877 Геологическое изучение Туркестана И. В. Мушкетовым.
1875, 29 авг. Занятие Коканда войсками ген. Кауфмана.
1876, 19 февр. Упразднение Кокандского ханства и включение его в территорию Туркестанского генерал-губернаторства.
1877 Занятие китайцами Кашгарии и Джунгарии.
1878, 9 авг. Тайный договор между Россией и Афганистаном (миссия генерала Столетова).
1879, 26 мая Гандамакский договор Англии с Афганистаном.

1881, 12 янв. Взятие Геок-тепе.
1884, март Занятие Мерва.
1884 Введение американских сортов хлопка.
1885, 18 марта Столкновение афганских войск с русским на реке Кушке.
1885 Учреждение в Бухаре Российского императорского политического агентства.
1885 Народное восстание в Фергане (Дервиш-хан-тюря).
1885—1910 Правление эмира Сейид Абдулахада.
1886 «Положение об управлении Туркестанским краем».
1887 Разграничение между Россией и сев.-зап. границей Афганистана.
1891 Экспедиция на Памир полковника Ионова и английского капитана Янгхазбенда.
1892, июнь Городское восстание в Ташкенте («Холерный бунт»).
1892 Восстание Сабир-хана в Кокандском уезде.
1893 «Беспорядки» в Андижанском уезде.
1895, Обмен нотами между Англией и Россией об установлении границы на Памирах.
1895 Включение Бухарского ханства в русскую таможенную черту.
1897 Открытие Туркестанского отдела Русского географического общества.
1898, февраль. Забастовка рабочих-строителей в Коканде.
1898, 17-18 мая. Андижанское (восточно-ферганское) восстание.
1898, 12 июня Казнь в Андижане участников восстания 17-18 мая.
1898, июнь «Беспорядки» среди рабочих в Самарканде.
1899 Окончание железнодорожной линии от Самарканда до Ташкента с ветвью на Андижан.
1900—1906. Аральская экспедиция Л. С. Берга.
1904, 14 мая (1 мая нов. ст.) Первая маевка в Ташкенте.
1905, 12 янв. Собрание в Ташкенте по поводу расстрела рабочей демонстрации в Петербурге 9 января.
1905, янв.-февр. Забастовочное движение в Самарканде и Ташкенте.
1905, 18-23 февр. Забастовка железнодорожников в Ташкенте.
1905, апр.-сент. Аграрное движение в Туркестане.
1905, 22 мая Открытое выступление социал-демократов в Ташкентском городском саду.
1905, 24-27 мая Солдатские выступления в Ташкенте.
1905, 26-30 мая. Забастовка ташкентской конной железной дороги.
1905, 16 июля Рабочая демонстрация в Ташкенте.
1905, 15-27 окт. Октябрьская стачка в Туркестане.
1905, 19 октяб. Расстрел демонстрации в Ташкенте у здания Городской думы.
1905, 7 ноября Митинг в помещении ташкентского цирка.
1905, 15 ноября Выступление частей ташкентского гарнизона.
1905, 9 нояб.-10 дек. Забастовочное движение на железных дорогах в Ташкенте и Коканде.
1905, декабрь Съезд железнодорожников в Ашхабаде.
1906, 1 янв. Сдача в эксплоатацию последнего участка Оренбург-Ташкентской жел. дороги.
1906, февраль Первая социал-демократическая конференция Туркестана.
1906, 3-4 июля Вооруженное выступление Туркестанского саперного батальона.
1906, 13-18 июля Выступление Закаспийского стрелкового и железнодорожного батальонов в Ашхабаде.
1908—1909 Ревизия Туркестанского края сенатором К. К. Паленом.
1910 — 1920 Правление эмира Сейид-Мир-Алима.
1910, январь Народное движение в Бухаре.
1910 Смерть Мухаммед-Рахима II и воцарение в Хиве Асфендиар-хана.
1912, 1-2 июня Восстание сапер в Ташкенте.
1912, 9 августа Суд над восставшими саперами.
1913 Восстание туркмен-иомудов в Хиве.
1915—1916 Волнения в городах Узбекистана, «бабьи бунты» в Ташкенте.
1916, март-апрель Восстание туркмен в Хиве.
1916, 25 июня Указ о призыве на тыловые работы населения Средней Азии.
1916, 4 июля Демонстрация в Ходженте.
1916, 9 июля Расстрел населения в Андижане.
1916, 10 июля Народное движение в Маргелане.
1916, 11 июля Восстание в Намангане.
Восстание в Ташкенте.
1916, 13-29 июля Джизакское восстание.
1917, 27 февр. Февральская буржуазно-демократическая революция в России.
1917, 2 марта Организация Ташкентского Совета рабочих депутатов.

1917, 4 марта Организация Совета солдатских депутатов ташкентского гарнизона.

1917, 5—6 марта Организация Ташкентского исполнительного комитета Временного правительства.

1917, 6 марта Оформление социал-демократической группы в Ташкенте.

1917, 28 марта Объединение Ташкентских советов рабочих и солдатских депутатов.

1917, 30 марта Устранение от должности генерала Куропаткина и его помощников.

1917, март Возникновение Союзов трудящихся мусульман

1917, 5 апреля Манифест Асфендиар-хана о введении конституции в Хиве.

1917, 7 апреля Постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета.

1917, « Манифест эмира бухарского о реформах.

1917, 7 апреля Демонстрация в Бухаре.

1917, 8 — 15 апреля Первый краевой съезд Советов в Туркестане.

1917, 13 апреля Прибытие в Ташкент членов Туркестанского комитета.

1917, 23 мая Демонстрация народных масс в Хиве.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббас I (Великий), сефевид, шах Ирана (1587—1628) 55, 67, 82, 84, 104.
Аббас II, сефевид, шах Ирана (1641 — 1666) 86.
Аббас III, сефевид, шах Ирана (1731—1736) 118.
Абдуджабаров, Абдуррахман (джевачи) 434, 436.
Абдукадыр-усто (XIX в) 336
Абдукариев, мулла, деп. Гос. Думы, 392.
Абдулазиз племянник Дукчи-ишана (ишана Мадали) XIX в. 365
Абдулазиз-хан, казах (1810) 189.
Абдулазиз- хан I, шейбанид (1540 — 1549) 52, 62, 63, 66, 67.
Абдулазиз-хан II, аштарханид (1645 — 1680) 14, 74, 77, 79, 85, 86, 87, 97, 98, 103, 109, 110, 111.
Абдулали тархан, тимуридский наместник Бухаре (XV в. 28, 29.)
Абдулазиз-хана медресе (см. Бухара.)
Абдулахад мангыт, эмир Бухары (1885—1910) 201, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 413, 414.
Абдулваххаб ходжа, поэт (XVI в), 62
Абдулкадыр Гиляни (XII в) 325.
Абдул-Касым-ходжа, ишан (XIX в) 360
Абдулкерим Бухари, историк (XIX в.) 11, 126.
Абдулкерим-хан, минг, Коканд (XVIII в) 131.
Абдулкуддус-хан, правитель Герата 1880(81) 418.
Абдулла, миниатюрист, ученик Музаххиба (XVI в) 65
Абдулла, казахский султан, хан Хивы (1757 г.) 126.
Абдулла-бий, каракалпак (XIX в) 186
Абдулла Иеменский (см. Мири-араб)
Абдулла-султан (см. Абдулла-хан II)
Абдулла-хан I, шейбанид (1539—1540) 52.
Абдулла-хан II, шейбанид (1557—1598) 11, 20, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 67, 69, 82, 83, 104, 105, 116.
Абдулла-хана медресе (см. Балх).
Абдулла-хана медресе (см. Бухара)
Абдулла-хана тим (см. Бухара).
Абдулмалик («Катта-Тюря»), мангыт (XIX в) 200, 237, 238, 239, 240.
Абдулмекарим ходжа (XVI в) 33.
Абдулмумин-султан, шейбанид, наместник в Балхе (XVI в) (см. Абдулмумин-хан).
Абдулмумин-хан, шейбанид, хан Бухары (1598/99) 54, 55, 58, 72.
Абдуллатиф-хан, шейбанид (1540—1551) 52, 54, 62.
Абдулхамид II (1876—1909), султан Турции 112.
Абдурахман афтобачи, кипчак, Коканд (XIX в) 242, 244.
Абдуррахман Джами (см. Джами)
Абдуррахман-джевачи (см. Абуджабаров, Абдуррахман).
Абдуррахимов, мулла, 436.
Абдусалямов, Назир ходжа, ишан (1916 г.) 433, 434, 436.
Абдурразулев, Рахман Джейнак 439
Абдуррахман-хан, эмир Афганистана (1880—1901) 245, 248, 418.
Абдусалям усто (XIX—XX вв) 336.
Абиверд, гор. 83, 175.
Аблай, хан Орта жуза (XVIII в) 210, 211.
Абрамов, А. К., генерал, 238
Абдулгази Бехадур, хан Хивы (1643—1663) 12, 13, 17, 71, 87, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 186.
Абулгази, хан Бухары, аштарханид (1758—1785) 122, 123.
Абулгази IV, каракалпак, хан Хивы, дважды низложен — в 1789/90 и 1804 г. г. 127, 174.
Абулфейз, хан Бухары, аштарханид (1711—1747) 93, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 126, 205.
Абулхайр-хан, чингизид-джучид (1428—1468) 10, 17, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 42, 52, 53, 54, 57, 60, 66, 76.
Абулхайр-хан, казах, хан Малого казахского жуза; упоминается как хан впервые в 1716 году. В 1740 г.—хан Хивинский; убит в 1748 г. 125, 126, 130, 209, 210.
Абу-Мухаммед, казах, чингизид, хан Хивы (XVIII в) 126.
Абу-Са'ид, тимурид (XV в) 25, 26.
Абусаид, шейбанид, сын Кучкунджи-хана (1530—1533) 51.
Абу-Тахир-ходжа 12.
Аваз-бий 12
Аваз-Мухаммед, инак, кунграт (1790—1804) Хива 127.
Аваз-Мухаммед; хан Хивы (правил с 1728 г.) 207
Аванеш, хан Хорезма (XVI в) 66, 67.
Авлия Челеби XVII в), османско-тур. писатель 65.

Ага-Риза Исфагани (ум. 1573) 65.
Агехи, историк 12, 17, 178, 200.
Агра, гор. 51
Адак (креп.) 30
Адак (адаклы), туркменское племя 67
Адаклы-хызр, туркменское племя 69
Азберген, казахский бек (XIX в) 176
Азербайджан 37, 40, 41, 254, 447.
Азербайджанцы 294.
Азиатская Россия (см. Россия Азиатская)
«Азизаны» (Кермининские шейхи) 76
Азизлар, ишан (XIX в) 360
Азия 111, 211, 252, 339, 390, 449.
Азия Центральная 197, 245, 246.
Азовское море 205
Айдост-бий, каракалпак 188, 189, 191, 192.
Айни Садреддин 424
Акбар Великий (1556—1605), великий могол 56
Ак-булак, укрепл. 223.
Акко, генерал 452
Ак-курган, гор. 25.
Акмалхан-тюра (XIXв) поэт 330
Ак-мечеть (форт Перовский, Кзыл-орда) 29, 169, 173, 225, 226, 230, 231, 246.
Ак-мечеть (в 13 клм от Хивы) 350.
Ак-орда (Белая орда, улус Орды) 22, 23, 26
Аксаков З. А. 12.
Акча, гор. 118
Ак-якыш (креп.) 188, 189, 192.
Алайская долина 305, 354
Алайский хребет 171
Александер В. А. 202
Александр Великий Македонский (IV в. д. н. э.) 29.
Александр I (1801—1825) 218
Александр II (1855—1881) 226, 228, 230, 235, 236, 237, 240, 243, 255, 414.
Александр III (1881—1894) 251, 264, 329.
Александров-Гай, гор. 404
Александровский форт (см. форт Александровский)
Алексей Михайлович, царь (1645—1676) 14, 73, 98, 111.
Алжир 255
Али-ибн-Сина (Авиценна) 289
Али-или (эли), туркм. племя 175.
Алим-и-Азизан, шейх 13.
«Алим-залим» (см. Алим-хан)
Алимкул, правитель Коканда (XIX в) 231, 232, 233.
Алим, мулла (см. мулла Алим)
Алим-хан, минг, Коканд (1800—1809) 135, 163, 168, 169, 172.
Алим-хана медресе (см. Бухара)
Алим (Сейид мир Алим), эмир Бухары (1910—1920) 413, 414
Алишер Навои (см. Навои)
Аллакули, хан Хивы (1825—1842) 12, 165, 167, 172, 175, 178, 192, 222, 224 225.
Аллакули-хана базар (см. Хорезм)
Аллакули-хана караван-сарай (см. Хорезм)
Алакули-хана медресе (см. Хорезм)
Аллакули-хана Таш-хаули (см. Хива)
Алла-Мурад Анна-бай-оглы, поэт (XIX в.) 61.
Алма-ата (см. Верное)
Алматы, сел. 225 (см. также Верное)
Алпамыш 333
Алтай 84
Алтыновская волость 383
Алчин, узб. племя 88
Алчин-жуз (Малая или Младшая орда) 125, 126, 129, 130, 208, 209, 210, 211, 222.
Америка 10, 211
Америка Северная 227
Аму-дарья, р. 18, 34, 35, 36, 42, 50, 51, 67, 86, 91, 99, 100, 103, 106, 118, 119, 122, 124, 130, 134, 135, 137, 143, 147, 151, 155, 161, 163, 176, 188, 189, 190, 206, 207 210, 226, 239, 241, 249, 250, 291, 292, 295, 299, 349, 355, 404, 406, 407, 410, 415, 416, 419, 448, 449.
Амударьинский отдел (Сырдарьинской области Турк. ген.-губ-ва) 255, 256, 260, 268, 275, 292, 347, 415, 416, 417, 418, 420, 450.
Ананьев А. Г., военный инженер 406.
Анау (Аби-нау) 175
Ангрен, р. 293.
Ангрен, долина 243, 295.
Андижан 31, 34, 55, 56, 242, 244, 261, 279, 294, 310, 329, 351, 362—370, 382; 283; 384, 432, 441, 444.
Андижанская область (УзССР) 255
Андижанский уезд 257, 275, 344, 348, 357, 358, 363.
«Андреевское тов-во» 282
Андроников, князь 395, 406.
Андхой (Андхуд) 36, 50, 118, 124, 134.
Анна-бай (XVIII в) 61
Анна Ивановна, императрица (1730 — 1740) 125, 209
Ануша-хан, Хива (1663—1686) 12, 87, 88, 89, 100, 101, 103, 104, 106, 111.
Ануша-хана бани (см. Хива)
Ануша-хана медресе (см. Хива)
Анхор (см. Ташкент)
Аппак-ходжа, ак-таглык, Кашгар (XVII в)
Араббаев Субханкул (XIX) 369
Араб-Мухаммед-хана медресе (см. Хива) 100, 101, 102, 112.
Араб-Мухаммед-хан, Хива (1702—1714) 104, 205
Араб-Мухаммед-хана медресе (см. Хива)
Арабов 281
Арабы 76, 90, 135, 136, 137, 139; 145; 294; 299, 309; каршинские 320; самаркандские 320.
Араван, кишлак 131
Аравия 294
Арал, владение 100, 101, 103, 134, 135, 174
Арало-каспийский район 354,
Аральское море 14, 16, 18, 68, 100; 102; 103; 105, 106; 113, 130, 137, 176, 184; 185; 189, 192, 207, 209, 219, 222, 225, 317.
Аргун, отуреч. монг. племя 38
Ариф-ходжа (XIX в) 392
Аркук, креп. 25
Арлат, отуречен. монг. племя 35, 38
Армяне 253, 294

Артык-суфи (Ганб-Назар Артык-Ходжаев) 369
Арысь, р. 295.
Ассаке, гор. 242
Асири, поэт (XIX в) 330
Астанкул, кушбеги (XX в) 413, 414
Астрабад, гор. 30, 37, 38
Астрабад, область 37
Астраханское ханство 23, 43.
Астрахань 26, 28, 43, 56, 67, 75; 83; 99; 106; 107, 108, 110, 111, 112, 136, 149, 174, 204, 207, 342, 419.
Асфендияр-хан, Хива (1623—1643) 102, 103, 108, 111, 112.
Асфендияр-хан, Хива (1910—1920) 395, 450, 451, 455, 456.
Асхабад (см. Ашхабад)
Атаджан, кунграт, Хива (XIX в) 416
Ата-Мурад иомуд, хан туркменский (XIX в) 176
Атанияз Нияз-Мухаммедов, караван-баши (XIX в) 218.
Аты-якши, р. 223
Аулие-ата, креп., 230, 231
Аулиеатинский уезд 341, 347, 363, 368
Аурангзеб, «великий могол» (1658—1707) 88
Афанасьев, подполковник 433, 434
Афганистан 11, 38, 118, 120, 123, 124; 149; 162, 175, 216, 218, 228, 245, 247, 248, 249, 250, 252, 260, 272, 273; 357; 404; 405; 410; 418; 434; 448.
Афганистан, Северный 42, 50, 290
Афган-султан, Хива (XVII в) 112
Афганцы 88, 115, 229, 250, 251, 252, 294, 418.
Африка 211
«Афсус» (см. Мухаммед-Хусейн-бек)
Афшар, туркм. племя 118
Афшариды, династия шахов Ирана 11, 118
Ахад-хана дворец (см. Бухара)
Ахал-теке 249
Ахалтекинский оазис 249
Ахангеран, креп. 54
Ахмади-калла, историк (1827/28 — 1897), Бухара 201, 411, 412,
Ахмади-Донниш (см. Ахмади-Калла)
Ахмеджанова Р. (см. Ризван-хан-биби)
Ахмед-мирза, тимурид, (XV в) 28, 29, 30, 31
Ахмед, мулла (см. мулла Ахмед)
Ахмед Руми, поэт (XV в) 29.
Ахмед-Табиб («Табиби»), поэт (XIX в), Хива, 178
Ахмед (хан), чингизид (XV в) 26
Ахмед-шах, Дуррани, Афганистан (1747—1773) 124
Ахмед, эмир («Наджми Сани») иранец (XVI в) 50, 51,
Ахмед Ясеви 96
Ахрар, ходжа (см. Ходжа Ахрар)
(Ходжа) Ахрара медресе (см. Самарканд)
(Ходжа) Ахрара могила (см. Самарканд)
Ахсикет, гор. 76
Аштарханиды, династия (1599—1753) 11, 61, 72, 74, 76, 81, 83, 84, 87, 89, 95, 96, 105, 116, 118, 120, 121, 122, 123, 133, 134
Ашхабад (Асхабад) 249, 379, 380, 382, 388, 402, 403, 419, 445
Ашхабад (Асхабад), уезд 279
Аюб-хан, Афганистан (1881) 298, 418.

Бабаджанов Араббек 368
Баба-Наккаш (XV—XVI вв.), живописец 65
Баба-Султан (см. Баба-хан)
Баба-хан, чингизид (1556—1582) 54, 55
Баба-хан, наместник Хузара (XVIII в.) 118
Бабур, Захируддин-Мухаммед (1483—1530), тимурид, «великий могол» (1526—1530) 10, 11, 13, 17, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 46, 49, 50, 51, 58, 59, 60, 61, 133.
Бабушкин Е. Н., большевик 445
Багад, сел. 147
Багдад, гор. 40
Багрин, узбекское племя 117
Бадам, р. 295
Бадахшан 12, 34, 50, 73, 82, 86, 88, 89, 90, 115, 116, 209.
Бадгис, пров. 36
Бадиуззаман-мирза, тимурид (1506), Герат 34, 35, 36, 37.
Базан-гумбаз 251
Базари-гусфанд (см. Бухара)
Базинер Федор Иванович, ботаник (1817—1862) 16
Баз-оглан 180
Байбарс-Султан, Хорезм (XVI в.) 66
Байрам-Али-хан, иранский наместник в Мерве (XVIII в.) 123
Байсун, гор. 121
Байсун-тау 292
Баки-Мухаммед-хан, шейбанид (1598/99—1605) 83, 84
Баку, гор. 379, 390
Бала-и-Мургаб, креп. 89
Балканы 399
Балх, гор. 34, 35, 36, 44; 50; 51; 52, 53, 54, 56, 58, 61, 62, 73, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 107, 109, 118, 216, 218, 402; медресе: Абдулла-хана 84.
Балх, область 79, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 115, 116, 119, 124, 134
Балхаб, р. 35
Балханские горы 68, 69
Балханский залив 217
Балханский порт 218
Балхаш, оз. 21, 66
Балянд, мечеть (см. Бухара)
Балыкчи, сел. 244
Батыр, казахский султан (XVIII в.) 126
Барак-хан, казах, чингизид (1425—1428) 25, 26
Барак-хан (см. Науруз-Ахмед-хан)
Барак-хана медресе (см. Ташкен)
Баранов, Иван Федорович, купец и мануфактурист (1807—1848) 222.
Баранов Г. С. рабочий, соц.-дем. 372.
Барат-ходжа, арык 384
Барлас, отуречен. монг. племя 36
Барон, Карл 429
Бартольд, Василий Владимирович, академик (1869—1930) 16, 17, 18, 21, 200, 202, 355.

Барятинский, Александр Иванович, ком. кавказск. войсками 228
Баталов, рабочий 373
Бауман В. П., большевик 445
Бахауддин, сел. 64
Бахауддин Накшбанд, ходжа (суфийск. шейх XIV в) 64, 95, 325
Бахауддина шейха мазар (см. Бухара)
Бахауддина Накшбанди ханака (см. Бухара)
Бахирев А. В., соц.-дем: 372, 373
Башкирия 210, 447
Башкиры, 9, 105, 106, 129, 197, 204, 209, 254, 394.
Баязид II султан, Турция (1481—1512) 41, 65
Бедиль, поэт, Индия (1644—1720) 133, 397
Безак Александр Павлович, команд. Отд. Оренбург. корпусом, оренбург. и самарск. ген.-губ. (1860—1865) 230.
Бейпин, гор. 170
Бекович-Черкасский, Александр (Девлет-Гирей-Мурза Бекович, князь) 124, 206, 207, 208.
Бекчурин, Мендияр, переводчик, (XVIII в.) 15, 212.
Белая орда (см. Ак-орда)
Белоруссия 230, 447
Белуджи 90
«Бельгийское об-во», акц. ком. 380
Бенгалия 51
Беневени, Флорио 15, 81, 100, 115, 116, 117, 118, 204, 207, 208
Беннаи, поэт (XV в.) 10, 39, 58, 59, 60, 62
Берг Федор Федорович, полковник (1793—1871) 219, 223
Берг Лев Семенович, член-корр. АН с 1876 г. 355
Березин Илья Николаевич, ориенталист (1819—1884) 10
Берке-султан, чингизид, Хорезм (XVI в) 66
Бессарабия 447
Беурма, аул 249
Бехзад, Кемаледдин (род. ок. 1450 — ум. 1536/37 г. г.) 39, 65
Бешагачская даха (см. Ташкент)
«Бешбош», фирма 282
Биби-ханым, мечеть (см. Самарканд)
Бирма 405
Бланкеннагель, майор, врач (XVII/ в.) 15, 127, 212
Бларамберг, Иван Федорович, военный топограф, генерал, (1803—1878) 225
Ближний Восток 151, 395, 396, 449
«Блок, Ж.», фирма 381
Бовat, гор. 101
Богословский 2-й, горн. инж. 16, 168, 224.
Боз-су (см. Ташкент)
Болгары, географ. назв. 22
Боло-хауз, мечеть (см. Бухара)
«Большая Ярославская мануфактура» 420
Бомбей, гор. 239
Борнс, Александр 16, 136, 167, 216
Борохудзир, сел. 339
Ботанический сад (см. Ташкент)
Бржезицкий, полковник 444.
Бувайды, сел. Маргеланского уезда 383
Бузанский М.М., студент 372
Бузачи, полуостров, 240
Букеевская орда (см. Казахская орда)
Булыгин А. Г., мин. внут. дел. (1905) 381
Булуигурская степь 347
Бурдалык, гор. 293
Буркут (беркут), узбекское племя 23
Бурнашев Тимофей Степанович, горн. инжен. (XIX в.) 15, 131
Бурхан-султан, шейбанид, правитель Бухары (XVI в.) 46, 52, 53
Бурхануддин Маргинаии (ум. в 1197 г.) 33.
Бурхануддин-хан Кушкеки 12.
Бурхануддин, мулла, казикалян, Бухара (1917 г.) 453
Бурундук-хан, сын Гирея, хан казахов (1480—1511) 29, 30
Бутаков Алексей Иванович, контр-адмирал (1812—1869) 16, 176.
Бутенев Константин Федорович, горн. инж. (1805—1869) 16, 168, 224.
Бухара, гор. 11, 13, 14, 15, 16, 17, 28, 29, 31, 35, 40, 43, 44, 46, 47, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 67, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 101, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 132, 134, 135, 136, 139, 140, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 164, 165, 166; 167; 171, 172, 177, 179, 181, 182, 183; 185; 200; 204; 206, 207, 208, 209, 212, 215; 216; 218, 224, 226, 229, 232, 233; 235; 236; 238, 273, 285, 292, 294, 299; 300, 304, 308; 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315; 316, 322, 325, 328, 330, 333, 334, 336, 337, 338, 357, 402, 406, 408, 409, 411, 412, 413, 414, 451, 452, 453, 454, 455, 456; арк: 77, 87, 92, 122, 133, 152, 168, 236; таки Заргаран 64, Орд-фурушан 64, Саррафан 64, Тильпак-фурушан 64, Тиргаран 64; Тими Абдулла-хан 43, 64; Бани: Саррафан 104; ворота; Намазгах 87, 120, Талли-Пач 120; караван-сараи: Гаукушан 43; дворец Ахад-хана 336; мазары: Бахауддин-шейха 64, 121, 322, 325; медресе: Абдулла-хана 59, 64; Абдулазиза 97, Алим-хана 334, Гаукушан 64, Гусфанд 98, Дамулла-Турсунджан 182, Джуйбари-калан 98, Ирназар-ильчи 182; Кош-медресе 64 Кукельдаш 64, Мадари-хан 64, Миракон 98, Мири-араб 63, 119, 120, Улугбека 97, Халифа-худайдад 182; мечети: Балянд 65, 97, Болохауз 133, 334, Лисак 43, Масджиди-калан 63, Мухаммед-яр-аталык 98, Халифа-Худайдад 182, Ходжи Зайнуддина 65, 97, Чар-минар (Халифа-Ниязкул) 182; Областной музей 65; Ригистан 98,

115, 133, 236, 334, 413, 454; сардоба Халифа-Худайдад 182; улицы: Хиабан 64; урочище Чарбакр 64, 120; ханака Бахауддина 64
Бухара Восточная 34, 402, 405, 409, 454; Новая (Каган) 404, 413, 452, 454.
«Бухара-и-шариф», газета 413
Бухария 174, 219
Бухария Малая 206
Бухарища 115
Бухарская ж. д. 283
Бухарская область (УзССР) 255, 293, 309.
Бухарский вилайет 114, 152, 154
Бухарский оазис 64, 86, 103, 134, 291, 292, 401
Бухарский эмират 144, 199, 201, 290, 291, 293, 336, 402, 405, 412, 413, 420.
Бухарское ханство 11, 13, 15, 17, 18, 19, 49, 56, 65, 72, 73, 75, 78, 79, 80, 82, 89, 92, 93, 96, 98, 103, 104, 105, 106; 110, 111, 112, 115, 116, 119, 123, 124, 125, 127, 130, 132, 134, 135, 137, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157; 159; 162, 163, 164, 168, 169, 171, 173, 175, 176, 178, 193, 205, 206, 208, 209, 212, 213, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 228, 229, 231, 234, 235, 236, 238, 239, 240, 245, 246, 249, 250, 255, 260, 268, 271, 273, 275, 276, 290, 295, 299, 305, 306, 310, 324, 325, 336, 401, 404, 406, 409, 410, 411, 412, 415, 419, 420, 424; 425; 434, 448, 449, 451, 453, 454, 455, 457.
Бухары 73, 81, 99, 111.
Бухгольц Иван Дмитриевич, капитан (участн. экспед. 1714—1716 г.) 206, 207

Вагай, р. 106
Вадьяевы бр., фирма 281, 412
Вазир (см. Шахри-Вазир)
Ваккас-бий, мангыт-ногай, чингизид (XV в) 25
Вали-Мухаммед-хан, шейбанид (1605—1611) 83, 84.
Вамбери, Арминий 16, 17, 18, 150, 221.
Варданзи, сел. 87, 88, 103,305.
Васифи (Васыфи) Зайнуддин-Махмуд, поэт (1485—1530-ые гг). 43, 62, 178.
Вахан, припамирское бекство 134, 171, 251 252.
Веймарн Б. В. 20
«Великие моголы», тимуридская династия, Индия (1526—1788) 43, 51, 56, 61, 75, 118, 135.
Венгры 16
Виноградова А. 425
Вельяминов-Зернов Владим. Владим., ориенталист (1830—1890) 11, 17.
«Вербов и Ко», товарищество, 429
Веревкин, генерал, 230, 240, 241.
Веригин Александр Иванович, ген.-майор; дир. деп-та военн. поселений; в 1848 г.— редактор «Русского Инвалида» 219.
Верное, укрепл. (Алма-ата) 225, 230.
Веселовский Николай Иванович, ориенталист (1843—1919) 18, 200, 355.
Витте Сергей Юльевич, мин. финансов (1892—1903), премьер (1905—1906)
Военно-промышленный комитет г. Ташкента (см. Ташкент).
Волга 23, 26, 56, 210, 212, 214
«Волокно» об-во 420
Воронцовский бульвар (см. Ташкент)
Воронцовская ул. (см. Ташкент)
Восточный Туркестан (см. Туркестан Восточный)
Восточное отдел. Русск. археол. об-ва 354
Вревский Александр Борисович, Турк. генер.-губернатор (1889—1898) 251. 342, 352, 361.
Вуд Джон 216
Вуда озеро (см. Зоркуль)
Вяткин, Василий Лаврентьевич, археолог (— 1932) 12, 18, 19, 355, 444
Вяткин Михаил Лаврентьевич 203.

Гагарин Матвей Петрович, сибирск, губерн. (казнен Петром I в 1721 г.) 206.
Гагемейстер Юрий Андреевич (1806—1878) 217, 228.
Газават, гор. 147
Гази, поэт (XIX в.), Коканд 179.
Гази-абад сел. 121
Гази (Газы)-Яглык, кишлак Коканд. уезда 432.
Гайнабаев, Бабатай 369
Гаип (см. Каип-хан), казах
Галкин, Александр Семенович, ген., военн. губ. Сырдарьинск. обл. (1916 г) 451.
Гандамак 242
Гарднер (см. Кузнецов М.)
Гасфорд, Густав Христианович, ген.-губерн. Зап. Сибири (1851— 1861) 225, 228.
Гаукушан, караван-сарай (см. Бухара)
Гаукашан, медресе (см. Бухара)
Геке, полковник ген. штаба 223
Гельвальд Фридрих 200
Гельмерсен, Григорий Петрович, геолог (1803—1885) с 1855 г. действит. член АН. 16
Геок-тепе, креп. 249
Геппенер Сергей Андреевич, ген.-майор, военн. губ. Сырдарьинск. обл. (1915 г), 450.
Герат, гор. 35, 36, 37, 39, 40, 49, 50, 54, 55, 60, 62, 82, 83, 179, 217, 218; 248; 250, 359, 402, 418; Ихтиаруддин, цитадель 37.
Герируд, р. (см. Теджен-дарья)
«Гергард и Гей», фирма 429
Германия 350
Гиждуван, гор. 51, 103, 305
Гиндукуш 86, 250, 251, 252
Гималаи 247
Гирей-хан, казах, чингизид (XV в.) 26, 27 29
Гирс Федор Карлович, действ. тайн. советн. (1842—1891) 200, 270, 278.
Гиясуддин-ибн-Мухамед (см. Хондемир)

Главные ж. д. мастерские, (см. Ташкент),
Гладышев, поручик (XVIII в) 15, 115
Глазунов, рабочий 373.
Гоклан, туркменское племя, 174, 175.
Головачев, генерал 248
Голодная степь 296, 344, 347, 349, 355, 400, 429, 441
Голубков Платон Васильевич. московск. купец, издат. Борнса на русск. яз. (ум. 1855), 217, 218.
Гори 86
Гор-оглы 180. 333
Горчаков Александр Михайлович, мин. ин. дел (1856—1882), гос. канцлер (1867—1882) 229, 246.
Государственная Публичная биб-ка УзССР им. Алишера Навои (см. Ташкент)
Григорьев Василий Васильевич, ориенталист (1816—1881) 11, 15
Гренвиль, Джордж, брит. мин. ин. дел, лорд. 248.
Гродеков Николай Иванович, турк. ген.-губерн. (1906—1908) 359, 361, 362.
Громбчевский Бронислав Людвигович, капитан 251.
Грузия 447
Губаревич-Радобыльский А. Ф. 202.
Гузар, гор. 33, 283.
Гукс, подполковник 257.
Гулишамбаров Степан Иосифович 202.
Гуляев, переводчик (XVIII) 15. 20.
Гульхани, поэт, Коканд (XIX в.) 179.
Гурлен, гор. 137, 161.
Гурген (Гурган) 38
Гурьев, гор. 106, 222
Гурьев-городок (см. Гурьев)
Гучков А. И , октябрист 438:

Дабусия, креп: 31
Дагестан 126
Давлетшин, А. А., генерал 454.
Дамулла-Турсун-джана медресе (см. Бухара).
Данилевский Г. И. полковник (XIX) 16, 146, 225.
Даниял-бий аталык, мангыт (1758—1785), Бухара 15, 120, 121, 122, 123
Дарваз, памирское бекство, 134, 135. 171, 252, 401, 405, 409
Даргом, плотина 122
Дардистан 250, 251
Датов Сарым (Срым) казах, батыр, Малый Жуз (вождь восстания 1873—1797) 211.
Даудов Василий Александрович, посол (XVII в.) 14
Дели, гор. 51, 118.
Делиль Пьер, франц. географ. (XVII) 113
Демезон Петр Иванович, востоковед (ум. в 1873 г.) 12.
Демидов А. 202.
Демурова, типография (Самарканд) 377
Денау, вилайет 135
Денгиль-тепе (см. также Геок-тепе) 249
Денике Борис Петрович, профессор-искусствовед, 20
Дера-Гази-хан, гор. 216.
Дервиш-хан, чингизид, правитель Ташкента (XVI в.) 54
Дервиш-хан-тюря, Фергана, 1880-ые гг. 357, 358.
Дергай, рабочий 373
Дешти-кипчак 10, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 39, 44, 54, 56, 66, 82; 291; 292.
Джабут, узб. племя 91
Джагатайцы (см. чагатайцы)
Джалаир, отуреч. монг. племя 35, 38
Джалалабадский комитет общественной безопасности, 443.
Джаляль-кудук, волость 344
Джаль, ущелье 356
Джам, гор. 37
Джамбул, гор. (см. Аулие-ата)
Джами, Мавлана Нурэддин Абдурахман, поэт (1414—1492) 61
Джами, мечеть (см. Масджид-и-Джами)
Джанибек, джучид, казах, сын Барак-хана (XV в) 26, 27
Джанибек-султан, джучид, (XVI в.) 83
Джаниды (см. также аштарханиды) династия 83
Джаны-курган (см. Янги-курган)
Джарлык-тюря, хан каракалп. и казахский (1855/56) 176
Джат, узбекское племя, 23.
Джахангир, живописец (XVI в.) 65.
Джелаледдин Даввани (XVI в) 59
Джемаледдин-Азизан, шейх (XV в.) 29
Джемшид, иранское племя 162, 167
Дженд, укрепл. 22
Дженкинсон, Антони (XVI в) 14, 44, 56, 67, 68, 69, 70, 110,
Джете (см. моголы-джете).
Джехангир-ходжа, ак-таглык, Кашгар (XIX) 170
Джизак, гор. 134, 135. 163, 200, 235, 291, 300, 433, 434, 436.
Джизак, уезд 255, 268, 275, 293, 433, 434, 435.
Джуги, цыганская родовая группа 293
Джузгун (Файзабад), гор. 89.
Джуйбар, мест. 46, 76, 87, 103.
Джуйбар-калан, медресе (см. Бухара)
Джуйбарские шейхи, 13, 20, 45, 87
Джулек, креп. 173, 228
Джунаид, туркмен. род 417
Джунаид-хан (XIXв.) 417, 450, 451.
Джунгария 131, 209, 210, 245, 246, 247
Джунгары 114, 129, 131, 209
Джунгары (калмыки) 131
Джура-бий, шахрисябзский бек, кенегес 238
Джучи, улус (см. Синяя или Кок-орда)
Джучи, чингизид (XIII в.) 22, 60, 83
Джучиды, династия, 25.
Диарбекр (Диарбекир) гор. 40.
Дивана-и-Машраб, поэт (XVII в.) 132, 133.
Дин-Мухаммед, правитель Дуруна, Хорезм (XVI в) 67

Дин-Мухаммед-султан, правитель Балха, шейбанид (XVI в.) 54.
Дин-Мухаммед-хан, аштарханид (XVI в.) 83
Дин-Насыр-бек, мангыт, правитель Мерва (XIX) 163.
Дихистан (Мехшеди-Мисриян) 68
Днепр, р. 21
Домин, рабочий 373
Дукчи-ишан (см. Мадали-ишан).
Дунгане 245
Дурман, узбекское племя 23, 39
Дурун, гор. 67, 175
«Дюршмидт», фирма 429.
Дюшамбе, вилайет 290

Евреи бухарские (среднеазиатские) 135, 136, 279, 294, 319, 412
Европа Восточная 22, 56
Европа Западная 10, 15, 74, 78, 111, 113; 114, 214; 449
Египет 151, 328
Едигей, мангыт-ногай, чингизид (XVI в) 23
Екатерина II (1762 — 1796) 211, 212
Еркеть (см. Яркенд)
Ермолов, генерал 175, 218
Ерофеев, генерал, пом. Турк. ген.-губ-ра, 1917 г. 440
Есим (см. Ишим)
Еты-(Етты)-уруг («семь племен»), казахское племенное об'единение 121, 122, 164
Ефремов Филипп, сержант (XVIII в) 15, 122
Жанибек (см. Джанибек)
Железноводск 407
Жуз Большой (см. Улу-жуз)
Жуз Малый (см. Алчин-жуз)
Жуз Средний (см. Орта-жуз)
Жуковский, С. В. 18 201, 202
Жюнейт (см. Джунаид-хан).
Заамин, гор. 163, 434
Завитневич, полковник, нач, Амударьинского отдела 455
Завки, поэт (XIX в) 330.
Заилийский край 225
Зайнуддин-ходжа, мечеть (см. Бухара)
Зайсан (озеро) 207
Закавказье 63, 253, 294, 373, 391.
Закаспийская ж. д. 198, 249, 261, 294, 402, 407, 419, 449.
Закаспийская область 249, 250, 255, 275.
Закаспийский край 245.
Залесский Петр Карлович 354
Зальм Луи 429
Замбербаль, сел. 366.
Замин, гор. 34
Занги-ата, сел. 322
Заорская В. В. 202
Западная Европа (см. Европа Западная)
Западная Сибирь (см. Сибирь Западная)
Западно-Сибирская низменность 23
Западный Китай (см. Синьцзян)
Зарафшан, р. 32, 33, 78, 106, 120, 121, 122; 134, 159, 163, 164, 237; 291; 294; 295; 401; 402.
Зарафшана, долина 42, 54, 55, 117, 130, 134, 135, 142, 145, 189, 239, 291, 402, 448.
Зарафшанский оазис 290
Зарафшанские горы 33
Зарафшанский округ (админ.) 239, 268, 269, 270
Зарафшанский район (Бух. ханство) 276
Зарлык-торе, казахский царевич, каракалпакский хан (1855—56) 193
Зарудный Николай Алексеевич, зоолог (1879—1919) член.-корр. АН с 1895 г. 355
Зауралье 339
Зауран-куштут 371
Зах-арык 296
Зачирчикский край 235
Зерабулак, гор. 238, 239
Зерабулак, возвышенность 238
Зерабулакская степь 347, 349
Зимин Л. А. 18
Зияев, сельский старшина, 431
Зияуддин-Махсум мулла (XIX в) 367
Зия-Мухаммед (базарный старшина) 360
Зияуддин, станция 31
Золотая (Синяя) орда (см. Ак-орда)
Злотников М. Ф. 214
Зор-куль (озеро) 250, 252
Зубов П. С., фабрикант 222
Зурабов А. Г., соц.-дем. 372
Ибадулла-хитай, хитай-кипчак (XVIII в.) 121
Ибак (хан), чингизид, Сибирское ханство (XV в.) 57.
Ибн-ал-Асир, историк (XII—XIII) 178
Ибрагим (эмир) шейбанид, Ташкент (XVI в.) 46.
Ибрагим-бий, правитель Шахрисябза, кенегес (XVIII в.), Бухарск. ханство 117
Ибрагим Лоди, делийский султан, патан (XVI в.) 51
Иван IV, Васильевич Грозный (1533—1584) 14, 44, 53, 56, 67, 262
Иванов, полковник (1916) 434
Иванов Павел Петрович, историк 12, 13, 17, 19, 20; 203
Игнатьев Николай Павлович, дипломат, дир. Азиатск. деп. Мин. ин. дел (1861—1864) 16, 226, 230.
Измухшир, гор. 417
Икчи-ишан (см: дукчи-ишан)
Илек, р. 129
Или, долина 92, 135
Или, р. 84, 245.
Илийский край 247
Ильбарс-хан, Хорезм (1511-1538) 66, 68, 70 71.
Ильбарс-султан (см. Ильбарс-хан)
Ильбарс-хан, казах, чингизид Хива (1728—1740), 119, 124, 125, 126
Ильбарс, сын Араб-Мухаммеда, Хорезм (1623) 102, 112.
Ильтузар-хан, инак, кунграт, Хива, (1804—1806) 127, 140, 163, 174, 188
Ильтузар-хана куриниш-хана (см. Хива)
Ильялы, гор. 416

Имамкули-хан, аштарханид (1611—1642) 14, 73, 75; 80; 82; 85, 97, 98 105, 111.
Инаков, династия 127
Инд, р. 51, 216, 221. 250
Индийцы, 74, 86, 136, 139, 231, 234, 270, 294
Индийская империя 43, 250
Индия 14, 15, 20, 43, 46, 56, 61. 63, 74, 86' 88, 89, 90, 97, 99, 107, 109, 115, 124, 133, 167, 206, 209, 212, 213, 216, 217, 219, 229, 239, 245, 246, 248, 250, 251, 273, 405
Индия, сев.-западная 404
Индиянополь, гор. 217
Индостан (см. также Индия) 51
Индусы (см. также индийцы) 46
Иногам-ходжа, старш. аксакал Ташкента 360
Институт истории КП(б)Уз (филиал ИМЭЛ) 197, 423
Институт по изучению восточных рукописей АН УзССР (см. Ташкент)
Иомуд (йомут) туркм. племя 126, 167, 175, 176, 248, 417, 451
Ионов Михаил Ефремович, полковник 251, 252
Ирак персидский, 40, 41
Иран 10, 11, 14, 18, 40, 43, 50, 51, 54, 55, 56, 58, 63, 66, 67, 70, 74, 82, 84, 86, 90, 94, 96, 108, 118, 123, 124, 125, 149, 150, 151, 167, 175, 208, 214, 216, 217, 226, 228; 249; 272; 274; 399, 405, 412, 413, 449
Ирани, этн. группа (см. также марви) 293 304, 323
Иранцы 14, 23, 41, 44, 46, 50, 51, 58, 59, 70, 82, 83, 88, 100, 118, 119, 120, 121, 125, 126, 135, 150, 162, 175, 294, 413, 414
Ирджар 235
Ирджарская ул. (см. Ташкент)
Иркеть (см. Яркенд)
Иркутск 372
Ирназар-бий, кунгратский каракалпак (XIX в) 193
Ирназар-ильчи, медресе (см. Бухара)
Ирнак (Эренк), хан Хивы (1686—1687) 89, 104
Иртыш, р. 21, 22, 24, 106, 207, 209, 211.
Иртышская укрепленная линия (см. Сибирская военная линия)
Исет Кутабаров, казах (XIX в.) 225
Искандер, аштарханид, наместник Ташкента (XVII в.) 84
Искандер-бек, правитель Ташкента (1865) 233
Искандер-куль 239
Искандер-мунши, историк (XVII в.) 11
Искандер-султан, владетель Кермине и Миankаля (см. Искандер-хан)
Искандер-хан, шейбанид (1561—1583) 52, 53, 83,
Ислам-абад, креп. 123
Ислам-ходжа (см. Ходжа Ислам)
Ислам-ходжа, медресе (см. Хива)
Ислам-ходжа, минарет (см. Хива)
Исмаил 1, шах Ирана (1502—1523) 40, 41, 49, 50, 51, 54, 58, 66
Исхак-бек, хитай-кипчак, глава восст. 1821—25 г.г. 165.
Исхак-мулла Хасан-оглы, киргиз (см. Пулат-хан) 242
Исфара, р. 295
Исфайрам, р. 295
Исфахан, гор. 40. 104
Ихтиаруддин, цитадель (см. Герат)
Ишим, р. 106
Ишим, казахский хан (1598/99) 56
Ишим-Мухаммед, каракалпакский хан (XVIII в.) 128, 129, 185
Кабаклы (см. Кабаклыкск, пристань)
«Кабаклыцкое пристанище» (см. Карабалыкск. пристань)
Кабул, гор. 36, 51, 75, 115, 118, 216, 217, 218, 224, 359
Кабул, область 35. 50, 248.
Кавказ 198. 208. 218. 226. 228. 230, 240, 297, 309, 329, 338, 365, 393, 399, 407, 428, 447
Каган (Новая Бухара) см. Бухара
Каган-Карши-Термез (ж. д.) 407
Кадырия, суфийский орден (XII в.) 325
Казаки уральские 102, 107, 129, 347, 398; 420
Казаки, яицкие (см. казаки уральские)
Казалинск (форт № 1) 212. 225, 382, 402
Казанское ханство 23, 43, 262
Казань 10, 12, 43, 56, 83, 107, 108, 111, 372, 390
Казанская губерния 394
Казах, казахи 9, 10, 15, 19, 20, 27, 39, 40, 54-56; 80—85; 90, 92, 100, 102, 105; 106, 112, 117, 124, 125, 127-130, 132, 135, 136, 137, 139, 150, 151, 155, 161, 167, 168, 169, 173, 174, 175, 176, 189, 203, 208-211, 213, 215, 222-225, 231, 258, 291-293, 298, 299, 305, 314, 316, 344, 345, 346, 348, 349, 393, 394, 416, 417.
Казахи Адаевского рода 418
Казахстан 208, 211, 344
Казахская (Букеевская) орда 56, 222.
Казахская степь 43, 103, 116, 138, 168, 209, 210, 212, 213. 224, 268, 419,
Казахская ССР 255, 347
Казахское ханство 26
Каз-аяклы, каракалпакский род 186.
Канп, хан каракалпакский (XVIII в.) 129
Канп, казахский султан, хан хивинский (1747—1757) 126
Кази Паянде, поэт (XVI в) 62
Калмыки 14, 25, 34, 76, 80, 81, 82, 83. 84, 85, 92, 102, 107, 111; 112; 117; 118; 124, 129, 131, 150, 168, 210
Калмыки (джунгары) 131, 208.
Калмыки (ойроты) 84.
Камаланские ворота (см. Ташкент)
Камиль, поэт (XIX в) 330
Канглы, каракалпакское племя 292
Канглы, узбек. племя 24, 292
Канглы-кипчак, узбекск. племенная группа, Хива 70
Кандагар, гор. 34, 35, 37, 118, 243, 402, 418

Канигиль, 32
Капланбекское имение, Акджарская волость, Ташкентск. уезда 257, 349
Карабалыкская пристань 106
Кара-булак, кишлак (Сырдарьинск. обл) 440
Караганская пристань 106
Кара-дарья 295, 363
Кара-калпак (Орун-бай), креп. 187
Каракалпаки 19, 80, 83, 84, 90, 92, 100, 105, 127-130, 136-139, 141, 155, 157, 161, 164, 165, 167, 175, 176, 178, 184-193, 201, 210, 291, 292, 305, 309, 314, 317, 416, 417.
Каракалпакская АССР 255
Каракалпакская земля 130, 185, 188, 193, 210
Каракалпакский улус 191
Кара-Калпакия 183, 268, 313, 316
Кара-куль, гор. 373
Каракуль, гор. 87, 103, 150
Кара-куль оазис 87, 134
Кара-кум, пески 78
Кара-курган 367
Кара-тау, горн. хреб. 29. 84, 105, 106
Каратегин, бекство 134, 135, 171, 401; 409
Караханиды (династия) 63
Карла Маркса улица (Соборная, см. Ташкент)
Карлук; узбекское племя 21; 23; 290
Карлук, тюркское племя 135
Картин, полковник 258
Карши, гор. 31, 33, 50, 51, 54, 60, 92, 93, 117, 118, 119, 134, 135, 150, 283, 299, 308, 311, 320, 337, 412, 454
Каршинская степь 84, 85, 406, 407
Каршинское бекство 305, 454
Каршинский оазис 291
Касим, хан Астрахани (XV в.) 28
Касимов, гор. 112
Касим-шейха мечеть (Кермине) 64
Каспийское море 38, 56, 68, 69, 106, 113, 175, 197, 205, 206, 208, 212, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 228, 229, 240, 249, 293, 342, 419
Кассан-сай, р. 295
Касым-Ходжаев, Султан-ходжа 389
Касым-Ходжа, поэт (XVII в) 95
Катаган, бекство (см. Кундуз)
Катаган, каракалпакское племя 187
Катаган, узб. племя 80, 88, 91, 305
Катанов Н. Ф. 12
Катенин Александр Андреевич, оренб. и самарск. ген-губ. (1857 — 1860) 228
Катта-курган, гор. 31, 75, 165, 200; 238; 291, 405
Каттакурганский округ 239
Каттакурганский уезд (Самарканд. обл.) 268, 275, 347.
«Катта-тюря» (см. Абдулмалик)
Кауфман Константин Петрович, Турк. ген. губ. (1867—1882) 176, 200, 201, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 246, 247, 255, 257, 258, 262, 264, 328, 341, 350, 358, 407, 414, 416
Кауфманский сквер (см. Ташкент)
Кахыштуван, сел. 309
Кочерма, кишлак 434
Кашгар, гор. 11, 15, 76, 82, 84, 133, 135, 149, 150, 170, 171, 217, 230, 239, 245, 246, 247, 294, 410
Кашгар (см. сел. Минг-тепе)
Кашгария 246
Кашгарлыки (см. также кашгарцы, таранчи, уйгуры) 294
Кашгарцы 139, 170, 171, 246
Кашкадарьинская область УзССР 255
Кашкадарьинский оазис 290
Кашкадарьинский район (Бух. эмират) 276
Кашка-дарья, р. 42, 122, 135, 291, 292, 294, 295
Кашмир, княжество 246
Кветта, креп. 247
Келат, ханство 247
Кемаль-аль-дин Али ибн-Мухаммед-аль Хереви (см. Беннаи)
Кенегес, каракалпак. племя 292
Кенегес, узб. род 292
Кенегес, узб. племя (юрт-Шахрисябз) 24, 91, 117, 165, 291
Кенисары Касимов, султан, казах (восст. 1837—1847) 173, 223, 225, 231, 234
Кенесарин Садык (см. Садык)
Кенджигалинская волость (Ташкентского уезда) 432
Керзон, путешественник 200
Керенский А. Ф. 438, 457
Керки, гор. 134, 163, 293, 404, 405, 452
Керман, пров. 40
Кермине, вилайет 153
Кермине, гор. 52, 53, 87, 88, 103, 117, 120, 122, 165, 238, 411
Керминийский оазис 291
Кетмень-тепе, долина 347
Кызыл-арват, гор. 249, 377, 379, 380, 382
Кипчак, каракалп. племя 128, 186, 291, 292
Кипчаки, тюркско-узбекское племенное об'единение 21, 24, 90, 95, 105, 131, 136, 138, 142, 164, 171, 172, 173, 186, 232, 242, 244, 291, 292, 309.
Кипчакская степь (см. Дешти-кипчак)
Кирай (см. Гирей)
Кириллов Иван Кириллович, обер-секр. Сената, географ, статистик (ум. в 1737 г.) 129, 185, 209, 210.
Киргиз-кайсаки (см. также казахи.) 17
Киргизия 222, 365
Киргизская ССР 293, 347
Киргизстан 447
Киргизы 19, 92, 138, 139, 150, 172, 173, 218, 225, 232, 242, 254, 258, 279, 291, 293, 298, 299, 305, 309, 344, 345, 346, 347, 349, 363, 368, 371, 383, 393, 394.,
Киргизы алайские 172, 305.
Киргизы памирские 170, 250.
Киров Сергей Миронович 202, 203
Кирова ул. (Ирджарская, см: Ташкент)
Кисловодск 407
Китаб, гор. 134, 239, 283.
Китаб, бекство 166, 292, 401
Китай 38, 74, 108, 139, 150, 170, 208, 211, 219, 245, 246, 250, 252; 272; 274, 339, 351, 399.

Китай-кипчаки (см. Хитай-кипчаки)
Китайцы 135, 170, 245, 250, 251, 252.
Киши-жуз (см. Алчин жуз)
Кият, узб. племя 23, 39.
Кият-кунграт, гор. 137
Кият-кунграт, узбекская племенная группа, Хива 70.
Клыч, сел. 434
Кнабе, барон 429
Кожин, поручик 206
Коканд, гор. 12, 15, 116, 131, 134, 139, 140; 147, 149, 163, 169, 170, 171, 172, 173, 179, 181, 182, 192, 212, 226, 232, 235; 239, 243, 244, 294, 308; 309; 310; 238; 329, 330, 334, 336, 337, 350, 366, 367, 372, 384, 385, 388, 389; 444; 445; 457; Биржевой комитет 260; «Интернационал», кружок 445, «Кружок ленинцев» 445; Совет рабочих и солдатских депутатов 442; Союз трудящихся мусульман 445; Худояр-хана дворец 182; урда 172.
Коканд — Наманган, ж. д.— 283
Кокандский уезд 275, 357, 358
Кокандское ханство 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 61, 134, 135 137; 138 139; 142; 144; 146; 148; 150, 152, 153, 154, 157, 161, 163, 166, 167, 168, 169, 170; 171, 172; 173, 177, 181, 187, 201, 203, 221, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 242, 244, 245; 246; 247; 249, 25х, 251, 291, 357; 365.
Коканкишлакская волость 358
Кок-орда (улус Джучи, Синяя или Золотая орда) 22, 23
Колесов Ф., первый предс. Совнаркома Турк-республики 406
Коломийцев В. В.; солдат 373
Колычевский И. 425
Команы (см. также половцы, кипчаки) 21, 105
Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) ботаник, с 1936 г. президент АН СССР, 355.
Комитет общественной безопасности Самаркандской и Ферганской областей (см. соотв: Самарканд и Фергана).
«Комитеты содействия по набору на тыловые работы» 435
«Комитет для заведывания снабжением сырьем хлопчато-бумажных фабрик» 428
Конолли Артур. англ. капитан 168. 216.
Константинополь (см. Стамбул) 37, 212
Копал, укр. 225
Копет-даг, горн. хреб. 68
Копцов Н. И., рабочий 373
Коржинский Сергей Иванович, ботаник, академик (1861—1900) 355
Корнюшин В. Д. 372, 373, 374, 376; 377; 380.
Костакоз, кишлак Ходженского уезда 431
Костенко А. Ф. 202
Кош-курган, местн. 73, 173.
Кош-купыр, гор. 147
Кош-медресе (см. Бухара)
Кравченко, мастерск., Ташкент, 380.
Красноводск 207, 240, 279, 388, 407
Красноводский залив 206, 240, 249
Красноводская пристань 175
Красные воды, местн. 207
Крафт Гюг, франц. журн. 200
Крафт, немецк. фирма 429
Кривошеин Александр Васильевич, нач. Переселенч. упр-ния (1902—1906); главноуправл. Землеустр. и земледел. (1906—1907) 261, 277, 279, 343, 394, 395, 399,
Крым, Крымский полуостров 23, 297, 329, 390, 407
Крыжановский, оренбург. ген.-губерн. 231, 235.
Кубера (Кубра) шейх, (см. Наджмуддин Кубра)
Кубравия, суф. орден (XII в) 47, 148, 325
Куван-дарья, р. 130
Кугарт, р. 347, 350, 363
Кугартская долина 347, 348
Кузнецов М., фарфоровый завод 337
Куйлюкская (Куйбышевская) улица (см. Ташкент).
Кукчи, даха (см. Ташкент)
Кукельдаш, медресе (см. Бухара)
Кукельдаш, медресе (см. Ташкент)
Кукулев Е. Д., соц.-дем. 372
Кук-орда (см. Кок-орда)
Кулькурганская волость (Каттакург. уезд. Самарк. обл.) 431
Кульджа, гор. 245, 247, 339
Кулан, кипчакский род, 172
Кулбаба-кукельдаш (XVI в.) 64
Куляб, гор. 50, 238, 412
Куляб, бекство 34, 401, 412
Кулябский вилайет 290
Куль, селение 367
Кумыш-курган (форт № 3) 173
Кунграт, гор. 101, 130, 147, 151, 174, 176, 185, 188; 192, 241, 404, 416, 419,
Кунграт, династия, Хива (1763—1920) 116, 127, 152, 173, 174.
Кунграт, каракалпакская племенная группа 128, 186, 191, 193, 292.
Кунграт; тюркское (узбекское) племя 23, 24, 39, 42, 88, 90, 91; 126; 127, 152, 174, 291.
Кунгратское владение (юрт) 130, 191
Кундуз (см. также Катаган) 12, 34, 35; 42; 50, 86, 89, 90; 91, 134
Куня-ургенч; гор. 149
Курама, племенное об'единение 89, 139, 293, 309
Курама, район 168
Кураминский уезд 341
Курбан-Нияз-Хиваки усто (XIX в) 336
Курды 118, 150, 162
Курлагут, узбекс. (тюркское) племя 23; 39
Куропаткин Алексей Николаевич, турк. ген. губ. (1917 г.) 247; 269; 265; 435; 439, 440.
Куропаткино, ж. д. станция 431, 433
Курская губерния 400
Кутлуг-Мурад, кунграт, Хива (XIX в) 163
Кутлуг-Мурад, правитель Арала, убит в 1859 г. 176.
Кутлуг-Мурад, хан Хивы (1855 г.) 176

Кутлуг-Мурада медресе (см. Хива)
Кутлуг-султан, аштарханид, правитель Кундуза, Балха и Бадахшана, 86.
Кутчи, кишлак 367
Кучинская волость 369
Кучкунджи-хан, шейбанид (1510—1530) 34; 40, 49; 51; 52; 58.
Кучук, царевич-кучумович; Сибирь (XVII в), 106.
Кучук-таг, горн. хреб. 22
Кучум-хан, чингизид, Сибирское ханство (внук Ибак-хана) (XVI в) 57, 106, 128
Кучумовичи, династия 106
Кушева Е. Н. 203
Кушк, р. 250, 418
Кушка, креп. 89, 382
Кушчи; узбекское племя 23, 39.
Кштут, бекство 239
Кызыл-гуль, местн. 322
Кызыл-кумы, пески 106
Кырк, узбекское племя 95
Кюрен-даг, горн. хреб. 68
Кыят, каракалп. племя 128
Кят, гор. 66, 100, 147
Кяхта 220, 221.
Ладак, Сев. Кашмир 246
Лазарев, генерал 249
Латвия 447
Лахор (Лагор, Элахор), гор. 51, 115, 118, 167, 216, 217.
Лезгины 126
Леман Александр Адольфович, натуралист (1814—1842), 16, 168, 224.
Ленин Владимир Ильич 20, 197, 198, 227, 261, 266, 280; 340, 369, 373, 398, 399; 400; 425; 429, 437, 445, 449.
Ленинабад (см. Ходжент)
Лерх Петр Иванович, ориенталист (1827—1884) 16
Ливадия, дворец 247
Липский, Владимир Ипполитович, ботаник (1863—1937) президент АН Укр. ССР, 355
Лисак, мечеть (см. Бухара)
Литва 230, 447
Литвишко К. Д., соц.-дем., организатор первой подпольной типографии в Ташкенте 373
Литовцы 110
Логофет Дмитрий Николаевич, полковник 408
Локай, узбекское племя 290
Ломакин, полковник 240
Ломакино, ж. д. станция 433
Лондон, 11, 16
Лютфи, поэт 330
Люли, цыганская племенная группа 135, 293.
Лыкошин Нил Сергеевич, востоковед, самаркандский воен. губернатор 435
Львов Е. Г., князь; председатель Временного правительства 1917 г., 438
Лященко П. 273
Мавераннахр 11, 12, 23, 25, 27, 28, 29, 34; 36; 38; 41; 42; 43, 44, 46, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 66, 72; 73; 74; 82; 83, 85, 86, 87, 103, 114, 116; 117 118; 119; 164; 168, 290, 291, 292.
Мавлана Исамуддин Ибрагим, богослов и философ (XVI в) 58
Мавлана Мухаммед Хитайи (XV в.) 28
Магиан, бекство 239
Мадали-ишан (XIX в.), 363, 364; 365; 366; 367, 368, 369
Мадали-хан, минг (1822—1842), Коканд 170, 171, 181, 222.
Мадари-хан, медресе (см. Бухара)
Маджиси, поэт, (XVI в.) 62
Мадмурад диванбеги; Хива (XIX в) 153, 420
Мазанг, племенная группа у цыган 293
Макарьевский монастырь 214
Максимович, ген.-адьют. 379
Малая Азия 290, 408
Малая казахская орда (см. Алчин жуз)
Малля-хан, минг, Коканд (1858—1862) 140
Малый казахский жуз (см. Алчин жуз)
Мальта, остров 405
Мангыт; династия; Бухара (1753—1920) 11, 116, 120, 136, 152, 177
Мангыт, каракалпакское племя 128, 186, 187, 292
Мангыт, монгольское племя (XIII в) 22
Мангыт, узбекское (тюркское) племя 23, 24, 26, 29, 39, 91, 116, 118, 136; 142; 291; 292.
Мангыт-ногай, племенное объединение (XV в) 23, 24, 25.
Мангышлак, полуостр. 29, 66, 68, 103, 111, 149, 174, 175, 212, 220.
Мангышлакское укрепление (см. Александровский форт)
Мансур, шейх, Бухара (XV в.) 29
Марви; иранское племя (см. также иранц) 123 135, 293.
Маргелан, гор. 139, 242, 244, 294, 310, 358, 367; 382, 432.
Маргеланский уезд (Ферг. обл.) 242, 344, 357, 363
Маркозов, полковник 249
Маркс Карл 20, 197, 221, 280
Мартенс Ф. Ф., юрист 199
Мары (см. Мерв)
Масальский Владислав Иванович 202
Мас'уди (ал-Мас'уди), историк (X в.) 178
Мас'уд-ибн-Осман Кухистани 10
Матча, бекство 239
Матча, ТССР 255
Махдуми-А'зам (Ходжа-и-Касани, в тексте ошибочно—Керминеги), ишан (шейх) XVI в. 13, 46, 51, 52, 75; 76; 84; 170; 246
Махмуд-бий, аталык, катаган, правитель Бадахшана (XVII в.) 81, 88, 89, 90, 91, 93,
Махмуд-султан, владетель Сузака (XV в.) 29
Махмуд-султан, брат Шейбани-хана, наместник Бухары (XV—XVI в.) 28, 34, 37

Махмуд-хан, могол-джете, владетель Ташкента (XV—XVI в) 30, 31, 33, 34.
Махмуд-хан, чингизид (XV) 26
Махмуд-Шариф, муфтий, Хива (1917 г.) 456
Махмуд-шах, Афганистан (1809—1818) 175
Махмур, поэт, Коканд (XIX в) 179
Махрам, креп. 243
Машраб (Дивана-и-Машраб) 132, 133,
Машраб, поэт; Фергана (XVII в.) 96; 132
Машраф, поэт (XIX в.) 178, 179.
Меана, сел. 175
Медников Н. А. 18
Мейеркарт, нем. фирма 429
Межов Владимир Измайлович, библиограф 352
Меймене, гор. и район 35, 50; 88; 90; 124
Мейендорф Георгий, барон, полковн, ген. штаба 15.
Мекка 40, 55, 86, 87, 262; 322; 323; 364; 365; 408
Мелиоранский П. М. 10
Менно-Симонс 350
Мерв; гор. (см. также Мары) 40, 41, 49, 55, 60. 121, 123; 124; 126; 134, 135, 163, 164, 167, 175, 226, 240, 249; 293; 323; 382, 397, 405, 418.
Мервская область 124, 163, 166, 249.
Меркит, тюркское племя 135
Мерке, сел. 105
Мешхед 37, 40, 49, 51, 54, 55, 82, 83; 115; 163, 402, гробница имама Ризы 40, 54.
Мешхеди-Мисриян (см. Дихистан)
Миankаль 33, 52, 53, 92, 117, 119, 121, 122; 164; 165; 166
Миддендорф Александр Федорович, академик (1818—1894) 354
Миллер, поручик, геодезист (XVIII в) 210
Миллер А. Я., политич. агент в Бухаре, 451, 453
Милютин Дмитрий Алексеевич, военный министр (1861—1881) 200, 229, 235
Милюков П. И., кадет 438, 457
Минг, династия, Фергана 116; 135; 139
Минг; узбекс. племя 88; 90, 116, 138, 139
Мингарыкская волость (Катта-кург. уезд) 383
Минг-тепе, сел. 364, 366, 367
Мир-Азим, усто, Хорезм (XIX в) 285
Мирakон, медресе (см. Бухара)
Мир-Алим (см. Алим, эмир)
Мирек (см. Мулла Мирек)
Мирза-бек, правитель Бухары (XVII в.) 82.
Мирза-Садик-мунши, поэт и историк (XIX в.) 178
Мирза-Хашим-и Азизан, шейх (XVII в.) 76
Мирза-Шемс Бухари, (XIX в.) 11
Мирза-ходжа, отец поэта Мукими 330
Мири-араб, шейх (XVI в) 63
Мири-араб, медресе (см. Бухара)
Мир-Мухаммед-Амин-Бухари, историк (XVIII в.) 11, 94
Мир-Сайид султан, минг, кокандский хан; (1865 г.) 232, 233.
Мирхонд, историк (1432—1498) 10, 178
Мисит, узбекск. (тюркск.) племя 23.
Михаил Федорович, царь (1613—1645) 107, 108
Мищенко П. И.; туркест. ген-губ. (1908 — 1909) 408
Могол, племенное об'единение (см. также монголы, могол-джете, калмыки, казахи) 22 — 26
Моголистан 11, 26, 27, 34
Моголы (см. монголы)
Моголы (джете) 29, 30, 31, 33, 34, 40, 54, 82
Моголы великие, (см. Великие моголы),
Мозер Анри, путешественник-исследователь 200
Монголы 11, 22, 23, 27, 47, 105
Монголы-калмыки 27
Монголы-татары 105
Морозов М. В. («Муратов»), соц.-дем. 372 377
Москва, гор, 14, 43, 44, 46, 56, 57, 67, 68, 74, 83, 99, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 199, 200, 205, 222, 284, 331, 353, 387, 402, 405, 428, 437
Московское государство 14, 43, 44, 56, 57, 67, 70, 74, 77, 99, 107, 108, 109 110, 112.
Мочалов, полицеймейстер Ташкента, 432
Мстера, гор. 98
Муджрим, поэт (XIX в) 179
Музаффар-Хусейн (Мирза) тимурид, Герат (1506) 35, 36, 37
Музаффар эмир бухарский, мангыт (1860—1885) 150, 159, 168, 200, 201, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 284, 350, 357, 403, 408, 411
Музаххиб (Шейх Махмуд) (XVI в) 65
Муким-хан, аштарханид (XVII в) (см. Мухаммед Муким-султан)
Мукими, поэт (1851—1903) 330, 331; 333.
Мулла Алимкул, кипчак, Коканд (XIX в) 231, 232, 233, 234
Мулла Алим-Махдум-ходжа, историк 201
Мулла Ахмед (XIX в) 367
Мулла Джан Ширази (ум. 1585) 59, 94
Мулла Зияуддин Махсум (XIX в) 367
Мулла Кушук, казах; 232
Мулла Мирек, поэт (XVI в.) 62
Мулла Мульхам усто, поэт (XVII в) 95
Мулла Ниаз-Мухаммед-и-Коканди, историк, 12
Мулла Сарафраз, поэт (XVII в.) 95
Мулла Юсуфи-Карабаги (ум. 1644/45 г.) 94
Мулла Фитрат, поэт (XVII в) 95
Мумин-бий, сподвижн. Дервиш-хана тюря (XIX) 358
Мунавар-Кари, джадид 397
Мунис, Шир-Мухаммед, историк и поэт, Хива (1778—1829) 12, 17, 178
Муравин; геодезист (XVIII в) 15, 115, 125
Муравьев (Карский) Николай Николаевич, капитан 16, 175; 184, 218
Мурад-бек; минг, правитель Маргелана (XIX в) 242
Мурадов Ширин (мастер-строитель; почетн. член АН УзССР) 336
Мурад-хан; минг; Коканд (1845.) 172, 173.
Мурад-шейх, каракалпак (XVIII в) 128
Мургаб, р. 35, 36, 41, 123, 164, 249, 250

Муромцев Матвей, сын боярский (XVII в) 14
Муса-мирза, мангыт-ногай, (XV в) 29
Мусульманкул, кипчак, мингбаши, Коканд (1845 — 1852) 138, 146, 171, 172, 173, 242
Мухаир, поэт (XIX в) 330
Мухаммед, пророк (571—632) 79, 149, 152, 156, 323, 324, 328, 364
Мухаммед-Абулкасым; мангыт; аталык Коканд (XIX в.) 179
Мухаммед-Али-хан (см. Мадали-хан)
Мухаммед-Али-хальфа Сабир-Суфиев (см. Мадали-ишан) (XIX в.)
Мухаммед-Амин инак, кунграт, Хива (1770—1790) 116, 127, 141, 174
Мухаммед-Амин, кунграт, хан Хивы (1845—1855) 12, 167, 175; 176, 192; 225; 226.
Мухаммед-Амин-хана медресе (см. Хива)
Мухаммед-Амин ходжа (см. Мукими)
Мухаммед-Баки тархан, эмир, наместник Бухары (XV в) 31
Мухаммед Балхи, поэт (XVII в) 94
Мухаммед Беди-ас-Самарканди поэт (XVII в) 94
Мухаммед-бек «карачи»,,каракалпак (XIX в) 188.
Мухаммед-Вафа-и-Керминеги, историк (XVIII в) 11 ,
Мухаммед-Даниял бий, мангыт, (см. Даниял-бий, аталык)
Мухаммед-Джуки, тимурид (XV в) 25—26
Мухаммед-ибн-Хондшах (см. Мирхонд)
Мухаммед-Ибрагим шейбанид, правитель Балха (XVI в) 82, 83
Мухаммедкул Джамурад-оглы, народный поэт (XIX—XX вв) 61
Мухаммед-Курбан сердар (см. Джунаид-хан)
Мухаммед-Мазид тархан, тимуридский наместник (XV в) 28, 30.
Мухаммед-Мехди Астрабади, историк (XVIII в) 11
Мухаммед-Муким-султан, аштарханид, Балх (XVII в.) 11, 17, 89, 90, 91
Мухаммед-Нияз, узбек; ясаул-баши, Хива (XIX в) 193.
Мухаммед-Пенах, бек, владетель Арала (1859) 176
Мухаммед-Рахим, мангыт, Бухара (1753—1758), основатель династии 11, 91, 119, 121, 122, 126, 130
Мухаммед-Рахим-хан I, кунграт, Хива (1806—1825) 12, 132, 140, 142, 146, 152, 174, 175, 181, 188, 189, 191, 218, 222.
Мухаммед-Рахим-хан II, кунграт, Хива (1865—1910) 178, 241, 350, 420
Мухаммед-Риза (см. Агехи)
Мухаммед Сабир-Суфи, отец ишана Мадали 364
Мухаммед-Салих, поэт (XVI в) 10, 38, 58, 59, 60, 61
Мухаммед-Салих, историк (XIX в) 201, 232, 234 ,
Мухаммед-Тимур-султан, шейбанид (XVI в) 37, 50, 51
Мухаммед-Хайдар (Мирза-Хайдар), дуглат, историк (1499/1500—1551) 11
Мухаммед-Хаким-бий, мангыт, аталык, Бухара (XVIII в) 116, 117, 118, 119, 120, 121, 125 ,
Мухаммед-Хусейн-бек, «Афсус», мангыт (XIX в) 179
Мухаммед Шейбани-хан (см. Шейбани-хан)
Мухаммед-Юсуф мунши, историк (XVIII в) 11 ,
Мухаммед-Юсуф-ходжа, ак-таглык, Кашгар (XIX в) 170
Мухаммед-Якуб (Ма-Якуб) (XIX) 360, 361, 362
Мухаммед Якуб-бек гази, аталык (см. Якуб-бек) ,
Мухаммед-Яр аталыка мечеть (см. Бухара)
Мухаммед-Яхъя, ходжа («великий ходжа») (XVI в) 31, 32
Мухи, поэт (XIX в) 330
Мушкетов Иван Васильевич, геолог (1850—1902) 354
Мушфики, поэт (XVI в) 57, 62
Мюллер Август, историк 18

Навои, Алишер (Амир Низамуддин Алишер бек, 1441—1501) 38; 39; 59; 60; 61; 62, 132, 178, 289, 330, 397
Нагар, бекство 250, 251, 252
«Наджми сани» (см. Ахмед эмир)
Наджмуддин Кубра (Кубера), шейх, Хорезм (XII в) 47, 325.
Надир, диван-беги, Бухара (XVII в) 82, 97
Надира, поэтесса, Коканд (XIX в) 178
Надир-Мухаммед-хан, аштарханид (1642—1645) 14, 73, 75, 81, 84, 85, 86, 90, 103, 116
Надир, шах Ирана, туркмен-афшар (1736 — 1747) 11, 15, 81, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 125, 126
«Наджат», орган Шуро-и-Исламия 444
Назаров Филипп, переводчик Отдельн. Сибирск. корпуса (XIX в.) 16
Найман, тюрко-монг. племенное об'единение (XIII—XV в) 24
Найман, казахское племя 291
Найман, киргизское племя 291
Найман, узб. племя, 23, 39, 91, 92, 103, 142, 291
Накшбендия (Ходжагон), суфийский орден (XIV в) 47, 52, 95, 148, 325, 364, 367
Наливкин Владимир Петрович; этнограф 18, 138, 392
Намазгах, ворота (см. Бухара)
Намазгах (см. Самарканд)
Наманган, гор. 132, 140, 172, 243, 244, 294, 334, 351, 358, 362, 432, 441; вилайет: 142
Наманган-Джелалабад, ж. д. 283
Наманганская область (УзССР) 255
Наманганский уезд 275, 348, 370, 432
Нарбута-бий; минг; Коканд (XVIII в) 135
Нарын, р. 246, 295
Насреддин-бек, минг, правитель Андижана, хан Коканда (XIX в) 242, 243, 244
Насреддин, мулла (см. Ходжа Насреддин)

Насрулла-мирза, туркмен, Иран (XVIII в) 126
Насрулла-хан, эмир Бухары, мангыт (1826—1860) 12, 159, 160, 166, 167, 168, 171, 172, 179, 224, 226,
Науруз-Ахмед-хан, чингизид (1551—1556) 52, 53, 54
Нахли, поэт (XVII в) 94
«Наша газета»; орган Совета рабочих и солдатских депутатов, издав. в Ташкенте в 1917 и 1918 гг. 455
Негри Александр Федорович, дипломат, (1784—1854) 15, 17.
Немцы 110, 151, 258, 350, 429
Немцы-меннониты 350, 420
Неплюев Иван Иванович, государств. деятель (1693—1773) 210, 213
Неса, гор. 83, 175
Нечай, атаман (XVII в) 14, 102
Нижний Новгород (Горький) 107, 214, 216. 402
Нижний Новгород, ярмарка 214, 215, 216, 218, 222, 267, 307, 405.
Никифоров, капитан (XIX в) 224
Николай I (1825—1855) 219, 222, 223, 225, 226, 358.
Николай II (1894—1917) 370, 375, 395, 398, 409, 433, 440, 455.
Николая II канал 347
Никольское, посел. 347
«Нишани» (см. Субханкули-хан)
Ниязбек, аул 398
Ниязбек, креп. 169, 231, 398
Нияз-бек парваначи, Бухара (XIX в) 163
Новая Бухара (см. Бухара, Каган)
Ново-Александровское укрепл. (Мангышлак) 223, 240
Новый Маргелан (см. Фергана)
Новый Ургенч 419, 420
Новый Чарджоу 418
Ногаи (татары) 139, 294
Ногай, узб. племя 22
Ногай-мангыт, узбекское племенное об'единение 23
Ногай-кишлак 294
Ногай-курган, кишлак близ Ташкента 139
Ногайский (мангытский) улус 23, 24, 25.
Ногайцы (ногаи) 23, 24, 25, 43, 70, 105; 110; 112
Ногай, эмир, мангыт-чингизид (XIII в) 22
Нольде, барон, нач. Ходжентского уезда 258
Нукус-мангыт; узб. племенное объед., Хива 70
Нукусское приставство 415
Нурали, казах, хан Арала; хан Хивы в 1741 г., хан Малого жуза до 1780 г. 126, 211.
Нур-ата, гор. 121, 134, 300, 320
Нуратинские горы 290, 292, 295
Нуратинское бекство 305
Нур-Саид, правитель Хорезма (XV в) 60

Обручев Владимир Афанасьевич, ген.-губ. Оренбург. края (1842—1851)
Обручево, ж. д. станция 433
Огузы 21, 290
Оглоблин В. 202
Ойраты (см. калмыки-ойроты)
Оксус (см. также Аму-дарья) 68
Олуфсен О. 200
Омар, мангыт, эмир Бухары (1826) 166
Омар бий, мангыт, наместник в Мерве (XVIII в) 123, 124
Омар-хан, минг (1809—1822), Коканд 12, 135, 142, 163, 164, 169, 170, 171; 177; 179, 180.
Омар-Хаям, поэт (XI-XII вв) 177
Омск, креп. 199, 207
Омь, р. 207
«Он-торт-уруг», («четырнадцать родов») каракалп. племенное объединение (XIX в) 186, 193, 252.
Орда, чингизид, джучид (XIII в) 22
Оренбург (Чкалов) 130, 136, 149, 169, 174, 176, 199, 209, 210, 212, 221 224, 240. 390, 402, 407, 419; губерния: 213 428; ж. д. (см. также Ташкентская ж. д.) 261, 294, 372, 374, 376, 377, 385, 387, 406, 407; ярмарка 125
Оренбургская пограничная линия 149, 167, 209, 210, 220, 230
Оренбургский военный округ 223
Орск, креп. 209, 210, 223.
Орта жуз (Средняя орда) 208, 209, 210, 211
Орун-бай (см. Каракалпак, креп.)
Орун-бай, каракалпакский бий, мангыт (XIX в) 187, 189
Орь, река 129, 209.
Османская империя 56, 413
Ост-индская компания 136, 212, 216, 217.
Отрар, креп. 28, 30
Охчи, сел. 367
Ош, гор. 172, 242, 362, 363, 365, 367
Ошский уезд 344, 347, 348, 357, 363
«Общемусульманский комитет», 1917 г. (Бухара) 452
Паве-де-Куртейл. Абель Жан-Батист, франц. востоковед (XIX в) 10.
Павловский А. Н. 17
Пазухин Борис Андреевич 14, 73, 75, 76, 77, 80, 101, 109, 111
Пазухин Семен Иванович 14, 111
Палван-дарваза, ворота (см. Хорезм)
Палван-Нияз мирзабаши, Хорезм (XIX в) 333
Пален Константин Константинович, граф, сенатор 200, 256, 259, 261, 262, 280, 283, 342, 343, 344, 345, 383, 393, 395; 399.
Памир 137, 147, 245, 250, 251, 252.
Памиро-Алайская горная система 354
Памиры (см. Памир)
Пантусов Н. Н. 12
Париж 11
Патта-Кисар 404, 405
Паукент-базар, кишлак 434
Пашино Петр Иванович, ориенталист, путешественник (1836—)1891) 140
Пейшагар, гор. 163
Пекин (см. Бейпин)
Пенджаб 51, 218
Пенджикент, гор. 255, 371

Пендинский оазис 250
Первомайские мастерские (Ташкентские ж. д. мастер., см. Ташкент)
Первушин Иван Иванович, московск. купец (1842—1871) 246,
Перовский Василий Алексеевич. оренбург. воен. губ-р (1833—1842), Оренбург и Самарск. военн. губ-р (1851—1857) 176, 223, 224, 225.
Перовского, форт (см. Ак-мечеть)
Персия (см. Иран)
Персы (см. иранцы)
Першин Александр Яковлевич, большевик; убит 18/ 1—1919 г. 445
Петербург 130, 199, 211, 222, 230, 235; 246; 248, 251, 346, 353, 358, 372, 375, 376, 378, 393, 398, 401, 403, 405, 407, 408, 409, 411, 418; Зимний дворец 375
Петр I (1672 — 1725) 15, 81 104, 115, 124 128, 185, 205, 206, 207, 208, 209
Петро-Александровское укрепление (Турткуль) 241, 450, 451, 455.
Петров Яков (XVIII—XIX в) 127
Петроград 431, 437, 439, 443, 451, 455
Петропавловск 210, 212
Печенеги (черные клобуки) см. команы
Пир-Мухаммед, шейбанид, правитель Балха (см. Пир-Мухаммед-хан)
Пир-Мухаммед-хан, шейбанид (1556/57 — 1561) 53
Пир-Са'ид Ахмед, ученик Джахангир-усто (XVI—XVII в) 65
Питняк, гор. 137, 147, 419
Пичугин Ф. Р., ростовский купец 218, 221, 222.
Пишпек, креп. 228.
Пишпекский уезд 364
Плеханов Г. В. 373
Поволжье 65, 67, 107, 188, 204, 329, 447
Покровский М. Н. 202, 203, 423.
Половцы (см. также кипчаки) 21, 105
Полторацкий В. А., полковник 246
Польша 112, 230
Попов А. Л. 203
Портсмут 375
Поспелов, горн. чиновник (XIX в) 15, 131
Потанин Николай Григорьевич, хорунжий (XIX в) 16
«Потемкин», броненосец 382
«Потеляховское товарищество» 429
Преображенский Павел Иванович, член Туркомитета, комиссар Временного правительства 454.
Прибалтика 112, 350
Прииртышская степь 209
Припамирье 147
Приуралье 204
Пруссия 230
Пскентская волость 432
Пугачев Емельян Иванович (1770 — 1775) 211
Пулат-бек, минг, Коканд (XIX в) 242
«Пулат-хан», Коканд (XIX в) 242, 244, 357
Путинцев, полковник 360, 361
Пяндж, р. 245, 252
Раджаб-хач, хивинский царевич, Самарканд (1722—1723) 116, 117.
Ранбер-Синг, махараджа Кашмира (XIX) в) 246
Рангун, гор. 405
Раимское укрепление 225
Рахим-бий, аталык, юз 81
Рахимкули-хан, кунграт, Хива (1842 — 1845) 12, 167
Рахманберды-Нияз, туркмен, раис Бухары (XIX в) 166
Рахман-Джейнак Абдурасулев 436
Рахманкул-инака дворец (Хазарасп) 181
Рашидеддин, историк (XIII — XIV в) 58
Рейнсдорп, оренбург. военн. губернатор 213
Ремезов Семен Ульянов, сын боярский (VII в.) 113
Ригистан (см. Бухара)
Ригистан (см. Самарканд)
Риза-имама гробница (см. Мешхед)
Ризакули, сын Надир-шаха, шах Ирана афшар (XVIII в), 118, 119, 121
Ризван-хон-биби Ахмеджанова 432
Риштан (Куйбышев) 305, 337
Розенбах Николай Оттонович, туркестан. ген. губерн. (1884—1889) 264, 328, 329
Романов, рабочий, соц.-дем. 373
Романовский Геннадий Данилович, геолог 354
Романовский Дмитрий Ильич, генерал 235
Росс Денис, англ. путешествен. 200
Росс, полковник; уездн. нач, комиссар Джизака 444
Российское императорское политическое агентство, Бухара (1885—1917) 402, 404, 406, 413, 451; 453
Российское резидентство, Бухара (1917) 453.
Российская империя 204, 209, 227, 239, 242, 246 249, 264, 265, 288, 371, 390, 392; 393, 400, 401, 414, 420,
«Российско-азиатский торговый дом» 217.
Россия 15, 16, 17, 18, 56, 104, 108; 113, 116; 122, 124, 129, 130, 136, 139, 140, 147, 149 150, 159, 167, 168, 175, 176, 185, 197, 198, 200—215, 217, 218, 219,—231, 234, 235, 239, 241, 243, 249, 250—254, 260, 261, 262, 264, 266, 267, 268, 271—274, 276, 280, 284, 286, 287, 294, 303, 308, 309, 315, 316, 332, 341—344, 346, 349, 350, 353, 357, 358, 369, 371, 373—376, 384, 387, 390, 391; 392; 394; 395; 396, 399, 401—403, 405, 407, 409, 411, 412, 414, 415, 418, 419, 423, 425; 428; 430, 434, 436—440, 442, 444, 445, 447, 449; 454.
Россия Азиатская 340, 351
Россия Европейская 267, 280, 288, 339, 342, 348, 351, 358, 384, 385, 404, 406, 407, 410.
Россия Центральная 283, 358, 369, 372, 373; 375, 377, 382
Ростов, гор. 222.
Ростовцево, ж. д. станция 433
Рошан, памирское ханство 171, 250, 251, 252.

Рудаки, Абу-Абдулла-Джафар, поэт (X в); Самарканд, 289
Рузбехан Исфагани (см. Фазлуллах Рузбехан Исфагани)
Рукавкин, Даниил (XVII в.) 15
Рукин, уездный начальник Джизака 433
Русские 14, 21, 44, 46, 70, 113, 118; 135; 136, 147, 150, 151, 154, 160, 161, 173, 193, 204, 206, 207, 210, 215, 216, 217, 218, 222, 224, 226, 231—234, 236—239, 241, 242, 243, 245, 247, 251, 253, 254, 256, 259, 264, 270, 283, 284, 287, 289, 294, 297, 298, 299, 300, 312, 328, 329, 331, 332, 339, 341—347, 348, 349, 350—354, 361, 365, 368, 370, 371, 375, 376, 382—384, 389, 392—395, 400, 401, 403, 406, 415, 416, 418, 420, 430, 433, 439; 441; 442, 446, 448, 449, 455.
Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии 354.
«Русский Туркестан», газета 280, 376
Русское, сел. 344, 347
Русское (Московское) государство 56, 104, 112, 124, 204
«Русское транспортное общество» 429
Рустам-бек, защитник Ташкента (XIX в.) 232.
Русь 22, 44, 78, 81, 107.
Рычков Петр Иванович, историк Ореиб. края, первый член-корр. АН (1712—1777) 126

Саад-ходжа 43
Саади, поэт (XI в.) 52, 62
Сабир-Суфиев, Мухаммед-Али-хальфа (см. Мадали-ишан)
Сабир-хан, руководитель восстания 1892 г. (Кокандский уезд) 358
Саблуков Г., ориенталист 12
Савенков, пом. прав-ля канцелярии ген. губ-ра 257, 258
Садыков (1916 г.) 436
Садык, султан Кенесарин (XIX в) 231, 232, 233
Сазонов, рабочий 445
Саиб, поэт 95
Сайида Несефи, поэт, Бухара (1637—1710) 94—95
Сайрам, креп. 30, 54, 169
Сакмара, р. 209
Салар, арык (см. Ташкент)
Сали-Ягчи, фирма 281
Салих-ходжа, правитель Балха (XVII) 90
Салор, туркменское племя 69, 167, 175
Салтыков-Щедрин М. Е. (1826—1889) 258, 297
Самара, гор. 107, 129.
Самарканд, гор. 12, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 43, 44, 47, 49, 50, 52, 54, 56, 58; 60; 62, 63, 64, 67, 74, 76, 78, 81, 82, 83, 86; 88; 91, 92, 96, 97, 98, 103, 105, 115, 116, 117, 121, 123, 132, 134, 135, 139, 150, 164, 165, 181, 182, 183, 200, 209, 233, 235, 236, 237, 238; 239; 240, 242, 245, 283, 284, 285, 291; 292, 294, 300, 304, 305, 306, 309, 310, 311, 313, 315, 316, 329, 337, 338, 351; 352, 372, 377, 379, 380, 382, 401, 402, 403, 405, 413, 430, 431, 432, 433, 441, 444, 445, 457, бульвары: Абрамовский 352; ворота: Шахи-Зинда 237; мазары: Ходжа Ахрара 97; медресе: Шейбани-хана 64, Тилля-кари 75, 97, 236, Улугбека 97, 132, Ходжа Ахрара 97, Ширдор 75, 97, мечети: Биби-ханым 63, 97, Ходжа Ахрара 97; Хазрат-Хызр 334; Намазгах 97; Регистан 96, 237, 239, 431; Комитет общественной безопасности 443, Совет рабочих и солдатских депутатов 441; Статистический комитет Самаркандской области 354.
«Самарканд», газета 377
Самаркандская область (Турк. ген.-губ-ва) 12, 199, 255, 259, 270, 275, 276, 279, 282, 290, 292, 295, 299, 342, 345, 346, 347, 359, 365; 389; 401; 429; 431, 443, 444.
Самаркандская область (УзССР) 123, 292, 293.
Самаркандский вилайет 54, 88, 92, 117, 119, 122, 141, 150, 154, 160, 401
Самаркандский уезд 275, 383.
Сами, мирза Азим, историк, Бухара (XIX в) 200, 375
Самсонов А. В.; Турк. ген.-губ. (1909), 329, 398, 408.
Сан-Стефано 247
Сарай, гор. 22
Сарай, узбекское племя 92, 142, 291
Сари-пули-табан, мест. 35
Саррафан, баня (см. Бухара)
Саррафан, так (см. Бухара)
Сарт (тат) 136, 138, 279, 283, 344, 384, 431.
Сарык, туркм. племя 167, 175
Сары-су; р. 106, 212
Сары-чонгул, местн. 187
Сатибалдыбеков Рустам-бек 369
Сауран, гор. 55, 62
Сафдар-Али-хан, правитель Хунзы (XIX в) 251, 252
Свердлов Я. М. 437
Свинцовая гора (см. Кара-тау)
Себзевар, гор. 82
Северцев Николай Алексеевич, зоолог (1827—1885) 354
Седов, пристав 361
Сейид, царевич, Хива (XVII в) 110
Сейид-Мухаммед-Алим, эмир Бухары, мангыт (1910—1920) 409, 413, 453, 454, 455.
Сейид-ата, шейх 100
Сейид-Мухаммед-Рахим II Бахадур, хан Хивы, кунграт (1865—1910) 12, 176, 414, 415, 416, 417, 418.
Сейид-Мухаммед-хан, Хива, кунграт (1856—1865) 12, 19, 176, 193
Селизюр (см. Шахри-Вазир)
Семеке, хан каракалпакский в 1720 г., хан Орта жуза 128, 129
Семенов Тян-Шанский Петр Петрович, ботаник (1827—1913) 354
Семипалатная крепость (см. Семипалатинск)

Семипалатинск, креп. 207, 210, 212, 225
Семиреченская область 235, 255
Семиречье 21, 116, 135, 138, 247, 347
Сенковский О. И. 11, 17
Серахс, гор. 175, 176
Серебрянников Андрей Георгиевич 199
Сефевиды, династия, Иран (1502—1756) 11, 50, 51, 54, 56.
Сибзар (см. Ташкент)
Сибзарская даха (см. Ташкент)
Сибирская пограничная линия 149, 167, 209, 210, 230
Сибирское царство (см. Сибирское ханство)
Сибирский юрт 57
Сибирское ханство 24, 57, 106
Сибирь 22, 25, 43, 57, 74, 84, 105, 106, 109, 111, 198, 207; 339, 340, 341, 342, 355, 368, 384, 391, 393, 399; Западная 204, 225; Южная 348; Юго-западная 25.
Садык-Мухаммед, аштарханид (XVIII в) 87, 88
Сиверс, нач. штаба Туркест. округа 440
Сивков, поручик, Самаркандский уездный комиссар 444
Синьцзян (см. Туркестан Восточный)
Синяя (Золотая) орда (см. Кок-орда)
Ситора-и-Мохи-хосса (Бухара) 336
Скалов Г. 424, 425
Скобелев, гор. (см. Новый Маргелан)
Скобелев Михаил Дмитриевич, генерал 244, 249
Скобелевский уезд 275
Скрайн, Фрэнсис Генри 200
Слинько, полковник, военный губернатор Самаркандской области 443
Совет рабочих и солдатских депутатов: Коканд 442, Петро-Александровск 455, Ташкент 440, 441, 442, 445, 455
Совет солдатских депутатов гарнизона, Ташкент 441
Согдийцы 21, 290
Сох, р. 295
Спасское, село (Голодная Степь) 349
Средняя Азия 9, 12, 14-20, 22, 23, 25-27, 38, 42-44, 48, 49, 61-63, 70, 74, 83, 96, 104, 105, 107-110, 112-116, 123, 131-135, 139-141, 144, 149, 152, 153, 167, 168, 171, 177, 178, 180, 181, 183, 188, 197-204, 207-209, 211, 212, 214-230, 235, 237, 240, 245, 246, 249, 250, 252, 253, 257-261, 262, 264-267, 271-275, 277, 278, 282, 283, 286, 287-295, 297, 299, 306, 309, 314, 318, 319, 327; 330; 332, 337, 339, 341, 343-350, 352-357, 358, 364, 370-372, 377, 381, 382, 384, 390-396, 399, 400, 410, 411, 414, 415, 419; 420, 423, 428, 430, 435, 436; 440; 441, 446.
Среднеазиатская ж. д. (см. также Закасп. ж. д.) 202, 261, 377, 384, 385, 387, 388
Среднеазиатское горно-техническое общество 353
Средний Восток 396
СССР, Союз Советских Социалистических Республик 10, 202, 203, 350
Сталин Иосиф Виссарионович, 20, 197, 198, 202, 203; 254; 266; 346, 347, 399, 400; 425, 437, 447, 457.
Стамбул (Константинополь) 37, 212
Старая Бухара (см. Бухара)
Старенский, Нечай (см. Нечай, атаман)
Старый Маргелан 139; 244, 294, 432
Степной край (см. также Казахстан) 344
Стоддарт, англ. полковн. 167, 168
Столетов Николай Григорьевич, генерал 247
Столыпин Петр Аркадьевич, мин. внут. дел и предс. сов. мин-ов (1906—1911) 343, 344, 394, 395, 399
Су-бою, Хорезм 68
Субханкули, аштарханид, наместник в Балхе (см. Субханкули-хан)
Субханкули-хан, аштарханид (1680—1702) 72, 76, 86, 87, 88, 89, 90, 94, 104, 106
Суворов А. В.; фельдмаршал 332 (1730—1800)
Сугунлук, перевал 29
Сузак, креп. 25, 29, 173, 230
Сузак, сел. Джалялабадской волости Андижанского уезда 363
Султан, мурид шейха Махдуми А'зама (XVI в) 46
Султан-Али-мирза, тимурид (XV в) 31, 32, 60
Султан Бабур (см. Бабур Захируддин)
Султан-бенд, плотина 124, 163, 164
Султан-Махмуд-мирза, тимурид (XV в) 31
Султан-хан тюра, ишан (XIX в) 364
Султан-ходжа Касымходжаев (см. Касымходжаев)
Султан-Хусейн-мирза Байкара, тимурид (1468—1506) 10, 30, 34, 35, 36, 37; 58; 66, 85
Сумитан (Чарбакр), сел. 64
Сурхандарьинская область (УзССР) 255
Сурхандарьинский оазис 290
Сурхан-дарья, р. 42, 291, 292, 295, 404, 406
Суфи Аллаяр, поэт (XVII—XVIII вв) 96
Суфиян-хан, чингизид, Хорезм (XVI в) 69,
Сухомлинов Владимир Александрович, военн. мин. (1909—1915) 395
Суюнич-Ходжа-хан, шейбанид (1510) 34, 49, 50
США 221, 273, 419, 449
Сыгай, казахский хан, правитель Ходжента (1581—1582) 55
Сыгнак, креп. 22, 25, 29, 105
Сырдарьинская область 45, 199, 235, 255, 256, 258, 259, 269, 270, 275, 282, 292, 293, 299, 342, 344, 345, 347, 351, 359, 372, 415, 429, 441, 450, 451.
Сырдарьинская оборонительная линия 225, 228
Сырдарьинский переселенческий район 342
Сырдарьинский Обл. Стат. Комитет (см. Ташкент)
Сыр-дарья, р. 21, 22, 24, 25, 30, 34, 38, 40, 45, 76, 105, 106, 116, 117, 129, 130, 135, 139, 142, 144, 167, 169, 174, 176, 193, 206, 207, 217, 221, 224; 225, 226; 236, 235, 243, 249, 290, 293, 341, 355

Табиби (см. Ахмед-Табиб)
Таврическая губерния 393
Таг-бою, нагорн. часть Хорезма 68
Таджик, сел. (см. Минг-тепе)
Таджики 19, 23, 42, 43, 49, 59, 74, 135, 137, 138, 292, 293, 319, 320, 333, 352, 368
Таджикистан 134, 179, 308
Таджикская ССР 255, 346, 347
Тайпины 247
Таки-заргаран (см. Бухара)
Таки-орд-фурушан (см. Бухара)
Таки-саррафан (см. Бухара)
Таки-тильпак-фурушан (см. Бухара)
Таки-тиргаран (см. Бухара)
Талас, р. 172, 295
Таллипач, ворота (см. Бухара)
Тангут, узб. племя 23, 39
«Тараккн», газета 396
Таранчи (см. также кашгарлыки) 245, 294
Таранчинский султанат (см. также Джунгария) 245
«Тарджуман», газета 390
Тарим, р. 206
Тарима бассейн 206
Тат (см. сарт)
Татария 219
Татары 110, 150, 197, 204, 253, 300; 390; 413
Татары астраханские 107
Татары казанские 107, 204
Татары-монголы 105
Татары-ногаи 139
Татары поволжские 294
Татищев Василий Никитович, историк и гос. деятель (1686 — 1750) 210
Таткент, сел. 31
Тахмасп I, шах Ирана (XVI в) 54
Тахмасп II, шах Ирана (1722—1731) 118
Ташауз, гор. 149, 416
Ташауз, округ 417
Ташкент, гор.: 12, 13, 15, 19, 30, 31, 32, 33, 34, 42, 43, 44, 49, 52, 54, 56, 62, 67, 76, 82, 83, 84, 86, 92, 116, 121, 129, 131, 134, 135, 138, 139, 140, 149, 154, 164, 168, 169, 171, 172, 182, 199, 200, 209, 210, 212, 217, 218, 228, 231-236, 240, 242, 243, 245, 248, 254, 261, 269, 271, 276, 283, 292, 294, 296, 300, 305, 307, 309, 310, 311, 313, 322, 328, 329, 330, 334, 336, 342, 350-353, 355, 358, 359, 360, 367, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384-389, 391, 392, 397, 398, 402, 403, 409, 415, 418, 429, 431, 432, 433, 436, 440, 441, 443, 446, 450, 457; арыки: Анхор 231, 361, Боз-су 380, Салар 232; базары: Урдинский 233, 360; бульвары: Воронцовский 360; ворота: Камаланские 232, 386; Гос. публич. б-ка УзССР им. Навои 200, 352, 423; дахи (гор. части): Бешагач 131, Кукчи 131, Сиб-зар 131, 232, Шейхантаур 131, 360; ин-ты: по изучению восточных рукописей АН УзССР 94, Истории КП(б) Уз (Филиал ИМЭЛ) 194, 423; Исполком Времен. пр-ва 440, 443; кладбища: Шейхантаурское 233, кружки: «Вперед» 373, «Начало» 373; мастерские: Главные жел.-дорож. (впоследствии Красновосточные, ныне Паровозорем. завод им. Кагановича) 388, 441, 445; Ташкентское (впоследствии Первомайские ныне Паровозо-вагон. депо ст. Ташкент товарная) 373, 374, 445; медресе Барак-хана 64, Кукельдаш 64; мечети: Масджиди-джами 233, 334, 360, 361; сады: генерал губерн. (ныне Ботанический) 352, Кауфманский сквер (сквер Революции) 352, Сырдарьинский областной статистический комитет 353; Тезикова дача 380; улицы: Воронцовская (ныне ул. Сталина) 381, Ирджарская (ул. Кирова) 381, Куйлюкская (Куйбышева) 381, Куропаткинская (Первомайская) 381-382, Соборная (ул. Карла Маркса) 381.
Ташкентская ж. д. (см. также Оренбургская ж. д.) 261, 376, 377.
Ташкентская область (УзССР) 255, 292, 293
Ташкентский вилайет 132, 168,
Ташкентский Совет РиСД (см. Совет)
Ташкентский уезд (Сырдарьинской области) 255, 268, 275, 279, 293, 347, 348, 349, 381, 432, 433.
Таш-кепри 250
Таш-хаули Аллакули-хана (см. Хива)
Ташкентская химическая лаборатория (осн. 1869/70) 353
Тбилиси (Тифлис) 199, 372, 374
Тверитинов, полковник 361
Тевеккель (Таваккуль, Тявка), казахский хан (1582—1598/99) 55, 56, 57, 82
Теджен-дарья (Герн-руд) 249, 250
«Тезики» 43,
«Тезики юргенские» 107
Тезикова дача (см. Ташкент)
Теке, туркменское племя 126, 167, 174, 175, 240, 249
Текинцы (см. теке)
Терентьев М. А. 201, 202, 258
Терентьев Я. Е., рабочий 373
Термез, гор. 34, 42, 50, 91, 283, 452
Термез, креп. 405
Термез, урочище 404
Термез, юрт, 88, 90
Терское казачье войско 407, 408
Тибет, 15, 218
Тилля-кари, медресе (см. Самарканд)
Тимп-Абдулла-хан (см. Бухара)
Тимур (род. 1336, прав. 1370—1405) 9, 16, 22, 23, 25, 32, 38, 63, 97, 98, 294
Тимур-гази-хан, аштарханид, хан Хивы в 1857/58 гг. 126
Тимуриды, династия (1370—1506) 9, 11, 16, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37-40, 42, 44, 48, 51, 57-61, 63, 64, 65, 74, 76, 79
Тимур-султан (см. Мухаммед-Тимур-султан)
Тимур-султан, бухарский царевич, аштарханид, хан аральский (XVIII в) 124
Тимур-шах, Афганистан, афшарид (Дурранн) (1773—1793) 124

Тирсак, креп. 30
Тифлис (см. Тбилиси)
Тихомиров М. Н. 203
Тобол, р. 24
Тобольск гор. 106, 204, 207
Той-тепе, кишл. 350, 432
Тойтюбинская волость, Ташкентского уезда 432
Толстой Л. Н. 373
Томск, гор. 372
Тохтамыш, чингизид, золотоордынский хан (XIV в.) 23
Трансоксания 17
Тризна, пом. Черняевского уездного начальника 443
Троицк, гор. 210, 212, 221, 419
Троицкое, сел. 397
Трофимов К., рабочий, соц.-дем. 373
Тураби, поэт (XVII в) 94
«Туран», газета (на узб. яз) 413
Тургай, р. 173
Турабеков Туракул 436
Турды, поэт (XVII в) 95—96
Туркестан 18, 19, 30, 54, 160, 201, 202, 243, 252, 254, 258, 284, 294, 297, 300, 312, 328, 332, 346, 350, 354, 355; 356; 368; 372, 373, 380, 390, 423, 427, 431, 436, 439; 441, 447.
Туркестан Афганский 248
Туркестан Восточный (Китайский, Синьцзян) 139, 171, 206, 217, 239, 245, 246, 250, 251, 260, 294
Туркестан, гор. 25, 28, 30, 33, 40, 50, 56, 86, 92, 105, 106, 131, 135, 139, 164, 169, 217, 228, 231.
Туркестан, ж. д. станция 30, 382.
«Туркестан», газета 353
«Туркестанская туземная газета» (1888—1917) 353
«Туркестанские Ведомости» (1870—декабрь 1917) 257, 353, 364, 414,
Туркестанский военный округ 341, 363, 366, 388, 451, 454.
Туркестанский край 199, 200, 202, 245, 249, 252, 284, 255, 256, 257, 259, 261, 262, 264, 269, 270, 272, 273, 277; 283; 284; 306-307, 309, 310, 329, 341, 342; 343; 344, 345, 348, 351, 362, 376, 377, 383, 384, 386, 392, 393, 394, 395, 401, 410, 413, 423, 428, 429, 433, 436, 442, 444-447, 456
Туркестанский отдел Главного штаба 353
Туркестанский отдел об-ва любителей естествознания при Московском ун-те 535
Туркестанский отдел Российского об-ва садоводства (см. также Туркестанское об-во сель. хоз-ва) 353
Туркестанский отдел Русского географического об-ва 353, 355
«Туркестанский сборник» ((591 тт) 200, 352, 353
Туркестанский Т. Г. 424
Туркестанское генерал-губернаторство (1867—1917) 231, 235, 247, 255, 415, 440
«Туркестанское сельское хозяйство», газета 353
«Туркестанское об-во сельского хоз-ва» 260, 253
Туркестанско-Сибирская ж. д. 355
Туркомитет Временного Прав-ва 446, 447
Турки-османы 118
Туркмен, узбекское племя 290, 292
Туркмены 12, 19, 35, 55, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 80, 90, 98, 99, 101-103, 107, 111, 112, 115, 118, 121, 124, 126, 127, 134 137, 150, 151, 155, 162, 163, 167; 174, 175, 176, 178, 189, 190, 193, 201, 206, 207, 210, 218, 225, 248, 292, 305, 350, 417, 430, 449, 450, 451,
Туркмения 12, 118, 201, 240, 245, 248, 249, 284, 292,
Туркменская ССР 66, 68, 175
Турсун-султан (XVII в.) 14
Турткуль (см. Петро-Александровск)
Турция 23, 51, 55, 151, 219, 226, 228, 230. 274, 262, 298, 328, 396, 399; 412; 413; 449
Турция, азиатская 217
Тюмень, гор. 24, 57
Тюмень-арык, станция (см. также Сынгак) 29
Тюменьское царство (см. Сибирское ханство)
Тюп-караган, креп. 207
Тюп-караган, мыс 207
Тюрк, узбек. племя 135, 290
Тюрки (XVI в) 11, 12, 23, 49, 59,
Тюрко-монголы 22-23
Тюракул парваначи (XVII в) 93
Тюря-курган, гор. 131
Тюря-Мурад-суфи, правитель Кунграта (XIX в.) 188, 189
Тюряходжаев, фирма 281
Тыкма-сердар, глава туркмен-теке 249
Тявка (см. Тевеккель)
Тянь-Шань, горн. сист. 354

Убайдулла-султан (см. Убайдулла-хан I)
Убайдулла-хан I, шейбанид (1533 -1539) 37, 46, 49, 50, 51, 52, 59, 61, 62, 63, 66, 67
Убайдулла-хан II, аштарханид (1702—1711) 11, 75, 78, 82, 90, 91, 92, 93, 94.
Убайдулла-ходжа Ахрар (см. Ходжа-Ахрар)
Увайс-мирза, тимурид (XV в.) 31, 32
Угам, р. 257
Узбек, золотоордынский хан (1312—1342) 22
Узбеки 11, 22-29, 31, 32-42, 43, 44, 45, 47-52, 55, 58-60, 66, 70, 78, 79, 84, 86, 88, 89, 100, 102, 103, 106, 114, 117, 118, 120, 122, 124, 135, 137, 138, 139, 141, 160, 162, 167, 175, 176, 180, 190, 204, 240, 253, 258, 281, 289, 290-293, 294, 299, 319, 320, 327, 331, 332, 352, 368, 371, 380, 389, 400, 416, 417, 424, 430, 433, 435, 436, 446, 450, 456, 457.
Узбекистан 9, 13, 17, 19, 20, 21, 43, 49, 61, 63, 65, 73, 74, 96, 105, 139, 147, 182, 197, 199, 200, 202, 253, 257, 258, 260, 261, 263, 264, 265, 267, 268, 270-273, 275-278, 280, 282-284, 286-288, 292-294 297, 298, 299, 305, 307-309, 312-316, 318-321, 323-326, 328, 329, 332-337,

338, 344, 346, 347, 350-352, 355-358, 362, 365, 369-371, 374, 375, 379, 384, 385, 387-393, 397, 400, 412, 423-425, 427-430, 434-437, 440, 441, 446-448, 456, 457.
Узбекская ССР 23, 49, 198, 199, 245, 253, 290, 292, 293, 295, 348, 430.
Узбекский улус 26
Узбекско-казахский улус 24
Узбой, русло рукава Аму-дарьи 68, 206, 207
Узгенд, гор. 25, 105, 106
Узгенская волость 348
Уйгур, каракалпакское племя 186
Уйгур, узбекское племя 23, 24, 103, 290
Уйгур-найман, узбекское племенное объединение (XIX в) 70
Уйгуры (см. также кашгарлыки и таранчи) 24, 39, 294
Уйшун (уйшин), узбекское племя 23, 24
Уйфальви Ш. Э., венг. путешеств. 200
Уйфальви-Бурдон, Мария, франц. пут. 200
Украина 230, 254, 348, 447
Улугбек, тимурид (1394 — 1449), правитель Самарканда, астроном 25, 289
Улугбека медресе (см. Бухара)
Улугбека медресе (см. Самарканд)
Улу жуз (Старшая или Большая орда) 208, 209
Улуг-таг (см. Улутау)
Улутау, горный хребет 22, 73, 106, 205, 225
Улус Джучи (см. Синяя или Золотая Орда)
Улус ногайский (мангытский) 23-25
Улус Орды (см. Ак-орда)
Улус Шейбана (см. также Дешти-кипчак) 22, 23, 24, 26
Улус шейбанидский 49
Ульянин, нач. Сред.-аз. ж. д. 378, 379, 388
Умар-ходжа, ишан, Самарканд, (1868 г) 238, 239
Ункиар-Искилесси 219
Урал (Яик), р. 22, 23, 24, 56, 106, 107, 112, 129, 208, 209, 210, 329, 393
Уральск, гор. 222
Уральская область 393
Уральцы (см. казаки уральские)
Ура-тепе 121, 134, 135, 140, 163, 168, 169, 172, 200, 235, 255
Ургенч, гор. 30, 35, 44, 56, 66; 67; 68; 70, 99, 102 107, 151, 161, 181, 416
Ургенч Новый 137 ,185, 419
Ургенчский вилайет 107
Ургут, гор. (Самаркандск. обл.) 237, 238, 306, 431
Урмитан, гор. 163
Урсатьевская, ж. д. станция (см. Черняево)
Урумчи, гор. 245
Урус-хан, Ак-орда (1361—1375) 23, 26
Усманбаев, Мирза-Хамдам 369
Усов, Теренка 14,
Усть-Каменногорск, креп. 207
Усть-урт 149, 219, 223, 419
Утаджи (утарчи), узбекское племя 23
Уфа, город 209
Уфимская губерния 394
Уч-курган, креп. 244
Фазиль-бий, глава племени юз (XVIII в) 121, 122
Фазиль-тюра, мангыт, Бухара (1758) 121, 122
Фазли, поэт, Коканд (XIX) 178, 179
Фазлуллах бин (ибн) Рузбахан Исфагани, историк и поэт (XVI в) 10, 60
Файзабад (см. Джузгун)
Фальгар, Припамирское бекство 239
Фариш, сел. 434
Фаррашан, сел. 32
Фархад-бий, хитай-кипчак (XVII в) 92
Фарьяб, гор. 35, 50
Федор Иванович, царь (1584 — 1598) 56, 57
Федоров Е. 424
Федотьев Иван, сын боярский (XVII в) 14, 98, 99, 102, 111
Федченко Александр Павлович, зоолог (1844—1873) 354
Федченко Борис Александрович, ботаник 355
Феофанов, рабочий, соц.-дем. 372, 373
Фергана 12, 32, 49, 54, 61, 76, 116, 131, 138, 146, 165, 168, 170, 173, 177, 189, 242, 251, 270, 275, 279, 283, 290, 294, 295, 300, 305, 306, 310, 313, 316, 341, 345, 347, 348, 350-352, 354, 357, 358, 362, 365, 369, 384, 448.
Фергана, гор. (Скобелев, Новый Маргелан) 300, 304, 311, 350, 351, 363, 364, 365, 373, 441, 442, 444, 457; Комитет общ. безопасности 443;
Фергана-Коканд-Наманган ж. д. 283
Ферганская долина 131, 135, 137, 138, 142, 168, 183, 255, 279, 291, 292, 294, 309, 310, 313, 331, 337.
Ферганская область (Турк. ген.-губ-ва) 199, 244, 252, 255, 259, 268, 275, 276, 279, 282, 292, 293, 299, 342, 344, 345, 346, 347, 356, 357, 363, 370, 383, 391, 392, 429, 443, 448; Статистический ком-т 353
Филиппович, рабочий, соц.-дем. 372
«Фируз» (см. Мухаммед-Рахим-хан II)
Форт Александровский (см. Мангышлакское укрепл.)
Форт № 1 (см. Казалинск)
Фрисландия 350
Фуркат, поэт (1858—1909) 330, 331, 332
Фузули, Мухаммед-Сулейман, поэт (ум. в 1556 или 1562 г.) 397

Хабеш (Хабаш), сын Араб-Мухаммеда, Хорезм (XVII) 102, 122
Хавенд-Тахур, шейх (см. Шейх-Антахур)
Хаджалат, поэт, Коканд (XIX в) 179
Хаджи-Мухаммед-хан (1558—1602), Хорезм 67, 69, 70, 102
Хаджим-хан (см. Хаджи-Мухаммед-хан)
Хаджи-Тархан (см. также Астрахань) 107
Хазара, сел. 309
Хазарасп, гор. 55, 66, 67, 111, 125; 154; 167
Хазик, поэт, Коканд (XIX в) 179
Хазини, поэт (XIX в) 330
Хазрат-Хызр, мечеть (см. Самарканд)

Хайдар, эмир, мангыт, Бухара (1800—1826) 12, 141, 145, 162, 163, 164, 165, 166, 169, 178, 179
Хаким-бек, Китаб (XIX в) 239.
Хаким-и-Мулла мир, сел. 64
Хаким-хан-тюря (см. Ходжа-Мухаммед Хаким-хан-тюря)
Хакк-Назар, хан казахский (1560—1580) 55
Хали-бай, 200
Халифа-Ниязкул (Чар-Минар), медресе (см. Бухара)
Халифа-Худайдад, архитектурн. ансамбль (см. Бухара)
Хальвет-шейх, каракалп. старшина (XVIII в) 128
Хамза-Хаким-заде Ниязи, поэт (уб. в 1929 г.) 333
Хамид-ходжа, сын Юнус-ходжи (XVIII в) 169
Ханка, гор. 111, 125, 151, 161
Ханыков Николай Владимирович, ориенталист (1822—1878) 16, 166, 168, 224
Ханыков Яков Владимирович (1812—1862), ориенталист 15
Хасан-бай, глава аральских каракалпаков (XIX) 188
Хасан Хисари, поэт (XVI в.) 61
Хатай (см. Хитай)
Хатиф, поэт, Коканд (XIX в) 179
Хатлан, припамирское бекство 34
Хатырчи, гор. 31
Хафалак, кишл. 331
Хафиз-Шамсуддин-Мухаммед, перс. поэт (ум. в 1389 г.) 95, 397
Хафиз-Таниши-Бухари (Хафизи-Таныш), историк (XVI в.) 11, 57
Хафиз-Убихи, поэт (XVI в.) 62
Хелали, поэт (XVI в.) 59
Хиабан, улица (см. Бухара)
Хива, город 15, 55, 66, 67, 68, 98, 104, 105, 108, 109, 115, 125, 126, 127, 147, 149, 151, 161, 169, 174, 178, 181, 188, 191, 192, 193, 206, 207, 208, 217; 218, 219; 241; 242; 300; 306; 310; 311, 312, 313, 350, 415, 416, 450, 451; 456, базар Аллакули-хана 181; бани Ануша-хана 105; ворота: Палван-дарваза 181; Временный комитет 456; караван-сарай Алакули-хана 181; куриниш-хана Ильтузар-хана 181; медресе: Аллакули-хана 181, Араб-Мухаммед-хана 105, Ислам-Ходжа 334, 336, Мухаммед-Амин-хана 181, Шаргази-хана 105; мечети: Ануша-хана 105, Араб-Мухаммеда 105; минареты: Ислам-ходжа 334, 336, Мухаммед Амин-хана 181; таш-хаули Аллакули-хана 181.
Хивак (см. также Хива, город) 66, 70
Хива, ханство (см. также Хорезм) 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 49, 67, 68, 71, 73, 86, 87, 89, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 119, 124, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 135, 137, 138, 140, 141, 143, 146, 147, 148, 150, 157, 160, 161, 166, 167, 168, 173, 174, 176, 177, 181, 185, 187, 188, 189, 191, 200, 201, 204, 205, 206, 208, 210, 212, 213, 215, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 236; 240 241; 245; 248; 249; 255, 260, 268, 271, 273; 275; 276; 290; 291, 294; 295, 305, 310, 324; 325, 334; 350, 368, 404, 410, 414, 415; 416; 417, 419, 420, 424, 425, 448; 449; 450; 451, 455, 456, 457.
Хивинское море (см. Аральское море)
Хиджаз (Аравийский полуостров) 408
Хиджазская ж. д. 408
Хирами, поэт (XIX в.) 180
Хисар, бекство (XVIII—XIX вв) 238, 401, 412, 454
Хисар, гор. 34, 40, 50, 54, 91, 121, 140, 238, 412, 454
Хитай, каракалпакское племя 128, 188, 292
Хитай (хатай) узбекское племя 23, 39, 92, 95, 121, 154, 186, 292
Хитай-кипчаки, племенное объединен. 92, 121, 135
Хлудов Алексей Иванович, крупный мануфактурист (1818—1882) 246
Ходжаалийское владение 101
Ходжаалийское племенное подразделение 101
Ходжа Ахрар, шейх, (XV в) 31, 32, 51, 75
Ходжа Ахрара медресе (см. Самарканд)
Ходжаги-и Касани (см. Махдуми А'зам)
Ходжагон, суф. орден (см. также Накшбендия) 39, 47
Ходжаев Гаиб-Назар Артык (Артык-суфи) 369
Ходжаевы братья, торговый дом 281, 282
Ходжа Зайнуддина мечеть (см. Бухара)
Ходжайли (Ходжейли), гор. 189
Ходжа Ислам-Джуйбари, шейх (XVI в) 46, 47, 52, 53, 64, 75
«Ходжа-калан» (см. Мухаммед-Яхъя)
Ходжа Муин, поэт (XIX в) 332
Ходжа Мухаммед-Хаким-хан-тюря, историк, Коканд (XIX в) 12, 177
Ходжа-Насреддин 133
Ходжа-Нефес, туркмен, проводник (XVIII в) 206
Ходжа Хашим, шейх (XV в) 84
Ходжа Ядгар, каллиграф (XVII в) 98
Ходжейли, гор. 151, 189
Ходжент, гор. (Ленинабад) 55, 85, 121, 135, 168, 171, 172, 235, 242, 243, 244, 255, 431
Ходжент, уезд 258, 293, 346, 347, 348
Ходжи Курбан, усто 336
Хоканд (Хуканд), сел., см. также Коканд 116
Хондемир, Гиясуддин (1475—1535 или 1537 г.) историк 10, 178
Хорасан 11, 30, 34, 35, 36, 37, 40, 41; 44; 49, 50, 51, 54, 55; 58; 67; 75; 83, 88, 89, 124, 126, 150, 174, 175, 178, 250; 290
Хорасан, Западный 37
Хорасан Северный 66, 68, 134, 175
Хорезм, см. также Хива 21, 23, 25, 27, 30, 35, 43, 55, 58, 60, 65, 68, 70, 71; 85; 89, 98, 99, 100, 104, 107, 116, 120, 124, 125, 126, 136, 139, 173, 183, 291,

293, 296, 299, 305, 306, 309, 313, 316, 325, 333, 335, 337
Хорезм, гор. (см. также Хива) 14, 100, 181
Хорезмийцы (древние) 68
Хорезмская область (УзССР) 255
Хорезмский (Хивинский) оазис 65, 68, 71, 106, 199, 240, 248, 404, 451,
Хохлов Иван Данилович, русский посол в Бухаре (XVII в) 14, 98, 99, 101, 112
Хосров-шах, влад. Хисара (XVI в) 34, 35
Хотан, гор. 246
Худояр-хан, минг, хан Коканда (1845—1858; 1862—1863, 1866—1875) 146, 161, 172, 173, 181, 232; 234; 236; 242; 243.
Худояр-хана дворец (см. Коканд)
Хузар, гор. 118, 121
Хузар, бекство 118
Хунза, припамирское ханство 250, 251, 252
Хураз-бек, аталык, Хива (XVIII в) 126
Хусаинов Хайдар 436
Хусейн-бек, диванбеги, предс. Хивинского Временного правительства (1917 г.) 456
Хусейн, сын эмира Хайдара, мангыт, эмир бухарский (в 1826 г.) 166

Цеван Рабтан, калмыцкий (джунгарский) хун-тайчжи (XVIII в) 117
Центральный государственный истор. архив УзССР (ЦГИА УзССР) 198, 199
Цесаревича залив (Мертвый Кутлук) 419
Цыгане (см. также мазанг, люли, джуги) 293, 319
Цянь-лун, император Китая, манчжурская династия Цин (1736—1795) 131

Чаача, гор. 66
Чагатай (Джагатай) тюрко-монгольские племена 31, 33, 49, 50, 51
Чагатай (Джагатай), чингизид, (XIV в.) 26
Чадак, селение 76, 116
Чала-казах (чаля-казак), казахско-узбекская этнич. группа 293
Чала-казах-киргиз (чаля-казах-киргиз), казахско-узбекская этн. группа 293
Чала-казах-сарт (чаля-казак-сарт), казахско-узбекская этн. группа 293
Чар-Бакр, урочище близ Бухары, 64, 120
Чарджоу (Чарджуй), гор. 103, 119, 106, 121; 125, 134, 135, 150, 163, 167, 379, 382, 402, 404, 405, 419, 444, 452, 454
Чарджуйский вилайет 153
Чар-минар (Халифа-Ниязкул), медресе (см. Бухара).
Чепелев В. Н. 20
Черкесы 110
Черное море 21, 22, 197, 208
Черняев Михаил Григорьевич, генерал. турк. ген.-губернатор (1882—1884) 230, 231, 232, 233; 234; 235.
Черняево (Урсатьевская), ж. д. станция 382
Чилек, гор. 165, 237, 238
Чимбай, город 157, 185
Чимбай, племя, 39
Чимбайское приставство 415
Чимбайский участок (Амударьинск . отд. Сырдарьинск. обл.) 255
Чимион (Ферган обл.) 356
Чимкент, гор. 131, 135, 139, 168, 169, 231, 384
Чимкентский уезд 347, 363, 368
Чиназ, сел. 320
Чингиз-хан (Темучин) (1160—1227) 24, 26, 28, 40, 60, 83, 116, 120, 126, 291
Чингизиды, династия 24, 25, 26, 40, 127
Чин-курган, гор. 173
Чирчик, р. 30, 169, 295, 296
Чита, гор. 372
Чия-куль («Камышевое озеро») 257
Чкалов, гор. (см. Оренбург)
Чоудор, туркменское племя 174, 175
Чу, р. 22, 26, 228
Чугучак, сел. 245
Чукур-куль 186
Чунан-ата 150, 237
Чупанатинская возвышенность (близ Самарканда) 237
Чуст, сел. 116
Чучалов, переводчик (XVIII в) 15

Шаар, гор. 401
Шавдия Г. И., соц.-дем. 372, 374
Шадбаклы, тюркское племя 39
Шади-мирза, племянник Якуб-бека (XIX в) 246
Шамиль, имам Чечни и Дагестана (1798 — 1871) 365
Шамай, яицкий казачий атаман (XVII в) 102
Ша-Мурад (см. Шах-Мурад)
Ша-Нияз (см. Шах-Нияз)
Шанхай, гор. 405
Шарафуддин Иезди, поэт и историк (XV в) 58
Шариф-ходжа, ташкентский казикалян (XIX в) 360
Шахабад, креп. 100, 137, 147
Шахабадский канал 100, 147
Шах-бек (см. Шейбани хан)
Шах-бек кукельдаш, аштарханидский наместник в Балхе (XVII в) 84
Шах-бек (см. Шейбани-хан)
Шах-Джехан, «великий могол», (1627 — 1658) 86
Шахи-бек (см. Шейбани хан)
Шахи-Зинда, ворота (см. Самарканд)
Шах-Мурад, эмир, мангыт, Бухара (1785—1800) 11, 116, 122, 123, 124, 135, 141, 162; 177; 293;
Шах-Нияз (Ша-Нияз) «Ишик-ага», правитель Хивы (XVII в) 104, 205
Шахри-Вазир, (Вазир, Селизюр), гор. 55. 66; 67, 68, 69, 70
Шахрисябз, бекство 238, 239, 401
Шахрисябз, гор. 21, 32, 54, 139, 140, 165, 166, 179, 180, 238, 239, 284, 292, 308, 337, 412, 454
Шахрисябз, юрт 91, 92, 117, 121, 134, 139, 147
Шахрисябзский вилайет (Бухарский эмират) 238, 291, 454

Шахрух-бий; минг; родоначальник династии, Коканд (XVIII в) 116, 135
Шахрухия, креп. 34, 45, 54
Шах-Тахмасп (см. Тахмасп II)
Шах-Тахмасп-кули (см. Надир-шах)
Шахтемир, гор. 101
Шах-Эмир Асадулла-вели, ишан (XVI в) 45
Шах-Эмир-Асадулла-вели, мечеть (Шахрухия) 45
Шейбан, чингизид, сын Джучи (XIII в) 22, 23, 24, 25, 28
Шейбаниды, первая узбекская династия в Средней Азии (1488—1599) 11, 20, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 60—66; 67; 70, 72, 82, 83, 115
Шейбани-хан (Шах-бахт, Шахи-бек, Шейбек, основатель династия шейбанидов; (род. 1451 г., правил 1488—1510) 10, 11, 27, 28—42, 45, 46, 48, 49, 51—53; 58—61, 63, 64, 66, 96, 115, 290, 291
Шейбани-хана медресе (см. Самарканд)
Шейбек (см. Шейбани-хан)
Шейхантаурская даха (см. Ташкент)
Шейхзаде Махмуд (см. Музаххиб)
Шейх-Антаур (шейх Хавенд-Тахур) (XVI в) Ташкент 131, 168
Шейхантаурское кладбище (см. Ташкент)
Шейх-Хайдар-хан, сын Абдулхайра (XV в) 27, 28
Шемаха, гор. 108
Шефер Шарль 11
Шибирган, гор. 90, 118, 134
Шигай (см. Сыгай)
Шинкарлы, тюркское племя 39
«Ширабад», акционерное об-во 406
Ширабад, гор. 75, 121, 238
Ширабадская долина 406
Ширабадский оазис 290
Ширали-инак, наместник эмира в Самарканде (1868 г.) 236, 237, 240
Ширали-хан, минг Коканд 1842—1845), 138, 172
Ширали, баракзаи; эмир Афганистана (1869 — 1879) 245, 247, 248
Ширван, обл. 40
Ширгази, казахский хан (XIX в) 222
Ширгази-хан, Хива (1715—1728) 105, 115, 117, 124, 130, 206, 207
Ширгази-хана медресе (см. Хива)
Ширдор, медресе (см. Самарканд)
Шир-Мухаммед, сын Аваз (Эвез)-бия (см. Мунис)
Шоркель (Шоркуль), город впоследствии крепость 189
Шугнан, припамирское бекство 134, 171, 250, 252
Шукур-али, знатный каракалпак (XIX в) 188
Шумилов Николай Васильевич, большевик, первый председ. Ташкентского Совета (1918 г.), убит 19 янв. 1919 г. 445
Шураханг, город 151
Шураханский участок (Амударьинск. отд. Сырдарьинск. области) 255, 275
«Шуро-и-Исламия», организация 444, 447;
«Шухрат», газета 397
Щепкин Николай Николаевич, кадет, предс. Туркомитета Временного Правительства 446
Эверсман Эд. А., натуралист (XIX в.) 15
Экилик, бий киятских каракалпаков (XIX в) 186
Элахор (см. также Лахор) 115
Эмба, р. 26, 106, 111, 223
Эмбинское укрепление 240
«Эмир» (см. Омар-хан)
Эмир-Али-Катиб, поэт (XVI в) 62
«Эмири-Саид» (Эмир-и-Саид), см. Хайдар, эмир.
«Эмир-Кассаб» (кассоб, см. Насрулла-хан)
«Эмир-и-Ма'сум» (см. Шах-Мурад, эмир)
Энгельс Фридрих. 20, 21, 197, 221
Эренк (Ирнак)-хан, Хива (1686—1688) 104
Эркеть (см. Яркенд)
Эрсари, туркменское племя 69

Юдин Леонтий, русский купец (XVII в.) 14, 107
Юз, узбекское племя 88, 91, 95, 121, 122; 141, 168
Юлдашев, старший аксакал Джизака (1916 г.) 433
Юлдашев Хайдар 436
Юнус-ходжа, Ташкент /XVIII в/ 15, 131, 132, 168, 169
Юргенская земля /см. также Хивинское ханство/ 14, 98, 99, 111
Юргенч /см. также Ургенч/ 99
Юрчи, узбекское племя 23
Юсупов Худай-берды 436
Юсуф Карабаги /см. Мулла-Юсуф Карабаги)
Юсуф Сайрани, поэт /XIX в/ 330

Яицкий городок 129
Якуб-бек (1864—1877) Кашгарский 226, 239, 246, 247
Якуб-хан, эмир, Афганистан, /1879/ 247, 248
Ялангтуш-бий, эмир Самарканда /XVII в/ 73, 75, 81, 96, 97
Ямышево озеро 207
Янги-дарья, река 130, 187, 189
Янги-кишлак 434
Янги-курган, креп. 165, 173, 235
«Янов, Иван и Ко» 258
Янгхазбенд Франк Э., капитан английс-службы 251
Яны (Джаны)-курган, креп. (см. Янги-курган)
Ярбек, владетель Бадахшана (1656/7 — 1706/7) 89, 90, 116.
Яркенд /Иркеть, Еркеть, Эркать, Яркать/ гор. 149, 206, 207, 217, 246
Яркать /см. Яркенд/
Яр-Мухаммед-султан, шейбанид, Бухара (XVI—XVII вв) 52, 53.
Ярмыш, канал 100
Ярославль, гор. 107
«Ярым подшо» /см. Кауфман, К. П./
Ясы (Туркестан), креп. 30, 55
Ясская волость 348
Яшиль-куль, озеро 251

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аббас, монета (25 к.) 190
Абрбанд 301, 304
Адай (атай) мульк 147, 160
Адат 187, 263
Адрас 301, 304, 315
Азан 324
Азанчи (см. суфи)
Азо 322
Азука 187
Айван 313, 335, 336
Акабир 128
Аксакал водный (см. арык-аксакал)
Аксакал махаллинский 310
Аксакал (начальник гор. дахи) 233, 234, 237, 238, 359, 360, 361, 432, 456
Аксакал (сельский староста) 154, 155, 158, 187, 190, 191, 430, 431, 434, 435, 436
Аксакал, помощник цехового бобо, 302
Аксакал, старшина цеха, 302
Аксакал (у каракалпаков) 128
«Ак-су» 294, 295
Ак-чай (см. шир-чой)
А'лам 79, 132, 263, 324, 328, 392
Аламан 150
Алача 184, 304, 305, 314, 315
Алаф-пули 159
Аллах 145, 149,
Амальдар 153, 162
Аманат 130
Амин 154, 158
Аминана 159
Амир (см. эмир)
Амир-ул-умара 154
Амляк 142, 144, 154
Амлякдар 154, 155, 158
Анджуман 301
Анхор 231
Арава (арба) 99, 151, 192, 297, 300, 306, 308, 311, 358
Арба (см. арава)
Арбаб 72, 80, 101
Арбакеш 359, 362
«Арвохи пир» 303
Арк 77, 87, 92, 122, 133, 152, 153, 168, 236
Арна 143
Арча 182
Арык 73, 99, 146, 173, 232, 260, 296, 311; 352, 359, 398, 450
Арык-аксакал 260, 296, 392
Аскария 162
Аталык 47, 75, 78, 79, 90, 100, 101, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 126, 127, 155
«Аталычные» земли 417
Аталя 317
Атлык 137
Аттар 311
Аул 92, 103, 173, 180, 187, 192, 222, 300;
Афгани 293
Афтоба 242, 337
Афтобачи 242.
Ашур 413
Ашури 324

Багдади 298
Бадж 159
Баджман 155
Бай, бан 256, 260, 271, 279, 280, 281, 283, 284, 331, 383, 384, 427, 428, 429, 431, 435, 436, 443, 444, 446
Байга 323
Бай-пули 161
Байрам 151
Балабан 334
Банарас 304
Батман 101, 144, 158, 160, 410,
Батыр 128, 211
Бахши 333
Бахари (ляльми) 142, 297, 341
Бача 322, 323
Бек (хаким) 156, 159, 238, 239, 433, 434
Бек, беки (родоплеменные) 24, 27, 75, 76, 77, 100, 101, 115, 128, 155; 188; 310
Бекасаб 304
Бекляр-беги 154, 155
Бекча 154
Берат 72
Бехадур 128
Бешик 321
Биватан 147
Бий 24, 128, 129, 155, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 210, 263.
Бий-баба 191
Биринджи 308
Бобо (цеховой) 302, 303
Буз 303
Буза 318
Бузрук 333
Бунак 302
Бус, бусы 107
«Буслик-ушшак» 333
Вазир (см. также мирхтар) 101, 102, 412, 413
Вазир (кушбеги), Бухара 152
Вазир-и-харб 153
Вазифа 191
Вакиль (частный поверенный) 263

Вакиль (бек) родоплеменной (туркм.), Хива 155
Вакф 45, 76, 145, 146, 147, 148, 161, 177, 259, 262, 270, 271, 327, 328, 365, 384
Вакфи-авлад 145
Вакф-намэ 9, 45, 145
Везир (см. вазир)
Векиль (родоплеменный, см. вакиль)
Вилайет 34, 121; 122, 150, 154, 156, 159

Газават (свящ. война) 236, 238, 240, 243, 357, 358, 362, 364, 365, 366, 367, 369, 433, 434,
Гази 171, 231, 237
Газель 180, 330
Гап 313, 323
Гаштак (см. гап)
Гиджак 334
Голиб (в цеху), второй помощник бобо 302
Голиб, старшина цеха плотников 302
Губсары 91
Гуза 273
Гузар (лосина) 307
Гузар (гор. квартал) 46, 310
Гуваля 313
Гули-сурх (см. также қызыл-гуль) 121 180, 322

Дадхо (дадха) 77, 78, 367
Дайра 334
Даллали (маклерство) 140
Даллали (маклерские сборы) 159
Даллаль (посредник, маклер) 300
Дарпарда 313
Дарсхана 97
Даруга (сельский) 154
Даруга, правитель 31, 32, 54, 67, 80, 154, 158
Дару-ш-шифа 94
Дастан 333
Дастархан 284, 305, 327
Дастарханчи 78
Дастигуль 326
Даст-шўй 337
Дафтар 78, 155
Даха 131, 310
Дахъяк (даяк, см. ушр)
Дервиш, дервиши (см. также шейхи) 9, 13, 32, 39, 40, 45, 46, 47, 48, 52, 75, 76, 85, 93, 96, 100, 102, 123, 128, 132, 148, 149, 187, 243, 311, 325
Дервишизм 122, 128, 187
Джаҳрдизм 390, 395, 396, 424
Джадиды 329, 332, 390, 395, 396, 397, 412, 413, 424, 435, 453, 454, 455
Джанда 326
Джарма 317
Джарчи 119
Джатак 138
Джахр, громкий зикр 325
Джеляк, вид паранджи 315
Джемаа 185
Джетым-хан 357
Джида 297
Джигит 430, 432
Джугара 73, 143, 151, 158, 317,
Джуз 11
Джуй (оби) 142
Джума 324
Джура (см. гап)
Диван, ведомство финансов (Бухара) 78, 153
Диван, сборник стихов 62, 95, 178, 180
Диван, совет (Хива) 152, 416, 420
Дивана 132
Диванбеги, финансов. чиновн. 77, 78, 79; 153; 155; 416, 420
Динар 37
Дихкишин 43
Дока 304
Домбра 333, 334
Домулла 326
Дувал 374
Дувалкеш 364
Ду-гох 333
Дукчи 364
Дурра 157
Дуруя 304
Дутар 333

Загора 317
Замини-амири 145
Замини-амляк 144
Замини-давляти 144
Замини-мават 144
Замини-ушри 145
Замини-хераджи 144
Замини-хасс 145
Зангуль 333
Заргар (заргарон) 64, 293, 308, 337
Зархарид 150
Заур 257
Зикр 325, 326
Зендень 74
Зякат 140, 153, 155, 159, 161, 174, 188, 190; 192, 233, 323, 358, 365, 366, 403, 415, 417
Зякати-саваим 159, 410
Зякати-чакана 159
Зякатчи (см. также амин) 154
Зякатчи-калян 153, 154

Иди-курбан (см. Курбан-хаит)
Иди-фитр (см. Рамазан-хаит)
Изорбаф 77
Икта (см. также суюргаль, тиуль) 44
Илят (Хива) 310
Ильми-фараиз 177
Имам (настоятель) 37, 155, 177, 262, 310, 314, 324, 326, 327, 328, 392
Имам (шиитск.) 50
Инак (глава узбекских племенных объединений), Хива 70, 100, 101, 126, 127, 153
Инак, великий 78
Ин'ам 191
Инжир 297
Иншалла 323
«Ирак» 333
Иршад 325
Испарак 304
Итык 317
Ишан, ишаны (дервишские шейхи) 45, 46, 75, 96, 128, 132, 148, 187, 262; 314; 316, 325, 364, 392,, 454
Ишик-ага 104

Казий 79, 155, 157, 158, 177, 187, 188, 191; 236 244, 258, 263, 310, 324, 328, 360, 361, 392, 412, 456
Кази-калян 79, 155, 157, 232; 233; 234; 236, 237, 408
Казу 68, 161
Казучи 161, 190
Каймак 317
Кал'а 184, 187
Калам 58
Калым 185, 320, 321
Кальтача (мурсак, мунисак) 315
Калями 285, 304
Каляндар 325, 326
Каляндархана 326
Камар-баста (фатиха, мион-баста) 303
Карабаир 299
Караван-баши 218
Караван-сарай 43, 45, 145, 185; 226; 246
Карагач 311; 352, 364
Каракуль 281, 299, 316, 405, 407, 412,
Кара-су 294, 295
Кара-уй (см. также юрта) 292, 314
«Карачи» 188
Карачирик 162
Карнай 334
Касагаран 293
Кассаб 166
Касыда 62
«Каттакурган» 297
Катта-хаит (см. рамазан-хаит)
Катык 317
Каум (Хива) 155
Кауш 317, 410
Кафир 171, 411
Кафсан 158
Кафсан-даруга 158
Качу 161
Кашкуль 40
Каюк 159
Кедхуда 128, 155
Кебак (см. калым)
Кенаф 297
Кент 155
Кетмень 145, 162, 184, 284, 297, 308, 366; 367; 432.
Кизилбаши 40, 66, 90, 121
Килим 74
Кичик-хаит (см. курбан-хаит)
Кишлакнишин 43
Кой 190
Кокан-арава 300
Кок-таш 47, 76, 163
Колыб 305
Коригар 301
Кош 145, 146, 160, 281
Кош-пули 160
Крут 317
Кубуз 334
Кудунг 3[illegible]
Кукельдаш 78
Кукнари 332
Кук-бури (куп-кари) 322
Кул 118
Кулах 316
Кулюта 316
Кумыс 48, 299
Кундаль 64, 65, 97
Кунжут 73, 150, 317
Кунчи (чармгар) 307
Куп-кари (см. кук-бури)
Кураш 322
Курбан-байрам 173, 322, 323, 360
Курбаши (мири-шаб) 157
Курган 33
Курганча 138, 309
Куриниш 76
Куриниш-хана 122, 181, 418
Курпача 314
Курчакбаз 322
Курчи 81
Кутваль 79
«Кучан» 333
Куча-ош 317
Кушбеги (Бухара) 78, 150, 152, 153, 154, 155, 199, 408, 453
Кушбеги (Хива) 101, 102, 127, 153
Кушбеги-и-поён (паян) 153
Кушнай 334
Кызыл-гуль 322
Кяриз 295

Лал 115
Ляган 337
Ляльми (бахари) 142, 297
Ляхад 322
Лячак 316

Мазар 45, 63, 121, 145, 148, 181
Макам 333
Макрух 150
Максы (см. Махсы)
Мактаб 59, 177, 265, 326, 327
Мактаб-хана 326
Мал 190
Мала 298
Мали-амани 125
Малля 314
Мардикор 281, 333, 359, 362, 368
Марсия 321
Мата 303, 305, 314
Мауза 311
Махалля 310
Махрам 191
Махсы 307, 316, 317
Машкоб 312
Машшок 333
Медресе 37, 45, 57, 59, 63, 64; 65; 95; 97; 122, 123, 132, 145, 147, 153, 157, 177, 181, 182, 187, 233, 236, 239, 242, 265, 310, 324, 326, 327, 328, 330, 338, 411, 432, 440
Месневи 95
Минарет 131, 156, 181, 334
Мингбаши 101, 154, 172, 310
Мион-баста (см. фатиха)
Мир (правитель; см. также эмиры) 89, 136, 145, 156, 159
Мир (см. также бек и хаким)
Мираб 154, 155, 260, 296, 432, 435
Мираб-баши 296.
Мирза (писец) 79, 263, 430
Мири-шаб (см. миршаб)
Миршаб 80, 157

Миршаб-хана 156
Мис 308
Мисгар 308
Михраб 63
Михтар 77, 78, 101, 127, 153, 416
Михман-хана 312, 313, 323
Муаззин 324
Мударрис 132, 153, 177, 237, 262, 324, 327
Музаххиб 65
Мукаррар 327
Мукки 317
Мулазим 154
Мулла 128, 187, 236, 238, 314, 319, 329, 454, 455
Мульк, мульковые земли 45, 72, 75, 93, 148, 160, 190, 259, 271,
Мулькана 72, 80
Мульки-вакф 145
Мульки-падшахи (мульки-шах) 72
Мульки-ушри 145
Мульки-хурр 145
Мульки-хурри холис 45, 145
Мульки-шах (см. мульки-падшахи)
Мультани (см. афгани)
Мунисак (см. также мурсак) 315
Мунши 79
Мурза (ногайский) 56
Мури 183, 313
Мурид 29, 46, 47, 53; 76; 132; 325; 364
Мурсак 315
Мусалляс 318
Мутавалий 145
Муфтий 79, 132, 153, 156, 157, 233, 237, 263, 324, 328, 392, 456
Мухаммас 95
Мухтасиб (см. также раис) 79
Муширф 155
Муштак 158

«Наво» 333
Нагара 334
Най 334
Наиб 155, 172
Намаз 324, 327
Намаз-джума 324
Намазгах 322
Нан 317
Науруз 322
Ним-сара 160
Нойон 47
Нукария 154, 162
Нукер 24, 27, 69, 154; 161; 162; 190; 191
Нукра-куб 304

Оби (джуи, сулю) 142, 297
Омач 294, 297, 298, 308
Орда (см. урда)
Орд-фурушан 64

Падишах 29
Падшалык 145, 160, 259
Пайкор 302
Палас 52, 305, 307, 311
Палван 322
Пансат 367
Паранджа 315, 319, 432, 455
Парванчи 78, 93
«Пари-паша» 304

Пешонабанд 316
Пир (старец) 149, 325, 326
Пир (цеховой) 303
Подшохи 304
Пули-тахта джай 159

Рабат 57
Раис (см. также мухтасиб) 79, 123, 153, 157, 166, 364, 412
Рамазан 180, 323
«Раходи» 333
Редиф 179
Ривоят (см. также фетва) 9, 156, 263
Рисоля 13, 59, 149, 303, 333
Ришта 311
«Рост» 333
Руза 324

Саадак 74, 77
Савоб 321
Сагона 322
Сагры (саур) 307
Садр 321
Саиль 150, 322
Салам 92, 173
Салгут (см. салгыт)
Салгыт 140, 160, 161, 190
Салгыт-кесема 190, 417
Саман 298
Сандал (сандали) 183, 313
Сарбаз 231, 232, 237
Сардоба 57
Саррафан 64
Сарфинка 305
Сарык-мум 307
Саур (см. сагры)
Сафоль 337
Сахранишин (сахрашин) 43
«Се-гох» 333
Сейид, сейиды 34, 37, 79, 100, 136, 137, 145, 161
Силяу 407
Сипай 166
Сипохиён (сипахиян) 153
Сузани 309
Султан, султаны 24, 27, 28, 30, 34, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 67, 81, 100, 124, 222, 412
Султан (османский титул) 51, 81, 262, 395
Султан («старший хан», каракалп.) 130
Сулю (см. оби)
Суннат 321
Суннизм, сунниты 40, 41, 50, 51, 58, 60, 177, 323, 413, 414
Су-пули 159
Сурнай 334
Суфа 310
Суфи (азанчи, муаззин) 310, 324
Суфий, суфии, суфизм 39, 40, 46, 51, 59, 69, 75, 76, 96, 122, 123, 133, 148, 316, 325
Суюнчи 321
Суюргаль 37, 44, 68

Табак 337
Табуг 48
Табут 321
Тази 293

Тайчжи (см. хун-тайчжи)
Такдыр 323
Тал 311
Талкан 326
Танап 137, 143, 144, 146, 147, 158, 159, 160, 186, 187, 297, 363, 364, 368, 416, 417, 419, 448
Танабона (танаб-пули) 159, 160, 161, 190
Танаб-пули (см. танабона)
Танбур 333.
Танга (тенга, теньга) 72, 92, 123, 144, 190, 405, 406
Тандыр (см. танур)
Таннури 326
Танур 306, 317
Танхо 44, 75, 80, 93, 122, 144, 152; 154.
Танходар 144, 145
Таран 307
Тарик 317
Тартук 407
Тарчуб 161
Тахоби 297
Тахта 326
Ташкари 312
Теша 284, 308
Тилля 143, 190
Тильпак-фурушан 64
Тим 43, 310
Тиргаран 64
Тиуль (см. суюргаль)
Той (туй) 321, 451
Топчибаши 77
Топчибаши-и-лашкар 153
Тугай 161, 188
Тугаичи 296
Тузгок 183
Туйнук 182
Тулунбас 108
Туман (район, уезд) 33, 117, 118; 120; 152; 154, 160
Туман (монета) 162
Туппи 316
Турпак 297
Тут 297, 298, 317
Тюра (тюря) 326
Тюра («пир» у каляндаров) 326

Углан 23, 100
Уй 314
Улаг 187
Улак (см. также кук-бури) 322
Улакчи-ат 322
Улема 79, 148, 153, 154, 156, 237, 412
Улуг (аксакал) 128
Улус 22, 23, 24, 25, 26, 29, 47, 52; 75; 81
Ураза 433
Урак 298
Урда, ханская 172, 334
Уро 298
Уртак 345
Уруг 115, 121, 186, 193
Урюк 317
Усто 65, 149
Устокор 285, 286
Утау (см. юрта)
Ушр (дахъяк) 80, 160, 161, 417
Ушрия 145
«Ушшак» 333

Фатиха 303, 320
Фетва (см. также ривоят) 79, 87, 156, 170; 171; 236.
Фирман 78, 90, 418

Хадис, хадисы 328
Хадж 262, 364
Хайдари 326
Хаким (см. также бек, мир, наиб) 152, 154, 155, 156, 159, 163, 191, 192, 331
Халиф 152, 395, 412
Хальфа (мастер, работающ. по найму) 269, 285, 286, 302, 303
Хальфа (заместитель, помощник пира или ишана) 364
Ханака 57, 64, 145, 148
Ханлык 145
Харадж (см. херадж)
Харвар 120
Харчибоф 303
Хаслык 161
Хауз 97, 98, 311, 336
Хаули 309
Хафиз 322, 325, 333
Херадж (харадж) 72, 78, 80, 144; 157; 158; 161; 188; 190, 233
Хераджи-вазифа 158
Хердажи-мукасама 158
«Хиджаз» 333
Хирман 298
Ходжа, ходжи 76, 77, 95, 116, 128, 131, 136, 145, 161, 170, 187
Хоса 303, 304
Худжра 328
Хум 306
Хумдон 182
Хун-тайчжи 117, 130
«Хусайни» (название музыкального макама), 333
Хусайни (сорт винограда) 297
Хутба 36, 37, 48, 50, 53, 76, 83, 88, 89
Хуфия, тихий зикр, 325
Хырка 84

Чавандоз 322
Чадырхаяль 322
Чайрикор 146, 268, 281, 349, 362, 393, 427, 431, 448
Чайхана 322, 323, 431
Чакру-хат 366
Чала (чаля) 294
Чанг 334
Чангарак 417
Чарас 297
Чармгар (см. кунчи)
Чарьяк 158
Чачван (см. чашмбанд и чимбет)
Чашмбанд (чимбет) 315, 319
Чилим 337
Чиляки 297
Чигирь 143, 144, 160, 184, 296, 306,419
Чигирик 303
Чимбет (см. чашмбанд)

Чинни 337
Чираг 182
Читгар 305, 338
Читти-чатти 338
Чой-джуш (см. чой-идиш)
Чой-идиш 337
Чорсу 43, 310
Чуб-пули 417
Чувал 140

Шабгард 157
Шагирд-пеша (шагирд-и-пеша) 154, 162
Шайтан 366
Шаманизм 48
Шариат 52, 133, 144, 152, 156, 157,, 159, 177, 187, 188, 263, 318, 324, 328, 331, 359, 365, 396, 397, 453, 454
Шатир 78
Шах, шахи 40, 50, 51
Шашмакам 333
Шейх, шейхи (см. также дервиши и ишаны) 9, 13, 45, 47, 51, 75, 76, 100, 122, 128, 141, 161
Шейх-уль-ислам 12, 79, 153
Шекесте (шикаста) 133
Шербет 232
Шерик 281
Шерть 112
Шиизм, шиит, шииты 40, 47, 50, 51, 54, 55, 58, 59, 83, 96, 120, 123, 293, 323, 413, 414
Ширкат 269, 281
Шир-чай (ак-чай) 318
Ших (шейх) 137
Шохи (канаус) 304, 315

Эллик-баши 263, 333, 434, 435
Эль 186, 191
Эмир-и-кабир 121
Эмир-и-ма'сум 124
Эмир-ул-муслимин 170
Эмир-ул-умара 117, 121

Юзбаши (сотник) 101, 122 155, 190, 191, 367
Юзбаши, помощник хакима 155
Юк 101
Юмшан 128
Юрт (владение, территория, удел) 24, 42, 48, 85, 90
Юрта (см. также уй, кара-уй, утау) 105, 184, 294, 309, 314, 418

Як-сара 160
Яргу 164
Ярлык 78, 108, 145, 146, 160, 161, 191; 193; 314.
Ярлыкдар 161
Ярлыклы-мульк 160
Ярымчи 146
Ясаул 77, 78, 101, 102, 263
Ясаул-баши 193
Ясырь 99, 109, 110

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ОБ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ XVI—XX вв. ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

Маркс К. Британское владычество в Индии. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. IX, М., Партиздат, 1933, стр. 346—352.

Маркс К. и Энгельс Ф. Турецкий вопрос.—„Times"—Рост России. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. IX, М., Партиздат, 1933, стр. 400 — 402.

Маркс К. и Энгельс Ф. Франция и Англия. Греческое восстание. Азия и Россия. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. IX., М., Партиздат, 1933, стр. 654—661.

Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XI, ч. 1, М., Партиздат, 1933, стр. 363—367.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1936; стр: 3—40.

Энгельс Ф.— Марксу К. Письмо от 6 июня 1853 г. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф: Сочинения, т. XXI, М.-Л., Гос. изд-во, 1929, стр. 491—496.

Энгельс Ф.— Марксу К. Письмо от 23 мая 1851 г. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф: Сочинения, т. XXI, М.-Л., Гос. изд-во, 1929, стр. 209—212:

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, изд. 4-е, М.-Л., ОГИЗ, Гос .изд-во полит. лит., 1941.

Ленин В. И. Уроки кризиса. Сочинения, т. V, изд. 4-е, М.—Л., ОГИЗ, Гос., изд-во полит. лит., 1946, стр. 73—77.

Ленин В. И. Внутреннее обозрение. Сочинения, т. V, изд, 4-е, М.-Л., Гос. изд-во полит. лит., 1946, стр. 231—276.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Сочинения, т. XI, изд. 3-е, Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.,—Л., Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 стр. 333—498.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. XIX, изд. 3-е. Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.—Л., Партиздат ЦК ВКП(б) 1936, стр. 67—175.

Ленин В. И. Итоги дискуссий о самоопределении. Сочинения, т. XIX, изд. 3-е. Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.,—Л., Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 241—272.

Ленин В. И. Печальный документ. Сочинения, т. XX, изд. 3-е. Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.-Л:, Гос-изд-во, 1927, стр: 328—330:

Ленин В. И. Соломинка в чужом глазу. Сочинения, т. XX, изд. 3-е. Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.-Л., Гос. изд-во, 1927, стр. 465—466.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля (на 2-м Конгрессе Коммунистического интернационала) Сочинения, т. XXV, изд. 3-е. Перепечатано без изменений с 2-го исправленного и дополненного изд., М.-Л., Партиздат ЦК ВКП(б) 1935, стр. 351—355.

Сталин И. В. Вся власть Советам! Сочинения, т. 3, М., ОГИЗ, Гос. изд-во политической лит., 1946, стр. 297—299.

Сталин И. В. Доклад по национальному вопросу (на VII (Апрельской) конференции РСДРП (большевиков) 24—29 апреля 1917 г.) Сочинения, т. 3. М., ОГИЗ, Гос. изд-во политической лит., 1946, стр. 49—57.

Сталин И. В. О революционном фронте. Сочинения, т. 3, М., ОГИЗ, Гос. изд-во политической лит., 1946, стр. 300—304.

Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане, Ташкент, Партиздат ЦК КП(б)Уз., 1940, Инст. истории компартии при ЦК КП(б)Уз. (Фил. ИМЭЛ).

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс под ред. Комиссии ЦК ВКП(б)., М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1946.

ОСНОВНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА XVI-XX вв.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., ЦИК СССР, 1925.

Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870—15 декабря 1917). В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 481—555.

Библиографический указатель литературы по Кара-Калпакии. Академия наук СССР, Совет по изучению производительных сил, серия каракалпакская, вып. 8, М.-Л., 1935.

Библиография. В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Тр Историко-археогр. инст. и Инст. востоковедения, Материалы по истории народов СССР, Л., 1932, стр. 492—503.

Буров Н. А. и **Гаррицкий А. А.** Краткий библиографический указатель лит. по Туркестану. Ташкент, ТуркЭКОСО, 1924.

Виткинд Н. Я. Библиография по Средней Азии. Указатель лит. по колониальной политике царизма в Средней Азии, под ред. А. В. Шестакова. Тр. Научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина, вып. IV, М., 1929.

Вознесенская Е. А. и **Пиотровский А. Б.** Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, Л., Академия наук СССР, 1927.

Городецкий В. Д. и **Городецкая М. Н.** Библиография Туркестана, т. 1, Ташкент, 1913.

Дмитровский Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 по 1870 г. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 181—251.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910. (Жилище, одежда, музыка, искусство, хозяйственный быт). Записки Русского географического общ. по отделу этнографии, т. 40, в. 1, СПб., 1913.

Масальский В. Указатель главнейших источников и пособий по Туркестанскому краю. В кн.: Туркестанский край. «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб, 1913, стр. 780-803.

Межов В. И. Библиография Азии. Указатель книг и статей на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам, т. I—III, СПб, Главный штаб, 1891—1894.

Межов В. И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемый по поручению К. П. Кауфмана В. И. Межовым. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранных языках к «Туркестанскому сборнику», т. 1—3, СПб., 1878—1888.

Пенкина З. М. Закаспийский край, 1865—1885. Систематический сборник библиографических указаний книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб, 1888.

Пономарев А. И. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках. В кн.: Материалы по истории Кара-Калпакии. Тр. Инст. востоковедения, т. VII, Л., Академия наук СССР, 1935, стр. 257—278.

Семенов А. А. Указатель персидской литературы (XV—XX вв.) по истории узбеков в Средней Азии. Тр. Библиографической комиссии при СНК Туркреспублики, Ташкент, 1926.

Указатель главнейших источников и пособий по Азиатской России. Азиатская Россия, т. 3, СПб, 1914.

Федоров Е. Библиография нелегальной литературы революции 1905 г. в Средней Азии. Изд. Ср-Аз. комитета по делам музеев и охране помятников старины, искусства и природы, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 280—292.

Чеканинский И. А. Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. Записки Семипалатинского отдел. Общ-ва изучения Казахстана, т. 1, 1929, вып. 18, стр. 105—109.

Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, т. 1—591.
Единственный экземпляр в количестве 591 тома хранится в Государственной публичной библиотеке УзССР и представляет собрание печатных источников и исследований на русском и иностранных языках.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА (XVI—XX вв.)

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России, изд. 2-е, Л., 1925.

Берг Л. С. История исследования Туркмении. Туркмения, т. I, Л., Академия наук СССР, 1929, стр. 73—121.

Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1928 г.), Л., Академия наук СССР, 1929.

Богданов М. И. Обзор экспедиций естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 гг. Тр. Арало-Каспийской экспедиции, в. 1, СПб, 1875.

Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы, т. 3, СПб, 1902—1903.

Мушкетов И. Туркестан, т. 1, СПб, 1886.
То же. Изд. 2-е, СПб, 1915.

Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845—1895, ч. 1-III, 1895.

Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Записки Русского географического общ., кн.. V, 1851, стр. 268—353.

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА (XVI —первая половина XIX вв).
Источники

Aboul-Ghazi Behadour-Khan, Histoire de Mogols et de Tatares par Aboul-ghäzi Behadour-Khan, publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. --2 vols. St-Ptb 1871 et 1874.

Абдул-Гази. Родословная история о татарах, переведенная на французский с рукописные татарские книги, сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северные Азии, с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук (Василием Третьяковским), т. II, СПб, 1768.

Абул-Гази. Родословная тюркского племени. Пер. проф. Казанской духовной академии Г. Саблукова, Казань, 1854.

Абул Гази. Родословное древо тюрков. Соч. Абул-Гази, хивинского хана, Пер. и предисловие Г. С. Саблукова, Изв. Общ.археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, в. 5—6, 1908; т. XXII, в. 6, 1906:

Abulghasi Bachadür Chani Historia mongolorum et tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et manificentiä illustrissimi Comitis Nicolai de Romanzof fimperii Russici Cancellarii Supremi. Casani 1825.

Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schrifften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G.V. Helmersen—.Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. XVII, St.-Ptb 1852

Baber Zehir-ed-Din Muhammed. Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, Emperor of Hindustan, written by himself, in the jaghatai turki and translated partly by John Leyden, partly dy William Erskine. London 1826

Бабер. Записки. Пер. с джагатайского языка С. И. Полякова, Ежегодник Ферганской обл., т. III, Новый Маргелан, 1904.

Бабур-Захир-ад-Дин. Бабур-намэ. Записки Султана Бабера, изд. в подлинном тексте Н. Ильминского, Казань, 1857.

Baber Zehir-ed-Din Muhammed. Memoires de Baber, fondateur de la dynastie mongole dans L'Hindoustan. Traduits pour la première fois sur le texte djaghatai par A. Pavet de Courteille. Vol. 1-2. Paris, 1871.

Baber Zehir-ed-Din Muhammed, Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, emperor of Hindustan, written dy himself in the chaghatai-turki and translated by John Leyden and William Erskin. Annoted and revised dy sir Lucas King in 2 vol. London 1921.

Бабур-Захир-ад-Дин. Бабур-намэ. Пер. и предисловие М. Салье, Звезда Востока, Ташкент, 1946. № 3, стр. 49—78; № 4—5, стр. 134—152; № 7—8, стр. 109—119; № 10—11, стр. 133—152.

Basiner Th. F. Naturwissentschaftliche Reise dürch die Kirgisensteppe nach Chiwa, St-Ptb , 1846. (Beiträge zur Kenntn. d. Russ. Reiches. Bd XV)

Базинер Ф. Путешествие через киргизские степи в Хиву в 1842—1843 гг., доктора философии Базинера. Туркестанские ведомости, 1873. №№ 31, 46.

Бартольд В. В. Извлечения из Тарихи-шахрохи. Записки Восточного отдела Русского археологического общ., т. XI, стр. 105—114.

Беневени Ф. (Реляции из Бухары). В кн.: Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. Записки Русского географического общ., т. IX, 1853, стр. 237—318.

Беневени Ф. Дневник пребывания в Хиве (на итальянском языке), там же, стр. 319 —424.

Бланкеннагель. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг. с примечаниями В. В. Григорьева. Вестн. Русского географического общ., т. XXII, 1858, стр 87—116.

Богословский 2-й. Записка о долине Зеравшана и горах, ее окружающих. Горный журн., 1842, кн. X, ч. 2, стр. 1—206.

Борис А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 32 и 33 гг. лейтенантом ост-индской службы А. Борнсом. Ч. III, М., 1848—49.

Бурнашев Т. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1796 г. Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским, СПб, 1818, ч. 2 и 3, стр. 37—110.

Бутенев К. Заводское дело в Бухарии. Горный журн., 1842, кн: X, ч. IV.

Бутенев К. Монетное дело в Бухарии. Горный журн., 1842, кн. XI, ч. IV, стр 154—163.

Бутенев К. Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарии. Горный журн., 1842, кн. XI, ч. IV, стр. 168—175.

Boukhary Mir Abdoul Kerim. Histoire de L' Asie Centrale (Afghanistan. Boukhara Khiva, Khokand) depuis les dernières années du reigne de Nadir-Chah (1153) jusqu'en 1233 de l' Hégire (1740—1818) Publiée. traduite et annotée par Charles Schefer. Paris 1876.

Вамберн А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамбери. М., 1867, второе издание, 1874 г.

Вяткин В. Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию Султана Бабура Мирзы. Справочная кн. Самаркандской области на 1896 г., вып. IV, отд. IV, 1897, стр. 30—37.

Гладышев. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханыковым, СПб., 1851.

То же. Географические известия. 1850, 2, стр. 519—599.

Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. Записки Русского географического общ., кн. V, 1851, стр. 62—153.

Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (Документы). Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т.1, СПб., 1871, стр. 197—506.

Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с английского П. В. Готье, Л., 1932, стр. 167—215.

Jenkinson A. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other englishmen. Edited by E. D. Morgan and C. A. Coot-London, 1886.

Ефремов Ф. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб, 1786.

То же, изд. 2-е, СПб, 1794.

То же, изд. 3-е, Казань, 1811.

Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. Военный сборн., т. XXVI, 1861, № 11, стр. 41—92.

Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. Русский вестник, 1871, № 2 и 3. стр. 421—474; 42—82.

Иванин М. И. Описание зимнего похода в Хиву 1839—1840 гг. Выступление из Оренбурга отряда в ноябре 1839 г., СПб, 1874.

Иванов П. П. История царствования Сейид Мухаммед-хана (1856—1865). Гульшен-и девлет. Соч. Мухаммед-Риза мираба Агехи. В кн.: Материалы по истории каракалпаков, Тр. Инст. востоковедения, т. VII, М.—Л. 1935, стр. 135—143.

Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева, СПб, 1897.

Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в., т.1, Тексты, М.—Л., 1938.

Известия англичан о России XVI в. Пер. с английского, с предисловием С. М. Середонина. Чтения в Императорском общ. истории и древностей российских при Московском университете, 1884, кн. 1. Путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару. Стр. 36—56.

Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейид-Мухаммед-хана 1856—1860. Записки Русского географического общ., 1861, кн. 1, стр. 95—108.

То же. Этнографический сборн. СПб, 1862, вып. 5, стр. 1—14.

К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана. Сообщил А. Добросмыслов. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 14, Ташкент, 1910, стр. 69—81.

Макшеев А. И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю (1848—1853). СПб, 1896.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Изд. 4-е, т. 1—2, СПб., 1898—1900, изд. 5-е, 1904—1905.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, Тр. Инст. востоковедения, т. XXI, М.—Л., 1938.

Иранские, бухарские и хивинские источники XV—XIX вв.

Meyendorff G de. Voyage d'Orenbourg a Boukhara en 1820 a travers les steppes qui s'etendent a l'Est de la mer d'Aral et au-dela de l'ancien Yaxartes. Revue par M. le chevalier Amedée Joubert. Paris, 1826.

Мирза-Шемс Бухари. О некоторых событиях, в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861.

Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. 1—2, М., 1822.

Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Под наблюдением и с предисловиями А. Н. Самойловича, издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1908.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии, Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 гг. СПб., 1821.

Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным на посольство в Бухару, Балх и Юргенч, для выкупа русских пленных, с приложением к наказу статейного списка о совершении Пазухиным посольства 1669—1673 гг., под ред. А. Н. Труворова, Русская историческая библиотека, т. 15, СПб., 1894, стр. 1—51.

Нияз-Мухаммед-бен-Ашур Мухаммед. Тарихи-шахрухи. История владетелей Ферганы. Изд. Н. Н. Пантусов (на персидском языке), Казань, 1885.

Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам за 1871—1904 гг., СПб, 1872—1906.

Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии. Записки Русского географического общ., 1849, кн. III, стр. 176—216.

Очерк внутренней торговли Киргизской степи. Сборник сведений по Министерству финансов, СПб, 1867, № 8 и 9.

Пальмов И. Н. и Пономарев А. И. Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке. В кн.: Материалы по истории каракалпаков, Тр. Инст. востоковедения, т. VII, М.— Л., 1935, стр. 145—255.

Пантусов Н. Фергана по «Запискам» Султана Бабура. Записки Русского географического общ. по отделу этнографии., т. VI, стр. 153—199, СПб., 1884.

Поспелов и Бурнашев. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., с примечаниями Я. Ханыкова. Вест. Русского географического общ., кн. 1, ч. 1, отд. VI, 1851, стр. 1—56.

Поспелов и Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно, в 1800 г. (Выбрано из бумаг г. г. шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова), Сибирский вестн., изд. Гр. Спасским, 1818, ч. 4, стр. 183—252

Потанин Н. Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.), с предисловием П. Савельева, Вестник Русского географического общ., т. 6, ч. 18, 1856, стр. 255—289.

Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобращением разных известий о Хиве с отдаленных времен до ныне. Журн. Министерства внутренних дел. кн. 12, 1839, стр. 373—385.

Савельев П. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву. Географические известия, 1849, вып. 4, стр. 157—171; вып. 5, стр. 206—212.

Самойлович А. Н. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях. Материалы по истории каракалпаков, Тр. Инст. востоковедения, т. VII, М.— Л., 1935, стр. 91—134.

Северцов Н. А. Месяц плена у коканцев. С картою низовьев Сыр-дарьи, СПб 1860.

Серебрянников А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания (1840—1852), т. 2—8, Ташкент, 1912—1914.

Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620 — 1622 гг.). Сборн. князя Хилкова, СПб, 1879, стр. 388—445.

Татаринов А. Семимесячный плен в Бухарии. СПб, 1867.

Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л., 1932, стр. 97—342.

Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843.

Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 гг. С введением и объяснениями В. В. Григорьева, Чтения в Общ. истории и древн. российских, кн. 1, 1861.

Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею. Дипломатические приложения, Сборн. князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 446—579.

Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями И. Березина, Казань, 1849.

Die **Scheibaniade.** Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen. Von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Uebersetzung und Noten von H. Vambery. Wien-Budapest, 1885.

Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Nebst einem Wortverzeichniss aus der Afghanischen Sprache begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von H. Lichtenstein. Berlin, 1822.

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА (XVI в.— первая половина XIX в.)

Исследования

Аленицын В. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 г. Записки Русского географического общ. по отделу этнографии, т. VI, СПб,, 1879.

Alimcan H. Muhammad Amin Muqimij —Ozbekistan adabijati va san'ati. 1933, №7-8

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического инст. в 1926/27 учебном году, Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. История Туркестана. Тр. Туркестанского гос. университета, вып, 2, Ташкент, 1922.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914.

Бартольд В. В. Новый источник по истории Хорезма. Изв. Узбек. филиала Академии наук СССР, 1941, № 2, стр. 59—61.

Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Изв. Туркестанского отделения Русского географического общ., IV, Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 2, Ташкент, 1902.

Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. Записки Русского географического общ. по отд. этнографии, т. 34, 1909, стр. 293—308.

Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи, как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв. Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, 1940, стр. 203—274.

Вамбери А. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным историческим источникам. Пер. А. И. Павловского, т. 1—2, СПб, 1873.

Вамбери А. Очерки Средней Азии. М, 1868.

Веймарн Б. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940.

Веймарн Б. Регистан в Самарканде. М., 1946.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1—3, СПб, 1863—1866.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765), т. 1—2, Уфа, 1853—55.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. Тр. Восточного отд. Русского археологического общ., ч. II. 1856, стр. 326—370.

Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские. Тр. Восточного отд. Русского археологического общ., ч. IV, 1859, стр. 328—456.

Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве. Вест. Русского географического общ.; кн. XVIII; 1856.

Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.) Журн. Министерства народного просвещения, 1891, № 1, стр. 48—72.

Веселовский Н. И. История Востока. Лекции, читанные проф. СПб университета Н. И. Веселовским, курс III, СПб, 1893.

Веселовский Н. И. Лекции по истории Востока, читанные проф. СПб университета Н. И. Веселовским. Просмотрены В. В. Бартольдом, СПб, 1910.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877.

Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII в XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. Журн. Министерства народного просвещения, СПб, 1884, № 7, стр. 68—105.

Веселовский Н. И. Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве, 1669—1670. Туркестанские ведомости, № 20, 1882.

Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803 гг.), Изв. Ср. Аз. отдел. Русского географического общ., т. XVIII, 1928, стр. 9—26.

Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная кн. Самаркандской обл., вып. VII, 1902, стр. 1—83.

Вяткин В. Л. Ферганский мистик Дивана-и-Машраб. Сборн. Туркестанского восточного инст. в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, стр. 24—34.

Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари. В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 3—20:

Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов, Ташкент, 1912.

Гейнс А. К. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов). В кн.: Его же: Собрание литературных трудов, т. II, СПб; 1898; стр. 431—535.

Григорьев В. В. Еще о коканских монетах и событиях. Изв. Русского археологического общ., т. IV, 1863, стр. 60—71.

Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. Записки Русского географического общ., 1861, № 2, стр. 105—138.

Григорьев В. В. Современные монеты Коканского ханства. Тр. Восточного Отд. Русского археологического общ., ч. II, 1856, стр. 113—118.

Gulam I. Ozbekistanda maddij madanijat asarlarni saqlaş va organiş jolida. Taşkent 1934

Денике Б. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939. с илл.

Денике Б. П. Искусство Средней Азии М., 1927.

Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. вып. 6. Ташкент, 1912.

v К. XIX asr ortalarida Buxara, Xeva va Qoqan xanliqlari. Kommunist, Taşkent, 1939, № 2, b 60-70

Жуковскки С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Тр. Общ. русских ориенталистов, № 2, II, 1915.

Залесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарою с 1830 по 1843 гг. Военный сборн. 1862, кн. 27, стр. 3—46.

Захарьин И. П. (Якунин) Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. 1—2. СПб. 1901.

Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л. 1940.

Иванов П. П. Архив хивинских ханов. Новые источники для истории Средней Азии XIX в. Записки Инст. востоковедения Академии наук СССР, вып. VII, М.— Л., 1939, стр. 5—26.

Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825. Источники и опыт их исследования. Тр. Инст. востоковедения Академии наук СССР, кн. 12, М.— Л., 1937.

Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство. К истории их взаимоотношений в начале XIX в. Записки Инст. востоковедения Академии наук СССР, вып. VII, М.— Л., 1939, стр. 92—128.

Иванов П. П. Материалы к изучению истории каракалпаков. Кара-Калпакия. Тр. 1-й конференции по изучению производительных сил ККАССР, т. 1, Л., 1934, стр. 178—199.

Иванов П. П. Новые материалы по истории Средней Азии (по поводу открытия архива хивинских ханов). Историк-марксист, № 3, 1937, стр. 220—222.

Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков. Сборник, Тр. Инст. востоковедения, т. VII, М.— Л., 1935, стр. 9—89:

Иванов П. П. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии, Записки Инст. востоковедения Академии наук СССР, т. VI, М.— Л., 1937, стр. 27—59.

Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву (1716—1717 гг.), Исторический журн., 1940, № 7, стр. 40—51.

Ковалевский С. А. Пути Дженкинсона в 1558 г. от Мангуслов до Узбоя и по нему. Изв. Всесоюзного географического общ., т. 42, вып. 6, 1940, стр. 819—823.

Lerch P. Khiva oder Kharezm, Seine historischen und geographischen Verhältn se St.-Ptb 1873. Mit einer Karte v n Khiva.

Маллицкий Н. Г. К истории Ташкента под кокандским владычеством. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год. 4, Ташкент, 1900, стр. 126—137.

Маллицкий Н. Г. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 4, Ташкент, 1898, стр. 158—177.

Массон М. Е. Регистан и его медресе. Ташкент, 1926. То же. Изд. 2-е, Самарканд, 1929:

Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Небольсин П. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). Записки Русского географического общ., т. X, СПб, 1856.

Панков А. В. К истории торговли Средней Азии XVI—XVII вв. Общ. для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Ташкент, 1927.

Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725. Торговля с Бухарой, Изв. Ср Аз. географического общ., т. XIX, Ташкент, 1929, стр. 47—58.

Покровский С. П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти до национального размежевания среднеазиатских республик. Бюлл. САГУ, вып. 16, 1927, стр. 39—58; вып. 17, 1928, стр. 31—58.

Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, СПб, 1853. То же. Записки Русского географического общ., т. IX, 1853, стр. 237—424.

Рузибоев Салимджан. Эски Самарканд (Старый Самарканд). Гулистан, 1941, № 3, стр. 22—24.

Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Под ред. и с примеч. П. М. Гутьяра, Оренбург, 1896.

Рычков П. И. Топография Оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Петром Рычковым, ч. 1—2, СПб, 1762.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Семенов А. А. Забытый среднеазиатский философ XVII в. и его «Трактат о сокрытом». Изв. общ. для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. 1, Ташкент, 1928, стр. 137—183.

Семенов А. А. К истории бухарских мангытов. Бюлл. САГУ, № 6, 1924, стр. 162—164.

Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего бухарского ханства. Тр. САГУ, серия II, вып. 1, Ташкент, 1929.

Semjonov A. A. Ozbekstannin badij hunarmandciligi toqrisida tarixij ocerk — Ozbekistan adabijati va san'ati, 1938. № 7—8, стр 106—115

Semjonov A. A. Ozbek klassik muzikasi. Ozbekistan adabijati va san'ati, 1939. №2 стр. 160—167

Семенов А. А. Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в. Изв. Узб. Филиала Академии наук СССР, 1940, № 12, стр. 52—62; 1941, № 3, стр. 37—48.

Соловьев М. Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана. М.—Л., 1936.

Умняков И. И. Абдулла-намэ Хафизи Таныша и его исследователи. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930, стр. 307—328.

Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Академии Наук СССР, Л., 1932, стр. 61—68.

air Muqimij (поэт Мукими) Gulistan, 1937, № 3, стр. 18—20.

Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России с Среднею Азиею до начала XIX столетия. Средняя Азия, альманах, Ташкент, 1895, стр. 1—57.

Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.

Шишкин В. А. Города Узбекистана. Ташкент, 1943.

Шубинский П. П. Очерки Бухары. Исторический вестник, 1892, кн. 7, стр. 118—142; кн. 8, стр. 363—389; кн. 9, стр. 628—648, кн. 10, стр: 99—123:

Ёкуб Хомил. Захириддин Мухаммад Бобир (1483—1530). Соц. фан ва турмуш, Тошкент, 1940, № 12,стр. 6—9.

Ёкубов Хомил. Захириддин Мухаммад Бобир. Узб. адабиёти ва сан'ати. 1941, № 2, стр. 24—49.

Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА
(вторая половина XIX в.— 1917 г.).

Источники

Абрамов И. Ф. Положение об управлении Туркестанского края (Свод законов, т. II, изд. 1892, по прод. 1912, 1913 и 1914) с разъяснениями Правительствующего сената (гражданского кассац., уголовного кассац., общего собрания, 1-го и 2-го департаментов) приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора и инструкциями и правилами по отдельным частям управления. Ташкент, 1916.

Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка. Кауфманский сборник, М., 1910, стр. 1—19.

Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 1, СПб, 1872, стр. 117—133.

Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г. с приложением очерка «Хозяйства сартов Туркестанского уезда Сыр-Дарьинской области». М., 1924.

Вербовский В. Т. Положение об управлении Туркестанского края. Составлено по официальному изданию 1892 г., продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг. и узаконениям, обнародованным в Собрании узаконений и распоряжений правительства до 1-го июня 1911 г. Ташкент, 1911.

Вирский Н. М. Дюрткульская волость. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской волости Самаркандской области. Справочная кн. Самаркандской обл., вып. III, 1896, стр. 47—204.

Вирский Н. М. Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным поземельно-податных работ, с 13 статистическими табл. Справочная кн. Самаркандской обл., вып. X, 1912, стр. 1—67.

Вощинин В. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений, под ред. Г. Ф. Чиркина, П. 1915, т. XIV, 502 стр.

Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб, 1911.

Геппенер С. А. Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, вып. I—V, Новый Маргелан, 1897—1912.

Гирс Ф. К. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса, б. м. и г.

Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского ханства, составленное Генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное генерал-майором Галкиным, ч. I—II, Ташкент, 1902—1908.

Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой (Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханства), ч. 1—3, Ашхабад, 1913.

Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, проведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи. Материалы изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи, вып. I, II, 1915.

Каплун Б. Н. Положение об управлении Туркестанского края. С указаниями, опубликованными по октябрь 1903 г., решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего положения, циркулярами и приказами Туркестанского генерал-губернатора, разъясняющими отдельные статьи этого положения. Ташкент 1903.

Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет чл. Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ по командировке летом 1903 г. СПб, 1903.

Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867—25 марта 1881 г. СПб, 1885.

Книзе А. И. Хлопководство и правительственные мероприятия по его улучшению и развитию в среднеазиатских владениях России. СПб, 1911.

Колокольцев. Экспедиция в Хиву в 1873 году. От Джизака до Хивы. Походный дневник, СПб, 1873.

Костенко А. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. I—III, СПб, 1880.

Кушакевич А. А. Аксакальство и кишлаки полуоседлых узбеков и число юрт в них. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 1, 1872.

Лобачевский В. Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912.

Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. Записки Русского географического общ. по отд. статистики, II, 1871; стр. 1—60.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг., вып. I—III, ЦСУ Туркреспублики, Ташкент, 1924—1925.

Материалы для описания хивинского похода 1873 года, составленные под ред. Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого, вып. I—XI, Ташкент, 1881—1882.

Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915.

Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной Степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской обл. Ташкент, 1914.

Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской обл. Ташкент, 1912.

Материалы по киргизскому землепользованию, Ферганская обл. Андижанский уезд. Ташкент, 1913.
То же. Наманганский уезд. Ташкент, 1913.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинской и Сыр-Дарьинской областях, вып. 1—2, Ташкент, 1915.

Неровецкий В. И. Обзор Яны-Курганской волости, Самаркандского уезда, в экономическом и бытовом отношениях. Справочная кн. Самаркандской обл., вып. V, 1897, стр. 163—194.

Обзор Самаркандской области за 1887—1908. Самарканд—Ташкент, 1888—1910.

Обзор Сыр-Дарьинской области за 1885—1914. Ташкент, 1886—1916.

Обзор Ферганской области за 1884—1913. Новый Маргелан (Скобелев), 1889—1916.

Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, 18, вып. СПб, 1910.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 89 т., СПб, 1899—1905 гг. (Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, под руководством Н. А. Тройницкого, т. XXXIII, Самаркандская обл., т. XXXVI, Сыр-Дарьинская обл., т. XXXIX, Ферганская область).

Половцев А. А. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб, 1898.

Положение об Управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. Полное собрание законов Российской империи, т. VI, СПб, 1888, № 2814, стр. 318—344.

Положение переселенческого дела в коренных областях Туркестана: Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской. Вопросы колонизации, 1913, вып. 13, стр. 353—365.

Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб, 1867.

Проект положения об управлении Туркестанского края, составленный в 1902—1903 гг. Комиссией под председательством тайного советника Нестеровского, Б. м. 1903.

Проект положения о Туркестанской области по военно-народному управлению. Б. м., 1866.

Рассмотрение законопроекта о дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем в Государственной Думе и Государственном Совете. Вопросы колонизации, 9, 1911, стр. 251—459.

Самойлович А. Два отрывка из Хорезм-намэ. Записки Восточного отд. Русского археологического общ., т. XIX, вып. 1, 1909, стр. 078—083.

Серебрянников А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания 1864—1866 гг., т. 17—22, Ташкент, 1914—1916:

Ситняковский Н. Ф. Заметки о бухарской части долины Зеравшана. Изв. Туркестанского отд. Русского географического общ., т. I, вып. 2, 1899, стр. 121—178: Приложение: Список арыков и населенных пунктов бухарской части долины Зеравшана, стр. 180—314.

Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. Записки Русского географического общ. по отд. статистики, т. IV, 1874, стр. 161—454:

Статистические сведения по Сыр-Дарьинской обл. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 1, СПб, 1872, стр. 1—132.

Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России. (с приложениями). Записки Русского географического общ. по отд. статистики, т. IV, 1874, стр. 1—129, приложено 18 таблиц.

Юферев В. Хозяйство сартов Ферганской обл., Ташкент; 1911.

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА (вторая половина XIX в.— 1917 г.)

Исследования

Азиатская Россия т. 1—3, СПб, 1914.

Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889, СПб, 1889.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, 1896, вып. III и IV, стр. 277—456.

Арустамов А. И. Историко-географический очерк Шахризябского района Бухарской обл. Сборн. работ студенческих научных кружков Узб. госуд. университета, вып. 1, Самарканд. 1940, стр. 1—10.

Балков В. Кустарно-ремесленная промышленность Средней Азии. История, современная организация и перспективы мелкой промышленности; Ташкент, 1927.

Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. Хлопковое дело, 1924; кн. 11; стр. 3—13.

Белявский Материалы по Туркестану, Б. м. (1889). Содержание: 1) Исторический очерк распространения русской власти в Средней Азии; 2) Устройство управления и суда в Туркестанском крае, 3) Финансовое положение Туркестанского генерал-губернаторства; 4) Очерк развития русских военных сил и их управления в Туркестане.

Боголюбов А. А. Ковровые изделия Средней Азии. Из собрания, составленного А. А. Боголюбовым, т. 2, СПб, 1908—1909.

Бродовский М. Технические производства в Туркестанском крае. Приложение к промысловому альбому Туркестанского края, составленное и изданное по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана 1-го. СПб, 1875.

Бунаков Е. В. К вопросу о сношениях России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. Советское востоковедение, вып. II, 1941, стр. 5—26.

Венюков М. Россия и Восток. Сборник географических и политических статей, СПб, 1877.

Верещагин В. В. От Оренбурга до Ташкента. Всемирный путешественник, № 5, 1874.

Верещагин В. Самарканд. Русская старина, № 9, 1888.

Вирский М. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской обл. Справочная кн. Самаркандской обл., вып. У, 1897, стр: 63—92

Вощинин В. Очерки нового Туркестана Свет и тени русской колонизации. СПб, 1914.

Гаврилов М. Ф. Остатки ясы и юсун у узбеков. Ср.-аз. музей, Ташкент, 1929.
Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб, 1868.
Гейер И. И. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908.
Гейер И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.
Гейер И. Туркестан, изд. 2-е, исправленное и допол. автором; с дополнительной статьей «Семиреченская область», составленной А. Л. Кирснером, Ташкент, 1909.
Григорьев В. В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время. СПб, 1876.
Гребенкин А. Д. Узбеки. Туркестанские ведомости, 1871, №№ 29, 30, 39—42. То же в кн. Русский Туркестан, сборн. под ред. В. И. Троцкого, вып. 2, М., 1872, стр. 51—109.
Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873. года. Действия кавказских отрядов. СПб, 1883.
То же. Изд. 2-е, СПб, 1888.
Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб, 1909.
Губаревич-Радобыльский А. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами в Азии. СПб., 1912:
Губаревич-Радобыльский А. Ф. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб, 1905, 201 стр.
Гулямов Я. Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом. Изв. Узб. филиала Академии наук СССР, 1941, № 4, стр. 81—82.
Демидов А. Экономический очерк хлопководства и хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. Изд. 2, М., 1926.
Диваев А. А. Промыслы и занятия туземцев азиатского города Ташкента. Туркестанские ведомости, 1901, № 33.
Дмитриев-Кавказский Л. По Средней Азии. Записки художника, СПб, 1894.
Дмитриев С. С. Народы царской России и национально-колониальная политика царизма в 1860—80 годах. История СССР, т. II, Россия в XIX в., М., 1940, Средняя Азия, стр. 672—680.
Дмитриев С. С. Средняя Азия в половине XIX в. Завоевание Средней Азии. История СССР, т. II. Россия в XIX в., М., 1940, стр. 536—554:
Dodonov J. K Ozbekistanda burzua millatciligi revolutsijasinin, ba'zi etaplari toqrisida. „Kommunist", Tşakent, 1940, № 9, b. 63—83.
Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, политическом, экономическом и бытовом значении. Под общей ред. П. П. Семенова, т. X, Русская Средняя Азия (Закаспийский край, Туркестан и Киргизские степи), СПб, 1885.
Житов К. Е. и **Непомнин В. Я.** От колониального рабства к социализму. (К 15-летию образования Узбекской ССР). Партиздат ЦК КП(б)Уз, Ташкент, 1939.
Житов К. Е. Краткий очерк истории Узбекской ССР. Ташкент, 1947.
Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб, 1873.
Иванов П. П. Кара-Калпакия. (Статья из подготовленного издания «Народы СССР»). Советская этнография, 1940, IV, стр. 23—54.
Иванов П. П. Новые данные о каракалпаках. Советское востоковедение, т. 3, М.-Л., 1945, стр. 59—79.
Калмыков А. Хива. Прот. Туркестанского кружка любителей археологии, т. XII, 1908, стр. 49—71.
Калужин А. Ф. К истории завоевания Узбекистана царской Россией. Сборн., посвященный XV-летию Узбекистана. Тр. Узб. государственного университета, т. XVI, Самарканд, 1939, стр. 109—124.
Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.
Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб, 1905.
Кирпичников Н. А: Краткий очерк некоторых туземных промыслов Самаркандской обл. Справочная кн. Самаркандской обл., V, 1897, стр. 110—162.
Книзе А. И. и **Юферев В. И.** Хлопководство. История возникновения и развития хлопководства в Туркестане, Азиатская Россия, т. 2, СПб, 1914.
Корш Ф. Е. Классификация турецких племен по языкам. Этнографическое обозрение, 1910, № 1—2; стр. 114—127.
Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб, 1870.
Котляр П. Как проводились выборы в Туркестане в местное управление и в Государственную Думу. Ташкент, 1947.

Крестовский В. В гостях у эмира бухарского (путевой дневник). СПб, 1887.
Кулданов К. А. К вопросу о междуведомственной и дипломатической переписке перед завоеванием Хивы. Сборн., посвященный XV-летию Узбекистана, Тр. Узб. государственного университета, т. XVI, Самарканд, 1939; стр. 151—162.
Kuldanov K. A. Xevaniŋ zabt qilinişi, „Kommunist". Taşkent, 1940. № 2. b. 60—70.
Кун А. Л. Очерки Кокандского ханства, Изв. Русского географического общ., т. XII, 1876, стр. 59—70.
Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. Изв. Русского географического общ., т. X, 1874; стр. 47—58.
Кун А. Культурный оазис Хивинского ханства. Туркестанские ведомости, 1874, № 2, 3, 9, 11, 12.
Кун А. Очерки Шахризябского бекства. Записки Русского географического общ., отд. этнографии, т: VI, 1880, стр: 201—237.
Кушева Е. Н. Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии. (Сб. материалов для истории завоевания Туркестанского края 1908—1915). Проблемы источниковедения, сб. 3, М., 1940, стр. 409—421.
Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-ые годы XIX в. Исторический сборн., вып. 3, М., 1934, стр. 133—162.
Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и статистического описания Ферганской обл., т. I—III, Новый Маргелан, 1890—1901.
Лобысевич Ф. И. Описание хивинского похода 1873 г. По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода, под председательством б. нач. Полевого Штаба, под ред. генерал-ад'ютанта В. Н. Троцкого, СПб, 1898.
Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников), СПб, 1900.
Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1—2, СПб, 1911.
Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб, 1909.
Лыкошин Н. Ишаны (ташкентские). Сборн. материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл., Ташкент, 1899, стр. 116—150.
Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, П., 1916.
Лященко Н. История народного хозяйства СССР, т. 1, М., 1939.
Маев Н. А. Азиатский Ташкент. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 1, СПб, 1872, стр: 260—313.
Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. Очерки горных бекств Бухарского ханства. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. V, СПб, 1879, стр. 77—332.
Макшеев А. М. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. СПб, 1890.
Малаховский Н. И. Производительные силы Туркестана, вып. 1, СПб, 1909.
Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. С изменениями и доп. автора, пер. барона К. Ф. Таубе, СПб, 1880.
Масальский В. И: Туркестанский край. Россия. Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. т. XIX, СПб, 1913.
Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская обл., Бухара и Хива) и его будущее. СПб, 1892.
Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины, с приложением «Химических исследований почв и вод» К. Шмидта, пер. с немецкого В. И. Ковалевского, СПб, 1872.
Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник, Ферганская обл., т. III, 1904, стр.1 — 56.
Наливкин В. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
Непомнин В. Я. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940.
Оглоблин В. Н. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях (Из путевых заметок). Русское экономическое обозрение, М. 1900, № 11, стр. 63 — 94; № 12, стр. 78 — 119.
Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы, вып. 1—3. Ташкент, 1890 — 1895.

О некоторых технических производствах в Туркестанском крае. Русский Туркестан. Сборн. под ред. В. Н. Троцкого, вып. II, М., 1872, стр: 194—272.

Павлов С. и **Рабинович М.** Кокандское восстание (1875—1876 гг.) Борьба классов, 1936; № 4, стр. 47—56.

Пашино П. И. О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области. Изв. Русского географического общ., т. Ш, 1867, стр. 120 — 139.

Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки, СПб, 1868.

Петровский Н. Ф. Очерки Кокандского ханства. Вестник Европы, 1875, кн. 10 стр. 722 — 757.

Понятовский С. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. СПб, 1913.

Попов А. Л. Борьба за Среднеазиатский плацдарм. Исторические записки, 1940. № 7, стр. 182 — 235.

Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «Кривом зеркале» М. Н. Покровского. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского, вып. 2, М., 1940, стр. 210—390.

Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии. Исторические записки. 1940, № 9, стр. 198 — 242.

Пославский И. Т. Бухара. Описание города и ханства. СПб, 1891.

Радлов В. Средняя Зеравшанская долина. Записки Русского географического общ. по отд. этнографии, т. VI, 1880, стр. 1 — 93.

Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения его с Российской империей. Под ред. Д. П. Красновского, Ташкент, 1922.
В приложении — Статистические даты и декументы, договоры с Бухарой 1868, 1873, 1885, 1888, 1918, 1921 гг.

Ростиславлев М. П. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестане. СПб, 1879.

Рябинский А. М. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией. Тр. Военно-политической академии Красной Армии, сб. 4, М.— Л., 1940, стр. 175 — 221.

Семенов А. А. Ковры русского Туркестана. По поводу издания «Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного Боголюбовым» Этнографический обзор, 1911, № 1 — 2, стр. 137 —176.

Симаков Н. Е. Искусство Средней Азии, Сборник среднеазиатской орнаментации, исполненной с натуры. СПб, 1883.

Симонов А. 1. Завоевание Самарканда царизмом. 2. Восстание против царизма в Самарканде. 3. Из истории Октябрьской революции в Самарканде. Тр. Узб. государственного университета. Новая серия, № 10: История, вып. 1, Самарканд., Узб. гос. университет, 1940, 27 стр.

Соболев Л. Н. Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем. (Военно-статистический очерк). Военный сборн., 1873, кн. 5. стр. 127 —164,:

Сорокин Н. В. Природа и человек Средней Азии. Исторический вестник, 1887, № 10, стр. 547; 1888, № 7, стр. 116 — 123; 1889, №№ 6 и 7, стр. 562 — 596, 85 —118.:

Субботин А. Л. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб, 1885.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, с картами и планами, т. 1 — 3, СПб, 1906.

Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб, 1876.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб, 1875:

Федченко А. П. В Кокандском ханстве. Изв. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, вып. 7, М:, 1875:

Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда (с картой Зеравшанской долины). Изв. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. VIII, вып. 1, М., 1876.

Фиолетов Н. Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией (XVI — XX вв.). Исторический журн., 1941, № 3, стр: 68 — 69:

Хорошхин А: Народы Средней Азии: Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 303—330.

Хорошхин А. П. Сборн. статей, касающихся до Туркестанского края. СПб, 1876.

Gzaplicka M. A. The turks of Central Asia in Hisfory and at the present day. An ethnological Jnquiry into the Pan-Tura nian Problem, and bibliogra-

phical materias relating to the early turks and the present turks of Central Asia. Oxford 1918.

Шарова П. П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1916 гг. Историк-марксист, 1940, кн. 6, стр. 90—102.

Шарова П. П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. Исторические записки, 1940, № 8, стр. 3—36.

Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб, 1908.

Шкапский О. А. Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900.

Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Сборн. материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл., кн. XI. Ташкент, 1904; кн. XII, Ташкент, 1905.

Юферев В. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ XIX — XX вв.

Источники и исследования

Айни С. Материалы по истории революционного движения Бухары. Центральное изд-во народов СССР, 1926, (Узбекский язык, арабский шрифт).

imçan H. ham Ujqun. Çadid adabijatiniq sinfij masalasiga, Sotsial Fan va Texnika. Taşkent 1935, №1—2, b. 1—22; №3, b. 1—16

Андижанское восстание 1898 г. в Фергане. (Из истории Средней Азии. Документы с вводной ст. Е. Штейнберга). Красный архив, 1938, т. 3/88, стр. 123—181.

Аникин С. Восстание сапер (воспоминания участника). Библиотечка «Красная звезда», № 9, Ташкент, 1927.

Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборн. документов, вып. 1, Ташкент, 1932.

Джизакское восстание 1916 г. (по поводу набора в действующую царскую армию. Документы с предисловием А. Шестакова). Красный архив, т. 56, 1933, стр. 60—91.

Додонов И. К. Узбекистонда 1917 йил ёзида социал-демократлар харакати. Большевиклар ролининг кучайши. Коммунист, № 9, Ташкент, 1947, стр. 23—33.

Житов К. Е. и Непомнин В. Я. От колониального рабства к социализму (К 15-летию образования Узбекской ССР). Ташкент, 1939.

Зрячкин С. Летопись важнейших революционных событий 1917 г. в Средней Азии (март-декабрь). Историк-марксист, 1941, № 4.

Зыкин В. Под двойным прессом (Восстание в Ташкенте в 1892 г. так наз. «Холерный бунт»). Ученые записки Пермского гос. университета. отд. общественных наук, Пермь, 1931, стр. 315—352.

История гражданской войны в СССР. Под ред. М. Горького, В. Молотова и др., т. 1: Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). Изд. «История гражданской войны», М., 1936.

Лукашевич Г. Материалы Московского архива внешней политики по истории национально-классовой борьбы в Средней Азии и на Кавказе (обзор). Революционный Восток, 1933, № 3—4 (19—20), стр. 264—269.

Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане (Вместо введения), Былое, 1924, стр. 27—28, 238—274.

Миронов П. Джизакское восстание в 1916 г., Звезда Востока, 1946, № 7—8, стр. 120—126.

Муравейский С. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (Опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). Ташкент, 1926.

Nepomnin V. Ja. 1898 jil Andiçan xalq qozgalani. Kommunist, Taşkent, 1939, № 3, b. 73—80

Парфенов В. Восстание в Средней Азии в 1916. Пропагандист, 1938, № 11, стр. 15—18.

Рожанов. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 г.). Составил Отд. корпуса жандармов подполковник Рожанов. СПб, Департамент полиции, 1913, стр. 387—388.

Рудный А. Июльское восстанне в Ташкенте (1906 г.). Исторический вестник, т. 116, 1909, стр. 891—902.

Сальков В. П. Андижанское восстание в 1898 г. Сборн. ст., Казань, 1901:
Силонов А. Февральская революция в Средней Азии. Коммунистическая мысль, Ташкент, 1927, стр. 239—270.
Симонов Н. Ф. Большевистская печать в Туркестане (1902—1913). Ташкент, 1940.
Симонов Н. Ф. К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Туркестане. Изв. Узб. филиала Академии наук СССР, 1941, стр. 11—22.
Симонов Н. Первые маевки в Туркестане. Ташкент, 1940.
Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
Федоров Е. 1905 год и коренное население Туркестана. Новый Восток, № 10—11, 1925, стр. 15—45.
Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (К 10-летию событий). Историк-марксист. М., 1926, 2, стр. 84—114.
Шестаков А. В. 15 лет восстания в Средней Азии. М.— Л., 1931.

В период от Февральской до Октябрьской революции на территории Узбекистана выходили газеты: Знамя свободы (г. Скобелев), Листок телеграмм Ферганских областных ведомостей, Революционная мысль (г. Ташкент), Свободный Самарканд, Туркестан (г. Ташкент), Туркестанские ведомости (г. Ташкент), Туркестанское слово (г. Андижан), Туркестанское слово (г. Ташкент), Наша газета (г. Ташкент).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ЧАСТЬ I

Историография народов Узбекистана с XVI в. до середины XIX в. 9

Глава I. Образование узбекского государства и завоевание узбеками Мавераннахра 21

§ 1. Образование узбекского государства 21
§ 2. Завоевание кочевниками-узбеками Средней Азии 27

Глава II. Узбекские государства в XVI в. 42

§ 1. Хозяйственный и политический строй государства шейбанидов 42
§ 2. Шейбаниды в Мавераннахре 49
§ 3. Культура Мавераннахра в XVI в. 58
§ 4. Хорезм в XVI в. 65

Глава III. Углубление феодальной раздробленности в Узбекистане в XVII в. 72

§ 1. Социально-экономические отношения в Бухарском ханстве 72
§ 2. Политическая история Бухары в XVII в. 82
§ 3. Культура Бухарского ханства в XVII в. 93
§ 4. Хорезм в XVII в. 98
§ 5. Каракалпаки в XVI—XVIII вв. 105
§ 6. Сношения среднеазиатских ханств с Россией в XVII в. 106

Глава IV. Кризис XVIII в. и начало его преодоления 114

§ 1. Экономическое и политическое положение Средней Азии в XVIII в. 114
§ 2. Бухарское ханство в XVIII в. 116
§ 3. Хивинское ханство в XVIII в. 124
§ 4. Каракалпаки в XVIII в. 128
§ 5. Фергана и Ташкент в XVIII в. 131

Глава V. Узбекские ханства в первой половине XIX в. 134

§ 1. Территория и население узбекских ханств 134
§ 2. Хозяйство и социальный строй узбекских ханств в первой половине XIX в. 139
§ 3. Управление и финансы 151
§ 4. Бухарское ханство в первой половине XIX в. 162
§ 5. Кокандское ханство в первой половине XIX в. 168
§ 6. Хивинское ханство в первой половине XIX в. 173
§ 7. Культура Средней Азии в первой половине XIX в. 177

Глава VI. Каракалпаки в первой половине XIX в. 184

§ 1. Хозяйственный и общественный строй 184
§ 2. Каракалпаки под властью хивинских ханов 188

ЧАСТЬ II

Литература и источники по истории Узбекистана от царского завоевания до первой мировой войны 197

Глава VII. Начало экономического и политического проникновения царской России в Среднюю Азию 204

§ 1. Экономические и политические связи России с узбекскими ханствами в XVIII в. 204
§ 2. Россия и узбекские ханства в первой половине XIX в. 213
§ 3. Начало наступления царизма на Среднюю Азию. 222

Глава VIII. Завоевание узбекских ханств царизмом 227

§ 1. Начало военного наступления царизма на Среднюю Азию в шестидесятых годах XIX в. 227
§ 2. Завоевание Ташкента и образование Туркестанского генерал-губернаторства 231
§ 3. Падение независимости Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств 236
§ 4. Окончательное установление границ Туркестанского края и англо-русское соперничество 245

Глава IX. Колониальная политика царизма 253

§ 1. Политика царизма в области администрации и управления 253
§ 2. Экономическая политика царизма в Средней Азии 258
§ 3. Политика в области религии и просвещения 261

Глава X. Социально-экономические отношения в колониальном Узбекистане 266

§ 1. Социально-экономические отношения в Узбекистане в 60—90-х годах XIX в. 266
§ 2. Социально-экономические отношения в Узбекистане с конца XIX в. до 1917 г. 272

Глава XI. Культура и быт народов Узбекистана в колониальный период 289

§ 1. Население и его занятия 290
§ 2. Быт населения 309
§ 3 Религия 323
§ 4. Школа 326
§ 5. Узбекская литература и узбекская музыка 330
§ 6. Архитектура и изобразительное искусство 334

Глава XII. Русская колонизация 339

§ 1. Колонизационная политика царизма в Узбекистане 339
§ 2. Русские поселения в Узбекистане 347
§ 3. Русские города в Узбекистане 350

Глава XIII. Массовое национально-освободительное и революционное движение в Узбекистане 357

§ 1. Народные движения в конце семидесятых и в восьмидесятых годах 357
§ 2. Ташкентское городское восстание 1892 г. 358
§ 3. Андижанское восстание 1898 г. 362

Глава XIV. Революция 1905 г. в Узбекистане 371

§ 1. Узбекистан накануне революции 1905 г. 371
§ 2. Революция 1905 г. в Узбекистане 375

Глава XV. Узбекистан в годы столыпинской реакции (1907—1912) 391

§ 1. Политика царизма в Узбекистане в 1907—1912 гг. 391
§ 2. Узбекистан в годы подъема революционного движения (1912—1914). 397

Глава XVI Бухара и Хива под царским протекторатом 401

§ 1. Бухара 401
§ 2 Хива 414

ЧАСТЬ III

Источники и литература по истории Узбекистана в годы мировой войны и второй буржуазно-демократической революции в России (1914—март 1917 гг.). 423

Глава XVII. Узбекистан перед Февральской революцией 1917 г. 427

§ 1. Узбекистан накануне первой мировой войны 427
§ 2. Усиление национально-освободительного движения в Узбекистане в период мировой войны 429

Глава XVIII. Узбекистан в период Февральской буржуазно-демократической революции (февраль—март 1917 г.) 437

§ 1. Февральская революция 1917 г. в России. Борьба за ликвидацию учреждений царской власти в Узбекистане 437
§ 2. Ташкентский Совет и советы других городов Узбекистана 441
§ 3. Исполнительные комитеты Временного правительства и Комитеты общественной безопасности 443
§ 4. Возникновение большевистских организаций 444
§ 5. Образование Туркестанского комитета Временного правительства и его буржуазно-империалистическая политика 446

Глава XIX. Бухара и Хива в период Февральской революции 448

§ 1. Социально-экономические отношения в Бухарском и Хивинском ханствах 448
§ 2. Восстание туркмен в 1916 г. в Хивинском ханстве 449
§ 3. Свержение власти царизма в России и народное движение в Бухарском ханстве 451
§ 4. Борьба за реформы в Бухарском ханстве 453
§ 5. Борьба за реформы в Хивинском ханстве 455

Указатели 459

Ответственные редакторы—*В. Я. Непомнин и В. А. Шишкин*
Редактор Издательства—*Е. И. Новикова*
Переплет, титул и заставки—худ. *Ошейко*
Технический редактор—*Г. Т. Кобыляковский*
Корректор—*М. Я. Эпельбаум*

***

Р06004. Сдано в производство 12/VII 1947 г. Подписано к печати 3/IX 1947 г. Печатных лист. 32+1 вклейка Учетно-авторских листов 41,5 формат 70×108. Заказ № 593. Тираж 10000. Цена 32 руб. Переплет 3 руб.

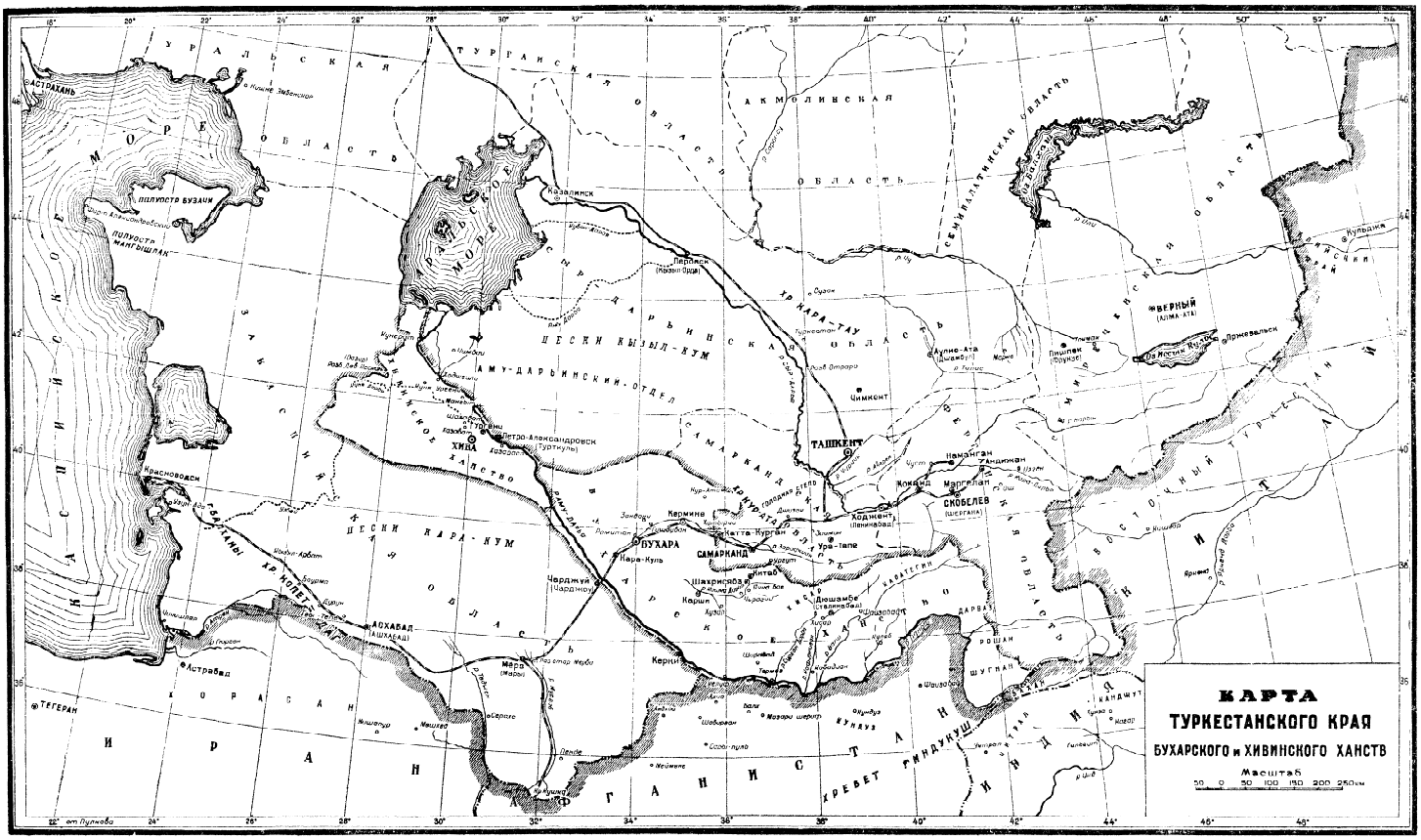
***

Отпечатано в типографии Академии Наук УзССР. Гор. Ташкент

Указатели набраны в типографии № 1 Р02183. Отпечатано в типографии АН УзССР.

Важнейшие опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	2 сверху	1523—1524	1503—1504
11	7 снизу	1785	1758
13	21 сверху	Керминиги	Касани
14	7 снизу	Ienkinson	Jenkinson
15	17 снизу	1800	1820
15	14 снизу	В том же 1800	Еще в 1800
16	7 снизу	Dehmanns	Lehmanns
17	9 снизу	à l'hlstoir gènèrale	à l'histoire générale
19	21 снизу	1925	1825
20	1 снизу	национально-колониальный вопрос	национально-колониальный вопрос"
29	9 сверху	Азиза	Азизана
65	25 сверху	1575	1573
82	18 сверху	1723	1708
82	24 „	процесса феодализма	процесса феодализации
87	19 „	1661	1663
89	9 снизу	эмиров	миров
94	29 „	попытки осмыслить	имелись попытки осмыслить
98	4—5 сверху	Мухаммед-Яраталыка	Мухаммед-Яр аталыка
101	3 „	1687	1686
112	15 снизу	1621	1623
113	9 сверху	697	1697
116	14 снизу	Шахруд	Шахрух
117	5 „	1727	1747
121	12 сверху	Иба-дулла	Ибадулла
131	6 сверху	Куэн-Луня	Цянь-Луня
162	6 снизу (заголовок)	§ 4. Бухарское ханство во второй половине XIX в.	§ 4. Бухарское ханство в первой половине XIX в.
175	4 сверху	Мухаммед-шах	Махмуд-шах
176	1 „	1830 г.	1839 г.
232	20 снизу	Кенесаринсов местно	Кенесарин совместно
276	21 „	*торгового земледелия.*[1]	*торгового земледелия"*
282	3 „	7%	70%
291	17 сверху	при их	в их
339	13 „	1887	1881
362	13 снизу	1/3	1/3
411	21 сверху	Ахмади Оныш	Ахмади Дониш
471	15 „	(см. Кабаклыкская пристань)	(см. Карабалыкская пристань

КАРТА
ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ
БУХАРСКОГО и ХИВИНСКОГО ХАНСТВ
Масштаб
50 0 50 100 150 200 250км
УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ
ТУРГАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
АКМОЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ
СЫРДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ФЕРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЗАКАСПИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
АМУ-ДАРЬИНСКИЙ ОТДЕЛ
САМАРКАНДСКИЙ ОТДЕЛ
ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН
ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАН
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ПЕСКИ КЫЗЫЛ-КУМ
ПЕСКИ КАРА-КУМ
ПЕСКИ БОЛЬШИЕ БАРСУКИ
ПЕСКИ МАЛЫЕ БАРСУКИ
ХРЕБЕТ ГИНДУКУШ
ИРАНСКОЕ НАГОРЬЕ
ИНДИЯ
АФГАНИСТАН
ПЕРСИЯ
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
БУХАРА
САМАРКАНД
ТАШКЕНТ
ХИВА
ВЕРНЫЙ (АЛМА-АТА)
ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСК (ТУРТКУЛЬ)
ПОЛУОСТРОВ БУЗАЧИ
ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК
ЧАРДЖУЙ (ЧАРДЖОУ)
АШХАБАД (АШХАБАД)
КРАСНОВОДСК
АСТРАХАНЬ
ТЕГЕРАН
МЕРВ (МАРВ)
КЕРКИ
ТЕРМЕЗ
ШУГНАН
РОШАН
КАНДАГТТ
СКОБЕЛЕВ (ШЕРГАНА)
НАМАНГАН
АНДИЖАН
МАРГЕЛАН
КОКАНД
ЧИМКЕНТ
ПИШПЕК (БУРАЛ)
ПРЖЕВАЛЬСК
КУЛЬДЖА
ЖИЗАК
ДЖИЗАК
ХОДЖЕНТ (ЛЕНИНАБАД)
УРА-ТЮБЕ
КАТТА-КУРГАН
КЕРМИНЕ
КАРА-КУЛЬ
ШАХРИСАБЗ
ДЮШАМБЕ (СТАЛИНАБАД)
ЖИЗАК
ЧИРЧИК
ЧАРДЖУЙ
КЕРКИ
ШИРАБАД
ШАХРИСАБЗ
ЗАРАВШАНСКИЙ ХР.
ГИССАРСКИЙ ХР.
ТРАНСКАСПИЙСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ЗАКАСПИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ОРЕНБУРГ-ТАШКЕНТСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ТАШКЕНТ-ОРСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ТРАНСКАСПИЙСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ЗАКАСПИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ОРЕНБУРГ-ТАШКЕНТСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
ТАШКЕНТ-ОРСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.